

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГБОУ ВО МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Материалы

**X Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева**

14 – 15 мая 2025 г.

Москва, МГППУ

УДК 316.6
ББК 88.5
С69

С69 Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы X Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (14–15 мая 2025 г.). — М.: Издательство МГППУ, 2025. — 677 с. — Текст: непосредственный.

ISBN 978-5-94051-346-9

Рецензенты:

Вачков И.В., доктор психологических наук, профессор;

Слободчиков И.М., доктор психологических наук, профессор.

Сборник материалов десятой – юбилейной Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» содержит результаты исследований и практических разработок, направленных на решение проблем межличностных и социальных отношений в современном обществе.

Специалисты разных стран обсуждают на страницах сборника актуальные проблемы социальной психологии личности, психологии групп, этнопсихологии, киберпсихологии, возрастной и организационной социальной психологии. Большое внимание уделено проблемам социальной психологии образования. Представлены психологические и психолого-педагогические технологии работы с дошкольниками, школьниками, студентами колледжей и вузов.

Сборник адресован психологам, педагогам и другим специалистам, на профессиональном уровне решающим задачи оптимизации и повышения эффективности межличностного и межгруппового взаимодействия между людьми.

ББК 88.5

ISBN 978-5-94051-346-9

© ФГБОУ ВО «Московский государственный
психолого-педагогический университет», 2025

Оглавление

ПРЕДИСЛОВИЕ	21
Абалмасова А.Д. Роль детско-родительских отношений в развитии самооценки подростка.....	22
Абдулина Ю.А. Особенности профессиональной идентичности и удовлетворенности трудом у операторов системы-112.....	25
Агам А.Й., Кочетков Н.В. Психологическая близость чат-ботов и онтологическая уверенность их пользователей.....	28
Адианова О.А., Расходчикова М.Н. Отношение к новым технологиям и открытости к будущему у мужчин и женщин среднего возраста	31
Аксеновская Л.Н., Левина А.В. К вопросу о лидерстве в организационной психологии.....	34
Алигаева Н.Н. Эмоциональный интеллект в цифровом пространстве	38
Андони А.И. Психологические и философские основания изучения дружбы	41
Андриевский А.С., Расходчикова М.Н. К вопросу об учебной мотивации и интерактивной направленности подростка	44
Андрос А., Сачкова М.Е. Подходы к изучению отношения к научно-техническому прогрессу	47
Анисимова Е.В. Социоцентрированный подход к изучению эмпатии как компонента общественной культуры.....	50

Артеменко О.А., Кочетков Н.В. Психологическое благополучие и социально-психологическая адаптация людей, увлеченных онлайн-покупками.....	53
Арчакова А.Е., Николаева Н.О. Связь выраженности черт расстройств аутистического спектра с особенностями пищевого поведения.....	56
Бабанин П.А., Ратов Т.Ю. Сравнительный анализ мотивационных особенностей студентов очного и дистанционного обучения.....	59
Бабаян Д.Т., Сачкова М.Е. Проблемное использование интернета и самооотношение у подростков	62
Балева М.В., Алоян М.К. Влияние красоты лица на распознавание нарциссических черт российскими и туркменскими студентами	65
Баранова А.С. Современные реабилитационные технологии в детском оздоровительном лагере	68
Басанова Е.Е., Алейникова К.И. Влияние типа привязанности на проявление копинг-стратегий	71
Белых Е.В., Тихонова С.С., Маркелова Т.В. Психометрическая адаптация методики «Death Anxiety Scale-Extended» Donald I. Templer et all: Item-анализ.....	74
Белякова А.И., Кожухарь Г.С. К вопросу о взаимосвязи коммуникативных качеств и когнитивных искажений в интернет-общении	76
Берлянд Ю.Б. Социально-экономические детерминанты профессионального выгорания педагогов в период 1917–1950 гг.: ретроспективный анализ.....	79

Березина У.И., Кочетков Н.В. Квадроберы: возможные причины появления и популярности	82
Берилова Е.И. Социальное окружение как ресурс преодоления выгорания у спортсменов старшего юношеского возраста	85
Бессонов Д.О., Никитская М.Г. К вопросу о мотивации достижения у интеллектуально успешных подростков	89
Богатеева Л.И. Отношение к экстремальной ситуации у военнотружущих и работников социальной сферы	92
Бондаренко И.Е., Расходчикова М.Н. Связь просоциального поведения с уровнем волонтерской активности у студентов российских вузов.....	94
Борисов Н.И., Кузнецов И.М. Проблема социально-когнитивных предпосылок при формировании политических предпочтений....	98
Борозинец Д.В., Суннатова Р.И. Особенности ценности профессиональной сферы студентов колледжей первого и выпускного курсов	101
Босенко Ю.М. Специфика внутригруппового взаимодействия в профессиональной баскетбольной команде.....	105
Булдакова Е.В., Кочетков Н.В. Половые аспекты переживания ревности и отчуждения от отношений у молодежи	108
Бурякова Д.Н., Хаймовская Н.А. Связь между удовлетворенностью трудом и стратегиями разрешения конфликтов в организации	111
Буш Е.А., Гриценко В.В. Краткий обзор методик для измерения социального цинизма	114

Варлахина И.Ю., Павлова О.С. Мотивация к религиозной конверсии на примере вайшнаивов	118
Васильева И.Е., Кочетков Н.В. Кризис среднего возраста: реальность или вымысел?	121
Васильева И.Е., Ратов Т.Ю., Романов М. Ю., Ткаченко Н.В. К вопросу об атрибутах привлекательной внешности психолога-практика	124
Верещака Л.С. Взаимосвязь потребности в аффилиации и вовлеченности в субкультуры инокультурного происхождения	127
Верич Н.А., Яновская Л.В. Влияние дистанционного обучения на творческий потенциал детей.....	130
Витовская Д.И., Мирошниченко Е.Д., Марарица Л.В. Отношение к работе как фактор изменения в общении у женщин в период раннего материнства	133
Волик А.С. Использование инновационных методов работы в процессе правового воспитания личности	136
Волкова Д.С., Толстых Н.Н. Жизнеспособность как фактор успешной социализации выпускников детских интернатных учреждений.....	139
Волкова Е.Н. Некоторые особенности дружбы подростков в эпоху цифровизации	142
Волкова Н.В., Бордунос А.К., Чикер В.А. Вовлеченность в карьеру как фактор формирования самооценки у представителей различных поколений	146
Воропаева К.А., Мельникова О.Н. Особенности психологического благополучия и переживания одиночества у студентов с разным уровнем интернет-зависимости.....	149

Вукколова М.Р., Денисенкова Н.С. Родительское сопровождение детской медиаактивности в дошкольном и младшем школьном возрасте.....	152
Гаврилова А.А., Кожухарь Г.С. Феномен уверенности личности как фактор эффективности межличностного взаимодействия ...	156
Гильфантинова Д.Р., Трофимова А.Г. Особенности горевания родственников паллиативных пациентов	159
Горелова Д.В., Александрова Е.А. Взаимосвязь актуальной деятельности и профессионального самосознания молодежи.....	161
Гороховская А.А. Особенности экономического поведения современной молодежи	164
Гревцев И.А. Роль субкультур и фэндомов в формировании межличностных отношений и ценностных ориентаций современной молодежи	168
Григорьева С.И., Сидячева Н.В., Рахманова А.Ю. Взаимосвязь типа семьи и удовлетворенности потребности в общении в подростковом возрасте	171
Гумницкая А.С., Маркина Н.В. Типология дефицитно-ресурсных стратегий развития управленческого потенциала	174
Гущина А.О., Расходчикова М.Н. Проявление кибербуллинга в социальных сетях.....	177
Даниленко О.И., Дмитриева Н.Ю. Разрыв дружеских отношений: поиск психологических оснований.....	179
Денисенкова Н.С., Петроченко Е.В. Взаимосвязь социально- психологических характеристик семьи и родительского посредничества медиаактивности дошкольников	182

Дергачёва А.В., Васильева И.В. Взаимосвязь финансовой автономности и показателей благополучия у пожилых людей ..	186
Деринг В.В., Тишкова А.С. Цифровая идентичность и самопрезентация в социальных сетях.....	189
Дзядович Д.А., Крушельницкая О.Б. Связь ценностных ориентаций с уровнем магического мышления и социальной тревожности у студентов	192
Дядькин Г.А. Экстремизм как угроза личностной кибербезопасности в контексте социально-психологического знания.....	194
Егорова А.С., Харченко М.А. Связь учебной мотивации с субъективным восприятием социально-психологического климата в студенческой группе	197
Елистратова Н.Н. Особенности социализации военнослужащих после участия в Специальной военной операции на Украине....	201
Ершова А.А., Коровайченко А.А., Найданова А.А., Николаева Н.О. Осмысленность жизни и личностные особенности у экстравертов и интровертов	204
Ершова А.А., Коровайченко А.А., Найданова А.А. Николаева Н.О. Тревога и осмысленность жизнедеятельности	207
Ефанова А.С., Марарица Л.В. Эмоциональное состояние как фактор успешности убеждения в формате видеоконференции....	209
Ефанова И.В. Представления о добре и зле у детей, воспитывающихся в мусульманских семьях	213
Женухина А.С., Ткаченко Н.В. Взаимосвязь ценностных ориентаций личности и мотивации к волонтерской деятельности	216

Журавлева К.С., Кожухарь Г.С. Семейные отношения как фактор психологического благополучия подростков	219
Забабурин Д.Р. Различия в предпочтениях стратегий переговоров в связи с полом и возрастом.....	221
Задорожный Ф.В., Орлов В.А. Представления старшеклассников и студентов о распределении ролей супругов в молодой семье ...	225
Заерко М.Р, Кузнецов И.М. Сохранность семейных традиций как фактор сформированности этнической идентичности.....	228
Зверовской П., Зверовская Я.П., Орлов В.А. Игровая аддикция и эскапизм: причины избегания реального мира у современной молодежи	230
Зиневич А.В., Пилишвили Т.С. Психологические детерминанты профессионального благополучия IT-специалистов в условиях Agile	234
Иванченко Я.И., Харченко М.А. Особенности переживания смысложизненного кризиса у людей с различным уровнем духовного развития	237
Ивочкина А.И., Сачкова М. Е. К вопросу взаимосвязи идентичности и ценностных ориентаций у старших подростков	240
Ильясова М.С., Расходчикова М.Н. Взаимосвязь уровня социальной тревожности молодежи с думскроллингом	243
Илюшина М.И., Лобанова А.В., Нечаева О.А. Настольная игра «ПедКласс» как средство развития компонентов педагогической одаренности.....	246
Казанцев В.А., Кочетков Н.В. Взаимосвязь проблемного использования интернета и психологической разумности учащейся молодежи	250

Карасева Е.С., Киящук Т.В. Мотивация учителей в современной школе.....	253
Кауненко И.В., Хорозова Л.Ф. Миграционные намерения студенческой молодежи молдаван в транзитивном обществе.....	256
Качевская Е.Н., Майсак Н.В. Предикторы успешного старения	258
Кобер М.А., Филенко И.А. Конформизм и автономия как факторы, опосредствующие выбор стиля принятия решений современной молодежью	262
Козлова А.Э., Шорохова В.А. Взаимосвязь ролевых ожиданий и ценностей современных девушек – жительниц разных регионов РФ	265
Колокольников В.Н., Кожухарь Г.С. Метакогнитивная активность и инновационный потенциал студентов	267
Колтакова А.О., Доронина Н.Н. Особенности социально-психологической адаптации к школе у младших школьников с разным уровнем самооценки	270
Константинова А.К., Шорохова В.А. К вопросу о психологических особенностях подростков, увлекающихся японской анимацией	273
Корнеева Е.Н., Кулакова А.Б. К вопросу психотерапии в работе с агрессивными намерениями студентов юридического вуза.....	277
Косинова Д.И., Кочетков Н.В. Взаимосвязь выраженности инфантилизма и мотивации к обучению в вузе у студентов	279
Костючик Д.А., Блинова Е.Е. Влияние стилей взаимоотношения в семье на личностное саморазвитие супругов	282

Конысбай Т.Е., Аймаганбетова О.Х. Эмоциональное благополучие студентов в условиях академического стресса: теоретический обзор в кросс-культурной парадигме.....	286
Королев М.Н., Крушельницкая О.Б. Взаимосвязь мотивации профессиональной деятельности и социальной идентичности сотрудников в организации	290
Косолапова А.В. Особенности психологической сепарации от родителей современных молодых людей	293
Косыбаева Г.А., Аймаганбетова О.Х. Развитие проэкологического поведения у студентов посредством воспитательного мероприятия в вузе.....	296
Кочарян К.В., Павлова О.С. Факторы субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках.....	299
Кочетков Д.М., Кочетков Н.В. Гендерные особенности взаимосвязи самоконтроля, страха упущенных возможностей и увлеченности видеोगрами	303
Кочетков Н.В. Отчуждение от труда как детерминанта профессионального выгорания.....	306
Красило Д.А., Латыпова Д.Н. Взаимосвязь привязанности к близким людям и самоотношения у студентов	309
Красило Д.А., Михайлова К.Н. Направленности личности у юношей в связи с типом привязанности к родителям.....	313
Крушельницкая О.Б. Ценностно-смысловая основа референтных отношений.....	316
Крушельницкая О.Б., Чеботарева Е.Н. Взаимосвязь профессионального самоопределения и уровня развития субъектности у разностатусных подростков	320

Кудрявцева Е.А. Связь домашнего насилия и качеств близких отношений партнеров	323
Кудряшов Д.П., Кочетков Н.В. Взаимосвязь мотивации гейминга с переживанием опыта потока игроков в онлайн-игры.....	326
Кузьмина М.А., Шульга Т.И. Вовлеченность одиноких женщин в межличностные взаимоотношения	329
Кузьмичев А.В., Харченко М.А. Выраженность агрессивности и макиавеллизма в различных социальных группах	333
Курбонова А.Д., Маринова Т.Ю. К вопросу о критическом мышлении	336
Левина А.В., Александрова Е.А. Тренинг с этнокультурным компонентом как средство повышения психологической устойчивости.....	340
Линников А.А., Красило Д.А. Образ наставника в контексте специфики тревоги молодых людей в период вхождения во взрослость.....	344
Литвищенко Р.Ю. Родительские заперты и ответственность: влияние воспитания и окружающей среды в период детства и юношества на профессиональную ответственность	347
Литвякова Н.Н. Представления мигрантов о детско-родительских отношениях в семье	349
Лобанова А.В., Авидзба Н.Б., Ардзинба В.А. Копинг-стратегии и механизмы психологической защиты студентов гуманитарного и технического профилей	353
Логвинова М.И. Влияние социальной поддержки на уровень стресса у студентов заочной формы обучения, проживающих на	

территориях, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции	356
Логинова Е.М., Литвинова А.В. Профилактика нарушений социально-психологической адаптации пятиклассников из проблемных семей к средней школе	359
Лыу Зыонг Д.Ф. О реинтеграции вьетнамских студентов, обучающихся в России, в профессиональную среду Вьетнама	363
Малахов И.В., Кочетков Н.В., Расходчикова М.Н. Роль мак-установок в формировании альтруистической мотивации у представителей зрелого возраста.....	366
Малахова А.В., Расходчикова М.Н. Понятие «инвестирование» в психологической науке: от экономических моделей к феномену альтруистического инвестирования	369
Малахова Е.С., Поздняков Я.С., Светлова А.А. Возможности изучения мнения учеников психолого-педагогических классов о современных трендах в образовании	371
Малицкая В.Е., Толстых Н.Н. Взаимосвязь субъективного ощущения счастья с социально-демографическими характеристиками женщин среднего возраста	375
Мамарасулова К.У., Ткаченко Н.В. Аккультурационные стратегии как фактор психологического благополучия у мигрантов.....	378
Марарица Л.В., Цигеман-Горенко Э.С. Качество общения лицом к лицу и в формате видеоконференции: экспериментальное исследование	382
Маринова Т.Ю., Попович А.А. Социально-психологическая и профессиональная адаптация молодых педагогов.....	386

Мартынова В.М., Хаймовская Н.А. Взаимосвязь управленческого стиля, особенностей мотивации и конфликтности сотрудников в организации	389
Марьин К.А., Крушельницкая О.Б. Дисфункциональные убеждения как фактор возникновения социальной тревожности	392
Матвеева С.В., Охлопков А.Е. Проявления конфликтности и коммуникативных склонностей в подростковом возрасте.....	395
Матюхина Е.С. Взаимосвязь экзистенциального эскапизма и вовлеченности в субкультуры у современной молодежи.....	398
Маштакова С.В., Рынгач Е.В. Развитие ассертивного поведения молодежи новых (исторических) регионов России методом сказкотерапии.....	402
Медникова М.В., Михайлов А.Э., Маринова Т.Ю., Хаймовская Н.А. Музыка как антидот: новый взгляд на профилактику профессионального выгорания	405
Миронова О.И. Взаимосвязь семейных конфликтов с ранними дезадаптивными схемами у супругов.....	408
Митрухина С.В. Факторы субъективной успешности студентов: обзор социально-психологических исследований.....	411
Михайлова О.Б., Гринева Т.А. Особенности проявления стратегий в конфликте и психологического благополучия у студентов-психологов.....	415
Михайлова О.Б., Корж А.И. Проблема исследований социальной тревожности и уязвимого нарциссизма в социальной психологии	418

Морозов А.В. Личностная мотивация руководителя при совершенствовании организационной культуры.....	422
Мурзина Т.В., Павлова О.С. Специфика родительских установок в межнациональных браках.....	425
Мурзина Ю.С. Психологические подходы к изучению семейного бизнеса	428
Мустафина В.С., Копытина В.А. Взаимосвязь эмпатии и межличностных отношений у студентов-психологов.....	432
Мустафина В.С., Гулягина У.А. Настольно-ролевые игры в коррекции тревожности у молодых людей в возрасте от 23 до 30 лет	435
Натурина Д.А., Делибалт В.В. Запойный просмотр: негативные последствия чрезмерного просмотра видеоконтента.....	438
Нгуен Тхи А.Д., Крушельницкая О.Б. Исследование мотивации профессиональной деятельности персонала организаций России и Вьетнама.....	441
Нестерова А.А. Киберадаптация в сети Интернет: необходимость поиска баланса	444
Нестерова А.А., Покровская Е.С. Отношение к деньгам и субъективное благополучие у студенческой молодежи	448
Низовцова А.Н., Гриценко В.В. Связь межкультурной компетентности и социокультурной адаптации русскоязычных мигрантов в Марокко	451
Новикова И.А., Рушина М.А., Мусинова С.Р. Особенности межкультурной адаптации в России у студентов из Узбекистана и Казахстана.....	454

Орлов В.А. Интерактивная технология формирования профессионально важных качеств у студентов вуза.....	457
Пак В.Ю., Крушельницкая О.Б. Связь мотивации учения студентов с особенностями их отношений в семье и в учебной группе.....	461
Паньков Г.М., Сачкова М.Е. Отчуждение от учебной деятельности и академическая компетентность студентов при разных формах обучения.....	464
Петрушихина Е.Б., Минаева Д.В. Особенности мотивации труда классных руководителей	467
Плотникова К.В., Крушельницкая О.Б. Особенности временной перспективы и мотивации использования интернета у молодежи	470
Позняков В.П. Бизнес-семья как групповой субъект совместной жизнедеятельности	473
Помуран Н.Н. Этнопсихологические детерминанты языковых предпочтений у студентов-лингвистов.....	476
Пустовик В.А., Храмцова Л.М. Пилотное исследование связей черт личности с решением дилеммы в условиях социального взаимодействия	480
Распопова А.С. Взаимосвязь увлеченности компьютерными играми и коммуникативной агрессивности школьников	483
Расходчикова М.Н., Рода Е.Г. Зарубежные и отечественные исследования воспринимаемой социальной поддержки и переживания чувства одиночества у женщин.....	486
Рашитова Л.К. Особенности тревожности у детей из неполных семей.....	490

Рашитова Л.К. Психологическая готовность мужчин к одинокому отцовству	493
Розанов И.К. Сравнение понятий «ценность» и «оценка» в контексте их психологического содержания	497
Романовская Е.А., Расходчикова М.Н. Взаимосвязь копинг-стратегий и уровня удовлетворенности трудом у сотрудников ...	501
Руденко А.О., Фищук Ю.С. Ассоциации эмоций и цвета у современной молодежи	503
Румянцев Е.А., Хаймовская Н.А. Взаимосвязь особенностей корпоративной культуры и мотивации сотрудников в организации	507
Савостьянов И.В., Самигуллин Р.Р. Угроза магического мышления в современном мире.....	511
Сагин Г.А., Чибисова М.Ю. Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте с самоотношением.....	514
Самородов Н.В., Бабанин П.А. Игровое выгорание: констатация феномена и перспективы исследования.....	517
Сахыбаева А.Т., Аймаганбетова О.Х. Психологическая безопасность как предиктор снижения межэтнической напряженности среди молодежи	520
Сачкова М.Е., Семенова Л.Э. Гендерные аспекты одиночества современной молодежи	523
Светлова А.А. К вопросу о сформированности ролевых ожиданий в профессиональной сфере у учеников психолого-педагогического класса	526

Серажетдинова С.Д., Шорохова В.А. К вопросу об особенностях этнической идентичности татарской молодежи	530
Серебрякова Ю.В., Чибисова М.Ю. Структура самоэффективности педагога: кросс-культурная специфика	533
Сидячева Н.В., Иванова Г.А. Проблема эмоционального выгорания у спортсменов.....	536
Сластина В.Б. О профилактике школьного буллинга в подростковой среде	541
Слюсаренко А.М., Сачкова М.Е. Факторы потребительского поведения старших подростков	544
Смольянова Л.А., Хаймовская Н.А. Особенности удовлетворенности браком у представителей разных социальных культур.....	546
Солицев И.А., Кочетков Н.В. Отношение к киноискусству и выраженность эскапизма современной молодежи	549
Степанова А.В., Литвинова А.В. Агрессивное поведение подростков как социально-психологическая проблема	552
Суркова П.А., Кожухарь Г.С. Школьный буллинг как девиантное поведение учащихся	555
Суслина М.С., Орлов В.А. Представления о связи профессиональной идентичности студентов колледжа и стиля педагогического общения.....	558
Темирханова О.В., Крюкова Т.Л. Совладающее поведение жертв навязчивого преследования (сталкинга).....	561
Терехова Е.С. Особенности ожиданий родителей первоклассников относительно профессиональной роли учителя	565

Титова О.И. Возможности учета гендерного типа личности в создании психологически комфортной образовательной среды .	568
Титовец Т.Е. Тенденции развития современного образования ...	571
Ткаченко Н.В., Краснова С.Н. О взаимосвязи эмоционального интеллекта и уровня тревожности у студентов	574
Ткаченко Н.В., Савенкова Ю.Ю. Взаимосвязь статуса и сложности социальной идентичности в контексте социального благополучия.....	578
Ткаченко Н.В., Тарулина Н.В., Можаяева М.В. Проэкологическое поведение в контексте традиционных верований у осетин Нижнего Унала: к постановке проблемы	581
Троицкая Е.А. Связь социального самоконтроля и самоуважения с удовлетворенностью образом собственного тела в подростковом и юношеском возрасте	583
Трушкова С.В., Абаева Р.М. Семейные ценности чеченцев, проживающих в Чеченской республике и в Москве.....	587
Уварова А.Д., Кочетков Н.В. Взаимосвязь академической прокрастинации и осмысленности жизни современных студентов	590
Узойкина А.И., Павлова О.С. Связь способности к смакованию позитивных событий и ценностных ориентаций у молодежи	593
Фоке-Алехин Ф. Doubt and stress as factors for improving learning	596
Хаймовская Н.А., Юшина Н.В. Влияние тренинга межличностного общения и эффективности коммуникаций на самосознание подростка	599

Цыплакова Е.А., Шорохова В.А. Социальные представления о России у мигрантов	602
Чайка Д.М., Бабанин П.А. Эффективность копинг-стратегий у сотрудников различных организаций	604
Чеслин Я.Г., Орлов В.А. Особенности ценностно-смысловой сферы молодых супругов как фактор удовлетворенности брачными отношениями	607
Шейнов В.П. Проблемный комплекс цифровых зависимостей и психологическое неблагополучие	609
Шелонина Л.А., Шорохова В.А. Взаимосвязь между юмором и стратегиями аккультурации у русских эмигрантов в США	612
Ширков Ю.Э. Мода в ценностно-нормативной регуляции группового консенсуса	616
Шнейдер Л.Б. Высшее образование: тандем преподавания и обучения.....	619
Штрикова Д.Б. Взаимосвязи компонентов в структуре профессиональной ментальности	623
Шульга Т.И., Козлова А.Б. Социально-психологические особенности поведения взрослых в ситуации киберагрессии	626
Шупак А., Кочетков Н.В. К вопросу о персонализации животных	629
Щедрина Т.В. Практика применения арт-терапевтических техник в социально-психологическом тренинге	632
Эрикайкина Д.А., Куцазли М.И. Соотношение образа тела и пищевого поведения среди подростков	636

Юденко В.А. Профилактика аутоагрессивного поведения учащихся подросткового возраста в учреждениях образования .	639
Ягубова А.А. Кожухарь Г.С. Переживание субъективного благополучия, оценка самоофективности и самоизменений личности в молодости	643
Яковлева Д.В., Мешкова Н.В. К вопросу об использовании опросника «Светлая триада» на выборке подростков	646
Ярмолюк Р.Р. Развитие эмоционального равновесия: научный подход на стыке психологии и созерцательной практики	648
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	652

ПРЕДИСЛОВИЕ

X юбилейная Международная научно-практическая конференция памяти профессора М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» объединила отечественных и зарубежных психологов, педагогов, специалистов, работающих на стыке различных сфер науки и практики, связанных с общением людей в различных ситуациях социального взаимодействия. Каждый год конференция становится площадкой для обсуждения оригинальных идей и результатов новейших исследований, демонстрирует продуктивные подходы к научно обоснованному решению актуальных общественно значимых проблем.

В сборнике опубликованы результаты научно-практических исследований, посвященных актуальным проблемам социальной психологии личности и группы, социальной психологии образования, этнопсихологии, киберпсихологии, организационной психологии. Многие из них достигнуты в рамках совместной работы дипломированных специалистов с молодыми учеными, в том числе – студентами вузов.

Роль детско-родительских отношений в развитии самооценки подростка

*Абалмасова А.Д.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
abalmasovaad@mgppu.ru*

В последние годы психологическому благополучию людей уделяется большое значение, поскольку здоровое население является гарантом благополучного общества, именно поэтому особого внимания заслуживают вопросы, касающиеся ментального состояния детей и подростков. В современных реалиях подростки сталкиваются с такими трудностями, как растущие психологические нагрузки, социальная нестабильность, высокая степень конформности в социальных сетях. Исходя из этого, проблема формирования самооценки приобретает особую значимость, так как она имеет множество связей с другими психосоциальными компонентами (Абалмасова, 2024).

В системе формирования самооценки человека особую роль играет семья, а если быть более точными, то детско-родительские отношения, так как они оказывают большое влияние на становление личности подростка. Именно для подросткового возраста характерны активные личностные преобразования, формирующие систему самооценки, которая в свою очередь отражает субъективное восприятие собственных качеств, способностей и значимости.

Детско-родительские отношения – это особая система эмоционального и поведенческого взаимодействия между родителями и их детьми, опирающаяся на привязанность, стиль воспитания и уровень эмоциональной вовлеченности ее участников (Мурадян, Карапетян, 2024).

Научные исследования показывают, что неблагоприятные формы внутрисемейного взаимодействия могут способствовать формированию у подростков заниженной или искусственно завышенной самооценки (Никитина, Машкина, 2020). При этом в любой из этих ситуаций будет нарушаться адекватное восприятие себя подростком, что потенциально может привести к проблемам с социальной адаптацией.

Наиболее оптимальными для формирования здоровой самооценки считаются детско-родительские отношения, в основе которых лежит уважение друг к другу, эмоциональная поддержка, поощрение индивидуальности и самостоятельности в ребенке (Абалмасова, 2024). Родители должны выступать в роли поддержки, направляя ребенка в нужном направлении, но при этом давая ему возможность самостоятельно выбирать свой путь.

С целью изучения взаимосвязи между особенностями детско-родительских отношений и уровнем самооценки в подростковом возрасте, было проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 73 подростка в возрасте от 15 до 17 лет: 59% выборки составили представители женского пола. В ходе исследования были использованы: методика изучения самооценки по Дембо-Рубинштейн в модификации А.М. Прихожан, опросник «Подростки о родителях» (POP/ADOR).

Анализ полученных в ходе исследования данных показал наличие слабых, но при этом статистически значимых положительных связей между шкалой «Позитивный интерес» и такими аспектами самооценки, как: «Характер» (критерий Спирмена, $r = 0,39$; $p < 0,05$), «Авторитет у сверстников» ($r = 0,36$; $p < 0,05$) и «Умение много делать своими руками» ($r = 0,35$ при $p < 0,05$). Такой результат демонстрирует, что эмоциональное включение родителей в жизнь подростка способствует укреплению у него уверенности в себе и формированию здоровой самооценки. В данном случае позитивная включенность родителей может служить для подростка внутренней опорой при взаимодействии со сверстниками или принятии самостоятельных решений.

В то же время мы выявили умеренно выраженные отрицательные корреляции между уровнем самооценки и такими шкалами, как «Враждебность» и «Непоследовательность» в поведении родителей. Трактуются это следующим образом: чем выше уровень проявления враждебного и непоследовательного отношения к детям, тем ниже уровень самооценки.

Таким образом подростки, которые подвергаются постоянной критике, игнорированию, эмоциональному давлению со стороны родителей, испытывают ощущение неопределенности и небезопасности (Кузнецова, Расходчикова, 2023). Такие случаи противопоставляются ранее описанным, так как родительская фигура будет отождествляться у подростка не с поддержкой и безопасностью,

а с угрозой, что чревато повышением тревожности и сильным эмоциональным напряжением даже в нейтральных ситуациях.

По результатам проведенного исследования можно сделать вывод, что в системе детско-родительских отношений ключевым фактором становления самооценки подростка является не столько совокупность формальных методов воспитания, сколько эмоциональное содержание этих отношений. Подросткам важно чувствовать принятие со стороны родителей, они должны знать, что их мнение уважают и всегда готовы оказать помощь, не сдерживая при этом их самостоятельность.

Литература

1. *Абалмасова А.Д.* Созависимость в детско-родительских отношениях и формирование аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (15-16 мая 2024 г.) – М.:ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. – 779 с. С.25-28.
2. *Абалмасова А.Д.* Конференция памяти М.Ю. Кондратьева: Актуальные вопросы оптимизации межличностного и межгруппового взаимодействия // Социальная психология и общество. – 2024. Т.15 № 2. - С. 205-213.
3. *Кузнецова А.Д., Расходчикова М.Н.* Взаимосвязь эмоционального интеллекта и гейм-аддикции в подростковом возрасте // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11-12 мая 2023 г.) – М.:ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. – 988 с. С.444-447.
4. *Мурадян А.Р., Карапетян И.С.* Влияние детско-родительских отношений на формирование самооценки подростков // Семнадцатая годичная научная конференция. Социально-гуманитарные науки. Часть II. 2024. С. 272–279.
5. *Никитина А.А., Машикина А.С.* Взаимосвязь самооценки и детско-родительских отношений у подростков // Нижегородский психологический альманах. 2020. Т. 1. №. 1. С. 133-141.

Особенности профессиональной идентичности и удовлетворенности трудом у операторов системы-112

Абдулина Ю.А.

ИП РАН, Москва, Россия

abdulina-youlia-27@yandex.ru

Высокие темпы развития современного мира задают скорость социальной динамики и актуализируют исследования, направленные на понимание закономерностей развития человека и особенностей его адаптации к новым условиям, особенно в сфере профессиональной деятельности.

Под профессиональной идентичностью (ПИ) в научной литературе подразумевают степень принятия человеком выбранной им профессии и себя как ее представителя (Шнейдер, 2001). Проблема ПИ является междисциплинарной, но наибольшую проработку получила в психологических науках, где она рассматривается с точки зрения Я-концепции и самоотношения профессионала (Шнейдер, 2001) или с позиции социальной реализации специалиста (Ермолаева, 2008).

ПИ складывается и развивается в процессе профессионального развития индивида, проходя через ряд кризисов (Ермолаева, 2008; Климов, 2003; Шнейдер, 2001) и отражая уровень его профессионализации, профессиональной адаптации (ПА) и профессионализма в целом (Климов, 2003). В качестве критерия зрелости ПИ часто рассматривают уровень удовлетворенности трудом (УТ), который в свою очередь является и критерием адаптации человека к профессии (Бодров, 2007). Хотя немало работ посвящено изучению ПА и изучению ПИ с учетом УТ профессионала, особенности взаимосвязи ПА и ПИ до сих пор мало изучены, что и определило направление нашего исследования.

Цель исследования: выявить особенности взаимосвязи ПИ, ПА и УТ специалистов.

Гипотеза исследования: для групп профессионалов с разным уровнем УТ характерны специфические особенности ПИ и ПА.

Исследование проводили в 2023 году на базе ГБУ «Система 112» г. Москвы, оно охватило 239 специалистов по приему и обработке экстренных и оперативных вызовов (операторов системы-112) с

разным стажем работы. Респонденты заполняли анкету о своих социодемографических данных и выполняли методики: «Интегральная удовлетворенность трудом» (Фетискин, Козлов, Мануйлов, 2002), «Кто я?» М. Куна и Т. МакПартленда с добавлением вопроса «Кто я в своей профессии?».

По результатам методики «Интегральная удовлетворенность трудом» выборку разделили на три группы: с низкой, средней, высокой УТ (НУТ, СУТ, ВУТ, соответственно). Статистическое сравнение полученных групп по полу, возрасту и стажу испытуемых не выявило различий между ними. Далее мы сравнили ответы испытуемых выделенных групп в методике «Кто я?» с применением частотного анализа и прототипического анализа по методу Вержеса.

Анализ полученных данных показывает, что общим для всех групп является наличие таких понятий в ядре их представлений о себе как профессионале, как «помощник» (отражает основную цель профессиональной деятельности – помощь людям в сложной ситуации), «оператор» (отражает собственно профессию), «коллега» (указывает на важность интеграции и общения внутри коллектива). При этом группы имеют и свои особенности. Так, для специалистов с НУТ ключевой сферой жизни является семья. При описании себя как профессионала-оператора системы-112 они реже других групп дают себе позитивные оценки ($p < 0,01$) и чаще других указывают на свой низкий уровень профессиональной компетентности, эмоциональной устойчивости и эмоционального благополучия, а также на непринятие своих профессиональных обязанностей и профессиональных ролей и на наличие напряженности при их выполнении ($p < 0,001$). По мере увеличения стажа специалистов их ответы все больше акцентируются на описании должности и меньше связаны с основным содержанием операторской деятельности (помощи людям). Профессионалами испытуемые этой группы называют себя только после пяти лет работы оператором. Для группы с СУТ наиболее важными сферами жизни являются семья и дружеские отношения. В «ядро» их представлений о себе как профессионале также входит понятие «профессионал», причем с первого года работы оператором, что указывает на их высокую оценку собственных компетенций и возможностей в профессии. Обращает внимание, что испытуемые этой группы не пишут о стрессе и напряжении при выполнении служебных обязанностей, в отличие от

респондентов с НУТ, и часто упоминают о своем «спокойствии». Характер и частота самоописаний специалистов этой группы претерпевают наименьшие в сравнении с другими группами изменения по мере их профессионального развития. Для группы с ВУТ ключевыми сферами жизни выступают семья и профессия. При описании себя как профессионала специалисты этой группы чаще других позитивно оценивают себя и свою работу ($p < 0,001$). Они реже пишут о недостатке профессионально важных качеств и компетенций, об эмоциональном неблагополучии и непринятии особенностей своей трудовой деятельности ($p < 0,001$). Описания себя как профессионала для испытуемых этой группы претерпевают наибольшие изменения со временем, то включая, то утрачивая упоминание должности, профессионально важных качеств, профессиональных ролей и обязанностей.

Сопоставляя полученные данные об особенностях идентичности испытуемых с разным уровнем УТ, можно сделать выводы об их уровне адаптации к профессии оператора системы-112. На наш взгляд, специалисты с НУТ имеют плохо развитую ПИ и являются неадаптированными к деятельности оператора системы-112 в силу отсутствия интереса к профессиональной деятельности в целом, общего уровня негативного отношения к выбранной профессии, низкой оценки своего уровня профессионализма и высокой напряженности при выполнении своей работы. Группы с СУТ и ВУТ мы относим к адаптированным к профессии оператора системы-112, но отмечаем разную динамику их ПИ, что требует дополнительного изучения, чтобы понять, чем она обусловлена и какие преимущества или недостатки имеет для профессионалов.

Литература

1. Бодров В.А. Удовлетворенность работой как субъективный показатель профессиональной пригодности // Человеческий фактор: проблемы психологии и эргономики. 2007. №3(40). С. 24-26.
2. Ермолаева Е.П. Психология социальной реализации профессионала. М.: Институт психологии РАН, 2008. 347 с.

3. *Климов Е.А.* Пути в профессионализм (Психологический взгляд): Учебное пособие. М., 2003. 318 с.
4. *Фетискин Н.П., Козлов В.В., Мануйлов Г.М.* Социально-психологическая диагностика личности и малых групп. М.: Изд-во Института Психотерапии, 2002. С. 325-327.
5. *Шнейдер Л.Б.* Профессиональная идентичность: монография. М.: МОСУ, 2001. 272 с.

Психологическая близость чат-ботов и онтологическая уверенность их пользователей

Агам А.Й., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
agamamir203@gmail.com, nkochetkov@mail.ru*

За последние годы люди создали множество технологий, который значительно продвинули наш уровень развития. Одним из масштабных открытий стало создание искусственного интеллекта, который позволяет людям искать материал; программировать, писать и даже заменять общение. Чат-боты предоставляют пользователям интернета возможность вести с ним переписку, которая идентична реальному общению. Чат-боты создаются пользователями, которые сами приписывают им определенные характеристики и стиль поведения. Соответственно, те, кто пользуются подобной технологией, могут наделять чат-ботов субъектностью. Данное явление может быть описано феноменом психологической близости с чат-ботами и явлением онтологической уверенности, которое при низких показателях приводит к нарушениям в области восприятия мира человека. Онтологическую уверенность можно определить как уверенность в собственном существовании, в своей идентичности (Коптева, 2010), а психологическую близость – как уровень доверия между людьми, понимают ли они особенности друг друга и готовы ли принять их.

Целью нашей работы было найти связь между двумя феноменами: онтологической уверенностью и психологической близостью с чат-ботами. Чтобы достичь поставленной цели, мы использовали методику

диагностики онтологической уверенности (Коптева, 2011) и шкалу психологической близости (Д. Фелдс). Методика диагностики онтологической близости основывается на теории онтологической уверенности Р. Лейнга и включает в себя такие шкалы, как: «витальные контакты с миром», «витальные контакты с людьми», «ложное Я», «автономность» (Коптева, 2014).

Выборку составили 54 респондента в возрасте от 18 до 25 лет, которые знакомы с технологией чат-ботов и активно пользуются ими в течение недели.

В результате эмпирического исследования мы выяснили, что существует прямая связь между автономией и близостью чат-ботов ($r = 0,439$; $p = 0,001$). Здесь и далее следует отметить, что полученные большие баллы по шкале психологической близости говорят о большой дистанции между человеком и чат-ботом и наоборот. Следовательно, такая связь может объясняться тем, что общение с искусственным интеллектом является предпочтительным для людей с низкой автономией в связи с удобностью и подстраиваемостью ИИ под человеческие потребности, что вызывает зависимость от этой «идеальности».

Исходя из того, что виртуальный и реальный миры противопоставлены друг другу, мы предположили, что существует прямая связь между витальными контактами с миром и близостью с чат-ботами, но оказалось, что эта связь обратная ($r = -0,329$; $p = 0,016$). Это можно объяснить тем, что вышеописанная дихотомия больше не является таковой, и правильнее было бы говорить о смешанной реальности.

Также эмпирическое исследование показало, что существует прямая связь между выраженностью витальных контактов с людьми и психологической близостью чат-ботов ($r = 0,353$; $p = -0,010$). Это свидетельствует о том, что чем теснее общение с ИИ, тем больше проявляется отсутствие интереса к людям. Или же, наоборот – чем меньше интерес к людям, чем больше неудовлетворенность от общения с ними, тем больше люди обращаются к чат-ботам, которые являются удобной заменой офлайн-общению, так как к ним можно обращаться без каких-либо негативных последствий – манипуляций, оценивания и т.п.

Оказалось, что нет достоверно значимой взаимосвязи между выраженностью «ложного Я» и психологической близостью чат-ботов ($r = 0,257$; $p = 0,064$), тем не менее, уровень значимости говорит о том, что тенденция к такой связи наблюдается, соответственно, доказательство наличия (или отсутствия) данной закономерности требует дальнейшей эмпирической проверки.

Итак, чат-боты, формат общения с которыми представляет собой письменную речь, могут восприниматься как своеобразные «интернет-друзья». Такой формат общения может стирать грань между виртуальным и реальным миром за счет четкой имитации речи живого человека. С каждым днем авторы совершенствуют свои модели искусственного интеллекта, что предрасполагает к тому, что степень восприятия их «реальности», а также их субъектность (Цыбикова, 2014) в глазах человека будут расти.

Нами была частично доказана гипотеза о том, что между онтологической уверенностью и восприятием близости чат-ботов имеется связь, что дает материал для продолжения изучения данной проблематики. Можно предположить, что люди, увлеченные общением с чат-ботами, все-таки живут в реальном физическом мире и не относятся к нему хуже, чем остальные. Такие люди могут пользоваться всеми его благами, но при этом быть не очень вовлеченными в социальный мир. Однако неоднозначность данных эмпирического исследования свидетельствует о сложности рассматриваемых феноменов и располагает к более глубокому изучению того, насколько реальным может восприниматься искусственный интеллект.

Литература

1. Карелин А.А. Психологические тесты. М.: Владос, 1999.
2. Контева Н.В. Концепция онтологической неуверенности-уверенности Р. Лэйнга // Развитие личности. 2011. №1. С. 48-60.
3. Контева Н.В. Онтологическая уверенность: конструкт, диагностические методики, перспективы исследования // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2014. №4-1. С. 193-202.

4. *Коптева Н.В.* Онтологическая уверенность как переживание и ее психологическая диагностика // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. №5-3. С. 690-697.
5. *Цыбикова Л.Х.* Субъектификация природных объектов как основа единства человека и природы // Вестник БГУ. 2014. №15. С. 163-166.

Отношение к новым технологиям и открытости к будущему у мужчин и женщин среднего возраста

Адианова О.А., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
aoa20_00@mail.ru

Цифровые технологии расширили и изменили общение людей, их саморазвитие и уровень решения задач. Работа и жизнь стали более цифровыми. Это во многом привело к тому, что в 21-ом веке человек имеет исключительный доступ к цифровым технологиям. Из-за стремительного роста цифровизации данные изменения могут повлиять на психологическое благополучие не только подрастающего поколения, но и людей среднего возраста.

Цифровые технологии представляют собой систему, которая основана на методах кодировки и передачи информации и позволяет совершать много разных задач за короткое время. Цифровые технологии включают смартфоны, облачные сервисы, сайты и интернет (Стебихова, 2018). Цифровизация способна положительно повлиять на процессы в обществе, но при условии ее адекватного использования и учете всех возможных рисков, связанных с ее внедрением во все сферы жизни. Отношение к цифровым технологиям связано с мировоззрением, и ценностями личности, может отражать принадлежность к группе, говорить о принятии или отторжении изменений, проявляться в поведении покупателей и их предпочтениях. Психологическое отношение к цифровым технологиям может быть выражено в социальных представлениях и ожиданиях, которые носят амбивалентный характер. С одной стороны, общество может относиться к цифровым технологиям с тревогой, а с другой стороны,

они могут получать удовольствие от их применения на работе или в повседневной жизни (Нестик, Солдатова, 2017).

Люди среднего возраста часто выполняют работу, связанную с цифровыми технологиями, и являются довольно грамотными в технологическом отношении. При этом до сих пор существует дифференциация в сферах занятости и характере труда, что формирует различия в объемах цифрового капитала, накапливаемого мужчинами и женщинами. Это может влиять на их возможности использовать цифровизацию как социальный лифт (Илимбетова, 2021).

Исследования показывают противоречивые выводы относительно связи отношения к цифровым технологиям и возрастом. Согласно данным по российской выборке больше россиян в возрасте от 45 до 55 лет считают, что технологии улучшают качество их жизни. По сравнению с россиянами в возрасте от 18 до 24. Это может быть связано с тем, что более взрослые люди могут сравнить свою жизнь до и после того, как они начали активно пользоваться цифровыми технологиями. Люди среднего возраста могут иметь более противоречивое отношение к цифровым технологиям. При этом они скорее реже испытывает страх перед использованием новых технологий по сравнению с молодым поколением (Аймалетдинов, Цимбал, 2023; Исследование Яндекс ..., 2023; Кучеренко, 2023).

Наличие противоречий в оценках роли цифровых технологий в нервно-психическом состоянии личности, неясность прогнозов социального поведения взрослого человека, гендерные стереотипы и особенности восприятия технологий разными возрастными группами требуют эмпирического анализа отношения людей среднего возраста к новым технологиям с учетом пола.

Для определения отношения к новым технологиям и открытости к будущему у женщин и мужчин среднего возраста нами было проведено эмпирическое исследование. В качестве респондентов выступили 98 человек: 49 женщин в возрасте 30-40 лет и 49 мужчин в возрасте 30-40 лет.

Исследование носило сравнительный характер и предполагало изучить отношение к новым технологиям и открытости к будущему у женщин и мужчин среднего возраста. Диагностические средства включали: опросник отношения к технологиям Г.У. Солдатовой, Т.А.

Нестика и Е.И. Рассказовой и шкалу открытости будущему в адаптации А.С. Хегай и А.А. Золотаревой и др.

В ходе исследования было выявлено, что в группе женщин технофилия положительно связана с открытостью к будущему. А в группе мужчин отношение к технологиям не связано с открытостью к будущему.

Процедура диагностики оценки отношения к новым технологиям позволила заключить, что в группе женщин статистически выше показатель технофобии ($p = 0,007$). Возможно, это связано с тем, что у мужчин более выражен общий интерес к технологиям.

Процедура диагностики оценки открытости будущему позволила установить, что в группе женщин статистически выше показатель открытости будущему ($p = 0,03$). Женщинам более характерно принятие и открытость по отношению к тому, что может произойти в будущем. В целом они вовлечены в жизнь и планирование, способны строить планы и работать для их достижения.

Перспективами дальнейших исследований может считаться работа, направленная на изучение других предикторов, влияющих на отношение к цифровым технологиям людей среднего возраста.

Литература

1. Аймалетдинов Т.А., Цимбал М.В. Восприятие современных технологий старшим поколением: сравнительный анализ / Т.А. Аймалетдинов, М.В. Цимбал // Цифровая социология. 2023. Т. 6. №. 4. С. 79-94.
2. Илимбетова А.А. Гендерные особенности цифровизации на российском рынке труда // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2021. №. 2. С. 159-175.
3. Исследование Яндекс 360 и НАФИ: тенденции проникновения интернет-технологий и сервисов в жизнь россиян // Аналитический центр НАФИ. 2023. URL: <https://nafi.ru/analytics/otnoshenie-rossiyan-k-tekhnologicheskim-servisam/> (дата обращения: 01.03.2025).
4. Кучеренко К.С. Цифровые компетенции как элемент развития профессионального потенциала населения старшей возрастной

- группы / К.С. Кучеренко // Экономика труда. 2023. Т. 10, № 10. С. 1569-1584.
5. *Нестик Т.А., Солдатова Г.У.* Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов / Т.А. Нестик, Г.У. Солдатова // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т.2. №1. С. 90–118. URL: <http://soc-econom-psychology.ru/engine/documents/document316.pdf> (дата обращения: 11.02.2025).
6. *Стебихова Н.А.* Цифровые технологии в жизни граждан России / Н.А. Стебихова, О.В. Гудкова // Вызовы цифровой экономики: условия, ключевые институты, инфраструктура : сборник статей I Всероссийской научно-практической конференции, Брянск, 21–22 марта 2018 года. Брянск: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Брянский государственный инженерно-технологический университет», 2018. С. 45-47.

К вопросу о лидерстве в организационной психологии

Аксеновская Л.Н., Левина А.В.

*ФГБОУ ВО «СГУ имени Н.Г. Чернышевского», Саратов, Россия
levinaanastasiavitalevna@gmail.com*

Тема лидерства считается одной из центральных в социально-психологических исследованиях организационных психологов, поскольку входит в предмет организационной психологии (Занковский, 2002), однако ученым до сих пор не удалось сформировать единый подход к его пониманию.

В статье рассматриваются такие подходы к лидерству, как ситуационный (Т. Адорно, Ц. Джибб, Т. Хейлин, 1950–1960 гг.), личностный (Р. Манн, Р. Стогдилл, 1970–1980 гг.), интеракционистский (Б. Басс, Ш. Герц, К. Клиффорд, Ц. Миллз, 1970–1980 гг.), гуманистический (Р. Блейк, А. Залезник, Т. Джекобс, Дж. Клегг, Д. Макгрегор, Дж. Моутон, Ч. Менз, Г. Симс, 1970–1980 гг.) и ордерный (Л.Н. Аксеновская, 2007 г.).

Для сравнительного анализа подходов будет применена парадигма (образец) социальной психологии П.Н. Шихирева (Шихирев, 2000) и даны ответы на шесть фундаментальных вопросов, раскрывающих понимание феномена лидерства в организационной психологии.

Первый вопрос, на который важно ответить – вопрос о базовой дисциплине. В основе всех теоретических подходов лежат социальная психология и организационная психология. При этом ситуационный подход в дополнение опирается на исследования групповой динамики и анализ социального поведения в различных контекстах. В личностном подходе значительное место занимают положения когнитивной психологии и психологии личности. Интеракционистский подход базируется на теориях межличностного восприятия и социального обмена. Гуманистическое направление основывается на гуманистической и позитивной психологии. В ордерном подходе центральное место занимают исследования в области этики и духовности.

Второй – вопрос о принципах исследований, проводимых в рамках каждого из подходов. Ситуационный, личностный и интеракционистский подходы ориентированы на принцип объяснения, стремясь понять и описать механизмы лидерства, двигаясь от частного к общему. Гуманистический подход, напротив, исходит из принципа понимания, фокусируясь на смысле и значении лидерства, переходя от общего к частному. Ордерный подход сочетает в себе и принцип объяснения, и принцип понимания, применяя характерный для отечественной науки принцип преобразования.

Третий ключевой вопрос касается методов изучения лидерства. Они варьируются в зависимости от теоретического подхода, отражая различные эпистемологические и методологические ориентиры. Ситуационный подход преимущественно использует количественные методы. Интеракционистский подход интегрирует как количественные, так и качественные методы. Гуманистический подход ориентирован преимущественно на качественные исследования. Ордерный подход, основанный на постмодернистском принципе отказа от конфликта бинарных оппозиций, применяет как количественные, так и качественные методы, включая авторские методы диагностики и изменения лидера.

Четвертый вопрос связан с позицией лидера, членов группы (организации), а также с характером отношений между ними. В большинстве подходов лидер рассматривается как центральная фигура, однако степень его доминирования варьируется. Личностный подход подчеркивает иерархическую структуру, где лидер обладает ключевыми характеристиками и оказывает влияние на пассивных последователей. Ситуационный подход предлагает более динамичную модель, где лидер адаптирует свое поведение в зависимости от условий и характеристик группы. Интеракционистский подход рассматривает лидерство как диадический процесс (Бендас, 2009), предполагая разные уровни взаимодействия между лидером и членами группы. В гуманистическом подходе лидер утрачивает статус доминирующей фигуры, преимущественно занимая позицию учителя (Бендас, 2009), создающего условия для трансформации и самореализации последователей. В ордерном подходе лидер занимает центральное место в ордерной модели организационной культуры и направляет процесс взаимодействия в организации, руководствуясь внутренней системой этических смыслов.

Пятый вопрос – вопрос о предмете исследования. Ситуационный подход изучает влияние контекста и условий на поведение лидера. Личностный подход анализирует индивидуальные качества лидера, определяющие его эффективность. Интеракционистский и гуманистический подходы ориентированы на взаимодействие лидера и последователей, рассматривая лидерство либо как процесс социального обмена, либо как инструмент личностного роста соответственно. Предметом ордерной психологии является ордерная природа духовной психики лидера, детерминирующая процессы его этико-культурного развития (Аксеновская, 2007).

Наконец, шестой вопрос. Роль психолога в личностном подходе сводится к диагностике лидерских качеств с помощью тестов и опросов, в ситуационном – к подбору «гибких» лидеров и разработке стратегий адаптации лидера к изменяющимся условиям. В интеракционистском подходе основная задача – исследовать динамику отношений между лидером и последователями, выявляя механизмы социального обмена. Гуманистический подход предполагает роль наставника, который помогает развивать эмоциональный интеллект и

навыки самоуправления. В ордерном подходе психолог-консультант помогает производить изменения лидера с помощью развития и трансформации его этического компонента личности из СС (существующего состояния) в ЖС (желательное состояние).

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что наиболее прогрессивным на текущий момент представляется ордерный подход. Опираясь на общие базовые дисциплины, он предоставляет психологам наиболее широкий спектр методов исследования, интегрируя качественные, количественные и авторские методы при изучении и развитии лидера. В рамках ордерного подхода удалось учесть как неоднородность отношений лидера и последователей (диадический характер отношений), так и возможность его личностного развития с помощью социально-психологического вмешательства в этико-смысловую систему.

Литература

1. *Аксеновская Л.Н.* Ордерная модель организационной культуры // Москва: Академический проект; Трикта, 2007.
2. *Бендас Т.В.* Психология лидерства: Учебное пособие, СПб, 2009.
3. *Занковский А.Н.* Организационная психология: Учебное пособие для вузов по специальности «Организационная психология». 2002.
4. *Шихирев П.Н.* Современная социальная психология: учебное пособие. Екатеринбург: Деловая книга, 2000.

Эмоциональный интеллект в цифровом пространстве

Алигаева Н.Н.

*ФГБОУ ВО КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия
nigar-0520@mail.ru*

С каждым годом онлайн-коммуникация становится все более доминирующей в нашей жизни. Социальные сети, мессенджеры и виртуальные платформы заменяют традиционные формы взаимодействия, что влияет на нашу способность воспринимать и интерпретировать эмоции, как собственные, так и чужие. В таких условиях возникают новые вызовы для развития эмоционального интеллекта, поскольку многие невербальные сигналы, которые важны для понимания эмоций, могут быть утрачены или искажены.

Влияние цифровых технологий на эмоциональное восприятие и взаимодействие может привести к как положительным, так и отрицательным последствиям. С одной стороны, онлайн-платформы могут способствовать созданию сообществ и поддержке людей с различными эмоциональными проблемами. С другой стороны, анонимность и дистанция могут способствовать агрессии, буллингу и снижению эмоциональной эмпатии.

Эмоциональный интеллект является критически важным навыком в профессиональной среде. В контексте увеличивающейся удаленной работы и цифровых коммуникаций понимание того, как развивать данные навыки в условиях онлайн, становится особенно актуальным. Исследованиям в области киберпсихологии посвятили свои труды Е.В. Занкина, Д.М. Кочетков, Н.В. Кочетков, Д.Ю. Лунева, В.А. Плешаков, Е.И. Сутович, С.И. Тырышкин, С.В. Юдин, М.В. Яковлев и другие.

По результатам исследования Е.В. Родионовой, Т.В. Конюховой, Н.А. Лукьяновой, Е.Т. Конюховой было выявлено, что большинство первокурсников инженерных специальностей демонстрируют низкий или средний уровень эмоционального интеллекта, близкий к минимально допустимому значению (Родионова, Конюхова, Лукьянова, Конюхова, 2022). Е.В. Чердынцева, О.В. Якубенко выявили, что недостаточно развитый эмоциональный интеллект, повышенная тревожность и выраженная агрессивность являются критериями, препятствующими сохранению эмоционального благополучия у молодых людей в условиях цифровизации. Данные проблемы

обусловлены как внутренними, так и внешними факторами. К внутренним факторам относятся индивидуальные особенности участников образовательного процесса и характер детско-родительских отношений. Внешние факторы включают в себя несоблюдение психолого-педагогических требований при использовании цифровых технологий, недостаточное владение педагогами методами, способствующими сохранению здоровья обучающихся, и отсутствие их внедрения в образовательный процесс, низкий уровень психологической культуры у обучающихся, педагогов и родителей (Чердынцева, Якубенко, 2024).

Взаимодействие в виртуальной среде порождает ряд вызовов. Отсутствие невербальных сигналов, таких как жесты, мимика и интонация голоса, может приводить к снижению уровня эмпатии между участниками коммуникации. Кроме того, постоянный поток информации и негативных сообщений в социальных сетях может вызывать эмоциональную перегрузку. Виртуальное общение приводит к изменению способов самовыражения, когда пользователи все чаще прибегают к эмодзи, мемам и текстовым сообщениям вместо живого общения.

Для поддержания и совершенствования эмоционального интеллекта в эпоху цифровизации целесообразно реализовать следующие стратегии.

1. Критичное восприятие информации: необходимо ограничить время, проводимое в социальных сетях, и анализировать эмоциональную реакцию на потребляемый контент.

2. Улучшение коммуникации в онлайн-пространстве: следует проявлять эмпатию, учитывая контекст и эмоции собеседника, а также использовать видеозвонки и голосовые сообщения для более личного взаимодействия.

3. Развитие саморегуляции: регулярно практиковать техники осознанности, четко разграничивать рабочее и личное пространство в цифровой среде, конструктивно реагировать на негативные комментарии и критику.

В настоящий момент наблюдается растущий общественный запрос на подготовку специалистов в области киберпсихологии. Однако данный процесс сталкивается с рядом противоречий: дефицит учебной литературы и ее быстрое устаревание, несоответствие традиционных подходов к подготовке кадров современным требованиям, необходимость расширения профессорско-преподавательского

состава. Для эффективной подготовки специалистов в области киберпсихологии требуется привлечение дополнительных кадров, обладающих знаниями о киберсоциализации личности и динамике киберпространства, в том числе о межличностном взаимодействии в виртуальной среде (Войсунский, 2020; Нозикова, 2022; Сутович, 2024).

Таким образом, исследование эмоционального интеллекта в цифровом пространстве представляет собой необходимый шаг для понимания того, как новые технологии влияют на наше эмоциональное взаимодействие и как можно адаптировать и развивать эмоциональные навыки в изменяющемся мире. Данные исследования могут предоставить ценные идеи для развития образовательных программ, корпоративного обучения и психического здоровья, что в конечном итоге будет способствовать формированию более здорового и поддерживающего цифрового сообщества.

Литература

1. *Войсунский А.Е.* Киберпсихология: современный этап развития // Южно-российский журнал социальных наук. 2020. Т. 21. № 1.
2. *Нозикова Н.В.* Актуальность и перспективы становления педагогической киберпсихологии // Гуманизация образования. 2022. № 2.
3. *Родионова Е.В., Конюхова Т.В., Лукьянова Н.А., Конюхова Е.Т.* Эмоциональный интеллект студентов цифрового поколения: опыт инженерного вуза // Образование и саморазвитие. 2022. Т. 17. № 4.
4. *Сутович Е.И.* Подготовка специалистов в области киберпсихологии: актуальные вопросы // В сборнике: Непрерывное педагогическое образование: национальная специфика и международный контекст. Сборник научных статей. Минск, 2024.
5. *Чердынцева Е.В., Якубенко О.В.* Проблемы сохранения эмоционального благополучия обучающихся в условиях цифровизации образования // Вестник Самарского государственного технического университета. Серия: Психолого-педагогические науки. 2024. Т. 21. № 1.

Психологические и философские основания изучения дружбы

Андони А.И.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

andoni.alexandra@mail.ru

Исследование феномена дружбы является одним из важнейших направлений различных научных дисциплин на протяжении тысячелетий. Психология, философия, социология изучают такие аспекты дружеских отношений, как формирование, динамика, влияние дружбы на психологическое благополучие человека, а также социальные и культурные аспекты данного феномена.

Мы можем отметить, что фундаментальные представления о дружбе были заложены еще в период античности. Слово, означающее дружбу в древнегреческом языке «филия» («philia»), трактуется так же, как «сближение», «любовь», «соединение», и впервые было употреблено Геродотом в контексте союза и мирного договора государств, а не межличностных отношений (Кон, 1980).

Аристотель в своем труде «Никомахова этика» характеризует дружбу как добродетель, являющуюся одной из величайших ценностей в жизни. Выделяются три вида основания дружбы: на приятном, на обоюдной пользе, на одинаковой добродетельности. Последний вид является наивысшим, так как оба друга одинаково добродетельны и желают друг другу блага (Аристотель, 2020).

Эпикур называет дружбу источником радости, считает ее условием для пробуждения «к прославлению счастливой жизни», при этом делая акцент на возникновении дружбы на основании пользы (Кон, 1980, с. 59). Цицерон, в отличие от Эпикура, считает дружбу феноменом, основанном не на выгоде, а на взаимной симпатии. В своем трактате «Лелий, или О дружбе» философ размышляет о качествах хорошего друга. Среди них он отмечает верность, честность, благородство. Также Цицерон выделил следующие правила дружбы: доверять другу, быть с ним искренним, воздерживаться от ссор, быть благотворительным (Никитина, 2011).

В Средние века феодальное общество отличалось иерархичностью и сословным делением, при этом было несколько канонов дружбы: феодально-рыцарский, бытовой (регулирование взаимоотношений

ремесленников и крестьян), духовно-монастырский (регулирование взаимоотношений духовенства).

В эпоху Возрождения дружбу рассматривали в контексте выделения межличностных человеческих отношений на первый план. Английский философ Ф. Бэкон характеризует дружбу как высшую форму взаимоотношений и делает акцент на том, что друзей следует выбирать «тщательно и разумно», поскольку именно с другом человек может быть «просто самим собой» (Кон, 1980; Никитина, 2011).

Эпоха Романтизма ознаменовалась появлением интимной дружбы, которая духовна, наполнена высоким смыслом, является радостью и опорой в трудных ситуациях. Ярким примером являются дружеские отношения А.С. Пушкина в Царскосельском лицее, которые нашли отражение во многих произведениях поэта. Важнейший лейтмотив творчества А.С. Пушкина и данной эпохи в целом – приверженность высоким идеалам юности и дружбы (Никитина, 2011).

Российский филолог и культуролог Д.С. Лихачев в своем труде «Письма о добром» выделяет юношескую дружбу, вспоминая, что настоящими друзьями оказались те, с кем дружба сложилась именно в молодости, характеризуя данный этап жизни личности как «время сближения». Отмечаются такие важные функции дружбы, как поддержка, разделение эмоциональных состояний, избавление от одиночества (Лихачев, 2023).

В психологии изучение феномена дружбы началось с социально-психологических исследований межличностной аттракции. Г.М. Андреева отмечает, что аттракция одновременно является и процессом, и продуктом формирования привлекательности взаимодействующих личностей, а также качеством их взаимоотношений. Выделяются следующие уровни аттракции: «симпатия, дружба, любовь». Важной функцией аттракции является положительное влияние на взаимодействие: облегчается коммуникация, в большей степени проявляется готовность оказать поддержку (Андреева, 2016).

В теории диадического взаимодействия теоретиками необихевиоризма Д. Тибо и Г. Келли была описана поведенческая модель процесса аттракции, где главным условием является взаимный обмен положительным подкреплением (вознаграждением) и отрицательным подкреплением (издержкой). Во время межличностных отношений происходит процесс обмена поощрениями и издержками, а

на качество взаимоотношений влияет сумма получаемых вознаграждений каждым из участников взаимодействия (Андреева, 2001).

В психодинамической теории истоки привязанности и дружбы рассматриваются в потребностях, которые личностью не осознаются. З. Фрейд отмечает инстинктивную природу в различных видах влечения человека и чувстве привязанности, независимо от того, это дружеские отношения, любовь родителей или приверженность идее. В дальнейшем в неофрейдистских концепциях психологи отдают должное наличию у человека конкретных межличностных, коммуникативных потребностей. У. Шутц выделяет три межличностные потребности, которые находятся в определенном соотношении: потребность в любви, контроле и принадлежности. Уровни данных потребностей закладываются в детстве и в дальнейшем определяют коммуникативные способности и общение во взрослом возрасте (Кон, 1980).

Приверженцы символического интеракционизма (Д. Мид, Д. Мак-Колл) отмечают в рамках развития самосознания важность социально-структурных и культурно-символических аспектов межличностных взаимоотношений. Формирование личности происходит только в формате взаимодействия с другими людьми, вследствие чего целью изучения дружеских отношений является психологическая расшифровка содержания данного процесса, поиск ответа на вопрос, почему один человек испытывает привязанность к другому. Межличностная аттракция в данном направлении характеризуется наличием желания установить личные «взаимно активные» отношения на основе положительной привязанности (Кон, 1980).

Анализ различных теорий и концепций показывает актуальность продолжения исследования феномена дружбы в рамках социальной психологии. Мировое наследие философских и психологических трудов отмечает влияние дружеских отношений на развитие личности, социализацию, психологическое благополучие, способность справляться со стрессом и адаптироваться к нормативным и ненормативным кризисам. Исходя из этого, эмпирическое изучение дружеских отношений является необходимым и с теоретической, и с практической точек зрения.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Социальная психология: Учебник для высших учебных заведений. 5-е изд., испр. и доп. Москва, 2016. 363 с.
2. *Андреева Г.М.* Зарубежная социальная психология XX столетия: Теорет. подходы / Г.М. Андреева, Н.Н. Богомолова, Л.А. Петровская. – Москва, 2001. – 286 с.
3. *Аристотель.* Никомахова этика. Москва; Берлин, 2020. 222 с.
4. *Кон И.С.* Дружба. Этико-психологический очерк. – Москва, 1980. 255 с.
5. *Лихачев Д.С.* Письма о добром. Москва, 2023. 160 с.
6. *Никитина Д.В.* Дружба: парадигмы исследования // Вестник Читинского государственного университета. – 2011. – № 12(79). 133-143 с.

К вопросу об учебной мотивации и интерактивной направленности подростка

Андриевский А.С., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
artotev@mail.ru

В подростковый период особую актуальность приобретает изучение учебной мотивации. В это время происходит перестройка внутреннего мира и всей структуры личности человека, что влияет на способ восприятия окружающей действительности. В условиях такой перестройки учебная мотивация может утрачивать прежнюю значимость для подростка. При этом значительную роль играет интерактивная направленность – способность к установлению социальных связей и эффективному взаимодействию с окружающими. Мы полагаем, что выявление взаимосвязи между проявлениями интерактивной направленности и учебной мотивации может открыть возможности для использования этой закономерности на практике. В настоящем исследовании оба аспекта рассматриваются как взаимосвязанные элементы, изменяющиеся при схожих условиях, что

позволяет сформировать целостное представление о процессе личностного и учебного становления подростка.

Теоретическое обоснование влияния учебной мотивации на социальную направленность подростка опирается на актуальные концептуальные модели, предлагаемые исследователями. Согласно теории Л.И. Божович (Божович, 2008), учебная мотивация не является фиксированной установкой, а представляет собой динамическую и развивающуюся систему, тесно связанную с общим формированием личности ребенка. Особое внимание Л.С. Божович уделяет тому, что учебную деятельность определяет не один, а целый комплекс мотивов, находящихся в сложной взаимосвязи: от внешних стимулов (оценок, поощрений, наказаний) до глубоко внутренних – таких, как стремление к познанию и потребность в социальной самоактуализации. Учебная мотивация, по ее мнению, всегда включает и социальные аспекты – например, стремление к одобрению, желание быть нужным, подготовиться к будущей деятельности, – и именно это многообразие мотивов определяет характер учебного поведения. Л.И. Божович подчеркивала, что формирование устойчивой учебной мотивации возможно лишь при создании таких условий, в которых у ребенка развивается осознанное отношение к учению как к значимой личностной и социальной деятельности.

В.В. Давыдов (Давыдов и др., 1979) фокусировался на создании таких условий обучения, при которых мотивация возникает из познавательной потребности самого ребенка. Его подход подчеркивает, что мотивация – не столько причина учения, сколько его результат, если учение построено на основе решения учебных задач и развития мышления.

С.Л. Рубинштейн (Рубинштейн, 2012) рассматривал учебную мотивацию как неотъемлемую часть целостной учебной деятельности, в которой важна не только объективная значимость знаний, но и их личностная осмысленность для ученика. Он подчеркивал, что подлинная мотивация возникает тогда, когда учебная задача становится внутренне принятой и включенной в индивидуальную систему смыслов. Важнейшим условием эффективного обучения он считал осознанность – способность ученика понимать, зачем он учится.

А. Бандура (Бандура, 2000) рассматривает мотивацию как результат взаимодействия внешних, поведенческих и когнитивных факторов,

делая акцент на саморегуляции, моделировании и ощущении самоэффективности. В его концепции мотивация к учению формируется не столько через внешнее подкрепление, сколько через осознание личной способности достичь цели. Он подчеркивает, что ученики активно управляют своим поведением, оценивая ожидаемые результаты и регулируя усилия в соответствии с внутренними стандартами и самооценкой. Важнейшими источниками мотивации становятся наблюдение за успешными моделями поведения, способность предвидеть последствия своих действий, а также самоподкрепление – когда человек вознаграждает или наказывает сам себя, опираясь на собственные ожидания. Центральным понятием является самоэффективность: чем выше уверенность ученика в своих силах, тем выше его мотивация к обучению и способность преодолевать трудности.

Теория С.Л. Рубинштейна объясняет психическую деятельность через внутреннюю активность личности и ее интеграцию с внешним миром, что дает широкий контекст для понимания мотивации и сознания. В то же время, теория А. Бандуры с акцентом на социальное обучение и самоэффективность предоставляет более практические инструменты для анализа влияния окружающих факторов на поведение и мотивацию.

Если обобщить взгляды рассмотренных концепций, можно отметить, что Л.И. Божович и В.В. Давыдов подчеркивали значимость социальных и личностных факторов, включая стремление к одобрению, осознание общественной значимости учения, а также развитие познавательной мотивации через содержание и цели учебной деятельности. С.Л. Рубинштейн и А. Бандура делали акцент на внутренней регуляции поведения, подчеркивая роль личностного смысла, самооценки, самоэффективности и самоподкрепления в формировании устойчивой учебной мотивации. Мы согласны с важностью внутренних факторов, но считаем необходимым обратить внимание на интерактивную направленность подростков – их стремление к установлению и поддержанию социальных связей – как значимый компонент мотивационной сферы. В этом контексте особое значение приобретает саморегуляция, формирующаяся не только индивидуально, но и через социальное взаимодействие, что отмечено в теории А. Бандуры.

Мы предполагаем, что учебная мотивация и интерактивная направленность подростка представляют собой взаимосвязанные аспекты, которые влияют друг на друга и играют ключевую роль в личностном и учебном развитии подростков. Вовлеченность подростка в социальные взаимодействия с окружающими, включая сверстников и учителей, создают важные условия, связанные с учебной мотивацией. Понимание этой взаимосвязи имеет значение для разработки эффективных педагогических и психологических стратегий, направленных на поддержку подростков в образовательном процессе.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Питер, 2008.
3. Давыдов В.В., Драгунова Т.В., Ительсон Л.Б. Возрастная и педагогическая психология: учеб. для вузов. М.: Просвещение, 1979.
4. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Питер, 2012.

Подходы к изучению отношения к научно-техническому прогрессу

Андрос А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alisa.andros@mail.ru*

Сачкова М.Е.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sachkova@list.ru*

XXI век характеризуется беспрецедентной по меркам человеческой истории скоростью научно-технического прогресса (НТП): в настоящее время разворачивается четвертая научно-техническая революция, свидетелем и участником которой выступает каждый. При этом субъективное отношение человека к этому объективному процессу может быть различным.

Взаимовлияние НТП и человека является предметом рассмотрения философии науки и техники, представленной как сциентистскими, так и антисциентистскими течениями: от утопических представлений О. Конта о науке как инструменте создания совершенного общества до предрешиения упадка «технологической» западной цивилизации О. Шпенглером. Дореволюционная русская религиозная философия воспринимала развитие науки и техники как кризис духовной свободы человека; советские авторы, напротив, были оптимистичны в прогнозах. Работы отечественных и зарубежных социологических центров позволяют охарактеризовать отношение к НТП различных категорий населения. Однако психологические механизмы отношения личности к НТП и структура этого отношения остаются малоосвещенной темой.

Согласно подходу Т.А. Нестика и др. (Нестик, Журавлев, 2018), отношение к новым технологиям складывается из когнитивного, аффективного и поведенческого компонентов, основанных на двух шкалах: технооптимизма – технопессимизма (мировоззренческая позиция о роли НТП в обществе), отражающей когнитивный компонент, и технофилии – технофобии (готовность и удовольствие от личного использования новых технологий или их избегание), отражающей аффективный и поведенческий компоненты. Позднее модель была скорректирована так, чтобы рассматривать их не как противоположности, но как отдельные шкалы (Нестик, 2020). Кроме того, была дополнительно введена шкала технорационализма, дефинированного как осознанное отношение к технологиям (Солдатова и др., 2021).

Данная модель, в первую очередь, практически ориентирована: задавая понятийную рамку (закрепляя определенные значения за терминами и фиксируя ключевой аспект о нетождественности отношения на уровне оценки роли науки и технологий в обществе и на уровне оценки готовности к личному использованию технологий), она позволяет осмыслять результаты эмпирических данных, осуществляя их категоризацию. В то же время с теоретико-методологической точки зрения ее можно назвать только первым шагом к созданию обладающей объяснительной силой общей психологической концепции отношения к НТП и новым технологиям, поскольку используемые шкалы выведены индуктивно, но не приведены в единую систему.

Само содержание понятия «отношение» в контексте изучения отношения к НТП не получало глубокого рассмотрения, подразумеваясь общеупотребительным. Как можно предположить, это связано с тем, что данное исследовательское направление зародилось в рамках социологии с прикладными целями, вследствие чего был депроблематизирован внутренний (собственно психологический) компонент, и в фокус попала лишь внешняя составляющая, срез на момент времени. Исследование феномена отношения к НТП в ключе психологического подхода требует его повторной проблематизации.

Концепция отношений В.Н. Мясищева сращивает оба омонимических значения слова «отношение», присутствующие в русском языке: относиться определенным образом (отношение как позиция) возможно к тому, с чем находишься в определенных отношениях (отношения как связь). Отношение зарождается, опираясь на безусловные рефлексy, формируется в ходе социализации и реализуется в системах сознательного, «второсигнального» мышления (Мясищев, 1995). Человек как субъект обладает возможностью занять определенную позицию касательно событий и явлений, сформировать личное отношение к ним. «Отношение» понимается как оценка, выражающая пристрастность, субъективность личности (Ломов, 1984). В ходе интеграции жизненного опыта формируется многомерная динамическая система субъективно-личностных отношений. Отношение к НТП, таким образом, представляет собой одно из измерений таковой системы и требует рассмотрения в ее контексте.

Отношение находится на стыке объективного и субъективного, поскольку существует между субъектом отношения и объектом отношения; отношение начинается с того, что объект отражается в сознании субъекта, ему придается определенное содержание (Мясищев, 1995). Изучение отношения к НТП не может фокусироваться только на индивидуальных свойствах человека: нужно учитывать также субъективное понимание явления, выступающего для данного человека объектом его отношения.

На основании вышесказанного можно обозначить перспективы изучения психологических механизмов отношения личности к НТП как в теоретическом, так и в практическом ключе. Необходима теоретическая проработка структуры отношения к НТП в его разных аспектах, определения его места в системе отношений личности. С

практической точки зрения это подразумевает важность исследований, ориентированных на субъективный мир личности. В первую очередь, представляют интерес взаимосвязи с субъективно-личностными характеристиками: установками, ценностно-смысловыми ориентациями, эмоциональной и мотивационной направленностью личности.

Литература

1. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
2. *Мясищев В.Н.* Психология отношений. Москва–Воронеж, 1995.
3. *Нестик Т.А.* Отношение к новым технологиям и ценностные ориентации россиян // Организационная психология и психология труда. 2020. Т.5. №4.
4. *Нестик Т.А., Журавлев А.Л.* Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т.39. №5. С. 5–14.
5. *Солдатова Г.У., Нестик Т.А., Рассказова Е.И., Дорохов Е.А.* Психодиагностика технофобии и технофилии: разработка и апробация опросника отношения к технологиям для подростков и родителей // Социальная психология и общество. 2021. Т.12. № 4. С. 170–188.

Социоцентрированный подход к изучению эмпатии как компонента общественной культуры

Анисимова Е.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anisimovaev@mgppu.ru*

Эмпатия как компонент культуры общества рассматривается в социоцентрированном подходе в контексте личности переживающего другого. Механизмы эмпатии и ее компоненты, по мнению авторов данного направления, сосредоточены уже не на эмпатирующей

личности, а на объекте эмпатии – переживаниях другого человека. Такая центрированность на другом позволяет человеку, оказывающему эмпатическую поддержку, не просто понять и прочувствовать, но и воссоздать внутренний мир переживающего другого, основанный на восприятии ситуации с его точки зрения и позиции.

Важная роль при изучении эмпатии как компонента общественной культуры в социоцентрированном подходе отводится системе общественных отношений. Именно социум является необходимым условием формирования и функционирования эмпатии как фактора, отвечающего за эффективность межличностных коммуникаций (Анисимова, Крушельницкая, 2023). Так, Б.Х. Бгажноков писал: «Культура эмпатии закреплена в определенных общественных институтах, задачей которых является формирование на уровне ценностных установок и последующее воспроизведение сочувственного, понимающего, эмоционально окрашенного сознания и поведения» (Бгажноков, 2003). Выделяя эмпатию как отдельный компонент культуры общества, автор подчеркивал, что именно данный феномен отвечает на социальном уровне за способность индивида оказывать социальную поддержку, «...лишь благодаря эмпатии, как личностно усвоенной культурной особенности, для индивида на уровне межличностных отношений становится возможным заботливое отношение и помогающее поведение» (Бгажноков, 2003).

Разбирая подробнее аспекты общественной культуры, обратимся к исследованию K.L. Pike, в котором выделяются «этик» и «эмик» элементы, обуславливающие социокультурные факторы развития эмпатии (Pike, 1967). Этические аспекты представляют собой такие универсальные социальные феномены, как формы поведения, представления и чувствования, свойственные различным культурам. Эмические аспекты отвечают за уникальность данных феноменов в определенной культуре. Согласно мнению автора, эмпатия, имея уникальную структуру способна сочетать как «эмик» аспекты (эмпатия может быть содержательно центрирована на определенных социальных объектах), так и «этик» аспекты (представители разных культур будут способны на проявления эмпатии) (Лебедева, 2017).

Таким образом, опираясь на представление о том, что эмические аспекты отвечают за содержательную основу эмпатии как компонента

общественной культуры, можно сделать вывод, что на социальном уровне эмпатия встраивается в систему культурных норм, правил и ценностей, открывая для человека возможность оказывать социальную и эмпатическую поддержку и иные формы помогающего поведения.

В заключение обратимся к концепции Л.С. Выготского о культурно-исторических основах развития личности, которая рассматривает культуру как важное условие для ее нормального формирования и последующего функционирования. Эмпатия, являясь компонентом общественной культуры, способна встраиваться в систему эмоциональной и психологической культуры индивида и способствует формированию и развитию социальных навыков, способствующих успешному взаимодействию людей (Дементьев, 2014).

Культура эмпатии отличается самобытностью. Она может иметь как схожие черты для каждой отдельной культурной общности, так и быть уникальной. Эмпатия проявляется во всех аспектах социальной культуры, сопряженных с поддержкой и взаимопониманием, принятых в общественной культуре общения. Мнение авторов социоцентрированного подхода часто сводится к тому, что если в обществе достаточно высоко выражен уровень эмпатии, то его развитие будет эффективным, он будет безопасным и комфортным для каждого индивида, будет способствовать его успешной самореализации. Так, О.А. Кардамонов писал: «определенный уровень эмпатии поддерживает воспроизводство общества благодаря взаимопониманию, взаимопринятию, взаимопомощи, солидарности и сплоченности, сопричастности с происходящими в обществе переменами, новыми группами и социальными институтами» (Кардамонов, 2012). Однако авторы подчеркивают, что если уровень эмпатии в общественной культуре недостаточно развит, то в социуме может значительно снизиться уровень безопасности, повысится уровень агрессии и тревоги, а саморазвитие личности замедлится и в конечном итоге замрет, что будет способствовать повышению показателей социально-психологической дезадаптации, росту депрессивных и тревожных расстройств, антивитаальных тенденций (Анисимова, 2019).

Литература

1. *Анисимова Е.В.* Эмпатия и ее роль в межличностном взаимодействии в подростковом возрасте // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2019. Т. 8. № 6А. С. 244–255. DOI: 10.34670/AR.2020.46.6.175
2. *Анисимова Е.В., Крушельницкая О.Б.* Взаимосвязь способности к эмпатии и ценностно-смысловых ориентаций у школьников и студентов // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 3. С. 64–84. DOI: 10.17759/sps.2023140305
3. *Бгажноков Б.Х.* Культура эмпатии // Этнографическое обозрение. 2003. № 1. С. 55-68.
4. *Дементьев И.В.* Эмпатия: история и современность // Психология обучения. 2014. № 3. С. 129-134.
5. *Кардамонов О.А.* Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований // Социс. 2012. № 4. С. 17-25.
6. *Лебедева Ю.В.* Кросс-культурные особенности эмпатии (на примере студентов из России и Китая): дис. ... канд. психол. н. Екатеринбург, 2017. 200 с.
7. *Pike K.L.* Language in relation to a unified theory of the structure of human behavior. – 2nd ed. Den Haag, 1967.

Психологическое благополучие и социально-психологическая адаптация людей, увлеченных онлайн-покупками

Артеменко О.А., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

olesya.art777555@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Общество потребления диктует свои нормы и ценности, одной из которых может являться покупка вещей и услуг. При этом она уже не преследует какую-то утилитарную цель, а может являться демонстрацией статуса, престижа и приводить к большей удовлетворенности жизнью (Бодрийяр, 2023). В настоящее время

покупки упрощаются благодаря интернет-среде, что рождает специфическую область онлайн-шопинга.

Целью нашего исследования является изучение психологического благополучия и социально-психологической адаптации людей, увлеченных онлайн-покупками.

Адаптацию можно считать процессом приспособления личности к новой предметной деятельности (Соколова, 2014), что является необходимым условием для социализации, трактуемой как процесс формирования индивидуальности. Социально-психологическая адаптация представляет собой взаимодействие личности и социальной среды, которое приводит к гармоничному соотношению целей и ценностей личности и группы. Адаптация происходит, когда социальная среда способствует реализации потребностей и стремлений личности, а также раскрытию и развитию ее индивидуальности (Кряжева, 1980). Психологическое благополучие предполагает удовлетворенность жизнью как когнитивный аспект; отсутствие выраженной тревожности, депрессивных симптомов, социальную активность, соотношение позитивных и негативных аффективных проявлений – как эмоциональный аспект. Подобный подход выделяет адаптивное социальное поведение как эффективный способ повышения субъективного благополучия, который включает способность гармонично самореализовываться в различных жизненных контекстах с учетом социальных норм (Созонтов, 2006).

В исследовании приняли участие 102 респондента в возрасте от 14 до 63 лет, из которых 88,3% женщины, 11,7% мужчины. Респонденты, наряду с вопросами методик, направленных на выявление уровня субъективной удовлетворенности жизнью, также отвечали на вопросы, в которые входили социально-экономические и демографические переменные, такие как пол, возраст, образование и материальное положение. Они также отвечали на вопросы по различным аспектам онлайн-покупок: их сумма, предпочитаемые категории товаров в онлайн-магазинах и траты на онлайн-образование. Для проведения исследования мы использовали шкалу удовлетворенности жизнью Э. Динера, шкалу субъективного счастья С. Любомирски, методику «Спектр психологического здоровья», методику диагностики социально-психологической адаптации Роджерса-Даймонд (шкалы «адаптация» и «эскапизм»).

Для определения увлеченности онлайн-покупками мы использовали следующие критерии: нахождение на данный момент в потребительской корзине маркетплейсов более 100 товаров на сумму более 100 тысяч рублей, а также траты на покупки более 100 тысяч рублей за временной промежуток 3 месяца.

Проведенное нами исследование показало, что у людей, увлеченных онлайн-покупками, более высокий уровень эмоционального благополучия ($U = 1280,5$; $p = 0,003$) и более высокий уровень эскапизма по сравнению с людьми, не увлеченными онлайн-покупками. Данные результаты можно объяснить тем, что в момент совершения покупки у покупателей повышается уровень «гормонов счастья», что может способствовать субъективному благополучию. Онлайн-шопинг особенно способствует повышению уровня дофамина, в связи с тем, что покупателям необходимо ожидать доставки товара, а это, в свою очередь, создает волнительное состояние и предвкушение награды на несколько дней до момента непосредственного получения товара.

Также оказалось, что социальное благополучие людей, покупающих товары категории «косметика», ниже, чем у людей, которые покупают товары категории «товары для дома» ($H = 8,321$; $p = 0,02$). Это можно объяснить тем, что рекламные кампании косметической и модной индустрии навязывают определенные стандарты красоты, несоответствие которым может уменьшать переживаемое социальное благополучие.

Эмпирические результаты не подтвердили изначальное предположение о том, что онлайн-шопингом увлечены люди с низкой социально-психологической адаптацией, однако оказалось, что у этой категории людей больше выражена одна из составляющих социально-психологической адаптации – эскапизм ($U = 1173,5$; $p = 0,003$). Это говорит о том, что онлайн-шопинг может являться современным вариантом «бегства от действительности».

Развитие данного исследования мы видим в следующих направлениях: изучение индивидуально-психологических характеристик и различий среди пользователей с разной покупательской активностью в интернете и взаимосвязей между факторами увлеченности онлайн-покупками и психологическими особенностями личности. Также нам кажется важным изучение

индивидуальных психологических особенностей в потребительском онлайн-поведении, влияния новых технологий, таких как видео-контент на маркетплейсах и других факторов онлайн-шопинга.

Литература

1. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. М., 2023
2. *Кряжева И.К.* Социально-психологические факторы адаптированности личности: дис. ... канд. психол. н. М., 1980. 159 с.
3. *Созонов А.Е.* Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105-114.
4. *Сokolova Ю.А.* Генезис понятия «адаптация» // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2014. № 3. С. 93-99

Связь выраженности черт расстройств аутистического спектра с особенностями пищевого поведения

Арчакова А.Е., Николаева Н.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alya.archakova.04@bk.ru, sp_natalia@mail.ru

Цель работы – исследовать взаимосвязь выраженности черт аутистического спектра (аутизм Аспергера) с установками пищевого поведения. Респондентами были женщины ранней взрослости с высокими баллами (выше 65) по тесту на аутистические черты RAADS-R. Установки пищевого поведения исследовались тестом EAT-26, а также авторской анкетой. Были получены значимые положительные взаимосвязи между выраженностью аутистических черт и установками пищевого поведения. Респондентки с высокими баллами РАС имеют значимые различия с группой женщин с низкими баллами по выраженности черт РАС по параметрам пищевого поведения опросника EAT-26. Женщины с высокими баллами РАС имеют значимо более высокие баллы по установкам пищевого поведения, что

свидетельствует о более высоком риске нарушений пищевого поведения (НПП).

В последние несколько лет наблюдается рост интереса к изучению нарушений пищевого поведения (НПП), особенно в контексте расстройства аутистического спектра (РАС). Расстройство аутистического спектра по МКБ-10 – это «нарушение нейropsychического развития, характеризующееся качественными отклонениями в социальном взаимодействии и способах общения, а также ограниченным, стереотипным, повторяющимся набором интересов и занятий» (Моховикова, 2008). Чаще всего исследования НПП при РАС проводятся на детях, а вопрос нарушений питания у взрослых с РАС остается в большой степени открытым.

Для оценки выраженности РАС применялся опросник RAADS-R на такие аутистические черты, как «социальные связи», «специальные интересы», особенности речи («язык») и «сенсомоторная сфера» (Ritvo, Ritvo, Guthrie, 2011). Для оценки риска НПП использовался опросник EAT-26, который обрабатывался с учетом факторов: «увлечение диетами», «озабоченность едой», «стремление похудеть», «принуждение к еде», «булимия» и «оральный контроль» (Мешкова, Николаева, 2017). Больше 20 баллов по EAT-26 свидетельствует о возможном риске НПП. Для оценки выраженности специфических особенностей пищевого поведения использовалась авторская анкета, она включала вопросы про избирательность в еде по параметрам цвета/запаха/вкуса/консистенции, употребление овощей и фруктов, питание одним и тем же и игнорирование чувства голода вследствие отсутствия готовой еды и др.

Выборка включала 141 участницу в возрасте ранней взрослости ($M = 21,4$ г.), из которых 91 респондентка с диагнозом РАС и 50 респонденток такого диагноза не имели, хотя у 23 были высокие баллы по выраженности черт РАС (выше 65 баллов). Таким образом, количество респонденток, имеющих высокий балл РАС, составило 114 женщин (приблизительно 81% от общей выборки), а количество респонденток с низким баллом РАС составило 27 женщин (приблизительно 19% от общей выборки). Риск НПП у респонденток с высокими баллами РАС составил 26,32%, что более, чем в два раза превышает обычные популяционные показатели и процент риска НПП у респонденток с низкими баллами РАС в нашей выборке (11,11 %).

Были получены положительные взаимосвязи суммы баллов по тесту RAADS-R, а также всех черт, специфичных для РАС, с суммой баллов по тесту EAT-26.

В общей выборке в 141 респондент обнаружена прямая связь суммарного балла РАС с суммарным баллом EAT-26 ($R = 0,45$; $p < 0,01$), озабоченностью едой ($R = 0,35$; $p < 0,01$), стремлением похудеть ($R = 0,27$; $p < 0,01$), принуждением к еде ($R = 0,37$; $p < 0,01$), оральным контролем ($R = 0,46$; $p < 0,01$). Также получена прямая связь с такими вопросами анкеты, как избирательность в еде по параметрам цвета/запаха/вкуса/консистенции ($R = 0,42$; $p < 0,01$), питанием одним и тем же ($R = 0,59$; $p < 0,01$) и игнорированием чувства голода вследствие отсутствия готовой еды ($R = 0,52$; $p < 0,01$). В группе с высоким баллом РАС в 114 респондентов обнаружены такие же результаты прямых связей суммарного балла черт РАС с теми же чертами НПП, кроме черт «Стремление похудеть». В группе респондентов с низким баллом РАС корреляций аутистических черт с НПП не было обнаружено (даже при $p < 0,05$).

По остальным аутистическим чертам, а именно: социальное взаимодействие, специальные интересы, вербальная коммуникация и сенсомоторная сфера – были получены схожие взаимосвязи с установками пищевого поведения опросника EAT-26 и авторской анкеты в общей выборке и в группе с высокими баллами РАС. Меньше взаимосвязей дали такие особенности пищевого поведения как: «Озабоченность едой», «Принуждение к еде» и «Стремление похудеть». На первый план вышли такие взаимосвязи РАС и пищевого поведения, как: сумма баллов EAT-26, «оральный контроль», «параметры еды и отказ от еды» (текстура\цвет\запах\вкус), «питание одним и тем же» и «игнорирование чувства голода, вследствие отсутствия готовой еды». В группе с низкими баллами РАС корреляций с установками пищевого поведения опросника EAT-26 и авторской анкеты не обнаружилось.

Нарушения пищевого поведения (НПП) действительно связаны с чертами расстройства аутистического спектра (РАС). При использовании методики EAT-26 обычно выделяются шкалы «Увлечение диетами» и «Стремление похудеть», но в группе с высокими баллами РАС эти корреляции отсутствуют. Однако у респондентов с выраженными аутистическими чертами проявляются

значимые положительные взаимосвязи с такими особенностями пищевого поведения, как оральная сенсорная чувствительность, избирательность, принуждение к еде, питание одним и тем же и игнорирование чувства голода вследствие отсутствия готовой еды.

Литература

1. Мешкова Т.А., Николаева Н.О. Опыт применения теста пищевых аттитюдов (ЕАТ26) на выборке студенток Москвы // Психиатрия. 2017. № 73 (01). С. 34–41.
2. Моховикова А.Н. Многоосевая классификация психических расстройств в детском и подростковом возрасте. Классификация психических и поведенческих расстройств у детей и подростков в соответствии с МКБ-10: учеб. пособие / науч. ред. русского текста А. Н. Моховикова; пер. с англ. О. Ю. Донца. 2-е изд., испр. М.: Смысл; Издательский центр «Академия», 2008. 408 с.
3. Ritvo, R.A., Ritvo, E.R., Guthrie, D. et al. The Ritvo Autism Asperger Diagnostic Scale-Revised (RAADS-R): A Scale to Assist the Diagnosis of Autism Spectrum Disorder in Adults: An International Validation Study. J Autism Dev Disord 41, 1076–1089 (2011). <https://doi.org/10.1007/s10803-010-1133-5>

Сравнительный анализ мотивационных особенностей студентов очного и дистанционного обучения

Бабанин П.А., Ратов Т.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
babaninpa@mgppu.ru, ratov_t@1060.ru*

В 2020 году российские вузы массово начали переходить на полное или частичное дистанционное обучение из-за сложившихся условий пандемии (роста заболеваемости коронавирусной инфекцией – COVID-19). После пандемии от дистанционной формы обучения полностью не отказались. Сейчас почти в любом университете встречаются и очная,

и дистанционная, и смешанная формы обучения, поэтому исследования в этой области имеют высокую актуальность (Марголис и др. 2022).

Исследованием учебной мотивации у студентов очной формы обучения занимались такие авторы, как И.В. Данилова, Н.М. Клепикова, которые выяснили, что у студентов очной формы обучения существует значимая взаимосвязь между профессиональными и учебно-познавательными мотивами, а также мотивами престижа и успеваемостью. Для студентов очной формы обучения в меньшей степени значимы те мотивы, которые направлены на выполнение требований педагогов и готовность ко всем занятиям.

Проблема учебной мотивации студентов дистанционного обучения сейчас наиболее актуальна. Исследованиями в этой области занималась А.С. Афанасьева, изучившая содержание и специфику мотивации учебной деятельности студентов дистанционной формы обучения. Она обнаружила, что у этих студентов не выражена мотивация, основанная на стремлении соперничать и конкурировать с другими.

Изучением мотивационных особенностей студентов обеих форм обучения занимались А.А. Марголис, М.Г. Сорокова, А.А. Шведовская, которые выявили, что подавляющее большинство студентов университета в возрасте от 17 до 56 лет, вне зависимости от пола, предпочитают смешанный или дистанционный формат обучения (Марголис и др. 2022).

Важно подчеркнуть особенность именно студенческого дистанционного обучения, которое заключается в повышенной значимости индивидуальной работы, в отличие от, например, школьного обучения, в котором роль родителя все же имеет большое значение (в воспитании, помощи при усвоении новых знаний, а также в поддержании мотивации к учебе) (Атрушкевич, 2024). В учебном пособии «Социальная психология студенчества» Ю.М. Кондратьевым среди прочих особенностей студенческого возраста отмечается, что в этот период формируются мотивационные и волевые качества личности (Кондратьев, 2006).

Нами было проведено эмпирическое исследование по выявлению различий между мотивационными особенностями студентов очного и дистанционного обучения. Выборку исследования составили 75 студентов, в возрасте 18-23 лет, обучающихся на 1-4 курсах, среди них 40 учащихся очной формы обучения и 35 – дистанционной. Для сбора

эмпирического материала была использована методика диагностики учебной мотивации студентов (А.А. Реан и В.А. Якунин, модификация Н.Ц. Бадмаевой).

Статистический анализ эмпирических данных по U-критерию Манна-Уитни показал, что достоверные различия между студентами очного и дистанционного обучения наблюдаются по следующим шкалам (рядом указаны средние значения результатов опроса).

1. Социальные мотивы – 3,15 для студентов очного обучения; 2,83 – дистанционного ($U = 0,021$ при $p \leq 0,05$).

2. Мотивы избегания – 2,11 для студентов очного обучения; 1,89 – дистанционного ($U = 0,045$ при $p \leq 0,05$).

3. Коммуникативные мотивы – 3,56 для студентов очного обучения; 3,23 – дистанционного ($U = 0,046$ при $p \leq 0,05$).

В результате нашего исследования оказалось, что социальные и коммуникативные мотивы в большей степени преобладают у студентов очного обучения. То есть данные студенты учатся потому, что хотят принести больше пользы обществу, потому что от успехов в учебе зависят их будущее служебное положение и материальная обеспеченность, а также учатся ради исполнения долга перед родителями и университетом. Предполагаем, что такое стремление объясняется тем, что данные студенты рассматривают себя в системе социальной иерархии, откуда и возникает озабоченность своим будущим служебным и материальным положением. Предполагается, что именно студенты очного обучения в большей степени вовлечены в жизнь университета, из-за чего у них наблюдается стремление приносить пользу обществу, оправдывать ожидания близких людей и преподавателей. Знания придают им уверенности в себе при работе с другими людьми, что предположительно объясняется страхом перед оценочными суждениями, что, в свою очередь, обусловлено значимым преобладанием мотивов избегания у студентов очного обучения. Это является свидетельством того, что их мотивация к обучению подкрепляется стремлением не отставать от друзей и не испортить у своих знакомых прежнее мнение о себе как о способном, перспективном человеке. Иначе говоря, они стремятся избежать осуждения и наказания за плохую учебу. У студентов дистанционного обучения данные мотивы наблюдаются в меньшей степени именно из-за их меньшей вовлеченности в систему межличностных отношений.

Дальнейшие исследования в этой области могут значительно повысить эффективность процесса обучения, поскольку именно мотивационные особенности студентов играют ключевую роль в эффективности обучения в условиях цифровой образовательной среды.

Литература

1. *Атрушкевич Е.Б.* Особенности организации и восприятия студентами командной работы при дистанционном обучении [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2024. Том 16. № 1. С. 21–38. DOI: 10.17759/psyedu.2024160102
2. *Кондратьев Ю.М.* Социальная психология студенчества: учебное пособие: учебно-методическое пособие. М.: Московский психолого-социальных ин-т, 2006. 159 с.
3. *Марголис А.А., Сорокова М.Г., Шведовская А.А.* Очный, смешанный или онлайн-формат: как предпочитают учиться студенты? // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 5. С. 5–20. DOI: 10.17759/pse.2022270501

Проблемное использование интернета и самоотношение у подростков

Бабаян Д.Т.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ysnum@yandex.ru*

Сачкова М.Е.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sachkova@list.ru*

В настоящее время проблемное использование интернета у подростков является одной из актуальных тем для исследования как психологов, так и педагогов. В данный момент частной проблемой бесконтрольного использования интернета подростками является интернет-зависимость, которая негативно влияет на когнитивную и эмоционально-волевую сферу учащихся. Другой не менее важной

проблемой, затрагивающей подростков, является вопрос самооотношения. Самоотношение является широким понятием, поэтому оно включает несколько аспектов: самосознание, самооценку, самоуважение.

Каждый школьник подросткового возраста, сталкиваясь с проблемным использованием интернета, уже имеет определенные трудности в силу слабой психической устойчивости к зависимому поведению. Подростковый возраст – это сложный и многогранный период, характеризующийся значительными изменениями как на физическом, так и на психологическом уровне. Этот этап развития охватывает промежуток времени с 11-12 до 17-19 лет и считается одним из важнейших в становлении личности. На сегодняшний день известно, что подростковый возраст – один из самых сложных этапов в плане социального давления и эмоциональных переживаний (Божович, 1968). В связи с этим под воздействием давления подростки могут прибегать к негативным стратегиям поведения, например, таким, как уход в себя или асоциальные поступки.

Самоотношение у подростков также в силу особенностей возрастного развития может быть уязвлено. Проблема самооотношения является одной из центральных в области социальной психологии, так как данный вопрос связан с восприятием человеком самого себя, своими сильными и слабыми сторонами, ценностями и целями. Самоотношение включает в себя оценку собственного «Я», принятие или непринятие себя, а также отношение к своим возможностям и перспективам. Оно оказывает существенное влияние на поведение, эмоции и общую удовлетворённость жизнью (Маслоу, 2019).

Одним из ключевых вопросов самооотношения является дисбаланс между реальным и идеальным «Я». Личность может иметь завышенные или заниженные ожидания относительно себя, что приводит к внутреннему конфликту. Например, человек может стремиться к недостижимым стандартам совершенства, что вызывает постоянное чувство неудовлетворенности собой (Адлер, 2002). С другой стороны, низкая самооценка и негативное самооотношение могут препятствовать достижению целей и реализации потенциала.

Проблемное использование интернета – это состояние, характеризующееся избыточным или неконтролируемым использованием интернета, что приводит к негативным последствиям

для психического и физического здоровья, а также для социальной и профессиональной жизни человека, что может проявляться в форме интернет-зависимости, чрезмерного увлечения социальными сетями, играми, просмотром видеоматериалов или другими видами онлайн-активности (Войскунский, 2004). Негативный контент, такой как насилие, порнография и дезинформация, также оказывает значительное влияние на подростков. Эти материалы могут сформировать искаженное восприятие мира и способствовать развитию нездоровых моделей поведения.

Что касается самооотношения, то социальные сети играют важную роль в формировании самооценки подростков. Постоянное сравнение себя с идеальными образами, представленными в интернете, может вызвать чувство неполноценности и неуверенность в себе. Многие подростки стремятся получить одобрение в виде лайков и комментариев, что делает их зависимыми от внешней оценки. Это может привести к формированию ложного образа Я, когда реальный человек и его виртуальная личность сильно различаются, что вызывает внутренний конфликт (Колесников, Мельник, Теплова, 2019).

Для решения этих проблем важно, чтобы родители и педагоги принимали активное участие в жизни подростков. Установление четких правил использования интернета, открытое обсуждение интересов и проблем, связанных с сетью, а также развитие альтернативных увлечений помогают снизить риски негативного влияния интернета. Необходимо также обращаться за профессиональной психологической поддержкой при возникновении серьезных проблем (Янг, 2000).

Литература

1. Адлер А. Постигание человеческой природы / Пер. с англ. М.: Издательство Института Психотерапии, 2002.
2. Божович Л.И. Проблемы формирования личности. М.: Просвещение, 1968.
3. Войскунский А.Е. Актуальные проблемы зависимости от Интернета // Психологический журнал. 2004. № 1. С. 90–100.
4. Колесников В.Н., Мельник Ю.И., Теплова Л.И. Интернет–активность и проблемное использование интернета в юношеском возрасте // Национальный психологический журнал. 2019. № 1. С. 34-46.

5. Маслоу А. Мотивация и личность. Санкт-Петербург: Питер, 2019.
6. Янг К.С. Диагноз – интернет-зависимость // Мир Интернет. 2000. № 2. С. 24-29.

Влияние красоты лица на распознавание нарциссических черт российскими и туркменскими студентами

Балева М.В., Алоян М.К.

ФГАОУ ВО ПГНИУ, Пермь, Россия

milena baleva@yandex.ru, aloian.mairanush@yandex.ru

В ситуации нулевого знакомства человек стремится снизить неопределенность и принять решение о стратегии взаимодействия с Другим. Ключевыми тут являются вопросы базовой безопасности и социальной иерархии: насколько опасен этот человек и каков его социальный статус? Двухмерная модель оценки лица (Oosterhof, Todorov, 2008) дает эмпирическое подтверждение этому предположению, показывая, что доминирование (dominance) и валентность (trustworthiness) являются ортогональными оценочными факторами, имеющими объективные морфологические корреляты. Обнаружено, что лидерство и доминантность хорошо предсказываются по фотографиям (Rule, Ambady, 2011). Поскольку эти свойства обнаруживают связь с грандиозным нарциссизмом, можно предположить, что данная черта также хорошо поддается идентификации по лицу. В ряде работ показано, что черты темной триады в целом хорошо угадываются респондентами по усредненным лицам (Alper, Bayrak, Yilmaz, 2021; Masui, Yoshizumi, Nakajima, 2024). При этом точность распознавания для нарциссизма выше, чем для психопатии и макиавеллизма.

До сих пор в исследованиях по визуальной оценке «темных» черт в качестве стимульного материала использовались усредненные лица людей с их высокой и низкой выраженностью. В нашем исследовании предпринимается попытка воспроизведения данных результатов на выборке естественных, немодифицированных лиц и сравнения точности визуального распознавания нарциссизма респондентами,

представляющими этническую ингруппу и аутгруппу. Как известно, усредненные лица воспринимаются как более привлекательные (Rule, Ambady, 2011), поэтому их оценка может быть следствием гало-эффекта. Таким образом, фактор физической привлекательности требует дополнительной фиксации в качестве контрольной переменной.

В исследовании были выдвинуты три гипотезы:

- 1) самооценка нарциссизма и его усредненная внешняя оценка, сформированная при восприятии лица, обнаруживают значимую положительную корреляцию;
- 2) высокий и низкий уровень физической привлекательности объекта восприятия снижают точность распознавания нарциссизма при визуальной оценке лица;
- 3) оценки нарциссизма на выборке российских лиц являются более точными у российских, чем у туркменских респондентов.

В выборку вошли 222 студента вуза (59 мужчин и 163 женщины) в возрасте от 18 до 51 года ($M = 23,77$; $SD = 6,14$), обучающиеся на разных курсах и направлениях подготовки, из них 174 гражданина РФ и 48 граждан Туркменистана. Респондентам предлагалось оценить (а) физическую привлекательность и (б) выраженность нарциссизма у незнакомых людей, чьи лица предъявлялись в виде статичного изображения (фотографии) в случайном порядке. Внешняя оценка физической привлекательности и нарциссизма для каждого лица осуществлялась через прямые вопросы, предполагавшие ответы по шкале Лайкерта. Стимульный материал был представлен 303 лицами российских студентов (из них 113 мужчин и 190 женщин), давших согласие на предъявление своих фотографий на условиях анонимности. Предварительно студенты, выступившие моделями, ответили на вопросы шкал нарциссизма и опросника темной триады. Таким образом, по каждому из них были получены показатели (1) самооценки нарциссизма, а также (2) внешней оценки их физической привлекательности по шкале от 1 до 3 и (3) внешней оценки выраженности у них нарциссизма по шкале от 1 до 7.

Было обнаружено, что при восприятии российских лиц российские респонденты в целом обнаруживают более высокую точность в распознавании нарциссизма ($r = 0,20$; $p < 0,001$), чем туркменские

респонденты ($r = 0,15$; $p < 0,01$). При этом у российских студентов точность распознавания нарциссизма для лиц со средним уровнем привлекательности является более высокой ($r = 0,26$; $p < 0,01$), чем для лиц с низким ($r = 0,17$; $p < 0,05$) уровнем привлекательности, и исчезает при восприятии лиц с высоким уровнем привлекательности ($r = 0,08$; $p > 0,10$). У туркменских студентов наблюдается несколько иная закономерность: тенденция к точному распознаванию нарциссизма имеет место только при восприятии лиц с низкой привлекательностью ($r = 0,15$; $p < 0,10$) и отсутствует при восприятии лиц со средней и высокой привлекательностью.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что физическая привлекательность по-разному влияет на распознавание нарциссизма в условиях ингруппового и межгруппового этнического восприятия. При ингрупповом восприятии наибольшая точность распознавания данной черты наблюдается для лиц со средним, а при межгрупповом восприятии – для лиц с низким уровнем привлекательности. При этом общая тенденция заключается в том, что более выраженная красота лица в целом затрудняет способность распознавания нарциссизма. Таким образом, наши данные свидетельствуют в пользу возможности визуального распознавания нарциссизма как значимой социальной черты даже в условиях межэтнического восприятия и ослабляющем влиянии физической привлекательности на точность его визуальной детекции.

Литература

1. *Alper S., Bayrak F., Yilmaz O.* All the Dark Triad and some of the Big Five traits are visible in the face // *Personality and Individual Differences*. 2021. V. 168 Art. 110350.
2. *Masui K., Yoshizumi R., Nakajima H.* Men with high dark triad personality traits can accurately infer dark triad traits from other people's faces // *Frontiers in psychology*. 2024. V. 15. Art. 1363399.
3. *Oosterhof N.N., Todorov A.* The functional basis of face evaluation // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. 2008. V. 105(32). P. 11087–11092.

4. *Rhodes G., Harwood K., Yoshikawa S., Nishitani M., McLean I.* The attractiveness of average faces: Cross-cultural evidence and possible biological basis // *Facial attractiveness: Evolutionary, cognitive, and social perspectives* / G. Rhodes, L.A. Zebrowitz (Eds.). Ablex Publishing, 2002. P. 35–58.
5. *Rule N.O., Ambady N.* Judgments of power from college yearbook photos and later career success // *Social Psychological and Personality Science*. 2011. V. 2(2). P. 154–158.

Современные реабилитационные технологии в детском оздоровительном лагере

Баранова А.С.

*МГЛУ, Минск, Республика Беларусь
albar55@mail.ru*

В настоящее время весьма актуальными являются вопросы реализации социально-реабилитационных технологий в детском оздоровительном лагере. Возрастает роль экзистенциального подхода к организации воспитательного процесса в детском оздоровительном лагере. Ю.С. Яценко подчеркивает большую значимость экзистенциального подхода в деятельности, будущих воспитателей (Яценко, 2007), которые должны овладеть культурой экзистенциального подхода к воспитанию. Методологию экзистенциального подхода в педагогике разрабатывали Т.Н. Сапожникова, М.И. Рожков, Л.В. Байбородова, Е.Е. Чепурных, А.П. Чернявская, Т.В. Машарова. Методологической базой научной школы М.И. Рожкова является экзистенциальный подход. М.И. Рожков отмечал, что экзистенциальный подход к воспитанию с помощью индивидуализации воспитательных воздействий стимулирует создание детьми программы своего саморазвития, анализа и рефлексии событий своей жизни (Рожков, 2024).

В связи с этим важное значение имеет диагностика (анкеты, тесты, беседы с родителями), выявляющая у детей и подростков заболевания, отклонения в здоровье и поведении. Особый упор надо сделать на положительном в личности ребенка или подростка, учесть его

интересы, склонности, достижения с целью развития личности. Педагогическая поддержка в большей степени предназначена для детей младших отрядов, а педагогическое сопровождение – для подростков старших отрядов. Педагогическое сопровождение нацелено на обучение воспитанников самостоятельно решать возникающие проблемы.

Высока роль педагогического сопровождения детей и подростков в адаптационный период пребывания в лагере. В первые дни пребывания в лагере дети и подростки испытывают эмоциональное напряжение и нуждаются в педагогической поддержке и сопровождении. В период подготовки к работе в детском оздоровительном лагере будущие воспитатели готовят игры, викторины, конкурсы, моделирующие положительные эмоции, настроение, вызывающие улыбку, смех, положительное отношение к окружающим.

Одной из ключевых категорий экзистенциализма является свобода. В связи с этим важна свобода выбора ребенка или подростка (выбор действий, поступков, взглядов, мыслей, интенций). Важна педагогическая помощь в освоении новых социальных ролей (товарищ, спортсмен, читатель, музыкант, танцор, шахматист, певец) и в создании имиджа (стиля поведения, общения, манеры одеваться), в выборе социально приемлемых способов индивидуальных проявлений. Поэтому ребенку или подростку не навязывают идеи, концепции, правила. Воспитатели должны осознать, что человек в глубине своей сущности непредсказуем и не может быть познан до конца, тем более в течение короткого времени. Творческий подход к личности на основе экзистенциального подхода основан на признании субъектности, творческого подхода к жизненным ситуациям. Именно сама личность создает новое в своей жизни, творит собственную жизнь. Фрустрация потребности в одиночестве несет не меньшую угрозу психической целостности личности, чем фрустрация потребности в общении (Подлинный, 2008). Воспитатель в детском оздоровительном лагере помогает создать в отряде хорошую эмоциональную атмосферу, дружеские контакты, развить коммуникативные навыки, наладить общение, создать благоприятный морально-психологический климат в коллективе. Вместе с тем у воспитанников должны быть минуты отдыха, воспитатель дает возможность воспитаннику побыть «наедине с собой», чтобы поразмышлять, почитать книгу, заняться творчеством.

Субъектность ребенка и есть главное место приложения усилий воспитателя в детском оздоровительном лагере, а собственная субъектность воспитателя – главное средство помощи ребенку. В условиях экзистенциально-гуманистического подхода усиливается терапевтическая функция общения педагога и воспитанника. Высокопрофессиональный воспитатель оказывает педагогическую, психологическую и психотерапевтическую помощь воспитаннику.

Для углубления экзистенциального состояния воспитанников с целью релаксации, реабилитации, успешной социализации воспитатель детского оздоровительного лагеря может использовать следующие методические приемы.

1. Объяснение. Воспитанникам можно объяснить, в чем состоит смысл жизни человека, показать, в чем состоит радость жизни. Источником радости может быть природа, здоровое радостное самочувствие, новые планы, гармония и согласие с миром, дружба с интересными людьми.

2. Увеличение числа источников смысла. Если прежний источник смысла в данный момент воспитаннику недоступен, необходимо найти то, что могло бы его заменить. Если стремление хорошо учиться, занять первое место на олимпиаде, выиграть на городских соревнованиях в данный момент недоступно или это не осуществилось, можно предложить воспитанникам найти смысл в оздоровлении, в стремлении восстановить силы для осуществления поставленных целей.

3. Парадоксальная интенция. Воспитанникам с излишней тревожностью можно предложить делать то, чего они больше всего боятся, сопровождая это действие доброжелательными шутками, юмором, снимая страх, напряжение.

4. Деревлексия – техника для борьбы с компульсивной тенденцией к самонаблюдению. Воспитанникам необходимо помочь переключать внимание с наблюдения за каким-либо своим актом (например, глотанием, заиканием) на что-то другое. Хороший эффект дают увлекательные игры, когда воспитанник в процессе интересной игры забывает о дурных привычках или навязчивых действиях. Эта техника может применяться к воспитанникам, склонным к самобичеванию, снижающем самооценку личности, к гиперрефлексии, мешающей успешно действовать в различных ситуациях.

Литература

1. *Подлинняев О.Л.* Очерки о теориях личности в психологии и их педагогических проекциях. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2008.
2. *Рожков М.И.* Социальная педагогика: учебник для вузов. М.: Изд-во Юрайт, 2024.
3. *Яценко Ю.С.* Воспитание толерантности студентов в процессе межкультурной профессиональной коммуникации. Ростов-на Дону, 2007.

Влияние типа привязанности на проявление копинг-стратегий

Басанова Е.Е., Алейникова К.И.

ФГБОУ ВО ПГУ, Пятигорск, Россия

lenmit@yandex.ru csenia.aleynikova@yandex.ru

В современных условиях, когда повседневная жизнь протекает на фоне быстрого темпа и многочисленных стрессовых факторов, изучение влияния типа привязанности на использование копинг-стратегий приобретает особую значимость. Одним из важных факторов, определяющих способность справляться с трудностями и поддерживать психическое здоровье, является тип привязанности. Дж. Боулби считал, что главная функция привязанности – совладание со стрессом и восстановление чувства безопасности (Боулби, 2003). В то же время конкретными методами и техниками совладания со стрессом являются копинг-стратегии. Работ о влиянии типа привязанности на проявление копинг-стратегий очевидно недостаточно, и вопрос остается как нельзя актуальным.

Впервые термин привязанность был введен английским психиатром Дж. Боулби и изначально определяется как «... эмоциональная связь, которая объединяет человека с одним или несколькими людьми во времени и пространстве». Привязанность представляет собой устойчивый стиль взаимодействия индивида с окружающими (Боулби, 2023, с. 477). Привязанность развивается на основе ранних отношений с важными взрослыми, такими как родители или опекуны. Дж. Боулби выделяет четыре основных типа привязанности: надежный,

избегающий, амбивалентный и дезорганизованный. Каждый из этих типов имеет свои особенности и проявляется в ситуациях стресса различным образом (Авдеева, 2017).

Впервые понятие «копинг» – преодоление стресса, совладание с ним» было введено Р. Лазарусом. Копинг-стратегии представляют собой разнообразные методы и подходы, которые люди используют для преодоления стресса и трудных ситуаций, возникающих в их жизни. Следует подчеркнуть, что выбор копинг-стратегий не является случайным. Эти стратегии можно разделить на две основные категории: адаптивные и неэффективные (Маслоу, 2003). Адаптивные стратегии помогают не только справляться с текущими сложностями, но и развивать устойчивость к будущим стрессовым ситуациям. В противовес этому, неэффективные копинг-стратегии могут негативно сказываться на эмоциональном состоянии и приводить к серьезным нежелательным последствиям (Маслоу, 2003).

В рамках нашего исследования мы нацелены на систематизацию знаний о влиянии типа привязанности на проявление копинг-стратегий. Нами было проведено исследование, в котором приняли участие 35 мужчин и женщин в возрасте от 20 до 35 лет.

Для диагностики типа привязанности использовался «Опросник привязанности к близким людям» Н.В. Сабельниковой и Д.В. Каширского. Респонденты были разделены на 4 группы, исходя из результатов методики: 1) надежный тип – 31%; 2) тревожный – 29%; 3) амбивалентный – 26%; 4) дезорганизованный – 14%.

Для исследования копинг-стратегий использован «Опросник способов совладающего поведения» Р. Лазаруса. Мы сопоставили тип привязанности с предпочтительными копинг-стратегиями.

Надежный тип привязанности чаще выбирают респонденты, предпочитающие адаптивные копинг-стратегии «Планирование решения проблемы» и «Принятие ответственности» (по 82% респондентов соответственно). Самый выраженный копинг среди данной группы – «Положительная переоценка» – 91% респондентов.

Респонденты с *тревожным типом привязанности* чаще выбирают неэффективные копинг-стратегии «Бегство-избегание» и «Конфронтационный копинг» (по 70% и 50% респондентов соответственно).

Амбивалентный тип респондентов чаще выбирает неэффективную стратегию «Бегство-избегание» по сравнению с другими группами. Данной копинг-стратегии придерживаются 78% респондентов с амбивалентным типом привязанности.

Респонденты с *дезорганизованным типом привязанности* чаще выбирают неэффективные копинг-стратегии «Дистанцирование» и «Бегство-избегание» (80% и 60% респондентов соответственно).

Для выявления статистически значимых различий между группами был использован Н-критерий Краскела-Уоллиса характеризующий значимость выбора того или иного копинга, соответствующий определенной группе респондентов.

Статистически значимые различия между группами респондентов с различным типом привязанности выявлены по 5 шкалам из 8 – «Принятие ответственности» (при $p < 0,001$), «Поиск социальной поддержки» (при $p < 0,001$), «Бегство-избегание» (при $p < 0,001$), «Дистанцирование» (при $p < 0,001$) и «Конфронтационный копинг» (при $p < 0,05$).

Статистически значимых различий для шкал «Планирование решения проблемы», «Самоконтроль» и «Положительная переоценка» не выявлено (при $p > 0,05$).

Таким образом, учитывая результаты, полученные в ходе исследования влияния типа привязанности на проявление копинг-стратегий, можно сделать вывод: тип привязанности действительно оказывает влияние на проявление копинг-стратегий. Люди с разным типом привязанности предпочитают разные способы совладания со стрессом. Была выявлена тенденция – респонденты с надежным типом привязанности чаще выбирают адаптивные копинг-стратегии, такие как «Поиск социальной поддержки», «Планирование решения проблемы» и «Принятие ответственности». Это свидетельствует о том, что они более эффективно справляются с трудностями. А также тенденция – люди с тревожным и амбивалентным типом привязанности склонны к использованию неэффективных копинг-стратегий, таких как «Бегство-избегание», «Дистанцирование» и «Конфронтационный копинг». Это свидетельствует о том, что они испытывают больше трудностей в преодолении стресса. Испытуемые с дезорганизованным типом привязанности также предпочитают стратегии «Бегство-избегание» и «Дистанцирование», что может говорить о сложностях в

адаптации к стрессовым ситуациям. Понимание взаимосвязи между типом привязанности и копинг-стратегиями может помочь психологам более эффективно помогать людям справляться со стрессом и переживать трудности.

Литература

1. *Авдеева Н.Н.* Теория привязанности: современные исследования и перспективы // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2.
2. *Боулби Дж.* Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
3. *Маслоу А.* Копинг в сравнении с экспрессией // Мотивация и личность. СПб.: Питер, 2003.

Психометрическая адаптация методики «Death Anxiety Scale-Extended» Donald I. Templer et al.: Item-анализ

Белых Е.В.

ННГУ им. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

Тихонова С.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Маркелова Т.В.

ННГУ им. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

lenabeeel@yandex.ru, tihonovasofa@mail.ru

На сегодняшний день вопрос об оценивании тревоги смерти стоит остро в связи с нарастающей неопределенностью в жизни людей. При этом на русский язык переведено и адаптировано мало методик, оценивающих различные аспекты отношения к смерти.

Мы адаптировали методику «Death Anxiety Scale-Extended» (Templer et al., 2006). Оригинальная методика состоит из 51 утверждения, которые оценивают общую тревогу к смерти. Авторы проводили ее адаптацию на респондентах из Кувейта, Судана и США. Респонденты оценивали утверждения по дихотомической шкале, состоящей из вариантов «да» и «нет».

Опросник был переведен на русский язык экспертами, свободно владеющими английским языком. При переводе были внесены правки, направленные на то, чтобы сделать контекст вопроса более понятным для русскоязычной аудитории.

В исследовании приняли участие 64 респондента: возраст от 18 до 25 лет ($M = 20,95$; $SD = 1,75$). Из них 14 юношей и мужчин (22%) и 50 девушек и женщин (78%).

Исследование было проведено с помощью google-формы. Участие было полностью добровольным и анонимным. Перед прохождением респондентам предъявлялась инструкция: «Пожалуйста, прочитайте каждое утверждение и выберите тот вариант ответа, который лучше всего соответствует Вашему опыту. Помните, в опроснике нет правильных или неправильных ответов».

При анализе результатов переведенного опросника на российской выборке было выявлено, что некоторые вопросы не обладают достаточными показателями дискриминативности и трудности, чтобы их можно было включить в адаптированную методику. Так, например, вопрос «Я боюсь, что после смерти меня забальзамируют» обладает очень низкими показателями трудности (0,11) и дискриминативности (0,05). Это может быть связано с религиозными обычаями, отличающимися в странах Африки и Среднего Востока. Некоторые вопросы, связанные с отношением российской аудитории к сфере медицинской помощи («Я не позволяю врачам меня лечить, потому что иногда они случайно убивают людей» или «Я боюсь получить передозировку лекарствами»), также показывают низкую трудность (0 и 0,03 соответственно) и дискриминативность (0 и 0,09 соответственно). Мы связываем это с тем, что российский культурный опыт отношения к врачам и медикаментозной помощи отличается от США. Также есть вопросы, которые обладают низкой трудностью и дискриминативностью в связи с возрастными особенностями респондентов. Например, вопрос «Я боюсь, что могу умереть сегодня» (0,08 и 0,19 соответственно).

Методика на данный момент далека от адаптации для русскоязычной аудитории. Мы планируем провести дальнейшие исследования, чтобы привести все утверждения к удовлетворительным показателям дискриминативности и трудности путем их преобразования или удаления из переведенного опросника.

Литература

1. *Templer D.I.* Construction of a Death Anxiety Scale-Extended / *Templer D.I., Awadalla A., Al-Fayez G., Frazee J., Bassman L., Connelly H., Arikawa H., Abdel-Khalek A.M.* // *Omega-Journal of Death and Dying.* 2006. V. 53. №. 3. P. 209-226. <https://doi.org/10.2190/BQFP-9ULN-NULY-4JDR>

К вопросу о взаимосвязи коммуникативных качеств и когнитивных искажений в интернет-общении

Белякова А.И., Кожухарь Г.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

myu3myu@mail.ru, kozuhargs@mgppu.ru

Несмотря на интерес исследователей к проблеме коммуникативных качеств и когнитивных искажений, их взаимосвязь на данный момент практически не изучена. Малочисленные исследования являются узконаправленными и изучающими данные аспекты в конкретных специфичных условиях.

В.Н. Панфёров определяет коммуникативные качества как те, «которые охватывают личностный аспект общения и описывают человека как субъекта и объекта общения» (Соколова, 2020, с. 396). Исходя из этого, к ним могут относиться качества, и как напрямую связанные с процессом коммуникации (общительность, дипломатичность и т.д.), и те, которые могут относиться к другим группам качеств личности, но все равно помогающим в процессе общения. К таким «косвенным» качествам относятся отзывчивость, внимательность, экстраверсия, социально-перцептивная установка как фактор отношения к людям и многое другое.

Существует множество определений и классификаций когнитивных искажений, но мы приведем наиболее известные. Д. Канеман и А. Тверски определяют когнитивные искажения как «систематические ошибки в мышлении или шаблонные отклонения, которые возникают

на основе дисфункциональных убеждений, внедренных в когнитивные схемы, и которые легко обнаруживаются при анализе автоматических мыслей» (Боброва, 2021, с. 70).

А. Бек характеризует когнитивные искажения как «искажения функции мышления, которые возникают при обработке информации человеком, мешают логично мыслить и способствуют возникновению и сохранению дезадаптивных суждений» (Лучинкина, 2018, с. 58). Он же приводит классификацию искажений, возникающих в ходе восприятия информации.

Коммуникативные качества и когнитивные искажения формируются на основе опыта, который предоставляет человеку окружающая действительность. В том числе исходя из этого, мы предполагаем наличие взаимосвязи между коммуникативными качествами и когнитивными искажениями в процессе общения в интернете. Для проверки данной гипотезы было проведено пилотажное исследование среди молодежи (40 человек) от 16 до 27 лет.

Использованные методики:

- опросник «Когнитивные искажения в ходе интернет-общения» (на основе классификации А. Бека) (Лучинкина, 2018);
- оценка социально-перцептивной установки личности (Дубовицкая, Шулитбаева, Шатков, 2017);
- методика «Саморегуляция и успешность межличностного общения» В.Н. Куницыной (использованы шкалы «Эмпатия», «Самоуважение», «Самокритичность», «Отчужденность», «Застенчивость» и «Конфликтность») (Петрова, Смыслов, 2008, с. 199-208).

Был проведен корреляционный анализ при помощи коэффициента Спирмена, который позволил обнаружить ряд взаимосвязей между изучаемыми показателями.

Чем выше уровень самоуважения, тем меньше у респондентов проявления таких когнитивных искажений, как катастрофизация ($p < 0,05$), обесценивание позитивного ($p < 0,01$), навешивание ярлыков ($p < 0,01$), персонализация ($p < 0,05$), долженствование ($p < 0,01$) и сверхгенерализация ($p < 0,05$).

Отчужденность молодых людей повышает дихотомическое мышление ($p < 0,05$), обесценивание позитивного ($p < 0,05$),

эмоциональное обоснование ($p < 0,05$), навешивание ярлыков ($p < 0,05$), персонализацию ($p < 0,05$) и долженствование ($p < 0,01$).

Для застенчивой молодежи характерны следующие искажения: катастрофизация ($p < 0,01$), эмоциональное обоснование ($p < 0,05$), навешивание ярлыков ($p < 0,01$), персонализация ($p < 0,01$), долженствование ($p < 0,01$) и сверхгенерализация ($p < 0,01$).

Позитивная социально-перцептивная установка уменьшает проявление обесценивания позитивного ($p < 0,05$).

Как можно заметить, проявление когнитивных искажений молодежи в интернет-общении связано с тем, насколько способствуют личностные качества общению (самоуважение, позитивная социально-перцептивная установка) или, наоборот, затрудняют его (отчужденность, застенчивость).

Таким образом, гипотеза о взаимосвязи коммуникативных качеств с когнитивными искажениями подтверждена. Также из-за небольшого размера выборки было выявлено большое количество тенденций к взаимосвязи, поэтому в дальнейшем будет проведено исследование на большем количестве респондентов.

Литература

1. Боброва Л.А. Когнитивные искажения. (Обзор) // Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. 2021. № 2. С. 69–79.
2. Дубовицкая Т.Д., Тулитбаева Г.Ф., Шашков А.В. Психодиагностическая методика оценки социально-перцептивной установки личности: психометрические характеристики и особенности использования // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика, 2017. Т.14. №2. С. 213–225.
3. Лучинкина И.С. Когнитивные механизмы коммуникативного поведения в интернет-пространстве // Научный результат. Педагогика и психология образования, 2018. Т. 4, №3: 56-70.
4. Петрова Е.А., Смыслов Д.А. Социальная психология личности. Учеб-метод. пособие для студентов. М., Изд-во РИЦ АИМ, 2008. 204 с.

5. *Соколова А.Н.* Взаимосвязь коммуникативных качеств педагога и психологического климата в ученической группе // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского: материалы конференций. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2020. № 20. С. 394-399.

**Социально-экономические детерминанты профессионального
выгорания педагогов в период 1917–1950 гг.: ретроспективный
анализ**

Берлянд Ю.Б.

*ФГБОУ ВО РУДН, Москва, Россия
il_grant@mail.ru*

Исследование посвящено ретроспективному анализу социально-экономических факторов, способствовавших профессиональному выгоранию педагогов в период 1917–1950 гг. в России. Рассмотрены основные исторические этапы: революционные преобразования 1917–1920-х гг., период коллективизации и индустриализации 1930-х гг., военные и послевоенные годы 1941–1950 гг. Выявлены ключевые детерминанты профессионального выгорания учителей: сочетание высоких идеологических требований с ограниченными ресурсами, необходимость совмещения педагогической и общественной деятельности, социальная изоляция и политическое давление. Описаны интуитивные механизмы профилактики выгорания, стихийно сформировавшиеся в исследуемый период. Результаты исследования вносят вклад в понимание исторических предпосылок профессионального выгорания педагогов и могут быть использованы при разработке современных стратегий его профилактики.

Профессиональное выгорание как психологический феномен было концептуализировано Х. Фрейденбергером только в 1974 году, однако проявления данного синдрома фиксировались задолго до его научного описания (Freudenberger, 1974). Период 1917–1950 гг. в истории России характеризуется беспрецедентными социально-политическими изменениями, которые трансформировали все аспекты общественной

жизни, включая систему образования (Алмаев, 2018; Андрианова, 2014; Волков, 2011). Педагоги оказались на переднем крае идеологических преобразований, испытывая многофакторное давление, что создавало уникальные предпосылки для развития профессионального выгорания. Учителя должны были не только обучать, но и ликвидировать неграмотность, вести пропаганду, что при отсутствии ресурсов и поддержки вело к профессиональному истощению (Салов, 2014). Особую роль в формировании синдрома играла социальная изоляция педагогов. Учителя оказывались «чужими» и для власти, и для крестьян: власти подозревали их в недостаточной лояльности, а сельские жители видели в них представителей репрессивного аппарата, особенно во время коллективизации (Золотарев, 2010).

Революционные преобразования и их влияние на педагогов (1917–1920-е гг.)

- Реструктуризация системы образования привела к резкому росту нагрузки, снижению статуса и материального обеспечения учителей.
- Противоречие между идеалистическими целями Наркомпроса и нехваткой ресурсов создавало хроническое напряжение.

Коллективизация и индустриализация (1930-е гг.): двойственность положения педагога

- Официальный рост престижа профессии сопровождался усилением идеологического контроля и репрессий.
- В педагогических журналах фиксировались симптомы «нервного истощения» и «педагогического перенапряжения» — протоконцепты выгорания.

Экстремальные условия войны и послевоенного периода (1941–1950 гг.)

- Педагоги работали в условиях физических лишений и эмоциональных травм.
- Архивные материалы свидетельствуют о самоотверженном труде при крайне ограниченных ресурсах.

Ключевые детерминанты профессионального выгорания

- Экономическая неустроенность и низкий уровень жизни.
- Идеологическое давление и перманентные реформы образования.
- Необходимость совмещения педагогической и общественной деятельности.

- Экзистенциальные противоречия на фоне социальных трансформаций.
- Политизация школы и идеологическая нагрузка на учителей.
- Конфликт между гуманистической педагогикой и классовым подходом.
- Эмоциональное истощение из-за двойных стандартов.
- Подавление инакомыслия и страх репрессий.

Интуитивные механизмы профилактики выгорания

- Коллективная поддержка и идеологическая мотивация как способы компенсации стресса.
- Общественное признание педагогического труда в условиях ограниченных ресурсов.

Ретроспективный анализ периода 1917–1950 гг. позволяет выявить уникальный комплекс социально-экономических факторов, способствовавших профессиональному выгоранию педагогов. Несмотря на отсутствие научной концептуализации синдрома в исследуемый период, архивные материалы и исторические свидетельства фиксируют явные признаки профессионального выгорания, описываемые через понятия «нервного истощения» и «педагогического перенапряжения». Парадоксальное сочетание высоких идеологических требований с ограниченными ресурсами, постоянные реформы образования и необходимость совмещения педагогической работы с общественной деятельностью создавали беспрецедентную нагрузку на учителей. При этом коллективная поддержка и идеологическая мотивация выступали в качестве стихийно сформировавшихся механизмов профилактики выгорания. Изучение данного исторического опыта представляет ценность для современного понимания профессионального выгорания и разработки эффективных стратегий его предупреждения.

Литература

1. Алмаев Р.З. Обеспечение кадрами советских школ Южного Урала в послевоенный период (1945–1956 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2018. Т. 17. № 4. С. 914–941.

2. *Андрианова Н.Ю.* Роль Наркомпроса как идеологического центра в Советской России (1917–1920 гг.) // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. № 7 (129). С. 245–255.
3. *Волков В.С.* Дискуссии 1920-х годов по проблемам образования и судьбы их участников-педагогов // Интеллигенция и мир. 2011. № 3. С. 34–62.
4. *Золотарев О. В.* Советское учительство в 1930-е годы // Интеллигенция и мир. 2010. № 1. С. 56–68.
5. *Салов А.И.* Осмысление проблемы учителя в советской педагогике (1918–1929 гг.) // Историко-педагогический журнал. 2014. № 2. С. 108–118.
6. *Freudenberger H.J.* Staff burnout // Journal of Social Issues. 1974. Vol. 30, No. 1. Pp. 159–165. DOI: 10.1111/j.1540-4560.1974.tb00706.x

Квадроберы: возможные причины появления и популярности

Березина У.И., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ulyashka27@bk.ru, nkochetkov@mail.ru*

Актуальность темы квадроберов вызвана острой дискуссией в СМИ на тему опасности и вреда этого явления. Саму проблему мы можем рассмотреть в двух аспектах: причинах квадробинга как феномена современности и его популярности в медийном пространстве.

Не пытаясь перечислить все возможные причины, остановимся на двух, которые кажутся нам наиболее весомыми.

Квадробинг может являться следствием отчуждения – феномена, раскрывающегося в марксистской философии и обозначающегося как процесс и результат превращения деятельности человека в независимую силу, подчиняющую его себе. В психологии находим, что отчуждение в крайнем своем проявлении выражается в *смыслоутрате*. Предиктор отчуждения – рыночные отношения, при которых деньги занимают прочное место в системе ценностей, что превращает личностные особенности и способности человека в товар на рынке.

Точно таким же товаром становится и тело. С точки зрения психологии телесности, тело – часть нашего Я, порождающее представление о себе как о субъекте в силу того, что мы им управляем. Однако в условиях товарно-денежных отношений происходит объективация внешности и тело начинает управляться уже законами рынка – запускается процесс отчуждения от собственного тела. Тело становится для индивида чем-то внешним – по сути, сферой достижений, включенной в общий рынок услуг (Терентьева, 2014). Примером такого управления является бьюти-сфера – от применения косметики до серьезной модификации собственного тела с целью усиления привлекательности, что увеличивает шансы представителей, в первую очередь, женского пола на достижение жизненного успеха. Так, например, продажи косметики и число пластических операций в РФ за последние два года росли несмотря на все экономические вызовы.

Отчуждение от тела будет характеризоваться своими копинг-стратегиями – от активных до пассивных. К активным копингам можно отнести все, что направлено на глобальное изменение ситуации. Например, феминизм как движение, выступающее, в том числе, против сексуальной объективации. Пассивные стратегия преодоления – это поведение избегания объективации, и квадербинг в данном случае может являться примером такой стратегии. Тело уводится в область животного мира, где сексуализация хотя и возможна, но все же остается не подверженной безусловной коммерциализации. В квадербинге преобразование внешности не связано с увеличением привлекательности или ее сексуализации – оно направлено на творческое самовыражение и обеспечение анонимности и безопасности (квадроберы используют маски).

Кроме отчуждения, причиной может являться стремление к принадлежности к какой-либо социальной группе, обретению социальной идентичности. Эта проблема многократно описывалась социальными психологами. Так, например, М.Ю. Кондратьев отмечает, что школьный класс не может удовлетворять потребность в персонализации каждого его члена (Кондратьев, 1997), что приводит к падению значимости класса для ребенка и поиска им новой референтной группы, образованной, например, вокруг какого-то увлечения – компьютерных игр, разных видов музыки или, как частный

пример, квадروبинга. Вопрос – насколько частным является этот пример? Проведем маленькое квазиэмпирическое исследование.

Итак, квадроберы, упоминаемые на высших уровнях СМИ (о них говорил, например, министр иностранных дел) имеют в России единственный интернет-форум с 18 сообщениями и 13 сообществами в социальной сети «ВКонтакте», самое большое из которых насчитывает около 5 тысяч членов (беглый анализ показывает, что большая часть профилей уже удалена, следовательно, имела место накрутка подписчиков). Для сравнения – количество сообществ, посвященных эзотерике (т.е. ненаучному знанию), в той же соцсети сложно поддается счету, а самое большое из них насчитывает на два порядка больше пользователей (больше 500 тысяч человек). При этом что можно считать более разрушительным – квадروبинг или эзотерику? Эзотерика – «духовный яд», который «отравляет души многих наших сограждан» (Городецкая, 2024), а квадروبинг – связанное с физической активностью увлечение незначительной части подростков, которое с большой долей вероятности сойдет на нет с течением времени. Каковы же причины информационного раздувания данной проблемы? Ими может стать: увеличение популярности и финансовой обеспеченности конкретных людей (при удачной монетизации) или отвлечение внимания от важной проблемы (Курбанов, 2022). Монетизация явления уже имеет место быть – в интернете квадроберам предлагают работать на детских праздниках. Если предположить, что речь идет об отвлечении внимания, то надо найти то, от какого инфоповода оно отвлекается. Для этого можно использовать статистику поисковых запросов. Инструмент «Яндекс Вордстат» показывает кратное увеличение запросов «квадроберы» в сентябре 2024 года и такой же кратный спад в ноябре того же года. Далее следовало бы сопоставлять это с различными обстоятельствами на мировой арене, происходящими в это время, однако нет никаких оснований для того, чтобы считать, что в нашей стране могут использовать такой прием в пропагандистских целях.

Итак, можно сказать, что проблемы квадроберов не существует – информационный шум превышает масштабы этого явления. Причинами же появления такого тренда видятся своеобразный протест против бьюти-индустрии, искажающий представление о собственном

теле, а также поиск новых форм социальной идентичности младшими подростками.

Литература

1. *Городецкая В.* В РПЦ призвали к борьбе с эзотерикой и оккультизмом // Взгляд. URL:<https://vz.ru/news/2024/6/25/1274807.html?ysclid=m69d20yshd231944932>
2. *Кондратьев М.Ю.* Подросток в замкнутом круге общения. М., Воронеж, 1997.
3. *Курбанов Т.К., Качаева Г.И., Малаев А.Х., Качаев З.К., Саадуев О.С.* Угрозы распространения и методы ограничения фейковых новостей // Образование и право. 2022. №6.
4. *Терентьева Д.А.* Связь отчуждения собственного тела с индивидуальными представлениями о здоровье: дис. ... магистра. М., 2014.

Социальное окружение как ресурс преодоления выгорания у спортсменов старшего юношеского возраста

Берилова Е.И.

*ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия
berilovanew@mail.ru*

Феномен выгорания в спорте является достаточно актуальной темой исследований. Это неслучайно, так как выгоранию подвержены все субъекты спортивной деятельности, а его последствия оказывают негативное влияние на здоровье и результативность соревновательной деятельности атлетов (Позняк, Берилова, 2020). Выгорание в спорте является результатом хронических эмоциональных и физических перегрузок. Внимание исследователей данного феномена в спортивной деятельности сегодня сосредоточено на изучении личностных особенностей спортсменов, препятствующих развитию стресса и выгорания (Белоконь, Горская, 2019; Берилова, Босенко, Распопова, 2023; Распопова, Босенко, 2020). В меньшей мере специалисты в сфере

спортивной психологии обращаются к исследованию внешних ресурсов преодоления выгорания, в частности, к изучению роли социального окружения атлетов (Совмиз, 2016). Родители, тренер, сверстники могут оказывать значимую поддержку спортсменам и быть важным социальным ресурсом преодоления выгорания у атлетов, что определяет актуальность нашего исследования

Цель исследования – установить роль социального окружения как ресурса преодоления выгорания у спортсменов.

В исследовании приняли участие 60 спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой (возраст 16-18 лет). Психодиагностические методики: опросник выгорания, методика диагностики социальных связей Н.В. Кузьминой, опросник «Тренер-спортсмен» Ю. Ханина, А. Стамбулова; опросник А.Ф. Фидлера для диагностики психологической атмосферы в группе.

Сначала в исследовании были установлены особенности выгорания, социально-психологического климата в группе, специфика взаимоотношений в диаде «тренер-спортсмен», а также параметры социально-психологических связей. У большей части спортсменов-тяжелоатлетов были установлены симптомы выгорания. Взаимоотношения с тренером атлеты оценивают как благоприятные. Для спортсменов наиболее значимыми являются родители и сверстники. Они считают, что могут доверять своим близким людям, уверены в их помощи и защите в случае необходимости. Психологическая атмосфера в спортивной группе благоприятная.

Затем нами было проведено корреляционное исследование, которое позволило установить значимые взаимосвязи между симптомами выгорания и изучаемыми параметрами в группе спортсменов, занимающихся тяжелой атлетикой.

Была выявлена достоверная прямая взаимосвязь между общим показателем выгорания и психологической атмосферой в группе ($r = 0,26$; $p \leq 0,05$). Так, чем ниже уровень психологической атмосферы в группе, тем меньше вероятность развития симптомов выгорания у атлетов. В свою очередь, необходимо подчеркнуть, что низкие значения уровня психологической атмосферы в группе определяются положительной оценкой климата, сформировавшегося в коллективе, доброжелательностью членов группы. Высокий уровень показателя психологической атмосферы говорит о недружественных, враждебных

взаимоотношениях в спортивной группе. Таким образом, чем более комфортная психологическая атмосфера присутствует в группе атлетов, тем ниже риск появления у них симптомов выгорания.

Риск развития симптомов выгорания тем выше, чем в меньшей степени спортсмены оценивают тренера как компетентного специалиста (гностический компонент), а именно формируются симптомы, связанные со снижением чувства достижений ($r = -0,27$; $p \leq 0,01$) и их обесцениванием ($r = -0,31$; $p \leq 0,05$), а также интегральный параметр выгорания ($r = -0,28$; $p \leq 0,05$). Также вероятность формирования обесценивания достижений тем выше, чем в меньшей мере спортсмены получают от тренера эмоциональную поддержку и участие ($r = -0,45$; $p \leq 0,01$). Между исследуемыми параметрами были установлены обратные значимые взаимосвязи.

В исследовании было выявлено, что значимость бабушки снижает вероятность снижения чувства достижения у спортсменов ($r = -0,32$; $p \leq 0,05$). А чем выше значимость матери для спортсменов, тем меньше риск появления у них обесценивания достижений ($r = -0,26$; $p \leq 0,05$). В свою очередь, чем более значимыми для спортсменов являются друзья вне школы, тем ниже риск формирования у них эмоционального (физического) истощения ($r = -0,27$; $p \leq 0,05$) и обесценивания достижений ($r = -0,29$; $p \leq 0,05$). Риск формирования симптома «Обесценивание достижений» в выборке спортсменов тем ниже, чем больше их уверенность в том, что близкие им помогут ($r = -0,25$; $p \leq 0,05$), а также смогут им дать совет ($r = -0,28$; $p \leq 0,05$) в сложных ситуациях.

Данные нашего исследования подчеркивают значимость социального окружения в преодолении выгорания у спортсменов юношеского возраста, занимающихся тяжелой атлетикой. Мы видим, что благоприятная атмосфера в группе, эмоциональная поддержка тренера и уверенность спортсменов в его профессиональной компетентности снижают риск формирования симптомов выгорания. А поддержка спортсменов со стороны матери, бабушки и сверстников, а также возможность обратиться к ним за советом и за помощью, как видим, являются действенным ресурсом преодоления синдрома выгорания у спортсменов. Результаты исследования говорят о необходимости учета поддержки со стороны социального окружения

спортсменов как ресурса преодоления выгорания в спортивной деятельности.

Литература

1. *Белоконь В.О., Горская Г.Б.* Роль эмоционального и социального интеллекта в поддержании психической устойчивости субъектов командной деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2019. № 4(49).
2. *Берилова Е.И., Босенко Ю.М., Распопова А.С.* Психологические ресурсы совладающего поведения у спортсменов подросткового и юношеского возраста // Физическая культура, спорт - наука и практика. 2023. № 4. С. 110-115.
3. *Позняк А.С., Берилова Е.И.* Психологические регуляторы эмоционального выгорания у спортсменов / А.С. Позняк, Е.И. Берилова // Олимпийский спорт и спорт для всех: материалы XXV Международного научного конгресса : в 2 ч., Минск, 15–17 октября 2020 года. Часть 2. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2020. С. 479-483.
4. *Распопова, А. С., Босенко Ю.М.* Психологические предпосылки устойчивости к стрессу спортсменов высокой квалификации // Олимпийский спорт и спорт для всех: материалы XXV Международного научного конгресса : в 2 ч., Минск, 15–17 октября 2020 года. Часть 2. Минск: Белорусский государственный университет культуры и искусств, 2020. С. 489-493.
5. *Совмиз З.Р.* Социально-психологические ресурсы преодоления трудностей в командных видах спорта // Психолого-педагогические и медико-биологические проблемы физической подготовки, физической культуры и спорта: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 90-летию со дня рождения академика В.Л. Марищука, Санкт-Петербург, 21–22 сентября 2016 года / МО РФ, Военный институт физической культуры. Часть 1. Санкт-Петербург: Изд-во «Маматов», 2016.

К вопросу о мотивации достижения у интеллектуально успешных подростков

Бессонов Д.О., Никитская М.Г.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
d.o.besssonov@ya.ru, maria.nikitskaya@gmail.com

Практика в сфере образования подчеркивает важность исследования вопросов, связанных с особыми образовательными потребностями и индивидуальными особенностями учащихся, демонстрирующих выдающиеся достижения. Интеллектуально успешные школьники часто рассматриваются как саморазвивающиеся личности, обладающие высокими интеллектуальными способностями. Изучение данной группы является важной составляющей образовательной системы, ориентированной на потребности всех обучающихся (Минпросвещения РФ, 2020).

Вслед за исследователями, под интеллектуально успешными школьниками мы подразумеваем победителей и призеров олимпиад – то есть учащихся, способных демонстрировать углубленные знания и навыки высокого уровня в различных предметных областях, таких как математика, физика, химия и другие. Участие в олимпиадах обычно требует от участников не только актуальных знаний, но и развитого мышления, креативности и умения решать нестандартные задачи (Кондратьев, 2019).

Интеллектуальная успешность тесно связана с общей образовательной средой, доступом к качественным ресурсам, а также поддержкой со стороны учителей, родителей и администрации учебных заведений (Юркевич, 2018). Развитие у обучающихся интереса к учебе и поддержание их учебной мотивации имеет важное значение для достижения успехов в обучении (Гордеева, 2015).

В зарубежной психологической и педагогической науке активно исследуется мотивация достижения обучающихся. Одной из наиболее известных западных теорий учебной мотивации является «Теория целей достижения» (Achievement Goal Theory), разработанная Э. Эллиотом с коллегами (Elliot et al., 2011). В рамках данной теории исследуются цели, связанные с заданиями, саморазвитием и с

демонстрацией результата, на достижение или избегание которых ориентированы обучающиеся в процессе учебной деятельности. Таким образом, выделяется шесть типов целей, которые отражают различные аспекты мотивации достижения (Никитская, 2019):

1. цели достижения при выполнении задания (Task-Approach Goals);
2. цели избегания при выполнении задания (Task-Avoidance Goals);
3. цели личного достижения (Self-Approach Goals);
4. цели личного избегания (Self-Avoidance Goals);
5. цели достижения в сравнении с другими (Other-Approach Goals);
6. цели избегания в сравнении с другими (Other-Avoidance Goals).

Исследования учебной мотивации в рамках модели Э. Эллиота уже проводились среди российских школьников (Гордеева, 2015), однако цели достижения обучающихся, которые в настоящее время активно участвуют и добиваются успехов в олимпиадах, пока остаются недостаточно изученными.

Нами было проведено пилотажное исследование целей учебных достижений у интеллектуально успешных школьников, участвующих в олимпиадах. В исследовании приняли участие 69 обучающихся московских школ (15–17 лет, 9–11 классы), специализирующихся на гуманитарном профиле. Все испытуемые являются победителями или призерами муниципального и/или регионального этапов олимпиад по таким предметам, как история, обществознание, мировая художественная культура и другим дисциплинам гуманитарного цикла. Исследование проводилось осенью 2024 года и было направлено на выявление особенностей учебной мотивации и целеполагания у данной категории учащихся.

В результате анализа выявлено, что среди интеллектуально успешных школьников наиболее выражены цели, направленные на личные достижения ($M = 15,30$; $SD = 3,32$) и цели, направленные на избегание при сравнении с другими ($M = 15,26$; $SD = 3,81$). Чуть менее выраженными оказались цели достижения при выполнении задания ($M = 15,20$; $SD = 2,92$) и цели личного избегания ($M = 15,19$; $SD = 3,66$).

Наименее выражены цели избегания при выполнении задания ($M = 13,70$; $SD = 3,01$) и цели достижения в сравнении с другими ($M = 13,23$; $SD = 4,63$).

Этот результат показывает доминирование в учебной деятельности интеллектуально успешных подростков желания видеть

свое собственное развитие, ощущать, как растут их компетенции, при одновременной тревоге, связанной с возможностью негативного социального сравнения, страхе проявить себя хуже других сверстников. Это может указывать на важность создания образовательной среды, где акцент ставится на индивидуальном прогрессе, а не на постоянной соревновательности.

К перспективам исследования относится увеличение выборки, а также анализ связи между целями учебных достижений и другими конструктами мотивационно-потребностной сферы интеллектуально успешных школьников.

Литература

1. Гордеева Т.О. Психология мотивации достижения. Москва: Смысл, 2015. 334 с.
2. Кондратьев М.Д. Психологическое сопровождение интеллектуально успешных подростков с разным интрагрупповым статусом [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. Социальная психология и общество 2019. Т. 10. № 2. С. 175—183 doi: 10.17759/sps.2019100213
3. Никитская М.Г. Исследования целей достижения и направленности в контексте учебной мотивации [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2019. Том 8, № 2. С. 26–35. DOI: 10.17759/jmfp.2019080203
4. Об утверждении Порядка проведения Всероссийской олимпиады школьников. Приказ министерства просвещения России от 27 ноября 2020 г. №678. [Электронный ресурс] // URL: https://всош.цпм.рф/files/m_files/178/pr-minpros-678-ot-27-11-2020.pdf (дата обращения: 19.01.2025).
5. Юркевич В.С. Интеллектуальная одаренность и социальное развитие: противоречивая связь [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 2. С. 28–38. DOI: 10.17759/jmfp.2018070203.
6. Elliot A.J., Murayama K., Pekrun R. A 3x2 Achievement Goal Model // Journal of Educational Psychology. 2011. Vol. 103. № 3. P. 632–648 doi:10.1037/a0023952

Отношение к экстремальной ситуации у военнослужащих и работников социальной сферы

Богатеева Л.И.

*ФГАОУ ВО ГУП, Мытищи, Россия
lyubov.bogateeva@gmail.com*

Человек всегда будет восприимчив к экстремальной ситуации, так как в структуру экстремальной ситуации входят такие элементы как ситуативность, субъективная или объективная угроза жизни и здоровью человека, субъективная или объективная угроза психологическому благополучию человека. Но в зависимости от профессиональной направленности люди могут реже или чаще встречаться с экстремальными ситуациями, а некоторые виды деятельности и вовсе направлены на непосредственную работу с ними. Причастность к определенной сфере деятельности формирует у группы определенное «понимание» «экстремальной ситуации» (Богатеева, 2024; Лапкина, 2020). Для грамотной подготовки кадров стоит обратить внимание на социальные компоненты представлений экстремальной ситуации, чтобы учесть специфику группы, например у военных служащих или у работников социальной сферы (O'Keefe, Urban, Darr, 2019). Изучением социально-психологических установок занимался В.А. Ядов. Этому ученому удалось построить структуру представлений, благодаря которой можно выяснить социально-психологические представления экстремальной ситуации для углубленной подготовки кадров к экстремальной ситуации (Ткаченко, Ивлиев, 2022). Он выделил несколько уровней представлений: 1 уровень – низшие установки человека, второй уровень – аттитюды, третий уровень – направленность личности, четвертый уровень – ценностно-личностные установки (Богатеева, 2024; Ланцев, 2019; Ядов, 2013).

В этом исследовании рассматривается третий уровень диспозиционной концепции В.А. Ядова с помощью модифицированной методики «Незаконченные предложения» Сакса – Леви (модификация В.Е. Петрова, Л.И. Богатеевой). Методика «Незаконченные предложения» позволяет выявить осознаваемые и неосознаваемые установки человека, показывает его отношение к экстремальной

ситуации, она включает три фактора: «Самоанализ поведения человека», «Опасения человека» и «Социальные установки».

В статье рассматриваются две группы: 55 человек – профессиональные военные Вооруженных сил РФ мужского пола (из Войсковой части Воздушно-Космических сил РФ г. Санкт-Петербурга XXXXX), 55 человек – работники социальной сферы мужского и женского пола (из Государственных бюджетных организаций «Семейных центров» и «Центров содействия семейному воспитанию»). Возраст респондентов от 18 до 58 лет. Общее количество выборки 110 человек. Анализ результатов по методике проводился с помощью критерия *U* Манна – Уитни.

По результатам анализа не было выявлено значимых различий по параметрам «Самоанализ поведения человека» и «Социальные установки», но имеются значимые различия по параметру «Описания человека» ($U = 197,000$; $p < 0,01$).

У военнослужащих по параметру «Самоанализ поведения» общий уровень 2,07; по параметру «Опасения человека» – 1,82; «Социальные установки» – 2,48. У специалистов социальной сферы по параметру «Самоанализ поведения» общий уровень 2,11; по параметру «Опасения человека» – 2,62; «Социальные установки» – 2,47. Из этого следует, что у военнослужащих все параметры находятся на среднем уровне, тогда как у специалистов социальной сфере параметр «Опасения человека» высокого уровня.

Анализ полученных данных позволил сравнить общегрупповую направленность личности, а именно третий уровень экстремальной ситуации у военнослужащих и специалистов социальной сферы, основываясь на диспозиционной концепции В.А. Ядова. Военнослужащие на среднем уровне могут анализировать свое поведение, имеется общегрупповое понимание экстремальной ситуации и страхи, связанные с этой ситуацией. У специалистов социальной сферы все страхи исключительно касаются экстремальной ситуации, в остальном у этой группы аналогичные характеристики.

Это исследование является продолжением изучением социально-психологических представлений экстремальной ситуации в разных социальных группах.

Литература

1. *Богатеева Л.И.* Представления об экстремальной ситуации у студентов на основе диспозиционной концепции В.А. Ядова / Л.И. Богатеева // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12, № 4.
2. *Ланцев В.Л.* Прогнозирование поведения педагогов в условиях трансформации системы образования на основе диспозиционной концепции личности В.А. Ядова // Среднерусский вестник общественных наук. 2019. № 14 (4). С. 242-261. <https://doi.org/10.22394/2071-2367-2019-14-4-242-261>
3. *Лапкина Е.В.* Паттерны защитно-совладающего поведения курсантов // Психология образования в поликультурном пространстве. 2020. № 2 (50). С. 40-49. <https://doi.org/10.24888/2073-8439-2020-50-2-40-49>
4. *Ткаченко Н.И., Ивлиев П.В.* Теория установки Д.Н. Узнадзе как система познания закономерностей психической активности человека, его сознания и действий // Прикладная юридическая психология. 2022. № 2 (59). С. 121-126.
5. *Ядов В.А.* Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: диспозиционная концепция. 2-е расширенное издание. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
6. *O'Keefe D., Urban S., Darr W.* Psychology in the military // The Canadian handbook for careers in psychological science. 2019. С. 354.

Связь просоциального поведения с уровнем волонтерской активности у студентов российских вузов

Бондаренко И.Е., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
irina1237078@yandex.ru

В современном обществе, где повсеместно развиты товарно-денежные отношения, любую услугу и даже совет можно оценить с точки зрения того, сколько это стоит. Наравне с этим активно формируется и развивается достаточно новая социокультура –

волонтерство (также называемое добровольчество), которое представляет собой «добровольный, бескорыстный труд, направленный на решение социально значимых задач» (Федеральный закон, 1995). Люди, занимающиеся волонтерской деятельностью, вносят вклад в развитие не только социальной сферы, но и – образовательной, политической, культурной и др. Поэтому как никогда становится актуальным изучение феномена волонтерства, мотивации и особенностей просоциального поведения волонтеров.

Согласно П.А. Кислякову, в личности волонтера определяется проявление просоциального поведения и социально направленной активности, волонтеры руководствуются такими ключевыми критериями, как добровольность оказания помощи и поддержки, самоотдача в помощи чужим людям (Кисляков, 2020).

В качестве основных характеристик просоциального поведения волонтеров выделяют альтруизм и эмпатию. Альтруизм представляет собой феномен бескорыстной помощи и заботы о других без ожидания вознаграждения, основанный на нормах социальной ответственности, преодолении собственных интересов и потребностей в пользу благополучия человеческого сообщества (Шеленина, 2022). Помимо самого альтруизма, также существует понятие «альтруистическое инвестирование», которое описывается как способ взаимодействия с социумом для приумножения социального капитала, в основании которого лежит готовность добровольно жертвовать различными ресурсами для помощи другим (Марарица и др., 2019).

В свою очередь эмпатия является свойством личности, благодаря которому становится возможным «осознанное сочувствие или сопереживание текущему эмоциональному состоянию другого с сохранным ощущением происхождения этого переживания» (Гаврилова, 1974), таким образом, способствуя более эффективному оказанию помощи.

По мнению зарубежных и отечественных авторов, эмпатия выступает мотиватором альтруизма, проявляясь в готовности оказать помощь нуждающемуся человеку (Быстрова, 2020). Взяв за основу эти два компонента, мы выдвинули гипотезу о существовании связи альтруизма и эмпатии с уровнем волонтерской активности. Были выбраны следующие методики: «Опросник эмоциональной эмпатии» (Emotional Empathic Tendency Scale) А. Мехрабиана и Н. Эпстайна в

адаптации Ю.М. Орлова и Ю.Н. Емельянова; опросник «Социально-психологические установки личности» О.Ф. Потемкиной; опросник «Шкала альтруистического инвестирования» Л.В. Марарицы, Т.В. Казанцевой, А.Л. Свенцицкого, Л.Г. Почебут.

В выборку исследования вошли 64 студента-волонтера в возрасте от 18 до 35 лет. По результатам опроса мы разделили их на две группы: первая – 34 человека, которые постоянно занимаются волонтерством; вторая – 30 человек, редко/нерегулярно занимаются волонтерской деятельностью.

Средний балл показателя альтруизма у первой группы составил 6,03 балла и ниже у второй группы – 5,1 балла из 10 возможных. Соответственно, показатели эгоизма обратные: у первой группы 3,5 балла; у второй он выше – 4,7.

По результатам применения опросника «Социально-психологические установки личности» показатели собственно альтруизма не обнаруживают статистически значимых различий у волонтеров с разным уровнем волонтерской активности, из чего мы делаем вывод, что уровень волонтерской активности и альтруизм не взаимосвязаны. Но при этом показатель альтруистического инвестирования показал статистически значимые различия (критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$) между группами волонтеров, альтруистическое инвестирование волонтеров первой группы выше, чем у второй (средние значения: 29,65 против 25,67; медианы: 30 против 26).

По результатам психодиагностических методик лишь 12 представителей первой группы (35%) продемонстрировали высокий уровень эмоциональной эмпатии, из волонтеров второй группы аналогичный результат выявлен у 7 человек (23%); низкий уровень эмоциональной эмпатии представлен у 3 представителей первой группы (9%) и 8 из второй группы (27%). Оставшиеся респонденты показали средний уровень эмоциональной эмпатии (19 волонтеров (56%) и 15 волонтеров (50%) соответственно).

По результатам применения методики «Опросник эмоциональной эмпатии», уровень эмпатии выражен на среднем уровне у обеих групп. Вне зависимости от частоты волонтерства, люди в обеих группах проявляют определенный уровень сочувствия и понимания по отношению к эмоциям других, но при этом им трудно их интерпретировать. По результатам анализа, эмпатия не имеет связи с

уровнем активности волонтера – она проявляется на одинаковом уровне у волонтеров обеих групп.

Таким образом, на основании результатов проведенного исследования выдвинутая нами гипотеза подтверждена частично: существует связь уровня альтруистического инвестирования с уровнем активности волонтера. Людям, регулярно занимающимся добровольчеством, характерно использование стратегии альтруистического инвестирования, они более других желают улучшить жизнь окружающих и способствовать совершенствованию социальной среды, чем люди, которые редко или нерегулярно занимаются волонтерской активностью.

В качестве перспектив дальнейших исследований можно рассмотреть другие особенности просоциального поведения у волонтеров, их сравнение и выделение доминирующих типов. Все это поможет более глубинно изучить особенности людей, занимающихся добровольческой деятельностью, а также откроет возможности для разработки программ поддержки волонтеров.

Литература

1. *Быстрова Т.М.* Особенности развития эмпатии у студентов-волонтеров / Т.М. Быстрова, А.А. Бешенова // Интеграция науки и образования в XXI веке: психология, педагогика, дефектология : сборник научных трудов по материалам III Международной научно-практической конференции, Саранск, 28 мая 2020 г. Саранск: Мордовский государственный педагогический университет имени М.Е. Евсевьева, 2020. С. 6.
2. *Гаврилова Т.П.* Экспериментальное изучение эмпатии у детей младшего школьного возраста // Вопросы психологии. 1974. № 5. С. 107-114.
3. *Кисляков П.А.* Программы и технологии развития просоциального поведения / П.А. Кисляков, Е.А. Шмелева, О. А. Силаева // Ярославская психологическая школа: история, современность, перспективы: Сборник материалов Всероссийской научной конференции, Ярославль, 08–20 октября 2020 года / Отв. редактор А.В. Карпов. Ярославль:

- Общество с ограниченной ответственностью «Филигрань», 2020. С. 393-397.
4. *Марарица Л.В., Казанцева Т.В., Почебут Л.Г., Свенцицкий А.Л.* Альтруистическое инвестирование как нетворкинг-стратегия личности: разработка шкалы и проверка конструктивной валидности // Социальная психология и общество. 2019. Том 10. № 3. С. 157–176.
 5. Федеральный закон «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11.08.1995 № 135-ФЗ.
 6. *Шеленина О.В.* Альтруизм в волонтерской деятельности: миф или реальность / О.В. Шеленина, Я.Л. Дубровская // За нами будущее: взгляд молодых ученых на инновационное развитие общества: Сборник научных статей 3-й Всероссийской молодежной научной конференции, Курск, 03 июня 2022 г. Том 2. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 161-164.

Проблема социально-когнитивных предпосылок при формировании политических предпочтений

Борисов Н.И., Кузнецов И.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
borisov.n.i@mail.ru

Проблема того, на основе чего человек отдает предпочтение конкретной политической группе и каковы предпосылки к возникновению предпочтений отдельного человека относительно политических сообществ, остается актуальной на протяжении долгого времени. Один из способов понять специфику такого выбора – исследование того, как человек познает окружающую его реальность. Речь идет как о когнитивных функциях – внимание, восприятие, обучение, память, мышление, воображение и др. (Величковский, 2022), которые можно рассмотреть с позиции предпосылок, так и о социальных, подразумевающих влияние общества. Это не говорит о том, что формирование предпочтений основано только на этих

предпосылках, это скорее говорит о важности этой области для понимания процессов формирования политических групп.

Так, например, концепция «Когнитивной закрытости», разработанная А. Круглански с коллегами, раскрывает этот феномен как стремление к любому ответу на заданную тему, чтобы избежать путаницы или двусмысленности (Kruglanski, Higgins, Sorrentino, 1990). Сама шкала измеряет степень того, насколько сильно человек хочет достичь ощущения определенности (Kruglanski, 2006). Что касается эмпирического подтверждения наличия взаимосвязи между характеристикой когнитивной закрытости и политических предпочтений, то есть исследование И. Корнелис и коллег, где было показано опосредованное влияние «потребности в закрытии» на показатели культурного консерватизма (Cornelis et al., 2009). Или, например, исследование, где была изучена взаимосвязь между «потребностью в закрытии» и таких характеристик, как «наличие объективных истин» или ценностей, обладающих абсолютным характером. Проявлялись эти характеристики как у традиционных, так и у современных, модернистских мировоззрений (Zavala, Bergh, 2007). Были также исследования, касающиеся изучения взаимосвязи ригидности и политического консерватизма. Так, в исследовании М. Роттенбахера пишут об обнаруженной взаимосвязи ригидности и консерватизма (Rottenbacher, 2012).

Также за предпосылку можно принять такое свойство личности, как локус контроля, введенное Дж. Роттером и определяемое как «степень понимания человеком причинных взаимосвязей между собственным поведением и достижением желаемого» (Салливан, Роттер, Мишел, 2007), где люди с интернальным локусом контроля ищут причину произошедшей удачи/неудачи в собственных действиях, в то время как экстернальный локус соответствует поиску причин произошедшего во внешних факторах. Что касается изучения взаимосвязи локуса контроля и политических предпочтений, то в исследовании Ю. Чертковой и коллег была показана взаимосвязь между авторитаризмом и интернальным локусом контроля (Черткова и др., 2017). Исследователи объяснили результаты тем, что авторитарность – компенсаторная характеристика, что не противоречит свободе воли и интернальному локусу контроля, а консерватизм, ориентированность на традиции подразумевает взятие на себя определенной ответственности. Взаимосвязь локуса контроля и авторитарности

подтвердилась, в том числе, в других исследованиях (McCollaum, Lester, 1995).

Взаимосвязь авторитарности и интернального локуса контроля можно проинтерпретировать таким образом, что люди, обладающие внутренним локусом контроля, будут проявлять авторитарность поведения в том смысле, что будут брать на себя ответственность за принятие решений, затрагивающих не только их самих, но и других членов группы. В то же время условная «либеральность», хоть и подразумевает увеличение личной свободы относительно остальных, приводит к падению ответственности относительно друг друга, что может повлиять на итоговый результат отдельного субъекта, что, в свою очередь, имеет общие черты с интерпретацией причин, характерной для экстернального локуса контроля.

Литература

1. *Величковский Б.М.* Когнитивная психология // Большая российская энциклопедия: научно-образовательный портал – URL: <https://bigenc.ru/c/kognitivnaia-psikhologiya-e81ba8/?v=6239240>. Дата публикации: 24.05.2022. Дата обновления: 10.02.2023
2. *Салливан Г., Роттер Дж., Мишел У.* Теория межличностных отношений и когнитивные теории личности // Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2007. 128 с.
3. *Черткова Ю.Д., Егорова М.С., Паршикова О.В., Ржанова И.Е.* Авторитарность как компенсаторная характеристика // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 56. С. 11.
4. *Cornelis I., Van Hiel A., Roets A., Kossowska M.* Age differences in conservatism Evidence on the mediating effects of personality and cognitive style // Journal of Personality. 2009. Vol. 77. С. 51-88.
5. *Kruglanski A.W.* Groups as Epistemic Providers: Need for Closure and the Unfolding of Group-Centrism // Psychological Review. 2006. Vol.113. №1. С. 84-100.
6. *Kruglanski A.W., Higgins E.T., Sorrentino R.M.* Motivations for judging and knowing: Implications for causal attribution. The handbook of motivation and cognition: Foundation of social behavior // New York: Guilford Press. 1990. Vol2. С. 333-368.

7. *McCollaum B., Lester D.* Authoritarianism, Anti-Authoritarianism, and Locus of Control // *Psychological Reports*. 1995. Vol.76. №2. С. 12–19.
8. *Rottenbacher J.M.* Political conservatism and cognitive rigidity in a sample of university students and graduates of the city of Lima // *Avances en Psicología Latinoamericana*. 2012. Vol. 30. №2. С. 257-271.
9. *Zavala A.G., Bergh A.V.* A Need for cognitive closure and conservative political beliefs: Differential mediation by personal worldviews // *Political Psychology*. 2007. Vol. 28. С. 587-608.

Особенности ценности профессиональной сферы студентов колледжей первого и выпускного курсов

***Борозинец Д.В., Суннатова Р.И.**
ФГБОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
d.borozinetss@gmail, sunrano@mail.ru*

В психологии «ценности» рассматриваются как самостоятельная категория, отличная от мотивов и потребностей. В контексте профессионального самоопределения ценностные ориентации рассматриваются К.А. Абульхановой-Славской как основа реализации личности, определяющая выбор профессии и стратегии профессионального развития (Абульханова, 2020). Ш. Шварц определяет ценности как осознанные потребности, зависящие от культурного контекста, в то время как Э. Толмен понимает «ценность» как желанность целевого объекта (Психология личности..., 2019). Н.С. Пряжниковым и Э.Ф. Зеер подчеркивается особая роль студенческих лет в переоценке и перестройке ценностных ориентаций, влияние ценностной системы на формирование модели профессионального будущего и образа профессионала (Зеер, 2021; Ценностно-моральные и когнитивные..., 2022). Интересы, выражаемые в ценностях, могут быть обусловлены противоречиями между «хочу», «могу» и «надо» (Е.А. Климов), а также исчерпанием возможностей развития как «ввысь», так и «вширь» (Н.С. Пряжников) (Ценностно-моральные и когнитивные..., 2022).

В настоящем исследовании мы рассматриваем личностные ценности (ценность саморазвития, достижения и др.) как уровневую систему осознанно-значимых аспектов жизни человека. Под ценностями жизненных сфер мы понимаем то, что важно и значимо для студентов в различных областях их жизни (профессия, образование, досуг, семья, общественная деятельность).

Цель исследования заключается в выявлении взаимосвязей между личностными ценностями и ценностью профессиональной сферы студентов колледжей. В число респондентов исследования вошли студенты учебных заведений среднего профессионального образования г. Москвы в возрасте от 16 до 20 лет, всего 397 студентов. Для решения задач исследования использовалась методика АНЛ5.1, разработанная А.В. Капцовым.

Корреляционный анализ показателя «ценность сферы профессии» показал наличие значимых связей, что указывает на прогностическую способность различных личностных ценностей переходить в ценности сферы профессии. Регрессионный анализ в нашем случае дает возможность определить, какие ценности лежат в основе вариаций различных показателей ценности профессиональной сферы в жизни студентов. Для объясненной дисперсии 39,6% вариации в высоком уровне ценности профессии объясняется 4 личностными ценностями. Это достаточный показатель, который указывает на то, что исследуемые независимые переменные являются предикторами:

- ценность достижения, для учащихся с высоким уровнем ценности достижений их профессиональные успехи играют ключевую роль в общем восприятии ценности профессии: с увеличением значимости достижений увеличивается и ценность профессии;
- ценность креативности также указывает на положительное влияние личностной ценности креативности на восприятие профессиональной ценности; это говорит о том, что ученики, оценивающие креативные аспекты деятельности, склонны придавать высокое значение ценности сферы профессии;
- ценность коллективности указывает на то, что социальные взаимодействия также оказывают влияние, хотя и менее значительное;
- ценность духовного удовлетворения включена в регрессионную модель хоть и с меньшей значимостью.

Во время анализа для каждой группы студентов (1 и 3 курс) были сформированы таблицы сопряженности и результаты Хи-квадрат (χ^2) теста. Далее будут описаны полученные связи.

Общая устойчивость ценности профессии в соотношении с высоким уровнем ценности сферы профессии для первого курса ($\chi^2 = 26,754$; $p = 0,179$), а для третьего курса ($\chi^2 = 18,007$; $p = 0,115$). В обоих случаях $p > 0,05$, что указывает на отсутствие статистически значимой связи между высоким уровнем ценности профессии и общей устойчивостью этой ценности. Это может говорить о том, что на начальном этапе обучения представления о ценности профессии еще формируются. У студентов 3-го курса наблюдается тенденция к увеличению устойчивости общей ценности профессии (смещение распределения в сторону более высоких коэффициентов устойчивости). Устойчивость ценности креативности в соотношении с высоким уровнем ценности сферы профессии для первого курса ($\chi^2 = 26,036$; $p = 0,038$), указывает на статистически значимую связь между высоким уровнем ценности профессии и устойчивостью личностной ценности креативности у студентов первого курса. Для третьего курса – значимой связи нет. Возможно, на начальном этапе обучения студенты с высокой мотивацией к профессии особенно остро осознают важность увлеченности деятельностью и разнообразия подходов к решению ситуаций. Устойчивость ценности достижений для первого курса ($\chi^2 = 19,857$; $p = 0,070$), а для третьего курса ($\chi^2 = 4,057$; $p = 0,908$). У студентов 3-го курса с высоким уровнем ценности профессии статистически значимых связей между ценностью сферы профессии и различными аспектами устойчивости ценностей не обнаружено. Это может быть связано с тем, что к третьему курсу ученики начинают определяться со своими жизненными или профессиональными целями, и связь личностных ценностей с ценностью сферы профессии становится более сложной и нелинейной.

На основании полученных данных можно заключить, что для студентов как первого, так и третьего курсов, при среднем уровне ценности сферы профессии не наблюдается статистически значимой связи с устойчивостью ценности профессии, духовных и индивидуальных ценностей. Все полученные значения значительно превышают уровень значимости $p > 0,05$. Хотя статистически значимой связи не выявлено, распределение студентов по уровням устойчивости показывает определенные тенденции: большинство студентов, как на 1,

так и на 3 курсах, демонстрируют уровень устойчивости ценностей духовной удовлетворенности и ценности индивидуальности в диапазоне от 0,3 до 0,4, что говорит о динамичной составляющей этих ценностей. Студенты 3 курса имеют представление о своей профессии и ценностях жизни, но эти представления не обязательно связаны с их оценкой ценности самой сферы профессии.

Доказанные результаты нашего исследования студентов в отношении ценности сферы профессии предполагают продолжение исследований иерархической структуры их аксиосферы с учетом включения факторов мотивации, карьерных ориентаций, потребности в информации, личных смыслов и факторов, детерминирующих обучающихся исходя из выбранного ими направления обучения.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Сознание личности как проблема. Часть III / К. А. Абульханова, А. Н. Славская // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 23-32. DOI 10.18384/2310-7227-2020-4-23-32. EDN GDXFKT.
2. *Зеер Э.Ф.* Цифровое поколение в контексте прогнозирования профессионального будущего / Э. Ф. Зеер, Н. Г. Церковникова, В. С. Третьякова // Образование и наука. 2021. Т. 23. № 6. С. 153-184. DOI 10.17853/1994-5639-2021-6-153-184. EDN NDPSAT.
3. *Капцов А.В., Яшина Н.В.* Методика диагностики структуры аксиосферы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия Психология. 2022. №2 (30). С. 27–37. EDN GHSJE.
4. *Психология личности: Пребывание в изменении* / М.О. Аванесян, А.А. Баканова, Н.В. Гришина [и др.]. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 2019. 576 с. ISBN 978-5-288-05970-4. EDN CXDVXU.
5. *Ценностно-моральные и когнитивные факторы становления субъекта профессионального самоопределения в подростковом и юношеском возрасте* / Пряжников Н.С., Молчанов С.В., Чеснокова О.Б., Чурбанова С.М., Старостина Ю.А. // М.: МГУ, 2022. 270 с. ISBN: 978-5-19-011686-1.

Специфика внутригруппового взаимодействия в профессиональной баскетбольной команде

Босенко Ю.М.

ФГБОУ ВО КГУФКСТ, Краснодар, Россия

Lavina32@mail.ru

Профессиональный спорт – это вид деятельности, связанный с очень высоким уровнем напряжения, конкуренции, требующий высокого уровня развития различных навыков (Босенко, Распопова, 2020, с. 470). В профессиональном баскетболе от спортсмена требуется не только применение технических навыков в игре, но слаженное взаимодействие всех игроков.

Одной из актуальных проблем, с которыми сталкиваются игроки в командных видах спорта, является проблема внутригруппового взаимодействия, которое непосредственно влияет на качество совместной работы и достижение результатов (Берилова, 2024; Сихаджок, Распопова, 2019, с. 126; Совмиз, Берилова, 2019, с. 137). Известно, что качество межличностных отношений напрямую связано с ростом спортивных результатов, а сплоченная команда показывает более высокие достижения.

Преодоление конфликтных ситуаций позволяет раскрыть потенциал спортивной команды, которая заключается в стремлении постоянно совершенствоваться, продвигаться вперед, достигать прогресса на пути к достижению высоких результатов. В исследованиях делается акцент на том, что в баскетбольной команде конфликты неизбежны, но управление ими является важным показателем конструктивности взаимоотношений, а значит требует от спортсменов навыков конструктивного разрешения конфликтов (Туртыгина, Босенко, 2024, с. 263).

Цель исследования – выявить особенности внутригруппового взаимодействия в профессиональной баскетбольной команде. Исследование проводилось на базе Молодежного тренировочного центра «Локомотив-Кубань» г. Краснодар. В исследовании приняли участие 20 спортсменов 18-24 лет.

Анализ стилей поведения в конфликте позволил выявить, что в начале сезона все показатели стилей поведения в конфликте выражены

на среднем уровне («Сотрудничество» ($\bar{x} = 7,00$), «Приспособление» ($\bar{x} = 6,05$), «Соперничество» ($\bar{x} = 5,00$), «Компромисс» ($\bar{x} = 5,85$), «Уклонение» ($\bar{x} = 5,45$).

В целом можно отметить ситуативное использование других стилей поведения в конфликте в зависимости от обстоятельств. Преобладание стиля «Сотрудничество» указывает, что спортсмены заинтересованы в учете интересов и желаний всех членов команды. Стремление использовать данный стиль присуще сплоченной, зрелой спортивной команде, где каждый готов конструктивно разрешать конфликты.

В конце сезона баскетболисты меньше стремятся к соперничеству, что проявляется в снижении выраженности данного показателя. Вместо этого спортсмены больше начинают акцентировать внимание на такие стили поведения в конфликте, как «Сотрудничество» ($\bar{x} = 6,60$), «Приспособление» ($\bar{x} = 6,25$), «Соперничество» ($\bar{x} = 4,90$), «Уклонение» ($\bar{x} = 5,75$), которые более выражены, и «Компромисс» ($\bar{x} = 6,15$).

Подобные результаты могут указывать на то, что спортсмены становятся менее конфликтными, что они проявляют активность в поиске конструктивных путей разрешения противоречий. При этом они могут в некоторых моментах приспособиться к мнению и решению других или вообще уклониться от решения каких-либо вопросов.

Достоверно значимых различий по показателям в начале и конце сезона не обнаружено. Это указывает на наличие схожих тенденций в проявлении данных показателей у спортсменов, а также о сформировавшихся способах поведения в конфликтной ситуации.

Таким образом, спортсмены больше склонны к конструктивному стилю поведения в конфликте в начале сезона, а в конце сезона также склоны к приспособлению и уклонению в конфликтных ситуациях, то есть они готовы приспособить собственные интересы и потребности к интересам других ради команды или же, напротив, проявляют меньше инициативы в разрешении конфликтов и не стремятся к отстаиванию собственной позиции. Ситуативно спортсмены также могут использовать и другие стили поведения, чтобы достичь собственных целей, прийти к компромиссу или же избежать конфликтной ситуации.

Далее нами была проанализирована психологическая атмосфера в коллективе спортсменов-баскетболистов в начале и в конце сезона. Не были установлены достоверные различия, что указывает на устоявшиеся характеристики этого параметра в спортивной команде.

Как в начале, так и в конце сезона в команде преобладает благоприятная атмосфера в коллективе, в которой присутствует дружелюбное, уважительное отношение. Баскетболисты считают свою команды успешной, а совместную деятельность продуктивной и полезной, это не только помогает им в повышении собственного мастерства, но также и способствует более сплоченной, слаженной работе команды. Высокий показатель оценки психологической атмосферы в спортивной команде указывает на то, что спортсмены чувствуют себя комфортно.

Далее рассмотрим, как изменилась сплоченность игроков профессиональной баскетбольной команды в начале и в конце сезона. Установлено, что между показателями, которые были зафиксированы у спортсменов, занимающихся баскетболом, в начале ($\bar{x} = 16,05$) и в конце сезона ($\bar{x} = 16,15$), достоверные различия не были установлены, что может свидетельствовать об устоявшейся форме взаимодействия спортивной команды. В данной команде наблюдается высокий уровень сплоченности как в начале сезона, так и в конце. Высокий показатель групповой сплоченности указывает, что у спортсменов наблюдается сходство ценностей, целей, взаимная симпатия, что позволяет быстрее срабатываться и слаженно работать.

Полученные данные позволяют заключить, что члены команды больше ориентируются на конструктивный стиль поведения в конфликте в начале сезона, а под конец сезона спортсмены, помимо этого, также склоны к приспособлению и уклонению в конфликтных ситуациях. Межличностные отношения в команде являются благоприятными и продуктивными, способствующими успеху в соревнованиях за счет благоприятной оценки психологической атмосферы и высокого уровня сплоченности.

Литература

1. *Берилова Е.И.* Психологические предпосылки готовности спортсменов к командному взаимодействию // Студенческий спорт: история, современность и тенденции развития: Материалы III Международной научно-практической конференции по физической культуре, спорту и туризму, Красноярск, 20–21 сентября 2024 года. Красноярск: Сибирский федеральный университет. 2024.

2. *Босенко Ю.М., Распопова А.С.* Ресурсы преодоления сложностей на пути профессионального развития спортсмена // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. №7 (185).
3. *Миронкова В.И., Распопова А.С.* Особенности мотивации занятий спортом и межличностных отношений в командных видах спорта // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2022. № 12. С. 125-127.
4. *Сихаджок С.Р., Распопова А.С.* Особенности психологического благополучия в юношеском возрасте в контексте межличностных отношений // Возможности и риски цифровой среды. Сборник материалов VII Всероссийской научно-практической конференции по психологии развития (чтения памяти Л.Ф. Обуховой). Москва, 2019.
5. *Совмиз З.Р., Берилова Е.И.* Особенности совладающего поведения спортсменов в командных и индивидуальных видах спорта // Ученые записки университета Лесгафта. 2019. №7 (173).
6. *Туртыгина Е.В., Босенко Ю.М.* Особенности межличностных отношений у профессиональных игроков баскетбольной команды // Ресурсы конкурентоспособности спортсменов: теория и практика реализации. 2024.

Половые аспекты переживания ревности и отчуждения от отношений у молодежи

Булдакова Е.В., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

buldakova.evl@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Актуальность изучения феномена ревности вряд ли когда-нибудь будет низкой, так как ревность – это неизменный элемент в романтических отношениях вне зависимости от культурно-исторического контекста. Чувство ревности представляет собой тяжелое эмоциональное состояние, вызванное страхом или беспокойством потери близкого партнера, а также ощущением, что его внимание и любовь достается другому человеку. В зависимости от

характера и опыта человека, его ревность будет проявляться в определенных ситуациях. Есть представление о том, что ревность возникает вместе с чувством собственности (Меланьина, 2023), которое является, по сути, присвоением себе другого человека как если это был бы неодушевленный предмет, который в условиях рыночной экономики может иметь свою цену в явном или закамуфлированном виде. Рано или поздно это может повлечь за собой отчуждение от отношений. Категория отчуждения была описана К. Марксом и развита в трудах Е.Н. Осина. Отчуждение можно представить себе как своего рода психическое выгорание, дезинтеграцию личности и ее отношений с миром, которая проявляется в диапазоне от эмоциональной отстраненности до активного деструктивного сопротивления. Происходит это в результате того, что отношения между людьми начинают выстраиваться точно так же, как и между человеком и вещами, то есть в потребительской логике. В реальной жизни это может проявляться в виде объективации, что хорошо демонстрируется существованием быти-сферы.

Целью нашего исследования было изучение переживания ревности и отчуждения от отношений молодежи. Для этого мы выбрали две методики: многомерную шкалу ревности (С.М. Пфайффер, П.Т. Вонг в адаптации А.О. Вергейчик) и опросник субъективного отчуждения (С. Мадди в адаптации Е.Н. Осина). В шкале ревности выделяется 3 основных компонента: эмоциональная, поведенческая и когнитивная. В методике отчуждения – 5 сфер отчуждения (от работы, от общества, от других людей, от семьи, от самого себя и общее отчуждение) и 4 формы отчуждения – вегетативность, бессилие, нигилизм и авантюризм (Осин, 2007).

Выборку составили 60 респондентов (71,7% женщин, 28,3% мужчин) в возрасте от 18 до 35 лет ($M = 22,6$).

Результаты показали, что в интенсивности переживания ревности и отчуждения нет значимых различий у представителей мужского и женского полов, однако есть различия в зависимости от семейного положения респондентов. Так, отчуждение от себя меньше у респондентов, у которых есть партнер, чем у одиноких респондентов ($H = -12,96$; $p = 0,03$) и людей, находящихся в официальном браке ($H = -14,99$; $p = 0,07$).

В ходе исследования были отмечены половые различия в корреляциях составляющих ревности и отчуждения.

У представителей мужского пола ревность обратно связана с авантюризмом ($r = -0,55; p \leq 0,05$), а также с отчуждением от работы ($r = -0,50; p \leq 0,05$). То есть, чем больше человек отстраняется от работы и пытается «встряхнуться» через экстремальные поступки, тем меньше у него будет проявляться ревность и, наоборот – чем больше человек вовлечен в работу и менее склонен к рискованным действиям, тем больше проявляется ревность. Судя по всему, это связано с тем, что своего рода копингами у мужчин будут являться не погружение в работу, а импульсивные действия (возможно, что в области романтического поведения).

Отчуждение связано с поведенческим компонентом ревности ($r = -0,51; p \leq 0,05$). Надо заметить, что среди составляющих ревности больше всего взаимосвязей с поведенческим компонентом. Он связан с отчуждением от работы ($r = -0,62; p \leq 0,05$), от семьи ($r = -0,53; p \leq 0,05$), от себя ($r = -0,52; p \leq 0,05$), а также с вегетативностью ($r = -0,51; p \leq 0,05$). Поведенческий компонент говорит о том, как человек ведет себя, когда ревнует. Это может проявляться в контроле над другим человеком, агрессии и т.п. Полученные взаимосвязи говорят о том, что потеря смысла в работе, семье, ощущение потери контроля над собственной жизнью у мужчин приводят к снижению витальности и увеличению чувства ревности. Видимо, это происходит в результате «переключения» внимания, концентрирования только на этой одной сфере жизни, что может только усиливать переживание отчуждения.

У представителей женского пола значимых взаимосвязей между отчуждением и ревностью не наблюдается. Однако есть две корреляции – отчуждение от работы прямо связано с когнитивным ($r = 0,29$) и эмоциональным ($r = 0,29$) компонентом ревности на уровне значимости $p = 0,06$. Если попробовать объяснить данные тенденции, которые заключаются в том, что отстраненность от работы у женщин приводят к руминациям и соответствующим этому переживаниям, то можно предположить, что работа является фактором, не позволяющим «зацикливаться» на возможных изменах партнера, чтобы не думать об этом и не испытывать яркие негативные эмоции.

Ограничением исследования является небольшая выборка, что может влиять на точность результатов.

Литература

1. Меланьина А.А. Представления о ревности у студентов с разным уровнем межличностной конфликтности // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2023. №1 (65). С. 268-275.
2. Осин О.Е. Смыслоутрата как переживание отчуждения: структура и диагностика: дис. канд. психол. н. М., 2007.

Связь между удовлетворенностью трудом и стратегиями разрешения конфликтов в организации

Бурякова Д.Н., Хаймовская Н.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Buryakova.daria@yandex.ru, tatisheva@yandex.ru

Удовлетворенность трудом и эффективное разрешение конфликтов могут являться значимыми факторами успешного функционирования организации. Удовлетворенность трудом определяется как устойчивое эмоционально-оценочное отношение сотрудника к своей работе, условиям труда и организации в целом, «интегральное переживание успешности моральных инвестиций в собственную жизнь, переживание реализации самости в профессиональной деятельности; показатель социально-психологического климата в коллективе» (Кочнева, Никитина, 2019, с. 40).

Удовлетворенность трудом обусловлена взаимодействием ряда факторов, которые могут включать в себя как мотивы достижения, признания, ценности профессиональной деятельности, финансовой состоятельности, возможности карьерного роста, так и факторов, напрямую связанных с психологическим климатом в коллективе.

Взаимоотношения между сотрудниками, стиль управления руководства, распределение ролей и функций в группе – все это также оказывает существенное влияние на удовлетворенность трудом сотрудников организации.

Одним из ключевых аспектов, формирующих эти взаимоотношения, является способность коллектива конструктивно разрешать возникающие конфликты. Поскольку разногласия в коллективе неизбежны, их эффективное урегулирование напрямую сказывается на психологическом климате, и, как следствие на удовлетворенности персонала трудом.

К. Томас и Р. Килманн описали пять стратегий разрешения конфликтов, которые описывают поведение человека в ситуации, в которых интересы двух противоборствующих сторон кажутся несовместимыми:

1. соперничество как настойчивость в достижении целей;
2. сотрудничества как поиск взаимовыгодного разрешения противоречивой ситуации;
3. компромисс, предполагающий частичное удовлетворение интересов обеих сторон;
4. избегание как уклонение от конфликта;
5. приспособление выступает как отказ от своих интересов в пользу другой стороны (Томас, Килманн, 1976).

Исследования показывают, что сотрудники с высокой удовлетворенностью трудом чаще выбирают стратегии сотрудничества и компромисса, которые способствуют конструктивному разрешению конфликта. Напротив, низкая удовлетворенность трудом может приводить к использованию стратегий избегания или соперничества, что углубляет конфликт и нарушает социально-психологический климат внутри коллектива (Безенкова и др., 2020; Миракян и др., 2021; Кисляков и др., 2024).

Целью нашего исследования является выявление связи между удовлетворенностью трудом сотрудников и стратегиями разрешения конфликтов в организации.

Опрос респондентов проводился с ноября 2024 года по январь 2025 года. В нем приняло участие 93 сотрудника организации банковской сферы, средний возраст респондентов составил – 36,2 лет, средний стаж работы в целом по выборке составил 7,5 лет.

Процедура исследования включала в себя: изучение общей и парциальной удовлетворенности трудом (Тест на интегральную удовлетворенность трудом, автор: А.В. Батаршев); исследование стратегий разрешения конфликтов (Тест-опросник Томасса-Килмана

на поведение в конфликтной ситуации – TKI, авторы К. Thomas, R. Kilmann, адаптация Н.В. Гришиной) (Психодиагностика, 2012).

В результате предварительного анализа с помощью коэффициента корреляции Спирмена были получены следующие данные.

Чем больше выражен интерес к работе у сотрудников организации, тем менее они склонны к уклонению от конфликтов, предпочитая более активные стратегии взаимодействия ($r = -0,226$; $p \leq 0,05$), т.е. высокая заинтересованность в работе мотивирует их к отстаиванию собственных позиций и поиску решений в конфликтной ситуации.

При этом чем выше уровень притязаний сотрудников в профессиональной деятельности, тем чаще они склонны сознательно применять стратегии соперничества в конфликтной ситуации ($r = 0,314$; $p \leq 0,01$), что говорит об амбициозности сотрудников, желании добиваться своих целей даже в ущерб интересам других, при этом возможно, что сама конфликтная ситуация воспринимается ими как конкурентная, где важно доказать свою компетентность и утвердить свой статус.

А также при высоком уровне притязаний сотрудники стремятся быть менее уступчивыми, настаивая на удовлетворении собственных интересов ($r = -0,239$; $p \leq 0,05$), предпочитая не приспосабливаться к конфликту, а жестко отстаивать свои интересы, даже если это требует конфронтации, мы можем объяснить это тем, что высокие притязания связаны с достижением успеха, тогда как добровольный отказ от своих требований рассматривается ими как поражение.

Между показателями «Общей удовлетворенности трудом» и стратегий «Соперничества» также существует прямая положительная умеренная взаимосвязь ($r = 0,303$; $p \leq 0,01$). Предположим, что сотрудники, испытывающие устойчивое положительное эмоционально-оценочное отношение к труду, более уверены в своей позиции, воспринимая конфликт не как угрозу, а как возможность доказать свою ценность; высокий уровень профессиональной самооценки делает их менее склонными к уступкам.

Таким образом, согласно полученным данным, можно сделать вывод о наличии связи между удовлетворенностью трудом и стратегиями разрешения конфликтов.

Литература

1. *Безенкова Т.А., Слепухина Г.В., Андриенко О.А.* Взаимосвязь стиля конфликтного поведения сотрудников МВД и психологического климата их коллектива // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. № 4(33). С. 311-315. DOI 10.26140/anip-2020-0904-0071.
2. *Кочнева Е.М., Никитина А.А.* Гендерные особенности удовлетворенности трудом в периоды ранней и средней зрелости // Мир науки. Педагогика и психология. 2019. Т. 7. № 3. С. 39.
3. *Миракян К.Ф., Карпов А.А.* Стратегии поведения в конфликте как показатели удовлетворенности профессиональной деятельностью педагогов вузов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2021. Т. 15. № 2 (56). С. 248-255. DOI 10.18255/1996-5648-2021-2-248-255.
4. Психодиагностика. Личностные и профессиональные качества / авт.-сост. О.Н. Истратова, Т.В. Эксакусто. – Ростов н/Д: Феникс, 2012. – 495 с.
5. Удовлетворенность трудом медицинских работников с разным стилем поведения в конфликте / П.А. Кисляков, Д.А. Тищенко, Е.А. Шмелева, В.П. Карташев // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. 2024. Т. 16. № 3. С. 541-559. DOI 10.12731/2658-6649-2024-16-3-1174.
6. *Thomas, Kenneth & Kilmann, Ralph.* (1976). Thomas-Kilmann conflict Mode instrument. 10.1037/t02326-000.

Краткий обзор методик для измерения социального цинизма

Буш Е.А., Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

bushevgenya@yandex.ru, gricenkovv@mgppu.ru

Исследование социального цинизма в современных условиях приобретает все большую актуальность, особенно в контексте изучения социального капитала как совокупности психологических отношений, отражающих качество и количество социальных связей внутри

общества, способствующих развитию его благополучия. Социальный цинизм подразумевает низкий уровень доверия к обществу и к государству. Циничное мышление и, как следствие, негативные эмоции в отношении общества и социальных институтов, могут приводить к деструктивному поведению индивида: изоляции, повышению уровня враждебности, участию в преступной деятельности и т.д. Среди различных последствий может быть также отказ от общественной и политической жизни и, наоборот, участие в протестных акциях, целью которых могут быть кардинальные изменения системы.

Иными словами, под социальным цинизмом понимается социально-психологическое явление, основанное на негативных убеждениях в отношении социальной системы и проявляющееся во враждебном, презрительно-пренебрежительном отношении людей к традиционным моральным устоям, культурным ценностям, общественным институтам и обществу в целом.

Актуальность изучения социального цинизма ставит перед учеными задачу разработки инструментов для его измерения и оценки.

Изначально социальный цинизм рассматривался как подшкала общей враждебности Cook&Medley's (1954), а также как подшкала Миннесотского многофазного личностного опросника (MMPI), являющегося клиническим тестом для измерения уровня психического здоровья индивида.

Также цинизм считался компонентом авторитаризма и был включен в качестве субшкалы в «шкалу человеческой философии Райтмана» (1974).

Автор методики измерения политического цинизма С. Паттин (Нидерланды, 2012) в качестве подшкалы использует опросник социального цинизма, состоящий из вопросов, отражающих общее негативное отношение к людям, в частности, уверенность в их нечестности, корыстности, жадности, эгоизме, безответственности (Гулевич, Кривошеков, Шмыгалева, 2020).

Методика «Социальные аксиомы» М. Бонга и К. Леунга включает вопросы для оценки социального цинизма, понимаемого как «когнитивный компонент ... культурного комплекса, отражающего предполагаемую ненависть и зловерность социальной системы для своих членов» (Татарко, Лебедева, 2020) и отражающего обобщенные негативные представления о человеческой природе. Учеными Н.М.

Лебедевой и А.Н. Татарко была адаптирована российская сокращенная версия. Этот опросник также является подшкалой методики «Социальных аксиом» (Татарко, Лебедева, 2020).

Пакистанские ученые Ф. Юнас из университета г. Пенджаба и В. Соломон из университета г. Джанга разработали трехфакторную шкалу социального цинизма у женщин, включающую 3 группы вопросов для определения: институционального цинизма – пренебрежительного отношения к социальным институтам, эмпирического цинизма – жизненного опыта встречи с дискриминацией, насилием и унижением в быту, диспозиционного цинизма – стереотипов относительно испытуемых (Younas, Akhtar, Solomo, 2023).

Адаптированная русскоязычная версия авторитетной шкалы Организационного цинизма (объектом циничности является организация) (Brandes, Dharwadkar, Dean, 1999) состоит из 3 частей, каждая из которых позволяет измерить следующие компоненты циничной установки: когнитивный, аффективный и поведенческий. Когнитивный компонент подразумевает убеждение в том, что организации не достаёт честности, добросовестности, надежности. Аффективная составляющая организационного цинизма включает негативные эмоции широкого спектра по отношению к организации, такие как презрение, разочарование, гнев, беспокойство, отвращение и стыд. Поведенческая составляющая демонстрирует склонность к пренебрежительному и критическому поведению по отношению к организации.

Методика «Добро-Зло» (авторы Л.М. Попов, А.П. Кашин) позволяет исследовать степень представленности отдельных качеств, составляющих этический слой личности, который так или иначе отражается в определенных нормах общественного поведения, отношении к другим людям и социальным институтам, построении доверительных/не доверительных межличностных отношений. Данная методика используется для исследования феномена циничности на личностном уровне (Попов, Голубева, Устин, 2008).

Таким образом, краткий обзор имеющихся в научной литературе методик показывает, что одни методики измеряют такие аспекты социального цинизма, как враждебное и авторитарное отношение к людям, другие – общее негативное отношение к социуму, проявляющееся в приписывании людям нечестности, корыстности,

безответственности, жадности, эгоизма, третьи методики оценивают негативное отношение к политической власти, четвертые – негативное отношение сотрудников к организации на когнитивном, аффективном и поведенческом уровнях. Наконец, пакистанская методика измеряет отношение к социальным институтам, стереотипы в отношении дискриминируемых групп, а также непосредственный опыт дискриминации.

Общей или единой методики, направленной на выявление социального цинизма как целостного социального-психологического феномена, мы не обнаружили.

Кроме того, не были выявлены методики, раскрывающие культурные особенности проявления социального цинизма, что особенно важно в условиях этнокультурного многообразия современного мира.

Все это ставит перед исследователями задачу разработки как общей методики оценки социального цинизма, так и методики с учетом культурной специфики.

Литература

1. *Гулевич О.А., Кривошеков В.С., Шмыгалева С.А.* Политический цинизм: русскоязычная шкала для измерения негативного отношения к политикам // Психологические исследования. 2020. Т.13. № 73.
2. *Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н.* Добро и зло в этической психологии личности / Л.М. Попов, О.Ю. Голубева, П.Н. Устин. М., 2008.
3. *Татарко А.Н., Лебедева Н.М.* Разработка и апробация сокращенной версии методики «Социальные аксиомы» М. Бонда и К. Леунга // Культурно-историческая психология. 2020. Т. 16. № 1.
4. *Brandes P., Dharwadkar R., Dean J.W.* Does organizational cynicism matter? Employee and supervisor perspectives on work outcomes // Eastern Academy of Management Proceedings. 1999. Vol. 2 (1).

5. Younas F., Akhtar N., Solomon V. Development and Validation of Social Cynicism Scale for Women // *Pertanika Journal of Social Sciences & Humanities*. 2023. Vol 31 (1).

Мотивация к религиозной конверсии на примере вайшнаивов

*Варлахина И.Ю., Павлова О.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pavlovaos@mgppu.ru*

В условиях современных глобализационных процессов, постсекулярности и культурного разнообразия особенно важным представляется изучение мотивации к религиозной конверсии. На данный момент крайне мало исследований, посвященных религиозной конверсии в вайшнаизм. При этом вайшнаизм, как одна из значимых традиций индуистской духовности, демонстрирует свою способность адаптироваться и привлекать последователей за пределами Индии, что вызывает важные исследовательские вопросы о мотивах, которыми руководствуются люди при выборе нового религиозного пути. Более того, исследуемая нами группа стремительно набирала популярность и стабильно демонстрировала рост конверсентов.

Как известно, в настоящее время современная социология выделяет три ключевых подхода к религиозной конверсии: позитивистский, интерпретативный и интегративный. У каждого подхода свои теоретико-методологические ограничения и возможности. Позитивистские модели – «модель социальных связей» Дж. Лофланда и Р. Старка, «ресурсная модель» Р. Старка и У. Бейнбриджа – акцентируют внимание на институциональных взаимодействиях, утверждают, что конверсия – процесс интеграции индивида в религиозное сообщество (Lofland, Stark, 1965). Позволяют исследовать влияние социальных связей на присоединение к религиозной группе и рекрутирование новых членов.

Интерпретативные: «ролевая» и «коммуникативная» модели – основной акцент на личностных изменениях конверсита. Конверсия – трансформация религиозной идентичности. Исследуются личные смыслы и установки, связанные с выбором религии. Этот подход и

модели на начальном этапе проведения исследования представляли наибольший научный интерес.

Интегративные: «междисциплинарная модель» Л. Рэмбо, «рыночная модель» У. Бейнбриджа, Р. Старка и Р. Финке, «биографическая модель» М. Вольраб-Сар и «динамическая модель» Д. Эрвьё-Леже. Данные модели представляют собой «...теоретические вариации интерпретации процесса построения религиозной идентичности индивида в условиях макросоциальных изменений современного общества...» (Исаева, 2014).

Особую привлекательность вайшнавизму для представителей разнообразных культур и социальных групп придает внимание к универсальным человеческим ценностям, включая любовь, преданность и самореализацию. Это указывает на то, что выбор в пользу этой религиозной традиции не всегда обусловлен только личными или духовными поисками; он также может быть связан с социальными, психологическими и культурными факторами. Таким образом, исследование выявляет многогранность причин, приводящих к религиозной конверсии (Ардашева, 2013).

Вайшнавизм требует от своих последователей не только изменения внутреннего мироощущения, но и значительного пересмотра образа жизни, что, в свою очередь, затрагивает их социальные связи и идентичности. Это создает возможность оценить влияние новой религиозной идентичности на личность, а также на ее окружение. В этом контексте внедрение междисциплинарного подхода позволяет глубже понять процессы, происходящие на уровне индивидуального выбора и социокультурной динамики.

Целью данного исследования является изучение мотивации к религиозной конверсии на примере вайшнавов. Гипотеза исследования, предполагающая, что основной мотивацией к религиозной конверсии у вайшнавов является религия как способ достижения эмоционального благополучия, также обращает внимание на то, каким образом эмоциональные факторы могут играть решающую роль в религиозном выборе. Это придает дополнительную ценность исследованиям, связанным с психологическим контекстом религиозной конверсии.

Выборку данного исследования составили 112 человек, которые перешли в вайшнавизм. Выборка состоит из 34 мужчин (30,4%) и 78

женщин (69,6%), среди них 24 человека являются «новообращенными» (21,4%), то есть пришедшими в вайшнаизм менее двух лет назад.

Для проведения данной работы была разработана авторская анкета для исследования религиозной конверсии, для изучения основных мотивов перехода в другую религию, а также был использован тест-опросник исследования религиозной мотивации И. Стойковича и Дж. Мирича (Stojković, Mirić, 2012).

Исследование показало, что основной мотивацией религиозности является «религия как источник эмоционального благополучия», идеалов и морали, основными типами конверсии в соответствии с классификацией Дж. Лофланда и Н. Сконовда является интеллектуальный и эмоциональный (Lofland, Skonovd, 1981). Таким образом, можно сделать вывод о том, что основной мотивацией к религиозной конверсии в сообществе вайшнавов является поиск целостной картины мира, духовных смыслов, а также одну из важнейших ролей играет эмоциональное благополучие конверсита.

Результаты исследования имеют прикладное значение для специалистов в области религиоведения, социологии религии и антропологии. Они могут быть использованы для изучения и понимания процессов религиозной конверсии, а также для анализа трансформации религиозных идентичностей в эпоху глобализации. Выявленные особенности мотивации будут полезны для создания программ дестигматизации новых религиозных движений, а также для предотвращения конфликтов, связанных с изменением религиозной принадлежности человека, особенно в социально-посреднических практиках (например, социальной работе и семейном консультировании).

Литература

1. Ардашева Л.А. Основные парадигмы в изучении религиозного обращения // Религиоведение. 2013. № 2. С. 150.
2. Джеймс У. Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / пер. с англ. В.Г. Малахеевой-Мирович, М.В. Шик; под ред. С.В. Лурье. М.: Академический проект, 2017.

3. *Игнатъев А.А.* Конверсия религиозная // Энциклопедический словарь социологии религии / под ред. М.Ю. Смирнова. СПб.: Платоновское философское общество, 2017. С. 136–138.
4. *Исаева В.Б.* Социальный механизм религиозной конверсии: на примере петербургской буддийской мирской общины Карма Кагью : дис. ... канд. социол. н. СПб., 2014. С. 19.
5. *Lofland J., Skonovd N.* Conversion Motifs Journal for the Scientific Study of Religion // Journal for the Scientific Study of Religion. Vol. 20. No 4. 1981.
6. *Lofland J., Stark R.* Becoming a World-Saver: A Theory of Conversion to a Deviant Perspective // American Sociological Review. 1965. Vol. 30. No. 6. P. 862-875.
7. *Stojković I., Mirić J.* Construction of a Religious Motivation Questionnaire. Psihologija. 2012;45(2):155-170.

Кризис среднего возраста: реальность или вымысел?

Васильева И.Е., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ie.vasileva@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Феномены, которые часто подмечаются в обыденной жизни, через какое-то время могут стать фокусом внимания исследователей. В области психологии можно вспомнить, например, феномены фаббинга и думскроллинга (которые появились из-под пера журналистов), ФоМО-эффект (описанный профессиональным инвестором), интернет-зависимость (началась с шутки психиатра) и т.д.

Но широкая представленность явления в СМИ и научно-популярной литературе может привести к ложному представлению о степени его изученности. Хорошим примером, как нам кажется, является феномен профессионального выгорания, который появился как яркая метафора и какое-то время был представлен в научной литературе только как результат наблюдения психологов-практиков. Именно по этой причине он вошел в МКБ-11 только в 2019 году, и то – не как болезнь, а как «профессиональное явление».

Одной из причин, по которой профессиональное выгорание тяжело операционализируется, является то, что феномен, по сути, представляет собой симптомокомплекс, к которому могут привести различные причины, вычленив которые (по крайней мере, количественными методами) – непростая исследовательская задача.

Схожим с профессиональным выгоранием является, на наш взгляд, явление кризиса середины жизни. Это понятие прочно закрепилось в повседневной речи и кажется очевидным – отчасти это происходит в результате аналогии с нормативными возрастными кризисами детского развития, подробно изученными в психологии. Несмотря на это, специальных теоретических исследований кризиса среднего возраста мало (Шмагина, 2017). Описание его проявлений берет начало в 30-х годах XX века в произведениях К. Юнга, а точкой отчета истории термина является 1965 г., когда его ввел психоаналитик Э. Джакс, то есть данное понятие разрабатывалось внутри психотерапевтической практики. Так как одна из проблем практической психологии заключается в ее отделенности от фундаментального знания, на уровне теории кризис середины жизни предстает как феномен без четко описанной природы, детерминант, периода протекания (Солодников, Солодникова, 2009). Кроме того, наблюдаются разночтения в использовании понятий «нормативный» и «ненормативный» кризисы взрослости. Анализ литературы показывает, что одни авторы считают «ненормативным» затянувшийся во времени «нормативный» кризис, связывая это с интенсивными переживаниями и состоянием дистресса. Другие психологи разделяют кризисы в зависимости от происхождения: «нормативный» связывают со внутренними источниками и называют его предсказуемым, а «ненормативный» – с внешними внезапными воздействиями среды. Такая классификация оставляет спорными традиционно выделяемые причины кризиса середины жизни: смерть родителей, уход из семьи детей и др.

Нерешенность проблемы теоретической части выливается в проблемы ее методического обеспечения. Кризис среднего возраста был операционализирован в методике «Диагностика симптомов нормативного кризиса взрослости» (Шляпникова, 2009), но, как можно увидеть, речь идет именно о диагностике симптомов, к которым могут привести не только кризис, но и ситуативные реакции на стресс, депрессивные эпизоды и пр.

Предлагая пути решения вышеописанной проблемы, можно вспомнить теорию персонализации А.В. и В.А. Петровских, суть которой заключается в том, что у человека есть социогенная потребность в том, чтобы стать для людей «значимым другим» (Петровский, Петровский, 1982). Созданная для описания межличностных отношений, она дает интересные результаты, будучи опрокинутой в разные предметные области. В этом контексте кризис середины жизни можно рассматривать как не-увеличение инобытия в других людях в ходе своей жизнедеятельности. Учитывая то, что развитие личности детерминировано процессом развития группы, в которую она интегрирована, кризис может наступать по причинам, зависящим от различных видов деятельности. Так, например, в случае, когда профессиональная деятельность не является значимой (например, вследствие социальной аномии), кризис может наступать в результате нереализованности в обыденной жизни, например, в материнстве.

Механизм, запускающий кризис среднего возраста, мы предлагаем рассматривать через призму временной перспективы. Ощущение конечности жизни, чувство ее «середины» может возникать как по объективным причинам (ухудшение своего здоровья или здоровья близких; изменение внешности), так и по субъективным, например, из-за чувства нереализованности в разных областях жизни (или, говоря словами Петровских, – отсутствия представленности в жизни других людей). Данное положение приводит нас к интересной теме онтогенеза временной перспективы (Толстых, 2018), разработка которой может рассматриваться как перспектива исследования.

Итак, является ли кризис середины жизни реально существующим кризисом или это не более, чем аналог изученных в психологии феноменов? Можно сказать, что, безусловно, данный кризис существует, но он должен рассматриваться через призму особенностей определенного общественного строя, исторического контекста и конкретно выполняемой деятельности.

Литература

1. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. 1982. № 3. С.44-53

2. *Солодников В.В., Солодникова И.В.* «Кризис среднего возраста»: теоретическая интерпретация переживаемого опыта // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009. № 4 (92). С. 178-202.
3. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез: Монография. М.: Универсум, 2018.
4. *Шляпникова И.А.* Методика диагностики симптомов нормативного кризиса взрослости // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. 2009. № 4. С. 185-192.
5. *Шмагина Ю.Д.* Проблема кризиса среднего возраста в отечественной и зарубежной науке // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 2. С. 97-99.

К вопросу об атрибутах привлекательной внешности психолога-практика

Васильева И.Е., Ратов Т.Ю., Романов М. Ю., Ткаченко Н.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ie.vasileva@mail.ru, ratov_t@1060.ru, bobah93gg@mail.ru,
tkachenkonv@mgppu.ru

В связи с развитием технологий все больше психологических услуг предоставляется в сети Интернет — растет актуальность исследования проблемы общения людей друг с другом в условиях виртуального пространства. Изучая взаимодействие людей, отечественные социальные психологи выделили уровень симпатии участников общения – уровень аттракции, которая определяется как эмоциональная составляющая идеальной представленности одного человека в другом (Кондратьев, Ильин, 2007). Исследователи выявляют различные факторы, способствующие возникновению аттракции, например, физическая привлекательность, невербальные аспекты общения: улыбка, открытый взгляд (Киреева, 2008).

Считается, что взаимодействие клиента с психологом начинается до первой сессии. Важную роль на ранних этапах общения

потенциального клиента с психологом стало играть резюме или анкета, однако не выделены конкретные аспекты привлекательности фотографии психолога-практика, способствующие отклику потенциального клиента. Поэтому целью нашего исследования является выявление привлекательных атрибутов внешности у практикующих психологов.

С помощью онлайн-опроса респондентам были представлены 32 фотографии психологов-практиков обоих полов. Были отобраны фотографии популярных психологов с различных сайтов в сети Интернет. У женщин контролировались следующие атрибуты: наличие очков и их отсутствие, закрытая одежда и одежда, подчеркивающая фигуру, легкая улыбка и отсутствие улыбки, яркий и минимальный макияж. На мужских фотографиях контролировались такие атрибуты, как наличие или отсутствие очков, бороды, легкая улыбка и ее отсутствие, выбор официально-делового или повседневного стиля одежды. Критерии были равномерно распределены по фотографиям. Были представлены психологи одной возрастной категории, изображенные на однотонном светлом фоне в анфас. Фотографии уравнивались по размеру, разрешению и температуре с помощью фоторедакторов.

Выборку составили 72 студента вузов Москвы различных специальностей: 23 мужчины и 49 женщин. Мы просили респондентов представить, что они записываются на прием к психологу, и выбрать, опираясь только на фотографии, тех психологов, к которым бы они пошли на прием. Мы также просили аргументировать свой выбор, оставив развернутый ответ.

Для кратких ответов респондентов был проведен кластерный анализ методом Варда: с помощью него удалось распределить все выборы респондентов на 4 типа. Первую группу составили женские фотографии с изображением психологов в одежде, подчеркивающей фигуру, с броским макияжем. Эти специалисты расслаблены и раскрепощены в отличие от женщин, попавших во второй кластер. Последние демонстрируют сдержанный стиль в одежде, минимальный макияж, спокойный взгляд. Мужские фотографии, в свою очередь, тоже разделились на два кластера. Один составили в основном улыбающиеся специалисты с выражением внимания в глазах, другой – психологи с преимущественно серьезным выражением лица, закрытыми

напряженными позами, более формальными фотографиями. В результате проведения качественного анализа ответов респондентов удалось выявить наиболее частотные категории аргументов: и на мужских, и на женских фотографиях отмечается, что психологи вызывают доверие (15 и 21 упоминаний соответственно), позитивный настрой на общение (61 и 85). Важными оказываются также доброта (34 и 30), улыбка (34 и 31), особенности взгляда (49 и 37). Студенты утверждают, что некоторые психологи выглядят профессионально (29 и 33). Для учащихся, таким образом, значимыми оказываются теплота и компетентность – эти измерения говорят о стереотипном восприятии (Fiske, 2002), об участии эмоционального компонента в оценке психолога, настрое на будущую совместную деятельность. Заметно и влияние гендерных стереотипов: красоту (18) и позы (17) описывают только у женщин-психологов, у них же чаще отмечают одежду и аксессуары (9 и 25), при этом акцент делается на деловом стиле. Респонденты чаще отмечают серьезность (5 и 31), уверенность (6 и 16) и строгость (2 и 16) в женщинах-специалистах — это может объясняться стремлением дополнить типично женские в нашем культурном пространстве особенности личности, например, способность к эмпатии и нежность для гармоничной консультационной беседы. В 35 случаях аргументом выбора психолога стал женский пол специалиста – мужчин-психологов по этой причине не выбирали. Мы предполагаем, что среди молодежи распространена идея «психолог – женская профессия». Не исключаем, что предпочтение специалистов женского пола объясняется стремлением к безопасности, к особому распределению власти между участниками консультационного процесса.

Результаты показывают, что уже на этапе просмотра фотографии психолога потенциальные клиенты не просто подчеркивают особенности внешнего вида специалистов, а делают косвенные выводы об их компетентности, личностных качествах, прогнозируют особенности процесса консультирования. Ограничения исследования заключаются в малом объеме выборке, большом количестве побочных переменных на фотографиях психологов – планируется расширить круг респондентов, использовать самостоятельно сделанные в экспериментальных условиях фотографии.

Литература

1. *Киреева З.А.* Социально-психологическая структура аттракции и ее влияние на социометрический статус личности: дис. ... канд. психол. н.: 19.00.05 / Киреева З.А. Ярославль, 2008. 148 с.
2. *Кондратьев М.Ю., Ильин В.А.* Азбука социального психолога-практика. М., 2007. 464 с.
3. *Fiske S.T., Cuddy A.J., Glick P., Xu, J.* (2002). A model of (often mixed) stereotype content: Competence and warmth respectively follow from perceived status and competition. *Journal of Personality and Social Psychology*, 82(6), 878–902.

Взаимосвязь потребности в аффилиации и вовлеченности в субкультуры инокультурного происхождения

Верещак Л.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ludmi-ver@yandex.ru

Понятие «аффилиация» отражает стремление человека быть в обществе других людей, его потребность в создании теплых, эмоционально значимых отношений с другими. Выраженность аффилиативных тенденций подразумевает склонность следовать целям, правилам и нормам своей группы. В структуре идентичности аффилиативный мотив относится к аффективному образованию. Аффилиация современной молодежи в технологическом обществе актуализируется через социальную идентичность и представления об успехе. Социальная идентичность современной молодежи в технологическом обществе характеризуется тем фактом, что молодые люди, с одной стороны, придерживаются традиционных стратегий и практик идентификации в соответствии с институтом семьи, а с другой – ориентированы на поиск личной стратегии самоидентификации в профессиональной реализации и увлечениях (Гутова и др., 2021).

Мотив аффилиации представляет собой психологическую активность и мотивацию, ориентированные на создание или разрыв

определенных межличностных связей. Этот мотив включает в себя различные силы, способствующие либо сближению, либо отчуждению от других людей. Например, человек может обладать развитыми коммуникативными навыками, позволяющими ему быстро налаживать неформальные знакомства, но в то же время испытывать страх перед непониманием, неудачами и отторжением. Кроме того, у такого человека может быть высокая потребность в формировании не поверхностных, а более глубоких, близких и доверительных отношений (Гутова и др., 2021).

Молодежные субкультуры представляют собой уникальные явления, которые отражают актуальные тенденции и интересы молодежи. Исследование этих субкультур позволяет понять динамику социокультурных изменений, влияние новых технологий на формирование культурных предпочтений, а также особенности социальной адаптации молодежи (Бурченкова, 2016).

Развитие новых субкультур и их эволюция отражают разнообразие интересов и потребностей молодежи в современном мире. Они могут служить не только средством самовыражения и самоидентификации, но и площадкой для общения, создания сообществ и расширения социальных связей (Выгинная, 2011).

Особое внимание следует уделять изучению аниме-субкультуры, которая, начав свое развитие в России в начале XXI века, стала значительно влиятельной и по-прежнему привлекает молодежную аудиторию. Ее успешное интегрирование в интернет-пространство свидетельствует о значительной роли новых медиа в формировании культурных предпочтений молодежи (Yamaguchi, 1977).

Цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь потребности в аффилиации и вовлеченности в субкультуры, на примере субкультур японского происхождения.

Исследование проведено в марте 2024 года в онлайн-формате, в тематических сообществах, посвященных аниме, и охватило 80 респондентов с разной степенью вовлеченности в аниме-культуру. Из них: 82,2% составили женщины; 72,6% – это респонденты в возрасте от 18 до 23 лет, 3% – в возрасте от 16 до 18 лет и 23,3% – в возрасте от 24 до 35 лет.

В рамках исследования была создана анкета, состоящая из 8 вопросов, направленных на изучение различных аспектов включенности в аниме-культуру. В каждом вопросе были даны 5

128

вариантов ответа, имеющие ценность от 0 до 4. Далее баллы суммировались, соответственно, чем выше балл, тем выше уровень включенности в культуру. Для измерения двух основных обобщенных устойчивых мотивов аффилиации – стремления к принятию и страха отвержения – использовалась методика определения уровня мотивации аффилиации А. Мехрабиана в адаптации С.А. Шапкина.

В результате корреляционного анализа была выявлена значимая положительная взаимосвязь между вовлеченностью в аниме-культуру и страхом отвержения группой ($r = 0,266$ при $p = 0,017$), между вовлеченностью в аниме-культуру и стремлением к принятию значимая корреляционная связь отсутствует ($r = -0,112$ при $p = 0,322$). Наличие данных взаимосвязей, вероятно, свидетельствует о том, что вовлеченность в аниме-культуру является для молодых людей безопасным способом избежать страха отвержения, но не помогает удовлетворить потребности в общении и принятии группой. Также можно отметить, что чем выше у респондента страх отвержения, тем ниже у него потребность в принятии, что можно объяснить тем, что из-за постоянной тревоги и страха быть отвергнутым, юноша или девушка, стремясь обезопасить себя, просто старается избежать общества в целом.

Полученные результаты подчеркивают важность дальнейшего изучения влияния субкультур на социальную адаптацию и самоидентификацию молодежи.

Литература

1. Бурченкова Л.Ш. Социально-психологические особенности косплееров, отдающих предпочтение созданию образов различных типов // Молодой ученый. 2016. № 11 (115).
2. Выгинная Е.А. Субкультура аниме: форма субъектности или мораторий? // Психология образования в XXI веке: теория и практика. Волгоград, 2011.
3. Гутова С.Г., Лицук, А.А., Самохина Н.Н., Целищева З.А. Социальные процессы в молодежной среде: проблемы и особенности. Нижневартовск, 2021.
4. Yamaguchi K., Watanabe Y. Nihon animēshon eiga shi. Yūbunsha, 1977.

Влияние дистанционного обучения на творческий потенциал детей

Верич Н.А., Яновская Л.В.

ФГБОУ ВО «ДонГУ», Донецк, Россия

kyzov-bez-koles@mail.ru, yanovskaya.dongu.ru@mail.ru

Современный мир, переживающий катаклизмы глобального масштаба – пандемии, войны, социальные потрясения, кардинально перекроил привычную картину образовательного процесса. Военные действия, особенно в регионах с высокой концентрацией детского населения, делают дистанционное обучение не просто предпочтительным, а часто единственно возможным способом сохранить преемственность образования. Однако этот вынужденный переход порождает серьезные вопросы, в частности, о влиянии онлайн-обучения на развитие творческого потенциала детей – одного из важнейших аспектов их гармоничного развития.

Творчество – это не врожденная, неизменная характеристика, а динамичный процесс, постоянно формирующийся под воздействием окружающей среды, социальных контактов и личного опыта. Дистанционное обучение радикально меняет эту среду, погружая детей в виртуальную реальность, влияние которой на развитие творческих способностей требует глубокого и всестороннего исследования. Поверхностных наблюдений здесь недостаточно – необходим анализ, учитывающий все нюансы этой сложной проблемы.

Существуют следующие потенциальные риски дистанционного обучения для творческого развития (Бекетова, 2018).

Ограниченное социальное взаимодействие: отсутствие непосредственного общения с учителем и сверстниками существенно снижает возможности для спонтанного обмена идеями, коллективного творчества и развития коммуникативных навыков, необходимых для выражения творческого потенциала в совместной деятельности. Онлайн-общение, хотя и расширяет географические рамки контактов, не может полностью компенсировать богатство и многогранность живого взаимодействия.

Дефицит физической среды, стимулирующей творчество: традиционная школьная среда – это не только классные комнаты, но и

площадки для игр, мастерские, библиотеки, музеи – пространства, которые стимулируют фантазию и экспериментирование. Виртуальная среда, хоть и предлагает доступ к информации, не способна полноценно заменить тактильные ощущения, возможность непосредственного взаимодействия с материалами и предметами, что особенно важно для развития художественного, технического и конструктивного творчества.

Перегрузка информацией и снижение мотивации: дистанционное обучение часто сопряжено с информационной перегрузкой, что может привести к снижению мотивации и утомляемости. Недостаток живого общения с преподавателем может затруднить своевременную коррекцию и поддержку творческих порывов ребенка. Онлайн-формат требует высокой самоорганизации и самодисциплины, что не всегда доступно детям.

Однообразие виртуальной среды – однообразное окружение экрана может ограничивать фантазию и снижать уровень креативности. Отсутствие разнообразия визуальных и сенсорных впечатлений, характерное для традиционного обучения, может негативно сказываться на развитии образного мышления и воображения.

Несмотря на риски, дистанционное обучение открывает и новые возможности для развития творческого потенциала (Пономарева, 2017; Шаматонova, 2016). Перечислим основные из них.

- Доступ к глобальным ресурсам: онлайн-платформы предоставляют доступ к огромному количеству информации, образовательных ресурсов, онлайн-курсов и мастер-классов по различным видам творчества, недоступным в традиционной школе.
- Индивидуализированный подход: дистанционное обучение позволяет педагогу более гибко адаптировать образовательный процесс к индивидуальным способностям и интересам ребенка, сосредоточиться на развитии его сильных сторон и компенсации слабых.
- Развитие цифровых навыков: освоение цифровых инструментов и технологий является важным аспектом современного творчества. Дистанционное обучение способствует развитию этих навыков, открывая новые возможности для самовыражения.

Влияние дистанционного обучения на творческий потенциал детей – это вопрос, требующий дальнейших исследований и комплексного подхода. Необходимо разрабатывать методики и технологии, минимизирующие риски и максимизирующие потенциальные возможности онлайн-образования для развития творческих способностей подрастающего поколения. Важно сосредоточиться на создании интерактивных образовательных сред, стимулирующих общение, сотрудничество и разнообразие видов деятельности. Только сбалансированный подход, учитывающий как возможности, так и ограничения дистанционного образования, позволит обеспечить полноценное развитие творческого потенциала детей в условиях меняющегося мира.

Литература

1. *Бекетова О.Н.* Дистанционное образование в России: проблемы и перспективы развития // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1.
2. *Пономарева Г.А.* Дистанционное обучение как инновационная форма взаимодействия основного и дополнительного образования // Дополнительное образование и воспитание. 2017. № 4.
3. *Шаматонова Г.Л.* Дистанционное обучение как объективная потребность современного российского общества // Дистанционное и виртуальное обучение. 2016. № 11.

Отношение к работе как фактор изменения в общении у женщин в период раннего материнства

Витовская Д.И., Мирошниченко Е.Д., Марарица Л.В.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия
divitovskaia@edu.hse.ru, edmiroshnichenko@edu.hse.ru,
lmararicza@hse.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Программы
«Научный фонд Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), проект № 25-00-044
«Динамика социального почерка и субъективное благополучие
женщин в период рождения первого ребенка».*

В течение жизни социальная сеть и объем общения человека с разными контактами меняются (Wrzus et al., 2013, p. 1). Так, рождение ребенка является важным событием, появляются другие приоритеты, и коммуникативные инвестиции перераспределяются (Lois, 2016, p. 3). При этом важность конкурирующей сферы – профессиональной – может служить «буфером» против угасания слабых связей и фактором сохранения рабочих контактов, внимание к которым снижено в период раннего материнства.

Отношение к работе описывают разные конструкты (Woznyj et al., 2022, p. 2), нами были выбраны те, которые могут отвечать за коммуникацию. Центральность работы отражает убеждение человека о том, что эта сфера является неотъемлемым компонентом его жизни (Paullay, Alliger, Stone-Romero, 1994, p. 2). Также, когда человек получает удовольствие от трудовой деятельности, возникает позитивное психологическое состояние – увлеченность работой. Она появляется при задействовании личностных и рабочих ресурсов, к которым относятся, в том числе, социальная поддержка и нетворкинг (Bakker, Leiter, 2010, p. 11).

В то же время, продуманный и ясный образ профессионального будущего связан не только с планированием развития навыков, но и с поиском и поддержанием рабочих контактов (Strauss, Griffin, Parker, 2012, p. 1). Особое значение представление о будущем может иметь в

условиях конфликта двух сфер, когда происходит приобретение новой обязывающей социальной роли.

Целью исследования является изучение связи между отношением к работе и объемом рабочей коммуникации женщин в период раннего материнства. Были выдвинуты гипотезы:

- 1) чем проработаннее образ профессионального будущего,
- 2) чем выше центральность работы,
- 3) чем выше увлеченность работой,

тем больший объем общения с коллегами поддерживает женщина в период материнства и тем меньше разница в объеме рабочей коммуникации женщины до и после рождения ребенка.

Исследование является лонгитюдным: на первом срезе в 2023 году выборку составили 58 работающих или учащихся женщин (21-36 лет, $M=28$) на 3-7 месяце беременности в ожидании первенца. На втором срезе спустя год были опрошены 50 женщин с ребенком от 5 до 12 месяцев. На первом этапе применены следующие методики:

- 1) индекс оценки проработанности образа профессионального будущего (Витовская, 2024, с. 1; Strauss, Griffin, Parker, 2012, p. 5);
- 2) сокращенная версия шкалы «Центральность работы» (Емешкина, Марарица, 2023, с. 8; Paullay, Alliger, Stone-Romero, 1994, с. 2).;
- 3) сокращенная версия шкалы оценки увлеченности работой (Кутузова, 2006; Bakker, Leiter, 2010, p. 26).

Увлеченность работой положительно связана с проработанностью образа будущего (коэффициент корреляции Спирмена $r = 0,48$; $p < 0,05$) и центральностью работы ($r = 0,5$; $p < 0,05$).

Оценка межличностного общения на обоих этапах исследования осуществлялась с помощью интервью, реконструирующего опыт общения женщины за последнюю неделю (личные встречи, телефон, мессенджеры) с опорой на мобильное устройство. Были рассчитаны количество контактов и объем коммуникации, собрана информация о характере отношений (по категориям «семья», «коллеги», «друзья», «знакомые») и эмоциональной близости. Объем общения вычислялся как сумма дней общения с контактом во всех каналах за неделю.

По результатам исследования, вне зависимости от отношения к работе, у женщин в нашей выборке после рождения ребенка наблюдалось сужение круга и уменьшение общего объема общения. На первом срезе не обнаружена связь между отношением к работе и

объемом рабочей коммуникации респонденток. Однако женщины, увлеченные своей работой в период беременности, поддерживали больший объем общения с коллегами после рождения ребенка ($r = 0,30$; $p < 0,05$). То же самое справедливо на уровне тенденции для женщин с проработанным образом профессионального будущего ($r = 0,21$; $p = 0,09$). Центральность работы оказалась не связанной с поддержанием женщиной общения с коллегами после рождения ребенка.

Выявлено, что чем проработаннее образ будущего, тем меньше разница в объеме рабочей коммуникации женщины до и после рождения ребенка ($r = -0,28$; $p = 0,05$). Наблюдается динамика рабочего общения: у женщин без четкого представления будущего чаще сокращается коммуникация.

Дальнейшим этапом исследования является изучение связи отношения к работе и динамики общения женщин на поведенческих данных – логах коммуникации в мессенджерах.

Литература

1. *Витовская Д.И.* Разработка опросника конструирования образа профессионального будущего // Психология XXI века – 2024: калейдоскоп открытий. Сборник. 2024.
2. *Емешкина Д.С., Марарица Л.В.* Гендерно-ролевые установки как фактор субъективной карьерной успешности женщин // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология. 2023. Т. 13. № 1.
3. *Кутузова Д.А.* Организация деятельности и стиль саморегуляции как факторы профессионального выгорания педагога-психолога: дис. канд. психол. н. М, 2006.
4. *Bakker A.B., Leiter M.P.* Work engagement: A handbook of essential theory and research. Psychology press, 2010.
5. *Lois D.* Types of social networks and the transition to parenthood // Demographic Research. 2016. Т. 34.
6. *Paullay I.M., Alliger G.M., Stone-Romero E.F.* Construct validation of two instruments designed to measure job involvement and work centrality // Journal of applied psychology. 1994. Т. 79. № 2.

7. *Strauss K., Griffin M.A., Parker S.K.* Future work selves: how salient hoped-for identities motivate proactive career behaviors // *Journal of applied psychology*. 2012. Т. 97. № 3.
8. *Woznyj H.M., Banks G.C., Whelpley C.E., Batchelor J.H., Bosco F.A.* Job attitudes: A meta-analytic review and an agenda for future research // *Journal of Organizational Behavior*. 2022. Т. 43. № 5.
9. *Wrzus C., Hänel M., Wagner J., Neyer, F.J.* Social network changes and life events across the life span: a meta-analysis // *Psychological bulletin*. 2013. Т. 139. № 1.

Использование инновационных методов работы в процессе правового воспитания личности

Волик А.С.

*Филиал ГБУ Запорожской области «Областной центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи», Бердянск, Россия
anasteisa.volik@yandex.ru*

Процесс воспитания и обучения детей в общеобразовательных организациях с каждым годом совершенствуется, появляются новые подходы к формированию и всестороннему развитию личности. Современная, основанная на деятельностном подходе подача учебного материала гарантирует доступность понимания и усвоения информации, что позволяет подрастающему поколению получать качественные знания, умения и навыки.

Одним из направлений развития обучающихся общеобразовательных организаций является правовое воспитание, которое подразумевает процедуру развития правосознания и правовой культуры у учащихся, позволяющих им иметь ощущение юридической дееспособности (Стреляева, 2016).

Правовое воспитание – это организованное, систематическое, целенаправленное воздействие на личность, формирующее правосознание, правовые установки, навыки и привычки активного правомерного поведения (Галеев, Романюк, 2010, с. 21-29). Правосознание – это область человеческого сознания, отражающее правовую действительность на конкретном этапе правовой эволюции

общества (Батуркин, 2024, с. 19-21). Таким образом, правовое воспитание представляет собой целенаправленное систематическое воздействие на развитие правосознания и правовой культуры поведения членов общества, которое позволяет выработать у них понимание и уважение к праву, привычку его соблюдения на основе личных убеждений и чувство юридической дееспособности (Волик, 2024).

Не секрет, что современные дети зачастую усваивают ценности, позаимствованные у кумиров и не обязательно являющиеся просоциальными. Формирование правовой культуры у школьников способствует их личностному развитию, так как знание своих прав и обязанностей позволяет каждому отстаивать свою точку зрения, принимать ошибки и конструктивно их исправлять или учитывать в качестве опыта, необходимого для решения новых проблем.

Для успешной реализации правового воспитания школьника необходимы эффективные, соответствующие возрастным и социально-психологическим особенностям учащихся алгоритмы работы, включающие не только систему методов, но и использование современных технологий с целью формирования правосознания и профилактики правонарушений у подрастающего поколения. При реализации правового воспитания обучающихся общеобразовательных организаций особую значимость приобретают интерактивные методы психолого-педагогической работы.

С помощью разработанной нами технологии правового воспитания школьников дети включаются в совместную деятельность, которая помогает им осознать, что все, чего хочется добиться, достигается через труд, причем не всегда физический (которым родители часто пугают детей), но и интеллектуальный. Технология апробирована в ходе воспитательной работы с учащимися разных классов, с учетом возрастных характеристик школьников.

Кратко представим основные составляющие этапы применения данной технологии.

1. Актуальность правонарушений. Выявление актуальных видов правонарушений (те, которые происходят в образовательной организации чаще всего, например: травля (буллинг), интернет-травля (кибербуллинг, интернет-моббинг), разного рода насилие (абьюз), хулиганство, кража, употребление алкоголя или запрещенных веществ

и прочее), распределение по приоритету, планирование теоретико-практической части.

2. Теоретико-практический подход. В основе данного подхода лежит объединение теоретической и практической части материала. Для усвоения информации, а также ее привлекательной подачи используются цифровые средства коммуникации, так как современные дети предпочитают получать информацию через интернет-ресурсы, интерактивные компьютерные игры и т.п.

Виды теоретико-практической подачи информации: видеоблогинг (краткое изложение учителем информации с видеонарезками примеров, также допустимый вариант – вовлечение детей в сам процесс съемки данного видеоролика и его распространения); интернет-викторина или интернет-игра, направленная на определение сформированности правосознания и понимания правовых нарушений; театральная постановка с ознакомлением и проработкой ситуаций; создание социального ролика детьми, проведение ими мероприятий; создание ситуаций и их решение в рамках дома, школы и в целом социума.

3. Закрепление. По итогу данных мероприятий, которые могут проводиться в течение учебного года один-два раза в неделю, важно совместно с обучающимися проанализировать весь пройденный ими путь по ознакомлению и усвоению материала, который также подытожить общим видеороликом за весь период данной работы.

Таким образом, правовое воспитание представляет собой целенаправленное систематическое воздействие на развитие правосознания и правовой культуры поведения членов общества, которое позволяет выработать у них понимание и уважение к праву, привычку его соблюдения на основе личных убеждений и чувство юридической дееспособности.

Благодаря этому педагог будет понимать, насколько сформировано у школьника правовое сознание, эффективность проведенной работы и результат.

Литература

1. Батуркин В.Г. Понятие и структура правового сознания [Текст] / В.Г. Батуркин // История государства и права. 2004. № 5. С. 19-21.

2. *Волик А.С.* Исследование правового воспитания личности // «Психология и право в современной России. Коченовские чтения». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием / под ред. А.А. Марголиса, Н.В. Дворянчикова, Н.В. Богданович, В.В. Делибалт, М.Г. Дебольского, Е.Г. Дозорцевой, Л.М. Карнозовой, И.Н. Коноплевой, Ф.С. Сафуанова, Р.В. Чиркиной; сост. О.Р. Бусарова, О.Д. Гурина. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 325 с. С. 127–128.
3. *Галеев И.Ш., Романюк, О.Н.* Правовое воспитание школьников как фактор обеспечения безопасности их жизнедеятельности [Текст] / И.Ш. Галеев, О.Н. Романюк // Вестник НЦБЖД. 2010. № 6. С. 21–29.
4. *Стрелева В.В.* Правовое воспитание в условиях становления правового государства [Текст]: дис. канд. ... юрид. н. М., 2016. 183 с.

Жизнеспособность как фактор успешной социализации выпускников детских интернатных учреждений

Волкова Д.С., Толстых Н.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
martynova148867@yandex.ru, nnvt@list.ru*

Выпускники детских интернатов часто сталкиваются с различными трудностями при вхождении во взрослую жизнь, и жизнеспособность играет здесь ключевую роль. Это понятие включает в себя не только физическое здоровье, но и психологическую устойчивость, способность адаптироваться к меняющимся условиям и находить оптимальные пути решения возникающих проблем. Социализация в таком контексте становится не просто процессом встраивания в общество, но и активным взаимодействием с ним, где именно жизнеспособность помогает выпускникам интернатов не только выживать, но и добиваться успеха в различных сферах жизни. На сегодняшний день исследований успешности адаптации выпускников интернатных учреждений крайне мало, хотя самое сложное для них –

это суметь благополучно приспособиться к самостоятельной взрослой жизни.

В работах ведущих отечественных исследователей жизнеспособность трактуется как «способность человека к преодолению неблагоприятных жизненных обстоятельств с возможностью восстанавливаться и использовать для этого все возможные внутренние и внешние ресурсы. Она подразумевает способность существовать и развиваться» (Махнач, 2012, с. 94). Отметим, что в современном дискурсе жизнеспособность отличают от жизнестойкости, вторая понимается как качество человека, «обнаруживающееся в сложных ситуациях, трудностях, невзгодах и требующее мобилизации его жизненных сил, личностных ресурсов для преодоления неблагоприятных обстоятельств жизни. Жизнестойкость позволяет сопротивляться негативным влияниям среды, повышает стрессоустойчивость человека, позволяет прогнозировать желаемое будущее» (Зеер, 2015, с. 69).

Целью нашей работы является соотнесение социально-демографических и психологических показателей жизнеспособности выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Исследование было проведено среди 67 респондентов, разделенных на две группы. *Первая* – люди, у которых был опыт проживания в учреждении – 36 человек (19 мужчин, 17 женщин, средний возраст 23 года). *Вторая* – молодые люди, воспитывавшиеся в семье – 31 человек (14 мужчин, 17 женщин, средний возраст 24 года).

Группа выпускников интернатов была подобрана путем личного взаимодействия с каждым респондентом. Участие в опросе было добровольным, из чего следует, что у участвовавших было осознанное желание пройти исследование. Вторая группа была отобрана методом стихийной выборки и методом снежного кома.

Для сбора данных использована методика «Жизнеспособность личности» (Нестерова, 2017) и авторская социально-демографическая анкета.

В исследовании проведен сравнительный анализ групп по таким социально-демографическим параметрам, как пол, возраст, образование, семейное положение, наличие детей, стабильность и

уровень материального положения. Анализ не выявил между группами статистически значимых различий по этим параметрам.

Сравнительный анализ с использованием критерия Манна–Уитни показателей жизнеспособности выпускников интернатных учреждений и молодых людей, воспитывавшихся в семьях, выявил ряд статистически значимых различий и тенденций, которые демонстрируют лучшие показатели у выпускников учреждений по сравнению с семейными людьми ($p < 0,05$). Они касаются следующих аспектов: «Самомотивация и достижения» ($U = 316,500$; $p = 0,002$); «Активность и инициативность» ($U = 321,000$; $p = 0,003$); «Эмоциональный контроль и саморегуляция» ($U = 353,500$; $p = 0,01$); «Самоуважение» ($U = 378,000$; $p = 0,023$); «Адаптивные стили поведения» ($U = 363,500$; $p = 0,014$); «Самоорганизация и планирование будущего» ($U = 400,000$; $p = 0,047$). В целом общий показатель жизнеспособности также статистически значимо выше у выпускников интернатных учреждений ($U = 314,000$; $p = 0,014$).

По показателям позитивных установок и гибкости не выявлено статистически значимых различий ($U = 405,000$; $p > 0,05$), значимых различий между группами по уровню социальной компетентности и поддержки ($U = 428,000$; $p > 0,05$) выявлено не было.

Опираясь на результаты исследования, можно констатировать, что выпускники детских интернатных учреждений при сопоставимых социально-демографических показателях демонстрируют сравнительно более высокий уровень жизнеспособности по сравнению с теми, кто воспитывался в семьях, что проявляется в статистически значимых различиях по ряду ключевых компонентов. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что для достижения равного уровня социально-демографических показателей выпускникам требуется уровень жизнеспособности значительно выше, чем молодым людям, воспитывавшимся в семье.

Литература

1. Зеер Э.Ф. Социально-психологические аспекты развития жизнеспособности и формирования жизнестойкости человека // Педагогическое образование в России. 2015. № 8. УДК 159.923 ББК Ю953 ГСНТИ 14.25.09; 16.31.51 Код ВАК 13.00.02 с.69.

2. *Махнач А.В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие. Дискуссия // Психологический журнал, 2012, том 33, № 6, с. 84–98.
3. *Нестерова А.А.* Разработка и валидизация методики «Жизнеспособность личности» // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. DOI:10.31857/S20000376-0-1 с. 93-108

Некоторые особенности дружбы подростков в эпоху цифровизации

Волкова Е.Н.

*ФНЦ ПМИ, ПИ РАО, Москва, Россия
envolkova@yandex.ru*

Есть несколько причин обратиться к вопросу о дружбе современных российских подростков. Во-первых, дружба – это тот социально-психологический феномен, который наиболее ярко показывает содержание и сущность межличностных отношений в подростковом возрасте (Кон, 2005; Кондратьев, 2010). Дружба подростков является, с одной стороны, результирующим показателем опыта межличностных отношений ребенка в доподростковый период и в этом смысле служит важным индикатором личностного развития, а с другой – выступает условием качества новых форм и видов межличностных отношений человека, любви, супружества, опосредуя эффективность исполнения разных видов деятельности. С появлением Интернета и социальных сетей межличностные отношения подростка все в большей степени локализуются в виртуальной реальности, порождая новые феномены социализации с другими, чем прежде, условиями протекания, атрибутами и критериями успешности. Изучение отношений современных подростков, живущих в гибридном пространстве реальной жизни и виртуального мира, представляет интерес как в теоретическом дискурсе (являются ли межличностные отношения современных подростков, в том числе, дружба, иными по сравнению с опытом их предшественников), так и в плоскости практических действий родителей, педагогов, психологов.

Существует довольно широкий круг работ, доказывающих влияние дружбы подростков на успешность социализации. Подростки, отмечающие дружбу как ценность своей жизни, умеющие дружить и имеющие надежных друзей, более успешны, характеризуются лучшей социальной адаптацией и эмоциональной уравновешенностью (Кондратьев, 2007; Юркова, 2004; You, Bellmore, 2012). Напротив, разрушение дружбы приводит к повышенной конфликтности, росту агрессивных реакций и развитию виктимного поведения (Кондратьев, 1997; Casper, Card, 2017). Во многих случаях дружба выступает защитой от негативных влияний социальной среды. Наличие хороших друзей и прочные связи с ними являются основой для формирования защитных реакций и снижения и даже устранения травмирующих эффектов насильственных действий (Espelage, Green, Wasserman, 2007; Adams, Santo, Bukowski, 2011), буллинга (Волкова, Волкова, 2021; Casper, Card, Barlow, 2020). Однако значительная часть этих исследований выполнена либо на выборках подростков доцифровой эпохи, либо представляет собой результаты зарубежных исследований.

Попытка ответить на вопрос об особенностях дружбы современных российских подростков была целью нашего исследования. В исследовании приняли участие 1008 подростков ($M = 14,67$; $SD = 0,76$) 7–9 классов общеобразовательных школ шести регионов Российской Федерации (мальчики – 41,0%, девочки – 59,0%): подростки, живущие в крупном промышленном городе – 51%; сельские подростки и подростки из малых городов – 49 %. Для оценки особенностей дружбы подростков использовалась русскоязычная версия опросника «Шкала дружбы» (Bukowski, Noza, Boivin, 1994). Опросник предполагает оценку степени компанейства, конфликтности, помощи, доверия и эмоциональной привязанности в дружбе подростков. Значения альфы Кронбаха для русскоязычной версии опросника находятся в диапазоне от 0,795 до 0,855. Результаты исследования показали значительную выраженность всех компонентов (кроме компонента «Конфликтность») и сильные связи в диапазоне значений $0,64 < r$ Пирсона $< 0,82$.

В результате кластерного анализа (по методу К-средних) было выделено 2 группы (кластера) подростков. К первому кластеру были отнесены 576 чел. (57,1%), ко второму – 432 чел. (42,9%). Группы были

однородны по возрасту и месту проживания, но неоднородны по признаку пола: в первом кластере больше мальчиков (52,8%), во втором – девочек (67,9%), различия значимы (χ^2 Пирсона = 43,566, $p \leq 0,001$, $\eta = 0,208$). У подростков 1 кластера показатели всех компонентов «Шкалы дружбы», кроме шкалы «Конфликтность» выражены в меньшей степени, чем у подростков 2 кластера ($771,411 \leq F$, значение критерия Фишера $\leq 1514,023$; $p \leq 0,001$). Показатели конфликтности у подростков 1 кластера значимо выше, чем у подростков второго кластера (различия значимы, $F = 11,128$; $p \leq 0,01$).

Предварительный анализ различий показал, что подростки 1 и 2 кластеров отличаются по уровню психологического благополучия, удовлетворенности базовых психологических потребностей, наличию проблем и трудностей в жизни, а также по степени выраженности негативных феноменов цифровой социализации. Полученные результаты подтверждают идеи о важности, роли и месте дружбы подростков для их личностного развития и успешности социализации в цифровую эпоху и задают ориентиры для оптимизации межличностных отношений подростков со сверстниками и взрослыми.

Литература

1. Волкова Е.Н., Волкова И.В. Психология подросткового буллинга. Нижний Новгород. Изд-во НГПУ им. К. Минина, 2021. 206 с.
2. Кондратьев М.Ю., В.В. Ковалева. Особенности интрагруппового структурирования и межличностных отношений, в десятых классах общеобразовательной школы, претерпевших композиционные изменения разной степени интенсивности // Социальная психология и общество. 2010. Т. 1. С. 106 – 123.
3. Кондратьев М.Ю. Подросток в замкнутом круге общения. М.: МОДЭК. 1997. 336 с.
4. Кондратьев М.Ю., Вартанова Э.Г. Особенности адаптации развивающейся личности в условиях становления ученической группы // Вопросы психологии. 2007. № 2. С. 91–98.

5. *Кон И.С.* Дружба. М.: Издательский дом «Питер», 2005. 329 с.
6. *Юркова Е.В.* Проявление социальных представлений о дружбе в межличностных отношениях. дис. ...канд. психол. н. СПб. 2004. 168 с.
7. *Adams R.E., Santo J.B., Bukowski W.M.* The presence of a best friend buffers the effects of negative experiences // *Developmental Psychology*. 2011. Vol.47. Pp.1786–1791. <https://doi.org/10.1037/a0025401>
8. *Bukowski W.M., Hoza B., Boivin M.* Measuring friendship quality during pre- and early adolescence: The development and psychometric properties of the friendship qualities scale // *Journal of Social and Personal Relationships*. 1994. Vol. 11. Pp.471–484.
9. *Casper D.M., Card N.A.* Overt and relational victimization: A meta-analytic review of their overlap and associations with social-psychological adjustment // *Child Development*. 2017. Vol. 88(2). Pp. 466–483. <https://doi.org/10.1111/cdev.12621>
10. *Casper D.M., Card N.A., Barlow C.* Relational aggression and victimization during adolescence: A meta-analytic review of unique associations with popularity, peer acceptance, rejection, and friendship characteristics // *Journal of Adolescence*. 2020. Vol. 80. Pp.41-52. DOI: 10.1016/j.adolescence.2019.12.012. Epub 2020 Feb 12. PMID: 32062169
11. *Espelage D., Green H.D., Wasserman S.* Statistical analysis of friendship patterns and bullying behaviors among youth // *New Directions for Child and Adolescent Development*. 2007. Vol. 118. Pp. 61–75. DOI: 10.1002/cd.201
12. *You J.I., Bellmore A.* Relational peer victimization and psychosocial adjustment: The mediating role of best friendship qualities // *Personal Relationships*. 2012. Vol. 19(2). Pp. 340–353. <https://doi.org/10.1111/j.1475-6811.2011.01365.x>

Вовлеченность в карьеру как фактор формирования самооценки у представителей различных поколений

Волкова Н.В.

НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

Бордунос А.К., Чикер В.А.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

nv.volkova@hse.ru

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 24–28–00209, <https://rscf.ru/project/24-28-00209/>.*

В условиях цифровой трансформации и быстроменяющихся экономических условий повышение самооценки посредством вовлеченности в проактивное карьерное поведение играет важную роль для поддержания психологического благополучия сотрудников и формирования их профессиональной идентичности. Это особенно актуально для молодых людей, которые находятся на начальном этапе построения карьеры и не имеют опыта работы (Krauss, Orth, 2022). Помимо улучшения психического здоровья, повышение самооценки способствует формированию эффективных рабочих групп, в которых сотрудники ориентированы на командную работу. Соответственно, определение практик, направленных на повышение самооценки сотрудников, активно способствует эффективности деятельности организаций.

В современных условиях поливариативная (protean) карьера, которая основана на самоуправлении и связана с субъективным пониманием успеха, становится одним из основных трендов личностного развития (Бордунос, Кошелева, 2023). Этот формат ассоциируется с вовлеченностью в карьеру (career engagement) или степенью, в которой человек одновременно проявляет различные виды проактивного карьерного поведения (например, установление полезных социальных связей, исследование рынка труда, добровольное обучение), которые способствуют карьерным устремлениям и профессиональному развитию (Hirschi, Freund, Hertmann, 2014). Такое поведение рассматривается как адаптивное, особенно в переходные периоды жизни (Zhang, 2023).

Согласно модели самоуправления, основанной на социально-когнитивной теории карьеры (Lent, Brown, 2013), адаптивное карьерное поведение может выражаться в двух типах. Первый из них ориентирован на выполнение проактивных задач развития и связан с ожиданиями благоприятного результата, а второй тип нацелен на преодоление трудностей для предотвращения негативных событий в карьере и жизни. Соответственно, вовлеченность в карьеру как набор поведенческих тактик может повышать эмоциональное благополучие в результате активностей первого типа и, в то же время, усиливать жизнестойкость человека как следствие применения тактик второго типа.

Для повышения самооценки людей, которая варьируется в зависимости от возраста (Krauss, Orth, 2022), адаптивное поведение практикуется и укрепляется, например, во время психологических вмешательств когнитивно-поведенческой направленности (Muris, Otgaar, 2023). Соответственно, поколение, представляющее собой большую группу людей, объединенных общими годам рождения, эпохальными культурно-историческим событиями на важных этапах развития и имеющих схожие установки и ценности (Волкова, 2023), может оказывать опосредующее влияние на взаимосвязь между вовлеченностью в карьеру и самооценкой.

Цель исследования: изучение взаимосвязи между вовлеченностью в карьеру и самооценкой у представителей четырех поколенческих когорт (беби-бумеры (1944–1963), поколение X (1964–1983), миллениалы (1984–1999), цифровое поколение, рожденное после 2000 года).

Гипотезы исследования

1. Вовлеченность в карьеру связана с позитивной самооценкой.
2. Влияние вовлеченности в построение карьеры на самооценку модулируется принадлежностью к поколенческим когортам.
3. Позитивные эмоции опосредуют взаимосвязь между вовлеченностью в карьеру и самооценкой.
4. Жизнестойкость опосредует взаимосвязь между вовлеченностью в карьеру и самооценкой.

В исследовании приняли участие 1409 респондентов трудоспособного возраста, проживающих в городах-миллионниках, из которых 52,7% – женщины и 47,3% – мужчины. Выборка была

сформирована по квотам на основе статистики о численности населения России в 2023 году для обеспечения пропорционального количества четырех когорт работающих поколений. Средний возраст респондентов составил 34,5 года ($SD = 14,3$) и варьировался от 17 до 76 лет. Используя параллельный медиационный анализ с модерацией и иерархическую регрессию из библиотек языка программирования R, было установлено, что вовлеченность в карьеру положительно влияет на самооценку посредством позитивного аффекта и жизнестойкости. С возрастом сила этой взаимосвязи уменьшается. Карьерная вовлеченность положительно влияет на эмоциональное состояние и жизнестойкость, и этот эффект стабилен для всех четырех поколений. Таким образом, активное вовлечение в карьеру позитивно отражается на самооценке, при этом усиливая эмоциональное благополучие и навыки преодоления трудностей у представителей различных поколений.

Литература

1. *Бордунос А.К., Кошелева С.В.* Проактивное карьерное поведение в менеджменте: систематический обзор литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. № 4 (22). С. 447–475.
2. *Волкова Н.В.* Модель изучения организационного социального капитала поколений // Организационная психология. 2023. № 3 (13). С. 201–226.
3. *Hirschi A., Freund P.A., Herrmann A.* The Career Engagement Scale: Development and Validation of a Measure of Proactive Career Behaviors // Journal of Career Assessment. 2014. № 4 (22). С. 575–594.
4. *Krauss S., Orth U.* Work Experiences and Self-Esteem Development: A Meta-Analysis of Longitudinal Studies // European Journal of Personality. 2022. № 6 (36). С. 849–869.
5. *Lent R.W., Brown S.D.* Social cognitive model of career self-management: Toward a unifying view of adaptive career behavior across the life span. // Journal of Counseling Psychology. 2013. № 4 (60). С. 557–568.

6. *Muris P., Otgaar H.* Self-Esteem and Self-Compassion: A Narrative Review and Meta-Analysis on Their Links to Psychological Problems and Well-Being // *Psychology Research and Behavior Management*. 2023. (Volume 16). С. 2961–2975.
7. *Zhang Y. [и др.]*. Protean Career Orientation and Proactive Career Behaviors During School-to-Work Transition: Mechanism Exploration and Coaching Intervention // *Journal of Career Development*. 2023. № 3 (50).

**Особенности психологического благополучия и переживания
одинокчества у студентов с разным уровнем интернет-зависимости**

Воропаева К.А., Мельникова О.Н.

*ГГУ им. Ф. Скорины, Гомель, Республика Беларусь
gssg@inbox.ru, sof1.morn@mail.ru*

Психологическое благополучие стало активно изучаться с середины XX века, особенно с развитием позитивной психологии, которая фокусируется на ресурсах и потенциале личности, а не на психических расстройствах. Основная идея заключается в том, что для счастья недостаточно просто избавиться от проблем – важно изучать условия оптимальной жизни. И. Бонивелл выделяет три причины роста интереса к этой теме: повышение уровня жизни, рост индивидуализма и развитие методов измерения благополучия (Аргайл, 2007, с. 408).

К. Рифф разработала модель психологического благополучия, включающую шесть компонентов: самопринятие, позитивные отношения, автономию, контроль над окружением, целенаправленность жизни и личностный рост (Шевеленкова, 2005, с. 98).

Современную жизнь невозможно представить без цифровых технологий. Цифровая среда предоставляет возможности для самореализации, общения и решения задач, но также несет риски для психического здоровья, способствует формированию зависимости, особенно в играх и социальных сетях.

Термин «интернет-зависимость» ввел А. Голдберг в 1996 году. Исследования показали, что зависимость развивается у людей с низкой самооценкой, тревожностью и одиночеством.

Не все исследователи признают интернет-зависимость самостоятельным расстройством, считая, что это лишь инструмент для других аддикций (Lenihan, 2007, с. 32).

Психологическое благополучие – многомерное понятие, зависящее от множества факторов. Цифровая среда, с одной стороны, расширяет возможности, а с другой – создает риски, включая зависимость.

С целью исследования особенностей психологического благополучия и переживания одиночества у студентов с разным уровнем интернет-зависимости нами было организовано и проведено исследование. В качестве методов исследования использовались: тест Кимберли-Янг на выявление интернет-зависимости, «Шкала психологического благополучия» К. Рифф, «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (Е.Н. Осин и Д.А. Леонтьев). Для проведения статистического анализа данных использовался t-критерий Стьюдента.

В соответствии с данными, полученными в рамках эмпирического психодиагностического исследования с использованием теста Кимберли-Янг на интернет-зависимость, можно утверждать, что у 26% опрошенных испытуемых нет интернет-зависимости. Для 62% респондентов характерно наличие тех или иных проблем, связанных с чрезмерным использованием интернета. Интернет-зависимостью страдают 12% студентов.

На следующем этапе нами проведен анализ результатов исследования трех групп студентов с разным уровнем интернет-зависимости по методике «Шкала психологического благополучия» К. Рифф.

У студентов без зависимости выше показатели самопринятия, самостоятельности и целеполагания. При наличии интернет-зависимости снижается личностный рост и контроль над жизненными обстоятельствами.

На следующем этапе исследования нами проведен анализ результатов исследования трех групп студентов по «Дифференциальному опроснику переживания одиночества».

У студентов с интернет-зависимостью выше уровень общего переживания одиночества (40% высокий уровень против 19% у независимых). Интернет-зависимые студенты хуже переносят одиночество (выше показатели коммуникативной зависимости). При этом они чаще испытывают наслаждение от одиночества (40% высокий уровень против 35%). Наименьшую способность использовать одиночество для саморазвития (позитивное одиночество) демонстрируют зависимые студенты (лишь 13% низкий уровень против 29%). Таким образом, интернет-зависимость связана с более острым переживанием одиночества, но при этом формирует парадоксальное отношение – одновременно страх одиночества и его принятие.

В результате проведенного статистического анализа данных нами установлено следующее.

1. Не существует статистически значимых и достоверных различий в уровне исследуемых по методикам «Шкала психологического благополучия К.Рифф» и «Дифференциальный опросник переживания одиночества» признаков между группами без признаков интернет-зависимости и испытуемых, у которых есть некоторые проблемы, связанные с увлечением интернетом.

2. Также нами не выявлено статистически значимых различий в уровне исследуемых по методикам «Шкала психологического благополучия К. Рифф» и «Дифференциальный опросник переживания одиночества» признаков между группами студентов, у которых есть некоторые проблемы, связанные с увлечением интернетом, и студентов с выявленной интернет-зависимостью.

3. Нами выявлены статистически значимые различия между группами без признаков интернет-зависимости и студентов с выявленной интернет-зависимостью по параметрам методик «Шкала психологического благополучия К.Рифф» и «Дифференциальный опросник переживания одиночества» (личностный рост, цели в жизни, психологическое благополучие, потребность в компании, общее переживание одиночества). Однако по всем остальным исследуемым параметрам у данных групп статистически значимых различий выявлено не было.

Полученные данные свидетельствуют о том, что психологические особенности наблюдаются только у студентов без признаков интернет-зависимости и у студентов с выявленной интернет-зависимостью.

Эти результаты имеют важное значение для разработки программ психологической помощи, указывая на наиболее уязвимые сферы, которые следует учитывать при работе со студентами, имеющими признаки интернет-зависимости.

Литература

1. *Аргайл М.* Психология счастья / М. Аргайл; пер. с англ; под ред. М.В. Кларина. М.: Прогресс, 2007. 403 с.
2. *Шевеленкова Т.Д.* Психологическое благополучие личности / Т.Д. Шевеленкова // Психологическая диагностика / Фесенко Т.Д. 2005. № 3. С. 95–121.
3. *Lenihan F.* Computer addiction – a sceptical view: Invited commentary on: Lost online / F. Lenihan // *Advances in Psychiatric Treatment*. 2007. № 13. F. 31–33.

Родительское сопровождение детской медиаактивности в дошкольном и младшем школьном возрасте

Вуколова М.Р., Денисенкова Н.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
marvuk.work@yandex.ru, nataliya-denisenkova@yandex.ru

Влияние родителей на медиапространство, их осознание возможных рисков или преимуществ разнообразного медиаконтента, а также методы контроля за детьми во время их взаимодействия с цифровыми технологиями тесно коррелируют с применением современных гаджетов детьми (Денисенкова, Тарунтаев, 2022). Дошкольный и младший школьный возрастные периоды характеризуются различными этапами когнитивного, эмоционального и социального развития. В дошкольном возрасте медиаактивность детей проявляется через игру и исследование, с акцентом на мультфильмы и простые игры (Николаева, Исаченкова, 2022). В младшем школьном возрасте она становится более целенаправленной, с интересом к образовательным программам и приложениям, способствующим развитию навыков.

Цель исследования – выявить изменения в детской медиаактивности от дошкольного к младшему школьному возрасту и ее родительском сопровождении.

Гипотезы исследования: детская медиаактивность различается в дошкольном и младшем школьном возрасте; родительское сопровождение детской медиаактивности различается в дошкольном и младшем школьном возрасте.

Использовались: опросник для родителей «Регламент использования ребенком гаджетов» (М.В. Борцова, С.Д. Некрасов); опросник для родителей «Цели использования ребенком гаджетов» (Борцова, Некрасов, 2020; Тарунтаев, 2023); опросник родительского посредничества детской медиаактивности (Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас) (Денисенкова, Тарунтаев, 2023).

В ходе исследования было опрошено 117 респондентов в возрасте от 21 года до 54 лет, из которых 55 (47%) родителей детей дошкольного возраста (3-7 лет) и 62 (53%) родителей детей младшего школьного возраста, жители г. Москвы. Опрос проводился в онлайн формате среди родительских сообществ в социальных сетях. Для обработки данных использовались коэффициенты корреляции Спирмена и U-критерия Манна – Уитни.

Выяснилось, что медиаактивность дошкольников и младших школьников различаются по виду используемых цифровых устройств, медиаконтенту и экранному времени. Согласно полученным результатам, дети младшего школьного возраста намного чаще используют такие гаджеты, как компьютер и смартфон, чем дошкольники ($r = -0,348$, $p < 0,01$; $r = -0,455$ $p < 0,01$). Дети дошкольного возраста в основном используют цифровые устройства для просмотра мультфильмов (84%). Младшие школьники имеют более разнообразные интересы: почти половина из них (50%) использует устройства для игр, в то время как только пятая часть (23%) предпочитает смотреть мультфильмы, фильмы или заниматься учебой и просматривать контент на YouTube (15% и 12%). Кроме того, младшие школьники проводят значительно больше времени перед экраном, чем дошкольники. В среднем, дошкольники тратят на использование гаджетов около 8,7 часов, младшие школьники – целых 14,3 часа.

Сопровождение детей в дошкольном и младшем школьном возрасте со стороны родителей имеет свои особенности и различия. Малыши дошкольного возраста активно используют современные устройства под присмотром родителей, что подтверждается статистически значимым соотношением ($r = 0,502$; $p < 0,01$), а дети начальной школы предпочитают пользоваться гаджетами в одиночку ($r = -0,532$; $p < 0,01$). Родители дошкольников чаще всего применяют совместный подход к управлению детьми во время их взаимодействия с медиа, чем родители младших школьников ($r = -0,502$; $p < 0,01$). При этом родители дошкольников также в большей степени используют инструктивные и ограничительные методы ($r = -0,227$; $p < 0,01$; $r = -0,205$; $p < 0,05$).

Отличаются цели использования гаджетов. Детям младшего школьного возраста разрешается увеличивать время использования электронного гаджета, если надо доделать домашнее задание, досмотреть фильм/мультфильм, в дороге, при болезни, дать маме доделать дела, как поощрение за что-либо. Детям дошкольного возраста разрешается чаще всего для того, чтобы мама занялась своими делами.

Родители младших школьников чаще, чем дошкольников используют гаджеты как средство воспитания ($r = 0,262$; $p < 0,01$; $r = 0,411$; $p < 0,01$). Среди поощрений можно выделить увеличение времени, отведенного на просмотр медиаконтента или игру, при условии хорошего поведения, высоких оценок в школе, а также быстрого и качественного выполнения домашних заданий. В качестве наказаний родители могут полностью забирать гаджеты или ограничивать экранное время из-за плохого поведения дома или низких оценок в школе.

Можно выделить некоторые общие черты. Родители обеих групп единодушно считают важным сокращать время, проведенное детьми за электронными устройствами, чтобы защитить их психическое здоровье и зрение, стимулировать физическую активность, развитие увлечений и хобби, улучшать навыки общения в реальной жизни, предотвращать истерики и зависимость от технологий. Родители отмечают, что использовать цифровые устройства целесообразно для обучения, развития, соответствия современным требованиям, расширения кругозора, развития мелкой моторики, памяти и логики. Приносить

вред гаджеты могут в результате бесконтрольного использования, психической перегрузки ребенка.

Из этого следует, что обе наши гипотезы подтвердились. Как детская медиаактивность, так и ее сопровождение взрослыми в дошкольном и младшем школьном возрасте имеют различия. Дети младшего школьного возраста имеют большее разнообразие гаджетов для использования и проводят в них больше времени, чем дошкольники. Родители старшей группы детей меньше проводят времени с детьми при использовании ими гаджетов, допускают самостоятельность детей в этом вопросе в то время, как родители младшей группы придерживаются совместной стратегии использования цифровых устройств. Полученные выводы можно использовать для разработки рекомендаций для родителей и педагогов в условиях стремительного развития технологий и увеличения экранного времени.

Литература

1. *Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
2. *Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И.* Роль взрослого в использовании ребенком цифровых устройств [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 2. С. 59–67. DOI: 10.17759/jmfp.2022110205
3. *Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И., Федоров В.В.* Адаптация опросника родительского посредничества детской медиаактивности Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас на российской выборке родителей старших дошкольников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. Том 15. № 3. С. 96–114. DOI: 10.17759/psyedu.2023150307
4. *Николаева Е.И., Исаченкова М.Л.* Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей. 2022. Комплексные исследования детства, т. 4, № 1, с. 32–53.
5. *Тарунтаев П.И.* Использование цифровых устройств старшими дошкольниками и уровень развития умственных способностей // Современное дошкольное образование. 2023. №5(119). С. 56–67. DOI: 10.24412/2782-4519-2023-5119-56-67

Феномен уверенности личности как фактор эффективности межличностного взаимодействия

*Гаврилова А.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Algavr95@gmail.com*

Актуальность изучения уверенности личности обусловлена ее значимостью для формирования стабильных социальных отношений. Этот феномен способен влиять на человеческое поведение в социальном пространстве, определяя не только успешность отдельных взаимодействий, но и качество жизни в целом.

Исследования показывают, что именно уверенность становится той внутренней опорой, которая помогает человеку инициировать новые контакты (Филюшкина, Шигабетдинова, 2016), отстаивать свои убеждения (Головина, 2014) и адаптироваться к меняющейся социальной среде (Зайцева, 2024). Более того, уверенность может служить фундаментом для построения долгосрочных социальных связей (Комова, Федотова, 2015).

Несмотря на значительный интерес к феномену уверенности в научном сообществе, формирование единой теоретической модели остается нерешенной задачей. Основная сложность заключается в методологической фрагментарности подходов, рассматривающих различные аспекты этого многомерного явления. Зарубежные исследователи в своих работах, как правило, фокусируются только на отдельных аспектах уверенности: когнитивном, эмоциональном и поведенческом. В отечественной психологии уверенность трактуется преимущественно как устойчивая личностная черта, обеспечивающая внутреннюю стабильность человека. Современные попытки систематизации существующих концепций часто приводят к дихотомическому разделению уверенности на устойчивую личностную черту и ситуативное состояние (Скотникова, 2019). Однако такой подход, хотя и структурирует исследовательское поле, не учитывает в полной мере социально-психологический аспект проявления уверенности в межличностном взаимодействии.

В свете указанных методологических ограничений нами предлагается расширенная трехкомпонентная модель уверенности, включающая: устойчивую внутреннюю, ситуативную внутреннюю и демонстрируемую уверенность. Устойчивая внутренняя уверенность представляет собой интегрированную систему самооценки, ценностей и рефлексии, обеспечивающую устойчивость личности в социальном взаимодействии. Ситуативная уверенность выражается в кратковременном эмоционально-когнитивном состоянии, зависящем от контекста ситуации. Демонстрируемая уверенность отражает поведенческую экспрессию личности и влияет на восприятие ее компетентности другими людьми. Расширение модели уверенности до трех компонентов кажется нам значимым именно с точки зрения социально-психологического изучения, так как демонстрируемая уверенность становится тем аспектом, который, выходя за рамки внутриличностных переживаний, формирует видимый социально-психологический контекст межличностного взаимодействия.

Для комплексной оценки влияния различных компонентов уверенности на эффективность социального взаимодействия был разработан многомерный критериальный аппарат, охватывающий ключевые аспекты межличностной коммуникации: мотивационно-целевое согласование, качество коммуникации, эмоциональную устойчивость, адаптивность и конфликтологическую компетентность.

Анализ эмпирических исследований показал, что наиболее конструктивное влияние на эти критерии оказывает устойчивая внутренняя уверенность, обеспечивая эмоциональную стабильность, психологическую предсказуемость и способность к конструктивному разрешению конфликтов. В исследованиях (Федотова, Комова, 2015; Вавакина, 2021) подтверждено, что устойчивая уверенность связана с высокой степенью удовлетворенности межличностными отношениями и эффективностью коммуникации.

Ситуативная уверенность, несмотря на важность для оперативной адаптации, менее стабильна и может способствовать когнитивным искажениям, таким как переоценка собственных возможностей и неадекватная оценка ситуации (Boldt, Gilbert, 2019). Демонстрируемая уверенность повышает восприятие компетентности в краткосрочных взаимодействиях, однако ее несоответствие внутреннему состоянию

может снижать доверие при более глубоком общении (Battista et al., 2024).

Таким образом, предполагается, что именно устойчивый личностный компонент уверенности является основным фактором, обеспечивающим эффективность межличностного взаимодействия, что следует учитывать при разработке более результативных программ развития уверенности, тренингов коммуникативных навыков и консультативных стратегий.

Литература

1. *Вавакина Т.С.* Мотивационно-ценностная сфера личности как фактор эффективности межличностного партнерства // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. 2021. Т. 37. С. 3-13.
2. *Головина Е.В.* Взаимосвязь уверенности в себе с эмоциональностью и агрессивностью // Прикладная юридическая психология. 2014. №4. С. 85-92.
3. *Зайцева И.Б.* Специфика социально-психологических характеристик и поведенческих стратегий личности в условиях миграционного процесса» (на материале региональных мигрантов и коренных жителей мегаполиса): автореф. дис. ... канд. психол. н. Ярославль, 2024.
4. *Скотникова И.Г.* Понятие и изучение уверенности в психологии // Разработка понятий в современной психологии, Т. 2 / Под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во ИП РАН, 2019. С. 116-152.
5. *Федотова В.А., Комова Е.Д.* Уверенность в общении и самоотношение как факторы удовлетворенности личности отношениями с другими // Социальная психология и общество. 2015. Том 6. № 2. С. 76–89.
6. *Филошкина А.В., Шигабетдинова Г.М.* Уверенность в себе как фактор взаимодействия в обществе // Экономика и социум. 2016. №1 (20). С. 904-906.

7. *Battista F. et al.* Even if you look confident, I am not sure you are telling the truth! The role of sender confidence on truthfulness judgment of emotional narratives // *Current Psychology*. 2024. №43(8). Pp. 7461-7477.
8. *Boldt A., Gilbert S.J.* Confidence guides spontaneous cognitive offloading // *Cognitive Research: Principles and Implications*. 2019. №4. Pp. 1-16.

Особенности горевания родственников паллиативных пациентов

Гильфантинова Д.Р., Трофимова А.Г.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dinara.gilfantinova@gmail.com, talenag-4@bk.ru

Горевание – очень сложный, многогранный процесс, возникающий в ответ на утрату, независимо от того, с чем связана эта утрата: потеря работы, разрыв отношений или переезд. Несмотря на схожесть происходящих во время переживания утраты изменений в физиологических или психологических процессах, горевание индивидуально и зависит от множества факторов: возраста горющего, пола, религиозной принадлежности.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных теме горевания и особенностям его переживания, проблеме «преждевременного», антиципаторного горевания, с которым часто сталкиваются родственники тяжелобольных пациентов, признанных паллиативными, уделено недостаточно внимания.

Одним из первых психиатров, разработавшим модель, описывающую этапы переживания горевания людей, столкнувшихся со смертельной болезнью и смертью, стала швейцарский психиатр Элизабет Кюблер-Росс. Она выделила следующие пять этапов горевания: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие (Кюблер-Росс, 2001).

Среди российских ученых, изучавших проблему горевания, выдающуюся роль сыграл Ф.Е. Василюк. Под гореванием он понимает процесс отсоединения «я» от объекта привязанности. В результате переживания происходит переосмысление собственного

существования и положения в мире относительно оставшихся в этом мире соотносимых объектов. Автор выделяет следующие этапы переживания любой кризисной ситуации: стресс, фрустрация, конфликт, кризис (Василюк, 1984).

Исследования показывают, что горевание может проявляться в различных формах и иметь разные последствия для каждого члена семьи. Понимание этих особенностей является ключевым для разработки эффективных стратегий поддержки, которые помогут родственникам справиться с горем и адаптироваться к новым условиям жизни.

Целью проведенного лонгитюдного исследования было изучение особенностей горевания родственников паллиативных пациентов, рассмотрение основных аспектов горевания, включая стадии, их проявление на каждом этапе переживания утраты. Выборку исследования составили 25 родственников паллиативных пациентов от 19 до 53 лет, состоявших на учете в ГБУЗ «Центр паллиативной помощи ДЗМ», методики исследования, шкала осложненного горя, шкала депрессии Бека в адаптации Н.В. Тарабриной, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева.

Теоретическая часть исследования показала, что в работах отечественных и зарубежных авторов, как правило, рассматриваются вопросы горевания, которое начинается после фактической потери важного объекта, а проблема «преждевременного» горевания практически не поднимается. В ходе эмпирического исследования была выдвинута гипотеза о том, что у родственников паллиативных пациентов процесс горевания начинается до смерти близкого, которое впоследствии приводит к развитию осложненного горевания.

Полученные результаты показали, что на момент смерти близкого у родственников выявлено умеренное осложненное горевание и тяжелое депрессивное состояние. Уровень выраженности осложненного горевания выше у неработающих родственников, а также у респондентов в возрасте 35 лет и моложе. Данные результаты подтверждаются и в исследованиях зарубежных специалистов из Швеции, исследовавших женщин, переживавших потерю своих супругов. Вдовы считали период до потери более стрессовым, чем после потери. Исследование близких родственников пациентов, умирающих от онкологии, показало, что «подготовительное» горе

включает в себя большой эмоциональный стресс, связанный с тоской по умирающему, приближающейся потерей, одиночеством и проявляющееся раздражительностью, гневом (Johansson, Grimby, 2012).

Таким образом, наше предположение о том, что у родственников паллиативных пациентов процесс горевания начинается до смерти близкого, подтвердилось. Полученные результаты имеют высокую практическую значимость и могут быть использованы для разработки эффективных программ поддержки и психологической помощи как в индивидуальном, так и групповом формате для родственников до потери близкого или после, что значительно улучшит качество их жизни и предотвратит развитие осложненного горя, депрессии и других неблагоприятных последствий.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М, 1984. Т. 195.
2. *Кюблер-Росс Э.* О смерти и умирании / пер. с англ. К. Семенов, В. Трилис. М., Киев: изд-во София, 2001. 480 с.
3. Pubmed [Электронный ресурс] URL: <https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/21596732/> (дата обращения: 27.03.2025)

Взаимосвязь актуальной деятельности и профессионального самосознания молодежи

Горелова Д.В., Александрова Е.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dashafomina2030@gmail.com, aleksandrova@mgppu.ru

Современная молодежь обладает рядом социально-психологических особенностей. В связи с удлинением периода обучения и распространенностью эскапизма, удлиняется и период формирования профессионального самосознания молодежи (Головей, 2015). Это явление оказывает влияние как на качество жизни молодого специалиста, так и на обеспечение рынка труда необходимыми

кадрами. В то же время капиталистические ценности на рынке труда расходятся с традиционными ценностями в деятельности образовательной среде, в связи с чем молодежь сталкивается с разобщенностью карьерных целей, что может затруднять их достижение (Сабиров, Сабирова, 2020). Мы предполагаем, что те молодые люди, которые проявляют наибольшую включенность в учебную, профессиональную и личную деятельность, ощущают ее более осмысленной и удовлетворяющей. Они обладают более зрелым и сформированным профессиональным самосознанием, а значит, готовы и стремятся получить работу по специальности. Основываясь на принципе единства сознания и деятельности, принятого в отечественной психологии, мы отметили несколько аспектов взаимосвязи профессионального самосознания молодого специалиста и его подхода к деятельности.

В исследовании приняли участие 100 респондентов в возрасте от 18 до 23 лет. Профессиональное самосознание исследуется при помощи двух методик: «Диагностика профессиональной идентичности студентов» А.А. Озеринной и «Диагностика переживаний в профессиональной деятельности» Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева. Актуальная деятельность исследуется при помощи опросника «Метакогнитивная включенность в деятельность» (G. Shraw, R. Dennison) в русскоязычной адаптации А.В. Карпова, И.М. Скитяевой, опросника «Самоорганизация деятельности» Е.Ю. Мандриковой и несколькими вопросами о наличии и типе учебы и работы.

Анализ результатов исследования показал, что уровень удовлетворенности ($r = 0,455; p \leq 0,01$) и осмысленности ($r = 0,495; p \leq 0,01$) деятельности имеет прямую корреляцию с включенностью в деятельность. Уровень развития профессиональной идентичности имеет прямую взаимосвязь с уровнем метакогнитивной включенности в деятельность ($r = 0,405; p \leq 0,01$) и уровнем самоорганизации деятельности ($r = 0,408; p \leq 0,01$). Были обнаружены значимые различия между группами не работающих, работающих не по профессии и работающих по профессии. Для сравнения работающих и не работающих групп использовался U-критерий Манна – Уитни. Были обнаружены различия в сформированности ($z = 0,020, p \leq 0,05$), зрелости ($z = 0,001, p \leq 0,05$) профессиональной идентичности и уровне переживания удовольствия ($z = 0,016^*; p \leq 0,05$). Для сравнения

работающих по профессии, работающих не по профессии и неработающих групп использовался критерий Краскела – Уоллиса. Наиболее высокий уровень развития профессионального самосознания был отмечен в группе молодых людей, работающих по профессии. В этой же группе отмечается наибольшая удовлетворенность и осмысленность деятельности. Переживание усилия в деятельности оказалось практически идентичным в группах не работающих и работающих по профессии, и значительно ниже в группе работающих не по профессии.

Подводя итоги проведенной работы, можно сделать следующие выводы. Активная включенность в осмысленную профессиональную деятельность эффективна для развития таких качеств личности, как ответственность, самостоятельность, способность поддерживать устойчивый интерес к избранной деятельности и воплощать его в жизнь в виде результатов труда. Субъективная осмысленность рабочего процесса благоприятно сказывается на удовлетворенности работой. А высокий уровень развития профессионального самосознания молодежи в перспективе позволит сократить нехватку квалифицированных кадров на рынке труда.

Литература

1. Головей, Л.А. Профессиональное развитие личности: начало пути (эмпирическое исследование) // СПб.: НесторИстория, 2015. 336 с.
2. Сабиров А.Г., Сабирова Л.А. Консьюмеризация как приоритетный процесс развития человека в становящемся постиндустриальном обществе // Манускрипт. 2020. № 12. С. 214–218.

Особенности экономического поведения современной молодежи

Гороховская А.А.

ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия

annagorhovskaja@yandex.ru

Изменения, происходящие в современной экономике России, мировой экономике и социальном пространстве, обуславливают актуальность исследования особенностей экономического поведения, в частности, среди молодежи как наиболее активной части населения. В октябре 2023 года Распоряжением Правительства Российской Федерации принята «Стратегия повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации..., 2023), целью которой является «формирование к 2030 году у большинства граждан Российской Федерации ключевых элементов финансовой культуры (ценностей, установок и поведенческих практик)», способствующих как увеличению личного благосостояния, так и социально-экономическому развитию общества и финансовой сферы. Еще В.М. Бехтерев в труде «Коллективная рефлексология» утверждал значимость отношения к деньгам, ценности денег в обществе и взаимосвязь этой субъективной ценности с устойчивостью финансово – экономического рынка в стране (Бехтерев, 2025). С точки зрения социальной психологии, экономическое поведение молодежи представляет интерес в контексте взаимосвязи между экономическими установками и реальным экономическим благополучием, однако эту тему практически невозможно исследовать в достаточной мере, ввиду постоянных изменений экономической и политической конъюнктуры.

Значимость темы исследования также определяется возможностью использования результатов в рамках оценки перспективных направлений в совершенствовании экономики ввиду упрощения прогноза экономических решений, которые принимает и будет принимать современная молодежь, которая в перспективе составит основу экономически активного населения.

Экономические установки молодежи обозначают вектор для формирования стабильного государства, при этом являясь следствием как воспитания, семейных взаимоотношений, социального статуса и

прочих вводных данных (Дейнека, Забелина, Честюнина, 2019; Салтыкова, Дейнека, 2022). В большинстве трудов экономические установки и систему отношения к деньгам называют монетарными аттитюдами или установками (Аликперова, 2021). Монетарные аттитюды представлены отношением к деньгам, экономическими решениями, стратегическим поведением или его отсутствием, способами достижения экономического благополучия.

Специфика отношения к деньгам и финансового поведения, в первую очередь, определяется спецификой поколения. На сегодняшний день среди молодежи выделяются различные группы, основные из которых – «миллениалы» и «зумеры».

Миллениалы (англ. *millennial* – тысячелетний) – поколение, частично относящееся к молодежи, родившейся в начале 90-х годов, чей период взросления совпал с началом нового тысячелетия. В ряде случаев миллениалов называют поколением Y, *nexth*, сетевым (или цифровым) поколением. Это обусловлено специфическими чертами миллениалов: технологической грамотностью, ценностью баланса между работой и личной жизнью, стремлением к саморазвитию. Особенности экономического поведения данной категории в РФ обусловлены сложностью экономического периода детства и существенной социальной нестабильности (Карпова, 2021).

Зумеры (поколение Z) – поколение, родившееся в новом тысячелетии и имеющее принципиальные отличия от миллениалов в вопросах отношения к работе, заработку и распоряжению деньгами. Для миллениалов важна эмоциональная составляющая работы, чувство сопричастности, а для зумеров – гибкость и решение социально значимых проблем. Как правило, зумеры предпочитают удаленную работу и работу, связанную с медиасферой, чему способствует и современный рынок труда, предлагая вакансии, не связанные с физическим присутствием в офисе (Целютина, 2022). Не меньше зумеры ценят и технологическое обеспечение рабочего процесса, общественную пользу своей деятельности.

Отношение к деньгам у этих групп также различается ввиду разного периода взросления: если миллениалы росли в период социальной, экономической и политической нестабильности, детство зумеров пришлось на достаточно стабильный период, в который произошла

переоценка ценностей и выход на первый план рыночной экономики (Еловикова, 2021).

Также немаловажно рассмотреть и различия в экономическом поведении в зависимости от гендера. Исследователями установлено, что у девушек преобладает монетарный аттитюд «обеспокоенность деньгами», тогда как у юношей преобладает связь между межличностными отношениями и отношением к деньгам: если они избегают денег, им требуется больший контроль со стороны, если же деньги являются преобладающим мотивом, то контроль проявляет уже сам индивид (Воеводина, 2023). Это обуславливает важность исследования и гендерных различий, а не только оценки поколенческой специфики.

Нельзя также забывать и об экономическом статусе молодежи, поскольку большая часть из них является студентами и не ведет активной экономической деятельности, а значит не имеет собственных денег и зависит от родителей (Кудинов, Михайлова, Кудинов, 2023). Взросление современной молодежи происходит позже, что приводит к экономической безграмотности и отсутствию контроля в сфере управления личными финансами.

В целом, как утверждают О.Ю. Горчакова и ее коллеги, положительное экономическое поведение молодежи, в том числе, зависит от умения управлять стрессом и адаптироваться под окружающую действительность (Горчакова, Ларионова, Козлова, 2021). В то же время молодежь, которая наиболее подвержена влиянию стресса, не обладает активной экономической позицией и умением планировать финансы.

Таким образом, существует множество факторов, влияющих на экономическое поведение современной молодежи, границы которой существенно размыты по возрастному признаку и включают в себя как миллениалов (поколение 90-х), так и зумеров (родившихся после 2000 года), чьи финансовые установки достаточно сильно различаются. Различия также определяются полом индивида, ввиду разности в ценностных установках и давлении общества.

Литература

1. *Аликперова Н.В.* Монетарные установки молодежи в условиях социально-экономической нестабильности // *Уровень жизни населения регионов России.* 2021. Том 17. №3. с.372-381.
2. *Бехтерев В.М.* Коллективная рефлексология. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 473 с.
3. *Воеводина К.Д.* Особенности взаимосвязи между монетарными аттитюдами и межличностными взаимодействием у юношей и девушек // *Научный результат. Педагогика и психология образования.* 2023. Том 9. Выпуск №4.
4. *Горчакова О.Ю., Ларионова А.В., Козлова Н.В.* Современное экономическое поведение: установки, представления и психологические особенности молодежи // *Психология и Психотехника.* 2021. № 4. DOI: 10.7256/2454-0722.2021.4.36778
5. *Дейнека О.С., Забелина Е.В., Честюнина Ю.В.* Экономическое сознание студенческой молодежи в условиях глобализации (на материале исследования в России и Японии) // *Общество: социология, психология, педагогика.* 2019. № 4. С.53-60.
6. *Еловикова А.А.* Методы заработка современного поколения, их эффективность и влияние на жизнь зумеров // *Известия Института систем управления СГЭУ.* 2021. № 2(24). С. 54-56. EDN YLBHBN
7. *Карпова Е.Г.* Миллениалы на рынке труда: социологическая репрезентация представителей поколения Y / Е.Г. Карпова, И.В. Сонов // *Труд и социальные отношения.* 2021. Т. 32, № 3. С. 113-123. DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-3-113-123
8. *Кудинов С.И., Михайлова О.Б., Кудинов С.С., Фаренникова Е.С.* Ценностные ориентации и отношение к деньгам у российских и китайских студентов как характеристики экономического поведения молодежи // *Перспективы науки и образования.* 2023. № 6 (66). С. 773-788. DOI: 10.32744/pse.2023.6.45
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.10.2023 № 2958-р «Об утверждении Стратегии повышения финансовой грамотности и формирования финансовой культуры до 2030 года».

10. *Салтыкова В.С., Дейнека О.С.* Современное состояние денег в отечественной литературе // Мир педагогики и психологии. 2022. № 1 (66). С. 6-22.
11. *Целютина Т.В.* Ценности поколения зумеров: профессиональная деятельность и социальная ответственность / Т.В. Целютина, Н.И. Колесникова // Экономико-управленческий конгресс : Сборник статей по материалам Международного научно-практического мероприятия НИУ «БелГУ», Белгород, 10–11 ноября 2022 года / Отв. редактор: В.М. Захаров. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2022. С. 418-424. EDN SXRQRA.

Роль субкультур и фэндомов в формировании межличностных отношений и ценностных ориентаций современной молодежи

Гревцев И.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
beliywolk013@mail.ru*

Одной из ключевых тем, связанных с исследованиями молодежи является процесс формирования у нее ценностных ориентаций и здоровых межличностных отношений. В процессе социализации она часто оказывается в ситуации, когда семьи и школы становится недостаточно для удовлетворения всего спектра запросов и у молодежи начинается поиск дополнительных путей и структур для продолжения процесса социализации (Омельченко, 2000).

В частности, молодые люди и девушки обращаются к неформальным «малым» культурам – субкультурам и фэндомам. Будучи полноценными социальными институтами и средами для общения и взаимодействия, они позволяют молодежи активно выстраивать новые социальные связи (Омельченко, 2000; Халлоуэл, 2004). Эти связи, хоть во многом и обусловленные средой субкультуры или фэндома, являются проявлением специфичного набора характеристик, адекватного среде. Сами связи и порождающие их особенности среды не заканчивают свое существование при выходе из зоны фэндома или

субкультуры, а продолжают, хоть и в измененном виде, проявляться в стиле общения и взаимодействия конкретного индивида. Усвоенные нормы, паттерны со временем будут встраиваться в уникальную для каждого человека систему общения, дополняя усвоенное в процессе социализации индивида в рамках более крупных и значимых структур институтов семьи, школы и государства (Андреев, 1979).

Субкультура и фэндом это «малые культуры», а точнее надстройки над «большой культурой», дополняющие идущие в ней процессы. Молодежь обращается к ним дабы «закрыть пробелы», оставленные другими социальными институтами и удовлетворить те потребности, которые по той или иной причине не были удовлетворены семьей, школой и государством (Омельченко, 2000). Выстраивание межличностных отношений между членами фэндома, общение и взаимодействие является лишь частью общего процесса социализации в рамках субкультуры и фэндома, там же происходит формирование ценностных ориентаций.

Хотя в данном случае будет более корректно употребить термин не «формирование», а «корректировка», «изменение». Ценностные ориентации в современной интерпретации это – «прежде всего, предпочтения или отвержения определенных смыслов как жизнеорганизующих начал и (не) готовность вести себя в соответствии с ними...» (Нагоева, 2011, с. 287). Они одновременно являются и изменчивыми и стабильными элементами нашей психики, ведь даже усваивая новую информацию, мы не отбрасываем старую, а используем ее как материал переработки, закладывая ее в обновленное основание нашей картины мира. В случае молодежи, которая как раз занимает динамичную позицию промежуточного этапа между детьми и взрослыми, это становится еще более актуальным. Уже не дети, но еще не взрослые, они перестают поглощать все, что получают от общества, и начинают действовать более избирательно. Опираясь на заложенный в детстве фундамент, они дополняют свою картину мира, набор смыслов и ориентиров.

Учитывая, что сами по себе субкультуры и фэндомы являются во многом менее формализованными структурами, где их члены и их творчество зачастую и формируют большую часть активности и взаимодействия, мы получаем интересную ситуацию. Представители молодежных субкультур и фэндомов почти всегда будут

непосредственно активными отправителями и получателями одновременно. Включаясь в межличностные отношения и деятельность, они принимают и усваивают нормы, смыслы, образы, встраивают их в свои ценностные ориентации и потом уже становятся отправителями, посылая свою дополненную картину и обновленный набор смыслов, норм, идеалов и образов другим членам субкультуры или фэндома (Халлоуэл, 2004).

Современные молодежные субкультуры и фэндомы играют роль среды для социализации и общения индивида, где тот формирует большое количество межличностных отношений в менее формальной и более свободной среде. Эта специфика, в свою очередь, создает ситуацию, когда молодежь не только усваивает нормы и ценностные ориентации, активно дополняя свою картину мира, но и сама способна в ответ привносить в социальный институт свое видение, смыслы и образы, создавая замкнутый, постоянно развивающийся конструктор.

К сожалению, современные исследования нынешних молодежных субкультур и фэндомов часто слишком сфокусированы на частных вопросах, упуская общие понятия и существенные характеристики. Также важно рассмотрение влияния этих социальных институтов на формирование межличностных отношений и ценностных ориентаций современной молодежи.

Литература

1. *Андреева Г.М.* Процессы казуальной атрибуции в межличностном восприятии // Вопросы психологии, 1979. № 6. С. 26-38.
2. *Нагоева Л.Х.* Ценностные ориентации: понятие и феномен // Новые технологии, 2011. №. 4. С. 286-289.
3. *Омельченко Е.Л.* Молодежные культуры и субкультуры. 2000.
4. *Халлоуэл А.И.* Культура, личность и общество. // Культурология, 2004. № 1 (28).

Взаимосвязь типа семьи и удовлетворенности потребности в общении в подростковом возрасте

Григорьева С.И., Сидячева Н.В., Рахманова А.Ю.

ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия

grsw60@mail.ru, sidna@bk.ru, alina21122002@mail.ru

Семья в жизни каждого человека занимает значимое место. Семья становится для ребенка первейшим и важнейшим институтом социализации. Человек остается в этом институте на всю жизнь. Семейная микрогруппа включает в себя члена семьи и окружает его большее время жизни. Сначала человек социализируется в родительской семье как ребенок, младшее звено, затем – семья, созданная в браке, супруг, родитель своих детей (Шабельников, 2017).

Общее отношение семьи к нравственности, духовности, традициям, развитию, нормам и правилам формирует индивидуальное отношение человека, так как семья одаривает первым социальным опытом и передает свой. Большое значение имеет благоприятность психологического внутрисемейного климата.

Если потребность в общении не будет удовлетворена, могут возникнуть серьезные проблемы. Люди с невозможностью удовлетворения потребности находятся в состоянии фрустрации. Повышается уровень тревоги, недоверия к социальному окружению, что может привести к депрессии. Возникает проблема одиночества, без признания окружающих падает самооценка. Недопонимание ведет к конфликтам, которые не всегда разрешаются (Григорьева, 2022).

В подростковом возрасте детям необходимо получать эмоциональную поддержку, и, в первую очередь, от семьи. Так родители могут положительно повлиять на самооценку своего ребенка. Когда человека слушают и принимают, это добавляет уверенности, которая способствует развитию коммуникативных умений у подростков в контексте семейных отношений, что является полезным, вытекающим из качественного общения навыком.

Цель исследования: определить особенности взаимосвязи типа семьи и степени удовлетворенности потребности в общении подростков.

Объект исследования: удовлетворенность потребности в общении у подростков.

Предмет исследования: взаимосвязь типа семьи и удовлетворенности потребности в общении у подростков.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между типом семьи и особенностями потребности в общении у детей подросткового возраста.

Задачами представленного исследования являются:

- анализ психолого-педагогических исследований по исследованию типологии семьи и особенностям общения в разных типах семьи;
- выбор адекватных цели исследования диагностических методов;
- определение особенностей взаимосвязи типа семьи и степени удовлетворенности потребности в общении у подростков;
- анализ полученных результатов эмпирического исследования.

Использовались следующие методы исследования:

- теоретические – анализ психолого-педагогических исследований по исследуемой проблеме;
- эмпирические – тестирование, опрос;
- методы математической статистики для обработки полученных результатов.

Для определения типа семьи мы выбрали методику С.И. Григорьевой «Тип семьи» (Григорьева, 2021). Для определения особенностей проявления потребности в общении использованы следующие методические средства:

- анкета «Опросник удовлетворенности общением» (Ю.Е. Алешина, модификация А.Ю. Рахмановой);
- методика «Потребность в общении» (Ю.М. Орлов);
- опросник для школьников «Моя семья» (О.И. Мотков);
- методика диагностики степени удовлетворенности основных потребностей (В.В. Скворцов).

Анализ эмпирического исследования показал, что в родовом типе семьи 67% респондентов имеют высокий уровень удовлетворенности в общении и 33% средний уровень. В смешанном типе семьи были получены следующие результаты: у 15% респондентов был выявлен высокий уровень удовлетворения потребности в общении, у 49% респондентов оказался средний уровень удовлетворения потребности в общении, и у 36% респондентов – низкий уровень. В нуклеарном типе

семьи 22% респондентов показали высокий уровень удовлетворенности потребности в общении, 33% – средний уровень, 45% – низкий. Таким образом, можно сделать вывод, что в родовом типе семьи преобладает высокий уровень удовлетворения потребности в общении, то есть этот тип семьи лучше других способствует удовлетворению базовой потребности в общении. В нуклеарном типе семьи можно назвать преобладающим низкий уровень, то есть это тип семейной структуры показывает плохое удовлетворение потребности в общении. Респонденты из смешанного типа семьи показали средний уровень удовлетворенности потребности в общении. Подводя итоги исследования, делаем вывод, что нуклеарный тип семьи входит в группу риска неудовлетворения потребности в общении, следовательно с членами этих семей необходимо работать по налаживанию взаимоотношений в семье и развитию личностных качеств всех членов семьи. Проведенный корреляционный анализ показал значимые взаимосвязи между типом семьи и уровнем удовлетворения потребности в общении.

Литература

1. *Григорьева С.И.* Методика «Тип семьи»: учебно-методическое пособие. Министерство образования Московской области, ГОУ МГОУ. 2-е изд., доп. М.: МГОУ, 2021. 69 с.
2. *Григорьева С.И.* Методы и методики исследования мотивационно-потребностной сферы личности: учебное пособие / С.И. Григорьева, А.С. Григорьева. М.: МГОУ, 2022. 83 с.
3. *Шабельников В.К.* Семья в образовательном процессе: учебное пособие / В.К. Шабельников, С.И. Григорьева. М.: ИИУ МГОУ, 2017. 57 с.

Типология дефицитно-ресурсных стратегий развития управленческого потенциала

*Гумницкая А.С., Маркина Н.В.
ГБУ ДПО «ЧИРО», Челябинск, Россия
Ledi-ann87@rambler.ru, nvmark@mail.ru*

Развитие управленческого потенциала руководящих работников – одна из важнейших задач любой организации. Хорошо подобранный и качественно обученный руководитель – залог успешного достижения поставленных целевых ориентиров, устойчивости организации и благополучия трудового коллектива. Отметим, что сам руководитель в процессе развития его управленческого потенциала является субъектом данной деятельности и источником информации для выстраивания содержания индивидуальной программы развития. При этом важным аспектом управленческого потенциала в современном быстро меняющемся, неопределенном мире является уровень овладения руководителем технологией проектного управления и развитие соответствующих данной деятельности компетенций.

Нами была поставлена цель выявить особенности выборов руководящими работниками (как субъектами) стратегий своего развития в развитии управленческих компетенций проектного управления. В исследовательскую выборку вошли 40 руководящих работников организаций дополнительного образования детей, включенных в состав управленческих проектных команд. Им предлагалось ответить на авторскую анкету «Самооценка проектных компетенций» (Выбойщик, Гумницкий, Маркина, 2023). Анкета разработана на основе выявления этапов процесса управления проектами, а также управленческого цикла и содержит 10 позиций. Каждая позиция в анкете оценивается по семибалльной шкале. После самооценки проектных компетенций участникам предлагалось выбрать три из предложенных компетенций, которые они планируют развивать в ближайшее время для достижения своей профессиональной мечты. На основе полученных данных были выделены две шкалы анализа: «уровень самооценки проектных компетенций руководителя» и «выбор компетенции для развития», которые образуют четыре тактики и две

дефицитно-ресурсных стратегии развития управленческого потенциала.

Четыре тактики развития управленческого потенциала характеризуются разными решениями руководителей в работе с результатами самооценки проектных компетенций.

- Тактика «Опора на имеющиеся ресурсы». Ситуация, когда руководитель оценивает свои проектные управленческие компетенции выше среднего, при этом не планирует их развивать в ближайшее время, так как считает уровень их освоения достаточным для достижения поставленных профессиональных целей: «То, что есть, достаточно для достижения целей».
- Тактика «Усиление имеющихся ресурсов». Отмечая свои сильные стороны в развитии проектных управленческих компетенций, руководитель в дальнейшем не просто планирует опираться на них при достижении поставленных целей, но и настроен на более глубокую их проработку и усиление. Он стремится находить новые возможности для их развития и дальнейшего применения: «Важно отработать и закреплять то, что умею».
- Тактика «Игнорирование дефицитов». Руководитель, явно видя свои дефициты в освоении и использовании определенных управленческих компетенций проектной деятельности, не видит необходимости их развивать в ближайшее время, так как не считает, что они важны для достижения поставленных перед собой целевых ориентиров. Он как будто игнорирует их, уделяя внимание другим, возможно, хорошо развитым, или имеющим средний уровень развития компетенциям: «Никогда особо не получалось, и не надо» / «Зачем тратить время на то, то не получается».
- Тактика «Проработка дефицитов». Данная тактика руководителя связана, с одной стороны, с четким пониманием своих дефицитов, с другой – пониманием необходимости и наличием намерения развивать имеющиеся дефициты в проявлении проектных управленческих компетенций: «Надо развивать то, что плохо получается».

Четыре вышеперечисленные тактики складываются в следующие две дефицитно-ресурсных стратегии развития управленческого потенциала.

- Стратегия дефицитной компенсации – «руководитель универсал». Он осваивает максимальный набор проектных управленческих компетенций, контролируя каждый из аспектов. Если же ему нужен более глубокий уровень владения какой-либо компетенцией для решения текущей задачи, то он может обратиться к эксперту.
- Стратегия ресурсного усиления – «узко заточенный руководитель». Он отлично освоил некоторые, наиболее близкие ему компетенции проектного управления, став в них «асом». Все, что у него получается «слабее», он компенсирует за счет своей управленческой команды.

Данная типология позволяет в дальнейшем усилить управленческий консалтинг и конкретизировать содержание мероприятий проектно-целевого сопровождения управленческих команд организаций (Ланге, Гумницкая, 2024). Для конкретизации и развития данной типологии в планируемых дальнейших исследованиях представляется целесообразным сделать акцент на социально-психологических и личностных особенностях руководящих работников, выбирающих разные тактики развития управленческого потенциала, и для которых характерны разные дефицитно-ресурсные стратегии.

Литература

1. *Выбойщик И.В., Гумницкий М.Е., Маркина Н.В.* [и др.] Личностные и социально-профессиональные особенности руководителей школ с различной организационной культурой (часть 1) // Психология. Психофизиология. 2023. Т. 16, № 2. С. 16-27. DOI 10.14529/jpps230202
2. *Ланге С.Н., Гумницкая А.С.* Проектно-целевое сопровождение образовательных организаций с низкими образовательными результатами: опыт применения технологии управленческого консалтинга в условиях перехода школ Кондинского района ХМАО в режим эффективного функционирования // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров: материалы XXV Международной научно-практической конференции: в 2-х частях, Челябинск, 22 апреля 2024 г. Челябинский институт развития образования, 2024. С. 274-282.

Проявление кибербуллинга в социальных сетях

*Гущина А.О., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alina15112001@mai.ru*

Ежегодно люди стали больше проводить свое как свободное, так и рабочее время в социальных сетях. Некоторые развиваются, читая полезные статьи, публикации или видеоролики, другие используют социальные сети для развлечения или отдыха. Однако все они, так или иначе, подвергаются риску стать участником кибербуллинга.

Кибербуллинг – это вид буллинга, который характеризуется деструктивным поведением в интернете, содержащим насильственные действия с причинением ущерба, вреда и получения как физического, так и психологического удовольствия обидчиком (Бочавер и др., 2014). Основной составляющей всех видов буллинга являются занимаемые позиции. Их существует несколько видов: агрессор (активный или пассивный), помощник, жертва (покорная или агрессивная), свидетели (активные или пассивные), защитник (Бобровникова, 2022).

Кибербуллинг, как и другие виды буллинга, может привести к серьезным психологическим последствиям, например, таким, как депрессия, тревожность, снижение самооценки и социальной активности.

Пользователи социальных сетей в возрасте от 20 до 25 лет считаются достаточно продвинутыми участниками. Тем не менее, в связи с тем, что их детство в основном протекало без использования технологий, они также могут быть подвержены негативным последствиям травли в интернете из-за низкой осведомленности о методах защиты и ограниченных навыках обращения с технологиями.

В нашем пилотажном исследовании для изучения взаимосвязи степени незащищенности и проявления кибербуллинга среди пользователей социальных сетей молодежного возраста были подобраны методики исследования и сформирована выборка. В эмпирическом исследовании приняли участие 30 юношей и девушек (средний возраст 24,5 года).

Использовались методики: опросник «Кибербуллинг в сети», опросник «Оценка степени незащищенности индивидов от

кибербуллинга» (В.П. Шейнов). Использовался коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты пилотажного исследования показали, что у испытуемых, участвующих в кибербуллинге и занимающих роль агрессора, наблюдается высокая степень незащищенности от кибербуллинга. В то же время, участники, принимающие роль агрессивной жертвы, проявляют среднюю степень незащищенности. Более половины испытуемых проявили себя как пассивные свидетели. В связи с ограниченным количеством выборки нам не удалось зафиксировать распределение всех ролей среди участников и определить степень незащищенности от кибербуллинга.

Как показывают эмпирические данные коллег, распространенными стратегиями прекращения кибербуллинга являются такие стратегии преодоления травли, как «Близкая поддержка» и «Техническое преобразование». Юноши и девушки, применяющие данные стратегии, имеют более низкий уровень незащищенности, в то время как те, кто использует «Активное игнорирование», часто имеют более высокий уровень незащищенности (Бобровникова, 2022).

Последующие исследования могут способствовать более глубокому изучению связи между степенью незащищенности, проявлением кибербуллинга и стратегиями преодоления среди пользователей социальных сетей подросткового и молодежного возраста. Планируется проведение исследования в настоящее время, чтобы изучить эту взаимосвязь и использовать стратегии борьбы с кибербуллингом, которые будут способствовать снижению уровня незащищенности среди молодежи.

Литература

1. *Бобровникова Н.С.* Кибербуллинг: виды и особенности проявления / Научная статья, Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого, Тула, Российская Федерация // Международный научно-исследовательский журнал, № 11 (125). 2022.
2. *Бочавер А.А., Хломов К.Д.* (2014) Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 11(3): 177–191.

3. Вишневская В.И., Бутовская М. Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе / В.И. Вишневская, М.Л. Бутовская // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 55-68.
4. Глазман О.Л. Психологические особенности участников [Текст] / О.Л. Глазман // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. 2009. №105. С. 159–165.

Разрыв дружеских отношений: поиск психологических оснований

Даниленко О.И., Дмитриева Н.Ю.
ФГБОУ ВО СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия
Danilenko.olga@gmail.com, 0250459@gmail.com

Позитивный вклад дружеских отношений в субъективное благополучие человека зафиксирован и обоснован в многочисленных исследованиях. Немало работ посвящено побуждениям к завязыванию дружбы и факторам выбора друзей. Значительно меньшее внимание уделяется прекращению дружбы. Между тем разрыв дружеских связей зачастую оказывается серьезным испытанием для участников дружеских отношений и может быть квалифицирован как критическая жизненная ситуация. Ее преодоление зависит, в частности, от того, насколько субъекту удастся понять причины прекращения дружбы. Это побудило нас к поиску психологических оснований прекращения дружбы.

В исследованиях, посвященных теме прекращения дружбы, в качестве фактора, побуждающего субъектов к расставанию, рассматриваются личностные характеристики участников дружеских отношений: уровень самоконтроля (Vohs, Finkenauer, Baumeister, 2011), черты личности из Большой пятерки (Harris, Vazire, 2016) и пр. Нам представляется, что в качестве такого фактора может выступать несогласованность системы личностных ценностей. Основанием для этого предположения являются данные о том, что именно сходство ценностных ориентаций оказывается фактором завязывания дружбы;

наиболее известное исследование, где это показано, осуществлено Т. Ньюкомбом (Newcomb, 1961).

Мы полагаем, что решение субъекта продолжать/прекратить дружеские отношения зависит не только и даже не столько от объективных показателей, характеризующих систему ценностей партнера, сколько от того, какой представляется она субъекту. Иными словами, решение зависит от того, какая система ценностей атрибутируется другу.

Для проверки гипотезы о значимости представления субъекта о личностных ценностях участников дружеской диады для продолжения/разрыва дружеских отношений был разработан диагностический комплекс, в который включен «Портретный ценностный опросник — Пересмотренный (PRQ-RR)», позволяющий получить данные об относительной выраженности 19 ценностей, соответствующих уточненной теории базовых индивидуальных ценностей Ш. Шварца (Шварц и др., 2012). Участникам исследования предлагается заполнить бланк опросника сначала «портретируя» себя, затем человека, с которым продолжает дружить и, наконец, человека, с которым принял и реализовал решение прекратить дружбу. Это позволило получить три группы данных. Первая характеризует ценности респондента, которого мы рассматриваем как субъекта дружеских отношений; вторая – его представление о ценностях человека, с которым он продолжает поддерживать дружеские отношения (далее – актуальный друг); третья – представление о ценностях человека с которым респондент принял и реализовал решение прекратить дружбу (далее – отвергнутый друг).

В исследовании приняли участие студенты старших курсов факультета психологии. Всего 29 человек, в том числе 4 мужчины и 25 женщин. Средний возраст 22,8 лет. Для обработки использованы описательные статистики, метод ранговой корреляции r Спирмена и T -критерий Вилкоксона. Расчет проводился с использованием программы JAMP.

Сначала мы провели сравнение иерархического распределения среднегрупповых показателей ценностей респондента (субъекта дружеских отношений), актуального друга и отвергнутого друга. Как и предполагали, выяснилось, что имеется высокая степень сходства

иерархий ценностей субъекта и актуального друга ($r = 0,569$; $p < 0,001$). Но иерархическое распределение ценностей у субъекта и отвергнутого друга также высокое ($r = 0,438$; $p < 0,001$). На наш взгляд, это сходство отражает внутреннюю близость субъекта с тем, кто был его другом до того, как некие обстоятельства побудили прекратить с ним дружеские отношения.

Что же стало критичным для решения разорвать дружбу несмотря на имеющую близость ценностных иерархий? В поисках ответа на этот вопрос было проведено сравнение средних по группе показателей каждой из девятнадцати ценностей субъекта дружеских отношений, актуального друга и отвергнутого друга. Учитывались различия на высоком уровне значимости ($p < 0,01$). Высокозначимых различий между показателями ценностей субъекта дружеских отношений и актуального друга не обнаружено. При этом обнаружены различия 7 из 19 показателей ценностей субъекта дружеских отношений и отвергнутого друга. Из них пять (Универсализм-Забота о природе; Универсализм-Забота о других; Универсализм-Толерантность; Благожелательность-Забота; Благожелательность-Чувство долга) входят в ценность высшего порядка Самопреодоление в мотивационном континууме Шварца.

В целом полученные результаты свидетельствуют в пользу гипотезы о значимости представления субъекта о личностных ценностях участников дружеской диады для продолжения/разрыва дружеских отношений.

Для содержательной интерпретации полученных результатов важно, что использованный опросник PRQ-RR позволяет получить данные о значимости ценностей личности на основании того, как респондент оценивает те или иные цели, ожидания и желания. Участники нашей выборки существенно ниже оценивают готовность заботиться о других (проявление Самопреодоления) у того, с кем они разорвали дружеские отношения, нежели у себя и у того, с кем продолжают дружить. Можно предположить, что именно более или менее осознанное эмоциональное переживание асимметрии в проявлении заботы о друге побуждает субъекта прекращать дружбу, несмотря на наличие сходства в общей картине иерархии ценностей, скреплявшей их дружбу. Для подтверждения этого предположения и

выявления ситуаций, провоцирующих это переживание, планируется проведение анализа индивидуальных случаев разрыва дружеских отношений.

Литература

1. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Лунатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т.9. №1. С. 43–70.
2. Harris K., Vazire S. On friendship development and the Big Five personality traits // Social and Personality Psychology Compass. 2016. Vol 10. №11. Pp. 647–667. Doi.org/10.1111/spc3.12287
3. Newcomb T.M. The acquaintance process. N.Y., 1961. Doi.org/10.1037/13156-000
4. Vohs K.D., Finkenauer C., Baumeister R.F. Sum of Friends' and Lovers' Self-Control Scores Predicts Relationship Quality // Social Psychological and Personality Science. 2011. Vol. 2. № 2. Pp.138–145. DOI:10.1177/1948550610385710

Взаимосвязь социально-психологических характеристик семьи и родительского посредничества медиаактивности дошкольников

Денисенкова Н.С., Петроченко Е.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nataliya-denisenkova@yandex.ru, elenamizina@inbox.ru

Исследования последних десятилетий показывают, что дошкольники все с более раннего возраста являются активными пользователями всевозможных гаджетов. Родители выступают как связующее звено между дошкольником и цифровым устройством, влияют на время пользования гаджета и характер контента. В различных исследованиях прослеживается взаимосвязь между медиаактивностью детей дошкольного возраста и различными социально-психологическими характеристиками семьи (Борцова, Некрасов, 2017; Веракса и др., 2020; Солдатова, 2019; 2020).

Мы предположили, что между такими социально-психологическими характеристиками семьи, как количество детей, возраст родителей, родительская вовлеченность, социальный капитал и социальная поддержка (партнера, семьи, друзей) и родительским посредничеством детской медиаактивности существует взаимосвязь.

В исследовании были использовались методики: «Регламент использования гаджетов» (Борцова, Некрасов, 2020), «Цели использования ребенком гаджетов» (Борцова, Некрасов, 2020), опросник дошкольной родительской вовлеченности (Антипкина, 2018), адаптированный опросник родительского посредничества детской медиаактивности (Денисенкова, Тарунтаев, Федоров, 2023) и «Многофакторная шкала воспринимаемой социальной поддержки» (Чистопольская, 2020).

Выборка исследования включала 60 родителей детей старшего дошкольного возраста (5-7 лет), из которых 50 матерей и 10 отцов.

Анализ распространенности различных стилей сопровождения детской медиаактивности показал, что средний уровень применения ограничительной стратегии отмечен у 70% респондентов, низкий уровень – у 30% родителей. Следовательно, подавляющее большинство родителей предупреждают детей заранее о возможном времени использования гаджета и характере потребляемого контента. Только 7% родителей предпочитают использовать инструктивную стратегию, то есть систематически обсуждают с ребенком то, какую информацию он получает во время использования гаджетов, что именно ему понравилось или нет, какой опыт он приобрел в той или иной игре и прочие моменты. Совместное использование гаджетов является наиболее предпочитаемым у 7% родителей, то есть они находятся рядом с ребенком при использовании гаджетов, вместе играют в компьютерные игры, посещают различные сайты и пользуются разнообразными приложениями.

Выявлена прямая взаимосвязь между временем использования дошкольником того или иного гаджета и количеством детей в семье ($r = 0,538$ при $p < 0,01$). Таким образом, чем больше детей в семье, тем больше ежедневно часов дошкольники проводят совместно с цифровыми устройствами. Отмечается обратная взаимосвязь между количеством детей в семье и использованием гаджетов с целью

развития ребенка ($r = -0,302$ при $p < 0,05$), то есть чем меньше детей в семье, тем чаще применяется гаджет с целью развития ребенка.

Расчет критерия Спирмена показал прямую взаимосвязь между показателем родительской вовлеченности и использованием ограничительной стратегии медиаактивного посредничества ($r = 0,453$ при $p < 0,01$), и обратную взаимосвязь между показателем родительской вовлеченности и использованием инструктивной стратегии медиаактивного посредничества ($r = -0,440$ при $p < 0,01$). Следовательно, чем больше родители вовлечены в воспитание ребенка, проводят с ним время, занимаясь различными играми и занятиями, тем чаще они будут применять ограничительную стратегию посредничества. Наоборот, чем больше родительская вовлеченность, тем менее применяется инструктивная стратегия, а чаще ограничительная.

Стратегия посредничества медиаактивности дошкольника связана с возрастом родителей ($r = 0,280$ при $p < 0,05$) и социальным капиталом семьи, в частности, количеством книг в домашней библиотеке ($r = 0,314$ при $p < 0,05$). Оказалось, что, чем меньше возраст родителей ($r = -0,317$ при $p < 0,05$) и количество книг в семье ($r = -0,333$ при $p < 0,05$), тем чаще применяются стратегии инструктивного использования и совместного использования гаджетов; чем старше родители ($r = -0,258$ при $p < 0,05$) и чем выше у них социальный капитал ($r = -0,307$ при $p < 0,05$), тем чаще они будут использовать ограничительную стратегию медиаактивности дошкольника.

С такими параметрами и характеристиками семьи, как образование родителей, наличие работы или статус безработного, пол родителя взаимосвязей выявлено не было.

Следовательно, можно сказать, что гипотеза подтвердилась. Существует взаимосвязь между такими социально-психологическими характеристиками семьи, как количество детей в семье, социальный капитал семьи (количество книг в домашней библиотеке), возраст родителей, родительская вовлеченность и стратегиями родительского посредничества медиаактивности дошкольников. Полученные данные могут быть учтены в практической деятельности психолога.

Литература

1. *Антипкина И.В.* Анализ опросника дошкольной родительской вовлеченности с использованием рейтинговой модели Раша [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2018. Том 7. № 3. С. 75–86.
2. *Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Ребенок и гаджеты: практикум. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2020.
3. *Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Отношение родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов // Человек. Сообщество. Управление. 2017. Т.18. № 3.
4. *Веракса А.Н., Бухаленкова Д.А., Чичина Е.А., Алмазова О.В.* Особенности использования цифровых устройств современными дошкольниками // Социологические исследования. 2020. № 6. С. 82–92.
5. *Денисенкова Н.С., Тарунтаев П.И., Федоров В.В.* Адаптация опросника родительского посредничества детской медиаактивности Г. Нимрод, Д. Лемиш, Н. Элиас на российской выборке родителей старших дошкольников [Электронный ресурс] // Психолого-педагогические исследования. 2023. Т. 15. № 3. С. 96–114.
6. *Солдатова Г.У.* Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т.9. №3. С. 71–80.
7. *Солдатова Г.У., Теславская О.И.* Особенности использования цифровых технологий в семьях с детьми дошкольного и младшего школьного возраста // Национальный психологический журнал. 2019. №4 (36). С. 12–27.
8. *Чистопольская К.А., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э.* Обновленная версия шкалы MSPSS как инструмент исследования субъективной оценки личностью воспринимаемой социальной поддержки // Высшее образование в условиях глобализации: тренды и перспективы развития: материалы XII Междунар. учеб.-метод. онлайн-конф. (Чебоксары, 29 октября 2020 г.) / Чебоксары: Изд-во Чувашского ун-та, 2020.

Взаимосвязь финансовой автономности и показателей благополучия у пожилых людей

Дергачёва А.В.

ФГАОУ ВО ТюмГУ, Тюмень, Россия

Васильева И.В.

*ФГАОУ ВО ТюмГУ; ФГКУ ДПО ТИПК МВД России, Тюмень, Россия
stud0000237408@utmn.ru , i.v.vasileva@utmn.ru*

Изучение вопросов благополучия людей пожилого возраста не теряет своей актуальности в связи с постоянным ростом доли пожилого населения с России. По данным Росстата доля пожилого населения старше составляет 27,5% (Росстат..., 2025).

Вопросы финансовой независимости и благополучия являются важными для успешной социальной жизнедеятельности пожилого человека. В научных работах, занимающихся исследованием этого вопроса, мы можем обнаружить замкнутый круг: семья может влиять на финансовую независимость пожилых людей, в то время как финансовая автономность пожилых людей влияет на профилактику одиночества как фактора благополучия. Родственники пенсионера оказывают ему финансовую поддержку, что позволяет снизить финансовую нагрузку и свободнее распоряжаться финансами, заниматься долгосрочным планированием и снижает уровень тревожности за финансовое благополучие (Голубева и др., 2008). Также семейная система подключается к обучению пожилого человека оперированию своими финансами через технологии. С одной стороны это позволяет лучше управлять своими сбережениями, более выгодно совершать покупки, с другой стороны – это позволяет уберечь пожилых людей от того, чтобы они стали жертвами мошеннических действий.

Немаловажным аспектом является включение в семейную финансовую систему для ощущения пожилым человеком своей значимости и полезности (Прокофьева, Миронова, 2015). Пожилым людям важно быть полезными, помогать своим детям и внукам, это снижает их уровень тревоги после выхода на пенсию, повышает общий уровень благополучия. Также это может быть мотивацией для долгосрочного планирования и распределения средств перед важными семейными событиями. С другой стороны, финансовая автономность

позволяет пожилым людям посещать платные кружки, досуговые центры, мероприятия, выставки и общаться с людьми со схожими интересами. Это обеспечивает психологическое благополучие личности пенсионера.

В исследовании приняли участие 49 человек. Сбор данных проходил на базе Регионального центра активного долголетия, геронтологии и реабилитации города Тюмень. Исследование проводилось при помощи 1) опросника «Финансовая автономность личности» (Дробышева, Тарасов, Ларионов, 2024); 2) опросника благополучия Perma-Profilier J. Butler, M. Kern в адаптации О.М. Исаевой, А.Ю. Акимовой, Е.Н. Волковой (Исаева, Акимова, Волкова, 2022). Полученные результаты обработаны при помощи описательной статистики и корреляционного анализа. Проверка соответствия эмпирического распределения данных закону нормального распределения показала, что распределение большей части шкал закону нормального распределения не соответствует ($p < 0,05$). Это означает, что для дальнейших расчетов результатов будут использованы методы непараметрической статистики (г-критерий Спирмена).

Результаты корреляционного анализа Спирмена: показатели финансовой независимости связаны с показателями одиночества как параметра благополучия ($r = -0,31$ при $p < 0,05$). Средние показатели и квадратичное отклонение для финансовой автономности и одиночества: ($M = 5,0$; $SD = 3,4$).

Полученные результаты указывают на то, что наличие семьи, взаимодействие с ней, ощущение благополучия в данной сфере положительно влияет на финансовую автономность и успешное управление своими финансовыми ресурсами. Одиночество и отсутствие семейной системы приводит к трудностям в достижении финансовой автономности. Результаты также показали, что уровень образования и возраст не влияют на взаимосвязь между одиночеством и финансовой автономностью, а значит трудности с финансовой автономностью могут возникнуть у одиноких людей в любом возрасте и коснуться как тех, кто только вышел на пенсию, так и тех, кто давно уже в пенсионном возрасте.

Выводы: при работе с пожилыми людьми важно учитывать их семейный статус и уровень отношений с родственниками и близкими

людьми. Одиночество влияет не только на психоэмоциональное состояние и социальное положение, но еще и на финансовую автономность, что в актуальных условиях делает пожилых людей уязвимыми в отношении совершения с ними мошеннических действий.

Литература

1. Голубева Е.Ю., Данилова Р.И., Кондратова Е.А., Коскинен С. Взаимодействие и ответственность семьи и государства по уходу за пожилым человеком в России и Финляндии: кросскультурный контекст // Клиническая геронтология. 2008. № 5.
2. Дробышева Т.В., Тарасов С.В., Ларионов И.В. Разработка опросника «Шкала финансовой автономности личности» и его психометрическая проверка на группе предпенсионеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2024. Т. 13. № 3.
3. Исаева О.М., Акимова А.Ю., Волкова Е.Н. Опросник благополучия PERMA-Profilер: апробация русскоязычной версии // Социальная психология и общество. 2022. Т.13. № 3.
4. Прокофьева Л.М., Миронова А.А. Роль межсемейного обмена в системе материальной поддержки и ухода за пожилыми в современной России // Демографическое обозрение. 2015. №3.
5. Росстат. Численность населения по отдельным возрастным группам. 2025. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/population/demo/progn3.htm

Цифровая идентичность и самопрезентация в социальных сетях

*Деринг В.В., Тишкова А.С.
НГПУ, Новосибирск, Россия
viktoria1dering@gmail.com*

Интернет стал неотъемлемой частью жизнедеятельности человека и выполняет множество различных функций: образовательную, информационную, коммуникативную, развлекательную, экономическую и др. Современная цифровая среда, особенно соцсети, способствуют формированию новых способов становления идентичности личности (Платонова, 2024). Так, исследование цифровой активности студенческой молодежи, выполненное А.С. Тишковой, констатировало наличие у всех опрошенных респондентов профиля хотя бы в одной социальной сети (Тишкова, 2023). Безусловно, активность личности в цифровой среде привела к возникновению специфического вида идентичности – цифровой. В научной среде цифровая идентичность трактуется как процесс создания человеком своей цифровой проекции или цифрового «следа» в сети, включая все сведения о нем в интернете (Кондаков, Костылева, 2019). Существует мнение, что онлайн-личность – это отдельный виртуальный образ. Но чаще всего цифровую идентичность рассматривают как продолжение реальной личности, которое раскрывает разные грани единого «Я». Безусловно, интернет и, в частности, социальные сети позволяют человеку «прожить» еще одну жизнь, пусть и виртуальную, или, по крайней мере, ее часть, предоставляя пространство для экспериментов с выражением своей личности (Платонова, 2024).

Формирование цифровой идентичности в соцсетях реализуется во многом через управляемую самопрезентацию. Пользователи намеренно конструируют желаемый образ себя («Я-образ») для аудитории в онлайн-пространстве (Стаховская, 2020). Соцсети предоставляют широкие возможности для подобного конструирования: каждый пост, фото или полученный лайк добавляют штрихи к образу пользователя и усиливают ощущение контроля над тем, какое впечатление о себе он транслирует. Нередко при этом демонстрируется преимущественно позитивная и идеализированная сторона жизни:

отбор лучших фото и событий способствует созданию приукрашенного образа, порой далекого от действительности. Эмпирические исследования показывают, что самопрезентация в социальных сетях включает несколько аспектов. В частности, можно выделить три составляющие «Я»: реальное «Я», отражающее истинное представление человека о себе, идеальное «Я», соответствующее желаемому образу, и «фальшивое» «Я», связанное с намеренным искажением своего образа с целью произвести впечатление на окружающих. Таким образом, в онлайн-общении индивид часто балансирует между стремлением к искренности и желанием создать благоприятное впечатление о себе (Michikyan, Subrahmanyam, Dennis, 2015).

Важно отметить, что цифровая самопрезентация далеко не всегда предполагает полное создание нового образа, оторванного от действительности. Как правило, онлайн-профиль представляет собой набор отдельных фрагментов реальной личности, которые человек стратегически отбирает и демонстрирует в сети (Платонова, 2024). Обратная связь аудитории (лайки, комментарии) служит своеобразным «зеркалом», в котором отражается приемлемость и значимость выбранного им образа; это может влиять на самооценку и дальнейшее поведение пользователя. Этот процесс созвучен концепции «зеркального Я», согласно которой наше представление о себе во многом формируется через призму восприятия нас окружающими (Карпова, Моница, 2018). С развитием интернета у одного и того же человека могут формироваться множественные цифровые идентичности (например, разные аккаунты), порой вступающие в противоречие с его «Я» в реальной жизни. Стремясь сохранить целостность самовосприятия, пользователю приходится соотносить свой виртуальный образ с реальной идентичностью.

Можно сделать вывод о том, что формирование цифровой идентичности и самопрезентация в социальных сетях представляют собой сложные процессы, которые включают в себя как самовыражение, так и контроль над производимым впечатлением. Цифровая личность формируется под влиянием социальных взаимодействий в интернете, обратной связи от аудитории, а также

личных стремлений быть искренним в сети или, наоборот, создать идеальный образ себя. Также необходимо принимать во внимание потенциальную опасность, связанную с созданием множества виртуальных образов своего «Я». Изучение этих процессов имеет большое значение для психологической практики, поскольку способы самопрезентации в интернете влияют на самооценку, восприятие себя и социальные отношения человека.

Литература

1. *Карпова М.К., Монина М.А.* Социальные сети как особый канал самопрезентации индивида // Наука. Общество. Государство. 2018. Т. 6. № 1(21). С. 158–167.
2. *Кондаков А.М., Костылева А.А.* Цифровая идентичность, цифровая самоидентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестник РУДН. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16. № 3. С. 207–218.
3. *Платонова С.И.* Идентичность в цифровом обществе: генезис понятия и основные характеристики // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. Т. 49. № 2. С. 357–366.
4. *Стаховская Ю.М.* Самопрезентация цифрового поколения в социальных сетях // Информационное общество. 2020. № 1. С. 15–20.
5. *Тишкова А.С.* Взаимосвязь ролевого поведения и цифровой активности студенческой молодежи в сети Интернет // Вестник Омского университета. Серия: Психология. 2023. № 4. С. 28–38.
6. *Michikyan M., Subrahmanyam K., Dennis J.* Can you guess who I am? Real, ideal, and false self-presentation on Facebook among emerging adults // Emerging Adulthood. 2015. Vol. 3. № 1. P. 55–64.

Связь ценностных ориентаций с уровнем магического мышления и социальной тревожности у студентов

*Дзядович Д.А., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elissabeth808@gmail.com, social2003@mail.ru*

В последние годы в психологии наблюдается значительный интерес к исследованию ценностных ориентаций молодежи, которое позволяет лучше понять особенности и перспективы развития современного общества (Долгова, Богданова, 2022). Исследователи определяют ценностные ориентации как «оценочное отношение личности (группы) к совокупности материальных и духовных благ, которые рассматриваются как предметы (или их свойства), цели и средства для удовлетворения потребностей личности (группы)» (Сурина, 2005, с. 162).

С целью изучения связи ценностных ориентаций с уровнем магического мышления и социальной тревожности мы провели исследование, в котором приняли участие 102 студента московских вузов в возрасте 18 – 25 лет. Из них – 77 женщин и 25 мужчин. Использовались: «Шкала социальной тревожности» М. Либовица (LSAS); «Портретный ценностный опросник» Ш. Шварца (PVQ); «Шкала веры в паранормальное» (RPBS) (J. Tobacyk, G. Milford).

У большинства студентов были выявлены низкий и средний уровни социальной тревожности. Среди различных аспектов интереса к паранормальному преобладает традиционная религиозная вера. Наиболее значимыми ценностями являются самостоятельность, власть и конформность.

С помощью критерия Спирмена выявлено, что чем больше студенты ценят традиции, тем меньше у них склонность к суеверию – то есть, к убежденности в том, что определенные явления вызваны сверхъестественными силами или предсказывают будущее ($r = -0,223$; $p = 0,025$). По-видимому, принятие студентами традиций как социальных норм способствует отвержению противоречащих религии суеверий.

Чем более значимы для студентов ценности универсализма, тем ниже социальная тревожность ($r = -0,226$; $p = 0,025$) и выше – вера в

существование колдовства или волшебства ($r = 0,206$; $p = 0,038$). Возможно, данный результат можно объяснить тем, что включенные в понятие универсализма установки на толерантность, заботу о людях и природе способствуют не только эмоциональной стабильности личности, но и восприятию мира как удивительного и непознанного.

Ценность стимуляции положительно коррелирует с общим уровнем веры в паранормальное ($r = 0,208$; $p = 0,036$), а также показателями «пси-способности» (телепатия, телекинез и др.) ($r = 0,196$; $p = 0,049$), «колдовство» ($r = 0,256$; $p = 0,009$) и «спиритизм» ($r = 0,209$; $p = 0,035$). Иными словами, стремление к новизне и переменам вполне закономерно сочетается у студентов с готовностью встретиться с чем-то необычным и неизвестным. Также стимуляция может сопровождаться интересом к различным практикам, приносящим новый опыт.

Чем выше ценность гедонизма, тем больше у студентов показатель традиционной веры ($r = 0,388$; $p = 0,000$). Понятие гедонизма неоднозначно, оно не сводится к наслаждению материальными удовольствиями, а может включать радость познания, приобщения к прекрасному и проявления альтруизма: «истинное удовольствие мы получаем не от удовлетворения собственных потребностей, а от помощи другим» (Бызов, 2023, с. 86). Следовательно, в представлениях или в реальном жизненном опыте студентов, вероятно, существует убеждение в том, что религиозное переживание и чувство сопричастности с духовными единомышленниками приводит к ощущению счастья.

Чем выше ценность достижений, тем больше выражена у студентов социальная тревожность ($r = 0,298$; $p = 0,002$), а также общий показатель магического мышления ($r = 0,215$; $p = 0,030$) и традиционной религиозной веры ($r = 0,345$; $p = 0,000$). Такой результат, на наш взгляд, объясняется тем, что стремление к высоким достижениям вызывает у студентов тревожность, которую может смягчить присоединение к идеям традиционной религии. Развитие в любой сфере требует самопрезентации и оценки окружающих, поэтому тревожные личности могут опираться на магическое мышление или религиозную веру.

Ценность безопасности положительно связана с социальной тревожностью ($r = 0,195$; $p = 0,049$) и отрицательно – с уровнем веры в

пси-способности ($r = -0,216$; $p = 0,029$). Вероятно, тревога за безопасность свою и других людей стимулирует рациональное мышление студентов, погруженных в учебно-профессиональную деятельность и располагающих, в связи с этим, научными средствами познания мира. Кроме того, тревожная личность особенно ценит безопасность, поэтому отрицает иррациональные, потенциально деструктивные практики.

Таким образом, система ценностных ориентаций студентов взаимосвязана с уровнем магического мышления и социальной тревожностью. Характер этой связи можно объяснить ведущей деятельностью и культурной принадлежностью респондентов.

Литература

1. Бызов Е.С. Философия гедонизма // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. Т. 5-1 (80), 2023. С. 84-86.
2. Долгова В.И., Богданова В.О. Жизненные смыслы и ценностные ориентации современной молодежи // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета. № 6, 2022.
3. Сурина И.А. Ценностные ориентации // Знание. Понимание. Умение. №4. 2005. С. 162-164.

Экстремизм как угроза личностной кибербезопасности в контексте социально-психологического знания

Дядькин Г.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dyadkinga@mgppu.ru*

Изучение психологических аспектов экстремизма и экстремистского поведения в сети представляются сегодня востребованными. В условиях цифровой среды, где традиционные формы коммуникации трансформируются в онлайн-взаимодействие, экстремизм становится непосредственным вызовом для кибербезопасности личности. При этом важно подчеркнуть, что

кибербезопасность традиционно трактуется преимущественно в рамках технических дисциплин – как защита персональных данных, цифровой инфраструктуры, каналов связи. Однако с точки зрения социально-психологического знания кибербезопасность может и должна пониматься как личностное свойство, психологическая характеристика устойчивости личности к манипулятивным воздействиям, способность сохранять когнитивную автономию, критическое мышление и стабильность самоидентичности в условиях цифровых рисков (Craig, Diakun-Thibault, Purse, 2014).

Экстремизм как психологическая категория в контексте конкретной личности включает в себя радикальную направленность субъекта, выраженную в приверженности крайним, часто деструктивным ценностям и моделям поведения, а также антисоциальные ценности.

Индивид, переживающий неопределенность или фрустрацию, склонен искать опору в жестких групповых идентичностях (Hogg, 2024). В условиях цифровой среды экстремистские сообщества легко предоставляют такую идентичность, предлагая простые бинарные оппозиции («мы» против «них»), моральную ясность (псевдоясность) и чувство принадлежности. Это особенно опасно для лиц с неустойчивыми ролевыми позициями, недостаточной социальной поддержкой и неудовлетворенными потребностями в значимости и контроле.

Таким образом, радикальная направленность в процессе экстремизации личности может рассматриваться в том числе как выражение компенсаторных механизмов, направленных на восстановление субъективного чувства значимости. Экстремистская позиция часто сопровождается деиндивидуализацией, отказом от моральной ответственности и ригидностью мышления – чертами, свойственными авторитарной личности (Ситяева, Яремчук, 2019). Эти черты можно соотнести с чертами авторитарной личности по Т. Адорно (Адорно, 2001). Именно эти черты приводят к последующему снижению кибербезопасности лиц, вовлекаемых в экстремистскую деятельность. При этом возможности анонимности в онлайн-среде способствуют усилению этих процессов. Расширяется дистанция между действиями и их последствиями, стираются границы между ролевыми установками и личностной ответственностью.

Социально-психологические теории ролевого взаимодействия позволяют более глубоко осмыслить уязвимость личности к экстремистскому влиянию в цифровой среде. В онлайн-взаимодействии личность предстает как субъект, конструирующий определенный имидж для конкретной аудитории. Однако в отличие от офлайн-коммуникации, где ролевые ожидания ограничены конкретным социальным контекстом, цифровая среда предоставляет возможность множественных, фрагментированных и неустойчивых ролей. В этой ситуации повышается риск слияния ролей, при которой экстремистская маска, надетая для участия в сетевом взаимодействии, становится частью устойчивой личностной структуры.

Важным направлением анализа экстремизации как угрозы личностной кибербезопасности является изучение ценностной деструкции и эрозии эмпатии в условиях цифровой коммуникации. Киберпространство как среда в отношении лиц с низкой личностной устойчивостью способно приводить к сильному эмоциональному истощению (Филиппова и др., 2019). Все это создает условия, при которых антисоциальные установки – такие, как ненависть, ксенофобия, склонность к насилию – могут становиться не только допустимыми, но и социально одобряемыми в рамках определенных цифровых сообществ. Формируется «новая моральность», в которой традиционные нормы заменяются внутренними регламентами радикальных групп.

Таким образом, личностная кибербезопасность – это не только вопрос информационной и технической защищенности, но и уровень психологической устойчивости, способность личности критически воспринимать информацию, сохранять идентичность и противостоять попыткам втягивания в деструктивные ролевые сценарии. Защита общества от экстремизма требует развития метапознавательных навыков, формирования культуры цифрового самосознания и устойчивых просоциальных ценностей. Профилактические меры должны включать не только технический контроль, но и социально-психологические интервенции, направленные на поддержание здоровой самооценки, развитие эмпатии, осознание собственных ролевых выборов в онлайн-пространстве.

В контексте всего сказанного экстремизм предстает не просто внешней угрозой, но внутренним риском, связанным с личностной

структурой, социальным контекстом и особенностями цифрового взаимодействия. Комплексный подход к кибербезопасности предполагает учет этих факторов и использование психологического знания как ключевого ресурса для профилактики антисоциальных проявлений.

Литература

1. Адорно Т. Исследование авторитарной личности // Исследование авторитарной личности / Под ред. В.П. Култыгина. М., 2001.
2. Ситяева С.М., Яремчук С.В. Субъективные и объективные предикторы экстремистских установок молодежи: дис. канд. психол. н. Благовещенск, 2019.
3. Филиппова С.А., Пазухина С.В., Куликова Т.И., Степанова Н.А. Эмоциональная устойчивость будущих педагогов к негативному влиянию современной информационной среды // Психол. наука и образов. 2019. Т. 24. № 5. С. 80–90.
4. Craigen D., Diakun-Thibault N., Purse R. Defining cybersecurity // Technol. Innovat. Manag. Rev. 2014. Т. 4. № 10.
5. Hogg M. Uncertainty, group identification and intergroup behavior: Positive and negative outcomes of how people experience uncertainty // Psychol. Hub. 2024. Т. 41.

Связь учебной мотивации с субъективным восприятием социально-психологического климата в студенческой группе

Егорова А.С., Харченко М.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
ytii11@yandex.ru, maxquail@gmail.com*

Мотивация как сложный психологический феномен выступает ключевым регулятором поведения и деятельности человека. В рамках отечественной психологической науки она трактуется как система внутренних и внешних факторов, детерминирующих активность индивида и направляющих ее на достижение конкретных целей.

Согласно концепции А.Н. Леонтьева, мотивация составляет смысловую основу деятельности, определяя ее целевую ориентацию (Леонтьев, 1975). Особую актуальность приобретает изучение учебной мотивации в контексте влияния социально-психологического климата студенческой группы, который формируется через совокупность эмоциональных и поведенческих характеристик коллектива. Благоприятный климат способствует усилению взаимоподдержки, кооперации и, как следствие, повышению академической мотивации.

Учебная мотивация детерминируется комплексом факторов, которые условно можно разделить на следующие три группы.

1. Личностные факторы, включающие индивидуальные характеристики: самооценка, тревожность, ценностные ориентации и интересы. Высокая самооценка и уверенность в себе коррелируют с устойчивой мотивацией, тогда как повышенная тревожность снижает академическую активность. Цели самореализации и профессиональной востребованности также усиливают мотивационный компонент.

2. Социальные факторы, связанные с влиянием микросреды: семьи, преподавателей, одноклассников. Поддержка окружения и позитивный климат в группе выступают катализаторами мотивации, в то время как конфликты и негативные отношения ее подавляют.

3. Организационные факторы, охватывающие условия образовательного процесса: качество преподавания, доступность материалов, методы оценки. Интерактивные форматы (групповые проекты, дискуссии) повышают вовлеченность, а объективная система оценивания укрепляет мотивационную устойчивость.

Эмпирическая часть работы была посвящена диагностике ключевых параметров исследования. Для этой цели использовался следующий психодиагностический инструментарий: методика В.П. Симонова, направленная на изучение мотивационной деятельности студентов (Симонов, 1992); тест С.А. Пакулиной и М.В. Овчинникова, разработанный для оценки мотивации учения студентов педагогического вуза (Пакулина, 2008); тест-опросник «Индекс учебного интереса», разработанный для диагностики учебной мотивации (Толстых, 2024); карта-схема Л.А. Пергаменщика и Н.Н. Лепешинского, предназначенная для анализа психологического климата в коллективе (Пергаменщик, 2011); а также опросник В.В. Шпалинского и Э.Г. Шелест (1997), позволяющий диагностировать

особенности психологического климата в малых группах. Процедура тестирования проводилась в индивидуальном формате, что обеспечило высокую концентрацию участников и минимизацию внешних помех. Студенты, вовлеченные в исследование, продемонстрировали активную заинтересованность: все инструкции были восприняты адекватно, отказов от выполнения заданий не зафиксировано.

Данные обрабатывались с помощью корреляционного анализа (использовался коэффициент корреляции Спирмена). Этот метод был выбран для выявления статистически значимых взаимосвязей между показателями мотивации и субъективным восприятием социально-психологического климата.

Анализ данных позволил выявить ряд закономерностей. Во-первых, обнаружена отрицательная корреляция ($p \leq 0,05$) между интенсивностью педагогического воздействия и мотивационной сферой студентов: чем сильнее давление со стороны преподавателей, тем слабее выражены профессиональные мотивы и внешняя мотивация к обучению.

Во-вторых, выявлены значимые положительные связи. Установка на обучение продемонстрировала прямую связь ($p \leq 0,01$) с внешней мотивацией и профессиональными ориентациями. Способности к обучению коррелировали не только с мотивом социальной желательности ($p \leq 0,01$) и реально действующими учебными мотивами ($p \leq 0,05$), но и с позитивным восприятием климата в группе ($p \leq 0,05$).

Особый интерес представляет связь внутренней мотивации с мотивами поступления в вуз ($p \leq 0,01$), профессиональными устремлениями ($p \leq 0,05$) и субъективной оценкой благоприятности климата ($p \leq 0,01$). Кроме того, реально действующие учебные мотивы оказались статистически значимо связаны с восприятием позитивной атмосферы в коллективе ($p \leq 0,01$).

Полученные результаты подтверждают первоначальную гипотезу: учебная мотивация студентов действительно взаимосвязана с их восприятием социально-психологического климата в группе. Внутренняя мотивация, как ключевой драйвер академической активности, усиливается в условиях эмоциональной поддержки и сотрудничества. Однако избыточное давление со стороны преподавателей, вопреки ожиданиям, снижает не только внешнюю, но

и профессиональную заинтересованность. Это указывает на необходимость пересмотра традиционных педагогических подходов в сторону гуманизации образовательного процесса.

Важно отметить, что способности к обучению и позитивная установка на него выступают не только личностными ресурсами студента, но и формируются под влиянием групповой динамики. Таким образом, благоприятный климат выполняет роль катализатора, усиливающего как когнитивные, так и мотивационные компоненты учебной деятельности.

Литература

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с.
2. *Пакулина С.А., Овчинников М.В.* Мотивация учения студентов педагогического вуза: методика диагностики // Психологическая наука и образование. 2008. № 4. С. 89-95.
3. *Пергаменцик Л.А., Лепешинский Н.Н.* Методика изучения психологического климата в студенческих группах. — Минск: БГПУ, 2011. 64 с.
4. *Симонов В.П.* Диагностика мотивации учебной деятельности: теория и практика. М.: Педагогика, 1992. 128 с.
5. Учебная мотивация: разработка методического инструментария : монография / под ред. Н.Н. Толстых. Москва : ИНФРА-М, 2024. 183 с.
6. *Шпалинский В.В., Шелест Э.Г.* Социально-психологический климат коллектива: диагностика и коррекция. М.: Институт психологии РАН, 1997. 156 с.

Особенности социализации военнослужащих после участия в Специальной военной операции на Украине

Елистратова Н.Н.

*Рязанский филиал ФГКОУ ВО МосУ МВД РФ им. В.Я. Кикотя,
Рязань, Россия
nelistratova555@mail.ru*

Специальная военная операция глубоко влияет на психику ее участников. Для военнослужащих условия боевой среды имеют огромное значение в сохранении психологического здоровья личности. Однако постоянный высокий уровень опасности, внезапность действий противника, гибель товарищей, массовые разрушения, необходимость убивать и спасать, ответственность за результаты, запредельная длительность времени участия в боевых действиях, отрыв от семьи, тяжелые бытовые условия – все эти обстоятельства способствуют развитию стрессовых состояний психики.

У разных представителей силовых ведомств уровни посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) разные, что зависит и от видов войск, и от категории участников боевых действий, и от уровня их профессиональной подготовки. У этих представителей различаются и мотивация, и психологическая подготовка, и режим участия в боевых действиях. Согласно статистике локальных войн, психологические изменения встречаются у 70% участников боевых конфликтов рядового состава, для офицеров процент меньше в три раза (Наумова, 2023).

Индивидуально-психологические характеристики участников боевых действий изменяются под воздействием боевой обстановки – появляются новые установки в мировоззрении, формируются новые убеждения, привычки, самооценка (Шамардина, 2023). ПТСР проявляется позже через трансформацию этих составляющих и влияют на процесс интеграции в мирную жизнь.

Из исторического анализа прошлых войн замечено, что после возвращения в мирную жизнь у многих ветеранов на долгосрочной основе проявляются негативные последствия ПТСР – употребление алкоголя и наркотиков, проявление агрессии к окружающим, проблемы

в семье и на работе, фактическая невозможность заново интегрироваться в мирное общество.

Склонность к девиантному поведению у участников боевых действий может отрицательно сказаться не только на процессе их социализации, но в целом – на криминальной статистике, демографии, на росте аморального поведения, преступлений, а также связанных с этим суицидов, разводов. Все это разлагает ценностные устои общества.

Психологические последствия участия в боевых действиях для военнослужащих не исчерпываются ПТСР. Даже у психически здоровых людей возникают психологические проблемы при возвращении к условиям мирной жизни, что может быть связано не столько с травматическими ситуациями военного прошлого, сколько с характером нового взаимодействия с социумом.

Проблемы социализации ветеранов СВО в основном имеют два направления – это сохранение устойчивости ценностных ориентаций и стабильность психики в стрессовых условиях. Как отмечают исследователи, на каждого погибшего в военном конфликте приходится один суицид ветерана после его возвращения (Наумова, 2023). Это происходит по причине трансформации ценностно-смысловых ориентаций личности, так как ветеран ощущает в себе уникальный опыт экстремальной реальности, незнакомый людям в мирных условиях, и желание, чтобы его достижения были признаны и оценены. Если же ветеран не получает достаточной для него доли внимания, понимания и поддержки, то происходит «замыкание» личности внутри себя, рождается стойкая обида и депрессия, способная привести к желанию лишить себя жизни. Поэтому необходимо проводить психологическую работу не только с ветеранами, но и с их семьями, с обществом в целом, нацеливая людей на поддерживающую атмосферу общения.

Сложной проблемой многие исследователи считают не только моральные ожидания ветеранов СВО от общества, но и материальные. При возвращении в мирную жизнь редко можно найти такую оплату труда, которая бы равнялась воинским выплатам. Соответственно, резкое падение уровня доходов также вызывает негативную реакцию у участников боевых действий.

Для общества важно понимать опасность повторения ситуаций 90-х прошлого века, когда основой незаконных группировок были бывшие ветераны чеченской и афганской войн.

Эта проблема имеет государственный уровень. Реабилитация участников СВО требует не только психологических программ по адаптации к мирной жизни, но и экономических, направленных на поддержание высокого статуса защитников страны. Так, для его сохранения 14 июля 2022 года Президент РФ в соответствии с Федеральным законом № 315-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» подписал новые условия несения воинской службы военнослужащими, признанными негодными или ограниченно годными. Они продолжают полноценно служить, строить карьеру и быть образцами и наставниками для молодежи.

Сегодня предпринимаются активные усилия по интеграции участников СВО в мирную жизнь – также в соответствии с прямыми указаниями Президента РФ в России формируется система комплексной медицинской и психологической помощи ветеранам СВО и членам их семей. Рабочая группа по вопросам СВО создала концепцию комплексной реабилитации участников СВО, предусматривающую межведомственное взаимодействие на всех этапах сопровождения ветеранов и контроль за деятельностью специалистов (Бонкало, 2023).

В приказе Минтруда России (№ 429 от 28.04.2023) «Об утверждении Требований к социальным координаторам, включая требования к их подготовке и правила их деятельности» указана необходимость и сущность деятельности социальных координаторов, осуществляющих организацию оказания психолого-психотерапевтической помощи участникам СВО. Они обеспечивают персональное сопровождение ветеранов и членов семей погибших (умерших) участников боевых действий: помогают в получении социальных услуг, психологической помощи, переобучения, трудоустройства.

С 1 марта 2024 года ветераны и действующие участники СВО имеют возможность подать заявку на специальную кадровую программу «Время героев». В 2025 году ее выпускники уже успешно осуществляют руководящую деятельность в регионах по итогам переподготовки.

В марте 2025 года создана специальная комиссия в структуре Государственного совета, которая занимается вопросами поддержки участников СВО и помощи их семьям.

Таким образом осуществляются меры оказания помощи участникам боевых действий, внесшим огромный вклад в защиту России и сохранения ее духовного наследия, для их успешной социализации и интеграции в мирную жизнь.

Литература

1. *Бонкало Т.И.* Комплексная реабилитация участников специальной военной операции на Украине: дайджест январь-февраль 2023. URL: <https://niiroz.ru/moskovskaya-meditsina/izdaniya-nii/daydzhest-meditsinskiy-turizm-i-eksport-meditsinskikh-uslug/>
2. *Наумова М.М.* К вопросу о социальной дезадаптации участников боевых действий и подходах к их реабилитации //Международный научный журнал «Вестник науки». 2023. № 10 (67) Том 5.
3. *Шамардина М. В.* Методы и приемы психологической помощи участникам боевых действий. Барнаул, 2023.

Осмысленность жизни и личностные особенности у экстравертов и интровертов

Ершова А.А., Коровайченко А.А., Найданова А.А., Николаева Н.О.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sp_natalia@mail.ru, andreyalexcorn@gmail.com,
ershova04.nastya@yandex.ru, naedanovas@mail.ru*

Современный человек обладает значительно большим спектром возможностей для самореализации и самопознания по сравнению с предыдущими поколениями. Это обусловлено рядом факторов, включая доступность информации, развитие технологий и изменения, происходящие в социальных ценностях. В результате наблюдается

трансформация динамики смысложизненных ориентаций, которые отражают развитие поиска смысла существования.

В современных психологических исследованиях рассматривается проблема осмысленности жизни в отношении выявления ее уровня у представителей разных профессий, поколений, пола и т.д. Однако показатель смысложизненных ориентаций у экстравертов и интровертов практически не изучен.

В нашем исследовании мы попытались выявить различия между группами экстравертов и интровертов в отношении смысложизненных ориентаций и объяснить, в чем и почему они отличаются.

Использовались следующие методические средства: «Тест смысложизненных ориентаций» в адаптации Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2000); «Личностный опросник» Г. Айзенка (Eysenck's personality questionnaire); «Жизнестойкость» С. Мадди в адаптации Е. Осина и Е. Рассказовой (Осин, Рассказова, 2002); методика на исследование агрессии Басса-Перри (Лобаскова и др., 2021). В исследовании приняли участие 110 студентов МГППУ в возрасте от 18 до 22 лет. Среди них 6 мужчин и 104 женщины. Из них были выделены две группы. Группу 1 составили яркие экстраверты – 25 человек, группу 2 составили интроверты и глубокие интроверты – 21 человек.

Для проведения сравнительного анализа использовался критерий Манна-Уитни. При сравнении экстравертов и интровертов по общему показателю осмысленности жизни и практически по всем шкалам, входящим в этот суммарный показатель, были получены статистически значимые различия между испытуемыми с разной степенью выраженности экстраверсии ($U = 133,00$; $p = 0,004$). Выраженные экстраверты набирают значимо больше баллов по «общему показателю осмысленности жизни», чем интроверты и глубокие интроверты.

Далее было проанализировано, какие личностные особенности могут влиять на результаты экстравертов и интровертов в отношении их смысложизненных ориентаций. При использовании U -критерия для сравнения групп были выявлены различия: по шкале «враждебность» из методики исследования агрессивности – значения выше у интровертов ($U = 161,50$; $p = 0,025$); у экстравертов выявились значимо более высокие показатели по сумме баллов «жизнестойкости» ($U = 179,000$; $p = 0,041$) и ее компоненту – «вовлеченности» ($U = 148,50$; $p = 0,006$).

Ориентируясь на интерпретации авторов шкал, мы пришли к выводу, что, судя по шкале «Процесс жизни», экстраверсивная группа характеризуется как живущая в моменте, насыщая настоящее большей ценностью, чем будущее, а интроверты скорее выступают как не полностью удовлетворенные настоящим, но зато больше ориентирующиеся на планы в будущем. Это также подтверждает шкала «Результативность жизни», которая описывает экстравертную группу как более удовлетворенную прожитым жизненным путем, в отличие от интровертов, возможно, более требовательных к себе и рефлексивных, которые скорее нацеливаются уже не на прошлое и настоящее, а опять же на будущее. Низкие баллы по «Локусу контроля-Я» описывают неуверенность в полной мере контролировать события собственной жизни у интровертов, что хорошо сочетается с их низкими показателями жизнестойкости и вовлеченности. Интроверты здесь показаны как более напряженные в стрессовых ситуациях, они получают умеренное удовольствие от собственной деятельности и убеждены в своей независимости от мира, из-за чего и не уверены в полном ее контроле, как экстраверты, полностью с миром сливающиеся. Это же хорошо описывают данные, полученные по шкале враждебности. Исходя из интерпретации враждебности, интроверты переживают больше чувства неудовлетворенности собой, ситуаций и другими людьми.

Таким образом, менее выраженная «осмысленность жизни» у интровертов скорее отражает смысловые ориентации, направленность и временную перспективу, более низкую вовлеченность и удовлетворенность деятельностью и результативностью в данный и прошедший жизненные моменты. Они, возможно, более требовательны к себе и к реализации своих ценностей, в отличие от экстравертов, которые более напористы, доминантны и общительны, что подтверждает и Г. Айзенк.

Дальнейшее изучение данной темы может раскрыть «Тест смысловых ориентаций» с точки зрения удовлетворенности достигнутым и совершенным на жизненном пути, а также контроля над событиями своей жизни.

Литература

1. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
2. *Лобаскова М.М., Адамович Т.В., Исмагуллина В.И., Маракина Ю.А., Малых С.Б.* Психометрический анализ опросника агрессивности Басса – Перри // Теоретическая и экспериментальная психология, 2021. № 4.
3. *Осин Е.Н., Рассказова Е.И.* Краткая версия теста жизнестойкости: психометрические характеристики и применение в организационном контексте // Вестник МГУ. Серия 14: Психология, 2013. № 2. С. 147–165.

Тревога и осмысленность жизнедеятельности

Ершова А.А., Коровайченко А.А., Найданова А.А. Николаева Н.О.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sp_natalia@mail.ru, andreyalexcorn@gmail.com,
ershova04.nastya@yandex.ru, naedanovas@mail.ru

Данная работа представляет собой изучение связи тревожности и смысложизненных ориентаций, которые могут способствовать возникновению у индивида осмысленности жизни или, наоборот, мешать формированию целей, развитию самореализации или локус-контроля, что способствует расширению знаний о формировании поведения, решений и общего восприятия жизни.

В научной среде имеется достаточно исследований смысложизненных ориентаций. Изучаются факторы формирования и того, кому присуща большая осмысленность жизнедеятельности. Но влияние постановки целей и осмысленности жизни на тревожность – тема почти не изученная.

Выявление связи между смысложизненными ориентациями и личностными особенностями может помочь разработать более эффективные методы поддержки психологического благополучия и личностного развития.

В нашем исследовании мы попытались исследовать различия между группами с повышенной и пониженной тревожностью в отношении смысложизненных ориентаций.

Использовались такие методики как: «Тест смысложизненных ориентаций» в адаптации Д.А. Леонтьева (Леонтьев, 2000) и Опросник «Шкала проявлений тревоги» Дж. Тейлор в адаптации В.Г. Норакидзе (Дерманова, 2002). В исследовании приняли участие 110 студентов в возрасте от 18 до 22 лет. Среди них 6 мужчин и 104 женщины. Результаты по шкале тревоги указывают на превалирование высокоуровневых тревожных испытуемых в выборке. Если анализировать, используя интерпретацию, разработанную автором методики, то низко тревожных результатов, что варьируются от 0 до 5 баллов, в группе крайне мало, а высокие показатели тревожности (25-40 баллов) имеют около половины респондентов всей группы. Если учесть, что есть 6 человек с крайне высокими показателями (40-50 баллов), то можно прийти к выводу о повышенном среднем показателе по шкале тревожности в выборке студентов, равному 25 баллам. При этом среднее значение в общем показателе осмысленности жизни (100,355), учитывая то, какие значения представляет Д.А. Леонтьев в своей методике (для женщин, из которых в основном состоит наша выборка, от 80 до 110), указывает на среднюю степень осмысленности и удовлетворенности жизни у респондентов. Также в выборке можно выделить примерно равное количество результатов ниже и выше среднего (около 15 человек с той и другой стороны).

При помощи интерпретации результатов Дж. Тейлора были выделены две группы: группа №1 состояла из испытуемых с крайне высокими и высокими показателями тревожности – 26 человек; группа №2 состояла из респондентов низкого уровня тревоги и среднего с тенденцией к низкому – 23 человека. Для проведения сравнительного анализа использовался *t*-критерий Стьюдента ($t = 2,925$; $p = 0,005$).

По результатам сравнительного анализа можно сделать вывод, что существуют значимые различия между результатами по шкале осмысленности жизни у испытуемых с высокими и низкими баллами по шкале тревоги. Респонденты с низким уровнем тревоги относятся к жизни более осознанно, чем испытуемые, показавшие высокие результаты по шкале тревоги. Это может быть связано с тем, что те, кто имеет сложности с постановкой целей и контролем жизни, переживают

больше стресса и тревоги, чем люди, имеющие более стабильное и четкое восприятие осознанности своей жизнедеятельности.

Таким образом, люди с повышенным в обычной жизни уровнем тревоги проявляют тревожность и при восприятии своей жизни, не удовлетворяясь своей деятельностью, осуществлением целей, ценностями и контролем.

Дальнейшее изучение данного аспекта тревожности может быть направлено на большее понимание механизмов возникновения трудностей со смысложизненными ориентациями и проявления тревоги в осмыслении своей жизни.

Литература

1. *Дерманова И.Б.* Личностная шкала проявлений тревоги (Дж.Тейлор, адаптация Т.А.Немчина) / СПб: Диагностика эмоционально-нравственного развития, 2002. С.126-128.
2. *Леонтьев Д.А.* Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.

Эмоциональное состояние как фактор успешности убеждения в формате видеоконференции

Ефанова А.С., Марарица Л.В.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

st097317@student.spbu.ru, l.mararica@spbu.ru

Исследования показывают, что проявление позитивных эмоций способствует восприятию человека как доминантного, надежного и ориентированного на сотрудничество (Knutson, 1996; Krumhuber et al., 2007). Это, в свою очередь, может повышать вероятность принятия группой предлагаемого им решения.

В то же время, при переходе к общению в формате видеоконференций стало понятно, что люди ощущают перегрузку: в период активного использования видеоконференций начал приобретать популярность термин «Zoom-усталость» – чувство утомления от участия в видеоконференциях (Fauville et al., 2021). Это

связано с рядом особенностей среды: увеличенный размер лиц на экране, постоянный контакт глаз, ограниченность визуального поля, наблюдаемость собственного отражения и привязанность к строго ограниченному физическому пространству (Bailenson, 2021). Данные особенности приводят к снижению степени ощущения эмоциональной связи с собеседником в процессе взаимодействия (Sherman, Michikyan, Greenfield, 2013).

В связи с этим целью исследования является изучение связи эмоционального состояния и успешности убеждения в процессе совместного решения задач в формате видеоконференции.

Исследование проведено с использованием базы данных совместного проекта Лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ и КрасГМУ им. профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого Министерства здравоохранения РФ «Воспринимаемое качество общения в реальных и компьютерно-опосредованных встречах и его объективные измерения на примере окситоцина и мимических маркеров» при финансовой поддержке Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках гранта «Зеркальные лаборатории».

Выборка включает в себя 148 человек, среди которых 78 (53%) девушек и 70 (47%) юношей. Средний возраст испытуемых составил 20 лет.

Участники работали в однополых парах, предварительно случайным образом объединенных в группы офлайн и онлайн общения. Онлайн-пары находились в разных комнатах и взаимодействовали друг с другом через платформу видеоконференций; пары, общавшиеся офлайн, выполняли задания, находясь напротив друг друга в одном помещении.

Использован следующий инструментарий: шкала позитивного аффекта и негативного аффекта (ШПАНА) (Осин, 2012), задание от NASA «Выжить на луне».

Перед решением совместной задачи участникам было необходимо заполнить опросник ШПАНА. Данная методика включает в себя две шкалы: позитивный аффект, негативный аффект. Полученные результаты рассматриваются как эмоциональное состояние, с которым респондент выполнял поставленную задачу.

Затем участники приступали к решению задачи «Выжить на Луне», цель которой – упорядочить 15 предметов по степени их важности для выживания на Луне. Задача включает в себя три этапа: самостоятельное решение, совместное решение путем обсуждения (без возможности визуального восприятия ответов партнера), самостоятельное решение после обсуждения (с возможностью не придерживаться общего решения).

По результатам решения задачи «Выжить на Луне» в каждой паре был определен «проигравший» и «победитель» – тот, чье самостоятельное решение до обсуждения оказалось ближе к совместно принятому решению.

Помимо этого, выделяются категории «сила убеждения» и «закрепление убеждения». Сила убеждения показывает, насколько общее решение оказалось ближе к самостоятельному решению «победителя». Закрепление убеждения отображает, насколько итоговое решение «проигравшего» оказалось ближе к общему решению, чем к самостоятельному.

Выдвигаемые гипотезы:

1. сила убеждения связана с высокими показателями позитивного аффекта и низкими показателями негативного аффекта «победителя»;
2. закрепление убеждения связано с высокими показателями позитивного аффекта и низкими показателями негативного аффекта «проигравшего»;
3. связь эмоционального состояния и убеждения ниже в формате видеоконференций.

Результаты исследования показали отсутствие корреляции между силой убеждения и выраженностью позитивного и негативного аффекта испытуемых на общей выборке. Однако при анализе подгруппы, где оба участника демонстрировали показатели позитивного аффекта ниже медианных значений по выборке, наблюдается выраженная положительная связь между уровнем позитивного аффекта «победителя» и силой убеждения ($r = 0,747$; $p = 0,008$). Также выявлена отрицательная корреляция между закреплением убеждения и выраженностью позитивного аффекта «проигравшего» ($r = -0,244$; $p = 0,036$), однако в условиях онлайн-

взаимодействия указанная связь не обнаруживается ($r = -0,071$; $p = 0,688$).

Таким образом, гипотезы исследования частично подтвердились: сила убеждения связана с позитивным аффектом «победителя» только в подгруппе со сниженным эмоциональным фоном, а закрепление убеждения отрицательно коррелирует с позитивным аффектом «проигравшего» исключительно в офлайн-формате. Связь эмоционального состояния и убеждения оказалась слабее в видеоконференциях, что подтверждает влияние формата коммуникации.

Литература

1. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики PANAS // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. №. 4. С. 91-110.
2. *Bailenson J.N.* Nonverbal overload: A theoretical argument for the causes of Zoom fatigue. 2021.
3. *Fauville G. et al.* Zoom exhaustion & fatigue scale //Computers in Human Behavior Reports. 2021. Т. 4. 100119.
4. *Knutson B.* Facial expressions of emotion influence interpersonal trait inferences // Journal of Nonverbal Behavior. 1996. Т. 20. №. 3. С. 165-182.
5. *Krumhuber E. et al.* Facial dynamics as indicators of trustworthiness and cooperative behavior // Emotion. 2007. Т. 7. №. 4. С. 730.
6. *Sherman L.E., Michikyan M., Greenfield P.M.* The effects of text, audio, video, and in-person communication on bonding between friends // Cyberpsychology: Journal of psychosocial research on cyberspace. 2013. Т. 7. №. 2.

Представления о добре и зле у детей, воспитывающихся в мусульманских семьях

Ефанова И.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

irvik1@yandex.ru

В современных условиях развития образования особую актуальность приобретает проблема формирования нравственных представлений у подрастающего поколения. Исследование представлений о добре и зле у детей младшего школьного возраста является важным направлением психолого-педагогической науки, поскольку именно в этот период происходит активное становление моральных суждений и этических норм. Как отмечает Л.И. Божович, младший школьный возраст характеризуется интенсивным формированием нравственных представлений, когда дети начинают не только различать результаты поступков, но и оценивать их мотивы (Божович, 1968).

Теоретическая значимость исследования обусловлена необходимостью углубленного понимания механизмов формирования нравственных представлений у детей. А.Л. Журавлев и А.В. Юревич подчеркивают, что психология нравственности как область психологического исследования требует систематического изучения факторов, влияющих на формирование моральных суждений (Журавлев, Юревич, 2013).

Особый интерес представляет влияние религиозного фактора на формирование представлений о добре и зле. В условиях многоконфессионального общества важно понимать, как религиозные традиции семьи отражаются на нравственном развитии детей. Л.Ю. Савинова в своих исследованиях указывает на необходимость учета культурного контекста при изучении нравственных представлений младших школьников (Савинова, Попова, 2020). В.В. Абраменкова подчеркивает важность изучения картины мира современного ребенка для понимания особенностей формирования его нравственной сферы (Абраменкова, 2007).

В целом анализ научной литературы показывает, что несмотря на значительное количество исследований в области нравственного

развития детей, влияние религиозного фактора на формирование представлений о добре и зле остается малоизученным аспектом, требующим дальнейшего научного осмысления.

Наше эмпирическое исследование было направлено на выявление особенностей представлений о добре и зле у детей младшего школьного возраста, воспитывающихся в мусульманских семьях. В качестве объекта исследования выступили нравственные представления детей младшего школьного возраста, а предметом стали их конкретные представления о добре и зле.

Эмпирическое исследование было организовано на базе государственной общеобразовательной школы №6 поселка Нежинское Ставропольского края. В исследовании приняли участие 20 детей в возрасте 8-9 лет, из которых 10 воспитываются в мусульманских семьях и 10 – в православных. Выборка была сбалансирована по возрасту: в каждой группе было по 4 ребенка 8 лет и по 6 детей 9 лет.

В качестве эмпирических методов использовались опрос и проективный метод. Для обработки результатов применялись методы описательной статистики и сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента. Основным диагностическим инструментом выступила рисуночная методика «Добро и Зло» Т.П. Авдуловой, которая позволяет выявить особенности понимания и визуализации детьми абстрактных понятий добра и зла.

Анализ результатов исследования показал разнообразие уровней сформированности представлений о добре и зле у детей младшего школьного возраста. Большинство респондентов продемонстрировали средний и выше среднего уровни развития этих представлений, что составило 80% выборки. Лишь один ребенок (5% выборки) показал низкий уровень сформированности данных представлений.

Проведенный сравнительный анализ с использованием t-критерия Стьюдента выявил интересные закономерности. Вопреки первоначальной гипотезе, статистически значимых различий между детьми из мусульманских и православных семей обнаружено не было ($p = 0,859$). Средние значения для обеих групп оказались близкими: 11,10 для детей из мусульманских семей и 11,70 для детей из православных семей. Это свидетельствует о том, что религиозный фактор не оказывает существенного влияния на формирование базовых нравственных категорий в данном возрасте.

Сравнительный анализ также не выявил значимых различий в представлениях о добре и зле между мальчиками и девочками ($p = 0,915$), что указывает на универсальность формирования нравственных представлений независимо от пола ребенка.

Наиболее значимые различия были обнаружены при анализе возрастного фактора. Дети 8 лет показали статистически более высокие результаты по сравнению с 9-летними детьми ($p = 0,018$). Средний балл у 8-летних детей составил 12,50, в то время как у 9-летних – 10,67. Это может свидетельствовать о том, что с возрастом представления о добре и зле становятся более нюансированными и менее категоричными, что отражается в более низких количественных показателях по использованной методике.

Отметим, что качественный анализ рисунков показал, что дети обеих конфессиональных групп используют схожие визуальные средства для репрезентации добра и зла, включая цветовую символику, пространственное расположение и выбор образов, что дополнительно подтверждает универсальность базовых нравственных представлений в данном возрасте.

Проведенное исследование показывает, что религиозный фактор не оказывает определяющего значения на формирование базовых нравственных категорий в данном возрасте. Это может свидетельствовать о том, что в младшем школьном возрасте представления о добре и зле формируются преимущественно под влиянием общечеловеческих ценностей, транслируемых через различные социальные институты, включая школу и семью. Представляется перспективным изучение влияния различных социальных факторов, включая семейные взаимоотношения, школьную среду и медиаконтент, на формирование нравственных представлений.

Литература

1. *Абраменкова В.В.* Добро и зло в картине мира современного ребёнка // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2007. Вып. 2. С.131-154.

2. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте: Психологическое исследование. М., 1968.
3. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психология нравственности как область психологического исследования // Психологический журнал. 2013. Т. 34. №3. С.4-14.
4. *Савинова Л.Ю., Попова Д.Ю.* Особенности представлений младших школьников о добре и зле // Ученые записки Забайкальского государственного университета. 2020. Т. 15. №2. С.51-59.

Взаимосвязь ценностных ориентаций личности и мотивации к волонтерской деятельности

Женухина А.С., Ткаченко Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
rykas@mail.ru, tkachenkonv@mgppu.ru*

В современных условиях во всем мире усиливается роль гражданского участия и взаимопомощи, и волонтерская деятельность становится глобальным феноменом (Васильковская, Пономарев, 2021). В России также продолжается бум развития волонтерских движений. Один из главных импульсов развитию добровольчества в РФ придала Олимпиада 2014 года (Круглова, 2017). С началом СВО произошло кратное увеличение числа добровольческих организаций и людей, вовлеченных в волонтерскую деятельность.

И хотя ряд организаций размывает само понятие волонтерства, предлагая добровольцам различные выгоды, бонусы или даже оплату их деятельности, большинство НКО привлекают к своей деятельности волонтеров, заинтересованных в общественной деятельности исключительно исходя из своих внутренних стремлений (Метелев, Белановский, Горлова, 2022).

В этой связи для некоммерческих организаций понимание мотивационных факторов критично при привлечении и удержании добровольцев. Существуют различные типы мотивации – от искреннего альтруизма до личной выгоды – и их соотношение может различаться в разных культурах и социальных группах. Особенно

важно изучить взаимосвязь между ценностными ориентациями личности и ее стремлением к волонтерству.

Изучению ценностных ориентаций посвящено значительное число работ авторов (Г. Олпорт, М. Рокич, Ш. Шварц и др.), мотивация личности изучается через призму различных психологических школ и подходов (А. Маслоу, З. Фрейд, Э. Толмен, Б. Скиннер, А.Н. Леонтьев) (Фомина, 2021).

В настоящей работе описываются результаты эмпирического исследования, которое было проведено нами в начале 2025 года и было направлено на изучение взаимосвязи ценностных ориентаций личности и мотивации волонтерской деятельности.

В исследовании использовались следующие методики:

- «Портретный ценностный опросник пересмотренный» (PVQ-R2) (Ш. Шварц);
- «Измерение просоциальных тенденций» (Г. Карло и Б.А. Рэндалл, 2002), адаптированная Н.В. Кухтовой.

А также был разработан блок вопросов, описывающих мотивы благотворительности и участия в волонтерской деятельности.

В исследовании приняли участие 114 человек – действующие волонтеры благотворительного фонда, работающего с беженцами, а также представители волонтерских ячеек нескольких университетов. Среди них 108 женщин и 8 мужчин. Возраст респондентов: 18-24 года – 6,1%, 25-34 года – 18,4 %, 35-44 года – 36%, 45-54 года – 24, 6%, старше 55 лет – 14,9 % выборки.

Анализ результатов исследования показал, что существует прямая взаимосвязь между наличием запроса на помощь и ценностями «благополучие – забота» ($r = 0,400$; $p < 0,01$) и «благополучие – чувство долга» ($r = 0,307$; $p < 0,01$), а также прямую взаимосвязь между возможностью бескорыстного оказания благотворительной помощи без личной выгоды, деятельности, направленной на благо общества без расчета на награду и такими ценностями как «универсализм – забота о других» ($r = 0,271$; $p < 0,01$), и «универсализм – толерантность» ($r = 0,265$; $p < 0,01$), и в то же время чем более выражена данная мотивация, тем менее выражены ценности власти у респондентов ($r = -0,352$; $p < 0,01$).

В своих ответах 88 % респондентов отметили, что они не могут оставаться равнодушными к чужой беде. 71 % респондентов отмечают, что после каждого участия в добровольческих акциях у них улучшается самочувствие и самооценка.

Таким образом выявление того, какие ценности побуждают людей участвовать в добровольческой деятельности, позволит лучше понимать природу альтруизма и разрабатывать НКО программы, резонирующие с внутренними убеждениями волонтеров.

Литература

1. *Василькоская М.И., Пономарев В.Д.* Волонтерство как социально-культурный феномен современности // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, № 57. 2021. С. 234-242.
2. Волонтеры России: мониторинг. 2023. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/volontery-rossii-monitoring>
3. *Гришунина Е.В.* Особенности личности волонтеров // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 71-78.
4. *Кретьева У.П.* Особенности ценностно-смысловой сферы лиц, включенных в волонтерскую деятельность // Психология в вузе: научно-методический журнал. 2015. №5. 2015. С. 58-67.
5. *Круглова М.С.* Совершенствование управление деятельностью волонтерских организаций на примере высших учебных заведений: автореф. дис. ... к. эконом. н. Сочи, 2017.
6. *Метелев А.П., Белановский Ю.С., Горлова Н.И. и др.* Организация добровольческой (волонтерской) деятельности и взаимодействие с социально ориентированными НКО: учебник. М.: НИУ ВШЭ, 2022.
7. *Фомина А.П.* Тенденции изменения содержания ценностей личности в современных условиях // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №73-1.

Семейные отношения как фактор психологического благополучия подростков

*Журавлева К.С., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krizhura@gmail.com*

Современный подростковый возраст характеризуется значительной психоэмоциональной нагрузкой, обусловленной как внутренними процессами развития, так и внешними социальными вызовами. Психологическое благополучие подростков становится важнейшим показателем их адаптации и личностного роста, что обуславливает необходимость изучения факторов, влияющих на его формирование. Одной из ключевых детерминант их психологического благополучия является семейный контекст, включающий стиль воспитания, характер детско-родительских отношений, уровень конфликтности и поддержки в семье.

Анализ различных исследований демонстрирует, что авторитетный стиль воспитания, основанный на поддержке, заботе и разумном контроле, способствует формированию у подростков уверенности в себе, высокой самооценки и удовлетворенности жизнью. В то же время чрезмерный контроль, характерный для авторитарного стиля, а также гипоопека при либеральном стиле воспитания могут негативно сказываться на эмоциональном состоянии подростков, провоцируя повышенную тревожность, стресс и снижение социальной адаптации. Исследования, проведенные отечественными и зарубежными учеными, подтверждают, что психологическое благополучие подростков во многом определяется степенью автономии, предоставляемой им родителями. Установлено, что подростки, обладающие большей самостоятельностью в принятии решений, демонстрируют более высокий уровень психологической устойчивости и коммуникативных навыков (Иванов, 2020; Петрова, 2021).

Важную роль в формировании эмоционального состояния подростков играет семейная атмосфера. Исследования показывают, что высокий уровень конфликтности между родителями может оказывать негативное влияние на психологическое благополучие детей, приводя к повышенной тревожности, эмоциональной нестабильности и

снижению уровня удовлетворенности жизнью. Особенно остро этот фактор проявляется в условиях длительных конфликтов или в случае развода родителей. В то же время исследования свидетельствуют о том, что не сам факт проживания с обоими родителями определяет уровень благополучия подростков, а качество их взаимоотношений с каждым из родителей, а также общий уровень сплоченности семьи. Родительская поддержка, выраженная в эмоциональной вовлеченности, доверительных отношениях и внимании к потребностям ребенка, является важным предиктором высокого уровня психологического благополучия (Смирнов, 2019; Сидорова, 2022).

Кроме того, в последних работах по данной проблематике особое внимание уделяется феномену «родительского отчуждения», возникающему в условиях межродительских конфликтов. Данный феномен характеризуется ситуацией, при которой один из родителей намеренно формирует у ребенка негативное отношение к другому родителю, что приводит к эмоциональному и физическому дистанцированию. Установлено, что подобные формы семейных отношений могут оказывать серьезное влияние на психическое здоровье подростков, способствуя формированию негативных установок, повышенной тревожности и социальной изоляции (Кузнецов, 2023).

Семейные отношения представляют собой сложную систему, включающую множество взаимосвязанных факторов. Они подвержены изменениям под воздействием внутренних и внешних обстоятельств и оказывают влияние на каждого члена семьи. Исследования российских ученых подчеркивают важность целостного подхода к изучению семейных отношений и необходимости учета межпоколенческих связей. В частности, участие бабушек и дедушек в жизни подростков может способствовать снижению негативных последствий семейных конфликтов и повышению уровня их психологического благополучия (Васильева, 2021). Таким образом, дальнейшее изучение влияния семейных факторов на эмоциональное состояние подростков представляется актуальной задачей современной науки, имеющей значимые прикладные перспективы для развития психологических и педагогических программ поддержки семей.

Литература

1. *Васильева Т.Н.* Межпоколенческое взаимодействие в современной семье. Томск: Сибирский федеральный университет, 2021.
2. *Иванов И.И.* Психологическое благополучие подростков: семейные факторы влияния. Москва: Наука, 2020.
3. *Кузнецов В.П.* Синдром родительского отчуждения: психологические аспекты. Казань: Казанский университет, 2023.
4. *Петрова А.В.* Влияние стиля воспитания на эмоциональное развитие детей. Санкт-Петербург: Психология, 2021.
5. *Сидорова Е.М.* Конфликты в семье и их влияние на подростковое поведение. Екатеринбург: УрО РАН, 2022.
6. *Смирнов О.Н.* Детско-родительские отношения в контексте психического здоровья подростков. Новосибирск: Педагогика, 2019.

Различия в предпочтениях стратегий переговоров в связи с полом и возрастом

Забабурин Д.Р.

*ФГБОУ ВО РАНХуГС, Москва, Россия
denzababurin@gmail.com*

В современных условиях быстро меняющегося мира навыки ведения переговоров становятся ключевым фактором эффективной профессиональной деятельности специалистов в различных областях. Актуальность исследования переговорных стилей обусловлена необходимостью углубления понимания индивидуальных различий в переговорном процессе и влияния личностных особенностей на выбор стратегии ведения переговоров.

В психологии выделяют несколько подходов к классификации переговорных стилей. Часто используется модель Томаса-Килманна с пятью стилями: соревнование, сотрудничество, компромисс, избегание и приспособление (Thomas, Kilmann, 2008). Модель Томпсона (2009)

предлагает дистрибутивный (соперничество) и интегративный (сотрудничество) стили. Классификация Г.У. Солдатовой и А.Ф. Гасимова (Солдатова, Гасимов, 2019) включает дистрибутивный стиль для жестких переговоров и два интегративных: один ориентирован на кооперацию, другой – на гибкость в зависимости от ситуации.

В контексте изучения факторов, влияющих на выбор переговорного стиля, возраст участников представляет особый интерес. Так, известно, что в интегративных переговорах молодые люди достигали более высоких совместных результатов (Kappes et al., 2020). Также отмечается общий негативный эффект возраста на переговоры (Fousiani, 2022).

Кроме того, исследования показывают, что пол также играет роль в предпочтении стиля переговорной деятельности. Мужчины чаще ориентированы на директивный стиль, в то время как женщины склонны к более мягкому стилю (Танасов, 2011а; Хабиев, 2022). Также могут наблюдаться различия в самих гендерных особенностях портрета переговорщика (Танасов, 2011б). В том числе исследования показывают, что выбор переговорных стратегий может зависеть от того, является ли оппонент человеком противоположного пола (Mamatoğlu, 2016).

Настоящее исследование направлено на выявление роли возраста и пола как факторов различий в переговорных стилях.

В проведенном исследовании приняли участие 73 респондента в возрасте от 16 до 38 лет ($M = 25$; $SD = 4,1$), среди которых 27 мужчин и 46 женщины. 36 участников обладали опытом работы в данной сфере менее 3 лет, 37 респондентов – более 3 лет.

Для выявления личностных характеристик использовался «Пятифакторный опросник личности 5PFQ» (Хромов, 2000). Для оценки выраженности переговорных стилей применялась «Методика оценки переговорных стилей» (Солдатова, Гасимов, 2019).

Был сделан двухфакторный дисперсионный анализ, в который в качестве зависимых переменных включались показатели одного из стилей переговоров (дистрибутивного, интегративного, направленного на партнера/ситуацию), а в качестве факторов пол и возраст (до 26 лет и после). Разделение по возрасту было сделано на основании того, что к возрасту 26 лет человек уже получил высшее образование, но

проработал в данной профессиональной сфере меньше пяти лет. Это косвенно подтверждается положительной связью со стажем работы ($r = 0,510$; $p < 0,05$). Для дистрибутивного стиля был обнаружен основной эффект пола ($F(1,69) = 4,52$; $p < 0,05$) и взаимодействие факторов пола и возраста ($F(1,69) = 5,94$; $p < 0,05$). Мужчины и женщины значительно различаются в проявлении дистрибутивного стиля переговоров ($Cohen\ d = 0,55$), однако это различие выражено прежде всего для старшей возрастной группы. При этом с возрастом мужчины становятся более склонны к такому стилю, а женщины, наоборот, отходят от него. Интегративный стиль, направленный на партнера, не обнаружил значимых различий или взаимодействия факторов пола и возраста. Однако обнаруживается низкая отрицательная корреляция между данным стилем и возрастом ($r = -0,287$; $p < 0,05$), что позволяет высказать предположение, что более молодые менеджеры по персоналу склонны к большему учету партнера. Данный результат интересен как перспективная гипотеза, так как интегративный стиль переговоров противоположен дистрибутивному, при этом последний обнаруживает эффекта возраста, хотя и в сочетании с полом. Для интегративного стиля переговоров, направленного на ситуацию, не обнаружено значимых эффектов.

Наше исследование выявило эффект пола на выбор дистрибутивного стиля переговоров, что согласуется с предыдущими данными о склонности мужчин к директивным подходам (Танасов, 2011а; Хабиев, 2022). С возрастом мужчины предпочтительнее выбирают этот стиль, в то время как женщины наоборот, что подкрепляет выводы о гендерных различиях в переговорных стратегиях. Интегративный стиль, ориентированный на партнера, не выявил значимых различий, но обнаруженная отрицательная корреляция с возрастом предполагает большую ориентацию молодых людей на учет интересов партнера (Kappes et al., 2020). Данные согласуются с общим негативным эффектом возраста на переговоры (Fousiani, 2022) и подчеркивают необходимость дальнейшего изучения взаимодействия пола и возраста в выборе стратегий.

Литература

1. *Солдатова Г.У., Гасимов А.Ф.* Разработка и апробация методики оценки переговорного стиля (МОПС). Экспериментальная психология, 2019, 12(3), 92–104.
2. *Танасов Г.Г.* Влияние пола на понимание, переживания и поведение субъекта деловых переговоров. Научный журнал КубГАУ, 2011а, 72.
3. *Танасов Г.Г.* Гендерные особенности эталона переговорщика и самооценки у мужчин и женщин с различающимися по продолжительности опытом деловых переговоров. Теория и практика общественного развития, 2011б, 6, 91–94.
4. *Хромов А.Б.* Пятифакторный опросник личности: Учебно-методическое пособие. Курган: Изд-во Курганского гос. университета, 2000, 23 с.
5. *Fousiani K., De Jonge K.M.M., Michelakis G.* Having no Negotiation Power does not Matter as Long as you Can Think Creatively: The Moderating Role of Age. International Journal of Conflict Management, 2022, 33(1). DOI:10.1108/IJCM-05-2022-0086
6. *Kappes C., Häusser J.A., Mojzisch A., Hüffmeier J.* Age Differences in Negotiations: Older Adults Achieve Poorer Joint Outcomes in Integrative Negotiations. Journal of Experimental Psychology: General, 2020, 149(11), 2102–2118. DOI:10.1037/xge0000762
7. *Mamatoğlu N.* Gender in Negotiation. International Conference on Global Studies, 2016.
8. Thompson L. (2009). The Mind and Heart of the Negotiator (4th ed.). Pearson, 2009, 432 с.
9. *Thomas K.W., Kilmann R.H.* Thomas-Kilman conflict MODE instrument. Incorporated. Xicom, 2008, 11 p.

Представления старшеклассников и студентов о распределении ролей супругов в молодой семье

Задорожный Ф.В., Орлов В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

zadorozhnijfedor@yandex.ru, vladimirorlov@bk.ru

Интерес к данной теме был вызван необходимостью проанализировать тенденции в представлениях о семейных ролях в брачных отношениях у современной молодежи. Такой анализ позволит разработать программу формирования у старшеклассников и студентов конструктивных представлений о распределении ролей в супружеских отношениях, тем самым предупредить разрушение межличностных отношений в будущем браке. Ставилась задача обобщить данные научных исследований по отношению как к самому понятию «семья и брак», так и к процессу формирования у молодежи образа семьи, а также отношения к браку.

Осознание значимости семейных ценностей и взаимодействия между супругами является важным аспектом формирования брачных ориентаций. Семейная среда способствует самопознанию и осознанию индивидуальности каждого члена семьи в контексте общественных норм и ценностей (Граненкова, 2010). При этом старшеклассники и студенты слабо представляют себе сложности семейных ролевых взаимоотношений. Не достигнув достаточной психической зрелости и жизненного опыта, они часто переносят негативный опыт из родительской семьи в собственное представление о ролевых взаимоотношениях в своей будущей семье (Евграфова, 2024). При этом, конечно, необходимо учесть различие в стиле воспитания в разных семьях, в средствах передачи семейных ценностей подросткам и юношам от старшего поколения (Зритнева, 2000).

Современные исследования психологов и социологов показывают, что роль семьи как социального института сильно изменилась. Влияние традиционных социальных норм поведения и ценностей существенно ослабло, хотя семья и общество всегда играли ключевую роль в формировании личности подростков (Станева, 1998). Однако существенное ослабление влияния традиционных норм поведения

может привести к развитию асоциальных ценностей у нового поколения.

Очевидно, что перемены в жизненном укладе и развитие общества ставят перед семьей новые задачи, преобразовывая устоявшиеся роли, формировавшиеся на протяжении многих десятилетий. Важно помнить, что семейная среда продолжает играть ключевую роль в становлении личности и привитии общечеловеческих морально-нравственных ценностей молодому поколению.

Современная молодежь живет в эпоху динамичных трансформаций, что создает трудности в усвоении нравственных принципов и формировании устойчивой системы ценностей. Под влиянием новых поведенческих моделей и размывания устоявшихся традиций молодые люди стремятся найти свое место в быстро меняющемся мире. Семья играет важную роль в процессе адаптации молодежи к этим переменам, обеспечивая необходимое направление и передавая проверенный временем опыт поколений. Ведь именно поддержка семьи помогает молодым людям сохранить связь с прошлым и уверенно смотреть в будущее.

Нами было проведено эмпирическое исследование представлений о ролевых различиях у молодых супругов среди старшеклассников и студентов. Выборка состояла из молодых людей обоих полов в возрасте от 17 до 23 лет, в количестве 54 человек. Использовалась методика А.Н. Волковой «Ролевые ожидания партнеров» (Лидерс, 2007). В результате количественного и качественного анализа полученных данных было выявлено, что респонденты-мужчины склонны больше воспринимать женщин в семье как партнера со схожими интересами, потребностями и способами времяпровождения (шкала, отражающая установку партнера на личностную идентификацию с другим) – 73% респондентов указало высокие баллы (от 7 до 9).

В 65% случаях респонденты-женщины полагали, что партнер возьмет на себя роль эмоционального лидера в семье, будет оказывать эмоциональную и моральную поддержку в различных жизненных ситуациях (от 6 до 8 баллов, которые считаются высоким показателем).

Также у большинства опрошенных – 85% от общего числа респондентов (как мужчин, так и женщин) – были средние и выше среднего показатели шкалы (от 5 до 7 баллов) внешней социальной активности, которая подразумевает важность профессионального развития, активной роли в социуме.

Теоретические и эмпирические исследования представлений молодежи о ролевых отношениях в семье приводят к пониманию их разноплановости и неоднозначности. Это показывает, что несовпадения в представлениях о ролях в семье у молодых людей должны быть изучены.

В результате нашего исследования было показано, что представления о семейных ролях в сознании старшеклассников и студентов далеко не всегда конструктивны и во многом отражают многогранность межличностных отношений. Кроме этого, наш анализ проблемы дает основание сделать вывод, что глубокое понимание всей сложности и широты спектра человеческих взаимоотношений часто приходит только лишь с жизненным опытом. Большую роль играет в недостаточно адекватном представлении о распределении семейных ролей, непонимании ожиданий супруга(-и), недостаточное развитие в данном возрасте такого важного психического новообразования, как самоопределение. А это ведет к ошибкам, вызывающим различные конфликтные ситуации, которые могут стать причиной распада молодых семей.

В заключение добавим, что высокая актуальность данной темы способствует интенсификации ее разработки и поиску эффективных средств помощи молодым людям в формировании адекватных представлений о брачно-семейных отношениях.

Литература

1. *Граненкова Е.С.* Теоретико-методологические подходы к изучению готовности к семейной жизни // Ярославский педагогический вестник. №1. 2010. С. 173.
2. *Евграфова Ю.А.* Подготовка молодежи к браку и семейной жизни как условие устойчивых семейных отношений. Пенза, 2024. С. 43.
3. *Зритнева Е.И.* Формирование готовности старшеклассников к браку и семейной жизни. Ставрополь, 2000. С. 7.
4. *Лидерс А.Г.* Психологическое обследование семьи. М., 2007. С. 256-269.
5. *Станева Н.Б.* Подготовка молодежи к семейной жизни в условиях улучшенной социальной среды. Курск, 1998. URL: <http://www.psychology.ru/lomonosov/tesises/fh.html>

Сохранность семейных традиций как фактор сформированности этнической идентичности

*Заерко М.Р., Кузнецов И.М.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
zaerko@bk.ru, ingvar31@yandex.ru*

Несмотря на значительный интерес ученых к проблеме этнической идентичности, ее структуре и роли в социальной и культурной жизни, а также обширное количество публикаций по этой теме, многие важнейшие аспекты по-прежнему остаются малоизученными.

Существует несколько теоретических подходов, каждый из которых позволяет по-разному интерпретировать этническую идентичность: примордиализм, ситуационизм и конструктивизм. Приверженцы примордиализма считают, что этническая идентичность – врожденное качество человека (Винер, 1998). В рамках этого течения выделяют два направления – эволюционно-биологическое, где определяющими элементами являются генетические и географические факторы, и эволюционно-историческое (ключевые аспекты – кровное родство и общая территория) (Солдатова, 1998). По мнению ситуационистов, этническая идентичность не является неизменным и постоянным элементом, а активизируется только в конкретных, стрессовых для индивида обстоятельствах (например, угроза существования целостности общности) (Комаров, 1994). Конструктивисты считают, что принадлежность к этнической группе – результат социальных процессов, которые формируются благодаря усилиям людей и институтов, ими создаваемых (Тишков, 1997).

Семья, взаимодействие людей в рамках семьи – это та социальная среда, в которой происходит первичная социализация индивида, закладываются основы для формирования базовых социальных идентичностей, в том числе и прежде всего этнической идентичности. Поэтому вполне оправдан интерес к изучению связи между уровнем сформированности этнической идентичности и мерой сохранности и востребованности этнокультурных традиций семейного взаимодействия. В этом плане, особого внимания заслуживают те этнокультурные традиции семейной жизни, которые в наибольшей

мере способствуют сохранению и укреплению этнокультурных ценностей (Голод, 1998).

В условиях глобализации и миграции исследование роли семейных традиций в поддержании этнической идентичности становится особенно актуальным по нескольким причинам. Во-первых, под влиянием указанных процессов глобализации происходит увеличение межкультурных контактов, что, в свою очередь, видоизменяет традиционные социальные структуры и ролевые модели. Межкультурные браки становятся «платформой», на которой, с одной стороны, происходит усвоение культуры партнера, а с другой – существует вероятность того, что связь со своей культурой будет либо ослаблена, либо утрачена полностью. Миграция, в том числе и массовая, опять же сопряжена с адаптацией к новой культуре со всеми вытекающими отсюда последствиями. Семья, будучи главным элементом социальной организации, играет важнейшую роль в сохранении своей этнической идентичности и преодолении проблем, связанных с интеграцией в другую культурную среду (Гавров, 2009).

Под действием описанных выше тенденций особенно важно сохранить те этнокультурные традиции, которые становятся символами, маркерами этнической идентичности. Эти символы – ключевые элементы, посредством которых этнические группы выражают свою уникальность и сохраняют ее несмотря на существующие изменения в социальном контексте. Материальные и нематериальные символы не функционируют по отдельности, а дополняют друг друга, образуя целостную структуру. Еда, архитектура, одежда (то есть, материальные символы) – элементы, которые закрепляют и поддерживают нематериальные (язык, ритуалы, обычаи). Например, традиционные блюда, одежда тесно связаны с праздниками и обычаями, то есть они являются визуальными маркерами принадлежности к определенной культуре, носителями нематериальных практик и норм.

Таким образом, мы предполагаем, что этнокультурные традиции, регулирующие семейное взаимодействие, играют важнейшую роль в сохранении и передаче символов этнической идентичности, что способствует укреплению этнической самобытности даже в условиях глобализации и миграции, когда происходят значительные изменения в культурном и социальном контекстах.

Литература

1. *Винер Б.Е.* Этничность в поисках парадигмы изучения // *Этнографическое обозрение*. 1998. № 4. С. 3–26.
2. *Гавров С.Н.* Историческое изменение институтов семьи и брака. Учебное пособие. М.: НИЦ МГУДТ. 2009.
3. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб., 1998.
4. *Комаров Дж.* Национальность, этничность, современность: политика самосознания в конце XX века // *Этничность и власть в полиэтничных государствах: Материалы международной конференции*. М.: Наука, 1994. С. 35 – 70.
5. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряжённости. М.: Смысл, 1998,
6. *Тишков В.А.* О феномене этничности // *Этнографическое обозрение*. 1997. № 3. С. 3 –21.

Игровая аддикция и эскапизм: причины избегания реального мира у современной молодежи

Зверовской П., Зверовская Я.П., Орлов В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

pavel.zverovskoj@mail.ru, yzverovskaya@bk.ru, vladimirorlov@bk.ru

В последние годы наблюдается значительный рост числа случаев игровой аддикции, которая зачастую сопряжена с феноменом эскапизма. Молодые люди пытаются уйти в виртуальное пространство, чтобы компенсировать жизненные трудности, избежать социальной изоляции или эмоционального перенапряжения.

Данный тип зависимости в мире стал настолько распространенным, что Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) включила игровую аддикцию в 11-й пересмотр международной классификации болезней. Согласно отечественным исследованиям, до 10,5% российских школьников вовлечены в патологический онлайн-гейминг, что

доказывает актуальность данной проблемы не только для зарубежных стран, но и для нашей (Tereshchenko et al., 2022).

Игровая аддикция – состояние человека, характеризующееся утратой контроля над временем в игровом процессе, при этом игры вытесняют другие интересы (Фокина, Соколовская, 2021). По определению ВОЗ, у человека с игровой зависимостью игра начинает превалировать над другими интересами и повседневными занятиями, а попытки сократить время игры оказываются безуспешными.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что одним из основных признаков игровой зависимости является приоритизация самого процесса игры, также имеют место:

- проявление агрессии и подавленного состояния в случае, если игровой процесс протекает не так, как было запланировано игроком;
- снижение концентрации и мотивации в образовательной и трудовой деятельности (Зверовская, Крушельницкая, 2024);
- нарушение режима сна, питания;
- социальная изоляция и повышение уровня конфликтности.

Как и другие аддиктивные расстройства, игровая зависимость формируется под воздействием множества факторов, среди которых можно выделить личностные, социально-психологические и ситуационные. В научной литературе также отмечают, что чрезмерное увлечение играми носит характер дезадаптивного копинг-механизма. Иными словами, игры используются человеком для ухода от проблем и неприятных эмоций в реальной жизни.

В психологии механизм ухода от реальности, возникающий в ответ на тревогу, неудовлетворенность жизнью или другой негативный фактор, называется эскапизмом. Интернет-эскапизм принимает различные формы. Изучаемый нами случай относится к чрезмерному кибердосугу и является наиболее распространенной формой избегания в современном обществе. Психологические исследования показывают, что умеренный эскапизм может выполнять адаптивную функцию, но при высокой выраженности он приводит к отчуждению от реальности и затруднению социализации (Яковлев, 2021).

Причины ухода от реальной жизни в виртуальное пространство, в том числе в игры, условно можно разделить на две группы: эмоциональные – тревога, стресс, депрессия; социальные – чувство изоляции, трудности в межличностной коммуникации, отчуждение.

Молодые люди, переживающие подобные трудности, находят в играх временное облегчение, избегая необходимости решать реальные проблемы.

Виртуальное пространство открывает большие возможности для удовлетворения психологических потребностей: в контроле, принятии, успехе и т.д. Именно поэтому игры становятся столь привлекательными: они быстро и эффективно предоставляют их участнику эмоциональные и социальные ресурсы, которые в реальной жизни получить сложнее.

С целью выявления взаимосвязи игровой аддикции с удовлетворенностью жизни, а также игровой аддикции с субъективной витальностью у студентов мы провели эмпирическое исследование, участниками которого стал 171 студент технического колледжа г. Москвы в возрасте от 17 до 21 года. Использовались: «Шкала субъективной диспозиционной витальности» (Vt-d) (Александрова, 2014), русскоязычная версия опросника «Internet Gaming Disorder – 20 Test» (Петров, Черняк, 2019), «Шкала удовлетворенности жизнью» Э. Динера (в адаптации Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева).

Результаты исследования показали, что чем выше у студентов уровень игровой аддикции, тем менее они удовлетворены жизнью (критерий Спирмена, $p = 0,007$). На наш взгляд, полученные данные можно объяснить тем, что игры становятся значимой частью жизни, они могут вытеснять другие важные аспекты. Из-за этого человек может чувствовать пустоту, неудовлетворенность и апатию.

Также было выявлено, что чем выше у студентов уровень игровой аддикции, тем ниже субъективная диспозиционная витальность (критерий Спирмена, $p = 0,000$). Так как диспозиционная витальность является устойчивой чертой личности, то мы интерпретируем это так, что ввиду нехватки активной, насыщенной жизни такие люди больше подвержены игровой аддикции.

Полученные результаты нашего исследования могут использоваться для работы педагогов-психологов в контексте работы со студентами и помощи в реализации их профессионального становления.

Литература

1. *Александрова Л.А.* Субъективная витальность как предмет исследования // Психология. Журнал ВШЭ. 2014. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/subektivnaya-vitalnost-kak-predmet-issledovaniya>
2. *Зверовская Я.П., Крушельницкая О.Б.* Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX конференции Международной памяти научно-практической М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (15–16 мая 2024 г.). М.: Издательство МГППУ, 2024. С. 239–242.
3. *Канина Н.А., Кривцова Е.В., Смагина С.С.* Особенности стратегий совладающего поведения и интернет-предпочтений студентов, склонных к зависимости от компьютерных игр и социальных сетей // Профессиональное образование в России и за рубежом. 2023. №1 (49). С. 175–185.
4. *Петров А.А., Черняк Н.Б.* Валидизация русскоязычной версии опросника «Internet gaming disorder scale–short-form». Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М.Бехтерева. 2019;(3):53-63.
5. *Фокина И. В., Соколовская О.К.* Ценностная основа компьютерной игровой аддикции в подростковом возрасте // Проблемы современного педагогического образования. 2021. №73–1. С. 375–378.
6. *Яковлев Д.Ф.* Феномен эскапизма в интернет-пространстве // Приверженность вопросам психического здоровья: материалы Международной научно-практической конференции. М.: РУДН, 2021. С. 148–152.
7. *Tereshchenko S., Kasparov E., Semenova N., Shubina M., Gorbacheva N., Novitckii I., Moskalenko O., Lapteva L.* Generalized and Specific Problematic Internet Use in Central Siberia Adolescents: A School-Based Study of Prevalence, Age–Sex Depending Content Structure, and Comorbidity with Psychosocial Problems. International Journal of Environmental Research and Public Health, 2022. T. 19(13).

Психологические детерминанты профессионального благополучия IT-специалистов в условиях Agile

*Зиневич А.В., Пилишвили Т.С.
ФГБОУ ВО РУДН, Москва, Россия
zinevich.psy@gmail.com*

Развитие информационных технологий предьявляет новые вызовы к профессиональному благополучию. Agile-методологии, ставшие ключевым элементом IT-индустрии, требуют когнитивной гибкости, адаптивности и саморегуляции. Согласно модели ресурсов и требований работы А. Баккер и Е. Дамероути, благополучие определяется балансом нагрузки и ресурсов (Bakker, Demerouti, 2001). Agile-команды способствуют вовлеченности, удовлетворенности трудом и автономности, но их эффективность зависит не только от индивидуальных качеств сотрудников, но и от динамики взаимодействия в коллективе. По М.Ю. Кондратьеву, в профессиональной среде важны межличностное взаимодействие, доверие и групповая идентичность (Кондратьев, 1994). В Agile эти факторы критичны, поскольку работа требует кооперации, психологической безопасности и сплоченности. Однако многозадачность, высокая когнитивная нагрузка и культура постоянного контроля могут провоцировать истощение и выгорание.

Одними из ключевых факторов устойчивости IT-специалистов выступают смысложизненные ориентации, субъектная регуляция и экзистенциальная исполненность. Согласно Д.А. Леонтьеву, смысложизненные ориентации направляют личность, способствуя снижению тревожности и повышению удовлетворенности работой (Леонтьев, 2003). Субъектная регуляция помогает адаптироваться к гибкой рабочей среде, управляя когнитивными и эмоциональными нагрузками (Моросанова, 2018). Экзистенциальная исполненность А. Лэнгле обеспечивает согласованность целей и ценностей, предотвращая кризисы смысловой регуляции (Лэнгле, 2006).

Автономность сотрудников – один из важнейших аспектов Agile, связанный с теорией самодетерминации. Саморегуляция снижает внешний контроль и повышает субъективную значимость работы. Исследование С. Юнкер и соавторов подтверждает, что гибкость

процессов и горизонтальные структуры способствуют вовлеченности и удовлетворенности трудом (Junker, Bormann, Schmitt, 2021). Кроме того, работа в таких условиях снижает тревожность и усиливает ощущение принадлежности к команде. Однако избыточные встречи, многозадачность и постоянные переключения между задачами приводят к когнитивной перегрузке. По данным М. Боровец и П. Дрыгас, разработчики тратят до 30% рабочего времени на встречи, снижая концентрацию (Borowiec, Drygas, 2023). М. Малик отмечает, что культура отчетности и ретроспектив может восприниматься как микроконтроль, подрывающий автономность и мотивацию (Malik, 2021). Динамичность гибких процессов создает риск профессионального кризиса и потери долгосрочных ориентиров. Для минимизации этих негативных эффектов важны смысловые ориентации, субъектная регуляция и экзистенциальная исполненность.

Смысловые ориентации способствуют личностному развитию и профессиональному становлению. Исследования А.С. Яницкого и В.М. Серого подтверждают, что высокий уровень осмысленности жизни коррелирует с мотивацией к самореализации и снижением тревожности (Яницкий, Серый, 2022). В Agile-командах смысловые ориентации формируются через вовлеченность в процессы, командное взаимодействие и осознание значимости работы. Однако при отсутствии четких карьерных ориентиров сотрудники могут испытывать снижение осмысленности деятельности, что приводит к эмоциональному истощению.

Субъектная регуляция помогает IT-специалистам справляться с нагрузками, адаптироваться к меняющимся требованиям и минимизировать стресс (Моросанова, 2018). Ее высокий уровень коррелирует с удовлетворенностью жизнью и профессиональной самореализацией. Баланс работы и личной жизни играет важную роль в поддержании субъектной регуляции. Низкий уровень саморегуляции в сочетании с высокой профессиональной нагрузкой приводит к истощению и снижению мотивации.

Экзистенциальная исполненность формирует внутреннюю согласованность целей и ценностей. В среде IT-специалистов высокий уровень экзистенциальной исполненности снижает стресс и предотвращает профессиональное выгорание. Исследование Дж. Трипп и К. Рименшнайдер показало, что отсутствие экзистенциальной

удовлетворенности увеличивает текучесть кадров и снижает вовлеченность (Tripp, Riemenschneider, 2016). Поддержка экзистенциальной исполненности через осмысленность профессиональной деятельности – ключевой фактор профессионального благополучия.

Профессиональное благополучие IT-специалистов в Agile-среде зависит от баланса требований и ресурсов. Смысложизненные ориентации, субъектная регуляция и экзистенциальная исполненность снижают тревожность, повышают удовлетворенность трудом и предотвращают выгорание. Хотя Agile способствует автономности и вовлеченности, высокая когнитивная нагрузка и многозадачность могут истощать психологические ресурсы. Оптимизация рабочих процессов через асинхронные коммуникации (Slack, Notion), гибкие карьерные треки и корпоративные программы, направленные на развитие личностных ресурсов, поможет снизить стресс. Включение групповой поддержки и психологической безопасности укрепляет экзистенциальное благополучие. Дальнейшие исследования могут проанализировать связь субъектной регуляции, смысложизненных ориентаций и адаптации к Agile с учетом стажа работы и индивидуальных характеристик сотрудников.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю.* Социальная психология коллектива. М.: МГУ, 1994.
2. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: Природа, структура и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл, 2003.
3. *Лэнгле А.* Смысл жизни: экзистенциальный анализ. – СПб.: Речь, 2006.
4. *Моросанова В.И.* Психология саморегуляции. – М.: Институт психологии РАН, 2018.
5. *Яницкий А.С., Серый В.М.* Осмысленность жизни и удовлетворенность профессиональной деятельностью. Психологический журнал, 2022.
6. *Bakker A.B., Demerouti E.* Job Demands–Resources Model. Journal of Managerial Psychology, 2001.

7. *Borowiec M., Drygas P.* Work-life balance and job satisfaction in IT professionals. – Journal of Occupational Psychology, 2023.
8. *Junker S., Bormann K.C., Schmitt A.* Agile Work Practices and Employee Proactivity. – Journal of Organizational Behavior, 2021.
9. *Islam S., Ferworn A.* A Comparison between Agile and Traditional Software Development Methodologies. Information and Software Technology, 2020.
10. *Malik M.* Psychological Empowerment in Agile Teams. Human Resource Management Review, 2021.
11. *Tripp J., Riemenschneider C.* Job Satisfaction in Agile Development Teams. Journal of Software Engineering, 2016.

Особенности переживания смысложизненного кризиса у людей с различным уровнем духовного развития

Иванченко Я.И., Харченко М.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

id.makes.sense@gmail.com, kharchenkoma@mgppu.ru

В период перемен, когда меняется образ жизни как общества в целом, так и отдельных людей, также изменяются идеалы, являющиеся основой для определения смысла жизни. В последние годы специалисты нередко определяют коренную проблему людей, обращающихся за помощью, в том, что человек утратил смысл жизни и находится в состоянии смысложизненного кризиса. В связи с этим существует явная необходимость в научно обоснованных подходах к пониманию процессов формирования смысложизненной сферы личности.

В пилотажном исследовании мы выявили существование взаимосвязи между кризисом смысла жизни и субъективным переживанием одиночества. Полученные результаты навели нас на мысли о том, что для достижения своей индивидуальности и обретения личностной свободы человеку необходимо столкнуться со своим одиночеством, и от дальнейшего проживания этого этапа зависит его будущее. Если соприкосновение с одиночеством принимается и проживается, то оно носит ресурсный характер, позволяющий жить осознаннее и осмысленнее. В случае сопротивления и избегания

одинокости и не прохождения естественного этапа развития и становления, личность может ощущать широкий диапазон последствий, обычно связанных с негативными проявлениями, в том числе смысложизненным кризисом.

Смысложизненный кризис – это состояние, когда человек испытывает сомнения в своих жизненных целях, ценностях и смысле существования. По мнению К.В. Карпинского, кризис смысла жизни является многокомпонентным психологическим феноменом и определяется как состояние личностного развития, порождаемое противоречиями в поиске и практической реализации смысла индивидуальной жизни (Карпинский, 2015). Это явление может возникать в разные периоды жизни и затрагивать людей с различным уровнем духовного развития.

Мы выдвинули гипотезу о том, что степень духовного развития оказывает влияние на то, как человек переживает кризис смысла, а возможно, и на сам факт его появления. Под духовным развитием мы понимаем не только религиозные взгляды, но и способность человека к самоанализу, поиску внутреннего смысла и осознанию своего места в окружающем мире.

Сегодня ученые разных направлений все большее внимание обращают на духовность человека как важный фактор решения глобальных проблем современности. Так, Н.А. Коваль в своей статье сообщает, что духовность личности включает нравственные нормы, регулирующие отношения между человеком и обществом, направленные на общее и личное благо, выражающиеся через ценности альтруизма, ответственности и свободы. В структуре духовности выделяются три уровня – агармоничный, дисгармоничный и гармоничный, отражающие степень развития внутренней связи человека с собой и окружающим миром. Самореализация, как ключевой аспект духовности, предполагает осознанное развитие и проявление духовного потенциала через взаимодействие с другими людьми, основанное на эмпатии, ответственности и вере в правильность своих целей. Таким образом, духовность становится не только личностным качеством, но и социальной ценностью, обеспечивающей гармонию личности и общества (Коваль, 2020).

В исследовании Н.А. Некрасовой духовность рассматривается как особое качество личности, которое проявляется в умении человека

создавать и осознавать свой внутренний мир, а также развивать свои добродетели. Исследователь установила, что достигнув определенного уровня духовного развития, человек превращается в личность, обладающую качествами, которые обеспечивают его самостоятельность как сущности своего бытия, и определила, что «духовность способна к целенаправленному самосовершенствованию, основанному на осмысливании цели своей жизни» (Некрасова, 2002).

Выборку нашего эмпирического исследования составили мужчины и женщины, достигшие совершеннолетия и относящие себя к русскому этносу. Объем выборки составил 86 испытуемых, из них 59 женщин и 27 мужчин в возрасте от 23 до 53 лет (средний возраст 36 лет, медианный – 35 лет).

Для проверки выдвинутой гипотезы в исследовании используются следующие психодиагностические методики: «Опросник смысложизненного кризиса» К.В. Карпинского, «Русскоязычная версия опросника духовных переживаний» (О.А. Сычев, А.М. Беспалов, И.В. Аношкин, М.С. Власов); «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д.А. Леонтьева; адаптированная «Шкала экзистенции» А. Лэнгле, К. Орглер. В Google-форму вошли также анкетные вопросы, определяющие социально-демографические характеристики респондентов: пол, возраст, место проживания. Статистическая обработка данных проводится с помощью программы IBM SPSS Statistics 26.

Мы предполагаем, что переживание смысложизненного кризиса значительно варьируется в зависимости от уровня духовного развития человека. И понимание этих особенностей может помочь психологам и консультантам разрабатывать более индивидуализированные подходы к помощи людям в трудные времена. Исследование этой темы открывает новые горизонты для дальнейших исследований и практического применения в области психологии и психотерапии.

Литература

1. *Карпинский К.В.* Смысложизненный кризис в развитии личности: анализ концепций отечественной и зарубежной психологии. Гродно, 2015. 319 с.

2. *Коваль Н.А.* Духовность как условие формирования нравственных норм личности // Государственно-правовые исследования. 2020. №3. С. 33–37.
3. *Некрасова Н.А.* Феномен духовности: бытие и ценность: автореф. дис... д-ра филос. наук. Иваново, 2002. 35 с.

К вопросу взаимосвязи идентичности и ценностных ориентаций у старших подростков

Ивочкина А.И

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
annaivochkina@gmail.com*

Сачкова М. Е.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sachkova@list.ru*

Современные подростки находятся в сложных социокультурных условиях, характеризующихся высокой динамикой изменений и интенсивным влиянием цифровой среды, что предъявляет особые требования к их личностному и ценностному самоопределению. Формирование идентичности в старшем подростковом возрасте связано с активным поиском индивидуальных и социальных ориентиров, интеграцией и осмыслением культурных и семейных ценностей, а также влиянием цифровой и информационной среды. Несмотря на значительное число работ, проблема взаимосвязи стилей идентичности и ценностных ориентаций подростков остается актуальной и требует всестороннего изучения. Особую важность приобретает исследование психологических механизмов, определяющих становление идентичности и ценностных предпочтений у подростков, учитывая современные социальные вызовы и цифровизацию.

Важнейшими теоретическими ориентирами в изучении идентичности являются работы Э. Эриксона и Дж. Марсиа, которые выделили этапы и статусы идентичности подростков (Эриксон, 1996; Marcia, 1966). В дальнейшем эти идеи были развиты М. Берзонски, предложившим модель, в которой были выделены информационный,

нормативный и диффузный стили идентичности (Berzonsky, 1992). Каждый из этих стилей определяет индивидуальные особенности принятия решений, самоанализа и отношения подростка к собственному жизненному пути.

В контексте ценностных ориентаций значимыми являются исследования Г.В. Резапкиной и Д.А. Леонтьева. Г.В. Резапкина акцентирует внимание на роли социальной среды и воспитательных практик в формировании жизненных ценностей подростков, выделяя базовые ориентиры личностного развития (Резапкина, 2007). Д.А. Леонтьев, в свою очередь, подчеркивает важность осмысленности жизни и личностной рефлексии в процессе самоопределения, отмечая, что сформированная система ценностей является фундаментом зрелой идентичности (Леонтьев, 2003).

Сложившаяся в последнее десятилетие цифровая среда оказывает мощное влияние на процессы формирования идентичности и ценностей подростков. Постоянный доступ к информационным ресурсам, социальным сетям и онлайн-коммуникациям создает особое пространство для самоидентификации и рефлексии. Вместе с тем исследователи отмечают рост интернет-зависимого поведения среди подростков, что оказывает дестабилизирующее воздействие на формирование ценностных ориентаций и идентичности. В этом контексте особенно актуальны выводы недавнего исследования В.Л. Малыгина и коллег, которые показали, что подростки с интернет-зависимым поведением отличаются специфической структурой ценностных приоритетов, часто характеризующейся нарушением баланса между социальными и индивидуалистическими ценностями, а также деформацией представлений о собственной идентичности (Малыгин и др., 2024).

Для глубокого изучения заявленной проблемы необходимо использовать комплексный методологический подход, включающий современные диагностические методики. Среди таких методик особо выделяются опросник стилей идентичности М. Берзонски, методика изучения ценностных ориентаций Г.В. Резапкиной и тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева. Использование данных методик позволит провести углубленный анализ взаимосвязи стилей идентичности и ценностных предпочтений, а также выявить специфику

влияния цифровой среды на процессы личностного самоопределения подростков.

Таким образом, дальнейшее теоретическое и практическое расширение исследования взаимосвязей стилей идентичности и ценностных ориентаций у подростков должно учитывать динамические изменения социокультурного контекста и роль цифровизации в жизни современного поколения. Это позволит не только получить глубокое научное понимание феномена, но и разработать эффективные практические рекомендации для педагогов и психологов по сопровождению процесса формирования идентичности подростков.

Литература

1. *Бронин И.Д.* Психометрические показатели четвертой версии опросника стилей идентичности М. Берзонски // Вестник Кемеровского государственного университета, 2015. № 3 (63).
2. *Леонтьев Д.А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. М.: Смысл, 2003.
3. *Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., Искандирова А.Б., Пахтусова Е.Е., Прокофьева А.В.* Особенности ценностных ориентаций у подростков с интернет-зависимым поведением // Киберпсихология, 2024.
4. *Резапкина Г.В.* «Грани личности». Модель трехмерной психологической диагностики // Психолого-экономические исследования. 2014.
5. *Эриксон Э.* Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс, 1996.
6. *Marcia J.E.* Development and validation of ego identity status // Journal of Personality and Social Psychology, 1966. Vol. 3, No. 5.

Взаимосвязь уровня социальной тревожности молодежи с думскроллингом

Ильясова М.С., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
maryana.ilyasova@mail.ru

Современные технологии значительно изменили характер потребления информации, особенно среди молодежи, для которой интернет и социальные сети стали основным источником новостей. В периоды глобальных кризисов влияние медиа на психическое состояние человека усиливается, что ведет к формированию новых моделей поведения.

К одному из таких явлений можно отнести думскроллинг (doomscrolling) – постоянное погружение в поток тревожных новостей, оказывающих деструктивное влияние на психику. Согласно исследованию А.А. Максименко (Максименко и др., 2022), избыточное потребление негативной информации приводит к усилению тревожности и формированию инфодемического стресса, что особенно заметно среди молодежи. Исследования подтверждают, что думскроллинг связан с ростом социальной тревожности и снижением общего уровня удовлетворенности жизнью (Андронникова и др., 2024).

Во время пандемии COVID-19 человечество столкнулось с беспрецедентной неопределенностью, усилением тревожности и социальной изоляцией. В условиях ограничений и самоизоляции значительно возросло время, проводимое в интернете, что привело к изменению медиапотребления. Как отмечает О.О. Андронникова (Андронникова и др., 2024), пользователи, проводившие в социальных сетях более трех часов в день, демонстрировали повышенный уровень тревожности и снижение уровня удовлетворенности жизнью. Анализ данных, представленных в исследовании М.А. Копачевой (Копачева, 2024), показал, что активные пользователи социальных сетей чаще испытывают стресс и избегают личного общения, что коррелирует с их социальной тревожностью.

Помимо российских исследований, зарубежные ученые также акцентируют внимание на феномене думскроллинга. Так, исследования М. Бекалу демонстрируют, что интенсивное использование

социальных сетей связано с высоким уровнем тревожности и ухудшением психоэмоционального состояния. Исследование также подчеркивает, что постоянное потребление тревожного контента формирует когнитивные искажения и способствует развитию депрессивных состояний (Bekalu et al., 2019).

Анализ социальных и психологических аспектов думскроллинга показывает, что важную роль в развитии этого явления играет медиакультура, ориентированная на постоянное потребление контента. Платформы социальных сетей используют алгоритмы, способствующие удержанию внимания пользователей на негативных новостях, тем самым усиливая их тревожность. Это подтверждается данными исследования М.А. Копачевой (Копачева, 2024), согласно которым студенты, постоянно находящиеся в режиме онлайн, демонстрируют более высокий уровень социальной тревожности и избегают реального социального взаимодействия.

Постоянное взаимодействие с негативным контентом приводит к росту когнитивного напряжения, что, в свою очередь, снижает способность критически воспринимать информацию и повышает уровень восприимчивости к дезинформации. Этот фактор усиливает общее чувство неопределенности, характерное для молодых пользователей в условиях кризисных ситуаций (Максименко и др., 2022).

Кроме того, анализ информационного поведения молодежи показывает, что вовлеченность в потребление тревожного контента напрямую связана с их социальным благополучием. Исследования демонстрируют, что люди, склонные к думскроллингу, чаще сталкиваются с эмоциональным выгоранием и социальной изоляцией (Максименко и др., 2022).

Важно отметить, что инфодемический думскроллинг представляет собой не только индивидуальную привычку, но и результат системного влияния цифровой среды. Как отмечает А.А. Максименко (Максименко и др., 2022), постоянное пребывание в потоке негативных новостей создает ощущение кризисной реальности, в которой человек перестает различать объективную картину мира и субъективные страхи, усиленные информационными алгоритмами. Этот феномен приводит к тому, что молодежь, проводящая значительное время в соцсетях, начинает воспринимать окружающую действительность через призму

негативных событий, что способствует усилению социальной тревожности и снижению удовлетворенности жизнью.

Таким образом, анализ данного явления представляется актуальным, так как позволяет выявить механизмы его воздействия и предложить возможные пути их нейтрализации. Рассмотрение влияния думскроллинга в контексте неопределенности помогает лучше понять механизмы его формирования, а также разработать стратегии информационной безопасности и медиаграмотности, направленные на снижение его негативных последствий.

Литература

1. Андронникова О.О., Адарина Д.А. Специфика психологического благополучия молодежи в зависимости от предпочтения социальных медиа. Социальная и экономическая психология. 2024. Том 9. № 3(35). С. 95-118.
2. Копачёва М.А. Проявления социальной тревожности у студентов с различной активностью в социальных сетях // Векторы психологии – 2020: психолого-педагогическое сопровождение личности в современной образовательной среде. Материалы международной научно-практической конференции «Векторы психологии – 2020: психолого-педагогическое сопровождение личности в современной образовательной среде». Гомель, 2020.
3. Максименко А.А., Дейнека О.С., Мортикова И.А. Инфodemический думскроллинг и психологическое благополучие россиян. Общество: социология, психология, педагогика. 2022. № 12. С. 129–136.
4. Bekalu M.A., McCloud R.F., Viswanath K. Association of Social Media Use With Social Well-Being, Positive Mental Health, and Self-Rated Health: Disentangling Routine Use From Emotional Connection to Use. Health Education & Behavior 46 (2), 2019. P. 69-80. DOI:10.1177/1090198119863768

Настольная игра «ПедКласс» как средство развития компонентов педагогической одаренности

Илюшина М.И., Лобанова А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

psychologlg@yandex.ru

Нечаева О.А.

КГУ им. К.Э. Циолковского, Калуга, Россия

necholgak@mail.ru

Подготовка педагогических кадров является одним из важных направлений в системе образования страны. Школа в современном мире нуждается не только в компетентных специалистах-предметниках, но в активных, инициативных педагогах, обладающих педагогическими способностями, позволяющими решать сложные профессиональные воспитательные задачи.

В связи с этим остро стоит вопрос мотивации и правильного выбора педагогической профессии среди школьников.

Следовательно, проблема выявления и развития способностей, одаренности, склонности к той или иной деятельности приобретает все большую актуальность в связи с необходимостью реализации личностного и интеллектуального потенциала каждого человека.

Е.Б. Манузина, И.Н. Протасова, Н.И. Трубникова рассматривают педагогическую одаренность, как основу профессионального мастерства педагога, позволяющую достигать высот в профессиональной деятельности (Манузина, Протасова, Трубникова, 2024). Выявление способностей к педагогической деятельности на этапе обучения в школе и вузе позволяет оптимизировать и практикоориентировать процесс обучения.

Анализ психологической литературы показал, что в отечественной психологической науке существует несколько подходов к пониманию педагогической одаренности: первый подход — это понимание педагогической одаренности как характеристики педагогического мастерства, совершенства учителя (Н.А. Аминов, Н.В. Кузьмина, Н.Д. Левитов и др.) (Аминов, 2019; Кузьмина, 1990), второй как потенциальные возможности развития (Д.Б. Богоявленская, А.А. Бодалев, А.И. Савенков и др.) (Богоявленская, 2004; Бодалев, 2003;

Савенков, 2023), где одаренность является потенциалом человека, представляющим собой его готовность к осуществлению разных видов деятельности, а также возможный уровень их продуктивности.

О.В. Князева под педагогической одаренностью понимает интегративное личностное образование, единство мотивационного, креативного и когнитивного компонентов которые основаны на общей одаренности и гуманистической позиции, обеспечивающей духовное наполнение профессии (Князева, 2005).

Педагогическая одаренность включает в себя:

- *универсальные компоненты*

- креативность
- активность
- высокий уровень развития познавательных процессов

- *специальные компоненты*

- коммуникативные способности
- организаторские способности
- артистизм
- навыки речевого общения
- эмпатия
- интерес к людям
- интерес к предмету (психологии и педагогики)
- интерес к педагогической деятельности

Нами разработана настольная игра «ПедКласс» по развитию компонентов педагогической одаренности, обучающихся в педагогических классах:

- первая часть настольная дидактическая игра «ПедКласс»;
- вторая часть настольная психологическая игра «ПедКласс».

Цель игры: развитие компонентов педагогической одаренности, профессионального самоопределения у обучающихся в педагогических классах организаций общего образования.

Первая часть – настольная дидактическая игра «ПедКласс» ориентирована на четко поставленную цель обучения (помимо развитие педагогической одаренности, закрепление знаний в области педагогики и психологии). В данной части основной составляющей является дидактическое задание, скрытое от игрока.

Вторая часть – психологическая игра помогает участникам воспринимать реальность психологического аспекта их жизни. Развитие компонентов педагогической одаренности идет через следующие: развлекательную, коммуникативную, самореализационную, игротерапевтическую, диагностическую, коррекционную и социализационную.

Игра может использоваться в работе психологов, преподавателей психологии, может быть интересна как студентам психологических, так и педагогических специальностей, супервизорам и всем тем, кто по роду своей деятельности работает с профессиональным самоопределением подростков.

Данная игра открывает возможность для увлекательного путешествия школьников в мир педагогики и психологии. Эти науки помогают каждому понять себя, собственную уникальность и уникальность, неповторимость каждого человека. Участники не только познакомятся с особенностями общения между людьми, но и смогут стать успешными в организации этого взаимодействия.

Участники проекта приобретают и актуализируют знания, учатся решать самые непростые задачи, учатся договариваться и раскрывают в себе педагогические и творческие способности. Проект помогает школьникам понимать свой внутренний мир, учиться управлять своими эмоциями, быть полезными окружающим.

Игра основана на курсе и методическом пособии «Основы педагогики и психологии» (Методическое пособие..., 2024).

Рубрики игры соотнесены с компонентами педагогической одаренности.

Принцип игры – игра ходилка-бродилка. Участники игры бросают кубик, перемещаются по полю и отвечают на вопросы или выполняют выпавшие задания. Побеждает тот, кто первым доберется к финалу игры.

Таким образом игра «ПедКласс» выступает средством развития компонентов педагогической одаренности, что в свою очередь может способствовать ранней профессионализации и выбору школьников профессий педагогического и психологического профиля.

Литература

1. *Аминов Н.А.* Новые принципы современной дидактики: монография / Н.А. Аминов, В.С. Чернявская. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. 228 с
2. *Богоявленская Д.Б.* Рабочая концепция одаренности // Вопросы образования. 2004. № 2. С. 46-68.
3. *Бодалев А.А.* Как становятся великими или выдающимися? / А.А. Бодалев, Л.А. Рудкевич. М.: Изд-во Ин-та психотерапии, 2003. 285 с.
4. *Князева О.В.* Развитие педагогической одаренности будущих учителей начальных классов в художественно творческой деятельности: автореф. дис. ... к. пед. н. Волгоград, 2005. 28 с
5. *Кузьмина Н.В.* Профессионализм личности преподавателя и мастера производственного обучения / Н.В. Кузьмина; ВНИИ проф.-техн. образования. М.: Высш. школа, 1990. 117 с.
6. *Манузина Е.Б., Протасова И.Н., Трубникова Н.И.* Диагностика педагогической одаренности школьников: учебно-методическое пособие. Алтайский государственный гуманитарно-педагогический университет имени В.М. Шукшина. Бийск, 2024. 155 с.
7. Методическое пособие «Основы педагогики и психологии» 10 – 11 классы. В 2-х ч. Часть. 2. Учебное пособие В.С. Басюк, Е.И. Казакова, Е.Ю. Брель и др. М., 2024.
8. *Савенков А.И.* Психология детской одаренности: учебник для вузов / А.И. Савенков. 2-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 334 с.

Взаимосвязь проблемного использования интернета и психологической разумности учащейся молодежи

Казанцев В.А., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

seva.kazatsev@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Психологическая разумность представляет собой сложное и многогранное явление, охватывающее такие важные аспекты личности, как осознанность, интерес к собственным эмоциональным переживаниям и развитая способность к рефлексии. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что влияние психологической разумности на другие личностные характеристики и психологические конструкции остается малоизученным. В частности, существует заметный дефицит научных работ, посвященных изучению связи между психологической разумностью и другими психологическими феноменами, в том числе проблемным использованием интернета, а также уровень выраженности данного качества у активных пользователей интернет-пространства. Помимо этого, сам термин «психологическая разумность» трактуется различными авторами по-разному, что требует его дальнейшего уточнения. С учетом того, что пользователи интернета составляют значительную часть современного общества, а количество исследований, посвященных данной теме, постоянно растет, изучение этой категории остается важной и актуальной задачей.

Понятие психологическая разумность зародилось из мыслей Фрейда о пригодности пациентов к психотерапии. Затем Аппельбаум дал определение конструкту «психологическая разумность» и ввел его в психологическую науку первоначально как конституциональную характеристику личности (Appelbaum, 1973). Развиваясь в дальнейшем Холлом (Hall, 1992) и другими исследователями далее, психологическая разумность станет восприниматься скорее как динамическая характеристика, то есть способная изменяться со временем. Также будет отмечена важность проблемы «неточности» в определении психологической разумности. В дальнейшем направление исследований будет определено сравнением конструкта с другими и его

уточнение через нахождение различных связей, в том числе с алекситимией, когнитивным стилем, с возрастом личности.

Проблемное использование интернета понимается как психологическое явление, характеризующееся чрезмерным и неконтролируемым использованием интернет-среды, что приводит к игнорированию обязанностей, снижению социальной активности и ухудшению общего качества жизни (Герасимова, Холмогорова, 2018). Данное состояние сопровождается такими признаками, как навязчивое стремление находиться в интернете, потеря контроля над временем, проведенным в сети, отказ от других видов деятельности в пользу онлайн-активности, а также продолжение использования интернета, несмотря на негативные последствия для физического и психологического здоровья. Причины проблемного использования интернета могут быть разнообразными и включать социальные, психологические и биологические факторы. Среди них выделяются поиск социальной поддержки, стремление к уходу от реальности, низкая саморегуляция, особенности работы мозга, а также влияние внешней среды. Существует несколько теоретических моделей, объясняющих механизмы проблемного использования интернета. К ним относятся модель усиления (подкрепление положительными эмоциями от онлайн-активности), модель саморегуляции (неспособность контролировать свое поведение в интернете), модель потери контроля (развитие зависимости от интернет-активности) и модель социального влияния (влияние окружения и цифровой среды на формирование привычки к чрезмерному использованию интернета).

Психологические особенности пользователей Интернета развиваются под воздействием мотивов в рамках удовлетворения определенных потребностей. Так, можно выделить потребность в общении и социальной поддержке, желание скрыться от реальности и уйти в виртуальный мир, желание получить новые знания и навыки, потребность в ощущении контроля и самоутверждения. Среди негативных сторон можно выделить: изоляцию от реальной жизни и межличностных отношений, отставание в учебе и замедление когнитивного развития у детей и подростков, физические проблемы, финансовые проблемы, негативное влияние на поведение. Выделение общих характеристик людей с проблемным использованием интернета

затруднено главным образом широтой выборки и, как следствие, их разнообразием. И все же, согласно некоторым исследованиям, можно выделить некоторые психологические особенности: высокий уровень удовлетворения потребностей в общении, склонность к зависимостям, стремление сбежать от реальности.

Исследование связи между психологической разумностью и проблемным использованием интернета может базироваться на двух разных подходах. Первый предполагает изолированное изучение данных характеристик без учета внешних влияний. Второй, напротив, акцентируется на выявлении факторов, способных оказывать воздействие на степень выраженности изучаемых явлений. В данной работе используется комбинация обоих подходов, что позволяет получить более целостное представление о рассматриваемой проблеме.

Основу практической части исследования составят научные концепции и методологические подходы, раскрывающие природу психологической разумности и феномена зависимого поведения в интернет-среде. Кроме того, в работе будет приведен детальный анализ современных исследований, посвященных взаимодействию этих конструкций и их влиянию на личность.

Литература

1. Герасимова А.А., Холмогорова А.Б. Общая шкала проблемного использования интернета: апробация и валидизация в российской выборке третьей версии опросника // Консультативная психология и психотерапия. М., 2018. С. 56–79.
2. Appelbaum S.A. Psychological-mindedness: Word, concept and essence. International Journal of Psycho-Analysis. 1973.
3. Hall J.A. Psychological-mindedness: A conceptual model. American Journal of Psychotherapy. 1992.

Мотивация учителей в современной школе

Карасева Е.С., Киящук Т.В.
ФГАУ ВО ГУП, Москва, Россия
katy2.92@mail.ru, tkiya@mail.ru

На современном этапе развития общества формируется и новая модель школы. Вооруженные с раннего детства «продуктами» научно-технического прогресса – телефонами, планшетами, компьютерами – поколения «зумеров» и «альфа» могут обучаться дистанционно или извлекать новую информацию через социальные сети и различные сайты, но такие знания и умения не могут сформировать полноценную и социально адаптированную личность. Тем не менее, профессия учителя является и будет оставаться очень важной, так как с помощью педагогов подрастающее поколение не только обучается, приобретает к новым знаниям, получает навыки, но и воспитывается, что в настоящее время выходит на первый план в национальной доктрине образования в Российской Федерации.

К сожалению, в последние годы многие учителя уходят из школы в другие организации, становятся репетиторами. На наш взгляд, важно выяснить обстоятельства, почему это происходит, какие причины являются мотиваторами и демотиваторами. По статистике сайта «Важные истории», в 2023 году из российских школ уволилось 193 000 учителей. Это максимум за последние семь лет (Бонч-Осмоловская, 2024).

Мотивация – это система внутренних факторов, вызывающих и направляющих ориентированное на достижение цели поведение человека. Есть несколько видов мотивации, но в данной статье мы рассмотрим положительную и отрицательную (Стрельцова, 2004, с.119-120). Первая является важнейшим фактором успешности любой профессиональной деятельности (Игнатьев, Потоцкая, 2014, с. 220), в отличие от второй, которая в редких случаях приводит к отличным результатам.

Нами был проведен социальный опрос среди учителей Московской области, чтобы выяснить, какие причины влияют на выбор педагогов продолжать им работать в школе или уйти в другую сферу деятельности.

Первый блок вопросов помог выяснить, какие классы обучают опрошенные учителя и сколько они успели проработать. Из них 29,03% являются учителями начальных классов, 22,58% – средних классов, 9,68% – старших классов и 38,71% – средних и старших классов. Стаж работы варьируется от полугода до 40 лет.

На вопрос о причинах, мотивирующих учителей в работе в школе, больше всего набрал ответ «благоприятные отношения с учениками» (19,81%), второе место – «интерес учеников к предмету или предметам» (17,92%), третье место – «успехи учеников» (16,98%). Получили отклик такие пункты, как: «благодарность родителей» (11,32%), «дружный учительский коллектив» (9,43%), «удобный график работы» (7,55%), «заработная плата» (4,72%), «подъем по карьерной лестнице» (2,83%), «получение премии» (2,83%), «возможность повышения квалификации» (1,89%) и другие причины, которые, к сожалению, не уточнялись (1,89%).

Четвертый вопрос касался того, что демотивирует учителей работать в школе. Для большинства это – «огромный объем работы с документацией» (16,67%), следующий демотиватор – «низкие зарплаты» (15,69%), а также «низкие премии и их отсутствие» (15,69%) и «частые переработки» (12,75%). Уменьшают желание к работе такие ситуации, как: «незаинтересованность учениками предметами» (11,72%), «сложная коммуникация с родителями» (8,82%), «администрация школы не прислушивается к просьбам и рекомендациям учителей» (6,86%), «неудовлетворительные взаимоотношения с коллегами» (4,9%), «сложные взаимоотношения с учениками» (3,92%) и «неудобный график работы» (2,94%).

Мнение учителей насчет упрощения работы с помощью технологий разделились. Позиции педагогов разные. Одни считают, что применение новых технологий позволяет распределить нагрузку для решения приоритетных учебных задач. Другие респонденты выделили как плюсы, так и минусы: с одной стороны, легче подготовить наглядный и раздаточный материал, проще найти необходимую информацию, как преподавателям, так и ученикам. При этом учащиеся часто отвлекаются от урока, излишне концентрируются на технических средствах, игнорируя другие источники информации, например, учебник.

В следующем открытом вопросе педагогов попросили охарактеризовать современное поколение школьников. Один из

учителей ответил так: «Все дети абсолютно разные; единственное, что прослеживаю общее, – проблемы с концентрацией внимания, усидчивостью, но, думаю, и они были всегда, только в чуть меньшем количестве». Также есть мнение, что сложных ребят становится больше, так как современные школьники зачастую не знают слов «нет», «нельзя», «надо», не умеют слушать и слышать взрослого.

По поводу отношений педагогов с современными родителями один из респондентов отозвался так: «Очень сложный вопрос. Родители в любом случае любят своих детей. Но в связи с нестабильной экономической ситуацией приходится работать в нескольких местах, что отнимает время на общение с ребенком».

На вопрос о том, что нужно изменить в современной образовательной системе, чтобы учителя были больше побуждены продолжать работать в школе, многие ответили, что стоит повысить заработные платы, социальный статус в обществе и обеспечить правовую защиту педагогу, уменьшить объем документации, не перекладывать ответственность родителей и других организаций на учителей.

На вопрос о желании педагогов сменить профессию 19,35% ответили положительно, 48,39% – отрицательно и те, что затрудняются ответить, – 29,03%.

Таким образом, в результате исследования выделены проблемы: низкая заработная плата, сложности взаимоотношений между учителями, учениками и их родителями, постоянный рост количества обязанностей, правовая незащищенность. Считаем, что есть необходимость принятия новых решений на высоком уровне, так как только государство может предоставить благоприятные условия для работы учителя в школе. Необходимо изменение социального статуса педагога, так как успешное будущее подрастающего поколения, а впоследствии и страны, – в руках педагогов и наставников.

Литература

1. Бонч-Осмоловская Е. В 2023 году из российских школ уволились 193 тысячи учителей. Это максимум за 7 лет. URL: <https://storage.googleapis.com/istories/news/2024/02/12/v-2023-godu-iz-rossiiskikh-shkol-uvolilis-193-tisyachi-uchitelei-eto-maksimum-za-7-let/index.html>

2. *Игнатьев В.М., Потоцкая Е.А.* Мотивация: виды, функции и факторы // Экономика и социум. 2014 г. №4 (13).
3. *Стрельцова О.Ю.* Положительная мотивация как фактор успешности профессиональной деятельности // Омский научный вестник. 2004 г. №4 (29).

Миграционные намерения студенческой молодежи молдаван в транзитивном обществе

Кауненко И.И.

*Независимый Международный Университет Молдовы (ULIM),
Кишинёв, Республика Молдова
irina.caunenco@gmail.com*

Хорозова Л.Ф.

*Комратский государственный университет,
Комрат, Республика Молдова
larisahorozova@yandex.ru*

Психологическими факторами эмиграционных намерений молодежи являются: *новые открывающиеся возможности* (положительное отношение к эмиграции, неудовлетворенность условиями жизни, слабая привязанность к стране); *социальная поддержка* (наличие семейной поддержки и международных контактов); *индивидуальные ресурсы* (карьерные устремления, высокая мотивация достижений, открытость новому опыту, доверие к культурным различиям, самооффективность, владение иностранными языками) (Муращенко, 2021, с. 34).

Исследование миграционных намерений молодежи дает возможность лучше понять феномен возвратной миграции, которая пока немногочисленная. Знания и навыки, приобретенные молодыми мигрантами за рубежом, а также накопленный ими социальный и финансовый капитал, представляют собой потенциальный ресурс для социально-экономического развития страны.

В исследование межкультурных отношений молодежи (этническая идентичность, культурная дистанция, межкультурный интерес и др.) мы включили и изучение миграционных намерений.

Выборка составила 80 респондентов. Возрастной состав – 19-25 лет. Социальный статус: студенты университетов гг. Кишинёв, Бельц; период исследования – 2021, 2025 гг. Этническая группа – молдаване.

Методика исследования. Для исследования миграционных установок нами была применена анкета Л.Б. Шнейдер «ОВР: отъезд как возможность и реальность» (Шнейдер, 2018, с. 101–112).

Результаты эмпирического исследования.

1. Среди молодежи молдаван «Могу уехать и хочу» – 32,5% (2021); 17,5% (2025). Наряду с экономическими трудностями («Маленькая зарплата»), есть и другие причины – больше возможностей («Другая страна даст мне больше возможностей»), более благополучное будущее («Хочу лучшего будущего»), большая вариативность («Хочу разнообразия»), стремление к благополучию – «Хочу лучшей жизни».

Можно видеть, что произошло снижение респондентов-молдаван, стремящихся уехать из страны.

2. «Могу, но не хочу уехать» – 50% (2021), 65 % (2025). Наряду с доминированием родственных связей («Здесь семья», «Хочу развиваться здесь, рядом с семьей»), молодые люди видят и здесь потенциал для развития и лучшей жизни («Хочу построить свое будущее здесь», «В Молдове тоже есть возможности», «Хочу включиться в развитие. У Молдовы есть большой потенциал». А кто-то уже имеет небольшой опыт работы за рубежом, и при сравнении выбирает свое будущее дома («У меня была попытка, но не принесла мне большого счастья. Я буду здесь, рядом с семьей и друзьями»). Так как у многих наших респондентов есть опыт пребывания в других странах (туристический, гостевой – у родственников, длительно включенных в трудовую миграцию), представляется, что этот фактор будет оказывать влияние на осознанность миграционных намерений молодежи.

3. «Не могу, но хочу уехать» – 12,5% (2021), 10% (2025). Как можно видеть, это группа остается малочисленной. В основе миграционного намерения – экономические трудности и стремление к достойному уровню жизни («Чтобы поправить свое материальное положение и достойно жить»).

4. «Не могу и не хочу уезжать» – 5% (2021), 7,5% (2025). Базовым мотивом оставаться в стране является «семья и друзья» («Семья и друзья – мои мотивы оставаться в Молдове»).

Если проанализировать страны, в которых чаще бывали наши респонденты обеих выборок, то это – Румыния, Украина, Италия, Болгария.

Выводы: Сравнительный анализ двух выборок молодежи молдаван выявил увеличение доли респондентов, ориентированных на самореализацию в стране. Предполагается, что снижение миграционных намерений может приобрести устойчивый характер при наличии эффективной социально-экономической политики, направленной на поддержку и интеграцию молодежи в рынок труда страны. Мы предполагаем, что решение «уехать» или «остаться» формируется у молодежи именно в процессе учебы и *этот период является наиболее сензитивным*, учитывая их богатый межкультурный опыт (посещение родственников за рубежом, включенных в трудовую миграцию; туристический опыт).

Литература

1. *Муращенкова Н.В.* Психологические факторы эмиграционных намерений молодежи: обзор зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика, 2021. 18(1), 25–41. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-1683-2021-18-1-25-41>
2. *Шнейдер Л.Б.* Аттитюды патриотизма в оценке желаний отъезда из своей страны: кросс-культурное исследование // Актуальные проблемы психологического знания. 2018. 3 (48). С.101-112.

Предикторы успешного старения

Качевская Е.Н., Майсак Н.В.

*ФГБОУ ВО АГУ им. В.Н. Татищева, Астрахань, Россия
Elena21kachevskaya@mail.ru, n-maisak@mail.ru*

В настоящее время, ввиду увеличения средней продолжительности жизни, пересматривается и точка зрения на процесс старения. В гериатрии появились такие понятия, как «обычное» и «успешное»

старение, «идеальное» и «неблагоприятное» старение (Ильницкий, 2019).

При «обычном» старении с течением времени снижаются все важные функции в сопровождении различных сопутствующих заболеваний, потери цели и смысла жизни. В случае «успешного» старения на все функциональные снижения проявляется положительная установка на адаптацию в среде проживания.

Противоположно «идеальному» старению, где до позднего возраста сохранены все физические, психические и эмоциональные способности человека, выступает «неблагоприятное» старение, главным проявлением которого является синдром старческой астении, представляющий клиническое проявление разных, ассоциированных с возрастом заболеваний (Ильницкий, 2019).

По мнению А.Н. Ильницкого основой для успешного старения является высокая индивидуальная и возрастная жизнеспособность.

Индивидуальная жизнеспособность – это физические и психические качества человека, которые помогают преодолевать жизненные трудности, проявлять когнитивные способности, лучшие личностные качества, физическое продуктивное состояние, оказывать и принимать поддержку общества. Возрастную жизнеспособность можно расценивать как умение поддержания физического и психического здоровья под действием неблагоприятных внешних и внутренних факторов (Ильницкий, 2019).

О.Ю. Стрижиккая в качестве потенциального механизма позитивного развития в процессе старения рассматривает геротрансцендентность, включающую в себя витаукт, мудрость, селективную оптимизацию с компенсацией, социэмоциональную селективность и др. Геротрансцендентность не является прямой функцией возраста, но условиями ее возникновения являются характеристики, формируемые на более ранних этапах онтогенеза: самопринятие, позитивная оценка прошлого, вера в потенциал человека и стремление к познанию. Чем выше показатели геротрансцендентности, тем психологически человек более благополучен. Сохраняется интерес к жизни, стремление встречаться и общаться не только с друзьями, но также заводить новые знакомства. Наблюдается активная направленность включение в жизнедеятельность общества (Стрижиккая, 2018).

Выявлено три компонента геротрансцендентности, взаимосвязанных между собой: измерения генерализованного мировосприятия – связь с другим поколением, формирование будущего, принятие жизни и смерти как само собой разумеющееся, также личностного – принятие самого себя физически и психологически и социального – принятие других, понимание своих потребностей и рефлексия эмоций в процессе взаимодействия в обществе (Стрижицкая, 2018).

А.И. Мелехин рассмотрел ментальные ресурсы когнитивно-эмоциональной и временной компетентности как индивидуально-психологические характеристики в процессе благополучного старения: умение понимать не только свои психические состояния, но и других людей в изменяющихся социальных условиях жизнедеятельности, а также умение управлять своим временем, реагировать на временные интервалы в среде проживания, правильно использовать и планировать время. При дисфункции этих ресурсов занижается оценка собственного старения, что приводит к пассивным избегающим формам копинг-поведения, сказываясь на физическом, психическом и социальном уровнях качества жизни. Автор рекомендует внести в программу комплексной гериатрической оценки состояния здоровья оценку субъективного возраста, временную и когнитивно-эмоциональную компетентность, что даст возможность различить развитие синдрома старческой астении и истощение ментальных ресурсов (Мелехин, 2019).

Л.В. Бабакова, исследовав удовлетворенность жизнью в связи со стратегиями совладания в период старения, выявила, что эмоционально-ориентированная стратегия снижает удовлетворенностью жизнью, в то время как проблемно-ориентированный копинг способен ее повышать. Лица старшего поколения способны использовать стратегии совладания в зависимости от решения конкретной проблемы в жизнедеятельности. Так, например, они при неприятностях с финансами или со здоровьем применяют эмоционально-фокусированные стратегии, а когда сталкиваются с неблагоприятным воздействием среды, используют проблемно-ориентированные стратегии (Бабакова, 2017).

Ю.Б. Дубовик считает, что такой внешний фактор, как профессиональная занятость, играет важную роль в психологическом

благополучии людей пожилого возраста, способствует и повышению уровня адаптации к социуму и снижению депрессии. К внутренним факторам с высокими показателями динамичности автор относит личностные качества – эмоциональный интеллект, мотивацию, самоконтроль, выносливость и активность и др. Также ею выявлено, что при переходе от пожилого к старческому возрасту повышается значимость свойств темперамента (Дубовик, 2012).

В России, как и во многих странах, создаются стратегии и проводятся различные программы, направленные на улучшение качества жизни лиц старшего возраста. Так, например, в работе Т.Н. Березиной представлена программа «Активное долголетие», проводимая во многих регионах нашего государства (Березина, 2023). В.А. Наумова считает, что повышению качества жизни будет способствовать включение пожилых людей в различные виды творческой деятельности, учитывающей их жизненный опыт, возраст, способность к саморегуляции поведения и психических процессов. При этом смещается акцент с внешней повседневной деятельности на осознание и принятие ценности собственной жизни, разрешается внутренний конфликт между стереотипным (негативным) восприятием старости и «я могу, я хочу» (Наумова, 2013).

Подводя итог, следует отметить, что проблема замедления старения является достаточно актуальной и требует комплексного подхода для своего решения.

Литература

1. Бабакова Л.В. Повседневные неприятности и удовлетворенность жизнью в связи со стратегиями совладания в период старения (на примере Болгарии): Автореф. дис.... канд. психол. н. СПб., 2017.
2. Березина Т.Н. Социально-психологические программы: «Активное долголетие» и «Антистарение XXI» – оценка эффективности по показателям биопсихологического возраста // Социальная психология и общество. 2023. Том 14. № 2.
3. Дубовик Ю.Б. Психологическое благополучие в пожилом и старческом возрасте: Автореф. дис.... канд. психол. н. М., 2012.

4. *Ильницкий А.Н.* Возрастная жизнеспособность в геронтологии и гериатрии (обзор) / А.Н. Ильницкий, К.И. Прощаев, [и др.] // Научные результаты биомедицинских исследований. 2019. Т.5, №4.
5. *Мелехин А.И.* Ментальные ресурсы в пожилом и старческом возрасте: дис. ... канд. психол. н. М., 2019.
6. *Наумова В.А.* Оптимизация личностных ресурсов на этапе поздней зрелости: Автореф. дис.... канд. психол. н. М., 2013.
7. *Стрижицкая О.Ю.* Психология позитивного старения: условия, факторы и социальные эффекты геротрансцендентности: Автореф. дис.... докт. психол. н. СПб., 2018.

Конформизм и автономия как факторы, опосредствующие выбор стиля принятия решений современной молодежью

Кобер М.А., Филенко И.А.

НИ ТГУ, Томск, Россия

mariakv14567@gmail.com, filen5725@mail.ru

Принятие решений человеком в жизненных ситуациях в наши дни усложняется в силу растущего фактора неопределенности, а также влияний на психику и поведение наших современников образов цифрового мира, умножающих и изменяющих объекты окружающей реальности. Связность взаимодействий в социальных системах возрастает, приводя к согласованным эффектам поведения людей в больших и малых группах. В результате может наблюдаться рост конформизма и снижение личной автономности, что будет сказываться на эффективности решений, принимаемых современным человеком, и делать его более уязвимым для манипуляций в социальных сетях (Botes, 2023). Ранее были обнаружены взаимосвязи стилей принятия решений и конформизма у педагогов (возраст от 30–50 лет) в Дели (Индия) (Sethi, Mahapatra, 2024). Актуальность рассматриваемой проблемы в контекстах социализации молодежи определила цель настоящего исследования – изучение связей стилей принятия решений

с характеристиками конформизма и автономности у представителей студенчества.

В исследовании применялись методики: шкала «Автономия» опросника «Удовлетворение базовых психологических потребностей» (Gagné, 2003, адаптация И.Ю. Суворовой, А.А. Бабий, Н.В. Корзун, 2023); шкала «Конформности» (Mehbrain, 1995); опросник «Общие стили принятия решений» (GDMS, Scott, Bruce, 1995, адаптация Т.В. Корниловой) (Корнилова, 2024); четыре шкалы (Самостоятельность поступков; Самостоятельность мысли; Конформизм – Правила; Конформизм – Межличностный) опросника ценностей Ш. Шварца (PVQ-R) (Шварц, Бутенко, Седова, Липатова, 2012); «Шкала удовлетворенности жизнью» (Diener et al., 1985, адаптация Е.Н. Осина, Д.А. Леонтьева, 2020); шкала Уверенность в принимаемых решениях опросника «Оценка процесса принятия решений» (Филенко, 2025). В исследовании, проводившемся в январе – марте 2025 г., приняли участие 65 студентов вузов г. Томска и г. Новосибирска (18,5% юношей), возраст от 18 до 28 лет ($21,1 \pm 2,4$ года). Статистический анализ выполнялся в программе JASP 0.16.4.

В качестве зависимых переменных регрессионного анализа использовались стили принятия решений, а в качестве независимых – показатели других методик. Для регрессионных моделей определялись: коэффициенты детерминации R^2 , значения F критерия Фишера, p -уровни значимости для моделей в целом; стандартизованные коэффициенты регрессии для предикторов, входящих в уравнение (β) и уровни значимости предикторов (p). Также оценивались критерии, показавшие правомерность использования полученных моделей: коллинеарность переменных (показатель VIF); нормальность распределения остатков регрессии (критерий Шапиро-Уилкса); отсутствие автокорреляции остатков (тест Дурбин-Ватсона).

В модели для показателя «Рациональный стиль принятия решений» (коэффициент детерминации модели, $R^2 = 0,153$; $F = 3,66$; $p = 0,017$), в качестве независимых были выделены три предиктора: «Уверенность» ($\beta = -0,316$; $p = 0,016$); «Конформность» ($\beta = -0,263$; $p = 0,055$); ценность «Конформизм – Межличностный» ($\beta = 0,278$; $p = 0,03$). То есть, «Рациональный стиль» выбирают те, кто не уверен в высокой точности принимаемого решения, также те, кто тактичен по отношению к другим людям, не проявляет назойливости к ним, не стремится их огорчать, а

также люди, не поддающиеся влияниям других и не ориентированные на советы окружающих. В итоговой модели для показателя «Интуитивный стиль принятия решений» был выделен один предиктор: «Удовлетворенность жизнью» ($R^2 = 0,317$; $F = 8,38$; $p = 0,005$; $\beta = 0,343$). То есть, чем выше удовлетворенность жизнью, тем предпочтительнее использование человеком интуитивного стиля принятия решений. Для показателя «Зависимый стиль принятия решений» ($R^2 = 0,386$; $F = 19,5$; $p < 0,001$), в качестве предикторов выделены две переменные: «Конформность» ($\beta = 0,570$; $p < 0,001$) и ценность «Конформизм – Правила» ($\beta = 0,211$; $p = 0,038$). То есть, более высокие уровни групповой конформности и приверженность ценности «Конформизм – Правила» способствуют повышению использования человеком «Зависимого стиля принятия решений». Для показателя «Избегающий стиль принятия решений» ($R^2 = 0,478$; $F = 18,6$; $p < 0,001$) в качестве независимых были выделены три предиктора: «Уверенность» ($\beta = -0,509$; $p < 0,001$); ценность «Конформизм – Межличностный» ($\beta = 0,209$; $p = 0,037$); «Конформность» ($\beta = 0,210$; $p = 0,051$). То есть, более высокие уровни групповой конформности и приверженность ценности «Конформизм – Межличностный», а также пониженные уровни «Уверенности в точности принимаемых решений» способствуют повышению использования человеком «Зависимого стиля принятия решений». Для показателя «Спонтанный стиль принятия решений» не выявлены достоверные регрессионные модели, связанные с переменными настоящего исследования. Показатели «Автономия», «Самостоятельности мыслей», «Самостоятельность поступков» не вошли в рассматриваемые модели.

Полученные результаты частично согласуются с эффектами, обнаруженными в работе (Sethi, Mahapatra, 2024): положительные связи «Конформности» с «Избегающим» и «Зависимым» стилями; негативные связи «Конформности» с «Рациональным стилем»; отсутствие значимых связей «Конформности» с «Интуитивным стилем». Дальнейшие исследования в представленном направлении предполагают выявление целевых групп с эффективными и неэффективными стилями принятия решений и разработку программ психологической поддержки молодежи, направленных на развитие ресурсов противодействия манипулятивным влияниям в цифровых средах.

Литература

1. *Корнилова Т.В.* Общие стили принятия решений: апробация русскоязычной модификации опросника GDMS // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2024. Т. 47, № 3. С. 123–149.
2. *Botes M.* Autonomy and the social dilemma of online manipulative behavior // AI and Ethics. 2023. №3. P. 315–323.
3. *Sethi T., Mahapatra M.* Spirituality, Social Conformity and Decision Making among Educators // International Journal of Indian Psychology. 2024. №12(2). P. 1454-1465.

Взаимосвязь ролевых ожиданий и ценностей современных девушек – жительниц разных регионов РФ

Козлова А.Э., Шорохова В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
anna.k_a@mail.ru, shorohovava@mgppu.ru*

Современное общество отличается расширением социальных ролей мужчины и женщины, а также существенной трансформацией супружеских отношений и переходом института семьи от «классического» типа семейных отношений к «современному», формирование которого происходит на наших глазах. Каждый член семьи выбирает для себя вариант ролевого поведения, что существенно влияет на семейную структуру и тип отношений в браке (Карabanова, 2011).

Одним из ключевых факторов формирования супружеских отношениях являются ценности партнеров. Однако под влиянием социальных, экономических и культурных факторов в условиях современного города ценностные ориентации в браке у людей претерпевают существенные изменения. Ранние исследования показали, что жизнь в мегаполисе смещает важность ценности брака на последующее место после самореализации, что может найти отражение

во взаимосвязи ролевых ожиданий с ценностями людей, пока не состоящих в браке (Андреева, 2004).

Наше исследование посвящено изучению ценностей современных девушек в сочетании с их ролевыми ожиданиями. Нашими респондентами были 100 незамужних девушек (50 из Москвы и 50 из города Тамбов). У всех принявших участие нет детей, родным языком являлся русский, и в качестве своего вероисповедания они указывали христианство.

В ходе исследования было выявлено, что город проживания является значимым предиктором ролевых ожиданий в хозяйственно бытовой сфере ($\beta = 0,93$), родительско-воспитательной ($\beta = 0,67$) и в личностной идентификации ($\beta = 0,77$). Таким образом, эмпирические данные демонстрируют, что проживание в определенном городе действительно опосредует некоторые сферы ролевых ожиданий у человека.

В анализе выявилось, что жительницы города Тамбова демонстрирует более высокие ожидания относительно участия партнера в ведении домашнего хозяйства. Более того, они в большей степени ожидают участия партнера в воспитании детей, чем москвички. Данный результат отражает более традиционные взгляды на распределение ролей в семье в региональном городе, в отличие от мегаполиса.

Полученные данные также показали, что для зависимой переменной «Внешняя привлекательность (ожидания)» значимыми предикторами являются «Безопасность — общественная» со статистически значимой прямой связью ($\beta = 0,59$) и «Универсализм — Толерантность»: эта ценность демонстрирует статистически значимую обратную связь ($\beta = -0,39$).

Чем выше у женщины ценность общественной безопасности и стабильности, тем большее значение она придает внешней привлекательности партнера. Чем больше женщина ценит универсализм и толерантность по отношению к другим людям, тем меньшее значение она придает внешней привлекательности партнера.

Результаты регрессионного анализа выявили взаимосвязи ценностей «Власть — Доминирование» ($\beta = 0,65$) и «Универсализм — забота о природе» ($\beta = -0,48$) с ожиданиями женщин в интимной сфере. Чем больше женщина ценит власть, контроль и влияние на

окружающих, тем большее значение она придает интимно-сексуальной сфере в отношениях с партнером, что может быть связано с тем, что для таких женщин интимная жизнь является способом проявления власти и контроля, а также получения удовольствия от доминирования над партнером. Одновременно с этим, если для женщины на первом месте оказываются духовные ценности, забота о других людях и окружающей среде, интимная жизнь не является для нее приоритетной.

Таким образом, полученные результаты регрессионного анализа подтверждают выдвинутую гипотезу о существовании взаимосвязи ролевых ожиданий и ценностей у современных девушек.

В заключение необходимо констатировать, что наличие определенного набора ценностей и ролевых ожиданий регламентируют большую часть поведенческих реакций человека (Трапезникова, 1990). Результаты данного исследования могут быть полезны для семейных психологов, которые в последнее время все чаще сталкиваются с проблемами во взаимопонимании у семейных пар.

Литература

1. Андреева Т.В. Семейная психология, 2004.
2. Карабанова О.А. Психология семейных отношений, 2011.
3. Трапезникова Т.М. Определение согласованности семейных ценностей и ролевых установок в супружеской паре // Практикум по экспериментальной и прикладной психологии. Л.: ЛГУ, 1990.

Метакогнитивная активность и инновационный потенциал студентов

Колокольников В.Н., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
KolokolnikovVadim@gmail.com

Инновации как объект исследуются различными областями науки, и несмотря на большой интерес исследователей к инновационным процессам, пока нет единого мнения о том, что можно понимать под инновационным потенциалом. Нет устоявшихся взглядов на

закономерности формирования и функционирования творческой деятельности, кроме того, требуется систематизация и обобщение многочисленных противоречащих фактов в области творчества. Инновационная деятельность может быть рассмотрена как творческая, поэтому оправдано ее рассмотрение с точки зрения метакогнитивного подхода (Знаков, 2012).

Для того чтобы определить содержание понятия «инновационный потенциал» и выяснить его отношение к метакогнитивной активности, следует установить его взаимосвязь с рядом других понятий. Под креативностью понимают установку на творчество, а также присущую каждому человеку предпосылку творческой деятельности (Набойченко, Федоркова, 2014). Творческое начало также свойственно каждому человеку, под творчеством понимают минимально алгоритмизированный процесс, проводящий к качественно иному результату или продуктам, не существовавшим прежде, которые можно назвать новшествами. В основе творчества лежат поисковая и познавательная потребности (Савенков, 2009). Оно как деятельность характеризуется расхождением цели и результата. Нетворческий продукт целесообразен деятельности, его порождающей.

Инновации есть изменения через развитие, приносящее в систему прогрессивное обновление (Шишкина, 2023). Они также, как и творчество, характеризуют как процесс их возникновения, так и результаты этого процесса. По процессуальным характеристикам и по результатам инновационная активность близка творчеству. Существенное различие заключается в их целях. Для творческой деятельности новшество является побочным продуктом, для инновационной – основным.

Значительным образом творчество характеризуется через мышление. Мышление есть результат потребности в новой информации, необходимой для выполнения деятельности (Матюшкин, 2003). Творческое мышление представляет собой выход за пределы существующей задачи, поэтому для понимания этого психологического явления важны такие понятия, как проблемная ситуация и надситуативность. Проблемная ситуация возникает в результате осознания, что существующих средств в данных условиях недостаточно для решения проблемы. Надситуативность подразумевает поведение субъекта деятельности в ситуации решения

проблемы, когда его возрастающие потенциальные возможности превосходят существующие требования ситуации. Поэтому в ходе творческого решения проблемной ситуации субъект выходит за рамки ситуации, «становится над ней» (Знаков, 2012). Порождение идей связано с конкуренцией в мышлении творческого и критического начал. Преобладание творческой составляющей приводит к невозможности оценить недостатки результатов творчества, доминирование критического мышления делает невозможным творчество.

Метапознание есть психическая деятельность, направленная на изучение, управление и контроль собственных познавательных процессов. Когнитивный стиль – это индивидуально неповторимый способ переработки информации, позволяющий человеку регулировать свое поведение. Сформированный когнитивный стиль может быть рассмотрен в качестве метакогнитивной способности. Метакогнитивная активность, креативность, творчество, направленное на саморазвитие, позволяют перейти в ходе решения проблемных ситуаций от ситуативного к надситуативному мышлению (Холодная, 2002).

Ситуации, требующие появления или внедрения инноваций, можно рассматривать в качестве проблемных, где неизвестным выступает либо сам процесс, либо его результат (Матюшкин, 2003). Решение для подобных ситуаций позволяет найти творчество. Оно, в свою очередь, есть деятельность, позволяющая решать проблемные ситуации, результатами которой являются новшества. Именно в них видится сходство творческой и инновационной деятельности. Поэтому можно утверждать, что инновации есть решение проблемных ситуаций, когда требуется творческий подход. Инновационный потенциал – личностный ресурс, отражающий способность к созданию и реализации инноваций вне зависимости от требований ситуации, культуры и общества (Шишкина, 2023).

Таким образом, между метакогнитивной активностью, выполняющей регуляторную функцию познавательных процессов и являющейся одним из необходимых условий для перехода к надситуативному уровню мышления, и инновационным потенциалом должно наблюдаться прямое отношение, опосредованное творческой деятельностью. Данное утверждение планируется изучить в ходе

проведения эмпирического исследования, респондентами в рамках которого будет выступать современная молодежь.

Литература

1. *Знаков В.В.* Творческая деятельность профессионала в контексте когнитивного и метакогнитивного подходов. Ярославль, 2012.
2. *Матюшкин А.М.* Мышление, обучение, творчество. М.; Воронеж, 2003.
3. *Набойченко Е.С., Федоркова К.В.* Ретроспективный анализ изучения психологической природы креативности // Педагогическое образование в России, 2014. № 7.
4. *Савенков А.И.* Психология творчества // Вестник МГПУ. Серия: Педагогика и психология, 2009. № 2.
5. *Холодная М.А.* Когнитивные стили: О природе индивидуального ума. М., 2002.
6. *Шишкина А.О.* Психосемантическая репрезентация инновационной личности: дис. ... канд. психол. н. Иркутск, 2023.

Особенности социально-психологической адаптации к школе у младших школьников с разным уровнем самооценки

Колтакова А.О., Доронина Н.Н.

*ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный
исследовательский университет», Белгород, Россия
akoltakova851@gmail.com, doronina@bsu.edu.ru*

Начальный этап обучения ребенка в школе является одним из наиболее сложных периодов жизни в физиологическом, социальном и психологическом аспектах. Психолого-педагогические исследования на тему адаптации детей к школе проводились такими авторами как А.М. Алексеева, С.А. Беличева, Л.И. Божович, М.Н. Ильина, И.А. Коробейников, Г.Ф. Кумарина, О.Ю. Щелкова и другими.

Исследователи подчеркивают важность двух составляющих школьной адаптации младшего школьника – физиологической и социально-психологической (Эхаева, Тухиева, 2021). Также школьную адаптацию рассматривают как частное явление социально-психологической адаптации, одновременно наделяя первую ролью как причины, так и следствия последней (Лусканова, Коробейников, 1993).

Определение социально-психологической адаптации как «процесса приобретения человеком определенного социально-психологического статуса и овладения разными социально-психологическими функциями» дается А.М. Алексеевой, М.Н. Ильиной и О.Ю. Щелковой (Алексеева, 2012). Главным условием становления процесса социально-психологической адаптации они считают общественные изменения, в частности – усложнение социальной среды. Также чрезвычайно важна «внутренняя позиция школьника», которая представляет собой объединение познавательной потребности ребенка и его потребности в общении со взрослыми на новом уровне (Божович, 1968).

При поступлении в школу у ребенка происходит смена социальной ситуации развития, а именно: формируется новый тип отношений со взрослыми и сверстниками. Межличностные контакты непосредственно влияют на развитие самооценки ребенка в течение всего периода школьной адаптации. По вопросу изучения самооценки младших школьников существует множество исследований и точек зрения (Л.И. Божович, О.С. Евграфова, В.В. Кисова, А.Б. Ларина, М.И. Лисина, Р.С. Немов, Ю.Ю. Юдина и другие). В этот период самооценка характеризуется отражением оценочных суждений взрослых и недостаточной дифференциацией, что зачастую приводит к ее завышенному уровню (Лисина, 1983). У младших школьников в ходе исследований обнаруживаются все виды самооценок: заниженная, завышенная, адекватная (Волчегорская, Жукова, 2023).

С переходом от дошкольного к младшему школьному возрасту в развитии самооценки происходит качественный скачок. Уровень самооценки по-прежнему во многом определяется особенностями общения с родителями, но решающее значение для ее формирования начинает оказывать общение с учителем, его оценочная деятельность.

С целью изучения особенностей социально-психологической адаптации к школе у младших школьников с разным уровнем самооценки, мы провели исследование, в котором приняли участие 40

младших школьников в возрасте 6 – 7 лет. Использовались: методика изучения социально-психологической адаптации детей к школе (Э.М. Александровская), предназначенная для оценки успешности социально-психологической адаптации младших школьников к школьной среде, и методика изучения самооценки «Какой я?» (модификация О.С. Богдановой), которая предназначена для диагностики уровня самооценки детей.

Исследование самооценки младших школьников показало примерно равное соотношение результатов. Почти треть младших школьников (32%) обладает заниженной самооценкой. Еще треть испытуемых (33%) обладает завышенной самооценкой. Наконец, большая часть испытуемых (35%) обладает адекватной самооценкой, то есть реалистичным и сбалансированным восприятием своих возможностей, достижений и ценности как личности.

Исследование уровня социально-психологической адаптации к школе продемонстрировало, что большая часть младших школьников (68%) имеет высокий уровень социально-психологической адаптации к школе. Средние результаты (12%) говорят о неполной адаптации: ребенок не может полностью справиться с требованиями, которые предъявляются к нему в учебном и социальном контексте. Низкий уровень (20%) показателя социально-психологической адаптации к школе свидетельствует о том, что ребенок сталкивается с серьезными проблемами, которые могут негативно сказываться на его обучении и психоэмоциональном состоянии.

Математическая обработка данных с помощью критерия Краскела-Уоллиса показала, что для младших школьников с адекватным уровнем самооценки действительно характерны более высокие показатели социально-психологической адаптации к школе, чем у младших школьников с заниженным и завышенным уровнем самооценки, а именно: по шкалам: «учебная активность», «усвоение знаний», «поведение на уроке», «поведение на перемене», «взаимоотношения с одноклассниками», «отношение к учителю» и «эмоциональное благополучие» при статистической значимости $p \leq 0,01$.

Таким образом, в ходе исследования было выявлено, что существуют статистически значимые различия в показателях социально-психологической адаптации к школе у младших школьников с разным уровнем самооценки, а именно: у младших школьников с адекватной самооценкой более высокие показатели

социально-психологической адаптации к школе, чем у младших школьников с неадекватной самооценкой.

Литература

1. *Алексеева А.М.* Социально-психологическая адаптация и особенности интеллектуального развития детей с различными формами дизонтогенеза // Вестник Южно-Уральского государственного университета. 2012. № 31.
2. *Божович Л.С.* Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968.
3. *Волчегорская Е.Ю., Жукова М.В.* Работа учителя по профилактике кибербуллинга в начальной школе // Вестник Мининского университета. 2023. Т. 11. № 3(44).
4. *Лисина М.И.* Психология самопознания у дошкольника. Кишинев, 1983.
5. *Лусканова Н.Г., Коробейников И.А.* Основные проявления и факторы школьной дезадаптации // Диагностика школьной дезадаптации : научно-методическое пособие для учителей начальных классов и школьных психологов / Под. ред. С.А. Беличевой, И.А. Коробейникова, Г.Ф. Кумариной. М., 1993.
6. *Эхаева Р.М., Тухиева К.Х.* Научно-теоретические основы изучения особенностей адаптации младших школьников к учебной деятельности // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 5(90).

К вопросу о психологических особенностях подростков, увлекающихся японской анимацией

Константинова А.К., Шорохова В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anakonstantinova.01@yandex.ru, shorohovava@mgppu.ru

Аниме обладает уникальными художественными и культурными особенностями, которые взаимосвязаны с восприятием представителей другой культуры и со значимыми мотивами поведения подростков. По данным сайта World Population View, общее количество поисковых

запросов в Google на тему аниме, произведенных на территории России за 2023 год, превысило количество аналогичных запросов в Японии, хотя Япония все еще на первом месте в мире по количеству зрителей аниме (75,87% от общего числа жителей) (World Population View..., 2025). Некоторые исследователи считают, что увлечение аниме может способствовать развитию творческих способностей, улучшению навыков межкультурной коммуникации и расширению кругозора подростков, а также послужить для них способом погружения в культуру и быт Японии.

В современных фильмах и сериалах затрагиваются самые важные для молодого поколения темы. Подросткам не составляет труда примерить на себя ценности и поведение героев – так происходит культурный обмен, подростки выстраивают свою культурную идентичность (Singh, 2022). Японская анимация, в отличие от западной, никогда не была направлена сугубо на детскую аудиторию. Жанры аниме изначально ориентированы на разные возрасты, например, *сёнен* – для мальчиков 12–16 лет, а *сёдзё* – для девочек 12–16 лет. Значительная часть россиян познакомилась с культурой аниме через сериал «Сейлор Мун» в 1996 году. Он рассчитан на то, что его начнут смотреть дети в возрасте 12–13 лет как истории о приключениях друзей, и к их 17–18 годам сериал, набрав обороты сюжетной линии и сложности взаимоотношений, закончится. В России показ сериала шел практически каждый день, и в результате дети увидели «сложность отношений» раньше, чем полагалось, что вызвало негативную реакцию родителей (Шишкина и др., 2020).

После 2000-х в России аниме выходит на телевидении все чаще, в продаже появляются тематические журналы, манга печатается на русском языке, зарождается культура аниме-фестивалей. В то же время в России становится популярным *костплей* (от английских слов «costume» – костюм и «play» – играть), который представляет собой способ ассоциации себя с персонажем, с переодеванием, нанесением грима и часто с выступлением на аниме-фестивалях, вечеринках.

Среди авторов, занимавшихся изучением подросткового возраста, наиболее ярким представителем остается Л.С. Выготский, он писал о несовпадении трех точек созревания: полового, общеорганического и окончательной ступени социально-культурного формирования (Выготский, 1929). Современные ученые проявляют особый интерес к

рискам взросления – девиантному поведению, тревоге, травле, низкой самооценке и иным проблемам. А.В. Лактионова подробно описывает ресурсность подросткового возраста, важность анализа жизнеспособности и того, как ее уровень влияет на степень социализированности и профессиональное самоопределение подрастающего поколения (Лактионова, 2017). По мнению А.Е. Личко, хобби-реакция входит в «подростковый комплекс» так же, как и реакция эмансипации, объединения в группы и реакции, вызванные сексуальным влечением (Личко, 1983).

Большое количество статей о подростковом увлечении аниме посвящены его негативному влиянию на шаткую психику подростков. Некоторые авторы даже выделяют некий «синдром аниме» как психическое явление, которое наблюдается у молодых людей, увлеченных японской анимацией. Некоторые авторы отмечают, что аниме обычно увлекаются неприспособленные к жизни, пассивные люди, склонные к социофобии, таких подростков радует лишь просмотр любимых аниме, для них характерны фанатизм и зависимость. В Японии образ *отаку* ассоциируется с человеком, который фанатичен в своем увлечении аниме и мангой (Подростковый синдром аниме..., 2024). Стоит упомянуть понятие *хиккикомори* - людей несоциализированных, не выходящих на улицу, посвящающих все свободное время просмотру аниме. Следует помнить, что *отаку*, в отличие от *хиккикомори*, могут быть активными людьми, карьеристами, иметь семью и друзей (Шишкина и др., 2020). Подростки-отаку часто открыты к иной культуре, хотят познать ее или даже перенять.

В дальнейшем мы планируем изучить психологические особенности подростков, увлекающихся японской анимацией через призму их этнической идентичности и восприятия ими представителей иных культур. Результаты будущего исследования могут иметь практическую значимость для учителей, социальных педагогов и детских психологов, а также для исследований в области социологии, культурологии и психологии.

Литература

1. *Выготский Л.С.* Педология подростка. М.: издание Бюро заочного обучения при педфаке МГУ. 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://psychlib.ru/mgppu/VPp-1929/VPp-504.htm#n20>
2. *Лактионова А.И.* Жизнеспособность и социальная адаптация подростков. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. 236 с.
3. *Личко А.Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков. Л., 1983. С.16.
4. Подростковый синдром аниме: что это и как с ним справиться? [Электронный ресурс]. 2024. URL: <https://alfacasting.ru/faq/podrostkovyi-sindrom-anime-cto-eto-takoe-i-kak-s-nim-spravitsya>
5. *Шишкина Е.В., Зотова С.В., Хавронова В.Н., Зотов В.М.* Японское аниме: исследование его влияния на психологическое здоровье школьников и студентов младших курсов высших учебных заведений России // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2020. Т. 9. №1(30).
6. *Singh Dr.* (2022). A Study of Popular Culture and its Impact on Youth's Cultural Identity. The Creative Launcher. 7. 150-157. 10.53032/tcl.2022.7.6.16.
7. World Population View – Anime popularity by country [Электронный ресурс]. 2025. URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/anime-popularity-by-country>

К вопросу психотерапии в работе с агрессивными намерениями студентов юридического вуза

Корнеева Е.Н., Кулакова А.Б.

ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

СЗИ МГЮА, Вологда, Россия

e.korneeva.korneeva@yandex.ru, coolepik@yandex.ru

Агрессивность является одной из наиболее актуальных и разработанных проблем в психологии. Интерес к данной проблеме во все времена определяет рост агрессивных реакций и форм поведения в социуме. Однако тема использования средств психотерапии в работе с агрессивными мыслями и намерениями студентов юридических вузов требует в настоящее время дополнительного раскрытия.

В большинстве определений (Берковиц, 2002; Ильин, 2014; Налчаджян, 2007; Цыренов, 2015 др.) понятия «агрессия» на первый план выходит мотивационный фактор (категория намерения). Можно сказать, что намерение агрессии – это осознанное стремление завершить действие в соответствии с намеченной программой, которая направлена на достижение предполагаемого результата. Иначе говоря, чтобы действие было определено как агрессия, оно должно иметь цель причинить себе или другому лицу ущерб или оскорбление, а не просто приводить к таким последствиям из-за случайного стечения обстоятельств.

Триггером агрессивных мыслей и намерений студентов может стать слабый уровень их нервно-психической устойчивости, повышенная тревожность и неуверенность в своих силах в период адаптации к обучению в вузе, возникновение сомнений в правильности выбора профессии, осознание собственной некомпетентности, негативное социальное настроение.

Задача психотерапии – помочь прервать агрессивные мысли и намерения студента, а точнее их перестроить. Это возможно через лишение сложившихся установок и убеждений их мыслительной основы, через анализ и пересмотр тех установок и суждений, которые вызывают негативные переживания. Этот процесс требует понимания, последовательности и времени.

В 2024 году нами было начато эмпирическое исследование возможностей средств психотерапии в коррекции агрессивных мыслей и намерений студентов юридического вуза. На отборочном (диагностическом) этапе были обследованы 212 студентов 18 – 22 лет, обучающихся в Северо-Западном институте (филиале) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). Из них студентов 1 курсов, впервые поступивших в вуз, – 47 чел., студентов 2 курсов – 44 чел., студентов 3-х – 60 чел. и 4-х – 51 чел.

Выявление студентов, склонных к агрессивному поведению при социальных контактах, было начато с методики Кука-Медлея «Шкала враждебности». По результатам исследования были определены: группа студентов (28%; 60 чел.), у которой агрессивность на среднем уровне с тенденцией к высокому, и группа студентов с высоким уровнем агрессии (группа риска) – 5% (11 чел.). Далее со студентами, склонными к агрессивным проявлениям, был использован тест «Руки Э. Вагнера» («Hand-тест»). Проективная методика позволила выявить группу студентов из 7 человек с высоким уровнем агрессивности (у 5 чел. – «выше нормы», у 2 чел. – «намного выше нормы»). На основании полученных результатов была спланирована работа, целью которой стала апробация средств психотерапии в коррекции агрессивных мыслей и намерений студентов-юристов.

В спектр проблем, которые привели к возникновению агрессивных мыслей и намерений у данных студентов, попали хронический стресс (неуспеваемость, задолженность по набранным кредитам, конфликт с родителями, бессонница); внутриличностные конфликты (конфликты нереализованных желаний, основанные у студентов на противоречии между желаниями и возможностями); травматические события в семье и сомнения в выборе жизненного пути (потеря студентом ориентиров и уверенности в своих способностях и силах); адаптационные конфликты.

Для каждого из студентов были определены свои основные цели, задачи, средства психотерапии. Так, для развития навыков стрессоустойчивости были использованы и такие средства, как медитация, дыхательные упражнения, двигательная терапия. Помощь в преодолении конфликта между «хочу» и «могу» проводили через проработку обоих желаний и выстраивание логических и понятных

связей между конфликтующими понятиями, используя когнитивно-поведенческую терапию.

Формирование индивидуальной траектории решения психологических проблем – это очень длительный этап психотерапии. Работа со студентами продолжается. Но уже сейчас можно отметить первые результаты. Так, благодаря двигательной терапии, заметно развивается способность выдерживать эмоциональные нагрузки, происходит снижение напряженности (тревожности, агрессивности) и осознание собственной ценности.

Подводя итог, можно сказать, что использование разнообразных средств психотерапии позволяет преобразовывать у студентов их сложившиеся установки и убеждения, которые вызывают негативные переживания, агрессивные намерения. Изменения не происходят быстро, но постепенно реализуются.

Литература

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль / Л. Берковиц. СПб., 2002.
2. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. СПб., 2014.
3. Налчаджян А. Агрессивность человека. СПб., 2007.
4. Цыренов В.Ц. Агрессивное поведение молодежи как социально-педагогическая проблема // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/agressivnoe-povedenie-molodezhi-kak-sotsialno-pedagogicheskaya-problema>

Взаимосвязь выраженности инфантилизма и мотивации к обучению в вузе у студентов

Косинова Д.И., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kossinova0218@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

Тема взаимосвязи между инфантилизмом и мотивацией к обучению у студентов в высших учебных заведениях становится все более значимой в свете современных образовательных тенденций и изменений в психологии молодежи. В условиях стремительного

технологического прогресса и глобализации образование перестает быть лишь необходимым этапом, а превращается в важнейший фактор, определяющий будущее молодежи, поскольку наличие высшего образования повышает конкурентоспособность в трудоустройстве и способствует интенсификации экономической активности молодых людей. Однако наблюдается рост числа студентов, проявляющих признаки инфантилизма, что может негативно сказаться на их учебной активности и мотивации, а также на эффективности инновационного развития страны.

Ценный вклад в изучение инфантилизма внесли многие ученые, такие, как В.В. Лебединский, И.Ю. Кулагина и др. Так, например, А.В. Утенков, исследуя данное явление у студентов педагогических вузов, определяет инфантилизм как незрелость развития, когда сохраняются черты, характерные для более раннего возраста. Автор видит в нем деструктивный способ самовыражения студента, характеризующийся негативным отношением к учебе, завышенными требованиями к окружающим и действиями, направленными на дезорганизацию учебного процесса (Утенков, 2014).

Исследование взаимосвязи инфантилизма и мотивации к обучению в вузах представляет собой актуальную задачу. Оно позволяет выявить ключевые факторы, влияющие на успех студентов. Понимание этой взаимосвязи может помочь разработать более эффективные методы работы с молодежью, направленные на развитие их самостоятельности, ответственности и внутренней мотивации, а также значительно повысить качество образовательного процесса и помочь студентам достигать своих целей как в учебе, так и в жизни.

Для достижения поставленной цели по выявлению взаимосвязи между выраженностью инфантилизма и мотивацией к обучению в вузе у студентов в качестве психодиагностического инструментария были использованы:

1) Шкала академической мотивации, ШАМ (Гордеева, Сычев, Осин, 2014);

2) Опросник «Уровень выраженности инфантилизма, УВИ» (Серегина, 2006).

В исследовании приняли участие 76 респондентов в возрасте от 17 до 23 лет, среди них 60 респондентов (78,9%) женского пола и 16 респондентов (21,1%) мужского пола. Наряду с вопросами методик,

респонденты также отвечали на вопросы о посещаемости, причинах пропуска занятий и мотивах поступления в университет.

Результаты эмпирического исследования показали, что большинство респондентов объясняли поступление в университет мотивацией развития знаний, умений, навыков (32%), получением диплома (33%) и карьерных перспектив (27%). 8% опрошенных сказали, что их поступление в вуз стимулировано влиянием семьи. Наиболее частыми причинами пропусков занятий являются отсутствие интереса (29%), личные дела (28%), проблемы со здоровьем (27%), занятость на работе (16%). Исходя из этих данных можно увидеть несоответствие обозначенных внутренних мотивов и реального поведения, проявляющегося в пропусках занятий. Объяснить это можно различными причинами. Во-первых, на наш взгляд, несоответствием ожиданий. Если для абитуриента психология окутана романтизмом, загадочностью, то на первом курсе такое представление пропадает вследствие столкновения с набором учебных дисциплин на первом и последующих курсах, которые не дают простого однозначного ответа на поставленные вопросы. Этой же причиной можно объяснить исчезновение внутренней мотивации, заключающейся в помощи самому себе и другим людям. Еще одной причиной пропусков могут стать особенности социальной среды, заключающейся в немотивированности однокурсников. Также можно добавить развитие цифровой среды, позволяющей иметь не только быстрый доступ к любой информации, но и возможности ее автоматического обобщения, что усиливает риски академической нечестности.

Также, анализируя данные, мы выяснили, что существует прямая связь между выраженностью инфантилизма и амотивацией к обучению ($r = 0,264$; $p \leq 0,05$). Кроме того, была обнаружена обратная связь между уровнем инфантилизма и познавательной мотивацией ($r = -0,264$; $p \leq 0,05$). Иными словами, чем выше инфантилизм, тем ниже уровень внутренней мотивации. Такие студенты могут избегать ответственности за свои действия, что приводит к прокрастинации и отсутствию желания учиться.

Более того, исследование показало, что существует связь между эмоционально-волевой сферой и такими показателями, как мотивация достижения ($r = -0,334$; $p \leq 0,01$) и мотивация саморазвития ($r = -0,294$;

$p \leq 0,01$). Иначе говоря, студенты, чья эмоционально-волевая сфера развита недостаточно, отличаются низкой стрессоустойчивостью, высокой спонтанностью и импульсивностью. Они испытывают сложности с установлением целей и планированием учебного процесса. В совокупности перечисленное создает большие трудности для конкретизации жизненных ориентиров, что ведет к снижению внутренней мотивации к достижению целей, саморазвитию и личностному росту.

Литература

1. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. 2014. Том 35. № 4. С. 96–107.
2. Серегина А.А. Социально-психологические условия преодоления инфантилизма у безработной молодежи: дис. ... канд. психол. н. Российский государственный социальный университет. М., 2006.
3. Утенков А.В. Психологические детерминанты развития учебно- профессионального инфантилизма студентов педвуза // Вестник Московского университета МВД России. 2011. №6. С. 30-34.

Влияние стилей взаимоотношения в семье на личностное саморазвитие супругов

*Костючик Д.А., Блинова Е.Е.
ХГПУ, Херсон, Россия
Kostyuchik.d.a@gmail.com*

В современном мире, где семейные ценности часто сменяются на карьерные и личные, понимание того, как авторитарный стиль взаимоотношения в семье влияет на личностное саморазвитие супругов, может помочь укрепить семейные связи и предотвратить распады браков. Теоретические исследования проблем авторитаризма, авторитарной личности и ее особенностях в детско-родительских

отношениях проводили Т. Адорно, Э. Фромм, Дж. Батлер, М. Хоркхаймер, А. Маслоу, Л.М. Попов, Р.В. Меркель. Данная тема служит основой для дальнейших исследований в области семейной психологии (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999; Фромм, 2017).

Семейные отношения можно классифицировать по нескольким ключевым моделям.

1. Авторитарная модель

Характеризуется жестким контролем, подавлением индивидуальности ребенка и игнорированием его потребностей (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999). Взрослые навязывают свою волю через давление, приказы и манипуляции, что ведет к разрушению самостоятельности и самооценки. Ребенок, столкнувшийся с таким подходом, часто реагирует протестом – обманом, агрессией или скрытым сопротивлением.

Преимущества для родителей (иллюзорные):

- ребенок кажется «удобным» – послушным, управляемым, не проявляющим инициативы;
- создается ложное ощущение полного контроля над его поведением и будущим;
- родители удовлетворяют собственные потребности, а не интересы ребенка.

Негативные последствия для ребенка:

- в подростковом возрасте возможен резкий разрыв с семьей в поисках свободы;
- склонность к попаданию под влияние деструктивных групп (секты, криминальные структуры), где повторяется модель подчинения (Эйдемиллер, Юстицкис, 1999);
- формирование зависимой или, наоборот, деспотичной личности во взрослой жизни.

2. Гиперопекающая модель

Проявляется в чрезмерной заботе, устранении любых трудностей и создании «тепличных» условий (Сатир, 2001). Ребенок лишается возможности развивать самостоятельность, что приводит к:

- неадекватному восприятию реальности;
- неумению преодолевать трудности;
- проблемам в социализации и создании собственной семьи.

В результате вырастает инфантильный, безынициативный человек, зависимый от мнения окружающих.

3. Отчужденная модель

Родители ограничиваются удовлетворением базовых физических потребностей (еда, одежда), игнорируя эмоциональную сферу. Ребенок не получает поддержки, похвалы или участия в его жизни.

Последствия:

- низкая самооценка, чувство ненужности;
- отсутствие контроля поведения, что повышает риск попадания в асоциальные группы;
- эмоциональная холодность, трудности в построении близких отношений (Роджерс, 1994).

Как отмечает А. Лоуэн, дефицит любви в детстве ведет к внутренней пустоте, жажде близости и личностной незрелости.

4. Демократическая модель (сотрудничество)

Наиболее гармоничный стиль, основанный на взаимном уважении, компромиссах и поддержке. Ребенку предоставляется разумная свобода, но с четкими границами ответственности (Сатир, 2001; Роджерс, 1994).

Преимущества:

- формирование здоровой самооценки и самостоятельности;
- снижение риска девиантного поведения (алкоголь, наркотики);
- умение конструктивно решать конфликты.

Подростковый возраст – критический период для становления личности, поэтому эмоциональная стабильность в семье крайне важна.

Современные тенденции показывают ослабление роли семьи в воспитании. Родители меньше уделяют внимания подготовке детей к семейной жизни, что ведет к искаженным представлениям о браке. Однако семья остается ключевым институтом социализации, формирующим ценности и поведенческие модели.

Гипотеза исследования: авторитарный стиль отношений негативно влияет на личностный рост супругов, снижая их эмоциональное благополучие и затрудняя развитие здоровых коммуникативных навыков.

Научные данные:

- О.П. Кондаурова связывает авторитаризм с применением физических наказаний и переносом этой модели в будущие конфликты;

- Т.П. Маралова выявила корреляцию между жестким контролем и агрессией в воспитании;

- Э. Фромм и Т. Адорно исследовали феномен «авторитарной личности», подчеркивая ее зависимость от внешних доминирующих систем (Фромм, 2017);

- Л.М. Попов рассматривает авторитарность как комплексный фактор, влияющий на все сферы жизни человека.

Опытно-экспериментальная база исследования – АНО Кризисный центр по работе с проблемой насилия «СТОП_НАСИЛИЕ», где проводится работа с людьми, испытывающими проблемы в семейных отношениях, в том числе применялось насилие внутри семьи. В данном случае центр предоставляет возможность для изучения конкретных семейных ситуаций и оценки эффективности различных стратегий и методов, направленных на повышение уровня саморазвития и изменение авторитарного стиля взаимоотношений.

Выборка испытуемых для данного исследования составляет 20 человек, это 10 семейных пар. Все участники находятся в возрасте от 25 до 55 лет, 10 мужчин и 10 женщин.

Для изучения темы были использованы следующие психодиагностические методики:

- «Стили семейного воспитания» (С.С. Степанов);
- «Многофакторный личностный опросник 16PF» (Р. Кеттелл);
- «Шкала тревожности» (Дж. Тейлор).

Выявление взаимосвязи осуществлено при помощи корреляционного анализа Пирсона ($p < 0,05$)

Исследование выявило, что авторитарный стиль семейных отношений (средний балл 7/10 – склонность к доминированию и контролю) значимо коррелирует с повышенной тревожностью ($r = 0,52$; $p < 0,01$) и сниженной эмоциональной доброжелательностью ($r = -0,43$; $p < 0,05$). Анализ 16PF показал сильную связь авторитарности с доминантностью ($r = 0,61$; $p < 0,01$) и умеренные отрицательные связи с эмоциональной устойчивостью ($r = -0,38$) и самостоятельностью ($r = -0,47$). Участники демонстрировали низкие показатели по фактору А (4,2/10) и С (3,8/10), что свидетельствует о эмоциональной холодности и стрессовой уязвимости. Средний уровень тревожности составил 24/50 баллов, подтверждая психологический дискомфорт в авторитарных парах. Полученные данные статистически значимы ($p < 0,05$) и

подтверждают, что авторитарные отношения ограничивают личностное развитие супругов.

Авторитарные отношения препятствуют саморазвитию супругов, ограничивая их эмоциональную и коммуникативную свободу. Личностное саморазвитие супругов зависит от качества их взаимоотношений, коммуникации, эмоциональной поддержки и возможности для личностного роста. Для гармонизации семейных отношений необходимо развивать открытость, взаимное уважение и поддержку (Сатир, 2001; Роджерс, 1994).

Литература

1. *Эйдемиллер Э.Г., Юстицкис В.В.* Психология и психотерапия семьи. СПб.: Питер, 1999. 672 с.
2. *Фромм Э.* Бегство от свободы. М.: АСТ, 2017. 288 с.
3. *Сатир В.* Психотерапия семьи. СПб.: Речь, 2001. 283 с.
4. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. М.: Прогресс: Универс, 1994. 479 с.

Эмоциональное благополучие студентов в условиях академического стресса: теоретический обзор в кросс-культурной парадигме

Конысбай Т.Е., Аймаганбетова О.Х.
КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
tolkin_25.98@mail.ru, alnara25@mail.ru

Эмоциональное благополучие студентов является важным аспектом, определяющим их академическую успешность, психологическую устойчивость и общее качество жизни (Родионова, Конюхова, Конюхова, 2020, с. 13; Diener, 1999, р. 277). В условиях академического стресса, который включает в себя высокие учебные нагрузки, необходимость адаптации к новой образовательной среде и социальные ожидания, уровень эмоционального благополучия может значительно колебаться (Beiter et al., 2015, р. 92). Особенно это актуально при сравнении местных и иностранных студентов, которые

сталкиваются с разными видами стрессоров, связанными как с учебой, так и с социальной адаптацией (Smith, Khawaja, 2011, p. 704).

Современные технологии создают как новые возможности для обучения и взаимодействия, так и дополнительные стрессовые факторы, включая информационную перегрузку, цифровую зависимость и снижение качества межличностного общения (Smahel et al., 2020). Иностранные студенты, помимо стандартных академических трудностей, сталкиваются с дополнительными вызовами, связанными с культурной адаптацией, удаленностью от семьи и сложностями интеграции в новое общество (Smith, Khawaja, 2011, p. 711).

Система высшего образования Казахстана активно привлекает иностранных студентов, что делает важным изучение их эмоционального благополучия в сравнении с местными студентами. Кроме того, пандемия COVID-19 ускорила процессы цифровизации образования, что повлияло на уровень академического стресса студентов по всему миру.

Целью исследования является сравнительный анализ эмоционального благополучия местных и иностранных студентов в условиях академического стресса, обусловленного процессами глобализации и цифровизации образования.

Иностранные студенты часто сталкиваются с дополнительными сложностями, такими как языковой барьер, культурные различия, чувство изоляции и нехватка социальной поддержки, что делает их более уязвимыми к ухудшению эмоционального благополучия (Berry, 2005, p. 698). В то же время местные студенты также испытывают академический стресс, но его источники могут быть связаны, например, с конкуренцией, высокими ожиданиями родителей или финансовыми трудностями (Arnett, 2004).

Большинство исследований сосредоточены на западных странах, в то время как культурные особенности и образовательная система Казахстана формируют уникальную ситуацию, требующую отдельного рассмотрения.

Отличия уровней эмоционального благополучия (ЭБ) у местных и иностранных студентов могут быть связаны с рядом детерминант и предикторов.

1. Иностранные студенты, как правило, сталкиваются с более высоким уровнем стресса из-за языкового барьера, культурного шока и

необходимости адаптироваться к новой образовательной и социальной среде.

2. У местных студентов социальная поддержка обычно шире за счет семьи, друзей и уже сформированных социальных связей. Иностранные студенты могут ощущать дефицит социальной поддержки, особенно в первые годы обучения.

3. Устойчивость к стрессу, чувство уверенности в себе и когерентность (способность находить смысл в происходящем) являются важными предикторами эмоционального благополучия.

Согласно модели PERMA М. Селигмана, ЭБ включает позитивные эмоции, вовлеченность, отношения, смысл и достижения (Seligman, 2002). Однако иностранные студенты часто испытывают более высокий уровень стресса, связанного с культурной адаптацией, языковыми барьерами и социальной изоляцией. В отличие от них, местные студенты могут больше полагаться на устойчивые социальные связи и знакомую академическую среду.

Среди ключевых предикторов ЭБ у иностранных студентов выделяют психологический капитал (оптимизм, надежду, устойчивость), который может компенсировать высокий уровень психологического дистресса. Исследования также подтверждают, что у международных студентов ЭБ часто является медиатором в снижении тревожности и депрессии. Более того, во время пандемии COVID-19 значительное ухудшение ЭБ наблюдалось среди студентов во всем мире, что подчеркивает важность факторов адаптации и поддержки (Carreno et al., 2021; Seligman, 2002, p. 85).

Таким образом, для повышения ЭБ иностранных студентов необходимы стратегии, включающие социальную интеграцию, психологическую поддержку и программы по развитию устойчивости к стрессу.

Литература

1. Родионова Е.В., Конюхова Т.В., Конюхова Е.Т. Эмоциональное благополучие как показатель социально-психологической безопасности студентов. Векторы благополучия: экономика и социум. 2020. № 2 (37). С. 12-25.

2. *Arnett J.J.* Emerging adulthood: The winding road from the late teens through the twenties. Oxford University Press. 2004.
3. *Beiter R., Nash R., McCrady M., Rhoades D., Linscomb M., Clarahan M., Sammut S.* The prevalence and correlates of depression, anxiety, and stress in a sample of college students. *Journal of Affective Disorders*, 173. 2015. P. 90–96. DOI: 10.1016/j.jad.2014.10.054.
4. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures // *International Journal of Intercultural Relations*. 2005. Vol. 29, No. 6. P. 697–712.
5. *Carreno D. F., Eisenbeck N., Pérez-Escobar J.A., García-Montes J.M.* Inner harmony as an essential facet of well-being: A multinational study during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 18(9), 4343. 2021. DOI: 10.3390/ijerph18094343.
6. *Diener E., Suh E.M., Lucas R.E., Smith H.L.* Subjective well-being: Three decades of progress // *Psychological Bulletin*. 1999. Vol. 125, No. 2. P. 276–302.
7. *Smith R.A., Khawaja N.G.* A review of the acculturation experiences of international students. *International Journal of Intercultural Relations*, 35(6). 2011. P. 699-713. DOI: 10.1016/j.ijintrel.2011.08.004.
8. *Smahel D., Machackova H., Mascheroni G., Dedkova L., Staksrud E., Ólafsson K., Livingstone S.* EU Kids Online 2020: Survey results from 19 countries. 2020.
9. *Seligman M.E.* Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. New York: Free Press, 2002. 336 p.

Взаимосвязь мотивации профессиональной деятельности и социальной идентичности сотрудников в организации

Королев М.Н., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
79779184908@ya.ru, social2003@mail.ru

Современные организации сталкиваются с высокой конкуренцией, динамичными изменениями и необходимостью поддерживать высокий уровень вовлеченности персонала. В этом контексте ключевыми факторами эффективности становятся мотивация профессиональной деятельности сотрудников и их социальная идентичность (Токарева, Крушельницкая, 2020). Сочетание индивидуальных мотивационных факторов и групповой идентификации создает прочную основу для построения эффективной системы управления персоналом в условиях цифровизации общества.

В рамках социально-психологического подхода теория социальной идентичности (Тэджфел, Тёрнер) объясняет, как групповая принадлежность влияет на поведение сотрудников. Последующие исследования (Эшфорт, Маэль) конкретизировали эти положения применительно к организационному контексту, показав связь между идентификацией с компанией и эффективностью трудовой деятельности.

Идентичность проявляется в том, как сотрудник воспринимает свою связь с выполняемой в организации профессиональной ролью. Осознание себя частью целого воздействует на мотивацию, уровень удовлетворенности работой и преданность компании. Стоит отметить, что в восточных культурах традиционно делается упор на коллективизм, где личные цели сотрудников тесно переплетаются с задачами организации, однако в западных подходах чаще акцентируется индивидуализм и стремление к личным достижениям (Шарапов, 2024).

Помимо этого отмечается, что индивидуальная идентификация работника способствует удовлетворению его базовых потребностей, тогда как коллективная идентификация с организацией снижает у него уровень внутренней мотивации (Van den Broeck et al., 2016).

В нашем исследовании приняли участие 102 сотрудника (50 женщин и 52 мужчины) организации, занимающейся разработкой наукоемких технологий. Использовалась методика составления мотивационного профиля Ш. Ричи и П. Мартина (Ричи, Мартин, 2004), а также опросники по определению суборганизационной и межличностной идентичности (Сидоренков и др., 2019).

Результаты, полученные с помощью коэффициента корреляции r Спирмена, показали, что чем больше выражен у сотрудников суборганизационный когнитивный компонент идентичности, тем меньше у них мотивация достижения ($r = -0,267$; $p < 0,01$). С повышением стажа работы в данной организации данный компонент у сотрудников возрастает ($r = 0,202$; $p < 0,05$).

Чем больше суборганизационный аффективный компонент идентичности, тем меньше выражены у сотрудников потребности в комфортных условиях работы ($r = -0,294$; $p < 0,01$), в ее четком структурировании ($r = -0,267$; $p < 0,01$), в доверительных отношениях с коллегами ($r = -0,277$; $p < 0,01$), власти и влиянии ($r = -0,295$; $p < 0,01$), а также в потребности быть креативным, анализирующим, думающим ($r = -0,259$; $p < 0,01$).

Межличностный когнитивный компонент идентичности сотрудников отрицательно коррелирует с потребностью в комфортных условиях работы ($r = -0,321$; $p < 0,001$), в признании ($r = -0,260$; $p < 0,01$), власти и влияния ($r = -0,250$; $p < 0,05$), креативности ($r = -0,236$; $p < 0,05$). Межличностный поведенческий компонент тем выше, чем ниже стремление сотрудников к достижениям ($r = -0,255$; $p < 0,01$).

На основании полученных результатов можно сделать вывод, что связь между мотивацией профессиональной деятельности и социальной идентичностью сотрудников существует: чем выше социальная идентичность сотрудников в организации (включая различные уровни идентичности), тем меньше выражена у них мотивация профессиональной деятельности. В соответствии с опросником организационной идентичности (Сидоренков и др., 2019), высокий уровень идентификации работника с коллегами и своей группой соответствует его удовлетворенности принадлежностью к данному сообществу. Можно предположить, что в данной организации установился благоприятный психологический климат, межличностные отношения имеют поддерживающий характер, однако не создана

эффективная система мотивирования профессионального труда персонала. Приходящие в организацию новые сотрудники на первом этапе заняты решением задач адаптации к новым условиям профессиональной деятельности. Успешно адаптировавшись, они сталкиваются с проблемой отсутствия условий для своей профессиональной индивидуализации. Понятно, что удовлетворенность своей положительно оцениваемой социальной идентичностью может в различной мере компенсировать неудовольствие от невозможности своего полноценного профессионального развития и карьерного роста в данной организации. Однако мотивация профессиональной деятельности по мере увеличения стажа работы имеет тенденцию к снижению, из-за чего сотрудник начинает искать другую организацию, которая предоставила бы ему условия для более полной профессиональной самореализации.

Литература

1. Ричи Ш., Мартин П. Управление мотивацией. М.: Юнити-Дана, 2004.
2. Сидоренков А.В., Шипитько О.Ю., Штильников Д.Е., Штроо В.А. Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации, *Организационная психология*, 2019, Т. 9. No 3. С. 74–102.
3. Токарева С.Ю., Крушельницкая О.Б. О социально-психологических условиях мотивации персонала организации // *Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.)*. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 594 с. С. 513-517.
4. Шапов М.М. Профессиональная идентичность и ответственность: сравнительный анализ западных и восточных подходов. Как признание важности личной ответственности сотрудников помогает компаниям становиться более эффективными // *Актуальные исследования*. 2024. №12 (194). Ч.II. С. 24-28. URL: <https://apni.ru/article/8813-professionalnaya-identichnost-i-otvetstvennos>

5. Van den Broeck A., Ferris D.L., Chang C.-H., Rosen C.C. (2016). A review of self-determination theory's basic psychological needs at work. *Journal of Management*, 42, 1195–1229. doi:10.1177/0149206316632058

Особенности психологической сепарации от родителей современных молодых людей

Косолапова А.В.

*НИТУ МИСИС, ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия
avkosolapova@mail.ru*

В современных условиях развития общества, характеризующихся социальной нестабильностью, политическими и экономическими кризисами, к молодежи предъявляются все более высокие требования. Востребованы независимость, самостоятельность, активность, инициативность, способность к самореализации, для развития которых немаловажную роль играет своевременная сепарация детей от родителей, под которой понимается «многосторонний процесс перестройки межличностных отношений между всеми членами семьи в связи с фактом взросления детей, предполагающий последовательное осознание взрослеющим человеком и его родителями отделенности друг от друга, эмоциональное переживание и принятие этого факта, формирование чувства независимости, преобразование поведения с учетом уникальной личностной идентичности каждого из членов семьи» (Сытько, 2014, с. 22).

Согласно структурной модели Дж. Хоффмана (Hoffman, 1984), выделяются несколько видов сепарации, каждый из которых играет свою роль на пути к окончательной взрослости.

- Эмоциональная сепарация, включающая, по мнению L. Ferrer-Wreder и J. Kroger (Ferrer-Wreder, Kroger, 2020), два ключевых компонента: освобождение от детского представления о родителе (самоотстранение) и признание себя и родителей как отдельных личностей, что позволяет молодым людям строить более здоровые и зрелые отношения с родителями.

- Аттитюдная сепарация связана с формированием собственного мнения и системы ценностей, когда молодые люди учатся не оценивать себя и окружающий мир через призму родительских оценок.
- Функциональная сепарация – способность обеспечивать себя и жить отдельно от родительской семьи, позволяя молодому человеку чувствовать себя уверенно и самостоятельно.
- Конфликтологическая сепарация – способность не только отделиться от родителей, но и справляться с конфликтами, которые могут возникнуть в процессе этой сепарации.

На основе теоретического анализа литературы по проблеме психологической сепарации от родителей современных молодых людей мы предположили, что существуют половые различия в выраженности данных видов сепарации от родителей. Для проверки гипотезы проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие 493 респондента, из них 241 мужчина и 252 женщины в возрасте 21-25 лет (средний возраст – $22,3 \pm 0,5$ лет).

В исследовании был использован «Опросник психологической сепарации» – «Psychological Separation Inventory» (PSI) (Дж. Хоффман, адаптация В.П. Дзукаевой и Т.Ю. Садовниковой) (Дзукаева, Садовникова, 2014). Статистическая обработка результатов тестирования осуществлялась при помощи программного пакета SPSS Statistics 26.0 с использованием *U*-критерия Манна-Уитни.

В ходе анализа результатов тестирования установлено, что показатели психологической сепарации от матери у мужчин и женщин практически идентичны и соответствуют среднему уровню по конфликтологической и аттитюдной и высокому уровню – по эмоциональной и функциональной независимости от матери. При этом статистически значимыми являются различия по шкалам конфликтологической ($p \leq 0,01$), эмоциональной ($p \leq 0,05$) и функциональной независимости ($p \leq 0,01$). Несколько иные результаты получены по сепарации от отца: у мужчин высокие показатели по эмоциональной и функциональной независимости, у женщин – по эмоциональной и аттитюдной независимости от отца. При этом статистически значимы различия по конфликтологической ($p \leq 0,01$) и аттитюдной независимости ($p \leq 0,01$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в целом сепарация от родителей у большинства принявших участие в исследовании молодых людей, независимо от пола, характеризуется преобладанием чувств позитивного спектра, отсутствием негативных переживаний и внутренних конфликтов в ситуациях возникновения противоречий с родителями, независимостью их убеждений, мировоззрения от установок родителей. Высокий уровень эмоциональной независимости как от матери, так и от отца, наблюдаемый у обеих групп, указывает на успешное формирование автономности и способности к самостоятельной жизни. Это говорит о достаточно зрелом уровне развития личности, способности к принятию решений и ответственности за свою жизнь. Молодые люди, независимо от пола, в равной степени способны эмоционально не зависеть от поддержки и одобрения со стороны родителей и, в целом, с пониманием и уважением относятся к родителям в ситуациях расхождения с ними во мнениях, взглядах, а родители, в свою очередь, готовы к самостоятельности детей.

Вместе с тем, процесс психологической сепарации от родителей у молодых мужчин и женщин имеет свои особенности, хотя и демонстрирует общие тенденции. Более низкий уровень конфликтологической независимости у женщин, по сравнению с мужчинами, может быть объяснен социальными стереотипами, которые часто диктуют женщинам более мягкий, компромиссный стиль общения, стремление избегать прямых конфликтов, даже ценой собственных интересов. В то время как мужчины, возможно, более склонны к прямому выражению своего мнения и отстаиванию своей позиции, даже если это приводит к конфликту. Это не говорит о большей или меньшей зрелости, а, скорее, отражает различия в коммуникативных стратегиях, обусловленные гендерными ролями и ожиданиями.

Более высокий уровень аттитудной независимости у женщин может указывать на более раннее и успешное формирование собственной системы ценностей и убеждений, отличной от отцовской. Это может быть связано с тем, что традиционно отцы играют меньшую роль в воспитании детей, особенно дочерей, поэтому в меньшей степени зависимы от одобрения отца в формировании своей системы ценностей. Мужчины, в свою очередь, могут дольше сохранять

зависимость от отцовского авторитета и влияния. Молодыми мужчинами отец чаще, чем женщинами, воспринимается как «опора» для принятия жизненно важных решений; убеждения, взгляды, представления, отношение к миру в большей степени совпадают с его мировоззрением.

Таким образом, по результатам эмпирического исследования мы приходим к выводу, что гипотеза нашла свое подтверждение.

Литература

1. *Дзукаева В.П.* Опыт использования русскоязычной версии опросника PSI (Psychological Separation Inventory) в изучении сепарации взрослых детей с родителями / В. П. Дзукаева, Т. Ю. Садовникова // Психологическая диагностика. 2014. № 3. С. 3–20.
2. *Сытько Т.И.* Структура и типы родительско-детских отношений в процессе семейной сепарации: дис. канд. психол. н. М., 2014. 213 с.
3. *Ferrer-Wreder L., Kroger J.* Identity in adolescence: The balance between self and other (4th ed.). New York: Routledge, 2020. 208 p.
4. *Hoffman J.A.* Psychological separation of late adolescents from their parents // Journal of Counseling Psychology. 1984. № 31. P. 170–178.

Развитие проэкологического поведения у студентов посредством воспитательного мероприятия в вузе

Косыбаева Г.А., Аймаганбетова О.Х.

*КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан
galiya2005@yahoo.com, alnara25@mail.ru*

Развитие проэкологического поведения студентов является одним из актуальных вопросов современного высшего образования. В связи с обострением экологической ситуации, наряду с передачей теоретических знаний, ключевым становится воспитание у молодого

поколения ответственного отношения к окружающей среде и формирование устойчивых моделей экологического поведения.

Цель нашего исследования – определение степени влияния воспитательного мероприятия «Мое проэкологическое поведение» на развитие экологически ответственного поведения у студентов.

Для реализации данной цели были определены следующие задачи: рассмотреть теоретические концепции формирования проэкологического поведения студентов; подготовить и осуществить воспитательное мероприятие в виде интерактивного тренинга; проанализировать динамику уровня проэкологического поведения студентов до и после тренинга; определить основные педагогические условия, обеспечивающие эффективное формирование ценностей, ориентированных на бережное отношение к экологии (Привалова, 2021).

В качестве объекта данного исследования рассматривается процесс становления проэкологического поведения студентов в условиях воспитательных мероприятий в вузе. Предметом исследования стало влияние интерактивного тренинга «Мое проэкологическое поведение» на осознание и мотивацию студентов к ответственному отношению к окружающей среде и экологическим инициативам. Предметом данного исследования являлось воздействие интерактивного тренинга «Мое проэкологическое поведение» на формирование осознанного отношения и мотивации студентов к вопросам охраны окружающей среды и участию в экологически направленных мероприятиях (Кабанова, Ложкина, 2015).

Для достижения поставленных целей авторы применили такие методы исследования, как: интерактивный тренинг с применением шкалы проэкологического поведения, статистический анализ, качественный анализ, а также обзор научной литературы, который выявил, что экологическое сознание и поведение студентов обусловлено различными факторами, такими как образовательные программы и воспитательные мероприятия. В исследование принимали участие 12 студентов третьего курса, обучающихся по специальности «Психология» (Иванова, Агисова, и др., 2023).

Результаты эмпирического исследования и анализ данных с использованием критерия Вилкоксона показали, что проведенный авторами тренинг не повлиял на такие разделы, как «Управление

отходами» ($T_{\text{эмп.}} = 16 > T_{\text{кр.}} = 10$), «Социальные действия» ($T_{\text{эмп.}} = 38 > T_{\text{кр.}} = 13$) и «Климатические (транспортные) действия» ($T_{\text{эмп.}} = 25 > T_{\text{кр.}} = 10$). Но, в то же время были выявлены статистически значимые изменения в таких показателях, как «Сохранение ресурсов» ($T_{\text{эмп.}} = 2 < T_{\text{кр.}} = 3$) и «Экологическое потребление» ($T_{\text{эмп.}} = 8,5 < T_{\text{кр.}} = 13$), что свидетельствует о влиянии тренинга на испытуемых, продемонстрировавших по его окончании данные показатели.

Таким образом, проведенное исследование подтвердило, что образовательные и воспитательные мероприятия могут играть важную роль в формировании проэкологического поведения студентов.

Анализ результатов показал, что тренинг «Мое проэкологическое поведение» оказал статистически значимое влияние на две подшкалы: «Сохранение ресурсов» и «Экологичное потребление», что указывает на развитие у студентов более ответственного подхода к потреблению природных ресурсов и предпочтению экологически чистых (Сауткина, Агисова и др., 2022).

Проведенное исследование свидетельствует о значимости экологически направленных образовательных программ и акцентирует внимание на важности их дальнейшей интеграции в систему высшего образования (Мамбеталина, 2023).

Литература

1. Иванова А.А., Агисова Ф., Сауткина Е.В., Кабанова В.С., Патракова Н.А., Иванде К. Российская шкала проэкологического поведения: разработка и психометрическая оценка. Экспериментальная психология. 2023. Том 16. № 2. с. 218-234.
2. Кабанова Г.М., Ложкина Ю.Ю. Использование интерактивных методов обучения при формировании экологической культуры студентов вузов. Вестник Сибирского государственного индустриального университета. 2015. № 3 (13). С. 54-56.
3. Мамбеталина А., Карагулакова, С., Длимбетова, Г., Абенова, С., & Акимши, Д. Психологическое исследование экологического сознания студентов. Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия:

Педагогика. Психология. Социология, 2023. №145(4). С. 297-311.

4. *Привалова Е.А.* Психологические детерминанты проэкологического поведения в области энергопотребления (на примере): дис. канд. психол. н. М.: Коломна. 2021. 204 с.
5. *Сауткина Е.В., Агисова Ф.Б., Иванова А.А., Иванде К.С., Кабанова В.С.* Проэкологическое поведение в России. Систематический обзор исследований. – Экспериментальная психология, 2022. Том 15. № 2. С. 172-193.

Факторы субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках

Кочарян К.В., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kaileya.k@yandex.ru, pavlovaos@mgppu.ru

Увеличение числа межкультурных браков создает необходимость исследований как самого явления, так и факторов, обуславливающих субъективное благополучие или неблагополучие женщин в межкультурных союзах. В настоящий момент круг исследований, посвященных данной теме, все еще ограничен. В том числе, мало изучена проблематика факторов субъективного благополучия или неблагополучия российских женщин в межкультурных брачных союзах.

Субъективное благополучие российских женщин в межкультурных браках может зависеть от множества факторов, которые можно рассмотреть с различных теоретических позиций. Процесс адаптации к новой культурной среде может влиять на психологическое состояние женщины. Успешная адаптация может способствовать повышению субъективного благополучия, в то время как трудности в адаптации могут вызывать стресс и неудовлетворенность. Язык, обычаи, традиции, социальные нормы и ценности новой культуры могут оказывать значительное влияние на субъективное благополучие женщины. Наличие поддержки со стороны партнера, его семьи и друзей может способствовать чувству безопасности и уверенности, что

положительно сказывается на субъективном благополучии. Гармоничные и поддерживающие отношения с партнером могут служить источником удовлетворения и счастья, в то время как конфликты и недопонимание могут снижать субъективное благополучие (Айгумова, 2016). Изменение идентичности в результате межкультурного брака может влиять на самооценку женщины. Принятие новой идентичности и сохранение связи с родной культурой могут способствовать повышению самооценки и субъективного благополучия (Алагуев, 2022). Трудности в интеграции двух культур могут вызывать внутренний конфликт и снижение субъективного благополучия (Chebotareva, Volk, 2020).

Экономические условия и социальный статус инокультурного супруга также могут оказывать непосредственное или опосредованное влияние на субъективное благополучие женщин (Алагуев, 2021). Стабильное финансовое положение и возможность интеграции в инокультурное общество могут способствовать чувству удовлетворенности женщин. Негативные стереотипы и возможная дискриминация со стороны общества могут, наоборот, снижать их субъективное благополучие в межкультурном союзе (Барина, 2024). Личностные черты женщин в межкультурных брачных союзах, такие как открытость к новому опыту, гибкость и стрессоустойчивость, также могут оказать существенное влияние на способность женщины адаптироваться к межкультурному браку и сохранять субъективное благополучие. Позитивный настрой и способность справляться с трудностями могут способствовать повышению их субъективного благополучия в межкультурном браке.

Рассматривая аспекты субъективного благополучия или неблагополучия женщин в межкультурных союзах, стоит отметить, что различия в культурных нормах и ценностях могут вызывать культурный шок и стресс, что может также негативно сказаться на субъективном благополучии. С другой стороны, наличие общих ценностей и схожих культурных особенностей может способствовать более легкой адаптации.

Р.М. Шамионов в своих исследованиях акцентирует внимание на социально-психологических факторах субъективного благополучия личности. Среди них можно выделить: социально-психологическую адаптацию, самоотношение, уровень притязания и ожидания от жизни,

социальные связи и поддержку, ценностно-смысловые ориентации (Шамионов, 2008).

Перечень факторов, влияющих на субъективное благополучие, разработанный Р.М. Шамионовым, кажется нам наиболее исчерпывающим. Согласно мнению Р.М. Шамионова, к таким факторам мы отнесем: мотивационные (уровень притязаний, качество жизни), содержательные (отношения с собой и окружающими, полнота жизни), гигиенические (внешние условия проживания, окружающая среда), когнитивные (знания, представления о себе и мире), эмоциональные (переживания, эмоции).

Эти факторы могут взаимодействовать друг с другом и вместе определять уровень субъективного благополучия человека. В контексте межкультурных браков они могут проявляться специфически, учитывая особенности адаптации, взаимодействия с партнером и интеграции в новую культурную среду. Данные факторы могут быть применимы и к анализу субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках, принимая во внимание уникальные аспекты их жизненных обстоятельств и психологические характеристики.

Для более полного понимания факторов, влияющих на субъективное благополучие российских женщин в межкультурных брачных союзах, мы провели эмпирическое исследование, которое учитывало характерные особенности, культурные контексты и уникальные обстоятельства каждого конкретного случая. Для исследования содержания факторов, способствующих или препятствующих субъективному благополучию российских женщин в межкультурных брачных союзах, в нашей работе были выбраны качественные методы исследования, был использован метод сбора качественных данных, называемый описательной (биографической) феноменологией. Его основная цель заключается в том, чтобы извлечь опыт участников через их собственные повествования (Бусыгина, 2024). Некоторые зарубежные исследователи делают акцент на применении качественной методологии для изучения реальных процессов, происходящих с людьми и в их взаимодействиях, особенно в контексте межкультурных отношений. (Sias et al., 2008).

В нашем исследовании использовался метод полуструктурированного интервью с заранее составленным списком

вопросов. В интервью приняло участие 9 россиянок в возрасте от 23 до 54 лет, 8 россиянок находятся в официальном браке, и 1 – в разводе. География происхождения супругов интервьюируемых достаточно разнообразна: 2 россиянки замужем за итальянцами, еще у 2 россиянок супругами являются представители казахской культуры, 1 россиянка замужем за пакистанцем, являющимся гражданином Германии, 1 – за представителем узбекской культуры, еще у 1 россиянки брак с представителем американской культуры, 1 – замужем за бенгальцем, и 1 россиянка в браке с представителем израильской культуры. Опыт межкультурного замужества интервьюируемых составляет от 6 месяцев до 34 лет. 3 россиянки после замужества проживают на территории государства супруга, 6 россиянок после вступления в брак проживают с инокультурными супругами на территории России. У 6 россиянок в межкультурном союзе родились дети, 3 россиянки в браке совместных детей не имеют. Для анализа данных, полученных в нашем исследовании, применен тематический анализ. В результате тематического анализа в качестве одной из ключевых тем в ответах россиянок была выделена тема сохранения связи с родной культурой, что в ситуации принятия интервьюируемыми новой идентичности обуславливается влиянием когнитивного фактора, способствуя сохранению их субъективного благополучия в повседневной супружеской жизни, независимо от территории проживания межкультурной семьи.

Литература

1. *Айгумова З.И.* Психология биветнических семейных отношений: Монография / З.И. Айгумова. Москва: Прометей, 2016. 144 с.
2. *Алагуев М.В.* Вступление в межкультурный брак: факторы выбора брачного партнера // Национальный психологический журнал. 2021. № 1(41). С. 63-75.
3. *Алагуев М.В., Галапина В.Н.* Роль социальных идентичностей в выборе супруга другой культуры: кросс-региональный анализ // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 19. № 2. С. 259– 277.

4. *Баринаева Н.Г.* Религиозность как фактор субъективного благополучия российских женщин в межкультурных браках с гражданами ОАЭ. *Minbar. Islamic Studies*. 2024; 17(2): 480-498.
5. *Бусыгина Н.П.* Методология качественных исследований в психологии : учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2024. 304 с.
6. *Шамионов Р.М.* Субъективное благополучие личности: психологическая картина и факторы. Саратов: Изд-во «Научная книга», 2008. 296 с.
7. *Chebotarev, E.Y., & Volk M.I.* (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. *Behavioral Sciences*, 10(1), 38.
8. *Sias P., Drzewiecka J., Meares M., Bent R., Konomy Y., Ortega M., & White C.* Intercultural friendship development. *Communication Repotrs*. 2008. 21(1). P. 1-13.

Гендерные особенности взаимосвязи самоконтроля, страха упущенных возможностей и увлеченности видеоиграми

Кочетков Д.М., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dmtrkchtk@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

Развитие информационных технологий в современном мире происходит стремительными темпами. Закономерно такие изменения проникают в повседневную жизнь большинства людей, затрагивая не только профессиональную и учебную виды деятельности, но и немаловажную часть режима труда и отдыха – досуг, позволяющий человеку оптимально функционировать. Социальные сети и другие интернет-ресурсы, предлагающие свои вариации смены активности, наравне с видеоиграми стали для большинства людей уже привычными и для кого-то даже рутинными. Видеоигры объединяют вокруг себя людей в многомиллионные сообщества, следящие за различными событиями как во внутриигровом мире, так и в реальной жизни, приковывая внимание игроков к турнирам, за которыми можно наблюдать по телевидению, на стриминговых ресурсах и даже на стадионах на месте проведения. Все это имеет как положительные

стороны, так и негативные, такие как гейм-аддикция и страх упущенных возможностей (FoMO).

Целью нашего исследования было выявить гендерные различия проявлений страха упущенных возможностей и увлеченности видеоиграми.

Культурные особенности воспитания представителей различных полов приводят к тому, что деятельность, осуществляемая в Сети, соответствует гендерным различиям, приобретенным из реальной жизни. Поскольку ценности и, выдвигаемые согласно ним, цели у мужчин и женщин различаются, изменяется форма проявления самоконтроля с изменением осуществляемой деятельности. Это связано с тем, что самоконтроль представляет собой не только возможность человека воздерживаться от нежелательных интенций, но и ставить цели и достигать их, преодолевая препятствия (Сокол, 2025). Если быть точнее, то у мужского пола на первый план выходят такие ценности, как общественное признание, дружба, познание, развитие, в то время как для женского пола – свобода, здоровье и материальная обеспеченность (Лебедева, Вербина, 2019). Исходя из вышеупомянутых умозаключений, мы выдвинули первую гипотезу исследования: у мужчин есть прямая взаимосвязь между самоконтролем и страхом упущенного удовольствия, в то время как у женщин такой связи не наблюдается.

Также гендерные различия сказываются на выборе игр и отношении к ним. Мы предполагаем, что это будет сказываться на роли видеоигр в жизни и ценности такого времяпрепровождения. Исходя из этого мы выдвинули вторую гипотезу: у женщин есть прямая взаимосвязь страха упущенных возможностей с увлеченностью видеоиграми, в то время как у мужчин такой взаимосвязи не наблюдается.

Для проведения сбора данных был подобран следующий методический инструментарий: шкала страха упущенных возможностей (А.К. Пшибыльский, в адаптации В.В. Ардисламова, П.Р. Кляхина, Э.Р. Шаиповой), методика диагностики гейм-аддикции (Н.В. Кочетков), краткая шкала самоконтроля (Дж.Тангни, в адаптации Гордеевой Т.О., Осина Е.Н. и др.).

При измерении взаимосвязи между самоконтролем и страхом упущенного удовольствия у различных полов было обнаружено, что у мужчин есть такая прямая взаимосвязь ($r = 0,298$; $p \leq 0,05$), в то время

как у женщин вопреки ожиданиям наблюдается обратная ($r = -0,251$; $p \leq 0,05$). Иными словами, мужчины с высоким уровнем самоконтроля чаще испытывают страх упущенного удовольствия, а женщины, наоборот, с более высоким уровнем самоконтроля – реже.

Такие результаты возможны по причине того, что у мужчин существует конфликт ценностей между направленными на достижение успеха и времяпрепровождением с друзьями, таким образом когда человек организует свою жизнь для достижения успеха, он вынужден лишать себя общения и досуга с друзьями. У женщин же ценности направлены на собственное благополучие и удовольствие, поэтому при их достижении у них не возникает чувство страха упущенного удовольствия.

По результатам нашего исследования у женщин есть прямая взаимосвязь между страхом упущенных возможностей и увлеченностью видеоиграми ($r = 0,268$; $p \leq 0,05$), при этом у мужчин такой не наблюдается. Таким образом, увлеченные видеоиграми представители женского пола чаще испытывают страх упущенных возможностей, по сравнению с представителями мужского пола.

Эти результаты подтверждают наше предположение о наличии гендерной специфики изучаемой связи. Мужчины выбирают преимущественно соревновательные и однопользовательские игры с большим количеством испытаний (челленджей), а женщины отдают свое предпочтение играм по типу «три в ряд», «бродилкам» и симуляторам (Богачева, 2015). Такая жанровая разность предпочтений сказывается на отношении к игре. К тому же у мужчин больше выражено отношение к игре ($U = 2221,0$; $p = 0,029$).

Подводя итоги, можно заключить, что существуют гендерные различия взаимосвязи между самоконтролем и страхом упущенного удовольствия, а также страха упущенных возможностей с увлеченностью видеоиграми. Взаимосвязь самоконтроля с страхом упущенного удовольствия у мужчин положительная, а у женщин – отрицательная. Это показывает высокий конфликт ценностей у мужчин при высоком уровне самоконтроля, что приводит к деструктивным последствиям. В то время как у женщин ценности гармонично вписываются в жизненный уклад. Таким образом, необходимо провести дополнительные исследования о влиянии ценностей, транслируемых так же с помощью интернета на современных людей.

Литература

1. *Богачева Н.В.* Индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): дис. ... канд. психол. н. М., 2015. 199 с.
2. *Лебедева М.В., Вербина Г.Г.* Гендерные различия в ценностных ориентациях личности // *Образование и право*. 2019. №8.
3. *Сокол А.В.* О соотношении конструкторов самодисциплины и самоконтроля // *Общество: социология, психология, педагогика*. 2025. №1.

Отчуждение от труда как детерминанта профессионального выгорания

Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
nkochetkov@mail.ru*

В социальной психологии существует дискуссия о приоритетности изучения различных видов групп – больших и малых. С одной стороны, малые группы – это группы, в которых происходит непосредственная жизнь человека, что должно стать основным фокусом внимания. С другой – жизнь человека в малой группе подчинена особенностям функционирования больших групп. Следовательно, если мы хотим изучать причину, а не следствие, то необходимо в первую очередь обратить внимание на изучение феноменов, возникающих именно в больших группах.

Проиллюстрируем то, как изучение больших групп может обогатить представления социальных психологов об известных феноменах, примером профессионального выгорания.

Впервые понятие профессионального выгорания появляется как метафора в научных работах при описаниях состояния усталости персонала в центре для лечения несовершеннолетних правонарушителей и в клинике для лечения наркоманов. Операционализировано это понятие было в 1976 г. К. Маслак, которая

включила в феномен выгорания три фактора: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию профессиональных достижений. Именно эта концепция была положена в основу диагностики профессионального выгорания в МКБ-11, где выгорание впервые появляется в блоке «Проблемы, связанные с занятостью или безработицей». Однако появляется там не как болезнь, а как «профессиональное явление».

Как же предстает выгорание в модели К. Маслак? Основным составляющим компонентом является эмоциональное истощение, именно поэтому понятие профессионального выгорания часто заменяют эмоциональным. К эмоциональному истощению приводят конфликтогенная среда и перегрузки на работе. Из-за этого сокращается диапазон проявляемых эмоций, увеличивается частота их негативных проявлений. Деперсонализация встречается в социномических профессиях и может рассматриваться как защитный механизм в случае, когда для субъект-субъектного взаимодействия не хватает ресурсов. Редукция достижений – это своего рода обесценивание результатов собственного труда, своего места в профессии.

Несмотря на широкое распространение этой теории, она не лишена критических замечаний. Трехфакторную модель критиковали за то, что выгорание – это скорее метафора и новое название старой проблемы (концепция стресса берет начало со времен Г. Селье), выделение факторов недостаточно обосновано и является скорее результатом наблюдения психологов-практиков (Умняшкина, 2001). Надо сказать, что теория К. Маслак была первой, но не последней – можно назвать более десятка других концепций, объясняющих данный феномен. Интересным моментом является то, что несмотря на наличие метаисследований, эмпирические результаты порой не согласуются друг с другом. Причина этого явно не одна, но вариантом объяснения противоречивости результатов является невалидность теории и отсутствие единой методологии, которую можно попробовать найти, восходя от психологии малых групп к группам большим.

Перенесемся на 181 год назад, когда выходят «Экономическо-философские рукописи 1844 г.» К. Маркса, в которых он раскрывает понятие отчуждения (Маркс, 2023). Отчуждение в труде проявляется в том, что работник в нем испытывает не радость, а несчастье; не

развивается, а «изнуряет свою физическую природу и разрушает свои духовные силы». Отчужденность труда можно показать на следующем примере: если убрать внешнюю мотивацию, то большинство людей сразу же прекратит рабочую деятельность. Из-за чего это происходит? Причиной является овеществление в условиях капиталистического общества. Результат овеществленного труда продается, становится чем-то внешним для работника, тем, чем он не владеет. Можно говорить о том, что человек как социальный индивид в таком случае своим трудом не делает вклад в общество, а добывает себе средства для жизни, основу которой составляет не труд. Отчуждение от труда ведет за собой отчуждение от общества и от своей сущности, своего Я, в силу чего происходит потеря смысла жизни.

Проводя сопоставление феноменов выгорания и отчуждения, можно заметить их схожесть – в обоих случаях в ходе профессиональной деятельности происходит смыслоутрата. При этом надо заметить, что теория отчуждения старше, имеет под собой широкий и хорошо изученный пласт знаний, тогда как теория выгорания более, чем на сотню лет моложе и не имеет под собой настолько обширного базиса. Почему же, несмотря на это, в психологической литературе последняя представлена в значительно большем количестве публикаций? С одной стороны, это можно объяснить традицией – первое изучалось в русле философии, тогда как выгорание – в психологии. Но ответ на вопрос может быть другим – если смотреть на проблему глазами психолога-практика, то теория выгорания позволяет преодолеть этот феномен (наладив психологический климат, поменяв организацию трудовой деятельности и т.п.), тогда как теория отчуждения, в основе которой лежат особенности социально-экономического строя, не дает возможности хоть какого-то быстрого позитивного выхода.

Тем не менее, кажется, что именно теория отчуждения является хорошим фундаментом для объяснения причин профессионального выгорания и может быть дополнена на уровне психологии малых групп теорией персонализации А.В. и В.А. Петровских (Петровский, Петровский, 1982), согласно которой выгорание может трактоваться как уменьшение уровня инобытия человека в ходе профессиональной деятельности.

Итак, можно сказать, что перспективным направлением изучения профессионального выгорания является конструирование теории этого феномена в русле психологии как больших групп, так и малых.

Литература

1. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. М., 2023.
2. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. № 3, 1982. С.44-53.
3. *Умняшкина С.В.* Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий): дисс. ... канд. психол. н. Томск, 2001.

Взаимосвязь привязанности к близким людям и самоотношения у студентов

Красило Д.А., Латынова Д.Н.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
krasiloda@mgppu.ru, disha-lat@yandex.ru*

Изучение привязанности у взрослых в контексте ее связи с различными свойствами и поведенческими проявлениями личности является еще мало разработанным направлением в современной психологической науке, но при этом уже проведены достоверные эмпирические исследования, в которых показана связь типов привязанности с различными личностными характеристиками (Дианова, 2019).

Внутренняя рабочая модель привязанности (ВРНД) является ориентиром субъекта в отношениях с объектами привязанности и служит фундаментом распознавания сигналов и реакций другого в социальных ситуациях. Важнейший аспект концепции ВРНД в романтических отношениях – опосредуемая ею ориентировка личности в: 1) уровне принятия со стороны объекта привязанности; 2) сознательных ожиданиях и неосознанных установках на партнера; 3) образе Я в этих отношениях (Cassidy, Shaver, 1995).

Основываясь на данных интервью, специально разработанного М. Мейн для выявления привязанности у взрослых, было выявлено, что взрослые люди в отношениях со своими объектами привязанности бессознательно стремятся подтвердить свои установки, приобретенные в младенческом возрасте во взаимодействии с родителями (George, Main, Kaplan, 1996). В 1980-х годах С. Хейзан и Ф. Шейвер показали, что особенностью привязанности между двумя взрослыми людьми, в отличие от привязанности младенца к матери, является ее «симметричность», поскольку в данной ситуации оба партнера, а не один из них, выступают источником принятия, безопасности и удовольствия друг для друга (Hazan, Shaver, 2017). К. Бартоломью и Л. Хоровиц предложили двухфакторную модель привязанности, в которой четыре типа привязанности описываются через уровень выраженности фактора беспокойства (тревоги) по поводу близких отношений (страх быть отвергнутым) и – фактора избегания близких отношений (чувство дискомфорта от психологической близости). Соответственно, при низких показателях факторов тревоги и избегания констатируется надежный тип привязанности, при высоких показателях обоих факторов – избегающе-опасающийся тип привязанности. При сильной выраженности тревоги и низком проявлении избегания – тревожно-озабоченный (зависимый) тип привязанности, а при слабой выраженности тревоги и высоком уровне избегания – избегающе-отвергающий (отстраненный) тип привязанности.

Как показал теоретический анализ, самоотношение, в изучение которого существенный вклад внесли многие отечественные и зарубежные исследователи – И.С. Кон, В.Н. Мясищев, С.Р. Пантеев, Н.И. Сарджвеладзе, В.В. Столин, Е.Т. Соколова, И.И. Чеснокова, Р. Бернс, С. Куперсмит, М. Розенберг, Р. Вайли (Астрцов, 2015; Хватова, 2015), является многофункциональным образованием, влияющим на большое количество сфер жизни, в том числе и на межличностное общение. Особенный смысл исследование связи самоотношения и привязанности к близким людям приобретает в период 18-25 лет, когда, по Э. Эриксону, решается важнейшая психосоциальная задача развития – установление близких интимных отношений (Красило Д.А., Красило Т.А., Залипаева, 2021).

В данном контексте постановки проблемы, в качестве основной гипотезы эмпирического исследования выступило предположение о

связи между компонентами самоотношения и характеристиками привязанности к близким людям у студентов. Также были выдвинуты две частные гипотезы: 1) у испытуемых со слабой выраженностью тревожности и избегания уровень аутосимпатии и самоуважения выше, чем у испытуемых с высоким уровнем тревожности и избегания; 2) испытуемые с тревожным и избегающим типами привязанности имеют более высокий уровень внутренней конфликтности, чем испытуемые с надежным типом привязанности.

В констатирующем исследовании, с использованием дистанционных технологий сбора данных с помощью методик опросного типа МИС (В.В. Столин, С.Р. Пантеев) и «Опыт близких отношений» (К. Бреннан, Р. К. Фрейли в адаптации Т.В. Казанцевой), приняли участие 75 студентов московских вузов социогуманитарной направленности (МГППУ, НИУ ВШЭ, РГГУ и др.) в возрасте 20–24 года: 46 девушек и 29 юношей.

В выборке испытуемых были выявлены 4 эмпирические группы со следующими типами привязанности: 1) надежный тип – 14 испытуемых (18,7 % из выборки), 2) тревожный тип – 12 испытуемых (16%), 3) избегающий тип – 3 испытуемых (4%), 4) дезорганизованный тип – 5 испытуемых (6,7%). У остальных испытуемых – 41 чел. (54, 6%) не удалось выявить какой-либо определенный тип привязанности, поскольку один, или оба фактора (избегание и тревога) у них находятся в зоне неопределенности. В каждой из эмпирических групп были проанализированы профили самоотношения. Обнаружилось, что испытуемые с надежным типом привязанности обладают наиболее позитивным самоотношением по сравнению с испытуемыми с иным типом привязанности. Также были выявлены статистически значимые различия (*U*-критерий Манна–Уитни) между испытуемыми с тревожным и надежным типами привязанности по параметрам: отраженное самоотношение ($p \leq 0,01$), внутренняя конфликтность ($p \leq 0,01$), самоуважение ($p \leq 0,01$) и внутренняя неустойчивость ($p \leq 0,01$).

Корреляционный анализ параметров самоотношения с фактором привязанности «тревожность» привел к следующим результатам. Прямая связь установлена между тревожностью и параметрами самоотношения: внутренняя конфликтность ($r = 0,550$; $p \leq 0,001$) и самообвинение ($r = 0,394$; $p \leq 0,001$); обратная связь установлена соответственно с параметрами: открытость ($r = -0,240$; $p \leq 0,05$),

отраженное самоотношение ($r = -0,304$; $p \leq 0,01$), самопринятие ($r = -0,306$; $p \leq 0,01$) и самопривязанность ($r = -0,248$; $p \leq 0,05$).

Между фактором привязанности «избегание» и параметрами самоотношения также были обнаружены значимые корреляционные связи. Прямые связи выявлены между «избеганием» и «внутренней конфликтностью» ($r = 0,312$; $p \leq 0,01$), между «избеганием» и «самообвинением» ($r = 0,358$; $p \leq 0,01$); обратная связь обнаружена с «открытостью» ($r = -0,270$; $p \leq 0,05$), «самоуверенностью» ($r = -0,285$; $p \leq 0,05$), «саморуководством» ($r = -0,220$; $p \leq 0,05$), «отраженным самоотношением» ($r = -0,469$; $p \leq 0,001$), «самоценностью» ($r = -0,342$; $p \leq 0,01$) и «самопривязанностью» ($r = -0,277$; $p \leq 0,05$). На основании полученных результатов можно утверждать, что основная и обе частные гипотезы исследования подтвердились.

Литература

1. *Астрцов Д.А.* Методологические подходы к изучению самоотношения в психологии // Теоретическая и экспериментальная психология. 2015. Т. 8. №. 1. С. 62-78.
2. *Дианова Е.С.* Исследования роли привязанности в жизни человека. Обзор зарубежных исследований // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8. №. 4. С. 88-96.
3. *Красило Д.А., Красило Т.А., Залипаева А.Н.* Автономия и привязанность в отношениях с родителями в контексте реального самоопределения у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12. № 1. С. 113-125.
4. *Хватова М.В.* Самоотношение в структуре психологически здоровой личности // Гаудеамус. 2015. №. 1 (25). С. 9-17.
5. *Cassidy J., Shaver P.R. (ed.).* Handbook of attachment: Theory, research, and clinical applications. Rough Guides, 1999.
6. *George C., Main M., Kaplan N.* Adult attachment interview // Interpersona: An International Journal on Personal Relationships. 1996.
7. *Hazan C., Shaver P.* Romantic love conceptualized as an attachment process // Interpersonal development. – Routledge, 2017. С. 283-296.

Направленности личности у юношей в связи с типом привязанности к родителям

Красило Д.А., Михайлова К.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

krasiloda@mgppu.ru, mikhaylova_2001@inbox.ru

Новизна и теоретическая значимость исследования заключается в расширении научных представлений о связи направленности личности и типа привязанности к родителям, а также специфике межличностных отношений в юношеском возрасте, в котором опыт отношений с родителями оказывает существенное влияние на уже более широкое социальное взаимодействие, проявление и самореализацию личности.

Основная гипотеза исследования: в юношеском возрасте направленность личности связана с типом привязанности к матери и отцу. Частные гипотезы исследования:

1) гуманистическая направленность личности в юношеском возрасте связана с надежным типом привязанности к матери;

2) эгоцентрический тип направленности личности в юношеском возрасте связан с избегающим и тревожно-амбивалентным типом привязанности к отцу.

В исследовании приняли участие 40 испытуемых, учащихся ГБОУ школы №1533 «ЛИТ» г. Москва (16 юношей и 22 девушки) в возрасте от 15 до 17 лет.

Этап сбора данных осуществлялся очно посредством групповой формы предъявления индивидуальных бланков следующих методик опросного типа: «Определение доминирующей личностной направленности подростка» (И.Д. Егорычева); «Направленность личности» (А.Г. Сеницын, С.Ф. Спичак); «Опросник привязанности к родителям для старших подростков» (М.В. Яремчук).

Теоретико-методологической основой исследования выступает деятельностный подход к личности, представленный в трудах А.Н. Леонтьева, Л.И. Божович, Д.И. Фельдштейна, И.Д. Егорычевой, О.В. Лишина, а также концепция поведенческой системы привязанностей как модели личности в подростково-юношеском периоде Дж. Боулби, переработанная и адаптированная для отечественной научно-психологической методологии в исследованиях Г.В. Бурменской, О.А.

Карабановой, М.В. Яремчук (Боулби, Эйнсворт, Бенедек, 2005; Яремчук, 2005).

Направленность личности – это системообразующее свойство личности, предполагающая совокупность внутренних установок, желаний и жизненных целей. Она связана с успехом в любой деятельности человека и его жизни в целом, исходит из его убеждений, определяя его положение в системе общественных отношений. В отечественной психологии принято выделять несколько типов направленности личности, в зависимости от доминирующих ценностей и мотивов: 1. Направленность на себя (или личная направленность), когда личность в первую очередь стремится удовлетворить/реализовать свои собственные желания/цели 2. Ориентированная на других (или коллективистская направленность), при которой личность стремится к общению и контактам с другими людьми, реализуя скорее потребности/цели других, а также альтруистические мотивы; Направленность на дело (деловая направленность), когда личность ориентируется в своих действиях и на личную выгоду, и на пользу для общества (Лишин, 2008).

Привязанность – это неосознанная установка на объект привязанности, эмоциональная связь с каждым из родителей, которая формируется в первые годы жизни ребенка и имеет решающее значение для дальнейшего его эмоционального, когнитивного и социального развития. В юношеском возрасте сформированные типы привязанности к родителям могут проявляться по-разному, порой конфликтно и противоречиво, что влияет, в целом, на психологическое благополучие личности и ее межличностные отношения (Волкова, 2017; Яремчук, 2005). В исследованиях Р. Ронера было показано, что любовь отца имеет не меньшее значение для нормального психоэмоционального развития ребенка, чем материнская, а в определенных сферах жизни имеет даже большее значение. В других исследованиях обнаружилось, что отцы и матери отличаются в своей воспитательной позиции в зависимости от гендерной принадлежности детей, и воспитание отца более гендерно специфично, чем воспитание матери (Волкова, 2017; Красило, 2018; Mattanah, Hancock, Brand, 2021).

По данным применения методики С.Ф. Спичака, в выборке преобладает направленность личности на себя (40 %), а менее всего представлена направленность личности на деловое общение (25 %). По

данным методики И.Д. Егорычевой, в выборке доминирует гуманистический индивидуалистический тип (55 %), а менее всего представлен тип гуманистической альтруистической направленности (28 %). Также у испытуемых были выявлены разные типы привязанности (к родителям: к отцу и к матери. По отношению к матери в выборке преобладает тревожно-амбивалентный тип привязанности – 68 % (27 человек), а к отцу – надежный тип – 40 % (16 человек) и избегающий тип 25% (10 человек). У остальных испытуемых установлен смешанный тип привязанности.

Говоря о межполовых различиях, на основании полученных результатов можно утверждать, что гуманистическая индивидуалистическая (Ги) направленность личности является ведущей как у девушек (55%), так и юношей (56 %). У девушек, по сравнению с юношами, более выражен гуманистический с альтруистической акцентуацией тип направленности (Га) – 32 %, а у юношей – 22 % по выборке. У юношей в равной степени преобладает тип эгоцентрической направленности с индивидуалистической (Эи) и эгоистической (Ээ) акцентуацией – по 11% в обоих типах.

Результаты корреляционного анализа показали, что гуманистический тип направленности личности с альтруистической акцентуацией (Га) имеет достоверно значимую прямую связь с надежным типом привязанности к матери ($r = 0,206$; $p \leq 0,05$).

Тревножно-амбивалентный тип привязанности к матери прямо связан с индивидуалистической акцентуацией гуманистического (Ги), и эгоцентрического типа (Эи) - направленности личности испытуемых (соответственно $r = 0,281$ и $r = 0,266$; $p \leq 0,05$), а к отцу – с гуманистической направленностью личности обеих (Ги) и (Га) акцентуаций (соответственно $r = 0,218$ и $r = 0,210$; $p \leq 0,05$).

Эгоцентрическая направленность личности с эгоистической акцентуацией (Ээ) имеет обратные корреляционные связи с избегающим типом привязанности и к матери ($r = -0,139$; $p \leq 0,05$), и к отцу ($r = -0,259$; $p \leq 0,05$). Таким образом, в эмпирическом исследовании были получены результаты, позволившие подтвердить основную и частные гипотезы.

Литература

1. Боулби Дж., Эйнсворт М., Бенедек Т. Психология привязанности. ERGO, 2005. 235 с.
2. Волкова Е.Е. Типы привязанности студентов и их успешность обучения в вузе // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. №2. С. 23-27.
3. Красилю Д.А. Наставник в семье в контексте современной социальной ситуации развития молодежи / Семья в социально-культурном пространстве России. Материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 274-279.
4. Лишин О.В. Понятие «Направленность личности» в отечественной и мировой психологии// Мир психологии. 2008. №2 (54). С. 175-185.
5. Яремчук М.В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков // Психологическая наука и образование. 2005. № 3. С. 86–94.
6. Mattanah J.F., Hancock G., Brand B.L. Parental attachment, separation individuation, and college student adjustment // Journal of Counseling Psychology. 2021. Vol. 51. P. 213-225.

Ценностно-смысловая основа референтных отношений

Крушельницкая О.Б.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
social2003@mail.ru*

Уже на первых этапах изучения референтных групп исследователи отмечали ценностный характер восприятия этих сообществ участниками референтных отношений (Г. Хаймен, Г. Келли, Т. Шибутани и др.). Более подробно референтность как ценностное отношение между субъектами изучено в работах Е.В. Щедриной (Щедрина, 1979). Вхождение личности в относительно стабильную социальную среду, согласно концепции А.В. Петровского, также опосредовано ценностными ориентациями личности и референтного для нее сообщества (Психология развивающейся личности, 1987). Тем

не менее, ценностно-смысловая природа референтных отношений, на наш взгляд, нуждается в дальнейшем изучении.

Формирование личности в процессе ее социализации происходит под влиянием референтного окружения – групп и лиц, через восприятие которых индивид приобщается к культурно-историческому опыту, черпает из него то, что способствует его социальной адаптации и личностному развитию. Также в процессе социализации происходит формирование ценностно-смысловой сферы личности оптанта (лат. *optantis* — желающий, спрашивающий, находящийся в поиске решения личностно значимых задач), обращающего свое внимание на референта (Крушельницкая, 2014а). Наиболее ярко этот процесс проявляется в период личностного самоопределения, в старшем подростковом и юношеском возрасте.

Согласно определению Е.В. Щедриной, «референтность — это форма субъект-субъект-объектных отношений, выражающая зависимость субъекта от другого индивида и выступающая как избирательное отношение к нему в условиях задач ориентации в личностно-значимом объекте» (Щедрина, 1979, с. 119). Для того чтобы познать и оценить объекты материального и нематериального мира, разобраться в себе и в других людях, выработать собственную позицию по отношению к личностно значимым явлениям, субъекту необходимо сориентироваться в социальной реальности. В условиях недостатка опыта, в том числе опыта деятельности, способствующей пониманию смысла, индивид обращается за помощью к другим, референтным для него людям (Крушельницкая, 2014а).

Человек выбирает референтов по субъективно воспринимаемому сходству ценностно-смысловых характеристик, предполагая, что эти люди обладают в целом такими же, как у него ценностями, но освоили и понимают их смысл лучше. Получаемая от референта личностно значимая информация «...необходима индивиду не сама по себе, а как нечто такое, что индивид соотносит со своими собственными взглядами, оценками и мнениями и что может влиять на переоценку его позиций, мнений, оценок, т.е. как бы возвращается вновь к личности субъекта» (Щедрина, 1979, с. 120). Таким образом, выбор референтных лиц и характер взаимодействия с ними согласуется с системой ценностей индивида (Крушельницкая, 2014а; 2014 б).

Разумеется, оптант располагает собственной системой ценностей, но, ощущая необходимость в ее развитии на новом этапе своей жизни находит «помощника» в лице референта и ориентируется на его ценности.

Например, ребенок знает, что доброта – это положительное, социально одобряемое качество личности. Но как именно быть добрым? Каков смысл этого слова, как он преломляется через различные ситуации социального взаимодействия? Что нужно делать, как относиться к людям и вещам, чтобы, например, не оказать другому человеку «медвежью услугу»? Подразумевается, что это знают и демонстрируют своим поведением, выражением своих позиций выбранные оптантом референты. Чтобы человек воспринимался в качестве референтного, его образ должен соответствовать «ценностно-смысловому фильтру» оптанта – актуальной системе ценностей и наполняющих их смыслов, вне зависимости от объективных личностных характеристик референта. В этом случае оптант готов либо целиком заимствовать пример референтной личности (как это бывает, например, у подростков, еще не готовых к глубокому анализу другого человека в силу возрастных ограничений), либо, соотнося этот пример с собственной ценностно-смысловой системой, в большей или меньшей мере корректировать собственную позицию, принимая личностно значимые решения.

Таким образом, ценностно-смысловая сфера личности оптанта выступает в качестве своеобразного «фильтра», с помощью которого анализируется вся поступающая извне информация, из которой отбирается и присваивается только личностно значимая (Крушельницкая, 2014б). При этом оптант может не воспринимать информацию, не соответствующую его ценностно-смысловой сфере.

Ценностно-смысловая сфера личности обогащается и развивается за счет ресурса, полученного или активизированного в процессе обращения (в том числе, мысленного) к референту. Вследствие этого оптант получает возможность переосмысления опыта и поиска новых ориентиров своего развития и, возможно, корректировки ранее выбранного направления. При этом у него начинают работать ценностно-смысловые «фильтры» более высокого порядка, чем те, которым он располагал ранее. С развитием ценностно-смысловой сферы личность приобретает новые социально значимые качества:

«Изменение смысла вещи есть всегда изменение субъекта» (Леонтьев, 1994, с. 168). Изменение смысла лично значимого для оптанта объекта («вещи»), в процессе взаимодействия с референтными людьми, приводит к изменению личности самого оптанта, выступающего в качестве субъекта референтных отношений.

Если референтные лица чрезвычайно важны для субъекта, он оказывает им особое доверие и способен под их влиянием кардинально изменить свои ценностные ориентации. Высшей стадией позитивной референтности является авторитет, проявляющийся, согласно теории деятельностного опосредствования межличностных отношений в группах (А.В. Петровский), как внутреннее признание за личностью права принимать ответственные решения в значимых для членов группы обстоятельствах (Психология развивающейся личности, 1987).

Литература

1. Крушельницкая О.Б. Феномен референтности с точки зрения культурно-исторической теории Л.С. Выготского // Культурно-историческая психология. 2014а. Том 10. № 3. С. 30–37.
2. Крушельницкая О.Б. Информационно-психологический подход к исследованию проблемы референтности // Актуальные проблемы психологического знания. Теоретические и практические проблемы психологии: научно-практический журнал. Москва, 2014б. № 1 (30), С. 37—45.
3. Леонтьев А.Н. Философия психологии: Из научного наследия / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева. М.: МГУ, 1994. 286 с.
4. Психология развивающейся личности / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1987. 240 с.
5. Щедрина Е.В. Референтность как характеристика системы межличностных отношений // Психологическая теория коллектива / Под ред. А.В. Петровского. М.: Педагогика, 1979. С. 111–127.

Взаимосвязь профессионального самоопределения и уровня развития субъектности у разностатусных подростков

*Крушельницкая О.Б., Чеботарева Е.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elizaveta.chebotareva96@bk.ru*

Профессиональное самоопределение подростков является ключевым аспектом их развития и влияет на формирование идентичности, мотивации и жизненных целей (Климов, 2003; Левина, Крушельницкая, 2021). Субъектность личности может оказывать существенное влияние на ее профессиональное самоопределение (Шукина, 2017). Однако связь особенностей профессионального самоопределения и субъектности у подростков остается недостаточно изученной. Кроме того, открытым остается вопрос о том, как проявляется эта связь у подростков с разным статусом в системе межличностных отношений с одноклассниками.

Мы предположили, что между показателями профессионального самоопределения и уровнем развития субъектности у школьников-подростков существует связь, которая имеет особенности для учащихся с разным статусом в структуре межличностных отношений с одноклассниками. В исследовании участвовали 98 учеников 9-х классов общеобразовательной школы (15–16 лет). Использовались методики: «Социометрия» (Дж. Морено), «Уровень развития субъектности личности» (Шукина, 2017), «Профессиональная готовность» (Чернявская, 2001), «Тест мотивации выбора профессии» (Ясюкова, 2003).

Результаты исследования показали, что в целом по выборке чем выше уровень развития субъектности подростков, тем выше учебно-познавательная мотивация выбора профессии (критерий Спирмена, $r = 0,372$; $p = 0,010$), а также такие показатели адекватного выбора профессии, как самостоятельность ($r = 0,688$; $p < 0,001$), осведомленность о подходящих профессиях ($r = 0,357$; $p < 0,014$), способность к принятию решений ($r = 0,356$; $p < 0,014$), планирование ($r = 0,316$; $p < 0,030$), эмоциональное отношение к ситуации выбора профессии ($r = 0,743$; $p < 0,001$). Также выявлены положительные связи между другими показателями субъектности личности и

готовности подростков совершить адекватный профессиональный выбор ($p < 0,05$).

У высокостатусных школьников выявлена положительная корреляция между фактором субъектности «опосредованность», который подразумевает развитую способность к построению программ своего развития с учетом понимания закономерностей функционирования общества, и самостоятельностью в выборе профессии ($r = 0,655$; $p = 0,015$), между активностью как фактором субъектности и автономностью в профессиональной ориентации ($r = 0,552$; $p = 0,050$). Также выявлены положительные корреляции между эмоциональным отношением к выбору профессии и такими факторами субъектности, как опосредованность ($r = 0,589$; $p = 0,034$), креативность ($r = 0,557$; $p = 0,048$), а также общим уровнем субъектности ($r = 0,701$; $p = 0,008$).

Среднестатусные подростки демонстрируют принципиально иную структуру взаимосвязей, где, наряду с эмоциональным отношением к выбору профессии, с показателями субъектности связаны профессиональная, статусная, социальная, учебная виды мотивации профессионального самоопределения, а также самостоятельность, информированность, способность планировать и принимать решения, связанные с выбором профессии ($p < 0,05$). Следует отметить связь большинства показателей субъектности именно с учебной мотивацией выбора профессии, которой не наблюдалось у высокостатусных подростков.

У низкостатусных девятиклассников выявлена отрицательная связь между активностью как показателем субъектности и коммуникативной мотивацией выбора профессии ($r = -0,880$; $p = 0,021$). Возможно, коммуникативная направленность в профессиональном самоопределении обусловлена неудовлетворенностью коммуникативных потребностей этих подростков и имеет компенсаторный характер. Кроме того, выявлены отрицательные корреляции между «креативностью» как фактором субъектности и коммуникативным и прагматичным мотивами выбора профессии ($p < 0,05$). Положительная корреляция обнаружена между самостоятельностью в выборе профессии и показателями субъектности «общий уровень», «автономная», «самоценность» ($p < 0,05$).

«Креативность» положительно связана с информированностью подростков в мире профессий ($r = 0,820$; $p = 0,046$).

Обобщая результаты нашего исследования, можно заключить, что, чем выше у подростков уровень развития субъектности, тем больше показатели профессионального самоопределения и эмоционального отношения к выбору профессии. При этом существует специфика связи между субъектностью и профессиональным самоопределением у девятиклассников с разным социометрическим статусом. Так, профессиональное самоопределение высокостатусных подростков во многом связано с их личной активностью и самостоятельностью в выборе профессии, а также с развитой способностью к построению профессиональных планов с учетом закономерностей функционирования общества. У высокостатусных подростков с высоким уровнем субъектности прослеживается выраженная ориентация на будущее.

Среднестатусные подростки в большей мере демонстрируют связь между субъектностью и учебной мотивацией, которая подразумевает выбор профессии на основе актуальных познавательных интересов школьника, а не на представлении о своем отдаленном будущем. Планирование и принятие решений при выборе профессии находится в положительной связи у среднестатусных подростков. У представителей других статусных категорий аналогичных связей не обнаружено.

У низкостатусных подростков чем меньше уровень субъектности, тем больше показатели коммуникативных и материальных мотивов выбора профессии, что может говорить о компенсаторном характере профессионального самоопределения. При этом наблюдается положительная связь между субъектностью и стремлением к самостоятельному, без учета влияния родителей и сверстников, выбору профессии. Возможно, это свидетельствует о существенных затруднениях низкостатусных подростков в принятии решений относительно своего профессионального будущего.

Полученные данные расширяют понимание социально-психологических детерминант профессионального самоопределения, подчеркивая необходимость учета как индивидуальных (субъектность), так и групповых (статус) факторов в программах профориентации.

Литература

1. *Климов Е.А.* Психология профессионального самоопределения. М., 2003.
2. *Левина Е.И., Крушельницкая О.Б.* Сравнительный анализ особенностей личностного и профессионального самоопределения старшеклассников // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VI Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (12–13 мая 2021 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2021. 637 с. С. 326-329.
3. *Чернявская А.П.* Психологическое консультирование по профессиональной ориентации. М.: Владос, 2001.
4. *Щукина М.А.* Психология саморазвития личности. СПб.: СПбГУ, 2017.
5. *Ясюкова Л.А.* Тест мотивации выбора профессии. Методика Л.А. Ясюковой (часть 3). СПб.: Иматон, 2003.

Связь домашнего насилия и качеств близких отношений партнеров

Кудрявцева Е.А.

*ФГБОУ ВО КГУ, Кострома, Россия
sea11rin@gmail.com*

Актуальность проблемы насилия в близких отношениях обусловлена его высокой распространенностью и серьезными последствиями для психического здоровья и социального функционирования личности. Согласно имеющимся данным, более 60% опрошенных сталкивались с различными формами насилия в своих отношениях (Силина, Крюкова, 2024). Насилие со стороны интимного партнера включает физическое, сексуальное, психологическое и контролирующее поведение, которое может проявляться в любых социальных и культурных группах (ВОЗ, 2002; Heise, Moreno, 2002; Wallace, 2016).

Цель исследования – выявить взаимосвязь между проявлением насилия в близких отношениях и такими качествами отношений, как удовлетворенность, привязанность и близость. Основная гипотеза: качества близких отношений (удовлетворенность отношениями, близость, привязанность) взаимосвязаны с проявлением насилия в отношениях.

Выборку составили 126 респондентов (86 женщин и 40 мужчин) в возрасте от 18 до 59 лет, находящихся в близких романтических или семейных отношениях. Для исследования использовались следующие методики: Методика «Включенность Другого в шкалу собственной Я-концепции» А. Арон, Э. Арон и Д. Смоллан (*IOS – Inclusion of Other in the Self Scale*, 1992); Опросник стиля привязанности (*Attachment Style Questionnaire, ASQ*) Feeney, Noller, Hanrahan, 1994; Шкала удовлетворения потребностей С. Хендрик (*The relationship assessment scale. Journal of Social and Personal Relationships*, 1998) в адаптации О.А. Сычева, 2016; тест «Применяете ли вы насилие в отношениях?» на склонность проявления насилия в отношениях разработанный Центром по работе с проблемой насилия «НАСИЛИЮ.НЕТ» и Центром консультирования «Альтернатива» по работе с людьми, проявляющими агрессивное и насильственное поведение в близких отношениях (Насилия.нет).

Исследование показало, что на стиль привязанности «дискомфорт от близости» оказывают положительное влияние проявление насилия в отношениях ($p = 0,001$; $\beta = 0,278$; $R^2 = 0,202$), а также отрицательно влияет субъективная оценка счастья от отношений ($p = 0,036$; $\beta = -0,180$; $R^2 = 0,202$). Проявление насилия в отношениях респондентов связано с дискомфортом от близости. Возможно, насилие выступает как способ совладания с дискомфортом, но также и способствует увеличению его. Отсюда представление о насилии как о поведении, наносящем вред (не только жертве, но и актору насилия). Такие отношения отмечаются как субъективно несчастливые. На стиль привязанности «уверенность в себе и других» положительное влияние оказывает проявление насилия в отношениях ($p = 0,000$; $\beta = 0,408$; $R^2 = 0,278$).

Также стили привязанности оказывают влияние на проявление насилия. «Уверенность в себе и других» ($p = 0,000$; $\beta = 0,335$; $R^2 = 0,275$) и «Озабоченность отношениями» ($p = 0,003$; $\beta = 0,237$; $R^2 = 0,092$)

положительно влияют на проявления насилия в отношениях. Люди с данными стилями привязанности более склонны прибегать к насилию по отношению к партнеру.

Установлено обратное влияние на удовлетворенность отношениями применения стратегии решения конфликта «вербальная агрессия» ($p = 0,000$; $\beta = -0,431$; $R^2 = 0,431$), а также самого применения насилия респондентом в отношениях ($p = 0,001$; $\beta = -0,304$; $R^2 = 0,092$). Чем больше проявляется насилие в отношениях, в том числе вербальная агрессия, тем меньше уровень удовлетворенности от отношений. Было выявлено обратное влияние удовлетворенности отношениями на проявления насилия ($p = 0,003$; $\beta = -0,240$; $R^2 = 0,275$) – чем меньше уровень удовлетворенности, тем больше шанс проявления насильственного поведения в отношениях.

Прямой связи проявления насильственного поведения и близости между партнерами не обнаружено. Однако нами было выявлено, что удовлетворенность отношениями оказывает прямое влияние на близость ($p = 0,002$; $\beta = 0,254$; $R^2 = 0,213$). Таким образом, чем больше люди удовлетворены актуальными отношениями, тем более эмоционально тесная у них связь, доверие, тем более наблюдается включенность другого в свою я-концепцию. Можно сделать вывод, что насильственное поведение косвенно влияет и на близость – через связь с удовлетворенностью отношениями и другими факторами.

Результаты исследования подтверждают, что проявление насилия в близких отношениях негативно влияет на удовлетворенность этими отношениями, эмоциональную близость и стили привязанности. Насилие связано с одобрением агрессивных стратегий поведения и более частыми конфликтами в паре. Полученные данные подчеркивают необходимость дальнейшего изучения механизмов, связывающих насилие и качество отношений, а также разработки программ профилактики и коррекции насилия в парах.

Литература

1. Всемирная организация здравоохранения. Насилие и его влияние на здоровье. Доклад о ситуации в мире. World report on violence and health. М.: «ВесьМир», 2002. 376 с. ISBN 5-7777-0225-2.

2. *Силина Е.А., Крюкова Т.Л.* Связь социальных представлений о насилии с качествами близких отношений партнеров / Психология личности: методология, теория, практика / Отв. ред. Д.В. Ушаков и др. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2024. 1194 с. (Методология, теория и история психологии). С. 522-528. ISBN 978-5-9270-0477-5
3. *Heise L., Garcia Moreno C.* Violence by intimate partners. In: Krug EG et al., eds. World report on violence and health. Geneva, World Health Organization, 2002, 87–121.
4. *Wallace H.* (2016). Characteristics of and Consequences of Family Violence // Family Violence: Legal, Medical, and Social Perspectives. Seventh edition. Routledge, 2016. P. 2. 433 p.

Взаимосвязь мотивации гейминга с переживанием опыта потока игроков в онлайн-игры

Кудряшов Д.П., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

dmitrykudriashov@mail.ru, nkochetkov@mail.ru

Современная эпоха становится все технологичнее, а интернет является неотъемлемой частью жизни практически каждого человека. Он затрагивает различные аспекты нашей жизни, включая сферу развлечений и досуга. Так, согласно статистике, число компьютерных клубов в России и, соответственно, их посетителей с 2022 по 2024 год увеличилось почти в двое. Онлайн-игры привлекают миллионы людей по всему миру, являясь сейчас один из самых популярных видов досуга. Это создает уникальную виртуальную среду, в которой игроки взаимодействуют, соревнуются и сотрудничают, как с внутриигровыми персонажами, так и друг с другом. И несмотря на то, что существует распространенное мнение о том, что видеоигры «поглощают» людей, приводя к деструктивным последствиям, мы считаем этот вид проведения досуга лишь способом, который включает в себя разноплановую активность.

Онлайн игры являются прямым примером деятельности, вызывающий опыт потока. Хотя и сам М. Чиксентмихайи,

основоположник теории опыта потока, не описывал мотивацию в контексте онлайн игр, его концепция идеально ложится на то, как современные игры привлекают и удерживают внимание игроков. Они предоставляют разные уровни сложности для игроков, предоставляют немедленную обратную связь и награды за достижения. В онлайн играх предельно четкие и понятные цели и задачи. Благодаря балансу между скукой и навыками в играх соблюден баланс между скукой и сложностью. Существуют работы, описывающие, что практически все значимые игровые продукты создаются с целью вызвать у пользователя состояние потока (Ван и др., 2011). Может показаться, что игры созданы так, чтобы намеренно сделать человека зависимым от них, но, если посмотреть с другой стороны, видеоигры являются лишь средством, которым можно пользоваться по-разному: злоупотреблять или же получать удовольствие без негативных последствий.

Цель исследования – изучение взаимосвязи мотивации геймеров с переживанием состояния потока в процессе игры в онлайн-игры.

Гипотеза нашего исследования: существует взаимосвязь переживания опыта потока у игроков в онлайн-игры с такими мотивациями гейминга, как социальная мотивация и мотивация достижения.

Для проведения сбора данных был подобран следующий методический инструментарий:

- 1.Опросник для измерения опыта потока (А.Е. Войскунский),
- 2.Опросник мотивации игры в массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (ММОРПГ) (Н. Йи, в адаптации Н.В. Богачевой и В.Е. Епишиной).

Поскольку гейм-индустрия стремится привлечь аудиторию посредством возникновения у них опыта потока в процессе игры, то можно обратить внимание на самые популярные механизмы удержания игрока, реализуемые в современных видеоиграх. Среди них можно выделить: награды, рейтинг, баланс между сложностью и скукой, возможность играть с друзьями (в команде) или заводить товарищей по игре, а также отслеживать их прогресс. При этом стоит отметить, что самыми популярными играми являются командные соревновательные (Богачева, 2015). Это всё можно свести к актуализации мотиваций достижения и социальной.

По результатам нашего исследования существует взаимосвязь между социальной мотивацией и переживанием опыта потока у игроков в онлайн-игры ($r = 0,515$; $p \leq 0,01$). Таким образом, общение с другими игроками, построение отношений посредством виртуальной реальности и командная работа способствуют возникновению опыта потока. Полученные результаты интересны с точки зрения теории потока, так как переживание последнего подразумевает собой толерантность к посторонним стимулам, что противоречит межличностному взаимодействию. С другой стороны, это можно объяснить тем, что команда в процессе деятельности превращается в некий «единый организм», слаженно работающий для достижения общей цели.

В результате проведенного исследования взаимосвязь между мотивацией достижения и переживания опыта потока у игроков в онлайн-игры не была обнаружена. Данный результат является неожиданным, поскольку в играх широко распространена система подкрепления через достижения («ачивки») и рейтинг («звание»).

Мы предполагаем, что полученные результаты обусловлены специфической выборкой, которая представляла собой группы людей, приходящих в компьютерный клуб для совместного досуга. Из-за этого их фокус может быть смещен с достижений на социальное взаимодействие, так как именно общение является изначальным мотивом встречи компании вместе, а игровой процесс лишь продолжением этой деятельности.

Подводя итоги, можно заключить, что действительно видеоигры являются лишь средством проведения свободного времени и отдыха. Причем в зависимости от изначальной (возникшей в реальной жизни до входа в виртуальное пространство) мотивации игроков игровая будет сохранять свой вектор и повышать вероятность возникновения опыта потока. Таким образом, что несмотря на то, что есть мнение о том, что видеоигры вызывают зависимость, они могут являться способом воплощения социальных мотивов, погружая в опыт потока, который приносит удовлетворение от процесса и когнитивно-эмоциональную разгрузку (Чиксентмихайи, 2011).

Литература

1. *Богачева Н.В.* Индивидуально-стилевые особенности взрослых игроков (на материале компьютерных игр): дис. ... канд. психол. н. М., 2015. 199 с.
2. *Ван Ш., Войскунский А.Е., Митина О.В., Карпухина А.И.* Связь опыта потока с психологической зависимостью от компьютерных игр // Психология. Журнал ВШЭ. 2011. №4. С. 73-101.
3. *Чиксентмихайи М.* Поток: Психология оптимального переживания // Пер. с англ. М.: Смысл: Альпина нон-фикшн, 2011.

Вовлеченность одиноких женщин в межличностные взаимоотношения

Кузьмина М.А., Шульга Т.И.

*ОАНО ВО «МПСУ», Москва, Россия
shulgatiana@gmail.com, mary1836@mail.ru*

Современная проблема вовлеченности в межличностные взаимоотношения одиноких женщин с целью поиска друзей или групп для встреч является одним из условий преодоления их психологического неблагополучия. Одиноких женщин в РФ больше, чем мужчин и часто они затрудняются в поиске группы для общения, совместного проведения свободного времени, опасаются вступать в межличностные взаимоотношения.

Изучение вовлеченности человека как отдельного феномена в психологических исследованиях изучается относительно недавно. В исследованиях авторов нет согласованной позиции на понимание вовлеченности. Показано, что вовлеченность не имеет собственного содержания, но может быть описана при помощи таких терминов, как мотивация или удовлетворенность (Клочко и др., 2015). На фоне значительного количества публикаций, отражающих практические аспекты изучения и управления вовлеченностью сотрудников организаций данных о результатах исследований вовлеченности в

систему межличностных отношений, взаимодействия указанного феномена представлено в меньшей степени. В психологических исследованиях вовлеченность рассматривается как личная заинтересованность включения в межличностные отношения, взаимодействие с другими, с партнером, и поиск партнера или группы по интересам и т.д. (Клочко, 2011).

В работе Е.Ю. Литвиновой и Н.В. Киселевой говорится о трех уровнях исследования вовлеченности: личностном, уровне управления ею, уровне взаимодействия в определенной среде (Литвинова, Киселева, 2016), и предложена пятифакторная модель, предполагающая выделение двух основных составляющих вовлеченности: объективной – «отражена во внешних особенностях поведения и легко поддается наблюдению»; субъективной – «совокупность внутренних процессов и характеристик личности, которые не всегда имеют внешние проявления (представления, отношения, потребности, мотивы, смыслы и т.д.)» (Литвинова, Киселева, 2016, с. 10).

Отмечается, что «феномен вовлеченности представлен многомерным конструктом, отражающим, с одной стороны, уровень прилагаемых усилий при выполнении деятельности, с другой стороны, эмоциональные переживания, когнитивные, мотивационные и смысловые процессы, связанные с выполняемой деятельностью» (Лукиянов О.В., Бронер В.И., Васильев, 2020, с. 74). Н.В. Клочко считает, что факторы, влияющие на вовлеченность, могут быть как внутренними, так и внешними. Внутренние факторы включают личные интересы, ценности и мотивацию, в то время как внешние факторы могут включать поддержку со стороны окружающих, условия взаимодействия и наличие положительной обратной связи (Клочко, 2011).

С целью изучения вовлеченности одиноких женщин в межличностные отношения было проведено исследование, выборку составили 20 одиноких женщин в возрасте от 40 до 50 лет. Использованы методики: «Сочувствие к себе» К. Нефф, «Субъективное ощущение одиночества» Д. Рассела и М. Фергюсона и авторская анкета «Вовлеченность в межличностные отношения». Результаты показали, что одиноким женщинам, чтобы найти группу для общения, требуется преодоление неуверенности и страха. Их вовлеченность в

межличностные отношения требует поддержки психологов, например, работающих в Клубе знакомств. Следует отметить, что удовлетворенность посещением Клуба знакомств у них в 90% высокая.

При изучении самовосприятия и эмоционального реагирования, были получены интересные результаты, касающиеся доброты к себе, самокритики и других психологических характеристик. Так, 38% женщин продемонстрировали наибольшие показатели «доброты к себе». Можно предположить, что в сложных ситуациях они проявляют по отношению к себе больше понимания и любви. В то же время, остальные участники оценили доброту к себе ниже, что может свидетельствовать о более критичном отношении к своим неудачам. Самокритика оказалась на высоком уровне у 72% респондентов. Это женщины, которые показывают склонность к резкому осуждению своих недостатков и промахов, что может негативно сказываться на их самооценке и эмоциональном состоянии. Общность с другими людьми, напротив, показала высокие результаты у 50% испытуемых, что свидетельствует о понимании, что трудности являются частью жизни каждого человека, а не уникальной характеристикой их самих. Показатель самоизоляции также оказался высоким у 50% испытуемых, что может указывать на чувство одиночества и непохожести на других в моменты неудач. Внимательность, как способность балансировать между преувеличением и преуменьшением своих переживаний, выявлена на высоком уровне у 50% испытуемых, что может свидетельствовать о заинтересованном и непредвзятом отношении к своим эмоциям. Наконец, чрезмерная идентификация, отражающая глубокое погружение в переживания, показала высокий балл у 38% респондентов, что может свидетельствовать о тенденции к интенсивному переживанию трудных ситуаций. Результаты подчеркивают, что у женщин понимание и регулирование своих эмоций, а также необходимость развивать доброту и внимательность к себе важна для улучшения их психологического благополучия.

Результаты изучения субъективного ощущения одиночества показали, что в целом данная выборка женщин проявляет уровень одиночества выше среднего, 60% почти не испытывают одиночества и у 20% выявлен низкий уровень одиночества. При этом одинокие женщины стремятся найти группу для межличностных взаимоотношений.

Полученные результаты подчеркивают важность социальных связей и поддержки для снижения уровня одиночества, акцентируют внимание на том, что укрепление социальных связей и активное участие в межличностном общении в группе могут существенно улучшить общее психологическое самочувствие женщин, что и способствует мотивация прихода женщин в Клуб знакомств. Перспективой продолжения исследования будет изучение особенностей вовлечения в межличностные отношения одиноких мужчин и проведение сравнения с особенностями проявления ее у женщин.

Литература

1. *Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В.* Структурная модель вовлеченности обучающихся в непрерывное образование // Социальная психология и общество. 2016. Т. 7, № 3. С. 5–17. DOI: 10.17759/sps.2016070301
2. *Лукиянов О.В., Бронер В.И., Васильев А.В.* Категориальный аппарат психологии вовлеченности (аутентификации) // Сибирский психологический журнал. 2020. № 75. С. 39–52. DOI: 10.17223/17267080/75/3
3. *Клочко В.Е., Галажинский Э.В., Краснорядцева О.М., Лукиянов О.В.* Системная антропологическая психология: понятийный аппарат // Сибирский психологический журнал. 2015. № 56. С. 9–20. DOI: 10.17223/17267080/56/2.
4. *Клочко В.Е.* Категория саморегуляции в контексте парадигмальных изменений современной психологии // Психология саморегуляции в XXI веке: коллективная монография / отв. ред. В.И. Моросанова. СПб.; М :Нестор-история, 2011. С. 38–55

Выраженность агрессивности и макиавеллизма в различных социальных группах

Кузьмичев А.В., Харченко М.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
an2000n@icloud.com, maxquail@gmail.com*

В профессиональной деятельности различных социальных групп, как известно, существует достаточно серьезное различие в подходах к человеку. Так, врачи чаще склонны рассматривать человека как объект медицинского вмешательства, в то время как психологи, прежде всего, в человеке видят его духовную структуру. Это создает уникальный контекст исследования, в котором проявления агрессивности и макиавеллизма могут быть обусловлены особенностями восприятия человека с точки зрения его профессиональной деятельности, а также быть следствием обучения в соответствующем направлении. Изучение степени выраженности агрессивности и макиавеллизма в различных социальных группах, а также выявление корреляций между проявлением агрессивности и макиавеллизма и являлись целями настоящего исследования.

Современное общество, характеризующееся многочисленными социальными ограничениями, создало достаточно жесткие рамки для выражения человеческой агрессии. В отличие от более простых способов проявления агрессии (физических), в обществе наблюдается тенденция к ее трансформации в социально приемлемые формы. Человечество как вид само по себе достаточно агрессивно, вследствие чего в историческом контексте построения сложного общества была создана культура с регламентированными способами проявления агрессии (Дубынин, 2022). Примером являются, с одной стороны, уличные драки, агрессивное поведение водителей – социально неодобряемые и даже уголовно наказуемые виды агрессии, с другой стороны, в обществе присутствуют вполне социально одобряемые профессиональные бои спортсменов на ринге как вид спорта (Кочетова, Погодина, Харченко, 2020). Возможным способом проявления агрессии может являться манипулятивное поведение, характеризующееся высоким уровнем макиавеллизма. Указанный

феномен также представляет интерес для дальнейшего изучения психологической наукой.

Агрессивность как психологический конструкт имеет дуалистическую природу: с одной стороны, биологически обусловленный механизм адаптации, с другой – социально модифицируемая модель поведения. Социально-демографические исследования демонстрируют дифференциацию проявлений агрессии: у мужчин преобладает физическая и скрытая агрессивность, у женщин – вербальная и аутоагрессия. Интерес также представляет и тот факт, что агрессивность как черта личности является как физиологически обусловленной особенностью индивида – того, как работает его нервная система и отдельные зоны мозга, так и того, в каких именно условиях развивался человек, и какие паттерны поведения поощрялись и были успешными, или наоборот, провальными (Невенчанный, 2011). Анализ литературы, посвященной изучению агрессивности и макиавеллизма, показал наличие двух популярных и непротиворечивых теорий в современной социальной психологии – фрустрационной теории агрессии и концепции социального научения агрессии.

Макиавеллизм как личностная характеристика, выражающаяся в склонности к манипулированию другими людьми в межличностных отношениях, обнаруживает корреляцию с уровнем агрессивности субъекта. Эмпирические исследования подтверждают, что уровень макиавеллизма выше у подростков с высоким уровнем агрессивности, что позволяет выдвинуть гипотезу о замещении агрессивного поведения у людей с повышенной агрессивностью на манипулятивное поведение, таким образом повышая уровень макиавеллизма (Туктаева, 2024).

Интерес представляет исследование, посвященное механизмам манипуляции у представителей технических и гуманитарных специальностей. Данное исследование демонстрирует большую склонность к макиавеллистическим стратегиям у представителей гуманитарных профессий, что объясняется спецификой их образования, включающего изучение психологических механизмов поведения человека и способов управления социальными системами (Быков, 2015).

В эмпирическом исследовании предполагается использовать следующие психодиагностические методики: Опросник Темной триады SD3, проективные методики «Рисунок несуществующего животного» и Hand test, опросник Басса-Дарки. Русскоязычный вариант Мак-шкалы имеет высокую точность при определении уровня макиавеллизма, но не о причинах такого уровня (Знаков, 2001). Опросник Темной триады по шкале «Макиавеллизм» позволяет выявить степень выраженности соответствующей черты у респондента. Рисунок несуществующего животного (шкала агрессивности), наряду с проективной методикой Hand test и опросником Басса-Дарки, измеряют степень выраженности агрессивности респондентов. А наличие или отсутствие просоциальных ответов дает возможность проверить гипотезу о наличии корреляций уровней агрессивности и макиавеллизма.

Литература

1. Быков С.В. Макиавеллизм как механизм манипуляции и психологической защиты у студентов гуманитарных и технических направлений образования // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Психология» 2015. № 1(17).
2. Дубынин В.А. Мозг и его потребности: от питания до признания. — М. : Альпина нон-фикшн, 2022. — 572 с.
3. Знаков В.В. Методика исследования макиавеллизма личности // Сибирский психологический журнал. 2001. №14–15. С. 122–128.
4. Кочетова Т.В., Погодина А.В., Харченко М.А. Проблема исследования водительского поведения в современной зарубежной психологии // Современная зарубежная психология. 2020. Том 9. № 3. С. 118–126.
5. Невенчаный С.В. Понятие агрессивного поведения в современной психологии. // Наука и современность. 2011. №10-1. С. 300–309.
6. Туктаева А.М. Взаимосвязь агрессивности с уровнем макиавеллизма в подростковом возрасте // Форум молодых ученых. 2024. Выпуск 4. С. 48.

К вопросу о критическом мышлении

Курбонова А.Д., Маринова Т.Ю.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kurbonova.alena@bk.ru , marinovatu@mgppu.ru

Критическое мышление – это специфический вид мыслительной деятельности, который включает в себя сопоставление новой информации с личным опытом, самостоятельное осмысление мира и умение анализировать данные с помощью логического анализа. В структуру критического мышления входят когнитивные, личностные, аналитические и активные качества, которые вместе позволяют человеку проверять достоверность полученной информации, решать различные задачи, демонстрировать социальную компетентность и использовать приобретенные знания на практике (Мироненко, Тихонова, Сиротина, 2020).

Ключевыми факторами развития критического мышления являются образовательная среда и личностные качества учащихся. Чтобы успешно формировать критическое мышление, образовательная среда должна включать в себя активные методы обучения и разнообразные формы организации учебного процесса. Также развитие критического мышления тесно связано с эмоциональной устойчивостью, справедливостью, уважением и готовностью к пониманию чужих мнений, стремлением к выяснению причин, любознательностью, беспристрастностью, открытостью к новым идеям и гибкостью (Талов, Орлова, 2021; Lai, 2011).

В образовательном процессе критическое мышление стимулирует активное познание среди студентов и школьников, обеспечивая более глубокий анализ учебного материала. Однако не всегда образование развивает этот вид мышления. Так, образовательная система школьного уровня обеспечивает овладение основами знаний и умений, которые необходимы для дальнейшего обучения, сдачи экзамена и развитие таких качеств, как дисциплинированность и способность следовать установленным нормам. Однако жесткие требования и стандартный подход к обучению могут снижать осознание важности выражения собственного мнения и критического мышления.

Процесс обучения в средних профессиональных учебных заведениях, как правило, приходится на подростковый и юношеский возраст. Он часто сопровождается сомнениями в выбранной сфере деятельности и возрастными кризисами. Основной проблемой среднего образования является недостаток осознания профессии, выбранной студентами, что может приводить к снижению мотивации и интереса к учебному процессу. Для других студентов среднее образование может быть способом быстрого приобретения навыков и избегания ЕГЭ в ущерб всестороннему развитию, которое предлагает высшее образование. Несмотря на это, условия обучения, ориентированные на практику, могут способствовать развитию критического мышления у студентов (Зенгин, Зенгина, 2020).

Условия высшего образования могут оказывать значительное положительное влияние на развитие критического мышления студентов. Среда, способствующая развитию творческого мышления и способности справляться с нестандартными задачами, ставить и достигать цели, защищать свое мнение, развивает самостоятельность и критичность мышления. Важнейшим условием его формирования является приверженность преподавателей к компетентностному подходу, где критическое мышление рассматривается как универсальная компетенция.

Результаты теоретического анализа проблем развития критического мышления, условий и механизмов работы над их решением в образовательных учреждениях представлены в таблице.

Таблица 1

Проблемы развития критического мышления обучающихся в различных образовательных средах

Параметры сравнения	Школьное образование	Профессиональное образование	Высшее образование
Проблемы сформированности критического мышления у обучающихся	Большинство школьников имеют средний уровень развития критического	Большинство студентов имеют средний уровень развития критического мышления,	Большинство студентов имеют средний уровень развития критического

	мышления, малая доля обучающихся имеет развитое критическое мышление	малая доля обучающихся имеет развитое критическое мышление	мышления, малая доля обучающихся имеет развитое критическое мышление
Проблемы организации образовательного процесса в рамках развития критического мышления	Преобладание традиционных форм обучения, ориентация на запоминание материала	У некоторых студентов не развита мотивация к обучению, что снижает степень их включенности в образовательный процесс	Недостаточный начальный уровень подготовки студентов снижает эффективность обучения
Механизмы развития критического мышления	Стимулирование творческой активности, формирование межпредметных связей. Использование в качестве методов групповые и парные задания, эвристическую беседу, интерактивную учебную деятельность	Активные формы обучения; саморефлексия полученных знаний, проектная деятельность, решение практических задач в рамках изучения дисциплин профессионального блока	Формирование критического мышления как компетенции через научную, проектную деятельность. Трехступенчатый подход к организации изучения материала (анализ вызовов, осмысление и рефлексия)

Из представленного в таблице анализа видно, что проблемы, возникающие в организации образовательного процесса в школе, могут быть источником проявления трудностей студентов на этапе профессионального и высшего образования. Интеграция кроссплатформенных подходов и адаптация методов обучения на всех уровнях образовательной системы может существенно улучшить способности учеников и студентов в области критического мышления. Задача педагогов заключается в том, чтобы создать условия, при которых каждый обучающийся сможет реализовать свой потенциал, используя возможности для самостоятельного и целенаправленного развития своих аналитических и творческих способностей.

Литература

1. *Зенгин С.С., Зенгина М.С.* Формирование профессиональной мотивации студента среднего профессионального образования в условиях непрофессионально мотивированного выбора специальности // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. 2020. № 2(258). с. 76-85.
2. *Мироненко С.Н., Тихонова Л.П., Сиротина Н.П.* Оценка сформированности критического мышления у обучающихся в общеобразовательной школе // Вестник Череповецкого государственного университета 2020. № 1. с. 185-196.
3. *Талов Д.П., Орлова А.В.* Взаимосвязь уровня развития критического мышления подростков с их личностными характеристиками и показателями интеллекта // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3, № 2. с. 153-161.
4. *Lai E.R.* Critical thinking: A literature review // Pearson's Research Reports. 2011. № 6, pp. 4041.

Тренинг с этнокультурным компонентом как средство повышения психологической устойчивости

Левина А.В., Александрова Е.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

ann-levina@mail.ru, aleksandrova.elenaandreevna@mail.ru

Традиционные и религиозные практики разных культур в роли успешного метода психологической регуляции стремительно становятся популярными (Антонова, Ерицян, 2022). Однако использование этнокультурных компонентов в психологических тренингах остается малоизученным. Вопрос интеграции этнокультурных компонентов в программы психологических тренингов требует более тщательного анализа. Именно поэтому в нашем исследовании мы сконцентрировали внимание на изучении взаимосвязи тренинга с этнокультурным компонентом с повышением психологической устойчивости личности.

В современных научных работах психологическая устойчивость рассматривается как интегративная характеристика личности, дающая способность человеку сохранять свою целостность, здоровым образом адаптироваться к внешним воздействиям и регулировать собственное поведение в сложных ситуациях. Психологическая устойчивость включает в себя эмоциональную, когнитивную, мотивационную и социальную устойчивость.

Формируют психологическую устойчивость многие факторы: индивидуально-личностные особенности, социальные условия, психофизиологические факторы. Высокая психологическая устойчивость напрямую способствует уверенности в профессиональных компетенциях, эффективному управлению стрессом, сохранению мотивации.

В число важных аспектов психологической устойчивости входят: саморегуляция, контроль эмоциональных реакций, устойчивость к фрустрации, способность адаптации к изменяющимся условиям среды (Зильберман, Марищук, 2002).

Современная практическая психология часто использует групповые методы работы для развития личности и коррекции психологических и поведенческих установок. Одним из наиболее эффективных и часто

применяемых инструментов в данной области является психологический тренинг.

В научной литературе психологический тренинг позиционируется как область практической психологии, ориентированная на использование активных методов групповой работы с целью катализировать изменения личности (Кохановская, 2021). В процессе тренинга происходит трансформация установок, формирование нового отношения к себе и внешнему миру, делая его инструментом для широкого психологического воздействия.

Психологический тренинг включает в себя различные методики, среди которых: психогимнастика, ролевые игры, дискуссии, упражнения на самонаблюдение, анализ когнитивных ошибок, получение обратной связи. Эти методы решают внутренние конфликты, прорабатывают эмоциональные состояния и повышают уровень рефлексии (Кохановская, 2021).

Чувство принятия и принадлежности к группе, возможность выражения эмоций, получение поддержки и обратной связи, наблюдение за опытом других участников способствуют личностным изменениям, снижению уровня тревожности и росту самооценки. Результатом успешного тренинга становится развитие эмпатии, повышение качества общения, осознание собственных установок и повышение психологического благополучия.

Психологические тренинги с этнокультурным компонентом могут являться инструментом психологического саморегулирования человека, в том числе повышая его психологическую устойчивость. При формулировке целей и задач были использованы теории и результаты исследований в психологии религии. Являясь направлением, интегрирующим духовный и научный подход, психология религии предлагает традиционные методы помощи, служащие альтернативой или качественным дополнением к доказательным психологическим практикам.

Христианская психология рассматривает культурно-исторические и методологические основания христианской психологии, а также ее взаимодействие с прочими направлениями психологической науки, включая границы компетенций между церковным душепопечительством и психологическим консультированием. Христианская психология предлагает различные христианские

практики, которые можно интегрировать в психологическую помощь: молитву, исповедь, чтение священных писаний, аскезы, участие в обрядах (Братусь, 2017).

Исламская психология также предлагает сочетать духовные практики и процесс психологического консультирования с целью обеспечения максимального психического благополучия человека. Исламские практики, которые могут быть эффективно использованы в роли психологических техник: молитва, чтение зикров, пост, чтение священных текстов, покаяние (Рассул, 2022).

Современная психология часто обращается к буддистским практикам, интегрируя их в терапевтические подходы. Программы снижения стресса на основе осознанности (MBSR) и диалектическая поведенческая терапия (DBT) являются примерами успешного применения буддистских техник в психотерапии. Буддистские практики, которые можно эффективно использовать в качестве психологических техник: медитация, практика сострадания (Далай-лама, Экман, 2017).

Также существуют исследования взаимосвязи между индуистскими духовными практиками и юнгианской психологией, обнаруживающие, как древние индийские методы удачно интегрируются в современную психотерапевтическую практику. Индуистские практики, которые можно успешно применять в психологической помощи: медитация, дыхательные практики, йога-асаны, мантры, визуализация (Шпигельман, 2022).

Этнокультурные компоненты в составе психологических тренингов помогают достичь успокоения ума и внутреннего покоя, снизить тревожность и стресс, улучшить концентрацию, обрести внутреннее равновесие и повысить психологическую устойчивость.

Таким образом, мы предполагаем, что включение этнокультурных компонентов в основу психологического тренинга способствует усилению его терапевтического эффекта. Психологический тренинг с этнокультурным компонентом может быть действенным инструментом для повышения психологической устойчивости человека за счет сочетания психологических техник с духовно-культурными элементами. Из этого мы можем сделать вывод, что интеграция традиционных и религиозных практик разных культур в структуру психологического тренинга открывает крайне перспективные

направления в развитии психотерапии и консультирования, а также обеспечивает гораздо более глубокую и целостную работу с личностью.

Литература

1. Антонова Н.А., Ерицян К.Ю. Этно-культуральные факторы востребованности альтернативных практик в сфере физического и психического здоровья // Социальная психология и общество. 2023.
2. Братусь Б.С. Христинская психология в контексте научного мировоззрения / Коллективная монография под редакцией Б.С. Братуся. М.: Никея, 2017.
3. Далай-лама, Экман П. Мудрость Востока и Запада / Далай-лама, П. Экман. Санкт-Петербург: Питер, 2017.
4. Зильберман П.Б., Марищук В.А. Эмоциональная регуляция и стрессоустойчивость личности / П.Б. Зильберман, В.А. Марищук. М.: Академия, 2002.
5. Кохановская И.А., Социально-психологический тренинг как активный метод практической психологии // Вопросы студенческой науки. 2021. №2 (54). С. 237-240.
6. Рассул Г.Х. Исламское консультирование: введение в теорию и практику / Г.Х. Рассул. М.: Ассоциация психологической помощи мусульманам, 2022.
7. Шпигельман М.Д., Васадава А.У. Индуизм и юнгианская психология / М.Д. Шпигельман, А.У. Васадава. М.: Касталия, 2022.

Образ наставника в контексте специфики тревоги молодых людей в период вхождения во взрослость

*Линников А.А., Красило Д.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alexlinnk@yandex.ru, krasiloda@mgppu.ru*

Значительное внимание в психологии уделено кризисам детских возрастов, тогда как более поздние стадии и кризисы развития личности остаются вне фокуса исследований. Между тем именно период 18–25 лет требует особого внимания, поскольку характеризуется включением новых механизмов психологической адаптации и формированием устойчивой взрослой идентичности. Перед молодыми людьми, попавшими в новую социальную среду, встают новые задачи, среди которых ключевыми являются построение и освоение профессии, установление близких отношений и создание семьи. Данный период сопровождается психологическим отделением от родителей, обретением автономии, а также социальной и экономической самостоятельности. Основными новообразованиями периода вхождения во взрослость являются построение карьеры, создание семьи, психологическая сепарация от родителей, стремление к ответственности за свою жизнь, профессиональное и личностное самоопределение (Крайг, Бокум, 2005; Красило, 2018; Манукян, 2022).

Вхождение во взрослость характеризуется значительными изменениями в социальной ситуации развития молодых людей, что может вызывать у них повышенную тревожность. Поскольку основная масса исследований по проблеме тревожности сосредоточена на детском и подростковом возрасте, важно понять, как тревожность влияет на личность в переходный период между детством и взрослостью (Стрижиус, 2011). Кроме того, данный период сопровождается отделением от родителей и выходом из родительской семьи, что может сопровождаться проявлениями сепарационной тревожности (Дитюк, 2019).

Одним из значимых психологических ресурсов личности в процессе взросления является образ наставника. Наставник может быть как реальным, так и внутренним; он может принадлежать как социальной,

так и семейной среде, быть реальным человеком или идеализированным образом персонажа из книги, фильма и т.д. В период жизненной нестабильности будущего он играет важную роль в поддержке, помощи в принятии решений, формировании автономии и ответственности. Проблемой наставника и значимого другого занимались Д. Левинсон, О.А. Карабанова, Д.А. Красило и другие исследователи. Для успешной адаптации к новым социальным условиям молодым людям важно опираться на образ значимого другого, обладающего важными для них психологическими качествами. Такой значимый другой нередко выступает в роли наставника, оказывающего поддержку и руководство в этот критически важный период развития личности.

На основе теоретического анализа структуры образа Наставника были выделены четыре типа наставника (Красило, 2018): наставник вне семьи, наставник из семьи, внутренний наставник и идеальный наставник. Каждый из них выполняет определённую функцию в процессе взросления. Наставник из семьи чаще всего актуален на более ранних этапах развития и связан с родительскими фигурами. Наставник вне семьи способствует адаптации во внешней социальной среде. Внутренний наставник символизирует зрелость личности и способность к саморефлексии, а идеальный наставник, напротив, часто отражает внутреннюю неуверенность и стремление к недостижимому идеалу, что может тормозить процесс взросления (Красило, Репещук 2025).

В то же время тревожность как психическое состояние может оказывать влияние на тип актуализируемого наставника. Личностная и ситуативная тревожность, а также сепарационная тревожность, возникающая при отделении от родительской фигуры, могут определять, к какому образу молодые люди склонны обращаться в трудные периоды.

В связи с этим цель нашего исследования – выявить у молодых людей связь между уровнем тревожности и выраженностью типов образа наставника в различных сферах. В исследовании используются следующие методики: шкала тревожности Спилбергера–Ханина (STAI) в адаптации Ю.Л. Ханина, тест-опросник сепарационной тревожности

взрослых (ASA-27), а также опросник субъективного образа наставника (ОСОН), разработанный Д.А. Красилов.

В настоящий момент реализован первый этап эмпирического исследования на выборке из 60 респондентов в возрасте 18-25 лет путем сбора данных через гугл-формы опросников.

По результатам пилотажного этапа эмпирического исследования, среди опрошенных преобладает (60%) выраженность внутреннего наставника во всех четырех сферах жизни (по опроснику ОСОН), а наименьшая выраженность (20%) наблюдается у образа идеального наставника. Отмечается тенденция: чем ниже уровень сепарационной тревоги, тем менее выражен в образе наставника тип «наставник из семьи». Ожидается, что основной этап эмпирического исследования позволит достоверно подтвердить или уточнить выявленные закономерности, а также обнаружить новые тенденции в специфике образа наставника в разных психосоциальных сферах жизни молодых людей.

Полученные результаты могут быть использованы в практике психологического сопровождения студентов и молодых специалистов, а также при разработке программ, направленных на снижение тревожности, формирование устойчивой идентичности и успешное преодоление возрастных кризисов.

Литература

1. *Дитюк А.А.* Влияние психологической сепарации на социальную адаптацию личности: Дисс. канд. психол.н. Санкт-Петербург, 2019.
2. *Крайг Г., Бокум Д.* Психология развития. СПб.: Питер, 2005.
3. *Красило Д.А.* Наставник в семье в контексте современной социальной ситуации развития молодежи // Семья в социально-культурном пространстве России. Материалы международной научно-практической конференции. М. 2018. С. 274–279.
4. *Красило Д.А., Репещук К.Ю.* Взаимосвязь образа-Я и образа Наставника у студентов в контексте профессионального самоопределения // Психологическая наука и образование. 2025. Т. 30. № 1. С. 36-55.

5. Манукян В.Р. Взросление молодежи: сепарация от родителей, субъективная зрелость и психологическое благополучие в возрасте 18–27 лет // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 3. С. 129–140.
6. Стрижнух Е.И. К проблеме формирования тревожности в переходный период (от подросткового к юношескому возрасту) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2011. №12. С. 223-225.

**Родительские запреты и ответственность: влияние воспитания и
окружающей среды в период детства и юношества на
профессиональную ответственность**

Литвищенко Р.Ю.

*НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия
robertL@inbox.ru*

Предпринимается попытка изучить возможное влияние представлений о родительских запретах и ограничениях на разных этапах взросления на формирование и уровень профессиональной ответственности во взрослом возрасте. Известно, что воспитание и среда определяют многое в становлении личности, а личностный потенциал и успешность профессионала не в последнюю очередь связан с его прошлым и не ограничиваются компетенциями.

Известная периодизация детского и юношеского возраста (Д.Б. Эльконин) дает возможность сфокусироваться на определенных возрастных группах (5-6, 11-12, 18-19 лет). Эти же групповые факторы мы встречаем в жизни многих известных и великих людей.

В рамках проводимого исследования предстоит, в том числе, ответить на вопрос: почему, зная о такой взаимосвязи, мы мало ее изучаем? Чтобы ответить на этот вопрос, планируется разработать методику ретроспективного прогнозирования как инструмента превентивной диагностики профессиональной ответственности молодых сотрудников.

Ретроспективное прогнозирование – это предвосхищение успешности людей в профессиональной сфере на основе изучения

эффектов воспитания и окружающей среды в период детства и юношества.

Основная цель исследовательской работы – определить характер и направленность влияния родительских запретов и ограничений в детском и юношеском возрасте на степень профессиональной ответственности молодых сотрудников в организации. Для достижения этой цели перед нами стоит несколько задач, в частности:

- определить маркеры у детей в возрасте 5-6 лет («профессиональное наведение»), 11-12 («профессиональная фокусировка») и 18-19 («профессиональное самоопределение») лет, влияющие на профессиональную ответственность в будущем;
- определить, каким образом формируется профессиональная ответственность в детском и юношеском возрасте;
- определить способы коррекции профессиональной ответственности молодых сотрудников.

Основу теоретико-методологической базы исследования, на которую мы опираемся в реализации поставленных целей и задач, составляют периодизация психического развития (Нуркова, 1998; Нуркова, 2009), психология ответственности (Муздыбаев, 2017), каузометрия (Головаха, Кроник, 2008; Кроник, 2022), проблема выбора собственного «Я» (Damasio, 2018), профессиональная ориентация школьников.

Таким образом, проанализировав опыт подходов к воспитанию детей в интересующих нас возрастных группах и по итогу решения указанных задач мы сможем обосновать метод ретроспективного прогнозирования и непосредственно разработать методику ретроспективного прогнозирования, которая, при положительном исходе, станет еще одним инструментом как для диагностики, так и для коррекции профессиональной ответственности.

Литература

1. Головаха Е.И., Кроник А.А. Психологическое время личности // Москва: Смысл, 2008.
2. Кроник А.А., Ахмеров Р.А. Каузометрия. Методы самопознания, психодиагностики и психотерапии в психологии жизненного пути // М., Смысл – 3-е издание, исправленное и дополненное. 2022.

3. *Муздыбаев К.* Психология ответственности // М.: Либроком, 2017.
4. *Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти // Автореф. дисс. ... док. психол. н. М., 2009.
5. *Нуркова В.В.* Автобиографическая память: Структура, функции, механизмы // дисс. ... канд. психол. н. М., 1998.
6. *Damasio A. Я.* Мозг и возникновение сознания // А. Дамасио; [перевод с английского И. Ющенко]. М.: Карьера Пресс, 2018.

Представления мигрантов о детско-родительских отношениях в семье

Литвякова Н.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Litgorod4@gmail.ru

В настоящее время вопросы, связанные с миграцией и адаптацией инокультурных мигрантов, не теряют своей актуальности и затрагивают все сферы жизнедеятельности человека, включая семейно-ролевую (Гриценко, Смотров, 2014). Семейная среда создает исходную систему ценностей и поведенческих моделей, оказывая значительное влияние на личность человека, поэтому изучение представлений о родительских установках и отношении к детям в разных культурах имеет важное значение для понимания процессов, связанных с особенностями воспитания в поликультурной среде, а также адаптацией и интеграцией мигрантов в новую социокультурную среду. Под родительским отношением в психологии обычно понимают целостную систему разнообразных чувств по отношению к ребенку, особенности восприятия и понимания его характера, личности, поступков, а также поведенческих стереотипов общения (Варга, 1988; Конищева, 2022).

Цель исследования – изучение содержания представлений мигрантов о детско-родительских отношениях в семье.

Предположительно, содержание представлений у мигрантов о детско-родительских отношениях отличается от содержания представлений у немигрантов.

Эмпирическая база исследования. 15 женщин и 4 мужчины в возрасте от 20 до 50 лет, 9 человек из которых являются мигрантами первого и второго поколений, а 10 человек не являются мигрантами. Все респонденты проживают в Московской области. Из общего числа респондентов 58 % имеют высшее образование, 31,5 % – среднее или среднее специальное и 10,5% – неполное среднее. 74 % имеют постоянное место работы. По этнической принадлежности большинство идентифицирует себя как русский, что является следствием рождения или проживания части респондентов с раннего детства в России. Также часть респондентов являются выходцами из смешанных браков (русский/узбек, русский/туркмен, русский/армянин). По вероисповеданию 47,4% респондентов исповедуют христианство, 26,3% – ислам, остальные 26,3% не относят себя ни к одной религии. 89,5% респондентов – русскоязычные. Кроме того, 26,3 % владеют узбекским, 26,3% – английским, еще по 5,3 % – мордовским и армянским языками. Общение с детьми и супругом/супругой происходит в основном на русском языке. Однако 26,3% поддерживают контакты с представителями своей культуры на узбекском, по 5,3% на английском и армянском языках. Имеют одного ребенка 31,6%, 2х детей – 38,8%, 3х детей – 15,8%, 4-х и больше детей имеют 13.8% респондентов. При этом 47,4% имеют детей обоих полов, по 26,3% имеют только мальчиков или только девочек.

Методы эмпирического исследования: социально-психологический опрос, включающий тест-опросник родительского отношения к детям А.Я. Варга и В.В. Столина (Варга, 1988).

Результаты исследования и их обсуждение. На основе данных опросника родительского отношения выявлена степень выраженности каждого из пяти типов родительского отношения в семьях мигрантов и немигрантов:

1)*Принятие–Отвержение:* мигранты и немигранты набрали соответственно 8,4 и 9,5 баллов, что означает наличие в целом позитивного отношения родителей к своим детям (заметим, что согласно методике, чем выше балл (максимальный – 32), тем выше принятие и отвержение ребенка). То есть в обеих группах семей

(особенно в семьях, имеющих миграционную историю) родители стремятся к уважению, поддержке своих детей, принятию их такими, какие они есть, и стараются по мере своих временных возможностей уделять им внимание.

2) *Кооперация – социально-желательный образ родительского отношения*: респонденты обеих групп показывают средний результат (из 9 возможных баллов мигранты набрали 5,9, а немигранты – 6,2 баллов, что свидетельствует об искреннем интересе родителей к детям, поддержке их инициативы и самостоятельности, стремлении к равенству в отношениях.

3) *Симбиоз*: из 7 максимально возможных баллов мигранты набрали 5,6 баллов, что чуть выше по сравнению с немигрантами (4,9 баллов), на основе чего можно предположить, что родители из семей мигрантов стремятся оградить своих детей от трудностей и неприятностей жизни, создавая для них более защищенное пространство, что возможно обусловлено переживанием ими чувства изоляции и/или осознанием особенностей своей культуры, где семейные связи и поддержка особенно важны.

4) *Авторитарная гиперсоциализация*: в обеих группах респондентов получены практически одинаковые результаты (4,0 и 4,1 баллов из 7 возможных), что говорит о наличии схожих социальных норм, влияющих на воспитание. При этом использование в меру строгих методов воспитания и высоких требований к детям может быть связано с попытками как в семьях мигрантов, так и немигрантов обеспечить безопасность и успешность своих детей в современных нестабильных и неопределенных социальных условиях.

5) *Маленький неудачник*: получены относительно низкие (из 8 возможных) средние баллы у мигрантов (2,3) и немигрантов (1,9), что свидетельствует об отсутствии давления на детей и сомнения в их способностях, что, в свою очередь, будет позитивно сказываться на развитии личности ребенка, на формировании у него адекватной позитивной самооценки.

Выводы. Согласно критерию *U* Манна-Уитни, статистически значимых различий в степени выраженности типов семейного воспитания между родителями-мигрантами и родителями-немигрантами не выявлено, что отвергает наше предположение о наличии различий в представлениях о детско-родительских

отношениях между ними. Иными словами, существует сходство в восприятии и понимании характера своих детей, их личности и поступков в семьях обеих типов семей. В целом родительское отношение в семьях мигрантов, так же, как и в семьях немигрантов, можно охарактеризовать как положительное с элементами умеренного симбиоза и авторитаризма, для которого характерны стремление родителей к близости со своими детьми, заинтересованность в их достижениях, умеренный контроль за их жизнью и поведением.

Тот факт, что наше предположение не нашло подтверждения, объясняется, во-первых, маленьким объемом выборки; во-вторых, отсутствием однородности выборки, в которую попали мигранты как первого, так и второго поколения, а также мигранты, относящиеся по происхождению к культурам (мордовская, армянская, узбекская, туркменская) с близкой или средней культурной дистанцией к культуре принимающего русского большинства. Поэтому в перспективе требуются исследования с учетом высказанных ограничений настоящего исследования.

Литература

1. *Варга А.Я.* Тест-опросник родительского отношения // Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы / под ред. А.Я. Варги, В.В. Столина. М.: МГУ, 1988.
2. *Гриценко В.В., Смотров Т.Н.* Взаимосвязь распределения семейных ролей с ценностями культуры в семьях трудовых мигрантов // Теоретические проблемы этнической и кросс-культурной психологии Материалы Четвертой международной научной конференции в 2 томах / Под общей редакцией В.В. Гриценко. Смоленск, 2014.
3. *Конищева А.В.* Подходы к исследованию родительского отношения в российской психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2022. Том 12. № 3.

Копинг-стратегии и механизмы психологической защиты студентов гуманитарного и технического профилей

Лобанова А.В., Авидзба Н.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Ардзинба В.А.

АГУ, Сухум, Абхазия

lobanovaav@mgppu.ru

Процесс обучения студентов в вузах сопровождается значительным психическим и физическим напряжением. Это обусловлено высокими требованиями к студентам, строгим контролем за их успеваемостью и установленными режимами учебного процесса, а также процессом социальной адаптации (Епанчинцева, Козловская, 2018). Углубление научных знаний о специфике копинг-стратегий и защитных механизмах студентов гуманитарной и технической специальностей актуально в том числе и с позиции повышения продуктивности учебной деятельности и сохранения психологического здоровья обучающихся.

С целью изучения копинг-стратегий и механизмов психологических защит у студентов гуманитарной и технической специальностей проведено эмпирическое исследование, в котором приняли участие студенты очной формы бакалавриата в возрасте от 20 до 22 лет ГСО ВПО Абхазского государственного университета. Всего 70 человек, по 35 человек в группе студентов гуманитарного и технического профилей.

В ходе исследования использовались: опросник «Способы совладающего поведения» (Р. Лазарус, С. Фолкман, 1988, стандартизация НИПНИ им. Бехтерева Л.И. Вассерманом, Б.В. Иовлевым, Е.Р. Исаевой, Е.А. Трифионовой, О.Ю. Щелковой, М.Ю. Новожиловой) (Методика для психологической диагностики..., 2009, с. 9–35); методика СОРЕ, опросник совладания со стрессом, К. Карвер, М. Шейер, Дж. Вейнтрауб, 1989 (адаптация Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой) (Рассказова, Гордеева, Осин, 2013, с. 82-118); методика «Индекс жизненного стиля» Келлермана-Плутчика, 1979 (адаптация Л.И. Вассермана, О.Ф. Ерышева, Е.Б. Клубовой) (Вассерман, Ерышев, Клубова, 2005, с.16).

В ходе эмпирического исследования установлено, что у студентов гуманитарной специальности на статистически значимом уровне (критерий Манна-Уитни) более выражены стратегии концентрации на эмоциях и их активном выражении ($U = 418$; $p = 0,022$), поиска социальной поддержки по эмоциональным причинам ($U = 352,5$; $p = 0,002$), отрицания ($U = 467$; $p = 0,085$), бегства-избегания ($U = 442$; $p = 0,045$) и положительной переоценки ($U = 384$; $p = 0,007$). Вероятно, выявленные различия объясняются такими факторами, как тенденция к более глубокому эмоциональному переживанию у студентов гуманитарных направлений, большая склонность к коммуникации, взаимодействию с людьми. Предположительно, эмоциональное переживание проблемы им дается сложнее, чем студентам технического профиля. В то же время они чаще выбирают переосмысление проблемы, в том числе, в контексте личностного роста, что может свидетельствовать об их большей склонности к самосовершенствованию.

Установлены достоверные различия механизмов психологических защит. У студентов гуманитарной специальности в большей степени выражена регрессия ($U = 429,5$; $p = 0,031$), относящаяся к механизмам с низкой степенью конструктивности. Студентам гуманитарного профиля больше свойственны инфантильные формы реагирования на стрессовые и фрустрирующие обстоятельства, что, возможно, связано с более глубокими эмоциональными переживаниями, чем у индивидов с аналитическим, математическим складом ума.

У студентов технических специальностей более выражена интеллектуализация ($U = 440,5$; $p = 0,041$), относящаяся к механизмам высокой степени конструктивности. Студентам технического профиля больше свойственно пресечение неприятных переживаний за счет чрезмерной опоры на «умственный» способ, логические установки даже при наличии явных опровержений. Этот факт может объясняться аналитическим складом ума, большей склонностью к оперированию математическими символами, схемами.

Корреляционный анализ установил ряд значимых связей копинг-стратегий и защитных механизмов в обеих группах. В группе студентов гуманитарного профиля чем более выражены защитные механизмы с низкой степенью конструктивности, тем чаще используются

неадаптивные стратегии. В то же время, данные защитные механизмы коррелируют с адаптивными копингами. Также установлено, что чем более выражены защитные механизмы с высокой степенью конструктивности (интеллектуализация и компенсация), тем чаще используется адаптивные копинг-стратегии (принятие ответственности, поиск социальной поддержки, подавление конкурирующей деятельности) и неадаптивные копинги (мысленный уход от проблем, бегство-избегание).

В группе студентов технического профиля установлен ряд связей, согласно которым, чем больше выраженность защитных механизмов низкой степени конструктивности, тем чаще используются неадаптивные копинг-стратегии. Чем более выражен защитный механизм высокой степени конструктивности, интеллектуализация, тем чаще применяются адаптивные стратегии сдерживания совладания, планирования решения и положительной переоценки. При этом чем более выражена компенсация, имеющая высокую степень конструктивности, тем чаще используется неадаптивный копинг бегства-избегания.

Результаты эмпирического исследования могут быть применены педагогами-психологами при проведении воспитательной работы в вузе, в процессе оказания психологической помощи учащимся вуза как на ранних стадиях, при выявлении и профилактике проблем, связанных с преодолением стрессовых и фрустрирующих ситуаций в жизнедеятельности студентов, так и при коррекции проблем, связанных с образовательными и иными стрессами.

Литература

1. *Вассерман Л.И., Ерышев О.Ф., Клубова Е.Б.* Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: Изд-во: СПб НИПНИ им. В. М. Бехтерева, 2005.
2. *Епанчинцева Г.А., Козловская Т.Н.* Студенчество как социально-психологическая общность // Вестник Оренбургского государственного университета. 2018. № 2 (214).

3. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. Пособие для врачей и медицинских психологов НИПНИ им. Бехтерева, Санкт-Петербург, 2009.
4. *Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н.* Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2013. Т. 10, №1.

**Влияние социальной поддержки на уровень стресса у студентов
заочной формы обучения, проживающих на территориях,
прилегающих к зоне проведения специальной военной операции**

Логвинова М.И.

*ФГБОУ ВО КГУ, Курск, Россия
landaurita@mail.ru*

В современных условиях жители приграничных регионов, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции, в частности, Курской области, находятся в ситуации витальной угрозы, многие столкнулись с потерей имущества, стали вынужденными переселенцами, потеряли родных и близких, обучаются и работают в условиях многократных ежедневных объявлений ракетной опасности (Логвинова, 2023).

Значительные изменения происходят в жизнедеятельности всех категорий населения, в том числе – в студенческом сообществе, чей формат обучения в 2024-2025 учебном году носит смешанный характер, занятия приостанавливаются на время ракетных опасностей, чья длительность может составлять более двух часов, студенты вовлечены в добровольческую деятельность по сортировке гуманитарной помощи, изготовлению окопных свечей, плетению маскировочных сетей и т.д. (Логвинова, 2024). В одном только Курском государственном университете обучается более 1000 студентов – вынужденных переселенцев из приграничных районов.

В подобных условиях, когда возрастает эмоциональное и информационное давление, возникают трудности с выстраиванием долговременной перспективы, особую значимость приобретает социальная поддержка.

Социальная поддержка – это ресурс, который человек получает через взаимодействие с окружающими людьми. Она может быть эмоциональной (например, утешение, забота), инструментальной (практическая помощь), информационной (советы, рекомендации) или оценочной (позитивная обратная связь, похвала). Социальная поддержка играет ключевую роль в снижении негативных последствий стресса, помогая человеку справляться с трудностями (Корнев, Агалакова, 2010).

Целью исследования стало изучение влияния социальной поддержки на переживание стресса у студентов, проживающих на территориях, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции (на примере Курской области).

Гипотеза исследования: студенты, субъективно получающие большую социальную поддержку, будут испытывать меньший уровень стресса по сравнению с теми, кто получает низкий уровень социальной поддержки.

Методический блок исследования: методика «Шкала психологического стресса» (R. Tessier, L. Lemyre, L. Fillion, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) (Водопьянова, 2009), методика «Опросник социальной поддержки» (G. Sommer, T. Fydrich, в адаптации А.Б. Холмогоровой), математико-статистические методы.

Базой исследования выступил ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», были исследованы студенты заочной формы обучения в возрасте от 20 до 35 лет в количестве 153 человек, 86% исследуемых – представительницы женского пола. Специфика выборки обусловлена тем, что студенты заочной формы обучения, как мы полагаем, в меньшей степени включены в воспитательную систему вуза, охвачены различными вариантами помощи и социальной поддержки в рамках образовательных отношений.

В ходе исследования были получены следующие результаты:

- примерно две трети исследуемых (67%) имеют низкий уровень стресса, что может рассматриваться как психологическая адаптированность к текущим нагрузкам, при этом практически у

каждого третьего выявлен средний уровень стресса, что свидетельствует о достаточно выраженной психической напряженности, но в целом не препятствует нормальной жизнедеятельности личности. Однако следует учитывать, что данная категория студентов, на наш взгляд, находится в группе риска, так как действие новых стрессоров или усиление действующих может способствовать повышению уровня психической напряженности. Лишь в 4% случаев выявлен высокий уровень стресса, такие студенты испытывают дискомфорт и находятся в состоянии психологической дезадаптации, им требуется адресная психологическая помощь;

- для исследуемых характерны средний (50%) или высокий (49%) уровни социальной поддержки, при этом только у 1% студентов заочной формы обучения выявлен низкий уровень данного референта, что указывает на субъективное переживание наличия социальной поддержки у большинства опрошенных;

- анализируя отдельные компоненты воспринимаемой социальной поддержки, отметим, что в эмоциональной и инструментальной поддержке преобладает средний уровень (62% и 65% соответственно), касательно социальной интеграции можем констатировать, что также преобладает средний уровень (54%), как и в удовлетворенности поддержкой (77%), низкий уровень по данным эмпирическим референтам выявляется крайне редко (1%-4%);

- примечательно, что только в 19% случаев установлен высокий уровень удовлетворенности поддержкой, таким образом, получаемая социальная поддержка для многих является субъективно недостаточной;

- результаты корреляционного анализа на основе коэффициента ранговой корреляции Спирмена показали, что повышение уровня социальной поддержки в различных ее проявлениях (в том числе, эмоциональной, инструментальной, социальной интеграции) способствует снижению уровня стресса исследуемых из числа студентов заочной формы обучения, проживающих на территориях, прилегающих к зоне проведения специальной военной операции ($p < 0,05$).

Литература

1. *Водопьянова Н.Е.* Психодиагностика стресса. СПб.: Питер, 2009. 336 с.
2. *Корнев К.И., Агалакова А.С.* Роль социальной поддержки как стратегии преодоления личностью трудных жизненных ситуаций // ОмГУ. 2010. №2. С. 12–20.
3. *Логвинова М.И.* Исследование социального оптимизма студенческой молодежи, проживающей в условиях приграничного региона // Психология – наука будущего : Материалы X Международной конференции молодых ученых, Москва, 16–17 ноября 2023 года. М.: Институт психологии РАН, 2023. С. 293–297.
4. *Логвинова М.И.* Социально-психологические особенности оптимизма студентов заочной формы обучения (в условиях приграничного региона) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. 2024. № 1. С. 51–54.

Профилактика нарушений социально-психологической адаптации пятиклассников из проблемных семей к средней школе

Логвинова Е.М., Литвинова А.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elena-loginova-83@mail.ru

Переход из ступени начального общего образования на уровень основного общего образования является сложным и многоструктурным. Сложность данного процесса заключается в том, что пятиклассники проходят психологически непростой этап адаптации к новой системе обучения. Школьники включаются во взаимоотношения с новыми одноклассниками, знакомятся с классным руководителем, кабинетной системой обучения и учителями-предметниками. М.Ю. Кондратьев отмечает, что «адаптационный этап вхождения «новичка» в референтную для него ученическую группу определяет не только его актуальное, сиюминутное положение в

сообществе, но и во многом обуславливает последующие этапы (индивидуализации и интеграции) его общения и совместной деятельности с партнерами. По-видимому, прежде всего именно этот факт вызвал интерес со стороны различных концептуальных подходов, и проблематика социальной адаптации личности в новой для нее общности стала традиционной для социально-психологических исследований, в том числе экспериментальных» (Кондратьев, Вартанова, 2007, с. 92).

Особую сложность в процессе социальной адаптации испытывают пятиклассники из проблемных семей, они нуждаются в адресном социально-психологическом сопровождении. Исследователи отмечают, что семья в значительной мере влияет на эмоциональный фон в адаптационный период пятиклассников. Психологу необходимо достаточно подробно объяснить родителям как их поведение и стиль воспитания негативно влияют на адаптацию пятиклассников (Беляева, 2017).

Т.В. Спиридонова констатирует, что большая часть пятиклассников из проблемных семей имеет крайне низкую мотивацию к обучению. Они испытывают стресс из-за отсутствия родительской поддержки (Спиридонова, 2019).

Относительно активизации педагогической поддержки проблемной семьи в период адаптации пятиклассников Е.Е. Демидова отмечает, что использование комплекса форм, методов и средств работы с родителями, с добавлением онлайн-форм повышает эффективность педагогической поддержки семьи в преодолении трудностей школьной адаптации обучающихся младшего подросткового возраста (Демидова, 2021).

Т.В. Хуторянская, исследуя аспекты взаимодействия педагогов с родителями в период перехода школьников из начальной школы в среднюю, выделяет следующие направления в работе с проблемными семьями пятиклассников: соблюдение преемственности между начальной и средней школой, изучение стилей семейного воспитания в семье каждого пятиклассника с дачей рекомендаций подобного рода родителям, непрерывное сопровождение пятиклассников из проблемных семей, проведение информационно-разъяснительной работы с родителями, вовлечение родителей в воспитательную работу школы. Посредством своего экспериментального исследования автор

показывает, что подобная тесная работа во взаимодействии с проблемными семьями в значительной мере снижает тревожность пятиклассников, стабилизирует эмоциональный фон (Хуторянская, 2018).

По мнению Лесковой Е.А., чтобы процесс адаптации проходил с наименьшими нарушениями, необходимо вводить программы психологического сопровождения адаптации пятиклассников. Они должны быть направлены на оказание помощи учителям-предметникам, классным руководителям и родителям в определении оптимальных способов создания благоприятной образовательной среды для адаптации пятиклассников из проблемных семей. Реализация программы на подготовительном этапе может начинаться уже в 4 классе с проведения занятий, экскурсий, встреч с предметниками, старшеклассниками, которые готовят обучающихся к адаптационному процессу. Проведение тематических встреч с родительской общественностью, тематического психолого-педагогического консилиума по вопросу выявления будущих пятиклассников из проблемных семей, направлено на согласование и утверждение программ их психологического сопровождения. Основной этап программы включает в себя занятия с пятиклассниками в малых группах. Занятия должны быть направлены на снижение уровня тревожности, повышение качества межличностных отношений и мотивации к обучению. Перед началом и по итогам реализации программы, необходимо проводить сравнительную диагностику (Лескова, 2023).

Анализ исследований социально-психологической адаптации пятиклассников из проблемных семей показывает, что взаимоотношения между родителями и детьми играют важную роль в успешной адаптации младших подростков. Реализация в общеобразовательных учреждениях программ психологического сопровождения адаптации, содержащих систему преемственности между начальной и основной школой, тесное взаимодействие педагогов и сотрудничество с родителями, поможет создать комфортную и поддерживающую среду для обучающихся при переходе в пятый класс.

Литература

1. *Кондратьев М.Ю., Вартанова В.Г.* Особенности адаптации развивающейся личности в условия становления ученической группы //Вопросы психологии. 2007. №2
2. *Беляева О.А.* Согласованность позиций участников образовательного процесса как условие социально-психологической адаптации пятиклассников // Актуальные проблемы психологии и педагогики в современном образовании: материалы международной заочной научно-практической конференции, Ярославль, 31 марта 2017 года.
3. *Демидова Е.Е.* Педагогическая поддержка семьи в преодолении трудностей школьной адаптации пятиклассников // Приоритетные направления развития науки и образования: сборник статей XVI Международной научно-практической конференции, Пенза, 20 января 2021 года.
4. *Лескова Е.А.* Психологическое сопровождение адаптации пятиклассников в общеобразовательной школе // Технопарк универсальных педагогических компетенций: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 15 декабря 2023 года.
5. *Спиридонова Т.В.* Влияние родительского контроля на мотивацию и тревожность пятиклассников// Проблемы современного педагогического образования. Якутск. 2019.
6. *Хуторянская Т.В.* Социокультурные аспекты взаимодействия педагогов с родителями в период перехода школьников из начальной школы в среднюю //Мир науки. Социология, филология, культурология. 2018. Т. 9, № 2.

О реинтеграции вьетнамских студентов, обучающихся в России, в профессиональную среду Вьетнама

Лыу Зыонг Д.Ф.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Куанг Нгай, Вьетнам
ducphucpsy@gmail.com*

Все больше вьетнамских студентов обучаются в России, получая уникальный культурный и профессиональный опыт. Однако по завершении обучения они сталкиваются с проблемой реинтеграции в культурную среду и рынок труда Вьетнама. Процесс реинтеграции предполагает необходимость психологической, социальной и профессиональной адаптации к изменившейся обстановке. Исследования показывают, что обратный культурный шок – ощущение отчуждения и напряжения при возвращении в, казалось бы, знакомую среду – может быть даже сильнее, чем начальный шок при въезде в чужую страну (Furukawa, Shibayama, 1993).

Профессиональная готовность студентов на завершающем этапе обучения считается ключевым фактором успешного выхода на рынок труда. Понятие «Career Readiness» («готовность к карьере»), определяемое Национальной ассоциацией работодателей колледжей и университетов США (NACE), включает в себя совокупность основных компетенций, необходимых выпускникам для успешного начала и устойчивого развития карьеры: критическое мышление, эффективная коммуникация, готовность к командной работе, профессиональная этика, лидерские качества и др. Подготовка студентов по этим направлениям через краткосрочные обучающие программы перед окончанием вузовского обучения способствует повышению их потенциала для успешной реинтеграции в профессиональную и культурную среду на родине.

Программа «Career Readiness» (Готовность к карьере) разработана на основе принципов, лежащих в основе успешных программ развития профессиональных навыков в США, Великобритании и Австралии (Gribble et al., 2014). В нашей работе содержание программы адаптировано с учетом особенностей вьетнамских студентов, обучающихся в России, а также специфики вьетнамского рынка труда. Разработанная нами программа носит краткосрочный и интенсивный

характер (в формате воркшопов или тренингов, рассчитанных на несколько недель) и реализуется на последнем курсе вузовского обучения. Программа включает совершенствование навыков трудоустройства и карьерной ориентации, развитие мягких навыков на основе компетенций NACE, консультирование и беседы с экспертами по проблемам обратного культурного шока, укрепление культурной идентичности и установление социальных связей (Schaetti, 2002).

Для проверки эффективности программы проводится исследование с участием 126 студентов-вьетнамцев, обучающихся на последних курсах в российских вузах. Экспериментальную группу составили участники программы, в контрольную вошли студенты, не участвующие в программе. Контрольная группа сопоставима по демографическим и академическим признакам с экспериментальной.

В исследовании используется метод анкетирования на основе самооценки в сочетании с наблюдением и качественной обратной связью для измерения показателей потенциала реинтеграции в соответствии с предложенной теоретической моделью.

Результаты первичного (до начала эксперимента) опроса показали, что профессиональная готовность, психологическая устойчивость, способность к поиску социальной поддержки, культурная идентичность у вьетнамских студентов, обучающихся в России, находится на уровне выше среднего. Уровень профессиональной готовности студентов оценивался с помощью опросника, основанного на сочетании методики «Career Adapt-Abilities Inventory» (CAI) Савикаса и критериев ключевых компетенций, предложенных Национальной ассоциацией колледжей и работодателей США (NACE). Индекс профессиональной готовности (Career Readiness Index – CRI) отражает уровень осознанности, навыков и степени подготовки студентов к будущей профессиональной деятельности и рассчитывается по шкале от 1 до 5 баллов. По результатам анализа, среднее значение CRI составило 3,52 балла.

Полученные данные свидетельствуют о том, что большинство студентов обладают определенной профессиональной подготовкой, однако лишь небольшая часть демонстрирует высокую уверенность и готовность к профессиональной деятельности. Доля студентов с низким уровнем подготовки незначительна, что отражает относительную однородность выборки по базовым профессиональным компетенциям.

Для обеспечения внутренней согласованности и надежности используемых нами шкал опросника была проведена оценка коэффициента альфа Кронбаха для каждой группы вопросов, соответствующих теоретически выделенным показателям. Результаты анализа показывают, что большинство шкал имеют коэффициент альфа Кронбаха на уровне 0,70 и выше, что свидетельствует о достаточной степени надежности и позволяет использовать их в дальнейших статистических процедурах. Особенно стоит отметить, что даже краткие шкалы, состоящие из трех пунктов, такие как «утвердительная идентичность», «аддитивная идентичность» и «ожидаемые трудности», демонстрируют высокие значения α ($> 0,85$), что говорит о высокой внутренней согласованности.

В то же время шкала глобальной идентичности показала коэффициент 0,615, что, хотя и является условно приемлемым уровнем для шкал с малым числом пунктов, требует дополнительного анализа.

В настоящее время обучение по разработанной нами программе в соответствии с предложенной концептуальной моделью близится к завершению. По окончании обучения будет проведен количественный анализ уровня компетенций студентов. Предположительно, комплексная помощь выпускникам, включающая психологическое сопровождение, укрепление межкультурной компетентности и подготовку к профессиональному развитию, будет способствовать снижению рисков дезадаптации и повысит потенциал для успешной реинтеграции в деловую среду Вьетнама.

Литература

1. Furukawa T., & Shibayama T. (1993). Predicting maladjustment of exchange students in different cultures. *Social Psychiatry and Psychiatric Epidemiology*, 28(3), 142–146.
2. Gribble C., Rahimi M., Blackmore J., Farrell L. (2014). *Australian International Graduates and the Transition to Employment*. Deakin University. 37 p.
3. Schaetti B.F. (2002). Becoming intercultural: an integrative theory of communication and cross-cultural adaptation: Young Yun Kim; Sage, Thousand Oaks, CA // *International Journal of Intercultural Relations*. Vol. 26, Is. 1. Pp. 113-117. [https://doi.org/10.1016/S0147-1767\(01\)00042-6](https://doi.org/10.1016/S0147-1767(01)00042-6)

Роль мак-установок в формировании альтруистической мотивации у представителей зрелого возраста

Малахов И.В., Кочетков Н.В., Расходчикова М.Н.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

malahov.i.v@mail.ru, kochetkovnv@mgppu.ru,

rashodchikovamn@mgppu.ru

Современный этап развития общества столкнулся с множеством различных трудностей в политическом и социально-экономическом поле, что подтолкнуло большое количество людей к переосмыслению ценностных ориентиров. Наиболее ярко это выражается у людей среднего возраста, поскольку этот жизненный этап характеризуется активной реализацией как личных амбиций, так и профессиональных.

Огромное внимание в этот период люди уделяют внутренним регуляторам поведения, то есть тому, что, на их взгляд, определяет их общую жизненную стратегию и повседневное поведение. В психологии к числу таких регуляторов можно отнести мак-установки и духовно-нравственные качества человека, которые как раз играют определяющую роль в формировании альтруистического поведения (Лазуто и др., 2016). Понимание механизмов, связывающих эти структуры с альтруистическим инвестированием, позволяют понять, что необходимо для развития сбалансированной и зрелой в эмоциональном плане личности.

Изучение мак-установок дает большее понимание о межличностных взаимодействиях и внутренних ценностях человека несмотря на то, что более активно их изучают именно в зарубежной психологии, последние годы отечественные исследователи чаще стали обращаться к этому направлению. «Макиавеллизм – это набор особых установок и убеждений, обосновывающих для человека возможность использовать других людей в своих целях, не задумываясь о последствиях манипуляций для других субъектов» (Ефремова и др., 2022, с. 276).

Подобного рода убеждения являются результатом многолетнего личностного опыта, воспитания, культуры, общественного влияния и проработки жизненных событий. В совокупности все это будет определять отношения человека к себе, к другим и миру в целом, а

значит будет влиять на степень его генеративного поведения и альтруистической мотивации.

Под генеративным поведением понимается активное стремление взрослого человека не просто накапливать имеющиеся у него блага, но и делиться ими с другими людьми, формируя определенную благодатную почву для будущего поколения (Ильин, 2021). Данное понятие сильно перекликается с альтруизмом как таковым, поэтому забота о детях, стремление участвовать в общественно значимых инициативах, наставничество и т.д. будут соответствовать не только генеративному, но и альтруистическому поведению.

Однако так себя по жизни будут проявлять именно люди с низким уровнем макиавеллизма, если у человека достаточно высокая степень проявления мак-установок, то его жизненные ценности будут противоположными (Туктаева, 2024). Об этом также говорят различные отечественные исследования, к примеру в работе Г.В. Ожигановой отражена положительная корреляция между уровнем развития духовно-нравственных качеств и склонностью к альтруистическому поведению (Ожиганова, 2022). А значит, чем эти качества менее развиты, тем ниже склонность человека к альтруистическому инвестированию.

Проблема духовно-нравственного развития актуальна на протяжении всей жизни человека, поскольку именно они определяют жизненные сценарии людей. Духовные ориентации позволяют человеку не просто помогать другим, а закрывать при помощи этого свои потребности как в самореализации, так и в реализации высших смыслов. Нравственный компонент в данном случае будет обеспечивать устойчивость этих действий и предотвращать выгорания за счет чувство внутренней наполненности и целостности.

В настоящее время в исследовании данной проблематики заинтересованы не только сами люди, но и государство, поскольку в нашей стране существуют определенные проблемы с духовными социальными институтами. К примеру, институт семьи переживает определенные негативные трансформации, выражающиеся в увеличении числа разводов, учащение внутрисемейных конфликтов и частичном или полном разрыве эмоциональных связей между ее членами (Мамаева, 2022).

Государство, заинтересованное в воспитании нравственных норм и духовных ценностей, создает различные центры психологической помощи и консультаций, где человек может достичь определенной эмоциональной зрелости. Это указывает не только на необходимость дальнейших психологических исследований, но и также на актуальность создания определенных мер, мотивирующих людей развивать свои духовно-нравственные качества и альтруистические аспекты личности.

Литература

1. *Ефремова А.В., Джембек Ю.И., Моторина П.А.* Личностные особенности студентов с разным уровнем макиавеллизма // Проблемы современного педагогического образования. 2022. №74–4. С. 275–277.
2. *Ильин Е.П.* Психология взрослости. СПб.: Питер, 2021. 1070 с.
3. *Лазуто К.О., Махин С.А.* Половозрастные особенности взаимосвязи между личностной эмпатией, альтруизмом и эгоизмом // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2016. №4. С. 106–114.
4. *Мамаева Т.С.* Демографические проблемы современной России // Аграрная история. 2022. №10. С. 3–10.
5. *Ожиганова Г.В.* Взаимосвязь духовно-нравственных качеств с альтруистическими установками и субъективным благополучием // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2022. №4. С. 744–764.
6. *Туктаева А.М.* Взаимосвязь агрессивности с уровнем макиавеллизма в подростковом возрасте // Форум молодых ученых. 2024. №4 (92). С. 48–53.

Понятие «инвестирование» в психологической науке: от экономических моделей к феномену альтруистического инвестирования

*Малахова А.В., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
malahova.a.v@mail.ru*

Психология с каждым годом все активнее заимствует и адаптирует различные понятия из других дисциплин. Причем такие заимствования не всегда бывают из смежных областей, к примеру, в данном случае мы будем разбирать понятие «инвестирование», которое в традиционном своем значении относится к экономике.

Изначально термин «инвестиции» использовался исключительно в экономической или финансовой деятельности, однако на фоне того, что людей, занимающихся инвестициями, интересовали психологические аспекты данного процесса, две на первый взгляд не совместимые области науки нашли точки соприкосновения. В рамках классических экономических теорий инвестиции – это некое рациональное действие, направленное на получение определенных благ в будущем при вложении ресурсов в настоящее (Рогозин, 2022). Данный процесс опирается на два ключевых принципа, которые также перекочевали в психологию:

– Принцип возвратности – идея о том, что вложенные ресурсы должны не только вернуться к инвестору, но и принести дополнительную прибыль, иными словами инвестирование считается оправданным, если оно может себя окупить (Петров, 2023). Все это можно перенести и в психологическую плоскость в зависимости от того, о каком именно инвестировании идет речь: личностное, социальное, альтруистическое и т. д.

– Принцип измеримости результата подчеркивает, что в экономике инвестиции имеют количественную характеристику: доходность, рентабельность, убыток (Иванькова и др., 2021). В психологии этот показатель становится субъективным, поскольку оценить результат можно, но отразить его в количественном эквиваленте нельзя.

В психологии термин «инвестирование» трактуется как процесс вложения внутренних ресурсов человека: внимание, энергия, время,

эмоции в себя, других людей, отношения и другие важные психологические аспекты. В этой перспективе результатом инвестиции могут быть нематериальные блага: чувство удовлетворения, самореализация, укрепление отношений и т.д.

Такие идеи отчасти уже транслировались в психологии, к примеру, Э. Эриксон в своей теории психосоциального развития ввел такое понятие, как генеративность – способность человека выходить за рамки собственных нужд, направляя свои усилия на заботу о другом человеке (Ильин, 2021). В этом смысле инвестирование можно считать критерием психологической зрелости и роста личности, а результатом будет являться удовлетворение потребности в заботе о другом человеке.

Таким образом, мы раскрываем тему альтруистического инвестирования, которое занимает особое место в системе психологических знаний. Альтруистическое инвестирование – это вложение нематериальных ресурсов человека во благо другого индивида или социальных групп, причем без ожидания материальной или эмоциональной отдачи (Недошивина, 2019). Альтруистическим этот процесс делает именно отсутствие ожиданий, но это не значит, что человек не получает ничего взамен.

С точки зрения гуманистической психологии подобное поведение может являться выражением высших человеческих потребностей: в самореализации, любви, принадлежности, смысле жизни (Алиев, 2019). Если рассматривать альтруистическое инвестирование через призму теории социальной ответственности, то в качестве мотива может выступать ощущение внутренней обязанности помогать другим. Из этого можно сделать вывод, что результат такой деятельности мы можем определить только после того, как узнаем, что конкретно движет человеком.

Подводя итог проделанной нами работы, хочется отметить, что данный феномен приобретает особое значение для людей, чьи профессии неразрывно связаны с социальной сферой. От людей, работающих в социальной направленности, часто требуют высокой эмоциональной отдачи, что может приводить к эмоциональному выгоранию, если внутренние мотивы человека не соответствуют ценностям альтруистического инвестирования.

Понятие «инвестирование» в психологии отражает важную сторону социальной жизни человека – готовность вкладывать личные ресурсы для личного роста и развития, а также пользы других людей. Альтруизм в данном случае раскрывает стремление человека к реализации внутренних потребностей высшего порядка, что приводит его к желанию вкладывать личные ресурсы для достижения общего блага или блага других.

Литература

1. *Алиева А.А.* Гуманистическая психология как одно из направлений психотерапии // Мировая наука. 2019. №5 (26). С. 135–138.
2. *Ильин Е.П.* Психология взрослости. СПб.: Питер, 2021. 1070 с.
3. *Инькова М.Д., Адасова Я.Б.* Риски инвестирования на коротких позициях // Финансовые рынки и банки. 2021. №3. С. 51–53.
4. *Недошивина М.А.* Эффект социального доказательства и альтруистическая направленность личности как факторы просоциального поведения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2019. №194. С. 230–241.
5. *Петров С.В.* Основные принципы грамотного инвестирования // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2023. №11. С. 309–313.
6. *Рогозин В.С.* Понятие инвестиций и инвестиционной деятельности // Вестник науки. 2022. №6 (51). С. 361–373.

Возможности изучения мнения учеников психолого-педагогических классов о современных трендах в образовании

Малахова Е.С., Поздняков Я.С., Светлова А.А.

ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия

sukhancevaes@mgpu.ru, pozdnyakovyai@mgpu.ru, svetlovaa@mgpu.ru

В настоящее время возрастает популярность использования в образовательном процессе современных технологических и интерактивных форматов организации учебной деятельности школьников. Институт образовательных технологий Открытого

университета (Великобритания) ежегодно публикует перечень ключевых направлений развития образования, сравнив содержание докладов последних трех лет, можно заметить, что существует с одной стороны устойчивость некоторых трендов, а с другой отмечается их конкретизация, объединение и дополнение (*Kukulska-Hulme et al., 2024*). Так тренд «педагогика отношений» был переформулирован в «педагогику бесконфликтности», что, в свою очередь, акцентирует внимание педагогического сообщества на значимости психологического благополучия учащихся и безопасности образовательной среды (Королева и др., 2025).

Говоря о трендах развития образования в будущем, с нашей точки зрения, значимым и определяющим дальнейшее развитие образовательных систем, является мнение нынешних школьников. Изучить интересы учеников 7-11 классов нам позволил анализ тем проектных и исследовательских работ, которые были поданы для участия в городской научно-практической конференции «Наука для жизни» в направлении «Мегаполис как пространство успеха и социальной ответственности». В 2025 году для участия в данной конференции было подано 1565 работ.

Среди тем, которые выбирают школьники, можно выделить следующие группы, интересующие современных подростков.

- 1.Создание современных условий и материалов для изучения отдельных тем учебных предметов (настольные и компьютерные игры, дидактические пособия, подкасты, онлайн-тренажеры).

- 2.Использование чат-ботов в образовании и профориентации.

- 3.Социокультурная среда города как образовательное пространство.

- 4.Использование современного лабораторного и игрового учебного оборудования для повышения качества образовательных результатов.

- 5.Изменение среды образовательной организации (создание многофункциональных рекреационных зон, оформление кабинетов, навигация по школе).

- 6.Изучение негативных форм поведения (зависимости, употребление ненормативной лексики, буллинг, физическая и вербальная агрессия).

- 7.Вопросы психологического здоровья и развития личности, преодоления стресса, тревожности и выгорания.

- 8.Социальные медиа и феномены с ними связанные.

При более подробном рассмотрении проектных и исследовательских работ школьников, можно заметить, что темы,

которые выбирают дети находят своё отражение в мировых трендах образования. При сравнении содержания работ мы в том числе ориентировались на исследование мировых трендов образования в российском контексте, которое проводилось лабораторией инноваций в образовании НИУ ВШЭ совместно с образовательным холдингом Ultimate Education (Королева и др., 2025).

Школьников волнуют вопросы, связанные с уменьшением проявления насилия и агрессии, использования современных технологий, различных информационных источников и искусственного интеллекта, им хочется использовать разные формы деятельности на уроке, включающие игру, а также разные формы представления учебных материалов, например, инфографику, подкасты, мемы.

Для более качественного изучения мнения школьников о возможностях изменения учебного процесса, в рамках «Педагогического диктанта» мы предложили ученикам 11 классов проекта «Психолого-педагогический класс в московской школе» письменно ответить на открытые вопросы, в рамках которых им нужно было:

- из предложенного перечня выбрать три образовательных тренда, которые на их взгляд наиболее актуальны, а также обосновать свой выбор;
- рассказать на основе каких технологий они бы хотели обучаться и как бы выглядел сам урок;
- смоделировать фрагмент урока, внеурочного занятия, коррекционного занятия.

Нами были опрошены 50 учеников 11 класса, анализ полученных ответов позволил выделить общие смысловые единицы и определить наиболее предпочитаемые школьниками тренды в развитии образования.

87% учащихся выбирают в качестве значимого тренда педагогику бесконфликтности, их интересуют способы организации медиации, развития эмпатии.

85% интересуются иммерсивным подходом в обучении, считают актуальным использование ролевых игр в образовательном процессе, акцентируют внимание на важности включения культурного и исторического контекста в образовательный процесс.

83% школьников отмечают эффективность обучения через вызов, как образовательного формата, считают необходимым развивать

критическое мышление, видят потенциал в повышении мотивации за счет возможности самостоятельно определить проблему для решения.

97% учеников 11-х психолого-педагогических классов говорят о важности обучения через диалог с искусственным интеллектом, что способствует как развитию критического мышления и навыков работы с информацией, в том числе проверки информации на достоверность, так и помогает педагогам создавать учебные материалы с учетом уровня владения предметом обучающимся. В то же время 78% отмечают важность ведения диалога об этике использования искусственного интеллекта, формирования цифровой грамотности и этики.

Исследователи отмечают, что в настоящее время тренды формируются в основном в локальных областях образовательного процесса, таких как оценивание, визуализация материалов и улучшение коммуникации (Королева и др., 2025). Безусловно, между интересами детей и мировыми трендами развития образования не стоит искать прямой связи, а вопросы появления интереса к определенной теме у подростка могут стать отдельным направлением для исследования. Однако изучение ответов детей позволило нам сделать вывод, что, выбрав для своей будущей карьеры сферу образования, школьники не мыслят отдельными цифровыми инструментами, а стараются оценить релевантность для школы и возможности современных трендов повлиять на всю систему образования.

Литература

1. Королева Д.О., Пивоварова К.В., Заграничный А.И., Колабинова А.С., Андреева А.А., Подлипская Я.Д., Арзуманян М.А., Романченко А.А. Мировые тренды образования в российском контексте. 2025. НИУ ВШЭ. URL: https://ioe.hse.ru/edu_global_trends/2025/#trend6
2. Kukulka-Hulme A., Wise A.F., Coughlan T., Biswas G., Bossu C., Burriss S.K., Charitonos K., Crossley S.A., Enyedy N., Ferguson R., FitzGerald E., Gaved M., Herodotou C., Hundley M., McTamany C., Molvig O., Pendergrass E., Ramey L., Sargent J., Scanlon E., Smith B.E., Whitelock D. (2024). *Innovating Pedagogy 2024: Open University Innovation Report 12*. Milton Keynes: The Open University.

Взаимосвязь субъективного ощущения счастья с социально-демографическими характеристиками женщин среднего возраста

Малицкая В.Е., Толстых Н.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vika4ka@yandex.ru, nnvt@list.ru

В последнее время одним из важных вопросов в психологической науке и практике является вопрос о субъективном ощущении счастья. В первую очередь это может быть обусловлено крайне низким уровнем разработанности проблемы понимания внутреннего равновесия индивида, отсутствием глубоких знаний в области эмоционально-оценочных отношений личности. Актуальность поднятой в нашем исследовании темы определяется значимостью субъективного переживания счастья как психологического феномена, находящегося в тесной взаимосвязи с базовой потребностью личности в достижении психологического благополучия и общей удовлетворенности жизнью.

Для женщины среднего возраста ощущение счастья зависит от многих факторов. Это уже сформировавшаяся личность и к своему возрасту добившаяся много в жизни, где «показатели жизни» оцениваются через достижения в семье (наличие детей, замужество, качеством отношений и пр.), карьере и прочих сферах жизнедеятельности. На данном этапе происходит оценка своего жизненного пути и его результатов (Вирт, Верхотурова, 2025; Стригина, 2024).

Целью нашей работы является изучение взаимосвязи субъективного ощущения счастья с социально-демографическими характеристиками женщин среднего возраста.

Исследование было проведено среди 80 женщин среднего возраста. Исследуемыми нами социально-демографическими характеристиками являются: возраст респондентов, семейное положение, наличие детей в семье (количество детей), уровень образования и уровень дохода. Участие в опросе было добровольным, из чего следует, что у участвовавших было осознанное желание пройти исследование.

Для сбора данных были использованы методики «Шкала субъективного счастья» («ШСС») (Осин, Леонтьев, 2020), «Шкала

удовлетворенности жизнью» («ШУДЖ») (Осин, Леонтьев, 2020) и авторская социально-демографическая анкета.

Характеристика выборки исследования:

- возраст: 7 респондентов (9%) в возрасте от 25-29 лет, 9 женщин (11%) в возрасте от 30 до 34 лет, 29 респондентов (36%) в возрасте от 35 до 39 лет, 22 женщины (28%) в возрасте от 40 до 44 лет, 13 респондентов (16%) в возрасте от 45 до 50 лет;

- наличие детей: 28 респондентов (35%) указали в анкете, что у них нет детей, 24 женщины (30%) имеют одного ребенка, 22 респондента (28%) – двух детей и 6 человек (8%) – трех и более детей;

- семейное положение: 52 респондента (65%) замужем, 10 женщин (13%), в разводе и 18 женщин (23%) никогда не были замужем;

- образование: 77 женщин (96%) имеют высшее образование, 4 респондента (3%) – среднее специальное;

- уровень дохода: 7 человек (9%) указали, что имеют низкий доход, средний доход имеют 68 респондентов (85%) и высокий доход – 5 женщин (6%).

Распределение уровней субъективного ощущения счастья женщинами среднего возраста (по методике «ШУДЖ») показало, что большинство женщин среднего возраста имеют средний уровень субъективного ощущения счастья – 56%. Высокий уровень данного показателя присущ 33% респондентам и низкий уровень зафиксирован у 11% женщин.

Распределение уровней удовлетворенности жизнью женщинами среднего возраста (по методике «ШСС») показало, что большинство женщин среднего возраста имеют средний уровень удовлетворенности жизнью – 55%, повышенный уровень – 11%, у 30% респондентов был выявлен пониженный уровень, а у 3% женщин отмечен низкий уровень.

Нами был проведен корреляционный анализ с целью выявить взаимосвязь между социально-демографическими показателями и показателями удовлетворенности жизнью (методика «ШСС») и уровнем субъективного ощущения счастья (методика «ШУДЖ»). Следует отметить, что шкалы методик «ШУДЖ» и «ШСС» продемонстрировали прямую сильную взаимосвязь ($r = 0,513$ при $p < 0,01$). Это говорит о том, что показатели субъективного ощущения счастья и удовлетворенности жизнью можно считать идентичными, напрямую связанными между собой.

При анализе данных корреляционного анализа выявлена прямая взаимосвязь между наличием детей (количеством детей в семье) и уровнем удовлетворенности жизнью ($r = 0,259$ при $p < 0,05$), с одной стороны, и уровнем субъективного ощущения счастья ($r = 0,238$ при $p < 0,05$) – с другой. То есть чем больше детей в семье, тем женщина среднего возраста считает себя счастливее и более удовлетворена своей жизнью.

Между такими социально-демографическими характеристиками, как возраст респондента, уровень его дохода, уровень образования, семейное положение, взаимосвязи с показателями удовлетворенности жизнью и субъективным ощущением счастья выявлено не было.

Литература

1. *Вирт М.М., Верхотурова Н.Ю.* Эмоциональное благополучие женщин среднего возраста // *Universum: психология и образование: электрон. научн. журн.* 2025. 1(127). URL: <https://7universum.com/ru/psy/archive/item/18923>
2. *Леонтьев Д.А.* Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2020. №1. С. 14-37. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
3. *Осин Е.Н., Леонтьев Д.А.* Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены.* 2020. № 1. С. 117–142. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.06>
4. *Стригина О.Л.* Влияние личностных особенностей женщин в период средней и поздней зрелости на удовлетворенность жизни // *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования.* 2024. Т. 13. № 3А. С. 116-124.

Аккультурационные стратегии как фактор психологического благополучия у мигрантов

Мамарасулова К.У., Ткаченко Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kumushxonmamarasulova@yandex.ru, tata_tkachenko@mail.ru

Люди перемещаются по всему миру в поисках лучших экономических возможностей, безопасности, образования и других ресурсов. Глобализация способствует не только экономическому, но и культурному обмену. Современные процессы глобализации способствуют увеличению миграционных потоков, что неизбежно поднимает вопрос необходимости адаптации мигрантов к новой социокультурной среде. Это явление создает новые вызовы и возможности как для мигрантов, так и для принимающих обществ. Одним из центральных понятий в этом контексте является аккультурация – процесс изменений, происходящих при контакте между культурами (Григорьев, 2015). Здесь особую значимость приобретает изучение аккультурационных стратегий, которые, на наш взгляд, могут оказывать влияние на уровень психологического благополучия мигрантов.

Одним из ключевых факторов успешной адаптации является выбор аккультурационной стратегии. Аккультурационные стратегии, предложенные Дж.Берри (Berry, 2005) включают интеграцию, ассимиляцию, сепарацию и маргинализацию. Эти стратегии определяют характер взаимодействия мигрантов с принимающим обществом и уровень их адаптации. Каждая из них оказывает различное влияние на психологическое благополучие мигрантов.

Интеграция предполагает сохранение культурной идентичности при одновременном включении в новое общество. Исследования показывают, что данная стратегия наиболее благоприятна для психологического благополучия мигрантов, так как способствует снижению стресса и повышению уровня удовлетворенности жизнью (Берри, 2017). Здесь же уместно социальное явление бикультурализма (наличие двух культур), которое, согласно исследованиям, положительно связано с адаптацией (Nguyen, Benet-Martinez, 2013). Эта стратегия часто приводит к более высокому уровню психологического

благополучия, так как позволяет сохранить связь с родной культурой и одновременно адаптироваться к новой среде.

Ассимиляция характеризуется отказом от собственной культуры и полным принятием новой. Это может привести к быстрому принятию, но мигранты, отказываясь от своей культурной идентичности, неизбежно подвержены к потере связи с родной культурой. Несмотря на то, что ассимиляция может вызывать опасения по поводу утраты культурного наследия, ряд исследований показывает, что она может оказывать положительное влияние на адаптацию мигрантов и их удовлетворенность жизнью (Рябиченко, 2016). Немаловажно отметить, что стратегия ассимиляции оказывает положительное влияние на адаптацию только на более ранних этапах процесса аккультурации, что отражено в исследовании иммигрантов из России и бывшего СССР, проживающих в Финляндии и Израиле (Jasinskaja-Lahti, Norenczyk, Kinunen, 2011). В то время как в долгосрочной перспективе эта стратегия может оказывать негативное воздействие на психологическое благополучие мигрантов. В некоторых случаях мигранты могут сталкиваться с дискриминацией, даже если они пытаются ассимилироваться. Это может привести к разочарованию и снижению мотивации к интеграции.

Сепарация как аккультурационная установка представляет собой стратегию, при которой мигранты и этнические меньшинства отказываются от интеграции в культуру принимающего общества, сохраняя при этом свою культурную идентичность. Эта стратегия может проявляться в различных формах и иметь как положительные, так и отрицательные последствия для мигрантов и их сообществ (Григорьев, 2015). Сепарация может быть удобной стратегией для мигрантов, стремящихся сохранить свою культурную идентичность, однако она также может привести к значительным трудностям. Это может приводить к социальной изоляции и усилению стресса, снижать уровень удовлетворенности жизнью (Маликова, 2014). Сепарация может привести к созданию замкнутых сообществ, где мигранты взаимодействуют только друг с другом. Это ограничивает их возможности для формирования социальных связей с местными жителями, что может затруднить адаптацию и интеграцию и, естественно, негативно сказываться на психологическом благополучии.

Маргинализация связана с отказом как от собственной, так и от новой культуры, что не приводит к психологическому благополучию, а наоборот, зачастую неизбежно сопровождается высокими уровнями тревожности и депрессии. В результате этого мигранты оказываются в состоянии социальной и культурной изоляции, не имея прочных связей ни с одной из культур. Так, мигранты могут оказаться в ситуации, когда они не имеют поддержки ни от своей этнической группы, ни от местного населения. Исследования, посвященные стратегии маргинализации, менее распространены, это скорее связано с тем, что маргинализация часто рассматривается как крайний случай, и исследователи могут предпочитать изучать более распространенные и адаптивные стратегии (Галяпина, 2021).

Выбор стратегии аккультурации зависит от множества факторов, включая индивидуальные особенности личности, условия миграции, уровень поддержки со стороны принимающего общества, а также отношение к мигрантам в стране пребывания (Блинова, 2016). Например, высокая степень социальной поддержки способствует выбору интеграции, тогда как дискриминация и негативные стереотипы могут усиливать тенденции к маргинализации и сепарации (Федотова, 2022).

Кроме того, важную роль для психологического благополучия мигрантов играет степень адаптивных ресурсов личности, таких как уровень самооффективности, социальная поддержка и стрессоустойчивость. Например, мигранты с развитой социальной сетью и высокой самооценкой легче адаптируются и реже испытывают психологические проблемы (Гоголь, Дубовицкая, Кузьмичева, 2016).

Таким образом, выбор стратегии аккультурации играет решающую роль в формировании психологического благополучия мигрантов. Наиболее благоприятной стратегией является интеграция, так как она позволяет сохранить культурную идентичность и одновременно адаптироваться к новой среде. Для научного сообщества представляет интерес получения эмпирических данных, подтверждающих роль стратегии интеграции как наиболее благоприятной, а также возможные риски ассимиляции, сепарации и маргинализации. Понимание этих процессов важно для разработки программ социальной адаптации мигрантов, направленных на снижение стрессогенных факторов и укрепление их психологического здоровья. Перспективы дальнейших

исследований включают изучение специфики аккультурации в различных миграционных группах и разработку мер психологической поддержки для мигрантов.

Литература

1. *Блинова Е.Е.* Социально-психологическая адаптация трудовых мигрантов из Украины: опыт эмпирического исследования / Е.Е. Блинова // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс]: матер. III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Константинов. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 38-44.
2. *Галыпина В.Н.* Аккультурационные установки и психологическое благополучие русских в Кыргызстане и Таджикистане: модерационная роль воспринимаемой безопасности // Культурно-историческая психология. 2021. Том 17. № 4. С. 34–45. DOI: <https://doi.org/10.17759/chp.2021170404>
3. *Гоголь С.С., Дубовицкая Е.А., Кузьмичева Л.А.* Социально-психологический портрет студента из Ирака, обучающегося в России // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире [Электронный ресурс]: материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв.ред. В.В. Константинов. Пенза: Изд-во ПГУ, 2016. С. 47-53.
4. *Григорьев Д.С.* Взаимосвязь выраженности этнической идентичности и аккультурационных установок мигрантов с уровнем их социоэкономической адаптации // Культурно-историческая психология. 2015. Том 11. № 1. С. 71–85. DOI: [10.17759/chp.2015110109](https://doi.org/10.17759/chp.2015110109)
5. *Маликова Н.Р.* Социально-психологические феномены и ресурсы адаптации иммигрантов в условиях глобализации / Н.Р. Маликова // Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире: Материалы 2-й Международной научно-практической конференции, Пенза, 27–28 февраля 2014 года / Ответственный редактор В.В. Константинов. Пенза: Издательство «Перо», 2014. С. 101-109. EDN SIWYMF.

6. *Рябиченко Т.А.* Ассимиляция или интеграция: роль ценностей «Самоутверждение» // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 3. С. 93–104. DOI: 10.17759/sps.2016070307
7. *Федотова В.А.* Влияние аккультурационных стратегий, этнической идентичности, культурной дистанции на социокультурную адаптацию студентов из арабских стран // Социальная психология и общество. 2022. Том 13. № 2. URL: https://psyjournals.ru/journals/sps/archive/2022_n2/Fedotova (дата обращения: 10.03.2025).
8. *Berry J.W. (Ed.)* Mutual Intercultural Relations / J.W. Berry // Cambridge: Cambridge University Press, 2017. DOI: 10.1017/9781316875032.001
9. *Berry J.W.* Acculturation: Living successfully in two cultures / J.W. Berry // International Journal of Intercultural Relations. 2005. Vol. 29. P. 697–712.
10. *Jasinskaja-Lahti I., Horenczyk G., Kinunen T.* Time and context in the relationship between acculturation attitudes and adaptation among Russian-speaking immigrants in Finland and Israel // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2011. Vol. 37. № 9. P. 1423–1440. DOI: 10.1080/1369183X.2011.623617
11. *Nguyen A.-M.D., & Benet-Martínez V.* Biculturalism and adjustment: A meta-analysis // Journal of Cross-Cultural Psychology, 2013. 44(1), 122–159. <https://doi.org/10.1177/0022022111435097>.

Качество общения лицом к лицу и в формате видеоконференции: экспериментальное исследование

Марарица Л.В., Цигеман-Горенко Э.С.
НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия
lmararicza@hse.ru

Анализ исследований выявил дефицит работ, позволяющих составить представление о различиях в качестве общения при взаимодействии лицом к лицу и онлайн, посредством видеоконференции (Tsigeman et al., 2024). Цель нашего исследования:

изучение эмоционального состояния и воспринимаемого качества общения в условиях непосредственного (лицом к лицу) и опосредованного (через видеоконференцию) взаимодействия незнакомцев при выполнении совместных задач делового и неформального форматов. Сбор данных проходил в двух условиях коммуникации – общение через видеоконференцию при нахождении в разных комнатах и общение лицом к лицу при нахождении в одной комнате. За несколько дней до эксперимента участники заполняли анкету с социально-демографическими данными, фильтр-вопросами на включение в исследование с анализом гормона (окситоцин), вопросами на отношение к видеоконференциям и социальную тревожность. Участники лабораторного эксперимента объединялись в пары с незнакомыми им людьми и рандомно попадали в онлайн или офлайн условие. Прямо перед экспериментом участники заполняли опросник на личностные особенности, затем им было предложено выполнить совместные задачи. Первая задача – «NASA: Выживание на Луне» требовала от участников провести переговоры, чтобы прийти к общему решению предложенной проблемы (18 мин.). Вторая «задача» носила характер технической паузы – искусственно смоделированного перерыва (5 мин.). В третьем задании участникам предлагалось нарисовать и обсудить вымышленное животное (18 мин.). После участники заполняли опросников для оценки субъективного качества контакта участников с партнером по общению. Использовались следующие опросники: «Опросник удовлетворенности межличностным общением» (Interpersonal Communication Satisfaction Inventory) (Hecht, 1978), «Опросник социального присутствия Networked Minds» (The Networked Minds Social Presence Inventory) (Harms, Biocca, 2004), «Шкала межличностной привлекательности» (Attraction Scale Interpersonal) (McCroskey, McCain, 1974) и «Шкала проактивной атрибуции» (Attributional Confidence Scale, CL7) (Леонтьев, Марарица, 2023). Кроме того, участники заполняли шкалы позитивного и негативного аффекта (PANAS) (Осин, 2012), которые использовались для оценки эмоционального состояния участников шесть раз в течение эксперимента. Надежность шкал (альфа Кронбаха) в данном исследовании была от хорошей (0,75) до отличной (0,91) альфа Кронбаха.

В эксперименте приняли участие 174 человека (87 пар незнакомцев одного пола). В результате проверки данных на качество в анализ были включены данные 150 участников (75 пар незнакомцев одного пола: 20 женских и 23 мужских офлайн-пар и 11 мужских и 21 женская онлайн) в возрасте от 18 до 25 лет из числа студентов университетов.

Гипотезы исследования

- После общения лицом к лицу будет чаще наблюдаться улучшение и реже – ухудшение психоэмоционального состояния, чем после общения посредством онлайн-конференции.

- Качество общения, контакта будет выше в случае общения лицом к лицу по сравнению с общением посредством видеоконференции.

- Оценка субъективного качества общения в условиях общения лицом к лицу будет выше по сравнению с общением посредством онлайн-конференции.

- Изменения в уровне окситоцина будут связаны со всеми показателями качества общения, перечисленными в гипотезах выше.

- Респонденты будут чаще развивать контакт после исследования (продолжать общение после выхода из ситуации эксперимента), если они общались лицом к лицу, а не посредством онлайн-конференции.

Регрессионный анализ показал, что ситуация взаимодействия оказала влияние на состояние: у офлайн-участников позитивный аффект снизился меньше от начала эксперимента к его завершению, чем у участников в онлайн условии. Также было зафиксировано значимое падение негативного аффекта от начала взаимодействия в диаде к концу, причем этот эффект модерировался условием: в офлайн условии негативный аффект значимо снизился, а в онлайн – практически не изменился. Результаты многомерного дисперсионного анализа взаимосвязи результатов опросных методик (привлекательность партнера по общению, уверенность в атрибуции, социальное присутствие и удовлетворенность общением), как зависимых переменных, и формат общения (онлайн или офлайн), как независимой переменной – указывают на отсутствие различий в качестве общения, контакте и субъективной оценке качества общения у участников в онлайн и офлайн условиях: $Pillai\ trace = 0,095$, $F = 1,604$, $p = 0,12$. Результаты сравнения групп точным тестом Фишера показали

отсутствие значимых различий в стремлении к после-экспериментальному общению.

Исследование проведено при финансовой поддержке проекта «Зеркальные лаборатории» НИУ ВШЭ.

Литература

1. *Леонтьев А.В., Марарица Л.В.* Анализ психометрических свойств русскоязычной версии шкалы проактивной атрибуции (CL7) // Сборник материалов международной научной конференции. Издательство Московского университета, 2023. Р. 136–139.
2. *Осин Е.Н.* Измерение позитивных и негативных эмоций: разработка русскоязычного аналога методики Panas: 4 // Психология Журнал Высшей Школы Экономики, 2012. Vol. 9, № 4. Р. 91–110.
3. *Harms C., Biocca F.* Internal consistency and reliability of the networked minds measure of social presence // Seventh annual international workshop: Presence. Universidad Politecnica de Valencia Valencia, Spain, 2004. Vol. 2004.
4. *Hecht M.* The conceptualization and measurement of interpersonal communication satisfactioch // Hum. Commun. Res. 1978. Vol. 4.
5. *McCroskey J.C., McCain T.A.* The measurement of interpersonal attraction // Speech Monogr. 1974. Vol. 41, № 3. Р. 261–266.
6. *Tsigeman, E., Mararitsa, L., Gundelah, O., Lopatina, O., & Koltsova O.* Psychological Aspects of Face-To-Face Versus Computer-Mediated Interpersonal Communication: An Integrative Review // International Conference on Human-Computer Interaction. Cham: Springer Nature Switzerland, 2024. P. 29-48.

Социально-психологическая и профессиональная адаптация молодых педагогов

Маринова Т.Ю., Попович А.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

marinovatu@mgppu.ru, popovich.nastya2015@gmail.com

Проблема удержания молодых специалистов в сфере образования в последние годы приобрела особую остроту (Волегов, 2023). Этот феномен обусловлен комплексным воздействием как объективных, так и субъективных факторов. К объективным можно отнести материально-технические и организационные сложности, включая недостаточный уровень оплаты труда, чрезмерную рабочую нагрузку и ограниченность ресурсов для профессионального развития. Субъективные же факторы связаны с психологическими аспектами профессиональной деятельности. В частности, молодые педагоги нередко сталкиваются с трудностями социально-психологической адаптации в новом коллективе и испытывают дефицит возможностей для реализации своего профессионального потенциала, что негативно сказывается на их мотивации и удовлетворенности работой (Маркова, 1994). Именно на начальном этапе профессионального пути адаптация к новой социальной роли и поиск возможностей для самореализации играют решающую роль в формировании профессиональной идентичности и предотвращении профессионального выгорания (Абдулазимова, Омарова, Малаев, 2023). Недостаточно развитые механизмы социально-психологической адаптации могут приводить к эмоциональному истощению, конфликтам, снижению мотивации и, как следствие, затруднять профессиональную самореализацию (Водошнянова, 2025, Крушельницкая и др., 2024). Изучение взаимосвязи данных феноменов является критически важным для сохранения и развития кадрового потенциала образовательных учреждений.

В исследовании приняли участие педагоги в возрасте 20–35 лет из различных регионов РФ в количестве 95 человек (71 женщина и 24 мужчины). Мы предположили наличие взаимосвязи между уровнем профессиональной самореализации молодых педагогов с показателями

социально-психологической адаптации. Данное научное предположение конкретизировано в следующих частных гипотезах:

1) молодые педагоги с высоким уровнем социально-психологической адаптации чаще демонстрируют успешный тип профессиональной самореализации;

2) существует обратная взаимосвязь между уровнем эскапизма и уровнем профессиональной самореализации молодых педагогов;

3) существует связь между разрывом в оценке значимости мотивов профессиональной деятельности и возможности их реализации и уровнем профессиональной самореализации молодых педагогов.

В ходе статистического анализа данных были применены критерии Спирмена и Краскела–Уоллиса. Использовались: психодиагностическая методика «Тип и уровень профессиональной самореализации» Е.А. Гавриловой; «Опросник социально-психологической адаптации» К. Роджерса и Р. Даймонд; методика «Возможность реализации мотивов» В.И. Доминьяка и Е.А. Родионовой.

С помощью критерия Спирмена подтверждено наличие взаимосвязи между уровнем профессиональной самореализации и показателями социально-психологической адаптации у молодых педагогов. Наблюдается положительная корреляция между интегральными показателями адаптации ($r = 0,640$; $p = 0,001$), самопринятия ($r = 0,513$; $p = 0,001$), принятия других ($r = 0,515$; $p = 0,001$), эмоционального комфорта ($r = 0,690$; $p = 0,001$), интернальности ($r = 0,559$; $p = 0,001$), доминирования ($r = 0,511$; $p = 0,001$) и баллами профессиональной самореализации.

Согласно данным, полученным при попарном сравнении выборок с помощью критерия Краскела–Уоллиса, группы респондентов с успешным и астеническим типом профессиональной самореализации (ПС) имеют более высокие показатели адаптации ($p = 0,001$, $p = 0,001$), самопринятия ($p = 0,002$, $p = 0,046$), эмоционального комфорта ($p = 0,001$, $p = 0,001$), интернальности ($p = 0,001$, $p = 0,003$), доминирования ($p = 0,002$, $p = 0,006$), чем группа с типом формального выполнения деятельности.

Корреляционный анализ Спирмена позволил выявить прямую связь общего разрыва в оценке значимости мотивов профессиональной деятельности и возможности их реализации и уровнем

профессиональной самореализации молодых педагогов ($r = 0,355$; $p = 0,001$). Респонденты, имеющие больше условий для реализации, субъективно значимых мотивов имеют более высокий уровень профессиональной самореализации. Была выявлена прямая связь между такими мотивами, как продвижение по карьерной лестнице ($r = 0,233$; $p = 0,05$), повышение квалификации ($r = 0,273$; $p = 0,05$), удовлетворение от процесса деятельности ($r = 0,325$; $p = 0,01$), удовлетворение от результата деятельности ($r = 0,258$; $p = 0,05$), ощущение самостоятельности в принятии решений ($r = 0,270$; $p = 0,05$) и показателем эмоционального комфорта.

Результаты нашего исследования показывают, что все изучаемые показатели социально-психологической адаптации ассоциированы с более высоким уровнем профессиональной самореализации. Самопринятие и принятие других способствуют гармоничному взаимодействию с окружающими, создавая позитивный эмоциональный фон и уменьшая конфликтность. Интернальность, отражающая склонность приписывать результаты своей деятельности внутренним причинам, говорит о более высокой мотивации и ответственности, что положительно влияет на профессиональные достижения. Доминирование, как проявление лидерских качеств, может способствовать профессиональному росту и признанию в коллективе. Выявленная обратная корреляция между уровнем эскапизма и профессиональной самореализацией подчеркивает деструктивное влияние стратегий избегания на профессиональное развитие.

Перечисленные мотивы (карьерный рост, профессиональная компетентность, удовлетворенность от процесса и результата деятельности, самостоятельность) относятся преимущественно к сфере внутренней мотивации, тесно связанной с потребностью в самореализации (Deci, Ryan, 2011). Возможность удовлетворить эти потребности в рамках профессиональной деятельности способствует повышению уровня эмоционального комфорта, снижению стресса и, в конечном итоге, более успешной самореализации.

Литература

1. *Абдулазимова Т.Х., Омарова Э.М., Малаев А.Х.* К проблеме профессионального выгорания педагога // Мир науки, культуры, образования. № 6 (103) 2023. С. 103.
2. *Водопьянова Н.Е.* Синдром выгорания. Диагностика и профилактика: практическое пособие / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. 3-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2025. С. 41.
3. *Волегов В.С.* Численность молодых учителей и показатели социально-экономического развития регионов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2023. Вып. 4. С. 579-591.
4. *Крушельницкая О.Б., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Хаймовская Н.А.* Личностные факторы профессионального выгорания у школьных учителей // Консультативная психология и психотерапия 2024. Том 32. № 1. С. 139–157.
5. *Маркова А.К.* Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. С. 57.
6. *Deci E.L., Ryan R.M.* The «What» and «Why» of Goal Pursuits: Human Needs and the Self-Determination of Behavior. *Psychological Inquiry*, 2011(4), 227–268.

Взаимосвязь управленческого стиля, особенностей мотивации и конфликтности сотрудников в организации

Мартынова В.М., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ МГППУ, Москва, Россия
Vermart1861@yandex.ru, tatisheva@yandex.ru

Актуальность этой работы обусловлена возрастающим интересом организаций к укреплению корпоративной культуры, что делает их более привлекательными для будущих сотрудников (Saunders, Wong, 1985). Этот тренд вызван нехваткой специалистов на рынке труда, что заставляет компании уделять особое внимание психологическому климату для удержания и мотивации персонала. Руководителям важно

эффективно разрешать конфликты, поскольку это напрямую влияет на производительность и успех организации (Аму, 2018). В настоящее время особенно важно изучать взаимосвязь стиля руководства с мотивацией сотрудников в контексте различных способов разрешения конфликтов, поскольку корреляция между тремя этими аспектами мало изучена.

В нашем исследовании мы подробно говорим о всех трех аспектах по отдельности, проводим исследование среди работников и выявляем взаимосвязь трех аспектов.

Целью исследования является поиск взаимосвязей между тремя аспектами – мотивацией сотрудников, стиля управления в организации и стилем решения конфликтных ситуаций.

Гипотеза исследования основана на том, что взаимосвязь между обязательными явлениями внутри корпоративной культуры присутствует. А именно: существуют различия в мотивации трудовой деятельности и доминирующих стилях поведения в конфликте у сотрудников, руководители которых придерживаются разных стилей руководства.

Выборку составили 63 человека, работающие в разных организациях (всего из 14 организаций). Среди них 28 мужчин и 34 женщины, возраст которых от 25 до 49 лет. Рабочий стаж продолжительностью от 1 года до 12 лет (средний стаж – $6\pm 3,08$ лет).

Методологическая база исследования: «Методика определения стиля руководства трудовым коллективом» В.П. Захарова и А.Л. Журавлева; «Мотивационный тест» Ф. Герцберга; «Стратегии поведения в конфликте» Томаса–Киллмана (адаптировано Н.В. Шаньгиной и С.В. Кардашиной).

По результатам исследования по методике определения стиля руководства трудовым коллективом, в группу с коллегиальным стилем руководства вошел 21 человек, 31 человек вошел в группу с директивным стилем управления, в группу с попустительским стилем вошли 10 человек.

По результатам применения методики «Мотивационный тест Герцберга» были выделены следующие группы.

- В группе с директивным стилем руководства преобладает финансовая мотивация. Заработная плата является основным мотиватором к рабочей деятельности.

- В группе с коллегиальным стилем преобладают мотивы сотрудничества и финансовые мотивы. Это говорит о том, что для этих

сотрудников важны и финансовая выгода, и возможность сотрудничать в коллективе, приносить пользу.

- В группе с попустительским стилем руководства главной мотивацией выступает карьерный рост и финансовые мотивы. Это говорит о том, что для этих сотрудников важна как заработная плата, так и возможность вырасти в должности.

По результатам применения методики «Стратегии поведения в конфликте» Томаса–Киллмана (адаптировано и Н.В. Шаньгиной и С.В. Кардашиной), у испытуемых, посчитавших, что их руководство использует директивный стиль, стратегия избегания в конфликтных ситуациях преобладает. А в группе испытуемых, где руководство охарактеризовали как коллегиальное, тенденция к применению разнообразных стратегий: избегание, компромисс и сотрудничество. Стратегия соперничества доминирует в группе испытуемых с попустительским стилем руководства.

Мы провели корреляционный анализ и сделали следующие выводы.

По результатам исследования, в группах с попустительским стилем руководства чаще встречается способ приспособления в конфликте «соперничество», который имеет сильную отрицательную корреляцию с мотивацией ответственности работы.

При директивном стиле руководства чаще встречаются, положительно коррелируют с мотивом достижения личного успеха и отрицательно – со способом поведения в конфликте стратегии «избегание» и «приспособление».

Коллегиальный стиль положительно коррелирует с такими видами мотивации, как сотрудничество, достижение личного успеха, ответственность, а также со стратегиями сотрудничества и компромисса в конфликтах.

Таким образом, гипотезы исследования подтверждены, его результаты могут использоваться для совершенствования корпоративной культуры организации.

Литература

1. Amy E.C. The Fearless Organization. 2018.
2. Saunders J., Wong V. In search of excellence in the UK //Journal of Marketing Management. 1985. Т. 1. №. 1-2. P. 119-137.

Дисфункциональные убеждения как фактор возникновения социальной тревожности

Марьин К.А., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
k1516628@mail.ru, social2003@mail.ru

С точки зрения когнитивно-поведенческой терапии, основанной на работах А. Бека, дисфункциональные убеждения определяются как свернутые формы мышления, которые включают в себя устойчивые представления, формирующие восприятие человеком мира вокруг, себя и окружающих. Они закладываются в раннем детстве под влиянием семьи, опыта социализации и межличностных взаимодействий, а со временем закрепляются, становясь основой для формирования эмоциональных реакций и поведенческих стратегий. В отличие от глубинных убеждений в целом, дисфункциональными являются убеждения явно негативного характера. Они могут приводить к тревожности, снижению уверенности в себе, затруднениям в построении межличностных взаимоотношений, фобиям, внутренним конфликтам и другим проблемам (Beck, 1976).

Достаточно закономерным последствием развитых дисфункциональных убеждений у личности может являться социальная тревожность. Под социальной тревожностью понимается состояние эмоционального дискомфорта, страха, опасения и беспокойства в отношении ситуаций межличностного взаимодействия (Краснова-Гольева, 2011). Данное определение можно вывести из работ зарубежных авторов, в числе которых Дж. Кларк, Дж. Карран, Д. Уотсон и др. Таким образом, социальная тревожность – это интенсивный страх перед определенными социальными ситуациями, в частности, теми, в которых присутствуют незнакомые люди или наличествует опасение перед внешней оценкой.

С целью изучения воздействия сформированных дисфункциональных убеждений на проявление социальной тревожности у студентов, было проведено эмпирическое исследование с участием 85 респондентов, обучающихся на первом и втором курсах вуза. Гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что

дисфункциональные убеждения студентов взаимосвязаны с уровнем их социальной тревожности. Предполагалось, что студенты с дисфункциональными убеждениями проявляют более высокий уровень тревожности, чем студенты, у которых эти убеждения не выявлены. Для проверки гипотезы использовались: методика «Шкалы дисфункциональных отношений/убеждений» (А. Бек, А. Вейсман, адаптация М.Л. Захаровой) (Захарова, 2013) и методика «Шкала социальной тревожности Либовица» LSAS (М. Либовиц, адаптация И.В. Григорьевой, С.Н. Ениколопова) (Григорьева, 2016).

В результате корреляционного анализа полученных данных (критерий Спирмена) были выявлены статистически значимые взаимосвязи социальной тревожности студентов с рассмотренными нами дисфункциональными убеждениями. Эти взаимосвязи позволяют говорить о том, что чем сильнее у студентов проявляются дисфункциональные убеждения, связанные с «Одобрением» ($r = -0,490$; $p < 0,001$) и «Любовью» ($r = -0,446$; $p < 0,001$), тем больше у них социальная тревожность. Дисфункциональные убеждения, связанные со шкалой «Одобрение», характеризуются тенденцией ставить мнение человека о себе в зависимость от мнения окружающих. В свою очередь, дисфункциональные убеждения по шкале «Любовь» демонстрируют зависимость человека от расположенности окружающих и страх отчуждения.

Значимыми для проявления социальной тревожности являются также дисфункциональные убеждения, связанные с показателями «Ярлыки» ($r = -0,458$; $p < 0,001$), «Одиночество» ($r = -0,367$; $p < 0,001$) и «Всемогущество» ($r = -0,384$; $p < 0,001$). Выраженность дисфункциональных убеждений в области «Ярлыков» проявляется в убеждениях человека о собственном «праве» на успех, счастье, любовь и т.д., гарантированном самим мироустройством. Шкала «Одиночество» оценивает автономию и независимость как возможность находить радость в самом себе. В то же время, шкала «Всемогущество» демонстрирует тенденцию человека считать себя «центром Вселенной» и приписывать себе ответственность за все происходящее.

Помимо этого, обнаружены взаимосвязи социальной тревожности с дисфункциональными убеждениями «Безупречность» ($r = -0,258$; $p =$

0,017) и «Достижения» ($r = -0,220$; $p = 0,043$). Шкала «Безупречность» в своем негативном варианте демонстрирует стремление человека к деструктивному перфекционизму, когда любая ошибка – хуже смерти. Шкала «Достижений» показывает зависимость мнения человека о себе от успехов в своей непосредственной деятельности. В негативном варианте индивид воспринимает себя как товар на рынке труда и полностью отождествляет себя со своей работой.

Полученные результаты исследования свидетельствуют о том, что чем сильнее у студентов проявляются дисфункциональные убеждения, связанные с «Одобрением», «Любовью», «Достижениями», «Безупречностью», «Ярлыками», «Всемогуществом», «Одиночеством», тем больше социальная тревожность.

На основании полученных результатов можно заключить, что гипотеза нашего исследования полностью подтвердилась. Кроме того, было выявлено, что дисфункциональные убеждения, связанные с «Одобрением», выше у девушек, чем у юношей (критерий Манна-Уитни, $p = 0,039$).

Таким образом, можно предположить, что, независимо от характера и направленности дисфункциональных убеждений, все они в той или иной степени воздействуют на выраженность социальной тревожности. Вероятно, совокупное влияние нескольких отдельных направлений дисфункциональных убеждений (например, «Одобрения» и «Любви») еще больше усиливает и без того высокие показатели социальной тревожности отдельных индивидуумов.

Литература

1. Григорьева И.В. Апробация опросников «Шкала социальной тревожности Либовица» и «Шкала страха негативной оценки (краткая версия)» / И.В. Григорьева, С.Н. Ениколопов // Национальный психологический журнал. 2016. Т. 21. № 1. С. 31–44.
2. Захарова М.Л. «Шкала дисфункциональных отношений» как метод исследования когнитивных искажений // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии. 2013. Т. 29. С. 55–65.

3. *Краснова-Гольева В.В.* Социальная тревожность и студенческая дезадаптация / В.В. Краснова-Гольева, А.Б. Холмогорова // Психологическая наука и образование. 2011. № 1. С. 140–150.
4. *Beck A.T.* Cognitive therapy and emotional disorders. New York: American book, 1976.

Проявления конфликтности и коммуникативных склонностей в подростковом возрасте

Матвеева С.В., Охлопков А.Е.

*ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского»
Балашовский институт (филиал), Балашов, Россия
matveeva2468@yandex.ru, okhlopkov2025@bk.ru*

Исследование разного рода конфликтов остается на современном этапе развития социальной психологии одной из актуальных проблем. Они лежат в основе многих социальных явлений и служат показателем проявления проблем в установлении взаимоотношений, как на индивидуальном, так и на групповом уровнях. Любой конфликт, даже конструктивный, который направлен на разрешение противоречий, тяжело переживается на эмоциональном уровне и «выбивает» из привычного ритма жизни. Поэтому исследованию этой проблемы уделяется много внимания в науке (Гришина, 2008; Емельянов, 2018; Каменская, 2023 и др.).

Особое место конфликты занимают в образовательном процессе, где они неизбежны, так как сталкиваются разные представления, взгляды, идеалы на многие стороны жизни человека и являются показателем возникших противоречий на разных этапах развития личности. Взросление индивида проходит через сложный процесс принятия социальных норм и понимание себя через выстраивание отношений с другими. Ребёнок учится общаться, начиная с первых дней своей жизни, но наиболее активно этот процесс начинает проходить, когда он входит в новую социальную ситуацию развития, расширяется его круг общения.

Обостряется этот процесс при переходе от детства к взрослой жизни. Подростковый период всеми учеными признается как самый сложный, конфликтный этап в развитии личности индивида. Все проблемы как бы сталкиваются воедино, но это может иметь и определенный позитивный смысл. Решая одну проблему, подросток невольно затрагивает и другую, таким образом, справляясь с ними.

Было проведено исследование взаимосвязи уровня конфликтности и коммуникативных склонностей в подростковом возрасте. Предметом исследования выделена взаимосвязь уровня конфликтности и коммуникативных склонностей в подростковом возрасте.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь между уровнем конфликтности и коммуникативными склонностями в подростковом возрасте.

Исследование проведено в МОУ СОШ с. Репное Балаховского района Саратовской области. В исследовании приняли участие обучающиеся в 8-х классах в количестве 30 человек.

Программу исследования составили две методики. В ходе проведения методики «Выявление коммуникативных склонностей учащихся» (Р.В. Овчарова) были выявлены коммуникативные склонности детей в коллективе, которые нами рассматриваются как особенности личности, которые дают возможность создать условия для результативного общения, позитивной психологической атмосферы в группе, результативной совместной деятельности.

Было выявлено, что у 8 человек низкий уровень коммуникативных склонностей, что составляет 27 % от выборки испытуемых. Они больше нацелены на себя, проводят время в одиночестве, не заинтересованы в общении с другими людьми. Открываются только перед самыми близкими, которым доверяют. Часто имеют проблемы в общении, с которыми не могут справиться сами, переживают по этому поводу.

Уровень ниже среднего не был выявлен. Средний уровень коммуникативных склонностей диагностирован у 10 подростков, что составляет 33 % от выборки испытуемых. У них уже проявляется хороший уровень коммуникативных способностей. Они могут общаться и ощущают себя при этом достаточно комфортно.

4 обучающихся имеют уровень коммуникативных склонностей выше среднего, что составляет 13 %. Они стараются не просто

общаться, а уже увеличить количество своих знакомых, берут инициативу в свои руки.

8 подростков имеют высокий уровень коммуникативных склонностей (27 %). Они не имеют сложностей в общении, без проблем входят в любой коллектив.

В ходе проведения методики «Уровень конфликтности личности» (В.И. Андреева), был выявлен уровень конфликтности. Низкий уровень диагностирован у 8 подростков (27 % испытуемых). Они не конфликтны, не стремятся противопоставлять свое мнение. Регулируют свои эмоции, прислушиваются к советам других.

Уровень ниже среднего имеет 1 обучающийся (3 %). Он не стремится к проявлению конфликтного поведения, даже может сгладить острую ситуацию. Хочет иметь позитивную оценку своего поведения от окружающих.

У одного человека выявлен уровень конфликтности ближе к среднему (3 %). Для него характерен высокий контроль своих эмоций, стремление советоваться с другими, но при этом возможно проявление принципиальности, что может обострять ситуацию.

Большая часть испытуемых имеет средний уровень (47 %). Такие подростки не стремятся вступать в конфликты. Они в основном могут сохранять спокойствие. Не отвергают мнение других, но только до того момента пока это не затрагивает непосредственно их интересы. Тогда могут твердо отстаивать свою точку зрения.

Высокий уровень конфликтности выявлен у 6 индивидов (20 %). Они могут не только вступать в конфликты. Но и в большинстве случаев быть их инициаторами. У них проявляется часто сниженный самоконтроль, так как под конфликтностью личности понимается ее интегральное свойство, отражающее частоту вступления в межличностные конфликты, то при высокой конфликтности индивид становится постоянным инициатором напряженных отношений с окружающими независимо от того, предшествуют ли этому проблемные ситуации. Для лиц с высоким уровнем конфликтности характерны сниженный самоконтроль и недостаток самокритичности.

Использование статистического метода показало, что существует связь между уровнем коммуникативных склонностей и уровнем конфликтности ($r = -0,504$ при $p \leq 0,01$). Чем ниже уровень коммуникативных склонностей, тем выше уровень конфликтности

подростков. То есть испытуемые, не умеющие выстраивать отношения эффективно для себя, допускают возможность использования конфликта против другого лица.

Таким образом, низкий уровень коммуникативных склонностей, способствует проявлению высокого уровня конфликтности подростков, что свойственно возрастной особенности подросткового возраста. Был разработан тренинг, направленный на развитие коммуникативных навыков в подростковом возрасте и снижение конфликтности.

Литература

1. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. 2-е изд. СПб.: Питер, 2008. 544 с.
2. *Емельянов С.М.* Конфликтология: учебник и практикум для академического бакалавриата / С. М. Емельянов. 4-е изд., испр. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 322 с.
3. *Каменская В.Г.* Психология конфликта. Психологическая защита и мотивации в структуре конфликта: учебное пособие для вузов / В.Г. Каменская. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во Юрайт, 2023. 150 с.

Взаимосвязь экзистенциального эскапизма и вовлеченности в субкультуры у современной молодежи

Матюхина Е.С.

ГБОУ «Школа №1797», Москва, Россия

Likamilky@gmail.com

Вопросы, касающиеся смысла жизни, выбора и реализации, а также их связь с эскапизмом, были исследованы такими философами, как В. Франкл и Ж.-П. Сартр. В современных исследованиях этот аспект также рассматривают такие авторы, как Р.Е. Мантов, Д.Г. Литинская, Е.О. Труфанова и др. Экзистенциальный эскапизм представляет собой психологическое состояние или подход, при котором индивид стремится уйти от реальности, в которой он испытывает внутреннее

или экзистенциальное страдание, ненастье или кризис идентичности. Этот вид эскапизма связан с попытками избежать глубоких вопросов о смысле жизни, своем существовании и взаимодействии с окружающим миром. Экзистенциальный эскапизм может проявляться через увлечение различными формами искусства, научной фантастики, фэнтези или даже играми, которые позволяют людям исследовать альтернативные реальности, где их проблемы и заботы могут быть временно отложены (Литинская, 2013; Сиверцев, 2018).

Вовлеченность в субкультуры означает активное участие индивида в определенной группе, которая разделяет уникальные интересы, ценности, обычаи и стиль жизни, отличающиеся от культурных норм общества. А.В. Мудрик описывает субкультуру как совокупность уникальных социально-психологических характеристик, таких как нормы, ценности, стереотипы и предпочтения, которые формируют стиль жизни и мышление определенных групп людей, как номинальных, так и реальных. Эти характеристики помогают им осознать и утвердить свое «мы» как отличное от «они», то есть от остальных членов общества (Андреев, 2007; Мудрик, 1997).

Субкультуры могут возникать вокруг различных аспектов – музыкальных направлений, моды, идеологических взглядов, философских подходов или даже образа жизни. Человек, вовлеченный в субкультуру, обычно стремится стать частью этой группы, идентифицируя себя с ее символами и стилем, принимая участие в ее мероприятиях, таких как концерты, фестивали, встречи и обсуждения. Это вовлечение может давать ощущение принадлежности, социальной поддержки и понимания, особенно для молодежи, которая ищет свое место в обществе и пытается выразить свою индивидуальность. (Гришин, 1990).

Цель настоящего исследования – выявить взаимосвязь экзистенциального эскапизма и вовлеченности в субкультуры у современной молодежи.

Исследование, проведенное в ноябре 2024 года в онлайн-формате среди тематических сообществ, охватило 203 участника с различной степенью вовлеченности в аниме-культуру. Среди респондентов 53% составили мужчины, 47% составили женщины; 63,8% находились в

возрасте от 18 до 23 лет, 4% представляли группу от 16 до 17 лет, 6,7% представляли группу от 30 до 35 лет, а 25,5% принадлежали к возрастной категории от 24 до 29 лет.

Для определения уровня эскапизма использовалась методика, предложенная О.И. Теславской и Т.Н. Савченко в 2019 году, под названием «Методика измерения уровня выраженности эскапизма». Для определения уровня вовлеченности в субкультуры была разработана авторская анкета, основанная на «Методических рекомендациях по определению маркеров вовлеченности молодежи в деструктивные субкультуры».

В результате корреляционного анализа была выявлена значимая положительная взаимосвязь между вовлеченностью в субкультуру и экзистенциальным эскапизмом (критерий Спирмена, $r = 0,358$ при $p = 0,001$). Что означает, что между переменными существует значимая положительная корреляция, то есть чем выше уровень вовлеченности в субкультуры, тем выше уровень экзистенциального эскапизма.

Таким образом, взаимосвязь экзистенциального эскапизма и вовлеченности в субкультуры представляет собой сложный и многоаспектный процесс, где переплетаются личные, социальные и культурные факторы. Субкультуры такие, как гик-культура, панк, хип-хоп или другие, предоставляют своим участникам возможность найти свою идентичность и сообщество, объединенное общими ценностями и интересами. Участие в субкультуре может предложить людям чувство принадлежности, которое они могут не получить в традиционных социальных кругах. В этом аспекте экзистенциальный эскапизм может проявляться через создание альтернативных способов существования, где могут нарушаться общепринятые нормы и правила, но при этом участники свободно выражают свои эмоции и переживания.

Одной из причин вовлеченности в субкультуры является стремление уйти от стресса и давления, которые накладывает современное общество. Например, многие люди могут чувствовать себя потерянными в глобализированном мире, где они не видят своего места. Субкультуры предлагают утешение и поддержку, позволяя индивидууму исследовать себя в безопасной и принимающей среде.

Это может рассматриваться как попытка уйти от экзистенциальной тревоги, связанной с поиском своего «Я» и смысла жизни.

Другая важная причина заключается в способности субкультур предлагать альтернативные нарративы о жизни. В традиционных социальных структурах часто доминируют определенные идеалы успеха и счастья, которые могут создавать давление и приводить к чувству несоответствия. Субкультуры становятся местом, где можно оспорить эти идеалы, предлагая свои собственные определения ценностей и успеха. Таким образом, вовлечение в субкультуры может служить формой протеста против, казалось бы, навязываемых стандартов, а также инициировать исследовательский процесс, который может помочь в нахождении своего места в мире.

В заключение отметим, что взаимосвязь экзистенциального эскапизма и вовлеченности в субкультуры является многослойным явлением, которое демонстрирует, как человеческое стремление к поиску смысла, принадлежности и самовыражения может проявляться в разных формах. Субкультуры не только предлагают возможность уйти от стресса и тревог, но и становятся важными пространствами для самопознания и формирования новых смыслов в жизни.

Литература

1. *Андреев Э.М.*, Культура и общество (Культура как фактор консолидации и развития в трансформирующемся обществе) / Э.М. Андреев С. И. Худяков. М.: Серебряные нити, 2007.
2. *Гришин В.А.* Субкультура и ее проявления в молодежной среде / В.А. Гришин. М.: НИИ культуры, 1990.
3. *Литинская Д. Г.* Экзистенциальный эскапизм: новая проблема общества открытой информации. М.: Левъ, 2013.
4. *Мудрик А.В.* Введение в социальную педагогику. М.: Институт практической психологии, 1997.
5. *Сиверцев Е.Ю.* Эскапизм как одно из проявлений экзистенциальности человека // Манускрипт. 2018. №3.

Развитие ассертивного поведения молодежи новых (исторических) регионов России методом сказкотерапии

Маштакова С.В., Рынгач Е.В.

*ФГБОУ ВО «МГУ имени А.И. Куинджи», Мариуполь, Россия
sv.mashtakova@yandex.ru, e.ryngach@mgumariupol.ru*

Вопрос развития ассертивного поведения сегодня востребован среди не только зарубежных (Шейнов, 2015), но и отечественных ученых. Несмотря на значительный вклад исследователей (Абдуллин, 1922) в изучение данной тематики, открытым остается вопрос применения сказкотерапии для развития ассертивного поведения (Лебедева, 2010) молодежи. Навык ассертивности в общении нужен при общении в деловой сфере (Чурсинова, 2023).

Ниже представлены результаты исследований с применением методик «Опросник ассертивности» (Шейнов, 2014), «Диагностика стиля общения» (Л. Михельсон, модификация Г.В. Резапкиной) (Килина и др., 2016), «Субъективная оценка межличностных отношений» (Духновский, 2006).

Приглашены студенты вуза (специальность «Практическая психология» ФГБОУ ВО «МГУ имени А.И. Куинджи») – две выборки по 20 человек: контрольная и экспериментальная. Контрольная группа была опрошена единоразово, а экспериментальная – до и после задействия программы (03.02.2025 и 25.03.2025).

В программе применены дополнительные психологические инструменты – ролевое моделирование (Маштакова, Рынгач, 2024), символдрама, телесная психотерапия, КПТ.

Программ длилась 2 месяца (семь лекционно-практических занятий продолжительностью по 1 час 20 минут) и содержит: ролевое моделирование на примере сказки «Репка» (из сборника А.Н. Афанасьева) и «Петушок – золотой гребешок» (А.Н. Толстой), пресс-конференция любимых героев русских сказок, блокнот эмоций любимого сказочного героя, ролевое моделирование «Любимый герой сказки на первичном приеме у психолога», написание каждым участником терапевтической сказки в начале программе и в ее финале по предложенной схеме.

В начале исследования у обеих выборок наблюдается незначительное преобладание агрессивного поведения. Как показали результаты опроса экспериментальной группы до и после применения данной программы, агрессивность снизилась и наблюдается преобладание асертивности.

Анализируя взаимосвязи между результатами трех тестов у контрольной группы, можно отметить, что найдены такие значимые связи с применением метода Пирсона: $r = 0,43$ – прямая средняя по силе связь между шкалами «уверенность» и «асертивность»; слабая обратная связь ($r = -0,06$) между шкалами «агрессивность» и «асертивность».

Обратные связи найдены между остальными шкалами тестов (слабые или умеренные). Учитывая полученные результаты, актуально применять и другие методы работы со студентами вуза. Уместной может быть арт-терапия (Маштакова, Лезкано, 2024).

Обладая обширными возможностями (Метод комплексной сказкотерапии..., 2024) и богатым инструментарием (Кондратьев, 2014), сказкотерапия может найти применение в работе со студентами вуза с целью развития у них асертивного поведения (Шейнов, 2015) и уверенности. Актуально расширить обе выборки до 30-50 участников в каждой, провести опрос обеих групп через 6 и 12 месяцев после исследования.

Таким образом, проведенное исследование показало, что участники программы по развитию асертивного поведения получили позитивный результат (их асертивность повысилась). Актуально продолжать проведение практических занятий со студентами вуза с целью поиска связей между полом испытуемых и уровнем их асертивности (Шейнов, 2018) для развития асертивного поведения молодежи новых (исторических) регионов России.

Литература

1. *Абдуллин А.И.* Асертивное поведение студентов вуза как конструктивный способ межличностного взаимодействия // Актуальные проблемы здоровьесбережения в современном обществе : Сборник научных статей IV-й Всероссийской научно-практической конференции, Курск, 10 октября 2022 года. Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. С. 8-12.

2. *Духновский С.В.* Субъективная оценка межличностных отношений : рук. по применению. СПб. : Речь, 2006. 51 с.
3. *Килина И.А., Рыжова Н.Т., Вершинин И.Ю., Белов В.Ф.* Организация профессиональных проб для старшеклассников в профессиональных образовательных организациях. Кемерово : Кузбасс, 2016. 88 с.
4. *Кондратьев М.Ю.* Сказочная сила сказки: введение в мир реальной психотерапии // Социальная психология и общество. 2014. Т. 5, № 4. С. 145-149.
5. *Лебедева И.В.* Развитие ассертивности и ассертивного поведения личности // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 5. С. 127-132.
6. *Маштакова С.В., Лезкано В.В.* Возможности арт-терапии в профилактике межличностных конфликтов у подростков // Шакуровские чтения : II Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых, аспирантов и студентов, Казань, 17 мая 2024 года. Казань: Казанский национальный исследовательский технологический университет, 2024. С. 381-384.
7. *Маштакова С.В., Рынгач Е.В.* Потенциал ролевого взаимодействия в подготовке психологов. / Давыдовские чтения: Сборник тезисов участников III международной научно-практической конференции (10–11 сентября 2024 г.) / Под ред. В.В. Рубцова, А.В. Конокотина. М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. С. 43-48.
8. Метод комплексной сказкотерапии в работе с детьми на разных этапах онтогенеза: Учебно-методическое пособие / Сост. С.С. Канавина, В.И. Рерке. Иркутск: Центр оперативной типографии ИП Юмашева А.Н., 2020. 163 с.
9. *Чурсинова О.В.* Ассертивное поведение руководителя образовательной организации как ключевой фактор противостояния манипуляциям в деловом общении // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 8-2(83). С. 113-116.
10. *Шейнов В.П.* Взаимосвязи ассертивности с психологическими и социально-психологическими характеристиками личности //

- Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 2. С. 147-161.
11. *Шейнов В.П.* Детерминанты асертивного поведения. // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 3. С. 28-37.
12. *Шейнов В.П.* Разработка теста асертивности, удовлетворяющего требованиям надежности и валидности / В. П. Шейнов // Вопросы психологии. 2014. № 2. С. 107-116.

Музыка как антидот: новый взгляд на профилактику профессионального выгорания

Медникова М.В., Михайлов А.Э., Маринова Т.Ю., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
m.mariya97@bk.ru

Несмотря на значительный интерес к проблеме профессионального выгорания, ряд ключевых аспектов, в том числе разработка эффективных стратегий коррекции и профилактики, остаются недостаточно исследованными.

Профессиональное выгорание (англ. burnout) представляет собой сложное психоэмоциональное состояние, широко распространенное, охватывающее значительную часть трудоспособного населения в различных профессиональных группах, возникающее в результате хронического стресса на рабочем месте и оказывающее значительное влияние на работоспособность, здоровье и качество жизни сотрудников (Крушельницкая и др., 2024).

Согласно отечественным и зарубежным исследованиям, проведенным ранее, до 28% сотрудников испытывают эмоциональное выгорание, а 48% хотя бы раз сталкивались с этим состоянием. Таким образом, можно сказать, что более 75% работников в своей профессиональной деятельности сталкиваются с проблемой выгорания. Разработаны и продолжают разрабатываться стратегии для борьбы с эмоциональным выгоранием.

Исследователи из Институт Гэллапа предлагают ряд рекомендаций для предотвращения выгорания сотрудников, включая выявление симптомов, оказание поддержки работникам в борьбе с выгоранием,

снижение уровня стресса на рабочем месте, уменьшение негативного влияния микроменеджмента, повышение уровня автономии в работе и важность развития культуры вовлеченности на рабочем месте (Harter, 2023).

Методы борьбы с профессиональным выгоранием должны включать не только изменения в менеджменте и вовлеченности сотрудников, но и соблюдение «гигиены труда»: баланс между жизнью и работой, регулярные отпуска, полноценный ментальный отдых и высокий уровень сочувствия к себе (Чистопольская и др., 2020).

Важно продолжать исследования с целью адаптации подходов к конкретным условиям работы. Мы полагаем, что весьма эффективным способом профилактики профессионального выгорания может оказаться музыкальная терапия.

«Музыкотерапия – психотерапевтический метод, основанный на целостном воздействии музыки на психику человека. Музыкотерапия является системой психосоматической регуляции функций организма человека, при этом происходит одновременное влияние акустических волн, организованных в музыкальную структуру, на психоэмоциональную, духовную сферу человека и непосредственно на поверхность тела и внутренние органы» (Сахошко, 2024).

Профессиональное выгорание, в частности, такой его компонент, как эмоциональное истощение (Резниченко, Подтягина, 2024), возникает в результате хронического стресса и перенапряжения. Снижение уровня стресса и эмоциональная разрядка могут замедлить развитие этого состояния. Музыка является доступным средством саморегуляции психоэмоционального состояния.

Музыка является эффективным средством саморегуляции психоэмоционального состояния, доступным для всех. Во-первых, обращение к музыке в повседневной жизни может стать способом для регуляции своего эмоционального состояния и предотвращения эмоционального истощения. Во-вторых, для работы с эмоциональным выгоранием может применяться музыкальная терапия. В-третьих, музыка может быть эффективной для борьбы с хронической усталостью и тревожностью.

Музыкальная терапия и музыка в дальнейшем могут быть включены в программы профилактики профессионального выгорания и развития

навыков управления стрессом. Используемые методы эффективны, так как оказывают положительное воздействие на психоэмоциональное состояние. Поэтому включение музыки в программы психологического здоровья является перспективным направлением для работы с состоянием профессионального выгорания, в частности с его ключевым компонентом – эмоциональным истощением.

Литература

1. Крушельницкая О.Б., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Хаймовская Н.А. Личностные факторы профессионального выгорания у школьных учителей // Консультативная психология и психотерапия 2024. Том 32. № 1. С. 139–157.
2. Резниченко С.И., Подтягина П.О. Офисная среда и параметры профессионального опыта как предикторы профессионального выгорания у специалистов IT-индустрии // Экспериментальная психология. 2024. Том 17. № 1. С. 181–197.
3. Сахошко А.Н. Музыкотерапия как средство профилактики синдрома эмоционального выгорания современного педагога / А.Н. Сахошко. Текст : непосредственный // Молодой ученый. 2022. № 45 (440). С. 341-345. URL: <https://moluch.ru/archive/440/96027/> (дата обращения: 28.03.2025).
4. Чистопольская К.А., Осин Е.Н., Ениколопов С.Н., Николаев Е.Л., Мысина Г.А., Дровосеков С.Э. Концепт «Сочувствие к себе»: российская адаптация опросника Кристин Нефф // Культурно-историческая психология. 2020. Том 16. № 4. С. 35–48.
5. Harter J. Research: The Flexibility Options Your On-Site Employees Want [Электронный ресурс] // Harvard business review. 2023. URL: <https://hbr.org/2023/05/research-the-flexibility-options-your-on-site-employees-want> (дата обращения: 01.03.2025).

Взаимосвязь семейных конфликтов с ранними дезадаптивными схемами у супругов

Миронова О.И.

*Финансовый университет при Правительстве РФ;
НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия
mironova_oksana@mail.ru*

Актуальность исследования семейных конфликтов не вызывает сомнений. Ориентация на семейные ценности особенно подчеркивается сегодня на государственном уровне и в России, и в других странах. Институт семьи обеспечивает стабильность общества в целом, а для отдельного человека семейные отношения предполагают наряду с хозяйственно-бытовой, детородной и другими функциями, такие функции, как: психологичную и психотерапевтическую. Дисфункциональные семьи связаны с многочисленными конфликтами, именно в них и родители, и дети чувствуют эмоциональное и психологическое неблагополучие (Cao et al., 2019). Для эффективного управления конфликтами является важным выявление предикторов, факторов их возникновения. Развитие семейных конфликтов, в частности, может быть связано с ранними дезадаптивными схемами. Известным фактом является то, что супруги, находящиеся в бракоразводном процессе, могут отличаться ярко выраженными РДС (Yoosefi et al., 2010).

Ранние дезадаптивные схемы – это «широкая, всепроникающая тема или паттерн, состоящий из воспоминаний, эмоций, когний и телесных ощущений, касающийся себя и своих отношений с другими, сформировавшийся в детстве или подростковом возрасте, развивающийся на протяжении всей жизни и в значительной степени дисфункциональный» (Mironova, Kovalevskaja, 2024).

Изучение работ различных авторов позволяет выявить следующие переменные взаимосвязи возникновения и разрешения семейных конфликтов с ранними дезадаптивными схемами.

1. Конфликты в паре возникают из-за снижения *сексуальной близости*, которая в свою очередь обусловлена выраженными ранними дезадаптивными схемами (Satıcı, Deniz, 2020). Изучались

романтические отношения у студентов из Турции и их РДС. Сексуальная неудовлетворенность в паре у студентов была обусловлена эмоциональной депривацией и недостаточным самоконтролем (Körük S., Kurt, 2019).

2. РДС оказывают существенное влияние на *характер общения* между супругами. В частности, выявлено, что общее значительное их количество обуславливает *агрессию* во взаимодействии (Esmaili, Mohammadi, & Hakami, 2016). На отсутствие открытости в общении оказывают существенное влияние РДС из домена «Нарушение связи и отвержение» (Nunes, Martins, Leal, Pechorro, Ferreira, & Ayala-Nunes, 2022). Травматический опыт детства обуславливает опасение человека относительно неудовлетворения потребности в принятии, принадлежности и любви. Отсюда следует закрытость в отношениях, избегание интимных отношений.

3. Обуславливая в целом *неудовлетворенность браком*, ранние дезадаптивные схемы приводят к возникновению и развитию конфликтов в паре. Следуя РДС супруги опираются на иллюзии в своих оценках и умозаключениях, ожиданий от партнера, в том числе при самом выборе партнера. Схема включает процесс выбора неподходящего партнера, ситуация толкуется через предубеждения (Sharifi et al., 2022). Любое поведение супруга, противоречащее схеме, будет всегда подвергаться критике и оцениваться в отрицательном аспекте. Многочисленные исследования показывают, что при отсутствии у супругов РДС повышается адаптивность их поведения в семье, супружеские отношения становятся более гармоничными, удовлетворенность браком значительно повышается.

4. РДС активно запускаются, ярко «вырисовываются» в ситуациях *стресса*. Конфликт всегда сопровождается стрессом, поэтому выступает почвой для запуска РДС. Психические состояния, которые развиваются в ситуации, не всегда ей релевантны, но они «высвечивают» детские переживания, помогают заново вернуться к схемам и возможно научиться совладать с ними найденным адаптивным способом.

Любопытным наблюдением является то, что человек часто выбирает для себя партнера с похожими на свои дезадаптивные схемы,

отражая феномен «очарованием схем», создает ситуации, активизирующие имеющиеся у него РДС.

5. РДС влияют на разрешение семейных конфликтов, в частности, определяют выбор супругами *поведенческих стратегий*. Имеется взаимосвязь уязвимости и покорности с уходом и уступкой в конфликтном взаимодействии, на уступку влияет также схемы покинутости и эмоциональной депривированности (Mironova O.I., Kovalevskaia, 2024). Интересным фактом является то, что состоящие в браке мужчины по перечисленным показателям РДС, превалируют над показателями у женщин. Особенно это характерно для более старших супругов с целью сохранения равновесия в семейных отношениях, а также обусловлено культурным фактором.

Литература

1. Cao H., Yuan X., Fine M., Zhou N., & Fang X. Neuroticism and marital satisfaction during the early years of Chinese marriage: The mediating roles of marital attribution and aggression // Family process. 2019. № 58(2).
2. Esmaili S.S., Mohammadi A.Z., & Hakami M. Predicting marital satisfaction on the basis of early maladaptive schema in married women // International Journal of Medical Research & Health Sciences. 2016. №5 (6).
3. Körük S., Kurt A.A. The predictive role of early maladaptive schemas in the evaluation of pre-marital romantic relationships among university students // Yaşam Becerileri Psikoloji Dergisi. 2019. 3(5).
4. Mironova O.I., Kovalevskaia E.A. The Relationship of Professional Burnout to Early Maladaptive Schemas in Emergency Psychologists // Psychology and Law. 2024. Vol.14. № 2.
5. Nunes C., Martins C., Leal A., Pechorro P., Ferreira L.I., & Ayala-Nunes L. The ENRICH Marital Satisfaction Scale: A psychometric study in a sample of portuguese parents // Social Sciences. 2022. 11(3).

6. *Satici B., Deniz M.E.* Relational humor and marital satisfaction in married individuals // International Journal of Psychology and Educational Studies. 2020. 7(2).
7. *Sharifi M., Vaseghi M., Hoseinaei A., & Ghorbani A.* Predicting attitudes toward Extra Marital Relationship based on the use of virtual social networks, personality traits, and early maladaptive schemas in women // Women and family studies. 2022. 14(54).
8. *Yoosefi N., Etemadi O., Bahrami F., Fatehizade M.A.S., & Ahmadi S.A.* An investigation on early maladaptive schema in marital relationship as predictors of divorce // Journal of Divorce & Remarriage. 2010. 51(5).

Факторы субъективной успешности студентов: обзор социально-психологических исследований

Митрухина С.В.

СПбГУ, Санкт-Петербург, Россия

mitruhina_lana80@mail.ru

Феномен успешности в современной социальной психологии вызывает интерес, исследователи стремятся понять, какие личностные и социальные смыслы вкладывают сегодня в это понятие, какими способами ее достигают, какие факторы этому способствуют и др.

В современном образовании успешность студентов является важным показателем результативности деятельности образовательных организаций и оценивается как с объективной позиции – достижение конкретных социально признаваемых результатов, внешних показателей, так и с субъективной – самооценки достижений и результатов своей деятельности, удовлетворенности результатами и отношением человека к этим результатам.

Хотя при оценке успешности следует использовать интегративный подход и обе успешности (объективная и субъективная) связаны, феномен субъективной успешности как внутренний психологический критерий отношения к достигнутым результатам (в том числе в образовательной среде) недостаточно изучен, поэтому этот аспект был нами выбран для дальнейшего анализа.

В социально-психологических исследованиях понятие «успешность» используется чаще всего применительно к оценке результатов профессиональной или образовательной деятельности. В первом случае рассматривают успешность трудовой и профессиональной деятельности (Родионова, 2013; Теплинских, 2006). При изучении успешности в образовательной среде чаще все используют понятия: «учебная успешность» (Чуйкова, 2018), более узкое понятие «успешность учебной или образовательной деятельности» (Давудова, 2015; Лызь, 2022), однако субъективная успешность студента включает оценку не только показателей его учебной деятельности, но и внеучебной.

Определение понятия «субъективная успешность» вызывает сложности и трактуется неоднозначно: как индивидуальное восприятие своих достижений на основе собственных критериев (Бирина, 2014), как студенческий опыт самостоятельности и вовлеченности в учебную и профессиональную деятельность и положительное отношение студента к условиям обучения и к себе (Лызь, 2022) и др.

Основным исследовательским вопросом являлось выявление ключевых факторов субъективной успешности студентов по результатам анализа научных статей, содержащих информацию результатах исследований. Для этого первоначально обзор включал широкий спектр тематики статей, близких к проблеме успешности в образовательной и профессиональной сфере, затем фокус сужался до результатов оценки внутренних субъективных характеристик успешности студентов. Для систематического обзора были отобраны научные статьи отечественных и зарубежных авторов, содержащие результаты эмпирических исследований.

К первой группе факторов были отнесены психологические факторы, которые исследователи связывали с личностными характеристиками, внутренним локусом контроля (Лагунская, 2015), с критическим мышлением (Асан и др., 2016), метакогнитивными навыками (планирование и самоконтроль) (Денисова и др., 2022), с мотивацией и вовлеченностью (Чуйкова, 2018; Picton, Kahu, Nelson, 2018), самооффективностью и эмоциональной устойчивостью (Третьякова, 2023), самооценкой (Даниленко, Носова, 2020), особенностями ценностных ориентаций (Деева, 2022), внутренним удовлетворением и ощущением смысла (Dyke, Duxbury, 2011),

переживание удовлетворения, радости или гордости за результат (Бирина, 2014).

Социальные факторы в основном представлены межличностными отношениями: наличие социальной поддержки, принятие группой, открытость в отношениях и отсутствие конфликтов, благоприятное социальное окружение и управление окружающей средой» (Блинова, 2022).

Дальнейшее изучение факторов субъективной успешности студентов позволит понять внутренние механизмы повышения эффективности обучения, выявить условия, необходимые для профессионально-личностного развития мотивированных специалистов, готовых к профессиональным вызовам.

Литература

1. Асан Г.К., Жетписбаева Г.Д., Абишева З.С., Даутова М.Б., Журунова М.С., Искакова У.Б., Исмагулова Т.М., Раисов Т.К. Основные факторы формирования представлений студентов о жизненном успехе в современном мире // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 1-4. С. 513–515.
2. Бирина О.В. Понятие успешности обучения в современных педагогических и психологических теориях // Фундаментальные исследования. 2014. № 8-2. С. 438–443.
3. Блинова Е.Е. Субъективное благополучие студентов с разным уровнем социального капитала личности // Южно-российский журнал социальных наук. 2022. Т. 23, № 3. С. 117–129.
4. Давудова А.Р. Психологические факторы, влияющие на успешность учебной деятельности студентов вуза // Евразийский Союз Ученых. 2015. №5-6 (14).
5. Даниленко О.И., Носова А.С. Экзистенциальная исполненность и социально-психологическая адаптированность как предикторы субъективного благополучия студентов // Перспективы науки и образования. 2020. № 4 (46). С. 315–325.
6. Дворецкая М.Я., Лощакова А.Б. Образ успешности в современных психологических исследованиях // Интернет-журнал «Мир науки» 2016, Том 4, № 2.

7. Деева Н.А. Субъективные представления личности о жизненной успешности в современной ситуации // Национальный психологический журнал. 2022. № 2, 14–24.
8. Денисова Е.Г., Ермаков П.Н., Абакумова И.В., Сылка Н.В. Эмоционально-личностные и метакогнитивные предикторы психологического благополучия студентов в современных условиях // Психологическая наука и образование. 2022. Том 27. № 5. С. 85–96.
9. Лагунская Е.В. Взаимосвязь успешности обучения и уровня субъективного контроля // Обучение и воспитание: методики и практика. 2015. № 18. С. 35–40.
10. Лызь А.Е. Успешность обучения в вузе: опыт студентов технических направлений // Современные проблемы науки и образования. 2022. № 4. С. 41.
11. Родионова Е.А. Субъектный подход к определению профессиональной успешности // Социально-экономические и психологические проблемы управления: Сборник научных статей по материалам I (IV) Международной научно-практической конференции. М., 2013. С. 295–308.
12. Теплинских М.В. Успешность профессиональной деятельности специалиста социальной сферы // Ползуновский вестник. 2006. № 3-2. С. 252–257.
13. Третьякова В.С. Психологические предикторы профессиональной успешности // Векторы взаимодействия: СПО – вуз – предприятие : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Векторы взаимодействия среднего профессионального образования и базовых предприятий при реализации проекта «Профессионалитет»: синергия партнерства», Екатеринбург, Первоуральск : РГППУ, 2023. С. 110–114.
14. Чуйкова Н.А. Психологические факторы успешности обучения студентов в вузе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2018. №12/2. С. 103–105.
15. Dyke L., Duxbury L. (2011). The implications of subjective career success. ZAF 43, 219–229.

16. *Mishra S.* (2020). Social networks, social capital, social support and academic success in higher education: A systematic review with a special focus on 'underrepresented' students. *Educational Research Review*, 29, 100307.
17. *Picton C., Kahu E.R., & Nelson K.* (2018). «Hardworking, determined and happy»: first-year students' understanding and experience of success. *Higher Education Research & Development*, 37(6), 1260–1273.

Особенности проявления стратегий в конфликте и психологического благополучия у студентов-психологов

Михайлова О.Б., Гринёва Т.А.

*РУДН им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия
olga00241@yandex.ru, t140403@mail.ru*

В процессе обучения в вузе у студентов формируется опыт коммуникативного взаимодействия и стиль межличностного общения, результатами которых могут быть показатели психологического благополучия. В данный период личностного и профессионального взросления возникают трудности в социально-психологической адаптации, препятствия на пути самореализации, что выражается в специфике стратегий конфликтного поведения (Бянкина, Чумичев, 2020; Михайлова, 2014; Kudinov et al., 2020). Поэтому целью данного исследования является определение показателей конфликтного поведения и психологического благополучия у студентов-психологов. В качестве гипотезы выступило предположение, что у юношей и девушек конфликтное поведение и показатели психологического благополучия могут проявляться по-разному и имеют специфику связей и различий.

Респондентами выступили 60 студентов РУДН им. П. Лумумбы, обучающиеся в бакалавриате по направлению «Психология», в возрасте от 19 до 23 лет (30 юношей и 30 девушек). Использовались следующие методики: «Стратегии поведения в конфликтной ситуации» (К. Томас, Р. Килманн) (Психологические тесты, 2001), «Шкала психологического благополучия» (К. Рифф) (Лепешинский, 2007).

Результаты анализировались с помощью *U*-критерия Манна–Уитни и коэффициента ранговой корреляции Спирмена.

В результате сравнительного анализа стратегий конфликтного поведения значимые различия в группах юношей и девушек были получены по шкале *соперничество* ($U = 287$ при $p \leq 0,05$). Студенты-юноши предпочитают в конфликтном поведении соперничество чаще, чем девушки, что объяснимо влиянием гендерных стереотипов и особенностями поведения. При исследовании различия выраженности психологического благополучия выяснилось, что результаты по шкалам *автономия* ($U = 266$ при $p \leq 0,01$) и *управление средой* ($U = 316$ при $p \leq 0,05$) значимо выше у юношей – будущих психологов. Юноши, в отличие от девушек, более самостоятельны и стремятся эффективно управлять социальными ситуациями. Данные результаты показывают социально ожидаемые сценарии мужского поведения, принятые в обществе. Результаты корреляционного анализа стратегий конфликтного поведения и психологического благополучия у студентов-психологов показали, что в группе девушек ($n = 30$) выявлены взаимосвязи по шкалам *компромисс - личностный рост* ($r = 0,383$ при $p < 0,05$), обратные взаимосвязи показателей *соперничество – личностный рост* ($r = -0,386$ при $p < 0,05$) и *избегание – цели в жизни* ($r = -0,487$ при $p < 0,01$). Полученные результаты позволяют предположить, что девушки – будущие психологи связывают стратегию компромисса в конфликтной ситуации с психологическим благополучием, а стратегии соперничества и избегания, по их мнению, отрицательно проявляются в личностном росте и целях в жизни как показателях психологического благополучия.

Результаты корреляционного анализа в группе юношей ($n = 30$) были более многочисленны и выявили обратные взаимосвязи стратегии конфликтного поведения *соперничество* с такими показателями психологического благополучия, как *уровень благополучия* ($r = -0,497$ при $p < 0,01$), *позитивные отношения* ($r = -0,523$ при $p < 0,01$), *управление средой* ($r = -0,378$ при $p < 0,05$), *личностный рост* ($r = -0,436$ при $p < 0,05$) и *цели в жизни* ($r = -0,437$ при $p < 0,05$). Таким образом, выбирая стратегию соперничества, юноши констатируют, что это отрицательно сказывается на психологическом благополучии.

Кроме того, были выявлены положительные корреляционные связи по следующим показателям: *приспособление – позитивные отношения* ($r = 0,536$ при $p < 0,01$); *компромисс и уровень благополучия* ($r = 0,644$

при $p < 0.001$), *позитивные отношения* ($r = 0,463$ при $p < 0,05$), *управление средой* ($r = 0,538$ при $p < 0,01$), *личностный рост* ($r = 0,554$ при $p < 0,01$), *цели в жизни* ($r = 0,636$ при $p < 0,001$) и *самопринятие* ($r = 0,490$ при $p < 0,01$). Следовательно, при использовании стратегий приспособления и, особенно, компромисса юноши – будущие психологи показывают больше качеств психологического благополучия.

Полученные результаты позволяют утверждать, что юноши и девушки – будущие психологи имеют различия в стратегиях поведения в конфликтной ситуации и проявлениях психологического благополучия. В группе девушек стратегии конфликтного поведения в меньшей мере связаны с показателями психологического благополучия. Девушки значительно меньше выбирают стратегию соперничества, и их психологическое благополучие незначительно связано на данном этапе развития со стратегиями конфликтного поведения.

У юношей – будущих психологов стратегии конфликтного поведения имеют многочисленные и выраженные взаимосвязи с показателями психологического благополучия. Используя стратегию соперничества, юноши более самостоятельны и стремятся управлять социальными процессами, но, опережая девушек в использовании стратегии соперничества, юноши осознают отрицательное влияние данной стратегии на многочисленные показатели психологического благополучия и выделяют психологически более благополучные стратегии избегания и компромисса. Для ответа на вопрос, что больше влияет на выбор стратегии конфликтного поведения и показатели психологического благополучия – пол или профессиональная направленность обучения, необходимо провести сравнительный анализ результатов респондентов-студентов, обучающихся по различным профилям гуманитарных и естественно-научных направлений.

Литература

1. *Бянкина Л.В., Чумичев А.В.* Исследование поведения в конфликтных ситуациях юношей и девушек студенческого возраста // Ученые записки университета Лесгафта. 2020. №8 (186), С. 349-353.

2. *Лепешинский Н.Н.* Адаптация опросника «Шкала психологического благополучия» К. Рифф // Психологический журнал, 2007, №3, С. 24-37.
3. *Михайлова О.Б.* Инновационность личности: гендерные и индивидуально-типологические характеристики. Москва, РУДН, 2014.
4. Психологические тесты / Под ред. А.А. Карелина: В 2 т. М., 2001. Т.2. С.69-77.
5. *Kudinov S.I., Kudinov S.S., Mikhailova O.B., Kudinov V.S., Imomberdieva N.M.* (2020). Different self-attitude indicators in students and their self-realization in a university. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2020. Vol. 8. no. 3. pp. 47-59. doi: 10.23947/2334-8496-2020-8-3-47-59

Проблема исследований социальной тревожности и уязвимого нарциссизма в социальной психологии

Михайлова О.Б., Корж А.И.

*РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия
olga00241@yandex.ru, 1132227170@pfur.ru*

Несмотря на распространенность исследований в области тревожности и нарциссизма, такие феномены, как «социальная тревожность» и «уязвимый нарциссизм» до сих пор остаются недостаточно изученными, хотя выдвигаются гипотезы, что нарциссизм является одним из адаптивных качеств личности в преодолении социальной тревожности (Мерзляков, Аленьковская, 2023).

Под социальной тревожностью понимается состояние, возникающее в ответ на негативное взаимодействие с социумом на фоне различных ситуаций социального взаимодействия. Для нее характерен широкий ряд проявлений: от застенчивости до социофобии (Никитина, Холмогорова, 2010). Некоторые психоаналитики связывают застенчивость с проблемой развития личности, в ходе которой «Эго» переориентируется на себя, то есть, с позиции

психоаналитического подхода, социальная тревожность имеет связь с нарциссизмом (Пищик, 2021).

В теоретической модели «синдрома Питера Пена» Дена Кайли существуют шесть основных симптомов: безответственность, отчужденность и скрытые страхи, одиночество, смешение социально-гендерных ролей, нарциссизм и мужской шовинизм (Михайлова, Агафонов, 2022; Mikhailova, Gunvajn, 2022). Если рассматривать нарциссизм как один из симптомов проявления инфантилизма, то, основываясь на теоретической модели Дена Кайли, вполне вероятно, что нарциссизм, в том числе и уязвимый, связан с социальной тревожностью.

В психоанализе нарциссизм – это интеграция различных противоречивых качеств личности, выраженное в высокомерии, уничтожающем достоинство другого человека. Согласно трехфакторной модели нарциссизма выделяют: 1) фактор уязвимости, 2) фактор грандиозности 3) фактор нарциссического права (Krizan, Herlache, 2017). На основании данной модели в типологии нарциссизма рассматривают грандиозный нарциссизм, которому свойственна высокая самооценка и доминирование в межличностных отношениях, и уязвимый нарциссизм – избегающая и сверхчувствительная манера поведения в межличностных отношениях (Мерзляков, Аленьковская, 2023).

При исследовании нарциссизма и тревожности в отечественных исследованиях не всегда происходит разграничение на уязвимый и грандиозный тип. Так, в эмпирической работе В.И. Пищика, посвященной изучению нарциссизма и тревожности у азербайджанских и российских студентов, по методике «Тест оценки нарциссизма» (NI) было выявлено, что у российских студентов более выражена взаимосвязь тревожности и нарциссизма по сравнению с азербайджанскими студентами (Пищик, 2021). Результат автор связывает с влиянием интернет-пространства и постоянной демонстрацией социального эталона успешной личности.

В зарубежных исследованиях последних лет уязвимый нарциссизм изучается более детально. Э. Яук и др. рассматривают уязвимый нарциссизм как интровертированный невротический тип нарциссизма (Jauk et al., 2023). В Чикагском университете проводилось исследование реакции кортизола на психосоциальный стресс при уязвимом и

грандиозном нарциссизме, в ходе которого 47 испытуемых прошли через социальный стресс-тест Триера (Borcz-Leon et al., 2023). Испытуемые прошли опросник нарциссической личности (NPI) и шкалу гиперчувствительного нарциссизма (HSNS). Результаты показали, что у людей с уязвимым нарциссизмом уровень кортизола и эмоциональные реакции проявляются сильнее, чем у испытуемых с грандиозным нарциссизмом: они получили более высокие баллы по шкале «социальная тревожность» и «межличностные аспекты шизотипии», кроме того, они сообщали о негативных эмоциях: тревоге, гневе, стыде и т.д. В свою очередь, испытуемые с высоким уровнем грандиозного нарциссизма получили высокие баллы по параметрам психопатии «бесстрашие» и «социальное влияние», проявляя высокую стрессоустойчивость. Авторы полагают, что данные показатели объяснимы тем, что для уязвимого нарциссизма характерна высокая чувствительность и страх разоблачения, а для людей с грандиозным нарциссизмом, напротив, – раздутое эго и тщеславие. Таким образом, пока уязвленные нарциссы тревожатся перед трудностями, грандиозные – проявляют бесстрашие в сложных социальных ситуациях, демонстрируя тщеславие и конкурентоспособность.

Перспективы дальнейших исследований заключаются в выявлении опосредованного влияния данных феноменов. Кроме того, актуальными остаются вопросы о влиянии цифровизации на уровень социальной тревожности и нарциссизма, например, социальных сетей и т. д. Необходима разработка системы диагностики и новых методик для выявления социальной тревожности и проявлений нарциссизма, которые станут основой для составления рекомендаций и психотерапевтических программ по профилактике и коррекции социальной тревожности и нарциссических черт личности.

Литература

1. Мерзляков Д.Е., Аленковская Т.А. Переживание социальной тревоги лицами с признаками уязвимого нарциссизма // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2023. № 1. С. 15–21.

2. Михайлова О.Б., Агафонов М.М. Прогрессирующий инфантилизм личности: ретроспектива причин и современные направления профилактики. Человеческий капитал. 2022. № 7 (163). С. 228–235. DOI: 10.25629/НС.2022.07.25
3. Никитина И. В, Холмогорова А. Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 // Социальная и клиническая психиатрия. 2010. Том 20. №1. С. 80–85.
4. Пищик В.И. Нарциссизм и уровень тревожности азербайджанских и российских студентов с различными оценками аутостереотипов поведения // Психологический журнал. 2021. Т. 42. № 5. С. 24–36.
5. Borraz-Leon JI, Spreitzer A, Scrivner C, Landers M, Lee R, Maestripieri D. Cortisol reactivity to psychosocial stress in vulnerable and grandiose narcissists: An exploratory study. Front Psychol. 2023 Jan 6. doi: 10.3389/fpsyg.2022.1067456.
6. Krizan Z., Herlache A.D. The narcissism Spectrum model: A synthetic view of narcissistic personality // Personality and Social Psychology Review. 2017. V. 22. P. 3–31.
7. Mikhaylova O.B., Gunvajn N. Growing Infantilism in Modern Adolescents and Young People: Symptoms and Causes // Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика. 2022. №1. с.39–53. DOI: 10.22363/2313-1683-2022-19-1-39-53
8. Jauk E., Knödler M., Frenzel J., Kanske Ph. Do highly sensitive persons display hypersensitive narcissism? Similarities and differences in the nomological networks of sensory processing sensitivity and vulnerable narcissism // Journal of Clinical Psychology. 2023. № 79 (1). P. 228–254. DOI: 10.1002/jclp.23406

Личностная мотивация руководителя при совершенствовании организационной культуры

Морозов А.В.

*Академия управления при Президенте Республики Беларусь,
Минск, Республика Беларусь
morozoff.bel@mail.ru*

В современных социально-экономических условиях для того, чтобы по праву занимать лидирующие позиции и быть конкурентоспособным, недостаточно только интеллектуального потенциала руководителя. Настоящий успех приходит только к тем управленцам, кто владеет способами оптимального использования человеческих ресурсов, кто умеет заниматься не только подбором и расстановкой кадров, но и обеспечивать благоприятную атмосферу для работы подчиненных, управлять их отношениями и эмоциональным состоянием, кто способен создавать целый ряд позитивных эмоций (интереса, удовлетворенности, благополучия, радости и т.п.), наличие которых у сотрудников способствует высокой эффективности деятельности всей организации.

Осуществление процесса совершенствования организационной культуры относится к числу важнейших управленческих задач современных руководителей. Реализация данного процесса нацелена на развитие системы общепринятых в каждой конкретной организации представлений и подходов к формам, нормам и правилам профессиональных отношений, а также к достижению результатов совместной трудовой деятельности. Основатель организационной психологии как направлений науки и управленческой практики Э. Шейн отмечал: «Культура и лидерство (руководство) являются двумя сторонами одной медали в том смысле, что культуры создаются лидерами, формирующими группы или организации» (Шейн, 2002).

Цель организационной культуры: помочь сотрудникам более продуктивно работать в профессиональном коллективе, получать удовлетворение от процесса и результатов своего труда. Безусловно, при соответствии организационной культуры предприятия (учреждения, компании, фирмы) и ценностных установок работника его деятельность активизируется, соответственно, увеличивается

эффективность его труда. Тем самым, развитая организационная культура позволяет добиться получения так называемого синергетического эффекта (при этом синергия определяется как своего рода кооперация, то есть взаимосвязанные и скоординированные действия, проявляющиеся в форме стратегического партнерства, взаимовыгодного сотрудничества и внутрикорпоративного взаимодействия). По сути, синергетический эффект представляет собой результирующий эффект, который способствует улучшению показателей эффективности жизнедеятельности организации посредством взаимодействия, интеграции и слияния разрозненных процессов в продуктивную слаженную систему.

Безусловно, ценность организационной культуры заключается и в том, что она является мотивирующим фактором как для руководителей, так и для рядовых сотрудников. Методологически важно выделить следующие два основополагающих типа мотивации при осуществлении коммуникационного менеджмента в процессе профессионального развития личности руководителя.

1. Прагматический – исходит из желания использовать организационную культуру для более результативного социального влияния и, как следствие, реализации поставленных цели и задач как самого управленца, так и возглавляемой им организации (структурного подразделения).

Именно на реализацию важнейших функций организационной культуры (интегрирующей, регулирующей, адаптационной, ориентирующей, мотивационной, имиджевой и охранной) направлены ее основные элементы: миссия как основная цель организации, отражающая смысл ее функционирования; разделяемые сотрудниками ценности; сложившиеся традиции, установленные правила и нормы делового этикета; коммуникация в ее широком понимании (не только письменная и устная, но и символическая – ритуалы и церемонии); морально-психологический климат в коллективе; фирменный стиль.

2. Психологический – определяется достижением эмоциональных состояний благополучия и успешности для себя и членов возглавляемого им коллектива.

В свою очередь, благодаря достижению подобных состояний повышается самооценка управленца, и, кроме того, в контексте

улучшения показателей функционирования организации завоевывается авторитет руководителя в коллективе.

Для получения позитивных результатов в процессе совершенствования организационной культуры принципиальное значение имеет гармоничное сочетание, взаимодополнение в его ходе психологической и прагматической мотивации личности руководителя.

Самобытный в каждом конкретном коллективе морально-психологический климат занимает центральное место в организационной культуре, так как создает условия для повышения производительности труда и снижения уровня текучести кадров, т.е. дает ощутимый социально-экономический эффект. Е. Зарубина так подчеркивает роль управленца в формировании надлежащего морально-психологического климата: «Поведение руководителя, стиль его руководства, преобладание определенных установок руководителя в отношении подчиненных служат исходным моментом в формировании благоприятного или неблагоприятного морально-психологического климата в организации или ее подразделении» (Зарубина, 2017). Умелое управление социально-психологическим климатом в коллективе приводит к следующим позитивным результатам: снижает вероятность перенапряжения сотрудников при ежедневных больших нагрузках; уменьшает риск их эмоциональной усталости или даже срыва в процессе трудовой деятельности; позволяет сохранять равновесие при стрессовой ситуации внутри коллектива и благополучно управлять возможными реакциями на сложившиеся проблемы; сохраняет профессиональное здоровье и оптимистичное настроение при любой работе и даже в кризисных ситуациях; избавляет самого руководителя от «синдрома менеджера» и других негативных явлений в эмоциональной сфере.

Проведенное исследование позволило сформулировать следующие выводы.

1. Функционально связанная с такими принципиально важными понятиями делового (служебного) этикета, как авторитет, уважение и доверие, организационная культура в качестве социокультурного явления способствует проявлению синергетического эффекта, благодаря которому сотрудник воспринимает себя в качестве члена слаженного профессионального коллектива, продуктивно работает и получает удовлетворение от процесса и результатов своего труда.

2. Прагматическая и психологическая мотивации личности руководителя проявляют себя на всех этапах процесса осуществления комплекса мер по формированию, поддержанию и совершенствованию организационной культуры.

3. Всесторонний учет феномена мотивации при совершенствовании руководителем организационной культуры методологически важен не только в процессе его интеракции (взаимодействия с сотрудниками), но и при осуществлении двух других сторон делового общения – коммуникативной (обмен информацией, чувствами) и перцептивной (восприятие коллег, их оценка, в том числе с учетом результатов трудовой и иных видов деятельности).

Литература

1. Зарубина Е.В. Морально-психологический климат как элемент организационной культуры // Аграрное образование и наука. 2017. № 1. URL: <http://aon.urgau.ru/ru/1-2017/5-1-2017>.
2. Шейн Э. Х. Организационная культура и лидерство. СПб., 2002.

Специфика родительских установок в межэтнических браках

Мурзина Т.В., Павлова О.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

tabaraka2000@yahoo.com, pavlovaos@mgppu.ru

На протяжении всех этапов психологического становления личности ребенка особую роль играет семья, а также сложившиеся в ней детско-родительские отношения. В русле взаимодействия родителей с ребенком значимую ценность будут иметь родительские установки, ведь именно они и есть, по сути, отражение личности самого родителя. А.Я. Варга рассматривает родительские установки как паттерны, которые определяются когнитивными, эмоциональными и поведенческими компонентами (Варга, 1986). А.Н. Коновалова приходит к выводу, что детско-родительские отношения являются формой межличностной коммуникации (Коновалова, 2017). Американские психоаналитики Мэри и Роберт Гулдинги описывают

родительские установки как скрытую трансляцию неадекватных ожиданий, которые могут быть связаны с проблемой собственного самопринятия (Гулдинг, Гулдинг, 2001). Р.В. Овчарова описывает родительство как достаточно сложную интегральную структуру, включающую множество факторов, таких как: ценности, установки и ожидания, отношения, чувства, позиции, ответственность, а также стиль семейного воспитания (Овчарова, 2005).

В кросс-культурных исследованиях детско-родительских отношений О.А Карабанова выделяет культуру как ключевой фактор, который определяется ценностями, целями, а также практикой семейного воспитания. На повестке дня современных исследований кросс-культурного аспекта воспитания и детско-родительских отношений становится изучение личности родителей, опосредующих те или иные культурные практики воспитания (Карабанова, 2017). Однако в работах отечественных и зарубежных психологов проблемы родительского отношения к детям в смешанных ливанских браках практически не поднимаются.

Целью нашего исследования стало сравнение родительских установок в межэтнических браках, с ливанскими семьями, в которых оба супруга являются ливанцами, а также описание специфики культурных практик воспитания. Выборку исследования составили 22 семейных пары, 10 из них представители одной и той же этнической группы (ливанцы) и 12 пар, в которых супруга является представителем другой этнической группы (русские и белорусы), таким образом 54,5% респондентов составили представители смешанных ливанских семейных пар и 45,5% – представители ливанских семейных пар.

В ходе эмпирического исследования была выдвинута гипотеза о том, что существует специфика родительского отношения к детям в межэтнических браках.

Полученные результаты показали, что в смешанных браках, как правило, супруги придерживаются одинаковых взглядов на процесс воспитания детей и реже конфликтуют по этому поводу, чем в браках одной этнической группы. Данные результаты подтверждаются в исследовании Е. Чеботаревой, которая выявила оптимизацию процесса сравнения ценностей и семейных установок как этических, так и религиозных, и утверждает, что несмотря на ряд трудностей, супруги

из межкультурных пар в целом более согласованно смотрят на семейную жизнь (Чеботарева, 2020).

Выявлено, что в смешанных браках чаще прослеживается доминирование матерей, уравнилельные отношения, реже фиксируется демонстрация родителями раздраженности и вспыльчивости по отношению к детям, чрезмерное вмешательство в их мир и стремление ускорить развитие детей, что также подтверждается данными в исследовании Е. Чеботаревой. По ее утверждению, в межкультурных браках супруги видят возможности для реализации своих нормативных жизненных целей в семье, особенно в психотерапевтической и родительских сферах (Чеботарева, 2017). Для женщин-ливанок характерны частые конфликты с мужьями относительно воспитания детей и более высокие показатели по шкалам «Раздражительность», «Чрезвычайное вмешательство в мир ребенка», «Чрезмерная забота», «Исключение внутрисемейных влияний» и «Подавление сексуальности» по отношению к детям. Данный результат находит свое подтверждение в исследовании родительского выгорания на ливанской выборке: М. Ганнаге утверждает, что средний уровень родительского выгорания был выше у матерей, чем у отцов (Gannage et al., 2020).

Таким образом наше предположение о том, что существует разница в родительских установках в межэтнических браках и браках, где оба родителя являются ливанцами, нашла свое подтверждение.

Литература

1. *Варга А.Я.* Структура и типы родительского отношения: Автореф. дис. ... канд. психол. н. М., 1986.
2. *Гулдинг Р., Гулдинг М.* Психотерапия нового решения. Теория и практика. М., 2001. 288 с.
3. *Карабанова О.А.* Детско-родительские отношения и практика воспитания в семье: кросс-культурный аспект [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2017. Том 6. № 2. С. 15–26. doi: 10.17759/jmfp.2017060202
4. *Коновалова А.Н.* Психологическое содержание уважения к родителям в подростковом возрасте// дис. ... канд. пед. н. М., 2017. 269 с.

5. Овчарова Р.В. Психология родительства: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Изд. центр «Академия», 2005. 368 с.
6. Chebotareva E.Y., Jaber H.M. Life Values of persons in cross-cultural (Arab-Russian) and monocultural marriages and their representation in family sphere // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2017. Vol. 14. N. 3. P. 311-325. doi: 10.22363/2313-1683-2017-14-3-311-325
7. Chebotareva E.Y., Volk M.I. (2020). Life and Family Values Similarity in Inter-Ethnic and Inter-Faith Couples. Behavioral Sciences, 10(1), 38.
8. Gannage M., Besson E., Harfouche J., Roskam I., Mikolajczak M. Parental Burn out in Lebanon: Validation Psychometric Properties of the Lebanese Arabic Version of the Parental Burnout Assessment. New Directions for Child and Adolescent Development, 2020, 1–15.

Психологические подходы к изучению семейного бизнеса

Мурзина Ю.С.

ФГБОУ ВО ТюмГУ, Тюмень, Россия
y.s.murzina@utmn.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда в рамках проекта № 24-28-01571 «Социально-
психологические характеристики преемников семейного бизнеса»
https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-01571*

Семейный бизнес в России представляет собой относительно новую область научных исследований, поскольку до 1986 года предпринимательство как форма экономической деятельности была под запретом. В результате, семейный бизнес (далее – СБ) сейчас переживает первую волну передачи активов преемникам. Это приводит к тому, что эмпирические исследования в области психологии СБ находятся на стадии первичного накопления знаний, в то время как теоретическая область требует разработки аутентичного

национального подхода, который мог бы дополнить и обогатить существующие зарубежные теории. Цель данной работы заключается в описании существующих и предложении нового подхода в изучении психологии СБ.

К основным зарубежным подходам, изучающим проблематику СБ, можно отнести следующие (Крикливец, 2023, Chrisman, 2024).

1. Когнитивный подход (cognitive approach) исследует субъективные представления о бизнесе, а также субъективное восприятие, которое формируется под воздействием личного опыта и семейной истории. В рамках этого подхода рассматриваются процессы принятия решений, идентичность, отношение к риску, инновациям и наследованию, коммуникация и обмен знаниями (Gersick K.E., Sharma P., Zahra S.A., Sciascia S., Berrone P.).

2. Концепция динамических способностей (concept of dynamic capabilities) предполагает, что семьи и семейные компании обладают уникальными способностями адаптироваться и трансформироваться в меняющейся среде. Эти способности включают инновативность, управление знаниями, управление социальными контактами – личными и профессиональными связями (Chrisman J.J., Aldrich H.E., Gimeno J., Kraus S.)

3. Ролевая теория (role theory) объясняет, как бизнес-роли членов семьи влияют на управление и развитие организации. Теория подчеркивает важность формальных и неформальных ролей, которые могут складываться в зависимости от личных, семейных и профессиональных отношений. Основные аспекты теории: определение ролей, конфликты ролей и их влияние на управление бизнесом (Baker T., Lambrecht J., Sharma P., Carlock R.S., Dyer W.G.)

4. Теория способностей и готовности к деятельности (the theory of ability and willingness perspective) акцентирует внимание на тех профессиональных навыках и личных качествах членов семьи, которые необходимы для успешного управления СБ. Основные аспекты теории: способности (общие, специальные, управленческие), готовность к управлению (мотивация преемника, доверие членов семьи), влияние способностей на результативность управления (Sirmon D.G., Miller D., Gomez-Mejia L.R., Bammens Y., Litz R.A.).

5. Теория социально-эмоционального благосостояния в СБ (the theory of socioemotional wealth) изучает влияние эмоциональных и

социальных аспектов на принятие управленческих решений и долгосрочную устойчивость бизнеса. Предметом изучения выступают: эмоциональная связь и отношения между членами семьи, социальный капитал, выраженный в привлекательности бизнеса для сотрудников и клиентов, семейные ценности и традиции (Gomez-Mejia L.R., Kellermanns F.W., Memili E., Chrisman J.J., Berrone P.).

Богатый гуманистический потенциал российской психологии позволяет нам предложить возможности субъектно-деятельностного подхода для теоретического осмысления и эмпирического изучения СБ. Теоретическую основу этого подхода заложили работы С.Л. Рубинштейна, Б.Ф. Ломова, А.В. Брушлинского, К.А. Абульхановой, А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко и многих других. Представим некоторые идеи этого подхода применительно к предметной области семейного бизнеса.

Базовой идеей субъектно-деятельностного подхода является понимание внутренних психологических условий как важных, детерминирующих влияние всех внешних факторов. Категории субъекта в работах С.Л. Рубинштейна, такие как «самодвижение, самодеятельность, саморазвитие и способность преобразования действительности» (Абульханова, 2005; Ломов, 1981) отражают, с нашей точки зрения, глубокую суть и смысл предпринимательской деятельности. Субъект, как человек на высшем уровне активности и автономности, становится внутренним условием изменения как реальности, так и самого себя в процессе деятельности. Предприниматель – владелец СБ, будучи организатором самостоятельной экономической деятельности, преобразует и изменяет социальный и экономический мир.

Б.Ф. Ломов подчеркивал, что психические явления формируются, развиваются и проявляются в процессе деятельности и общения (Ломов, 1981). Он выделял эти процессы как способ интеграции отдельных личностей в совокупный субъект. Мы предлагаем рассматривать СБ как коллективный субъект, то есть как группу, состоящую из членов одной семьи, которые ведут совместную трудовую деятельность и действуют как единое целое для достижения как семейных, так и бизнес-целей.

Наиболее последовательно концепция «коллективного субъекта» была представлена в работах А.Л. Журавлева. Автор выделил критерии,

уровни развития и типы коллективного субъекта, а также рассмотрел формально-структурные и процессуальные характеристики коллективного субъекта (Журавлев, 2009). Участники СБ, сочетая трудовые обязанности с межличностным семейным общением, интегрируются в коллективный субъект. Правильно организованный совместный труд и семейное взаимодействие системно усиливают и обогащают друг друга, в то время как дисбаланс может привести к конфликтам, разрушающим отношения с высокой интенсивностью.

В заключение можно отметить, что предприниматель, инициируя создание нового предприятия, проявляет высокий уровень субъектности. Психологические феномены, возникающие в сфере СБ, могут быть проанализированы и описаны с использованием субъектно-деятельностного подхода, применение которого открывает новые возможности для разработки оригинального метода социально-психологических исследований.

Литература

1. *Абульханова К.А.* Принцип субъекта в отечественной психологии // Психология. Журнал ВШЭ. 2005. №4.
2. *Журавлев А.Л.* Коллективный субъект: основные признаки, уровни и психологические типы // Психологический журнал. 2009. Т. 30. №. 5.
3. *Крикливец А.А.* Роль поколений в интернационализации семейных фирм: систематический обзор литературы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2023. № 22 (3).
4. *Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. №. 5.
5. *Chrisman J.J., Fang H., Vismara S., Wu Z.* New insights on economic theories of the family firm // Small Business Economics. 2024. № 63.

Взаимосвязь эмпатии и межличностных отношений у студентов-психологов

Мустафина В.С., Копытина В.А.

ФГБОУ ВО ГУП Москва, Россия

vsmustafina@mail.ru, vaaleriiaalex@gmail.com

Разработка и реализация практических программ подготовки психологов ставит задачу исследования различных аспектов социальной компетентности, необходимых для профессионального становления практических психологов. Одним из таких показателей может выступать способность к эмпатии, позволяющая человеку почувствовать себя услышанным, принятым, а в разговоре – понятым. Очевидно, что эта способность не является исключительно профессиональным качеством психологов, проявление эмпатии в общении с другими людьми желаемая социальная норма. Однако трудно представить практикующего психолога лишенного какой-либо эмпатии в своей профессиональной деятельности. Согласно Юсупову И.М., развитая эмпатия является ключевым фактором успеха в профессиях, где необходимо взаимодействие с людьми и глубокое эмоциональное понимание (Юсупов, 1995, с. 59). Для представителей многих профессий, таких как психолог, педагог, медицинский работник и т.д., способность к эмпатии открывает возможность понимания эмоций и чувств, а также мотивов другого человека.

Сегодня, для большинства исследователей, феномен эмпатии включен в изучение процессов, способствующих улучшению и сбалансированности межличностных отношений. Эмпатия – это способность сопереживать ставить себя на место другого, и эмоционально откликаться на чужие переживания, что способствует гармоничным межличностным отношениям (Бойко, 1996, с.73).

Поскольку эмпатия не является врожденной способностью, мы исходим из того, что развитие эмпатии может быть целенаправленной задачей в подготовке специалистов, работающих в профессиях «человек-человек», в частности, в профессиональной подготовке психологов практиков. Говоря о целенаправленном развитии эмпатии, необходимо выделить три возможных уровня ее становления, которые уже сегодня включены психологами в программы тренингов развития

эмоционального интеллекта. Самый первый уровень – способность воспринимать (понимающая эмпатия) Мы можем обнаружить ее через «оценку психического состояния другого человека в конкретной ситуации без непосредственного эмоционального включения и сопереживания понимающего» [1, 120] Следующей ступенью, идет второй уровень – сопереживание (эмоциональная эмпатия). На этом уровне появляется «эмоциональный отклик» на то, как и что переживает другой человек. И это не только осознание эмоций, но и сопричастность эмоционального состояния, позволяющего глубже проникнуть, прочувствовать внутренний мир другого человека. И наконец, третий уровень – активное сопереживание (деятельная эмпатия). Это переход на профессиональный уровень, когда эмпатия служит деятельному разрешению проблем, и/или оказанию специализированной помощи (Асмолов, 2007, с. 121).

Актуальность нашего исследования продиктована необходимостью развития эмпатии как профессионального качества для тех, кто выбрал для себя работу с людьми, и, в частности, профессию психолога. Целью проведенного исследования выступила взаимосвязь между эмпатией и уровнем развития межличностных отношений у студентов психологов. Мы предположили, что студенты-психологи с высоким уровнем эмпатии будут демонстрировать более конструктивное, позитивное межличностное взаимодействие в своих группах и с другими студентами. В данном исследовании приняли участие 50 респондентов, студентов психологов Государственного университета просвещения. Для диагностики уровня эмпатии были использованы: методика определения эмпатических способностей В.В. Бойко, и методика диагностики поликоммуникативной эмпатии И.М. Юсупова. Для диагностики межличностных отношений нами использовались: методика диагностики межличностных отношений Т. Лири, а также опросник межличностных отношений (ОМО) А.А. Рукавишников.

По результатам проведенной диагностики было установлено, что у 52% респондентов уровень эмпатии оказался очень высоким, 32% – показали нормальный уровень, 14% респондентов показали заниженный уровень эмпатии, и только у 2% низкий уровень эмпатии. Результаты диагностики межличностных отношений показали, что 38% респондентов стремятся к общению и им нравится находиться среди людей. Еще 16% испытывают потребность в общении. 8% респондентов стремятся к избеганию общения, и только 2% чувствуют

сильных дискомфорт при общении с другими людьми. Таким образом, 54% респондентов отдают предпочтение общению, отношениям и только 10% склонны к избеганию общества. Остальные 36% респондентов занимают нейтральную позицию. Анализируя типы отношения к окружающим, мы сконцентрировали внимание на двух блоках: VII. Дружелюбный и VIII.

Альтруистический. Дружелюбный тип продемонстрировали 37,5% респондентов, что показывает их готовность к сотрудничеству (умеренный уровень), 35% дружелюбны (высокий уровень), 15% действует в интересах других людей, не ожидая ничего взамен (экстремальный уровень), а только 12,5% чаще не проявляют дружелюбия (низкий уровень). Альтруистический блок от общего числа респондентов составляет 37,5%, они отзывчивы (умеренный уровень), 35% приходят на помощь другим людям (высокий уровень), 12,5% бескорыстно заботятся о других (экстремальный уровень), а 15% действуют в своих интересах (низкий уровень). Это говорит нам о том, что в большинстве своем респонденты готовы прийти на помощь и с теплотой относятся к людям.

Для того чтобы проверить выдвинутую гипотезу мы использовали метод ранговой корреляции Спирмена. В результате проведенного корреляционного анализа была получена статистически значимая связь между высоким уровнем эмпатии и качеством межличностных отношений, в частности дружелюбным и альтруистическим типами межличностных отношений.

Таким образом, мы подтвердили положение о том, что эмпатия является важнейшим элементом межличностного взаимодействия. Студентам-психологам, как будущим специалистам необходимо развивать навыки эмпатии для успешной работы, так как эмпатия является наиболее эффективным способом взаимодействия с клиентами, а также условием построения более глубоких и доверительных отношений, что особенно важно в социальном мире.

Литература

1. *Асмолов А.Г.* Социальная компетентность классного руководителя: режиссура совместных действий М.: Учебная книга БИС. 2007.

2. *Бойко В.В.* Энергия эмоций в общении: взгляд на себя и на других: монография / В.В. Бойко. М.: Филин, 1996.
3. *Юсупов И.М.* Психология эмпатии (теоретические и прикладные аспекты): Автореф. дис. ...докт. психол. н. СПб. 1995.

Настольно-ролевые игры в коррекции тревожности у молодых людей в возрасте от 23 до 30 лет

Мустафина В.С., Гулягина У.А.

ФГБОУ ВО ГУП Москва, Россия

vsmustafina@mail.ru gulyagina.ulyana@yandex.ru

В современном социуме многие представители молодого поколения сталкиваются с разнообразными источниками тревожности и неопределенности. Динамично меняющаяся социально-экономическая среда, нестабильность на рынке труда, экологические вызовы и политические конфликты создают атмосферу неуверенности, которая может оказывать негативное воздействие на психическое здоровье. Молодые люди могут испытывать стресс из-за ожиданий социума относительно создания семьи и рождения детей, конкуренции на рынке труда и постоянных технологических инноваций.

Кроме того, постоянное использование социальных сетей может привести к искажённому восприятию действительности и сравнению себя с другими людьми, что также вызывает беспокойство. Все эти изменения, которые включены в современную повестку, способствуют повышению не только ситуативной тревожности, но и личностной тревожности, что в свою очередь, создает целый комплекс психологических проблем. Таких, как усиление депрессивных состояний, нарушение коммуникации, повышение уровня поведенческой и коммуникативной агрессии (Амельченко, 2020).

Нами было проведено эмпирическое исследование с целью изучения возможности использования настольно-ролевых игр в коррекции тревожности у молодых людей 23-30 лет.

Настольная ролевая игра – это форма ролевой игры, построенная на использовании бумаги, ручек или карандашей, и воображении игрока. Группа игроков (обычно от трех до шести) собираются вместе и выполняют задания, используя заранее прописанных персонажей. Предполагается, что игроки должны действовать так, как это соответствует их персонажам во время игры (Flournoy, 2018). Настольно-ролевая терапия имеет под собой основу таких подходов как игровая терапия, психодрама, и строится на основе научных работ Я.Л. Морено, Боумана, Хенда, М. Конелл и других авторов.

Для измерения уровня тревожности мы использовали следующие методики: измерение уровня тревожности Тейлора (адаптация В.Г. Норакидзе); Шкала тревоги А. Бека; Методика диагностики ситуационной тревожности Ч.Д. Спилберга, Ю.Л. Ханина. В эксперименте приняли участие 44 человека – 12 мужчин и 32 женщины.

По результатам проведенной диагностики было выявлено, что у молодых людей преобладает высокий уровень тревоги, он составил 54,5%. Средний уровень тревожности показали 34% респондентов.

Таким образом, исходя из полученных данных, можно сказать, что среди опрошенных представителей молодого поколения в возрасте от 23 до 30 лет превалирует высокий и средний уровень тревожности. Что позволяет с уверенностью констатировать наличие у большинства молодых людей склонности к повышенной тревожности.

Для снижения уровня тревожности у молодых людей нами была разработана коррекционная программа с использованием настольно-ролевых игр. Участников коррекционного этапа исследования мы распределили на две группы – контрольная и экспериментальная. Для того чтобы показать равнозначность групп по критерию повышенной тревожности был проведен математический анализ с применением U-критерия Манна-Уитни, подтвердивший, что различий между группами нет.

Экспериментальная группа приняла участие в коррекционной программе, где в контролируемой игровой среде создавалась пространство для безопасного самовыражения, развития социальных навыков и эффективной трансформации стрессовых эмоций посредством игровой практики. Это позволило молодым людям, входящим в экспериментальную группу, приобрести опыт работы в

игровой практике по преодолению страхов, получить навыки адекватного реагирования в условиях неопределенности, умения различать рациональные и иррациональные мысли, отработать механизмы снижения уровня социальной тревожности, а также обыграть методы принятия себя и управления беспокойством в сложных ситуациях.

По завершении программы была проведена контрольная диагностика, результаты которой продемонстрировали значительные изменения в экспериментальной группе по сравнению с контрольной группой. Так, методика измерения уровня тревожности Тейлора показала снижение уровня тревожности в контрольной группе с 68% до 59%. В экспериментальной группе, после прохождения коррекционной программы, уровень тревожности снизился с 77% до 41%. Результаты по шкале тревоги Бека показали снижение тревожности в экспериментальной группе с 58% до 44%, тогда как в контрольной группе, напротив, произошло небольшое повышение с 58% до 63%. И результаты применения методики ситуативной тревожности Спилберга – Ханина, выявили снижение тревожности в контрольной группе с 90% до 81%. В экспериментальной группе уровень тревожности снизился значительно с 81% до 68%.

Для подтверждения эффективности использования программы с применением настольно-ролевых игр для коррекции тревожности у молодых людей, был проведён математический анализ, основанный на использовании *t*-критерия Вилкоксона. Этот критерий позволяет сопоставить результаты до и после проведения программы и определить изменения одного и того же параметра в различных условиях. Основываясь на результаты математического исследования, мы получили статистически значимые показатели по каждой из методик, позволяющие нам утверждать, что разработанная нами программа оказывает эффективное воздействие на снижение уровня тревожности у молодых людей.

Исходя из проведенной нами работы, можно сделать вывод, что использование настольно-ролевых игр является перспективным методом, который можно использовать в коррекции тревожных состояний, поскольку этот метод объединяет игровую терапию и

психодраму, позволяя участникам работать в контролируемой игровой среде под руководством ведущего игры.

Литература

1. *Амельченко А.А.* Взаимосвязь уровня развития эмпатии и уровня развития рефлексии личности. 4 изд. Психология и Психотехника, 2020 103–110 с.
2. *Flournoy B.L.* Tabletop Role-Playing Games, Narrative, and Individual Development (2018). [Электронный ресурс] URL: <https://digitalcommons.gardner-webb.edu/undergrad-honors/26>

Запойный просмотр: негативные последствия чрезмерного просмотра видеоконтента

Натурина Д.А., Делибалт В.В.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
daria.naturina@gmail.com

Стриминговые платформы за последние десять лет произвели культурный сдвиг в потребление медиа. Сочетая в себе простоту и доступность использования, а также практически неограниченное количество видеоконтента, который доступен по требованию в любое время, стриминговые сервисы стали частью повседневной жизни многих людей. Если раньше приходилось ждать выпуск любимого шоу неделями, то теперь пользователь стримингового сервиса может посмотреть целый сериала за раз, не дожидаясь выхода следующих эпизодов.

В образовавшейся реальности появился такой феномен как binge-watching или запойный просмотр, который заключается в чрезмерном просмотре потокового контента. Единого определения запойного просмотра нет, однако можно выделить повторяющиеся характеристики: так, binge-watching можно определить как просмотр нескольких эпизодов сериала за один сеанс. Также под запойным просмотром изначально понимался просмотр только серийных шоу, однако в последнее время понимание данного феномена расширилось,

и исследователи рассматривают не только просмотр телесериалов, но и другого видеоконтента: фильмов, прямых трансляций и потоковых видео.

Помимо этого, стоит сказать, что существует две перспективы в понимании запойного просмотра. С одной стороны, его рассматривают как способ развлечения, источник положительных эмоций, средство познания и форму досуга. С другой стороны, акцент делается на потенциальные риски, включая негативные последствия чрезмерного просмотра и признаки поведенческой зависимости (Starosta, Izydorczyk, 2020).

Действительно, можно заметить, что в последнее время стало появляться множество исследований, в которых говорится о негативных последствиях чрезмерного увлечения просмотром и подчеркивается вероятность возникновения зависимости. Отмечается, что чрезмерный запойный просмотр демонстрирует схожие феноменологические характеристики с другими поведенческими зависимостями, например, с такими как видеоигровая зависимость или проблемное использование социальных сетей (Flayelle et al., 2019; Starosta, Izydorczyk, 2020).

У лиц, склонных к чрезмерному просмотру видеоконтента, наблюдаются следующие симптомы поведенческой зависимости: потеря самоконтроля, срочность, сожаление, пренебрежение обязанностями, ложь, негативные социальные и медицинские последствия, а в крайних случаях – симптомы абстиненции. Отмечается также, что для некоторых зрителей использование binge-watching может выступать в качестве дезадаптивной стратегии для регуляции эмоционального состояния, что также характерно для поведенческой зависимости (Starosta, Izydorczyk, 2020).

Помимо этого, во многих исследованиях подтверждается связь между запойным просмотром и проблемами психического здоровья, такими, как депрессия, тревожность, и более высокий риск зависимости от психоактивных веществ (Alimoradi, et al., 2022). Однако данная связь остается неясной и требует дальнейших исследований. Существует предположение, что связь между чрезмерным просмотром видеоконтента и психическими расстройствами может быть двунаправленной, то есть запойный просмотр может являться как

предиктором, так и последствием депрессивного или тревожного расстройств (Krossbakken, et al., 2018).

Отмечается, что увлечение запойным просмотром может вызывать соматические заболевания. Так, сидячий образ жизни и снижение физической активности из-за просмотра запоем может приводить к ожирению (Aghababian, et al., 2021). Более высокая частота связана с более низким качеством сна, с большей усталостью и бессонницей (Exelmans, Van den Bulck, 2017).

Лица, склонные к чрезмерному просмотру видеоконтента, могут иметь ряд личностных проблем. Например, в ряде исследований отмечается связь между данным видом активности и пренебрежением социальными отношениями, работой, изоляцией в целом и чувством одиночества (Starosta, Izydorczyk, 2020).

Однако следует помнить, что просмотр видеоконтента может быть гармоничным и приятным опытом, удовлетворяющим различные потребности, но, с другой стороны, это явление может стать проблемным использованием интернета с негативными последствиями.

Литература

1. *Aghababian A.H., Sadler J.R., Jansen E., Thapaliya G., Smith K.R., Carnell S.* Binge Watching during COVID-19: Associations with Stress and Body Weight // *Nutrients*. 2021. Vol. 13 № 10 P. 3418. DOI: 10.3390/nu13103418.
2. *Alimoradi Z., Jafari E., Potenza M., Lin C.-Y., Wu C.-Y., Pakpour A.* Binge-Watching and Mental Health Problems: A Systematic Review and Meta-Analysis // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2022. Vol. 19. №15 P. 9707. DOI: 10.3390/ijerph19159707.
3. *Exelmans L., Van den Bulck J.* Binge Viewing, Sleep, and the Role of Pre-Sleep Arousal // *Journal of Clinical Sleep Medicine*. 2017 Vol. 13 № 8 P. 1001–1008. DOI: 10.5664/jcsm.6704.
4. *Flayelle M., et al.* Assessing Binge-Watching Behaviors: Development and Validation of the «Watching TV Series Motives» and «Binge-Watching Engagement and Symptoms» // *Questionnaires. Computers in Human Behavior*. 2019 Vol. 90 P. 26–36. DOI: 10.1016/j.chb.2018.08.022.

5. *Krossbakken E., Pallesen S., Mentzoni R.A., King D.L., Molde H., Finserås T.R., Tøshemi T.* A Cross-Lagged Study of Developmental Trajectories of Video Game Engagement, Addiction, and Mental Health // *Frontiers in Psychology*. 2018 Vol. 9 P. 2239. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.02239.
6. *Starosta J., Izydorczyk B.* Understanding the Phenomenon of Binge-Watching—A Systematic Review // *International Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020 Vol. 17 P. 4469.

Исследование мотивации профессиональной деятельности персонала организаций России и Вьетнама

Нгуен Тхи А.Д., Крушельницкая О.Б.
ФГБОУ ВО МГППУ, Куанг Нгай, Вьетнам
social2003@mail.ru, anhdaopsy99@gmail.com

В условиях глобализации и экономических преобразований мотивация труда стала ключевым фактором, определяющим эффективность и устойчивое развитие организаций. Управление человеческими ресурсами в организациях России и Вьетнама, несмотря на существенные различия этих стран в истории, культуре и экономической системе, развивается в направлении соответствия требованиям современного рынка.

Мотивация профессиональной деятельности работников определяется психологическими факторами, которые связаны как с личностными особенностями сотрудников, так и с характером межличностных и межгрупповых отношений в организации (Токарева, Крушельницкая, 2020). Большое значение для мотивации работников имеют психологический климат и особенности организационной культуры предприятия. Личностные и групповые факторы мотивации трудовой деятельности могут по-разному проявляться в зависимости от этнокультурных особенностей персонала организации (Бадмаева, Тимофеева, 2010; Hofstede, 2011). Мотивация не только зависит от индивидуальных факторов, таких как личные потребности и ценности, но также находится под сильным влиянием организационной среды и национальной культуры (Hofstede, 2011).

Наше эмпирическое исследование посвящено изучению мотивационных характеристик сотрудников организаций, находящихся в России и во Вьетнаме. Используются следующие методики: «Опросник профессиональной мотивации» (Осин и др., 2017), методика «Мотивационный профиль Ричи-Мартина, (Ричи, Мартин, 2004), методика «Изучение идентификации работника в организации» (Сидоренков и др., 2019).

На данный момент получены результаты опроса 140 респондентов, из них 69 – работники организаций в России и 71 – во Вьетнаме.

Результаты сравнения мотивационного профиля сотрудников с помощью критерия Мана-Уитни показали, что потребность в определенности и четком структурировании работы, регулируемой правилами и указаниями свыше, больше выражена у работников российских организаций ($p = 0,010$). Возможно, этот факт объясняется традиционно большей структурированностью взаимоотношений в системе деловых отношений Вьетнама. Также полученный результат может быть связан с особенностями менталитета российских менеджеров, гибко и не всегда предсказуемо сочетающих в разных ситуациях взаимодействия с подчиненными направленность на выполнение производственных задач и направленность на межличностные отношения (Бадмаева, Тимофеева, 2010).

Особенностями менталитета российских работников можно, на наш взгляд, объяснить и более выраженную потребность в формировании долгосрочных и стабильных, доверительных взаимоотношений с коллегами ($p = 0,048$), а также стремление к достижению сложных и многообещающих целей ($p = 0,019$).

У сотрудников вьетнамских организаций больше, по сравнению с российскими, выражена потребность в разнообразии и переменах в профессиональной деятельности ($p = 0,000$). Возможно, это связано с тем, что деятельность персонала организаций во Вьетнаме является более структурированной и регулируемой четкими инструкциями. Также у них больше выражена потребность быть востребованными в интересной общественно значимой работе ($p = 0,001$).

Помимо показателей мотивации мы также изучили особенности идентификации работников в организациях. Показатели организационной и персональной аффективной идентичности оказались значимо выше у российских работников ($p = 0,025$ и $p = 0,045$

соответственно, согласно критерию Манна-Уитни). Иными словами, российские работники в большей мере выразили положительные эмоции от осознания своей причастности к организации и общности с большинством ее сотрудников. В то же время, они больше, чем сотрудники организаций Вьетнама, психологически отделяют себя от коллег, ощущают свою непохожесть на них и желание оставаться самими собой.

Организации, в которых работают опрошенные респонденты, условно можно разделить на четыре категории: 1)коммерческие, 2)образовательные, 3)производственные, 4)относящиеся к сфере услуг. Сравнение мотивационных характеристик работников перечисленных категорий российских организаций показало, что у работников сферы услуг наименее выражены потребности в проявлении креативности (критерий Краскала-Уоллиса, $p = 0,015$), а также экстернальная мотивация ($p = 0,040$) и амотивация ($p = 0,042$). На вьетнамской выборке различий в показателях мотивации у работников организаций, действующих в различных сферах деятельности, не выявлено.

Предполагаем, что результаты нашего исследования внесут определенный вклад в понимание влияния культурных и организационных факторов на производительность труда и помогут менеджерам в разработке стратегий управления персоналом.

Литература

1. *Бадмаева С.В., Тимофеева Е.К.* Влияние «российского менталитета» на стиль российского менеджмента // Психологическая наука и образование. 2010. Том 15. № 5. С. 68–76.
2. *Осин Е.Н., Горбунова А.А., Гордеева Т.О., Иванова Т.Ю., Кошелева Н.В., Овчинникова (Мандрикова) Е.Ю.* Профессиональная мотивация сотрудников российских предприятий: диагностика и связи // Организационная психология. 2017. Т. 7. № 4. С. 21–49.
3. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией: Учеб. пособие для вузов / Пер. с англ, под ред. проф. Е.А. Климова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004. 399 с.

4. Сидоренков А.В., Шипитько О.Ю., Штильников Д.Е., Штроо В.А. Разработка инструментария изучения идентификации работников в организации // Организационная психология. 2019. Т. 9. № 3. С. 74–102.
5. Токарева С.Ю., Крушельницкая О.Б. О социально-психологических условиях мотивации персонала организации // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием памяти М.Ю. Кондратьева (12–13 мая 2020 г.). М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2020. 594 с. С. 513-517.
6. Hofstede G. (2011). Culture's Consequences: Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. 596 p.
7. Minh // Tạp chí khoa học Đại học mở Thành phố Hồ Chí Minh - kinh tế và quản trị kinh doanh. 2020. 13(1):51-65. DOI:10.46223/HCMCOUJS.econ.vi.13.1.528.2018

Киберадаптация в сети Интернет: необходимость поиска баланса

Нестерова А.А.

*ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
anesterova77@rambler.ru*

В современной психологии преобладает мнение, что пребывание в сети Интернет вредно для нас. В статьях научно-популярных и академических изданий авторы обвиняют Интернет во всемирной эпидемии гаджет-зависимости у детей и взрослых, в росте уровня одиночества, депрессии, упрекают в появлении трудностей и проблем в процессе развития у детей навыков социального общения, в утрате способности взрослых устанавливать близкие межличностные отношения, в возникновении таких деструктивных видов взаимодействия, как фаббинг, кибербуллинг, киберсуицид и пр.

Но при этом мы все больше понимаем, что виртуальное пространство все прочнее входит в жизнь каждого человека: мы больше общаемся, обучаемся, развиваемся, развлекаемся, взаимодействуем посредством сети Интернет. Последние годы все больше появляется

исследований, которые демонстрируют определенный положительный эффект влияния сети Интернет на благополучие современных людей (Айсина, Нестерова, 2019; Vuorre, Przybylski, 2024).

Например, исследование американских коллег показывает, что подавляющее большинство подростков сообщают о важных положительных моментах, которые им дает возможность глобальной сети: они чувствуют себя более связанными с тем, что происходит в жизни их друзей (80%); понимают, что у них есть место, где они могут проявить свою творческую сторону (71%), ощущают, что у них есть люди, которые могут поддержать их в трудные времена (67%), что их больше принимают (58%) (Vogels, Gelles-Watnick, 2023).

Лонгитюдное исследование ученых из Голландии, проводившееся в течение 15 лет (с 2006 по 2021 гг.) и охватившее почти два с половиной миллиона человек в 168 странах, показало, что 84,9% ассоциаций между активным использованием сети Интернет и разными показателями психологического благополучия человека были позитивными и содержали комментарии пользы и увеличения уровня благополучия при обращении к глобальной сети. Эти результаты показали, что доступ к Интернету и его использование в подавляющем большинстве случаев приносит людям какую-то пользу и положительно влияет на их субъективное благополучие (Vuorre, Przybylski, 2024).

Таким образом, все яснее определяется роль позитивной психологии в оптимизации процесса социального развития человека в киберпространстве. Во многих исследованиях теоретически и эмпирически обоснованы возможности и ресурсы киберпространства, виртуальной реальности, социального нетворкинга для решения различных прикладных задач в сопровождении позитивной социализации. В научной литературе появляются такие понятия, как цифровое благополучие, позитивная киберсоциализация (Айсина, Нестерова, 2019; Vuorre, Przybylski, 2024; Wang et al., 2021; Wang et al., 2025).

Позитивная киберсоциализация определяется нами как совокупность процессов безопасного освоения пользователем киберпространства, полноценного использования его многочисленных преимуществ и перенесения полезного опыта, полученного в

виртуальной среде, на решение жизненных задач в реальной действительности (Айсина, Нестерова, 2019).

Близкой к нашему пониманию позитивной киберсоциализации является конструкт «киберадаптация», предложенный в 2021 году сотрудниками «Ключевой лаборатории изучения подростковой киберпсихологии и киберповедения» в Китае. Авторы концепции и термина предлагают новый подход к изучению влияния сети Интернет на современных подростков, который предполагает переориентацию с запретов и ограничений на развитие в человеке с юных лет способности к позитивной адаптации в Сети. Авторы говорят о киберадаптации или адаптации к Интернету (Wang et al., 2021; Wang et al., 2025).

Адаптация к Интернету относится к качествам и состояниям, которые люди формируют посредством динамических взаимодействий с сетевой средой. То есть это качество личности еще необходимо развить в процессе поэтапного взаимодействия объекта (сети Интернет) и субъекта (человека). «Адаптированность к Интернету», по мнению авторов концепции, включает индивидуальные черты, необходимые для поддержания гармоничных отношений с сетевой средой для выживания и развития, такие как социальная адаптивность при взаимодействии с сетью Интернет и самооффективность в Интернете (Wang et al., 2021).

Подготовка к этапу адаптации включает два измерения: интернет-любопытство и сетевая самооффективность, которые формируют начальную готовность людей, когда они только начинают осваивать просторы сети Интернет.

Этап процесса адаптации включает три измерения: интернет-самоконтроль, сетевую защиту информации и сетевое проактивное совладание, представляющие собой корректировки в реальном времени, которые сами подростки привносят в сетевую среду. Здесь большое влияние играет восприятие своей способности влиять на онлайн-взаимодействия и управлять ими, а также способность регулировать использование Интернета и предотвращать чрезмерное или вредное поведение в Сети.

Стадия устойчивой адаптации включает три измерения: сетевой поиск информации, сетевую способность к обучению и сетевое межличностное общение, которые являются фундаментальными способностями, которые развиваются с течением времени при

взаимодействии с сетью, а в итоге служат прямыми показателями того, успешно ли человек адаптировался к сетевой среде (Wang et al., 2021).

В 2025 году сотрудники лаборатории создали и валидизировали «Шкалу адаптивности подростков к Интернету» (AIAS), включающую восемь измерений – интернет-любопытство, интернет-самоэффективность, способность к обучению в Интернете, способность к интернет-социализации, способность к поиску информации в Интернете, способность к защите информации в Интернете, способность к интернет-самоконтролю и способность к позитивному совладанию в Сети. Эта многомерная методика значительно продвигает оценку использования Интернета подростками, вооружая заинтересованные стороны эффективными мерами по исследованию особенностей цифрового поведения подростков для повышения благополучия (Wang et al., 2025).

На сегодняшний день очень важно понять те условия и качества личности, которые будут способствовать благополучной адаптации человека к взаимодействию в киберпространстве, а также иметь психодиагностический инструмент, который поможет измерять уровень этой адаптивности.

Литература

1. Айсина Р.М., Нестерова А.А. Киберсоциализация молодежи в информационно-коммуникационном пространстве современного мира: эффекты и риски // Социальная психология и общество. 2019. №10(4). С. 42-57.
2. Vogels E.A., Gelles-Watnick R. Teens and social media: Key findings from Pew Research Center surveys // Pew research center. 2023. Vol. 24.
3. Vuorre M., Przybylski A.K. A Multiverse Analysis of the Associations Between Internet Use and Well-Being // Technology, Mind, and Behavior. 2024. Vol. 5(2).
4. Wang W., Dong R., Niu G., Zhou Z. Internet adaptation: Concept and model // Journal of Nanchang University. 2021. Vol. 52(2). P. 45–54.
5. Wang W., Ye J., Dong R., Ma S., Huang D., Zhao X. The adolescent Internet Adaptability Scale: Development and psychometric properties // Cyberpsychology: Journal of Psychosocial Research on Cyberspace. 2025. Vol. 19(1), Article 5.

Отношение к деньгам и субъективное благополучие у студенческой молодежи

Нестерова А.А., Покровская Е.С.
ФГАОУ ВО ГУП, Москва, Россия
anesterova77@rambler.ru, kate1212@yandex.ru

Становление понятия денег в социологии началось еще в рамках классической политической экономики XIX века в работах К. Маркса. Большое значение имеют труды таких социологов, как Г. Зиммель, М. Вебер, Т. Веблен и др. Они разработали методологию анализа экономических явлений в социологии, в том числе их работы сыграли особое значение в становлении современного подхода к изучению денег. Не менее важной для изучения функционирования денег в современных обществах явилась теория структурно-функционального анализа Т. Парсонса и Р. Мертона (Проблемы экономической психологии, 2004).

Внимание деньгам уделяли и такие социологи, как Ю. Хабермас, Н. Луман, Дж. Коулман, Й. Шумпетер, экономист и социолог К. Поланьи, специалисты в области экономической социологии – Дж. Ингхэм, Н. Додд, В. Зелизер, В.В. Радаев, Дж. Смифин, экономической теории – Ф. Хайек, и экономической психологии – Т. Уайзман. Также значение имеют и труды экономистов – Д. Рикардо, С. Гезелла, Дж. Хикса и Р. Рэя, интерпретировавших деньги в терминах выполняемых ими функций в экономике и их роли в экономическом обмене.

Отношение к деньгам – важная составляющая экономического сознания, как отдельных людей, так и социальных групп. В гуманитарных науках исследования всеобщей эквивалентности денег сменяются изучением того, как люди относятся к деньгам. Социальная психология рассматривает такие аспекты этого отношения, как монетарные ценности, потребности, мотивы, социальные установки, а также экономическое мышление и представления (Позняков, 2017; Проблемы экономической психологии, 2004).

Современные исследования показывают, что монетарное поведение зависит как от происходящих социальных изменений, так и от индивидуально-психологических особенностей людей.

Согласно представлениям о постиндустриальном обществе, общество может преодолеть экономические ограничения не через изменение социальных структур, а благодаря духовному и интеллектуальному развитию людей (Иноземцев, 2000).

Отношение к деньгам тесно связано с потребительским поведением и часто его определяет. За рубежом в маркетинге стилей жизни широко используется такой критерий типологизации потребителей, как личностная зрелость (Блэкуэлл, Миниард, Энджел, 2007). Этот же критерий применяется для социальной стратификации.

В результате изменений в экономической среде и финансового расслоения общества формируются различные социально-психологические типы людей по отношению к деньгам. Для одних деньги – это цель жизни, для других – лишь условие существования. Каждому типу отношений соответствует определенное монетарное поведение (Хашченко, 2011).

А.Б. Фенько, анализируя зарубежные источники, выделяет семь направлений в исследовании денег, из которых наиболее важными считает: базовые установки по отношению к деньгам; повседневные привычки (траты и сбережения); психические расстройства, связанные с деньгами. Автор говорит о необходимости уже в молодом возрасте формировать «денежную этику» (Фенько, 2000).

Проанализировав диссертацию М.Ю. Семенова, посвященную отношениям к деньгам, можно сделать вывод, что спустя двадцать лет экономическая ситуация продолжает быть напряженной и самое большое давление оказывается именно на молодых людей, ввиду высокой конкуренции и отсутствия должной финансовой грамотности. Его работа доказала связь между личностной зрелостью и уровнем финансовой грамотности среди людей среднего возраста. У личностно зрелых людей отношение к деньгам характеризуется большей сбалансированностью: они склонны рассматривать деньги как инструмент для достижения целей, а не как самоцель, и демонстрируют меньшую тревожность в финансовых вопросах. В работе подчеркивается, что незрелые личности чаще проявляют экстремальные установки – от чрезмерной экономии до импульсивных трат, тогда как зрелые индивиды демонстрируют рациональный подход к управлению финансами (Семенов, 2004).

Также стоит отметить, что капитализм в нашей стране развился не так давно, как в европейских странах. Всю свою жизнь при капитализме живет только поколение 90-ых, которое сможет привить своим детям грамотные финансовые привычки. Что касается молодых студентов сейчас, то они являются детьми поколения 80-ых, их родители выросли еще при социалистическом строе. Эти молодые люди не получили навыков финансовой грамотности, навыков обращения с деньгами и навыков их накопления, что могло отразиться на их уровне субъективного благополучия. В настоящее время очень важно развивать это направление с целью формирования понимания роли личностных факторов в формировании финансового поведения молодежи.

Литература

1. *Блэкуэлл Р.Д., Миниард П.У., Энджел Д.Ф.* Поведение потребителей. 2007.
2. *Иноземцев В.Л.* Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы : Учеб. пособие для студентов экон. направлений и специальностей / В.Л. Иноземцев. М.: Логос, 2000. 302 с.
3. *Позняков В.П.* Психологические отношения человека: современное состояние исследований и перспективы развития концепции // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2. №. 2. С. 6-30.
4. Проблемы экономической психологии / отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. Т. 1. 620 с.
5. *Семенов М.Ю.* Особенности отношения к деньгам людей с разным уровнем личностной зрелости. Дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.05. Ярославль, 2004. 178 с.
6. *Фенько А.Б.* Проблема денег в зарубежных психологических исследованиях / А.Б. Фенько // Психологический журнал. 2000. № 1. С. 50-62.

7. *Хащенко В.А.* Субъективное экономическое благополучие как предиктор субъективного качества жизни // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4. №. 4. С. 13-29.

Связь межкультурной компетентности и социокультурной адаптации русскоязычных мигрантов в Марокко

Низовцова А.Н., Гриценко В.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anna_nizovtsova@mail.ru, gricenkova@mgppu.ru

В условиях глобализации и интенсификации миграционных процессов, проблема адаптации мигрантов становится все более актуальной для всего мира. В силу этого особую важность приобретает изучение механизмов социокультурной адаптации мигрантов к новой этнокультурной среде. В данной работе мы рассматриваем ее связь с межкультурной компетентностью на примере русскоязычных мигрантов в Королевстве Марокко.

Социокультурная адаптация мигрантов определяется как изменение поведенческих стратегий индивида в ответ на требования новой социокультурной среды. Согласно теории Дж. Берри, наиболее эффективной стратегией аккультурации является интеграция, которая характеризуется сохранением своей культурной идентичности и одновременной идентификацией с новой (Berry, 2005). Межкультурная компетентность в наиболее широком контексте определяется как «способность человека эффективно функционировать при общении с представителями различных культур и в различных культурных средах» (Хухлаев и др., 2021).

Цель исследования: выявить характер связи межкультурной компетентности и социокультурной адаптации мигрантов.

Гипотеза исследования: компоненты межкультурной компетентности положительно связаны с ориентацией на интеграцию как наиболее успешной стратегией социокультурной адаптации.

Эмпирическая база исследования: русскоговорящие женщины (34 чел.) в возрасте от 32 до 65 лет ($M = 44,1$; $SD = 7,4$), проживающие в Королевстве Марокко от 1 года до 42 лет ($M = 15,6$; $SD = 11,3$).

Методики исследования

1.«Интегративный опросник межкультурной компетентности» (Хухлаев и др., 2021).

2.Опросник «Аккультурационные стратегии» Дж. Берри (Татарко, Лебедева, 2011).

3.Опросник «Оценка психологических проблем» (шкала социокультурной адаптации) (Татарко, Лебедева, 2011).

Результаты исследования и их обсуждение

Согласно описательным статистикам, для выборки русскоязычных женщин, проживающих в Марокко, характерен достаточно высокий уровень межкультурной компетентности по всем четырем показателям: межкультурная стабильность ($M = 4,46$; $SD = 0,45$), межкультурный интерес ($M = 4,08$; $SD = 0,83$), отсутствие этноцентризма ($M = 4,05$; $SD = 0,58$), управление межкультурным взаимодействием ($M = 4,15$; $SD = 0,47$). При этом наиболее характерной для них стратегией аккультурации является интеграции ($M = 4,35$; $SD = 0,51$), значительно в меньшей степени им свойственна сепарация ($M = 2,1$; $SD = 0,73$), слабую выраженность имеют стратегии ассимиляции ($M = 1,46$; $SD = 0,42$) и маргинализации ($M = 1,28$; $SD = 0,5$). Уровень социокультурной дезадаптации респондентов – низкий ($M = 1,58$; $SD = 0,4$). Во всех опросниках используется 5-балльная шкала Лайкерта.

Продемонстрированный респондентами высокий уровень межкультурной компетентности подтверждается их достижениями в области межкультурной коммуникации. Так, большинство на хорошем уровне (от среднего до продвинутого) владеет хотя бы одним из языков, распространенных в Королевстве Марокко: французским владеют более 70% опрошенных, дарижей (марокканский диалект арабского языка) и английским – почти половина, литературным арабским – 6%. Большинство (68%) имеют хотя бы одного близкого друга среди принимающего населения, а почти половина имеет друзей других национальностей. При этом стоит отметить, что все респонденты поддерживают контакты с другими русскоязычными представителями и с ними же общаются чаще всего.

Было выявлено, что ориентация на стратегию интеграции положительно связана со всеми компонентами межкультурной компетентности (управление межкультурным взаимодействием ($r = 0,54$; $p = 0$), межкультурная стабильностью ($r = 0,41$; $p = 0,02$), межкультурный интерес ($r = 0,4$; $p = 0,03$), отсутствие этноцентризма (r

452

= 0,36; $p = 0,05$)) и отрицательно с показателем социокультурной дезадаптации мигранта ($r = -0,47$; $p = 0,01$). Обнаружена обратная связь между стратегией сепарации и межкультурным интересом ($r = -0,36$; $p = 0,05$). Иными словами, ориентированные на стратегию интеграции респонденты обладают более высоким уровнем межкультурной компетентности и более успешно адаптируются к новой социокультурной среде. В то же время ориентированные на стратегию сепарации респонденты проявляют меньший интерес к представителям других культур.

Успешность адаптации русскоязычных женщин в Марокко возможно объяснить их высоким уровнем образования (87% респондентов окончило вуз, из них 10% имеют ученую степень), длительностью проживания в стране, достаточно высокой мотивированностью на интеграцию (большинство состоят в смешанных браках с марокканцами и имеют детей). Косвенно адаптация подтверждается и тем, что 74% опрошенных в настоящее время работают. Ислам исповедует 39% респондентов, из них 26% ранее были христианами и приняли религию марокканского большинства по личному выбору либо в силу внешних обстоятельств.

Выводы

Ориентация на интеграцию как наиболее успешная стратегия социокультурной адаптации положительно связана с компонентами межкультурной компетентности и отрицательно с показателем социокультурной дезадаптации мигрантов. Ориентация на стратегию сепарации отрицательно связана с межкультурным интересом.

Литература

1. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросскультурной психологии // М.: НИУ ВШЭ. 2011. 238 с.
2. Хухлаев О.Е., Гриценко, В.В., Макаrchук, А.В., Павлова, О.С., Ткаченко, Н.В., Усубян, Ш.А., Шорохова, В.А. Разработка и адаптация методики «Интегративный опросник межкультурной компетентности» // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. №. 1. С. 71-91.
3. Berry J.W. Acculturation: Living successfully in two cultures // International journal of intercultural relations. 2005. Т. 29. №. 6. С. 697-712.

Особенности межкультурной адаптации в России у студентов из Узбекистана и Казахстана

Новикова И.А., Рушина М.А., Мусинова С.Р.

РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия

novikova_ia@pfur.ru rushina_ma@pfur.ru 1032249154@pfur.ru

В современном мире межкультурная адаптация (МКА) становится неотъемлемой частью жизни многих людей, в частности – студентов, приезжающих из других государств для получения образования в России (Гриценко и др., 2021). В Российском университете дружбы народов им. П. Лумумбы (РУДН) накоплен большой опыт исследований МКА иностранных студентов из разных регионов мира (Ардила и др., 2019; Новикова, 2010; Chebotareva, 2011). В последнее время все большее внимание исследователей привлекают проблемы МКА студентов из стран бывшего СССР как в связи с изменением социально-политической обстановки в мире, так и в связи с ухудшением на постсоветском пространстве уровня владения русским языком как одного из важнейших факторов МКА (Кудоярова, 2009; Петрова, Травкин, 2023; Рожнова, 2021).

Казахстан и Узбекистан – две страны постсоветской Центральной Азии, со схожими историческими, культурными и географическими факторами. Однако культурные традиции и особенности образовательных систем каждой из этих стран могут оказывать значительное влияние на процесс адаптации казахских и узбекских учащихся в российской образовательной среде. Цель данного исследования – сравнить уровни межкультурной адаптации и аккультурации в России у студентов из Казахстана и Узбекистана, обучающихся в российских вузах.

Выборка исследования включала 101 студента из Казахстана и Узбекистана, обучающихся в РУДН: 50 этнических узбеков (20 юношей и 30 девушек) и 51 этнического казаха (23 юноши и 28 девушек) в возрасте от 18 до 45 лет (85% – в возрасте 18-23 лет).

Методики для диагностики: 1) «Опросник адаптации личности к новой социокультурной среде» (АЛКСС) Л.В. Янковского в модификации Т.Г. Стефаненко и М.С. Панова (Панов, 1999), 2) «Шкала

аккультурации в России» (ШАР) (Ардила и др., 2019). Исследование проводилось на русском языке в ноябре 2023 году с использованием гугл-форм. Для статистической обработки применялись методы описательной статистики и *U*-критерий Манна–Уитни.

По методике АЛКСС в обеих группах студентов получены низкие показатели двух основных «позитивных» шкал МКА – *удовлетворенность* и *интерактивность*. Это свидетельствует об проблемах в адаптации к новому социальному окружению, отсутствии чувства защищенности, принадлежности и сопричастности с социальным окружением, невыраженном желании на взаимодействие с новым окружением. Такие результаты нетипичны для выборок студентов из стран СНГ (Новикова, 2010; Chebotareva, 2011), возможно, результаты отражают резко изменившуюся ситуацию последних нескольких лет. Из «позитивных» шкал межкультурной адаптации только *конформность* выражена на достаточно высоком уровне, что свидетельствует о том, что МКА происходит за счет приспособления к новому окружению, следованию его нормам и правилам, которое, возможно, носит вынужденный характер. В то же время «негативные» шкалы МКА (*ностальгия*, *депрессивность*, *отчужденность*) выражены на уровне выше среднего, что подтверждает существование проблем в МКА в исследуемых группах. Необходимо отметить, что высокий уровень *ностальгии* является достаточно типичным для иностранных студентов из разных стран и, как показано в предыдущих исследованиях, показатели ностальгии тесно связаны с «позитивными» шкалами АЛКСС (Новикова, 2010; Chebotareva, 2011).

Сравнительный анализ выраженности шкал методики АЛКСС у узбекских и казахских студентов с использованием *U*-критерия Манна–Уитни выявил следующие значимые различия:

- 1) более высокий уровень *депрессивности* ($p = 0,002$) у студентов из Казахстана (8,69) по сравнению со студентами из Узбекистана (6,07);
- 2) более высокий уровень ($p = 0,004$) *ностальгии* у студентов из Казахстана (8,64) по сравнению со студентами из Узбекистана (6,85);
- 3) более высокий уровень ($p = 0,013$) *отчужденности* у студентов из Казахстана (6,51) по сравнению со студентами из Узбекистана (5,63).

По выраженности «позитивных» шкал АЛКСС значимых различий между изучаемыми группами не выявлено. Соответственно, казахские студенты имеют более выраженные проблемы МКА, которые

проявляются в переживании ими сомнений, тревоги, бесперспективности, тоски по родине, чувств подавленности, покинутости, беспомощности и т.п.

В то же время в результате диагностики степени аккультурации к России с использованием методики ШАР были получены очень высокие результаты в обеих группах, при более выраженной аккультурации у студентов из Казахстана (95,0 против 87,9; $p = 0,004$). На наш взгляд, такие противоречивые данные объясняются тем, что методика ШАР, прежде всего, оценивает знания русского языка, русской истории, культуры и традиций, общее отношение к России и россиянам, а методика АЛКСС затрагивает психологические состояния и переживания, которые могут быть связаны с более глубокими личностными и социальными причинами.

В целом, полученные результаты подтверждают тревожные тенденции ухудшения процессов психологической адаптации в России студентов из стран постсоветской Центральной Азии, несмотря на давние культурно-исторические связи наших стран. Это диктует необходимость продолжения исследований с целью более глубокого анализа проблем МКА студентов из этих и других стран СНГ с привлечением более объемных выборок и использованием дополнительных методов диагностики.

Литература

1. Ардила А., Маслова О.В., Новикова И.А., Шляхта Д.А., Агилар Ю. Разработка и психометрическая проверка шкалы аккультурации иностранных студентов к России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2019. Т. 16. № 3. С. 393-415.
2. Гриценко В.В., Хухлаев О.Е., Зинурова Р.И., Константинов В.В., Кулеш Е.В., Малышев И.В., Новикова И.А., Черная А.В. Межкультурная компетентность как предиктор адаптации иностранных студентов // Культурно-историческая психология. 2021. Т. 17. № 1. С. 102-112.
3. Кудоярова Т.В. Русский язык в современной образовательной среде стран СНГ и Балтии: Автореф. дисс. ... канд. педагогич. н. М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2009.

4. *Новикова И.А.* Соотношение толерантности и параметров межкультурной адаптации иностранных студентов из разных регионов // Вестник РУДН. Серия «Психология и педагогика». 2010. № 4. С. 24-28.
5. *Панов М.С.* Влияние личностных характеристик на адаптацию беженцев: Выпускная квалификационная работа по специальности «Психология». М.: МГУ, 1999.
6. *Петрова Л.Г., Травкин К.С.* Инструменты укрепления позиций русского языка в мировом пространстве // МедиаВектор. 2023. № 7. С. 83-87.
7. *Рожнова Е.П.* Проблемы социокультурной адаптации иностранных граждан из стран Средней Азии к российской образовательной среде в довузовский период обучения // Современное педагогическое образование. 2021. № 9. С. 186-190.
8. *Chebotareva E.Ju.* Intercultural adaptation to Russia of students from Asia, Africa, Latin America and the Middle East // RUDN Journal of Psychology and Pedagogics. 2011. No. 3. Pp. 6-11.

Интерактивная технология формирования профессионально важных качеств у студентов вуза

Орлов В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vladimirorlov@bk.ru

Развитие профессиональной идентичности студентов как единства представлений о себе, на основе которой формируется чувство тождественности с самим собой как будущим специалистом в той или иной профессиональной сфере деятельности, напрямую зависит от тех профессионально значимых личностных качеств (ПВК), которые определяют эффективность достижения профессиональной цели (Родыгина, 2007).

В работах, посвященных проблемам подготовки психологов-практиков, рассматриваются такие ПВК, как способность к эмпатии, нервно-психическая устойчивость, уровень конфликтности, коммуникабельность и др. Так, например, в исследовании

представлений педагогов, школьной администрации, учеников и их родителей о профессионально важных качествах школьного психолога были выделены пять групп ПВК: «коммуникативные», «когнитивные», «нравственные», «волевые», «эмоциональные». Еще десять качеств были отнесены к необходимым для осуществления полноценного сотрудничества: бесконфликтность, владение навыками общения, ответственность, открытость, самоконтроль, стремление к сотрудничеству, умение работать в команде, умение разрешать конфликты, умение слушать, умение строить паритетные отношения. Формирование профессионально важных качеств, безусловно, начинается в допрофессиональный период развития человека (до профессиональной карьеры), но в значительной мере эти качества получают свое развитие как во время вузовской подготовки, так и в процессе профессиональной деятельности (Орлов, 2006).

Эффективность профессиональной деятельности зависит от того, насколько человек овладел необходимыми для конкретной профессии общекультурными и профессиональными компетенциями. В качестве компетенций обычно рассматривают способности и другие качества человека, необходимые для успешного выполнения той или иной деятельности.

Для достижения эффективности совместной деятельности человек стремится, за счет рефлексии и саморегуляции, корректировать проявление своих качеств, развивая наиболее значимые для командной работы. Учет профессионально важных качеств друг друга в совместной деятельности позволяет развивать взаимную адаптацию.

В рамках учебно-профессиональной подготовки студентов-психологов (дисциплина «Введение в профессию») была разработана «Интерактивная технология формирования профессионально важных качеств у студентов вуза», использование которой целесообразно проводить со студентами первого курса психологических факультетов. Такая групповая работа помогает начинающим психологам лучше осознать суть выбранной профессии, понять, какие личностные качества необходимы психологу, а также способствуют развитию у студентов профессиональной рефлексии. Еще одной задачей данной технологии является овладение студентами навыками групповой работы на основе принципов демократического ведения дискуссии.

Рассмотрим базовую схему групповых занятий, направленную на формирование у студентов представлений о ПВК личности психолога-

консультанта как важную ступень развития профессиональной идентичности. Занятие строится по определенному алгоритму и разделено на несколько этапов с лимитизацией времени.

1 этап (мотивационный). Студентам рассказывается в интерактивной лекционной форме (через вопросы, вовлекая их в лаконичные дискуссии) о важности ПВК личности психолога для эффективного достижения профессиональной цели.

2 этап. Студентам предлагается, работая индивидуально, составить список из 10 ПВК, необходимых, с их точки зрения, психологу-консультанту, при этом надо продумать аргументацию своего выбора. После этого необходимо проранжировать качества в порядке убывающей значимости.

3 этап. Студенты объединяются в микро-группы по 4–5 человек для обсуждения индивидуальных списков ПВК и выработки группового мнения, с составлением соответствующего списка 10 ПВК. Для повышения эффективности этапа перед его проведением необходимо напомнить студентам демократические принципы ведения ингрупповой дискуссии (Орлов, 2020). После этого мини-группа выбирает спикера (как правило, неформального лидера) для доклада о результатах работы.

4 этап. В связи с тем, что результаты работы мини-групп необходимо свести в единую форму, ведущий занятия предлагает классификационную таблицу с 6 столбцами, которая фиксируется на доске или в другой форме отображения информации. Эмпирически выделены следующие 6 групп ПВК: «коммуникативные», «когнитивные», «нравственные», «волевые», «эмоциональные», «универсальные». В последнюю группу вносятся качества, которые не соответствуют предыдущим группам.

5 этап. Спикер каждой мини-группы презентует выделенный список ПВК, с аргументацией важности каждого качества для профессиональной деятельности. Члены макро-группы задают уточняющие вопросы и коллективно с ведущим решают вопрос об уровне значимости обсуждаемого качества, а также в каком классификационном столбце его зафиксировать. По такой же схеме проводятся доклады каждой мини-группы, и в случае повторения качества оно помечается соответствующей цифрой. Окончание доклада каждой группы сопровождается одобрительными аплодисментами.

6 этап. Ведущий занятия обобщает проделанную группой работу, подчеркивает ее значимость для профессионального развития личности и достижения высокой квалификации в профессии. Кроме этого, следует отметить, что у каждого психолога может быть свой уникальный, своеобразный профиль ПВК, коррелирующий с успехом его профессиональной деятельности. При этом не отдельные качества, а только их комплекс может способствовать эффективному достижению профессиональной цели.

7 этап. Для закрепления результатов проделанной работы студентам дается индивидуальное или мини-групповое задание к следующему занятию: подготовить краткие доклады о возможных способах развития у себя разработанной на занятии модели ПВК психолога-консультанта.

Данная интерактивная технология применяется уже несколько лет в контексте дисциплины «Введение в профессию» на 1 курсе факультета социальной психологии МГППУ и, по многочисленным отзывам студентов, существенно повлияла на развитие их профессиональной идентичности и учебно-профессиональной мотивации. Хотя студентов 1 курса психологического факультета нельзя считать высококвалифицированными экспертами, практика применения данной технологии показывает высокое соответствие выстраиваемой ими модели ПВК психолога-консультанта разработанной специалистами-экспертами.

Предлагаемая интерактивная технология может быть применена в подготовке студентов и по любым другим специальностям и профессиям.

Литература

1. Орлов В.А. Демократические принципы выработки коллегиальных решений /В кн.: Социальная психология образования. Практикум: учебное пособие / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: ИНФРА-М, 2020. 261 с. С. 199.
2. Орлов В.А. Экспектации субъектов образовательного процесса относительно роли школьного психолога как фактор эффективности их взаимодействия: Дис. ... канд. психол. н. М., МГППУ, 2006. 180 с.

3. *Родыгина У.С.* Психологические особенности профессиональной идентичности студентов // Психологическая наука и образование. 2007. Т. 12. № 4. С. 39–51.

Связь мотивации учения студентов с особенностями их отношений в семье и в учебной группе

Пак В.Ю., Крушельницкая О.Б.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
vanessa.pak.8888@bk.ru, social2003@mail.ru*

Социальная поддержка, получаемая студентами от сверстников и членов своей семьи, играет для них важную роль в формировании и поддержании мотивации учебно-профессиональной деятельности. Даже при больших объемах самостоятельных заданий в рамках сложных образовательных программ студенты сохраняют высокий уровень учебной мотивации, если семья демонстрирует интерес к их успехам и позитивно реагирует на изменения их образовательных целей (Слепко, 2022). Результаты исследований подтверждают, что родители, которые не ограничиваются простым контролем, а вовлекаются в обсуждение научных и карьерных перспектив своих детей, во многом укрепляют у обучающихся самооффективность и стремление к достижению (Philominraj et al., 2022).

В семейных взаимоотношениях исследователи отмечают значимость стиля взаимодействия родителей со студентом. В частности, авторитарный подход, основанный на жестких требованиях и одностороннем контроле, формирует преимущественно внешнюю учебную мотивацию: студент начинает действовать, чтобы избежать санкций или разочаровать близких, но не испытывает при этом глубокого внутреннего интереса. Напротив, гибкая, партнерская позиция родителей, допускающая ошибки обучающегося и нацеленная на диалог, способствует развитию его инициативы и укреплению познавательных мотивов (Milosavljević Đukić et al., 2022).

Сходным образом обстоит вопрос и в учебной группе: если культура общения предполагает поддержку и открытость, студенты охотно

обращаются друг к другу и к преподавателям за помощью, вовлекаются в дискуссии и осваивают более сложные форматы взаимодействия (Hirt et al., 2020). Такой формат взаимоотношений студентов становится источником взаимного обогащения. Столкнувшись с затруднением (будь то сложная тема или групповое проектное исследование), обучающийся может обратиться к сверстникам, получить не только обратную связь в учебной деятельности, но и эмоциональную поддержку, увидеть, что другие тоже борются со схожими сложностями, а значит, подобные трудности естественны. Это формирует более здоровую среду, где конкуренция приобретает позитивный соревновательный характер, а студенты развивают умение работать в команде и совместно находить решения. Подобное взаимодействие подкрепляет ощущение принадлежности (relatedness) – одно из ключевых положений теории самодетерминации Л. Деси и Р.М. Райана, связывающей прочную учебную мотивацию с чувством автономии, компетентности и социальной включенности.

Таким образом, учебная мотивация – это постоянно развивающаяся система, в которой личностные установки студента тесно сплетены с внешними факторами: эмоциональным климатом в семье и особенностями коммуникации внутри учебной группы. При партнерском участии родителей и позитивном групповом взаимодействии учебные требования скорее стимулируют познавательную активность и укрепляют волевые качества. Развиваясь в этой среде, студент формирует устойчивые мотивы учения, которые не подвержены быстрому угасанию при возникновении сложностей.

В нашем эмпирическом исследовании участвовали 99 студентов - будущих педагогов. Использовались методики: «Мотивация учения студентов педагогического вуза» (С.А. Пакулина, М.В. Овчинников), «Карта-схема изучения психологического климата коллектива» (Л.А. Пергаменщик и Н.Н. Лепешинский, модификация опросника А.Н. Лутошкина), «Схема оценки семьи» («McMaster Family Assessment Device, FAD») (Садовникова, 2014).

Результаты исследования показали, что существует положительная связь между показателями как внутренней, так и внешней мотивации учения студентов с особенностями психологического климата в академической группе (использовался критерий Спирмена). Чем больше студенты оценивают свои взаимоотношения в группе как

доброжелательные, как отношения, в которых доминирует поддержка и сопереживание друг к другу, с преобладанием бодрого и жизнерадостного настроения, тем выше внутренняя мотивация учения ($r = 0,356$; $p = 0,000$). Также чем более благоприятным студенты оценивают климат в группе, тем выше и внешняя мотивация учения ($r = 0,236$; $p = 0,019$).

Также были выявлены связи между показателями мотивации студентов и особенностями их внутрисемейного взаимодействия. Чем больше члены семьи проявляют позитивный интерес друг к другу, тем выше у студентов показатели внешней профессиональной мотивации ($r = 0,189$; $p = 0,046$). Чем больше в семье склонны к конструктивному разрешению возникающих проблем, тем выше у студентов внутренняя мотивация учения ($r = 0,392$; $p = 0,011$).

На наш взгляд, проблема связи мотивации учения студентов с особенностями их отношений в семье и в академической группе требует дальнейшего рассмотрения, с учетом современных реалий.

Литература

1. Садовникова Т.Ю. Адаптация опросника FAD на российской выборке: проверка психометрических характеристик и перспективы работы // Психологическая диагностика, 2014. №2.
2. Слепо Ю.Н. Психологическое содержание и динамика целей учебной деятельности студентов педагогического вуза // Психологическая наука и образование. 2022. Т. 27. №2. С. 69–81.
3. Hirt C.N., Karlen Y., Suter F., Maag Merki K. Types of social help-seeking strategies in different and across specific task stages of a real, challenging long-term task and their role in academic achievement // Frontline Learning Research. 2020. Vol. 8(4). Pp. 74–111. DOI: 10.14786/flr.v8i4.627
4. Milosavljević Đukić T.B., Bogavac D.S., Stojadinović A.M., Rajčević P.Đ. Parental involvement in education and collaboration with school // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2022. Vol. 10(1). Pp. 1–14. DOI: 10.23947/2334-8496-2022-10-1-01-14

5. *Philominraj A., Ranjan R., Saavedra R.A., Cerón Urzúa C.A. Family's Role and their Challenging Commitment to English Language Learning – A Systematic Review // Journal of Language and Education. 2022. Vol. 8(1). Pp. 216–230. DOI: 10.17323/jle.2022.12680*

Отчуждение от учебной деятельности и академическая компетентность студентов при разных формах обучения

Паньков Г.М.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
iamgleb090201@gmail.com*

Сачкова М.Е.

*ФГБОУ ВО РАНХиГС, ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sachkova@list.ru*

В условиях цифровизации образования и распространения дистанционных технологий существенно изменяется формат учебной деятельности. При всех преимуществах онлайн-обучения – гибкости, доступности и автономности – оно сопряжено с рядом психологических рисков, среди которых наиболее актуальными являются отчуждение студентов от учебы и снижение академической компетентности.

Отчуждение от учебной деятельности представляет собой комплексное психологическое состояние, включающее эмоциональное выгорание, потерю интереса к учебному процессу, ощущение его формальности и отсутствия смысла. Оно может проявляться как в поведенческой пассивности, так и в снижении когнитивной вовлеченности и социальной изоляции (Осин, 2015). Особенно часто отчуждение развивается при недостатке обратной связи, перегрузке или при нарушении баланса между личными ресурсами студента и требованиями образовательной среды.

Академическая компетентность, в свою очередь, включает не только знание учебного материала, но и умение его применять, мотивацию к обучению, эмоциональную устойчивость и навыки взаимодействия (Меркулова, 2024; Зимняя, 2004). Она формируется в результате активного участия в учебной деятельности и зависит от

внутренней включенности студента в образовательный процесс. В этом контексте отчуждение становится фактором риска для формирования и поддержания академической компетентности, снижая качество усвоения знаний, подрывая уверенность в своих силах и мешая самореализации.

Форма обучения может оказывать непосредственное влияние на уровень вовлеченности студентов. Очная форма, предполагающая постоянное живое взаимодействие, способствует эмоциональному контакту, оперативной обратной связи и социализации, что снижает уровень отчуждения и поддерживает мотивацию (Пуляева, Неврюев, 2020). В то же время дистанционное обучение требует высокой степени саморегуляции и развитых навыков самостоятельного планирования. Отсутствие привычного взаимодействия может приводить к снижению мотивации, формализации восприятия учебы и ослаблению коммуникативной компетентности (Митина, 2024).

Для эмпирического изучения феноменов отчуждения от учебной деятельности и академической компетентности студентов могут быть использованы валидные психодиагностические инструменты. Например, для оценки субъективного отчуждения целесообразно применять опросник ОСОтч-У (Осин, 2015), который позволяет выявить эмоциональное, поведенческое и когнитивное отчуждение. Академическая компетентность может быть диагностирована с помощью опросника, разработанного Меркуловой (2024), включающего мотивационно-личностный, когнитивный, коммуникативный и эмоционально-волевой компоненты. Гипотеза, которую возможно проверить в рамках подобного исследования, может звучать следующим образом: «Студенты, обучающиеся в дистанционной форме, демонстрируют более высокий уровень отчуждения от учебной деятельности и более низкий уровень академической компетентности по сравнению со студентами очной формы обучения». Для статистической проверки гипотезы могут использоваться непараметрические методы, такие как *U*-критерий Манна–Уитни.

Таким образом, важной задачей образовательной системы становится создание условий, минимизирующих отчуждение и поддерживающих академическую компетентность вне зависимости от формы обучения. Это возможно через внедрение психолого-

педагогических практик, направленных на развитие мотивации, саморегуляции и вовлеченности студентов. Особое внимание следует уделить созданию интерактивной образовательной среды в дистанционном формате, где студент будет ощущать свою значимость, ответственность и принадлежность к учебному сообществу.

В заключение можно отметить, что отчуждение от учебной деятельности и снижение академической компетентности представляют собой связанные между собой явления, требующие системного анализа. Их профилактика и коррекция должны стать приоритетом как в очной, так и дистанционной образовательной практике.

Литература

1. Зимняя И.А. Ключевые компетенции как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004.
2. Меркулова О.П. Опросник академической компетентности студентов // Психологическая наука и образование. 2024. Т. 16. № 2. С. 98–116.
3. Митина Л.М. Образование в эпоху интеллектуальных технологий: психологические ресурсы развития педагога. Десятилетие науки и технологий // Вестник практической психологии образования. 2024. Том 21. № 2. С. 5–8.
4. Осин Е.Н. Отчуждение от учебы как предиктор выгорания у студентов вузов: роль характеристик образовательной среды // Психологическая наука и образование. 2015. Том 20. № 4. С. 57–74.
5. Пуляева В.Н., Неврюев А.Н. Взаимосвязь базовых психологических потребностей, академической мотивации и отчуждения от учебы обучающихся в системе высшего образования // Психологическая наука и образование. 2020. Том 25. № 2. С. 19–32.

Особенности мотивации труда классных руководителей

*Петрушихина Е.Б., Минаева Д.В.
ФГАОУ ВО РГГУ, Москва, Россия
ebpetr@mail.ru*

Классное руководство – важнейший аспект психолого-педагогической работы в общеобразовательной школе. Функции классных руководителей весьма многообразны и включают не только управленческую деятельность по формированию классного коллектива, но и обеспечение безопасности и здоровья учащихся, реализацию учебных программ в соответствии с учебным планом (Дереклеева, 2001). Помимо этого, каждый классный руководитель является и учителем-предметником. Закономерно возникает вопрос о мотивации столь разнообразной и многоплановой педагогической деятельности.

Исследования мотивации классных руководителей достаточно редки и направлены прежде всего на изучение мотивов педагогической деятельности. С учетом этого представляется интересным расширить данное предметное поле, используя подходы и концепции современной организационной психологии в сфере изучения мотивации труда.

Исходя из сказанного выше, была сформулирована цель исследования – выявление мотивационного профиля классных руководителей с опорой на концепцию мотивационного профиля Ричи и Мартина и концепцию типов мотивации Герчикова.

Выборку исследования составили 70 классных руководителей общеобразовательных школ г. Москвы.

Для определения особенностей мотивационно-потребностной сферы использовался опросник Ш. Ричи и П. Мартина (Ричи, Мартин, 2004) и опросник типов мотивации В.И. Герчикова. В исследовании также выявлялся уровень удовлетворенности педагогов и стиль их классного руководства (Петрушихина, 2013).

Мотивационный профиль классных руководителей, образуемый разной выраженностью их потребностей, выглядит следующим образом.

–Материальное вознаграждение – 41,59

–Условия труда – 30,29

- Структурированность работы – 40,64
- Социальные контакты – 26,21
- Взаимоотношения – 22,50
- Признание – 35,35
- Достижения – 29,34
- Влиятельность и власть – 17,56
- Разнообразие – 27,33
- Креативность – 27,94
- Самосовершенствование – 30,00
- Востребованность – 48,67

Как можно видеть, наиболее развитой оказалась потребность быть востребованным, а также потребность в материальном вознаграждении. Весьма значима и потребность в структурировании работы. Наименее выражена потребность во влиятельности и власти.

Иными словами, классные руководители высоко заинтересованы в уровне оплаты труда, социальных льготах и доплатах, нуждаются в структурированной работе с четко прописанными инструкциями, но слабо заинтересованы в получении власти и ощущении своего влияния на класс или образовательное учреждение в целом. В беседе большинство педагогов заявили, что не хотели бы входить в управленческую структуру школы и решать административные вопросы на постоянной основе.

Были определены и типы мотивации, в том числе:

- инструментальный – 7,87;
- профессиональный – 8,23;
- патриотический – 5,57;
- хозяйский – 4,46;
- люмпенизированный – 4,40.

Преобладающим оказался профессиональный тип мотивации. Это свидетельствует о том, что педагоги стремятся развивать свои профессиональные навыки, нарабатывать опыт и принимать участие в конкурсах и конференциях профессионального мастерства.

Анализ полученных результатов показал, что существуют различия в мотивационно-потребностной сфере классных руководителей разных возрастов.

Молодые классные руководители (20–35 лет) характеризуются наличием более высокой заинтересованности в получении

максимального материального вознаграждения. Они придают большую значимость высокой оплате труда, льготам и мерам социальной поддержки. Также они сильнее нуждаются в четком формулировании задач и структурировании работы по сравнению с более старшими коллегами. Кроме того, они реже обращаются к анализу успеваемости учеников и менее удовлетворены их оценками.

Классные руководители среднего возраста (35-50 лет) отличаются ярко выраженной инструментальной мотивацией, редко анализируют общественную активность в классе. однако необходимо заметить, что педагоги среднего возраста, вероятно, видят связь между своим материальным благосостоянием и успеваемостью учеников, поскольку достаточно часто анализируют успеваемость учеников и удовлетворены ею. Также они вполне довольны своими отношениями с классным коллективом, что может быть следствием сближения, уменьшения дистанции с классом, стремления сформировать демократический стиль взаимоотношений.

Классные руководители старшего возраста (50-70 лет) существенно отличаются от педагогов других возрастов. Для них гораздо менее значимо материальное вознаграждение и структурированность работы. Наиболее важна востребованность, возрастает роль признания, достижений и влияния. По сравнению с более молодыми педагогами сильнее выражена потребность в разнообразии и креативности на работе. При этом зрелые педагоги гораздо чаще делегируют свои полномочия активным ученикам или старосте класса; их управленческая и воспитательная активность выражена слабее, что приводит к дистанцированию с учащимися.

Полученные данные могут быть использованы для совершенствования системы стимулирования в образовательных организациях, адресному использованию экономических и неэкономических методов стимулирования труда педагогов с учетом особенностей их мотивационно-потребностной сферы.

Литература

1. Дереклеева Н.И. Классный руководитель. Основные направления деятельности. М.: Вербум-М, 2001.

2. *Петрушихина Е.Б.* Социально-психологические особенности взаимодействия классного руководителя с учащимися [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2013. Том 5. № 2. С. 34–47. URL: https://psyjournals.ru/journals/psyedu/archive/2013_n2/61304 (дата обращения: 23.03.2025).
3. *Ричи Ш., Мартин П.* Управление мотивацией. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2004.

Особенности временной перспективы и мотивации использования интернета у молодежи

Плотникова К.В., Крушельницкая О.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

kseniya.zudilova28@gmail.com, social2003@mail.ru

Изучение мотивационной регуляции использования интернета в условиях цифровизации общества признается одной из актуальных проблем психологических исследований. Интернет является важнейшим средством коммуникации, обмена информацией, доступа к развлекательным и социально значимым ресурсам, а также к возможностям сервисов сферы услуг. Можно сказать, что интернет является неотъемлемой частью жизни современной молодежи, так как молодые люди все чаще отдают предпочтение онлайн-деятельности и взаимодействию в сети, чтобы удовлетворить свои потребности.

Значимый вклад в исследование проблематики мотивации использования интернета внесли А.А. Войскунский, О.Н. Арестова, Л.Н. Бабанин, изучением мотивации использования социальных сетей занимались Л.В. Трубицына и Е.А. Феоктистова. Исследователи утверждают, что мотивация использования интернета соответствует мотивам личности, существующим в реальности. Изучая интернет-социализацию, А.И. Лучинкина выявила, что особые условия интернет-пространства и неудовлетворенность отдельных потребностей личности в реальности приводят к возникновению специфических мотивов, присущих только интернет-пространству.

Согласно теории компенсаторного использования интернета, основная мотивация обращения к технологиям – облегчение эмоционального стресса и отвлечение от проблем на какое-то время, то есть снижение негативных эмоциональных переживаний (Kardefelt-Winther, 2014). Так, мотивация эскапизма оказалась потенциальным медиатором связи между академическим стрессом и проблемным использованием смартфонов у молодых людей (Wong, Jiar Yeo, Lee, 2024).

Изучением временной перспективы личности занимались зарубежные исследователи (Ф. Зимбардо, Ж. Нюттен, К. Левин и др.) и отечественные психологи (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, К.А. Абульханова, Н.Н. Толстых и др.). Временная перспектива представляет собой отношение человека ко времени при организации своей жизни.

Согласно исследованиям, временная перспектива является предиктором аддиктивного поведения. Поскольку проблемное использование смартфонов олицетворяет стремление к мгновенному удовлетворению и получению положительных эмоций, люди с выраженной ориентацией на гедонистическое настоящее могут быть особенно уязвимы (Przepiorka, Blachnio, 2016). Исследования показывают, что длительное время, проводимое в сети, ориентация на негативное прошлое, фаталистическое настоящее и отсутствие ориентации на будущее могут привести к проблемному использованию интернета и к интернет-зависимости (Chittaro, Vianello, 2013).

Существующие немногочисленные исследования подчеркивают роль мотивации и временной перспективы при использовании интернет-технологий. Однако в настоящее время не хватает эмпирических исследований, изучающих взаимодействие между этими психологическими переменными. Учитывая широкую распространенность и доступность интернета среди современной молодежи, ученые подчеркивают необходимость выявления факторов риска и мер профилактики проблемного использования интернета.

С целью изучения особенностей временной перспективы и мотивации использования интернета у молодежи мы провели эмпирическое исследование. Мы предположили, что существует взаимосвязь между особенностями временной перспективы и мотивации использования интернета у молодежи. Использовались

методики: «Мотивация пребывания человека в социальных сетях» (Е.А. Феоктистова, Л.В. Трубицына), «Личность в виртуальном пространстве» (А.И. Лучинкина), «Опросник временной перспективы» Ф. Зимбардо (сокр. ZTP1), а также авторская анкета. В исследовании приняли участие 116 человек в возрасте от 18 до 35 лет.

Результаты проведенного исследования показали, что показатели мотивации ухода от проблем ($r = 0,243$; $p = 0,01$), личностной мотивации ($r = 0,187$; $p = 0,01$), мотивов репликации ($r = 0,277$; $p = 0,01$), творческой мотивации ($r = 0,278$; $p = 0,05$) и мотивов вживания в роль ($r = 0,245$; $p = 0,01$) значимо коррелируют с ориентацией на фаталистическое настоящее (использовался коэффициент корреляции Спирмена). Показатели личностной мотивации ($r = 0,350$; $p = 0,001$), мотива личного пространства ($r = 0,221$; $p = 0,05$), творческой мотивации ($r = 0,227$; $p = 0,05$), мотива вживания в роль ($r = 0,284$; $p = 0,01$) и использования интернета с целью потребления развлекательного контента ($r = 0,206$; $p = 0,05$) значимо коррелируют с ориентацией на негативное прошлое. Также было обнаружено, что показатели мотивации ухода от проблем ($r = -0,245$; $p = 0,01$), личностной мотивации ($r = -0,206$; $p = 0,05$), аддитивных мотивов ($r = -0,200$; $p = 0,05$), мотива репликации ($r = -0,199$; $p = 0,05$), мотива личного пространства ($r = -0,196$; $p = 0,05$), творческой мотивации ($r = -0,195$; $p = 0,01$) и мотива вживания в роль ($r = -0,274$; $p = 0,01$) имеют значимую обратную связь с ориентацией на будущее.

Полученные результаты позволили сделать вывод о том, что существует взаимосвязь между особенностями временной перспективы и мотивации использования интернета у молодежи. Дальнейшее изучение этой проблемы поможет пониманию того, как и какие неудовлетворенные потребности молодые люди компенсируют с помощью использования интернета.

Литература

1. Chittaro L., Vianello A. Time perspective as a predictor of problematic Internet use: A study of Facebook users, *Personality and Individual Differences*, Volume 55, Issue 8, 2013, Pages 989-993, ISSN 0191-8869, <https://doi.org/10.1016/j.paid.2013.08.007>.

2. *Kardefelt-Winther D.* A conceptual and methodological critique of internet addiction research: Towards a model of compensatory internet use. *Computers in Human Behavior*, 2014, 31, 351–354. <https://doi.org/10.1016/j.chb.2013.10.059>
3. *Przepiorka A., Blachnio A.* Time perspective in Internet and Facebook addiction, *Computers in Human Behavior*, Volume 60, 2016, Pages 13-18, ISSN 0747-5632, <https://doi.org/10.1016/j.chb.2016.02.045>.
4. *Wong B.Y., Jiar Ye, K., Lee S.-H.* (2024). How and for Whom Academic Stress Causes Problematic Smartphone Use: The Role of Escapism Motivation and Present Hedonistic Time Perspective. *SAGE Open*, 14(4). <https://doi.org/10.1177/21582440241302169>

Бизнес-семья как групповой субъект совместной жизнедеятельности

Позняков В.П.

ФГБУН Институт психологии РАН, Москва, Россия
pozn_v@mail.ru

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского
научного фонда в рамках проекта № 24-28-01571 «Социально-
психологические характеристики преемников семейного бизнеса»
https://rscf.ru/prjcard_int?24-28-01571*

Развитие семейного бизнеса является актуальной проблемой современного российского общества. В мировой экономике семейный бизнес является традиционной и эффективной формой деловой активности. В России в постсоветский период становление и развитие малого бизнеса имело свои особенности, связанные с резким переходом от плановой экономики к рыночным отношениям. Новые российские предприниматели были практически первопроходцами, сталкивавшимися с серьезными экономическим, политическими и организационными проблемами. Однако за последние десятилетия российские бизнесмены приобрели уникальный опыт выживания и

развития в сложных и быстро меняющихся условиях. Вместе с тем, перед многими из них в последнее время возникла новая для российского предпринимательского сообщества проблема – проблема передачи бизнеса своим преемникам. В этой связи особенно актуальной стала проблема развития семейного бизнеса, поскольку одним из наиболее логичных и конструктивных способов такой передачи является передача бизнеса по наследству. Однако становление и развитие семейного бизнеса сталкивается во всем мире с серьезными трудностями.

Некоторые зарубежные специалисты в области семейного бизнеса даже используют такое образное выражение, как «проклятие третьего поколения», отмечая тот факт, что нередко преемникам семейного бизнеса не удастся не только развивать его, но даже сохранять на достаточно высоком уровне эффективности. В качестве причин проблем, с которыми сталкиваются семейные предприятия при смене поколения владельцев бизнеса, обычно называются проблемы, связанные с низким уровнем мотивации преемников или с отсутствием у них способностей и опыта, необходимых для успешного продолжения и развития бизнеса. К числу таких проблем относят также трудности, возникающие в отношениях между основателем и владельцем бизнеса и его потенциальным или реальным преемником. Эти трудности по своей сути носят социально-психологический характер, поскольку межпоколенные отношения в современных семьях далеко не всегда складываются благоприятно. У представителей нового, подрастающего поколения, которое приходит на смену своим предшественникам, могут быть иные, отличные от родительских жизненные цели и ценности, привычки и традиции и т.п. (Le Breton–Miller, Miller, & Stayer, 2004).

В этой связи чрезвычайно актуальной становится задача гармонизации отношений между членами семьи, которые (отношения) одновременно являются, с одной стороны, личными, родственными, внутрисемейными, а с другой стороны – отношениями деловыми, внутриорганизационными. С точки зрения социальной психологии речь идет о том, что бизнес-семья является одновременно групповым субъектом двух сфер совместной жизнедеятельности – семейной и организационной. И отношения, складывающиеся между членами семьи, которые одновременно являются партнерами по бизнесу, могут

способствовать успешному развитию семьи и эффективному ведению бизнеса, а могут и препятствовать им. Члены бизнес-семьи должны выстраивать отношения друг с другом, совмещая разные функциональные роли. А это является серьезной задачей, требующей понимания и усилий участников семейного бизнеса. Таким образом, социально-психологические отношения в бизнес-семьях являются важным направлением в исследованиях семейного бизнеса. К сожалению, в настоящее время в отечественной социальной и экономической психологии это направление только начинает формироваться (См.: (Емельянов, Емельянова, 2017; Мурзина, Позняков, 2023) и др.). Поэтому очень важным является анализ и учет мирового опыта исследований, выполненных в данном направлении. Один из авторитетных специалистов в области семейного бизнеса D.O. Neubaum, анализируя взаимосвязь деловых и семейных отношений, пришел к выводу, что при благоприятных личных внутрисемейных отношениях прочные внутрисемейные связи, хорошая совместимость членов семьи, высокий уровень взаимного доверия и ответственности, приверженность внутрисемейным ценностям выступают в качестве основы формирования своеобразного социального или реляционного капитала, который в качестве особого нематериального ресурса способствует повышению успешности бизнеса (Neubaum, 2018).

В качестве теоретической основы социально-психологических исследований проблемы семейного бизнеса может выступать концепция коллективного субъекта, разрабатываемая научным руководителем Института психологии РАН академиком А.Л. Журавлёвым. Согласно этой концепции, основными признаками коллективного (группового) субъекта являются взаимосвязанность и взаимозависимость индивидов в группе, способность группы проявлять различные формы совместной активности, т.е. выступать как единое целое по отношению к другим социальным объектам, в том числе, по отношению к себе самой, и способность группы к саморефлексии (Журавлев, 2018). При таком подходе бизнес-семья может рассматриваться как групповой субъект двух форм совместной жизнедеятельности – деловой и семейной и двух форм межличностных внутригрупповых отношений – семейных и организационных, которые должны исследоваться в их взаимосвязи и взаимозависимости с целью последующей оптимизации.

Литература

1. Емельянов Е.Н., Емельянова С.Е. Куда девать бизнес? // Организационная психология. 2017. Т.7. №1. С. 97-118.
2. Журавлев А.Л. Коллективный субъект: феномен и понятие в современной психологии // Разработка понятий современной психологии / Отв. ред. А.Л. Журавлёв, Е.А. Сергиенко. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2018. С. 116-161.
3. Мурзина Ю.С., Позняков В.П. Психология предпринимательства: исследование ценностных ориентаций владельцев малого семейного бизнеса. Тюмень: ТюмГУ-Пресс, 2023.
4. Le Breton–Miller I., Miller D., & Stayer L. P. (2004). Toward an integrative model of effective FOB succession. *Entrepreneurship theory and practice*, 28(4), 305-328.
5. Neubaum D. O. (2018). Family Business Research: Roads Travelled and the Search for Unworn Paths // *Family Business Review*, 31 (3), 259-270.

Этнопсихологические детерминанты языковых предпочтений у студентов-лингвистов

Помуран Н.Н.

*НВИ ВНГ РФ, Новосибирск, Россия
pomnatnik@mail.ru*

Исследование факторов, определяющих выбор языка для общения, позволяет выявить скрытые социальные иерархии и влияние доминирующих культур. Эта проблема приобретает особую актуальность в странах с этническим и языковым разнообразием, таких как Россия, где вопросы языкового планирования и языковой политики продолжают играть важную роль как в политическом, так и в социальном дискурсе.

Настоящее исследование направлено на выявление этнопсихологических детерминант языковых предпочтений у

студентов-лингвистов. В отличие от других работ, фокусирующихся преимущественно на социолингвистических аспектах о языковом предпочтении, в этой работе акцент сделан на понимании того, как этнические стереотипы и установки связаны с языковым поведением (Денисова, 2018; Межэтнические отношения..., 2016; Курманбек, Ибраева, 2020).

В.В. Виноградов, характеризуя язык как динамическую систему, подчеркивал, что его изменения «вытекают из его общественной сущности, общественных функций» (Виноградов, 1952). Это положение дает основания предполагать существование взаимосвязи между гетеростереотипами, представлениями о других этнических группах, и языковым поведением личности. Такая взаимосвязь может проявляться на уровне языкового выбора, на уровне языкового восприятия при оценке престижности языков, в особенностях речевого поведения, например, в склонности к языковому заимствованию.

В социальной психологии стереотипы рассматриваются как устойчивые когнитивно-аффективные структуры, опосредующие восприятие социальной реальности через бинарные оппозиции «свое – чужое». В настоящем исследовании используются теории стереотипизации (Липпман, 2004; Tajfel, Fraser, 1978), концепции структурных компонентов этнического сознания, авто- и гетеростереотипов (Солдатов, 1998), идентификационных механизмов через призму стереотипов (Стефаненко, 2013) и роли стереотипов в аккультурационных процессах (Татарко, Лебедева, 2011).

Исследование было проведено в Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) среди студентов второго и третьего курсов направления «Лингвистика». В выборку вошли 42 респондента, распределенные поровну между двумя языковыми группами немецкого и французского языка. В исследовании использовалась методика изучения стереотипов Д. Пибоди, основанная на технологии семантического шкалирования. Обработка данных проводилась с помощью компьютерной программы MS Excell. Для подсчета согласованности представлений использовался параметрический метод корреляции г-Пирсона.

Статистический анализ усредненных показателей по двум стимульным объектам (представителям немецкой и французской национальностей) продемонстрировал следующие закономерности.

Обнаружен высокий уровень согласованности в восприятии «типичного представителя немецкой национальности» у всех студентов, независимо от языковой специализации. Коэффициент корреляции между группами составил $r = 0,87$, что свидетельствует о практически полном совпадении стереотипных представлений ($p < 0,001$), в то время как представления о французах отличается вариативностью в зависимости от изучаемого языка. Этот контраст может объясняться тремя ключевыми факторами: разной степенью представленности немецкой и французской культур в российском медиапространстве, особенностями межкультурных контактов студентов, спецификой преподавания соответствующих языков и культур, что в совокупности приводит к большей стереотипизации образа немцев и большей вариативности восприятия французов в исследуемых группах.

На основе результатов исследования отдельно для каждой группы респондентов мы также составили характерологические портреты «типичного француза» и «типичного немца», включив в них качества, значения по которым отклоняются от среднего (4,0) более чем на 1,0. Затем было проведено сравнение этих портретов.

В группе «французского языка» портрет «типичного француза» включает пять черт, одна из которых дезадаптивная – французам, скорее присущ переменчивый, нежели упорный характер. Итак, представитель французской национальности веселый (5,29), переменчивый (5,36), уверенный (5,0), принципиальный (5,14), приятный (5,0). У студентов группы «немецкого языка» образ француза неопределенный: ему приписывают черты, близкие к средним значениям. Это может указывать, с одной стороны, на недостаточную осведомленность о французах и недостаточное знакомство с культурой этой страны, что, вероятно, является естественным для людей, не изучающих французский язык; с другой стороны – на низкую заинтересованность в познании культуры, языка и его носителей.

Образ немца у студентов из группы немецкого языка включает только адаптивные черты – их насчитывается восемь: серьезный (2,89), тактичный (2,22), спокойный (2,89), уверенный (5,11), избирательный (5,22), осторожный (5,0), трудолюбивый (2,33), умный (2,89). Однако немец в восприятии группы французского языка отличается, кроме адаптивных черт, ему приписывают четыре дезадаптивные черты

характера. Расхождения между группами касаются следующих качеств личности: критичный, боевитый, серьезный, тактичный, спокойный, скупой (-), самоуверенный (-), принципиальный, практичный, придирчивый (-), твердый, жесткий (-), организованный.

Таким образом, качественный сравнительный анализ типичных портретов немцев и французов в двух группах выявляет расхождения. Они касаются преимущественно отрицательных черт, которые приписывают немцам студенты, выбравшие французский язык, в то время как в группе немецкого языка образ немцев характеризуется исключительно положительно. Группа студентов французского языка имеет более позитивное и ясное представление о французах, по сравнению с теми, кто изучает немецкий язык.

Анализ языковых предпочтений через призму этнических стереотипов позволяет углубить понимание механизмов языкового поведения личности. Результаты свидетельствуют о взаимосвязи этнических стереотипов и языковых предпочтений.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Понятие внутренних законов развития языка в общей системе марксистского языкознания // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 3-43
2. *Денисова А.В.* Языковые предпочтения молодежи республик ЮФО: сравнительный анализ ситуации в Республике Крым, Адыгеи, Калмыкии // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2018. С. 153-158
3. *Курманбек Е.Д., Ибраева Ж.К.* Языковые предпочтения как результат языковой социализации // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2020. Т.176. №4. С. 130-136.
4. *Литтман У.* Общественное мнение / пер. с англ. Т. В. Барчунова; под ред. К. А. Левинсон, К. В. Петренко. М., 2004.
5. *Межэтнические отношения и этнокультурное образование в регионах России /* Под ред. В.А. Тишкова и В.В. Степанова. М., 2016.
6. *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М.; 1998.

7. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2013.
8. Татарко А.Н., Лебедева Н.М. Методы этнической и кросс-культурной психологии. М.; 2011.
9. Tajfel H., Fraser C. Introducing social psychology. Harmondsworth: Penguin; 1978.

Пилотное исследование связей черт личности с решением дилеммы в условиях социального взаимодействия

Пустовик В.А., Храмцова Л.М.

НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Pustovik.V.A@hse.ru, Khramtsova.L.M@hse.ru

Принятие решений является ключевым аспектом в повседневной жизни. Изучение этого процесса неразрывно связано с особенностями социального взаимодействия, что привело к разработке различных вариантов социальных дилемм для его исследования (Savioni et al., 2023). Наиболее широко используемой социальной дилеммой в экспериментальных исследованиях, позволяющей моделировать решения, схожие с реальными, является Дилемма заключенного.

Процесс принятия решений связан с множеством факторов, одними из которых являются черты личности. Имеющиеся исследования связей решений Дилеммы заключенного и черт личности демонстрируют, что люди с низким уровнем «Нейротизма» и высокими показателями «Открытости опыту» чаще принимают кооперативные решения (Корниенко, Вязовкина, Горностаев, 2022), а показатели «Темной триады» положительно связаны с предательством (Malesza, 2020). Несмотря на полученные результаты, исследования не учитывают социальное взаимодействие участников, важное при принятии решений. Было показано, что до социального взаимодействия наиболее предпочтительным решением является предательство, характеризующееся стремлением максимизировать личную выгоду, однако, после – происходит переориентация на групповую сплоченность и взаимозависимость, что проявляется в увеличении кооперативных решений (Peshkovskaya, Babkina, Myagkov, 2018). На основании этого целью исследования стало выявление связей черт

личности с выбором решений в итерированной Дилемме заключенного в условиях социального взаимодействия.

В исследовании приняли участие 108 человек (из них 82 женщины и 26 мужчин) от 18 до 26 лет ($M = 20,29$, $SD = 2,18$), проживающие в Томске и Перми.

Исследование проводилось в рамках квазиэкспериментального дизайна. В каждом замере принимали участие незнакомые друг с другом 12 человек. На первом этапе участникам было предложено заполнить анкету с указанием индивидуальных данных и оценить степень согласия с утверждениями из двух опросников: «Опросник Большой Пятерки–2» (The Big Five Inventory-2, BFI-2) в адаптации А.Ю. Калугина, С.А. Щебетенко, А.М. Мишкевич, К.Д. Сото, О.П. Джона (Калугин и др., 2021) и «Короткий опросник Темной тетрады» (Short Dark Tetrad, SD4) в адаптации К.С. Корниенко, В.К. Вязовкиной, И.С. Горностаева (Корниенко, Вязовкина, Горностаев, 2022). На втором этапе участникам было предложено сыграть 30 раундов в итерированную Дилемму заключенного. Вознаграждение за каждое решение было представлено условными единицами (у.е.): $T = 10$ у.е., $R = 5$ у.е., $P = 1$ у.е., $S = 0$ у.е. Участники случайным образом были разделены по парам. Никто, включая организаторов, не знал своего оппонента по игре. На третьем этапе (социальное взаимодействие) участники знакомились друг с другом и далее случайным образом были разделены на 2 группы по 6 человек. На четвертом этапе участникам было предложено повторно сыграть 30 раундов в итерированную Дилемму заключенного внутри каждой группы. После проведенного исследования участникам предлагалось обменять выигранные баллы, заработанные на первом и третьем этапах, на печатную и пищевую продукцию.

Полученные результаты продемонстрировали, что до социального взаимодействия выбор в пользу кооперации составил 30,56%, после – 17,59% ($t = 3,7568$; $p < 0,001$). Полученные результаты не соотносятся с предыдущими исследованиями, однако объясняются несбалансированностью выборки по полу (Peshkovskaya, Babkina, Myagkov, 2018).

Также были получены связи кооперативных решений с «Добросовестностью» ($\beta = -0,019$; $R^2 = 0,060$; $p = 0,010$), «Продуктивностью» ($\beta = -0,549$; $R^2 = 0,065$; $p = 0,008$),

«Депрессивностью» ($\beta = 0,307$; $R^2 = 0,040$; $p = 0,037$), «Эмоциональной изменчивостью» ($\beta = 0,362$; $R^2 = 0,037$; $p = 0,045$), «Макиавеллизмом» ($\beta = -0,291$; $R^2 = 0,042$; $p = 0,034$), «Нарциссизмом» ($\beta = -0,442$; $R^2 = 0,045$; $p = 0,027$) до социального взаимодействия и с «Экстраверсией» ($\beta = -0,004$; $R^2 = 0,043$; $p = 0,030$), «Энергичностью» ($\beta = 0,591$; $R^2 = 0,070$; $p = 0,006$), «Ответственностью» ($\beta = 0,156$; $R^2 = 0,036$; $p = 0,049$) после социального взаимодействия.

Полученные результаты продемонстрировали снижение частоты кооперативных решений после социального взаимодействия, что может объясняться страхом негативной оценки и санкций со стороны других участников. Изначально кооперация коррелировала с эмоциональной восприимчивостью, низким самоконтролем, макиавеллизмом и нарциссизмом, отражая импульсивное поведение. После социального взаимодействия, при явном социальном наказании, участники перешли к активным санкциям для поддержания социальных норм. Высокая ответственность способствовала восприятию наказания как инструмента коллективного регулирования, что усилило открытое давление на поведение группы.

Литература

1. *Калугин А.Ю., Щебетенко С.А., Мишкевич А.М., Сото К.Дж., Джон О.П.* Психометрика русскоязычной версии Big Five Inventory-2 // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2021. Т. 18. № 1. С. 7–33.
2. *Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С.* Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. 2022. Т. 43. № 5. С. 87–98.
3. *Lönnqvist J.-E., Verkasalo M., Walkowitz G.* It pays to pay—Big Five personality influences on co-operative behaviour in an incentivized and hypothetical prisoner's dilemma game // Personality and Individual Differences. 2011. Vol. 50. № 2. P. 300–304.
4. *Malesza M.* The effects of the Dark Triad traits in prisoner's dilemma game // Current Psychology. 2020. Vol. 39. P. 1055–1062.

5. *Peshkovskaya A.G., Babkina T.S., Myagkov M.G.* Social context reveals gender differences in cooperative behavior // *Journal of Bioeconomics*. 2018. Vol. 20. № 2. P. 213–225.
6. *Savioni L., Triberti S., Durosini I., Pravettoni G.* How to make big decisions: A cross-sectional study on the decision-making process in life choices // *Current Psychology*. 2023. Vol. 42. P. 15223–15236.

Взаимосвязь увлеченности компьютерными играми и коммуникативной агрессивности школьников

Распопова А.С.
ФГБОУ ВО КГУФКСТ
Annar25@mail.ru

Связь агрессивности с увлеченностью компьютерными играми – это сложный и многогранный феномен, который активно изучается (Дробышева, 2007, с. 130). Несмотря на достаточное количество исследований по данной тематике, интерес к ней не угасает, что обусловлено постоянным поиском эффективных решений проблемы (Босенко, 2022, с. 71). Все чаще педагогам и родителям приходится сталкиваться с новыми вызовами: тревожность, дезадаптация, проблемное поведение, трудности в обучении, и причины этих проблем не всегда очевидны, а в эпоху цифровизации справиться с возникающими трудностями становится все сложнее (Распопова, Берилова, Босенко, 2021, с. 94). Краткосрочные эффекты влияния компьютерных игр проявляются в появлении агрессивных мыслей и эмоций сразу после игровой сессии (Кубарева, 2021, с.226). При этом долгосрочное воздействие оказывается гораздо серьезнее: игрок начинает воспринимать агрессивные решения как приемлемые в реальных конфликтных ситуациях (Гришина, 2014, с. 132).

Цель исследования – установить особенности взаимосвязи коммуникативной агрессивности и увлеченности компьютерными играми у обучающихся в городских и сельских школах. Методы исследования: методика выявления увлеченности компьютерными

играми у подростков А.В. Гришиной, тест на определение интегральных форм коммуникативной агрессивности В. Бойко.

В исследовании принимали участие 100 учащихся 6 классов МБОУ СОШ №10, №34 г. Краснодара и сельских школ Краснодарского края.

В ходе исследования особенностей увлеченности подростков компьютерными играми выявили значимые различия городских и сельских подростков. Самыми высокими показателями у подростков городской школы были «Самоконтроль в компьютерных играх» и «Эмоциональное отношение к компьютерным играм».

У сельских подростков более низкий уровень самоконтроля в компьютерных играх, подросток раздражается и проявляет неспособность завершить игру, она выступает способом снятия напряжения, компенсации неудовлетворенных потребностей. Менее выражено «Родительское отношение к компьютерным играм», то есть родители не против компьютерных игр, сами инициируют возможность играть.

Ярко выражен показатель «Самоконтроль в компьютерных играх», школьники не способны спланировать окончание игры. У городских подростков все показатели выше, чем у сельских, что является свидетельством больших возможностей доступа к игровой технике, влиянием рекламы, связанной с компьютерными играми.

Коммуникативная агрессивность находится на среднем уровне в обеих группах, а наибольшие различия выявлены по аутоагрессии, что подтверждено статистически, что может указывать на более выраженные личностные конфликты у городских школьников. Городские школьники демонстрируют более выраженную аутоагрессию, а сельские школьники лучше контролируют свою агрессию.

В городской среде выше склонность к спонтанной агрессии. Установлен низкий уровень анонимной агрессии у обеих групп, умеренная склонность к заражению агрессией толпы. Городские школьники чаще направляют агрессию на себя, при этом сельские школьники лучше умеют тормозить агрессию и у них ниже склонность к спонтанной агрессии. Среда проживания влияет на формы проявления агрессии, при этом общий уровень агрессивного поведения остается схожим. Городские школьники склонны к большей

аутоагрессии, а сельские лучше контролируют свои агрессивные импульсы.

На основе полученных корреляций у школьников из городских школ ($n = 50$) можно сделать следующие выводы. Эмоциональное отношение к компьютерным играм имеет прямую связь ($r = 0,41$; $p \leq 0,01$) со спонтанной агрессией. Выявлена прямая связь эмоционального отношения к КИ с неспособностью тормозить агрессию ($r = 0,604$; $p \leq 0,001$), что подчеркивает его связь с трудностями в контроле агрессивного поведения. Обратная связь эмоционального отношения к компьютерным играм ($r = -0,45$; $p \leq 0,001$) выявлена с неумением переключать агрессию. Предпочтение виртуального общения в компьютерных играх имеет прямую связь ($r = 0,52$; $p \leq 0,001$) со спонтанной агрессией. Обратная связь этого показателя ($r = -0,47$; $p \leq 0,001$) имеется с неспособностью переключать агрессию.

Эмоциональное отношение к компьютерным играм и приоритет общения в сети связаны со некоторыми проявлениями агрессивного поведения. При этом наблюдается интересный феномен: несмотря на то, что оба показателя связаны со спонтанной агрессией, они разным образом позволяют контролировать агрессию.

На основе представленных корреляций в группе обучающихся в сельских школах ($n = 50$) можно сделать следующие выводы. Эмоциональное отношение имеет отрицательную связь ($r = -0,41$; $p \leq 0,01$) с неумением переключать агрессию. Выявлена положительная корреляция ($r = 0,43$; $p \leq 0,01$) с провокацией агрессии у окружающих, что указывает на тенденцию провоцировать агрессию в социальном окружении.

Обнаружена прямая связь ($r = 0,56$; $p \leq 0,001$) эмоционального отношения к компьютерным играм с получением удовольствия от агрессии. Целевая направленность имеет обратную связь ($r = -0,42$; $p \leq 0,01$) с неумением переключать агрессию на деятельность.

Существует прямая связь между увлеченностью компьютерными играми и коммуникативной агрессивностью школьников. Полученные данные подчеркивают важность учета территориальной принадлежности при работе с агрессивным поведением подростков и указывают на необходимость разных подходов к коррекции агрессивного поведения в городской и сельской среде.

Литература

1. *Босенко Ю.М.* Взаимоотношения с окружающими как фактор интернет-зависимости в подростковом возрасте // Современные технологии здоровьесбережения и безопасности жизнедеятельности в педагогическом процессе. материалы I Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2022.
2. *Гришина А.В.* Тест-опросник степени увлеченности младших подростков компьютерными играми // Вестник Московского Университета. 2014. №4.
3. *Дробышева К.А.* Особенности взаимосвязи характеристик образовательной среды и тревожности в подростковом и юношеском возрасте // Тезисы докладов XLIV научной конференции студентов и молодых ученых вузов Южного федерального округа. Краснодар: КГУФКСТ, 2007.
4. *Кубарева О.А.* Личностные особенности интернет-зависимых подростков // Тезисы докладов XLVIII научной конференции студентов и молодых ученых вузов южного федерального округа. Краснодар, 2021.
5. *Распопова А.С., Берилова Е.И., Босенко Ю.М.* Факторы тревожности и социально-психологической адаптации современных подростков в условиях образовательной среды // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Педагогика и психология. 2021. № 4 (57).

Зарубежные и отечественные исследования воспринимаемой социальной поддержки и переживания чувства одиночества у женщин

Расходчикова М.Н., Рода Е.Г.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
Rodakaterina@yandex.ru

В современном обществе социальная поддержка играет ключевую роль в жизни женщины, особенно в преодолении чувства одиночества. Чтобы успешно решать проблемы, возникающие из-за негативных эффектов одиночества, крайне важно подробно разобраться в

характеристиках данного явления. Актуальность данной тематики заключается в растущем числе женщин, испытывающих одиночество и нехватку эмоциональной поддержки в условиях стремительно меняющегося мира.

В настоящее время не существует единого мнения о том, что же такое одиночество. Различные философские течения и психологические школы рассматривают одиночество то как единственно возможную основу человеческого бытия, то как противоестественное для человека состояние, патологию и проявление слабой приспособляемости личности, то как социальную проблему, следствие развития современных общественных отношений. Женщины, несмотря на свою большую общительность и адаптивность, гораздо чаще чувствуют себя одинокими и острее воспринимают это состояние. Женщины, живущие уединенно, гораздо чаще испытывают болезненное чувство одиночества, чем семейные (Корчагина, 2005).

А.М. Лабанова считает, что одиночество среди женщин стоит рассматривать не только как социальное явление, но и как психическое состояние. В разные годы жизни одиночество проживается по-разному. Наиболее кризисными периодами считаются подростковый возраст, беременность и послеродовой период, второй период зрелого возраста, пожилой возраст (Лабанова, 2021). Особенно остро одиночество у женщин проявляется в возрасте 40-50 лет. Течение кризиса среднего возраста зачастую сопровождается широким спектром негативных состояний: депрессией, физической и психологической усталостью, ощущением внутренней опустошенности, самоуничтожительными мыслями и поступками, притуплением всех желаний, ощущением тотального одиночества, появлением психосоматических заболеваний, тревогой, ожиданием смерти (Кашина, 2019). При этом, как показывают исследования, женщины, по сравнению с мужчинами, труднее переживают ощущение одиночества (Корчагина, 2005). Для оказания женщинам психологической помощи во время проживания ими кризиса среднего возраста особенно необходима социальная поддержка.

Еще одно понятие, которое мы рассматриваем, – это социальная поддержка. В зарубежных исследованиях, посвященных проблемам психического здоровья, феномен социальной поддержки за последние три десятилетия стал одним из основных объектов социальных и

клинико-психологических исследований. В современной психологии сравнительно общепринятым является понимание социальной поддержки как доступных социальных ресурсов, предоставленных непрофессионалами в формальных группах поддержки и неофициальных помогающих отношениях (Cohen, 2001).

Эмоциональная поддержка является наиболее важной формой социальной поддержки. Социальное одиночество становится ответом на отсутствие значимых дружеских связей или чувства общности. Люди, находящиеся в социальных отношениях, гораздо реже совершают суицид, чем социально изолированные люди. Практически во всех исследованиях была выявлена взаимосвязь между низкой воспринимаемой поддержкой и глубокой депрессией. Как показывает анализ эмпирических исследований социальной поддержки, субъективно воспринимаемая поддержка является более весомым фактором-протектором нарушений психосоматического здоровья, чем реально полученная социальная поддержка (Василюк, 1984).

Одной из основных характеристик социальной поддержки является активное участие самого человека. Это подразумевает его желание самостоятельно справиться с трудностями, возникающими в жизни. Мы пришли к выводу, что социальная поддержка представляет собой процесс взаимодействия между участниками общества, где один из них, проявляя инициативу в решении своих проблем, получает поддержку от окружающих. Это, в свою очередь, способствует восстановлению независимости и развитию личности. Активность человека в процессе получения социальной поддержки, его готовность к переменам и стремление принимать помощь, по нашему мнению, играют ключевую роль в эффективном преодолении ощущения одиночества у женщин.

Недавние исследования показывают, что социальная поддержка играет решающую роль в уменьшении чувства одиночества, особенно в трудные времена, такие как пандемия COVID-19.

Исследование Э. Санчеса-Морено и Л. Галлардо-Перальта показало, что социальная поддержка уменьшает эмоциональное и социальное одиночество пожилых людей. Различные источники поддержки поразному влияют на уровень одиночества (Sánchez-Moreno et al., 2025).

Цзин Сюй посвятила исследование одиночеству пожилых женщин-мигрантов в Китае. Социальная поддержка опосредует социальную

интеграцию и отношения с одиночеством. Социальная интеграция и поддержка уменьшают одиночество (Хи, 2024).

Ч.У. Ли, Ю.С. Ким и Ч.М. Нам провели исследование социальной поддержки, опосредующей психологическое одиночество и удовлетворенность жизнью. Одиночество негативно влияет на удовлетворенность жизнью у пожилых женщин. Социальная поддержка опосредует связь между одиночеством и удовлетворенностью жизнью (Ли, Ким, Нам, 2024).

Следовательно, воспринимаемая социальная поддержка, включающая эмоциональную, информационную и материальную помощь, играет важную роль в формировании психологического благополучия женщин. Дальнейшее исследование будет направлено на выявления взаимосвязи уровня восприятия социальной поддержки и переживания чувства одиночества у женщин в зависимости от возраста и места проживания.

Литература

1. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М.: Изд-во Московского университета, 1984.
2. *Кашина О.П.* Одиночество как социальный феномен в жизни современных женщин // *Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы.* 2019. №6. С. 13-16.
3. *Корчагина С.Г.* Генезис. Виды и проявления одиночества / С.Г. Корчагина. М.: МПСИ, 2005.
4. *Лабанова А.М.* Взаимосвязь субъективного проживания одиночества и самореализации у женщин // *V Фрейдовские чтения.* Санкт-Петербург, 2021 С. 239-247.
5. *Ли Ч.У., Ким Е.С., Нам Ч.Х.* Социальное во взаимосвязи психологического одиночества и удовлетворенности жизнью женщин-солисток, медиа-эффект поддержки. Журнал исследований конвергенции благосостояния при естественном лечении и реабилитации. Том 8. № 2. (Т. 16). (2024.02). С.190–219.

6. *Cohen S., Gottlieb B., Underwood L.* Social relationships and health: challenges for measurement and intervention // *Advances in mind-body medicine*. 2001. Vol. 17. P. 129–141.
7. *Sánchez-Moreno E., Gallardo-Peralta L., Rodríguez-Rodríguez V., Grela P., Aguiña S.* Unravelling the complexity of the relationship between social support sources and loneliness: A mixed-methods study with older adults / Published: January 3, 2025. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0316751>
8. *Xu J.* Association between social integration and loneliness among the female migrant older adults with children: the mediating effect of social support. *BMC Geriatrics*. (2024). 24:4 <https://doi.org/10.1186/s12877-023-04569-8>

Особенности тревожности у детей из неполных семей

Рашитова Л.К.

ФГБОУ ВО НИУ «МЭИ», Москва, Россия

Rashitova5luisa@rambler.ru

Семья играет ключевую роль в социализации ребенка, способствуя его эмоциональному и психологическому благополучию. В современных развитых государствах, в том числе и России, наблюдается растущая тенденция к распространению семейных структур, представленных одиноким родителем. В отечественной научной литературе данный тип семьи именуется «неполной семьей». Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, 31,2% семей (4,85 млн) возглавляют одинокие матери, а 7,3% семей (1,13 млн) – одинокие отцы (Смирнов, Селиванова, 2023).

В семьях, где отсутствует один из родителей, ребенок может столкнуться с различными трудностями, которые могут привести к повышенной тревожности. Это состояние эмоционального напряжения негативно сказывается на когнитивном, эмоциональном и социальном развитии ребенка.

В развитие исследований тревожности заметный вклад внесли как отечественные, так и зарубежные ученые. Среди российских педагогов и психологов можно выделить Н.А. Аминова, В.М. Астапова, В.А.

Бакеева, В.К. Вилюнаса, Ю.М. Забродина, Н.В. Имедадзе, Н.Д. Левитова, О.Г. Мельниченко и многих других (Аминов, 2005; Астапов, 2001; Имедадзе, 2019; Левитов, 1964). К зарубежным исследователям, внесшим значительный вклад в изучение данной проблемы, относятся Г. Айзенк, Р. Кеттелл, Е. Левинт, О. Маурер, У. Морган, К. Спенс, Ч. Спилбергер, Дж. Тэйлор, З. Фрейд, К. Эриксон и др. (Айзенк, 2009; Барышникова, 2020; Эриксон, 1996).

Исследования выдающихся российских психологов, в том числе Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия и Д.Б. Эльконина, убедительно доказали, что развитие психики ребенка тесно связано с его эмоциональными узами и спецификой взаимодействия с близкими взрослыми, в первую очередь с родителями (Уварова, Шешукова, 2016).

В неполных семьях дети часто сталкиваются с дополнительными стрессовыми факторами, такими как отсутствие одного из родителей, финансовые трудности и эмоциональная перегрузка оставшегося родителя, что может усугублять их тревожность.

Причины тревожности у детей, воспитывающихся в неполных семьях, могут быть связаны со следующими факторами.

- Эмоциональная неустойчивость в семье. Отсутствие одного из родителей может повлечь за собой эмоциональный стресс для второго родителя, что, в свою очередь, может оказать негативное влияние на его возможности эффективно удовлетворять эмоциональные потребности ребенка.
- Нарушение моделей поведения. В условиях неполной семьи ребенок может столкнуться с трудностями в ассимиляции общепринятых моделей поведения, связанных с полом и положением в обществе. Это, в свою очередь, может привести к развитию неуверенности в себе и повышению уровня тревожности.
- Социальная стигматизация. Дети, воспитывающиеся в неполных семьях, нередко сталкиваются с негативным отношением со стороны ровесников, что приводит к усилению чувств одиночества и тревоги у таких детей.
- Финансовые трудности. В неполных семьях часто наблюдаются экономические сложности, которые могут ограничивать доступ

ребенка к образованию и социальному обеспечению, что, в свою очередь, повышает его уровень стресса.

Повышенный уровень тревожности может иметь серьезные последствия для психологического и социального развития ребенка. Ребенок, находящийся в состоянии тревоги, характеризуется неуверенностью в собственных силах, склонностью к эмоциональной лабильности, недостатком самостоятельности и независимости. Он часто испытывает сомнения, проявляет колебания в принятии решений и легко поддается внешнему влиянию. Переключение внимания на другие виды деятельности дается ему с трудом, а также он быстро истощается как физически, так и эмоционально (Савва, Хабибулин, Егоров, 2022). Необходимо особо отметить, что решающее значение имеет не просто факт проживания ребенка с одним родителем, но и модель поведения этого родителя.

Данная проблема многогранна и требует комплексного подхода к ее решению. Глубокое понимание факторов, вызывающих тревожность у таких детей, а также последствий этого состояния, является основой для разработки эффективных мер поддержки. Обеспечение своевременной помощи позволит способствовать гармоничному развитию этих детей и их успешной интеграции в общество.

Литература

1. *Айзенк Г.Ю.* Парадоксы психологии / Г. Айзенк, [пер. с англ. С. Степанова]. М.: Эксмо, 2009. 350 с.
2. *Аминов Н.А.* Методическое руководство по психодиагностике в семейном консультировании для специалистов психолого-медико-социальных центров / Н.А. Аминов, Н.А. Янковская; Юго-Вост. окружное упр. образования Департамента образования г. Москвы. М.: 2005. 182 с.
3. *Астапов В.М.* Тревожность у детей / В.М. Астапов. М.: ПЕР СЭ, 2001. 159 с.
4. *Барышников Е.В.* Исследование тревожности детей старшего дошкольного возраста // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 № 4, <https://mirnauki.com/PDF/47PSMN420.pdf> (доступ свободный).

5. *Имедадзе Н.В.* Вопросы возрастной и педагогической психологии: Л.С. Выготский и Д.Н. Узнадзе / Н.В. Имедадзе // Культурноисторическая психология. 2019. № 2. – С. 4-13.
6. *Левитов Н.Д.* Детская и педагогическая психология / Н.Д. Левитов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Просвещение, 1964. 478 с.
7. *Савва Л.И., Хабибулин Д.А., Егоров В.В.* Особенности тревожности и страхов у детей среднего дошкольного возраста из полных и неполных семей // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-trevozhnosti-i-strahov-u-detey-srednego-doshkolnogo-vozrasta-iz-polnyh-i-nepolnyh-semej> (дата обращения: 18.03.2025).
8. *Смирнов В.М., Селиванова О.В.* Неполные семьи в России: масштабы, проблемы и социальная помощь // Экономика труда. 2023. Том 10. № 5. С. 695–714. DOI: 10.18334/et.10.5.117824.
9. *Уварова М.С., Шешукова Н.Н.* Особенности тревожности детей дошкольного возраста, воспитывающихся в полных и неполных семьях // Вестник магистратуры. 2016. №5-2 (56). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-trevozhnosti-detey-doshkolnogo-vozrasta-vozpityvayuschisya-v-polnyh-i-nepolnyh-semyah> (дата обращения: 18.03.2025).
10. *Эриксон Э.Г.* Детство и общество / Э.Г. Эриксон; Перевод, науч. ред. [и примеч.] А.А. Алексеева. СПб.: Психол. центр «Ленато»; Балашиха: Фонд «Унив. кн.», 1996. 589 с.

Психологическая готовность мужчин к одинокому отцовству

Рашитова Л.К.

ФГБОУ ВО НИУ «МЭИ», Москва, Россия

Rashitova5luisa@rambler.ru

Воспитание детей традиционно связывается с материнской ролью, однако в последние десятилетия наблюдается рост числа семей, где отцы берут на себя ответственность за воспитание детей. Это может быть обусловлено различными факторами, такими как развод, утрата

партнера, осознанное решение стать отцом-одиночкой или усыновление. Независимо от причин, одиночное отцовство требует от мужчины высокой психологической готовности, которая включает в себя умение справляться с эмоциональными нагрузками, выполнять родительские обязанности и адаптироваться к новым социальным ролям.

Случаи, когда отцы самостоятельно воспитывают детей, встречаются относительно нечасто даже в развитых странах Европы и Северной Америки. В Западной Европе и США такие семьи составляют около 10-15% от общего количества неполных семей. Во Франции зафиксирован самый высокий процент одиноких отцов, воспитывающих детей в возрасте от 13 до 16 лет – это 20% от общего числа неполных семей. В странах Востока, где в силу традиций дети при разводе чаще остаются с отцом, такие семьи составляют существенную долю – 20% от всех семей (Шевченко, 2014).

Согласно данным Всероссийской переписи населения 2020 года, в России насчитывается 1 086 781 домохозяйств, состоящих из отца с детьми. Из них 493 681 домохозяйство включает детей младше 18 лет (Росстат, 2020).

Психологическая готовность к родительству – это сложное состояние, включающее в себя эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты. В ситуации одиночного отцовства каждый из этих аспектов приобретает специфические особенности.

С точки зрения Р.В. Манерова, вопрос готовности мужчин к выполнению отцовских функций представляет собой сложный и многогранный феномен. Эффективное освоение роли отца определяется комплексом взаимосвязанных элементов. Среди основных факторов выделяются индивидуально-психологические особенности личности, включая аспекты адаптации, жизненный опыт, характер взаимоотношений с отцом в детстве, а также модель отцовского поведения, которую он демонстрировал. Помимо этого, существенную роль играют социокультурные условия, семейный контекст, а также физическое, психическое и эмоциональное состояние мужчины (Манеров, 2003).

По утверждению М.В. Пастуховой, модель формирования отцовской роли определяется рядом ключевых параметров, среди которых выделяются психологическая готовность, способность к

адаптации и устойчивость к внешним и внутренним воздействиям (Пастухова, 2011).

Психологическая готовность к выполнению отцовских функций трактуется как комплекс взаимосвязанных элементов, включающих, в частности, желание продолжить род, а также способность к переживанию эмоций, обусловленных родительской ролью. Формирование этой готовности происходит на протяжении всего жизненного пути мужчины под воздействием как биологических, так и социальных факторов. Отцовский инстинкт выступает катализатором этого процесса.

Адаптированность к отцовской роли характеризуется позитивным восприятием индивидом своего статуса отца во всех сферах жизнедеятельности: психологической, социальной, демографической, экономической и др.

Устойчивость отцовской роли в воспитании, развитии и социализации ребенка означает неизменность и постоянство его участия в этих процессах.

Проведенное исследование, в котором приняли участие 28 отцов-монородителей, воспитывающих детей дошкольного и школьного возраста, позволило выявить значимые различия в стилях воспитания в зависимости от мотивации принятия роли единственного родителя. Среди мужчин, осознанно выбравших роль единственного родителя, преобладают такие качества, как эмоциональное принятие и склонность к сотрудничеству. В то же время среди отцов, оказавшихся в ситуации вынужденного монородительства, чаще проявляются авторитарные тенденции (25%), эмоциональное отвержение (20%) и инфантилизация (15%), тогда как эмоциональное принятие и кооперация наблюдаются лишь в 20% случаев (Семенова, 2014). Полученные данные свидетельствуют о том, что более позитивное и благоприятное отношение к детям характерно для мужчин, осознанно выбравших альтернативную модель отцовства, в отличие от тех, для кого монородительство стало непредвиденным жизненным вызовом. При этом важно отметить, что, несмотря на внутреннюю противоречивость, мужчины, вынужденно взявшие на себя роль единственного родителя, не склонны рассматривать отцовство как жизненную ошибку.

Эмпирические исследования, проведенные психологами, свидетельствуют о том, что дети, воспитывающиеся при активном эмоциональном участии отцов, демонстрируют более высокий уровень психического развития и достигают лучших результатов в учебной деятельности (Канарейкина, 2016). Подготовка мужчин к роли одиночного родителя представляет собой сложный и многогранный процесс, который требует, как самопознания и внутренней работы, так и социальной поддержки.

Несмотря на прогресс в этой области, разработка вопросов, связанных с формированием психологической готовности к одинокому отцовству, а также методов и технологий повышения эффективности родительских навыков, всё еще продолжается.

Литература

1. *Канарейкина Т.А.* Установки, поведение и тактика воспитания детей отцов-одиночек // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 3651-3655. URL: <http://e-koncept.ru/2016/86768.htm>.
2. *Манеров Р.В.* Психология отцовства // Ежегодник Рос. психол. о-ва: материалы 3-го Всерос. съезда психологов, 25–28 июня 2003 г.: в 8 т. СПб., 2003. Т. 5. С. 284–288.
3. *Пастухова М.В.* Психологические аспекты проблематики девиантного отцовства // Женщина в российском обществе. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-aspekty-problematiki-deviantnogo-ottsovstva>
4. *Росстат.* Всероссийская перепись населения 2020 года. Том 8. Число и состав домохозяйств. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozyajstv
5. *Семенова Л.Э.* Специфика родительского отношения и субъективного восприятия отцовства в контексте реального опыта мужчин-монородителей // Вестник ВятГУ. 2014. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-roditelskogo-otnosheniya-i-subektivnogo-vospriyatiya-ottsovstva-v-kontekste-realnogo-opyta-muzhchin-monoroditeley>

6. *Шевченко И.О.* Одинокие отцы в России: повседневные практики и проблемы // Вестник РГТУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. №4 (126). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/odinokie-ottsy-v-rossii-povsednevnye-praktiki-i-problemy-1>

Сравнение понятий «ценность» и «оценка» в контексте их психологического содержания

Розанов И.К.

*МГТУ-МАСИ, Москва, Россия
rozanovik@yandex.ru*

В контексте психологического содержания ценность относится к тому, что человек считает важным, ценным и значимым для себя (Батурин, 1988). Оценка при этом является субъективным выражением значимости предметов и явлений окружающего мира и связана с процессом сравнения и вынесения суждений о чем-либо. Можно сказать, что «ценность» представляет собой внутреннюю ценность или важность стимула, а «оценка» – субъективная оценка или суждение об этой ценности.

Можно выделить три основных представления о ценностях (Власенко, 2012): это общественные идеалы, существующие в общественном сознании представления о совершенстве; это предметное воплощение этих идеалов в продуктах творчества, материальных носителях, осознанных действиях и поступках; мотивационные структуры личности («модели должного», которые лежат в основе жизненных целей человека, – представления о том, как должно быть).

В психологии понятие «ценность» опирается на философские и социологические концепции ценностей и ценностных ориентаций. Однако в основном понятие «ценность» не рассматривается в качестве самостоятельного понятия. В большинстве случаев «ценность» относят либо к потребностям (А. Маслоу, К. Роджерс, Е.И. Головаха, Е.Е. Щербакова), либо к мотивам (Б.С. Алишев, Э.Э. Сульчинская), либо к смыслам (Д.А. Леонтьев, Л.С. Рубинштейн, Б.С. Братусь, Р.Х.

Шакуров, А.Ю. Калугин), либо к мотивационно-смысловым образованиям (Б.А. Сосновский, О.В. Бубновская) (Аксиология, 2019).

Существует многообразие подходов к изучению данной области, однако можно выделить ряд общих тенденций. Одной из версий является подход, согласно которому правильных вариантов классификации не существует, и внимание направлено на изучение системы ценностей каждого конкретного человека (Алексеева, Лукшина, 2008). Другой подход предполагает рассмотрение личностных ценностей в единстве с предметно воплощенными ценностями, где каждая форма существования ценностей может стать объектом психологического изучения. Также важным направлением является рассмотрение личностных ценностей как жизненных целей, смыслов и идеалов, определяющих общую направленность деятельности человека (Барский, 2010).

Оценка с точки зрения психологии является субъективным выражением значимости предметов и явлений для индивидуума, и ее основной целью является помощь в принятии решений и определении направления дальнейших действий (Елишев, 2011).

Процесс оценки базируется на основе собственных ценностей человека, представляющих собой идеалы и убеждения, которыми люди руководствуются в своих действиях и решениях. Это сравнение субъективных взглядов и восприятий, которые действуют как критерии, меры и нормы, приводя к оценочным суждениям (Елишев, 2011). Придерживаясь собственного набора ценностей, люди формируют свое поведение и выбор, отражая то, что они считают важным в жизни. Исчерпывающим примером различия оценочных суждений, основанных на субъективных ориентациях личности, является оценка «полупустого» или заполненного наполовину стакана. Несмотря на идентичность объекта, оценка принимает различное значение («полупустой» или заполненный наполовину) в зависимости от личностных ориентаций (взглядов) для каждого отдельного индивидуума.

В течение жизни люди постоянно оценивают объекты, явления, ситуации, политические события, действия других (внешние оценки), оценивают свои способности, состояние, действия и результаты (самооценки), предвидят и учитывают, как другие могут оценить их (рефлексивные оценки), влияют на других через свои оценки

(управленческие оценки) и находятся под влиянием оценок других. Эта обширная сеть оценок демонстрирует важную роль оценок в организации взаимодействия с миром, людьми и обществом (Батурин, 1988). Оценка – когнитивная процедура, которая играет жизненно важную роль во взаимодействии с окружающим миром.

При этом оценка является процессом, который может быть обусловлен различными факторами, такими как эмоции, опыт, знания и убеждения человека. Факторы, влияющие на оценку человеком событий, могут быть разнообразными и включать как субъективные, так и объективные аспекты. Среди субъективных факторов, влияющих на оценку событий, можно выделить личные предпочтения, убеждения, эмоциональное состояние, опыт, а также индивидуальные ценности и убеждения. С другой стороны, объективные факторы, такие как доступность информации, контекст события, внешние обстоятельства и социокультурные факторы, также оказывают влияние на оценку человеком событий.

Кроме того, существенную роль в процессе оценки играет степень важности события для индивида, его ожидания и цели, а также способность адекватно оценивать последствия и потенциальные риски.

Таким образом, можно отметить, что «ценность» и «оценка» являются двумя разными понятиями, имеющими разное психологическое содержание. «Ценность» характеризует важность, значимость или цену чего-либо для человека. Ценности формируются поэтапно и могут изменяться в течение жизни под влиянием различных фактов и событий. Ценности регулируют взаимоотношения человека с окружающим миром, социумом и с самим собой. Ценности формируют цели, убеждения и действия личности. «Оценка» – процесс, который используется для определения ценности чего-либо. «Оценка» осуществляет взаимное сравнение объекта с субъективными взглядами (ценностями) индивидуума, направляя его к оценочным суждениям, основанным на его собственных критериях и нормах. Конечной целью «оценки» является помощь в принятии решений и определении направления дальнейших действий. На процесс оценки могут влиять различные факторы – прошлый опыт, эмоциональное состояние, степень важности принимаемого решения и пр. Детальное

рассмотрение понятий «ценности» и «оценки» отражено в работах отечественных и зарубежных исследователей.

В современной психологии понятия «ценность» и «оценка» являются важнейшими областями для изучения и развития. Несмотря на значительный объем теоретического материала, существует противоречие между теоретической значимостью этой проблемы и уровнем систематичности, упорядоченности и развернутости исследований в этой сфере. Отсутствие единого подхода и систематизации разрозненных изысканий в данной области предполагает необходимость дальнейшего исследования этого направления для более глубокого понимания и классификации.

Литература

1. Аксиология / Прохоров М.М. Философия для студентов вузов: тематический словарь. Н. Новгород, 2019. С. 68.
2. Алексеева Л.Ф., Лукишина В.В. Ценностные ориентации личности в период перехода от детства к взрослости // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2008. № 5. С. 3–8.
3. Барский Ф.И. Наследственные и средовые факторы в восприятии семьи подростками. дис. ... канд. психол. н. М., 2010. 157 с.
4. Батулин Н.А. Проблема оценивания и оценки в общей психологии // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 81-89.
5. Власенко В.А. Оценка: цена и ценность... // Народное образование, 2012. № 5 (1418). С. 208–213.
6. Елишев С.О. Изучение понятий «Ценность», «Ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы, 2011. № 2. С. 82–96.

Взаимосвязь копинг-стратегий и уровня удовлетворенности трудом у сотрудников

*Романовская Е.А., Расходчикова М.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
romanovskaya_ea@mail.ru*

В условиях кадрового дефицита у современного бизнеса появляется запрос к психологу на повышение уровня адаптации нового сотрудника и уровня удовлетворенности трудом как линейного, так и топового персонала. В отечественной психологии удовлетворенность трудом определяется как субъективная оценка личности собственной трудовой деятельности. В социологической отечественной школе под удовлетворенностью трудом понимают общую, интегральную оценку профессионально-трудовой ситуации человеком (Ядов, Киссель, 1974). Удовлетворенность трудом определяется как внешними трудовыми условиями – такими, как, например, график работы и монетарная мотивация персонала, так и внутренними условиями: locusом контроля, профессиональной идентичностью, выбором копинг-стратегий в стрессовых ситуациях и т.д.

Офисный или удаленный сотрудник, выполняя свои должностные обязанности, сталкивается с различными трудностями. Часть из них обусловлено внешними обстоятельствами, а часть – личностными особенностями. Вне зависимости от источника, эта ситуация может стать для него стрессовой. Именно выбор личностью копинг-стратегии определяет результат ее трудовой деятельности в условиях стрессовой ситуации. Наиболее в общем виде, вслед за американским ученым Э. Хейм, копинг-стратегии можно разделить на две основные группы: адаптивные (благоприятные) копинг-стратегии и дезадаптивные (непродуктивные) копинг-стратегии. Таким образом, при адаптивных копинг-стратегиях человек стремится разрешить проблему, а при неадаптивных действует непродуктивно из-за возникающего эмоционального диссонанса (Меркурьев, 2023; Цветкова, 2018).

Цель нашего исследования заключается в изучении взаимосвязи между копинг-стратегиями и уровнем удовлетворенности современных сотрудников. Мы предположили, что существует взаимосвязь между способом совладания со стрессом и удовлетворенностью своим трудом.

Для изучения особенностей выбора копинг-стратегий у людей с разным уровнем удовлетворенности были подобраны методики исследования и сформирована выборка. В эмпирическом исследовании приняло участие 92 человека, из которых 58 женщин и 34 мужчины в возрасте от 18 до 60 лет.

Использовались методики: опросник способов совладающего поведения (WSQ), в адаптации Т.Л. Крюковой, методика определения удовлетворенности личности своим трудом А.В. Батаршева. Методы математической статистики: коэффициент корреляции Спирмена.

Результаты исследования показали, что сотрудники меньше удовлетворены своими взаимоотношениями с коллегами и с руководством, если они предпочитают избегать стрессовую ситуацию. Также удовлетворенность взаимоотношениями с другими сотрудниками снижает выбор конфронтационного копинга, то есть активное противостояние сложившейся проблеме. Для современных сотрудников характерно повышение удовлетворенности достижениями в работе при планировании решения проблемы, а также повышение общей удовлетворенности трудом ($p \leq 0,05$). Также положительно сказывается на взаимоотношениях с руководством выбор такой копинг-стратегии, как поиск социальной поддержки. Мы предполагаем, что поиск социальной поддержки побуждает сотрудника обратиться за помощью к руководителю и выстраивать с ним продуктивный диалог.

Проведенный теоретический анализ и результаты эмпирического исследования позволяют нам сделать вывод о том, что способ совладания со стрессовой ситуацией отражается на удовлетворенности трудом как общей, так и более конкретной, например, удовлетворенность рабочих взаимоотношений или удовлетворенность собственными трудовыми достижениями. С учетом полученных результатов и сформулированных выводов были разработаны рекомендации для организационных психологов, а также специалистов по работе с персоналом.

Литература

1. Меркурьев Д.В. Совладающее поведение личности: обзор исследований // Вестник Челябинского государственного университета. Образование и здравоохранение. 2023. №1 (21). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovladayuschee-povedenie-lichnosti-obzor-issledovaniy> (дата обращения: 22.02.2025).

2. *Цветкова Н.А.* Особенности копинг-стратегий, используемых для разрешения конфликтов в семьях с разным стажем брака // Развитие личности. 2018. № 1. С. 95—104.
3. *Ядов В.А., Киссель А.А.* Удовлетворенность работой: анализ эмпирических обобщений и попытка их теоретического истолкования // Социологические исследования. 1974. №1. С. 78-87.

Ассоциации эмоций и цвета у современной молодежи

Руденко А.О., Фишук Ю.С.

*филиал РГСУ в г. Минске, Республика Беларусь
YSFishuk@mail.ru*

Связь эмоций с цветовым восприятием, неосознаваемая реакция на цвет, придание цвету смыслового значения и индивидуального эмоционального окраса до сих пор вызывают интерес в психологической науке. Следует отметить вклад в психологию цвета таких авторов, как П.В. Яньшин, Г.Е. Бреслав, В.М. Элькин, Л.Н. Собчик и др. Специалисты приходят к основной идее, что смысл цвета для человека определяется отношением к этому цвету.

Цвет – это универсальная детерминанта невербальной коммуникации, которая представляет собой, с одной стороны, некий символический маркер культурной традиции, с другой стороны – социальный опыт человека. В целом следует отметить, что ассоциативное восприятие цвета встраивается в детстве: через игровой и коммуникативный опыт, родительские установки, культурную традицию. Однако современные реалии цветового насыщения игровой продукции могут вносить существенные коррективы в формирование устойчивых эмоциональных ассоциаций. Так, например, современные игрушки стирают заложенные цветовые стандарты: зачастую бывает трудно найти игрушку медведя коричневого, а лису рыжую, чаще они иного, не свойственного им цвета. Современная детская индустрия создает цветовой хаос, порождает новые цветовые ассоциации и может вносить диссонанс в формировании устойчивых эмоциональных связей. Таким образом, мы предполагаем, что интерпретация и

значение цвета в современных реалиях усложняется и претерпевает ряд изменений. Данное предположение определило цель пилотажного исследования – изучить ассоциации эмоций и цвета у современной молодежи.

В пилотажном исследовании приняло участие 45 студентов первого курса, в возрасте 17-21 лет. В качестве инструментария использовалась методика «Ассоциации эмоций и цвета». Стимульный материал: 8 цветных листов картона (по М. Люшеру) и список 10 эмоций (по К. Изарду). Студентам предлагалось для каждого цвета определить наиболее соответствующую, по их мнению, эмоцию (одну или несколько).

В результате проведенного экспериментального опыта были получены следующие результаты цветовых предпочтений.

Красный цвет устойчиво ассоциировался группой с гневом (87%), менее со стыдом (38%) и наименее всего с печалью (7%). Полученные результаты вполне согласуются с интерпретацией красного цвета М. Люшера, «символизирующего физиологическое состояние, связанное с расходом энергии» (Собчик, 2001, с. 18). Желтый цвет также получил максимальное групповое единство в ассоциации с радостью (87%), интересом (58%) и преимущественно не имел ассоциаций с печалью, виной, страхом и гневом (2%). Согласно М. Люшеру, желтый цвет «говорит о надежде или ожидании большого счастья, направленных в будущее, о стремлении к новому, еще не сформировавшемуся» (Собчик, 2001, с. 18).

В равном соотношении распределились групповые ассоциации печали с серым (69%) и синим (69%) цветами. При этом серый цвет частично ассоциируется со страхом (40%), а синий с виной (38%). Наименьшие ассоциации серого с интересом, радостью, гневом (2%), а синего с отвращением и гневом (2%). М. Люшер указывает, что серый цвет «отгораживающий, освобождающий от обязательств, укрывающий от внешних причин», тогда как синий предполагает «сосредоточенность на внутренних проблемах, стремление к спокойствию» (Собчик, 2001, с. 9). Следующее лидирующее место по групповому предпочтению занимает ассоциация фиолетового цвета с удивлением (58%) и частично с интересом (38%), в интерпретации М. Люшера фиолетовый цвет символ «иррациональных, нереалистичных желаний» (Собчик, 2001, с. 9).

Коричневый цвет ассоциируется преимущественно с отвращением (47%), частично с презрением (22%) и стыдом (27%). Наименее – с интересом и страхом (3%). Хотя следует отметить значительную неоднозначность при выборе эмоций, связанных с этим цветом. Согласно М. Люшеру, коричневый цвет отражает стремление к уюту и комфорту. Черный цвет также имеет неравномерные ассоциации: гнев (56%), страх (40%), презрение и печаль (38%), вина (31%). Единство группы проявляется в преимущественном выборе тяжело переживаемых эмоций. Согласно М. Люшеру, черный цвет «символизирует отрицание ярких красок жизни и самого бытия», что и проиллюстрировано в сделанных выборах.

Наиболее разбросанные ассоциации имеет зеленый цвет. Преимущественная ассоциация связана с отвращением (45%), остальные выборы относительно равномерно ассоциируются со всеми представленными эмоциями (за исключением гнева и печали). Зеленый интерпретируется М. Люшером как весьма неоднозначный, это цвет автономности, собственничества и пассивности.

Рассмотрим тенденцию распределения эмоциональных предпочтений. Так, интерес равномерно распределился между красным, синим и зеленым цветами (22%), максимально ассоциируется с желтым (58%) и фиолетовым (38%) и минимально с серым, коричневым, черным (2%). Радость максимально и практически однозначно ассоциируется с желтым цветом (87%), что в целом совпадает с интерпретацией цвета как солнечного, светлого, приятного.

Удивление в подавляющем случае ассоциируется с фиолетовым (58%) как с цветом неизвестного, загадочного, вызывающего любопытство. Удивление также ассоциируется с желтым (30%) и синим (31%).

Печаль преимущественно связана с серым, синим (69%) и черным (38%) цветами. Согласно интерпретации, синий цвет имеет охлаждающий эффект на организм, вызывая ассоциации воды, неба, льда. Серый цвет ассоциируется со старым возрастом, являясь неким «символом бездушной неподвижности», цветом беспросветного тумана.

Гнев занимает ярко выраженную лидирующую позицию в ассоциации с красным цветом (87%) и черным (56%), остальные цвета имеют единичные выборы. Чаще всего люди в состоянии гнева

начинают краснеть от недовольства, негодования или возмущения относительно какого-то явления, возможно, благодаря этому признаку большинство ассоциирует эту эмоцию с красным цветом. Согласно интерпретации, красный цвет связан с активностью, силой, энергией, вызывая ассоциации огня, крови, в то время как черный цвет имеет противоположные характеристики снижения энергетического потенциала: уныние, упадок, тоска и ассоциируется с пустотой, ночью. Можно предположить, что такой большой процент ассоциации гнева с черным – это признак отрицания и исключения этой эмоции.

Отвращение распределило ассоциации между коричневым (47%) и зеленым (45%) цветами. Согласно интерпретации, коричневый цвет связан с пассивностью, негативным и презрительным отношением, переживанию чувства дискомфорта. Зеленый также связан с состоянием спокойствия и уравновешенности и ассоциируется с природой, водой, прохладой.

Следует отметить, что такие эмоции, как презрение, страх, стыд и вина, имеют самые разбросанные и неоднозначные выборы.

Таким образом, пилотажное исследование показало преимущественную тенденцию соответствия эмоциональных выборов существующим интерпретациям цвета. Восприятие человеком цвета представляет собой достаточно сложный феномен психологического исследования, затрагивающего культурные, эстетические, психологические, коммуникативные, ценностные и другие глубинные аспекты символического взаимодействия с окружающим миром. Более того, изучение цвета предполагает включение множества междисциплинарных связей, что делает тему весьма объемной, многофакторной и требующей более глубокого изучения.

Литература

1. Собчик Л.Н. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера. МЦВ – метод цветовых выборов. СПб.: Речь, 2001. 112 с.

Взаимосвязь особенностей корпоративной культуры и мотивации сотрудников в организации

*Румянцев Е.А., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
rumyanzev.ea@gmail.com*

Исследование влияния корпоративной культуры на мотивацию сотрудников активно развивается в научной литературе. Однако, несмотря на значительный объем теоретических и эмпирических данных, остается ряд нерешенных вопросов, связанных с влиянием конкретных аспектов корпоративной культуры – таких, как организационные ценности, стиль лидерства, особенности внутрикорпоративной коммуникации и поддержка со стороны руководства, – на мотивационные установки работников и их профессиональную активность. Дальнейшее изучение этих факторов имеет не только теоретическую, но и значительную практическую значимость для организаций, стремящихся к созданию эффективной и мотивирующей рабочей среды, способствующей повышению производительности труда и профессиональной удовлетворенности сотрудников.

Итак, корпоративная культура представляет собой модель основных предположений, выработанных определенной группой сотрудников в процессе долгосрочного взаимодействия (Шейн, 2021). Она создает основу, контекст для всех процессов принятия решений руководителями и рядовыми сотрудниками, что одновременно определенным образом упрощает и делает более прозрачными бизнес-процессы в компании и ориентацию в ней.

Кроме того, в рамках исследуемой темы важно выделить уровни корпоративной культуры.

На первом уровне находятся артефакты, представляющие собой видимые, легко обнаруживаемые элементы культуры, такие как бренд, логотипы, цветовое оформление и другие визуальные компоненты. Эти артефакты служат своего рода маркерами, которые создают первое впечатление о компании, формируя определенную атмосферу и настраивая сотрудников и внешних наблюдателей на восприятие ее ценностей и корпоративной идентичности.

Следующий уровень составляют декларируемые ценности, представляющие собой принципы и убеждения, которым организация официально придает значимость. Они служат ориентиром для формирования внутренней среды и поведения на всех уровнях организации.

Третий уровень – это скрытые, неявные предположения и убеждения, которые зачастую остаются вне осознания участников организации, но тем не менее играют ключевую роль в ее функционировании. И несмотря на то, что глубинные слои культуры могут оставаться незамеченными, именно они часто оказываются основой для реальных практик и принятия решений, задавая тон внутренним процессам (Колесников, 2024).

Учитывая различные уровни корпоративной культуры, становится ясно, что для успешного внедрения ценностей организации в повседневную практику, поведение сотрудников должно отражать такие качества, как преданность компании, честность и надежность. По данным китайских исследователей, восприятие компаний общественностью основывается именно на анализе поведения сотрудников (Цыганкова, 2022). Таким образом, корпоративная культура непосредственно зависит от действий сотрудников, в которых, в свою очередь, проецируется восприятие сотрудниками качества их трудовой жизни. К примеру, качество трудовой жизни будет воспринято как более высокое, если сотрудник оценивает корпоративную среду как поддерживающую и благоприятную. Таким образом, именно в этом заключается мотивационная роль корпоративной культуры, которая способствует формированию позитивного отношения сотрудников к своей работе и организации в целом.

Разные типы корпоративной культуры оказывают различное влияние на мотивацию сотрудников, определяя их отношение к работе и ожидания от организации. Разные типы корпоративной культуры оказывают различное влияние на мотивацию сотрудников, определяя их отношение к работе и ожидания от организации. Клановую корпоративную культуру, к примеру, можно сравнить с большой семьей, в которой царят доверие, уважение к старшим и лояльность к младшим. Такая культура строится на взаимном сотрудничестве и командной работе. Руководители в организациях с клановой

корпоративной культурой являются менторами и наставниками, благодаря чьему грамотному руководству происходит укрепление взаимной поддержки и командного духа, а сотрудники особо ощущают свою принадлежность к команде и общему делу.

Иерархическая культура же, напротив, основывается на строгости контроля и управления, где каждый сотрудник четко понимает свою роль и место. Устройство компаний с иерархической культурой можно сравнить со структурой военной организации, где руководители требуют неукоснительного соблюдения порядка и строго прописанных правил, а сотрудники, в свою очередь, ожидают предоставления четких инструкций и очерчивания границ. Ориентированная на конкуренцию и результат рыночная культура создает соревновательную атмосферу, где каждый сотрудник нацелен на победу, какую любой спортсмен был бы рад принести своей команде. Здесь внимание акцентировано на выполнении и перевыполнении целей и достижении высоких результатов. Сотрудники же справедливо ожидают награды в качестве оценки своих личных достижений.

Заканчивает список адхократическая культура, напоминающая своей атмосферой стартап: ее главный инструмент — инновации и эксперименты. Руководством особенно поощряются инициативность и творческий подход, то есть каждый сотрудник может вносить свой неповторимый вклад в развитие компании. Предоставляя сотрудникам свободу для самовыражения и экспериментов, сотрудники взамен ожидают возможностей для реализации своих идей и роста (Козилова, 2022).

Корпоративная культура и внутренняя мотивация сотрудников тесно взаимосвязаны. Когда личные ценности работников совпадают с ценностями организации, это способствует чувству принадлежности и приверженности, что усиливает внутреннюю мотивацию. Важную роль в этом процессе играют нормы и ожидания, формирующие поведение сотрудников: культура сотрудничества и прозрачности способствует мотивации, в то время как микроменеджмент или страх неудачи могут ее подавлять. Стиль руководства также влияет на корпоративную культуру и мотивацию. Трансформационные лидеры, поддерживающие и вдохновляющие команды, создают культуру, способствующую инновациям и росту, в то время как авторитарные подходы могут снижать вовлеченность сотрудников. Признание и

вознаграждения играют ключевую роль в поддержке внутренней мотивации, когда сотрудники чувствуют свою ценность и получают признание за вклад в компанию. Кроме того, возможности для обучения и развития сотрудников укрепляют внутреннюю мотивацию, позволяя им достигать карьерных целей и расти профессионально. Внимание руководства к повышению благополучия работников, включая внедрение гибкого графика и инициатив в области психического здоровья, создает мотивирующую среду, снижая стресс и повышая удовлетворенность работой, что, в свою очередь, способствует высокой производительности и удержанию сотрудников (Певанер, 2024).

Таким образом, понимание и эффективное использование факторов, формирующих корпоративную культуру, позволяет организациям создать такую среду, в которой сотрудники ощущают свою ценность, вовлеченность и внутреннюю мотивацию для полноценного раскрытия своего потенциала. Будущие исследования в этой области могут сосредоточиться на изучении конкретных методов управления корпоративной культурой, а также на анализе воздействия различных типов культуры на мотивацию сотрудников в разных отраслях экономики.

Литература

1. Козилова Л.В., Чвякин В.А., Волкова Ю.А. Корпоративная и организационная культура. Нижний Новгород, 2022.
2. Колесников А.В. Корпоративная культура: учебник и практикум для вузов / А. В. Колесников. М., 2024.
3. Певзнер, М.Н. Корпоративная педагогика: учебник. М., 2024.
4. Цыганкова И.В., Хуан И. Корпоративная культура как фактор формирования качества трудовой жизни работников российских и китайских организаций // Экономика труда. 2022. №4. 841-857.
5. Шейн Э.Г. Организационная культура и лидерство: учебник. Спб., 2021.

Угроза магического мышления в современном мире

Савостьянов И.В., Самигуллин Р.Р.

ФГБОУ ВО «БГПУ им. М. Акмуллы»,

Уфа, Республика Башкортостан, Россия

i_savostyanov@internet.ru, samigullin24@mail.ru

Ряд исследователей указывают, что современный мир характеризуется высокой степенью неопределенности и непредсказуемости (Алимова, 2015; Де Шауэр, 2022; Савостьянов, 2024). Учитывая всеобщую информационную доступность, благодаря СМИ, интернету и социальным сетям, любые негативные события, произошедшие в мире, тотчас становятся главным инфоповодом, что может создавать иллюзию повышенной опасности мира. Это приводит к таким феноменам, как инфодемия и думскроллинг, которые в свою очередь оказывают негативное влияние на психику людей. Данные факторы могут объяснять, почему среди психических расстройств те, которые связаны с высокой тревожностью, занимают лидирующие позиции в современном мире (World Health Organization...).

Однако тревожные расстройства – не единственный результат информационной доступности в нестабильном мире. Еще одним следствием может стать рост распространенности магического мышления среди людей. Британский антрополог Б. Малиновский, исследовавший магические ритуалы туземцев, заметил, что в соответствии с ростом ощущения неопределенности увеличивается количество ритуалов. Он сделал вывод, что магия выполняет функцию контроля над неопределенностью и страхом в ситуациях, когда человек не может контролировать события, она придает человеку уверенность и помогает справляться со стрессом (Малиновский, 2015). Еще один антрополог – Дж. Фрэнсер утверждал, что магическое мышление – это следствие незнания, неспособности понять и объяснить явления природы и общества (Фрэнсер, 2006).

Выявлено, что неизвестность вызывает у людей более сильную стрессовую реакцию, чем точная информация о негативном событии (De Berker, 2016). В случаях, когда человек не контролирует ситуацию и не может предсказать ход событий, растет уровень стресса. Чтобы

снизить уровень стресса, нужно вернуть себе контроль над ситуацией, эту функцию в суррогатной форме выполняет магическое мышление. За последнее время было проведено множество исследований на эту тему (Абитов, 2021). В одном исследовании люди, находившиеся в условиях сильного стресса, чаще прибегали к ритуалу «постукивания по дереву» (Keinan, 2002). В другом исследовании, проведенном на студентах, демонстрируется, что в ситуации экзаменационного стресса увеличивается количество использования различных ритуальных практик и нетрадиционных способов лечения (Абитов, 2021). Помимо этого, магическое мышление является частым симптомом у людей с обсессивно-компульсивным расстройством (ОКР) и генерализованным тревожным расстройством (West, 2011). Учитывая распространенность тревожных расстройств, о которой говорилось ранее, магическое мышление также может стать острой проблемой современности.

Магическое мышление возникает как следствие повышенной тревожности в нестабильном мире и влечет за собой негативные последствия на индивидуальном и социальном уровнях. Во-первых, оно препятствует трезвой оценке ситуации, заменяя рациональные решения надеждой на чудо. Во-вторых, являясь противоположностью критического мышления, оно делает людей уязвимыми к дезинформации и псевдонаучным течениям. Пандемия COVID-19 продемонстрировала, как недостаток информации и тревога толкают людей к нетрадиционным методам, теориям заговора и конспирологии. Так возникает эффект снежного кома: неопределенность и дезинформация повышают тревожность, что усиливает магическое мышление, которое, в свою очередь, способствует распространению антинаучных взглядов и фейков.

Для решения проблемы роста магического мышления в условиях неопределенности необходим комплексный подход, включающий не только информационную гигиену и критическое мышление, но и психологическое просвещение. Важно разработать меры профилактики тревожности и популяризировать адекватные копинг-стратегии. Дальнейшие исследования могут помочь создать эффективные профилактические меры.

Литература

1. *Абитов И.Р.* Проблема экзаменационного стресса и суеверность студентов вузов / И.Р. Абитов, М.Н. Тубанова, Р.Р. Акбирова // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 15–22. DOI 10.33910/herzenpsyconf-2021-4-1
2. *Алимова С.Б.* Парадигма «неопределенного будущего» как выражение турбулентного состояния современного мира / С.Б. Алимова // Альманах современной науки и образования. 2015. № 4(94). С. 19–21.
3. *Де Шауэр О.* Неопределенность как характеристика современного мира: управленческий аспект / О. Де Шауэр // Universum: экономика и юриспруденция. 2022. № 6(93). С. 17–27. DOI 10.32743/UniLaw.2022.93.6.13733
4. *Малиновский Б.* Магия, наука и религия: пер. с англ. / Б. Малиновский. Москва: Академический проект, 2015. 305 с.
5. *Савостьянов И.В.* Психологическое благополучие в эпоху информационной доступности и нестабильного мира / И.В. Савостьянов, Р.Р. Самигуллин // Социальная психология: вопросы теории и практики: Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева, Москва, 15–16 мая 2024 года. М.: МГППУ, 2024. С. 562–565.
6. *Фрэзер Дж.* Золотая ветвь: исследование магии и религии: пер. с англ. / Дж. Фрэзер. М.: Эксмо, 2006. 958 с.
7. *De Berker A.* Computations of uncertainty mediate acute stress responses in humans / A. de Berker, R. Rutledge, et al. // Nature Communications. 2016. Vol. 7. Art. 10996. DOI: 10.1038/ncomms10996
8. *Keinan G.* The Effects of Stress and Desire for Control on Superstitious Behavior / G. Keinan // Personality and Social Psychology Bulletin. 2002. Vol. 28, № 1. P. 102–108. DOI: 10.1177/0146167202281009
9. *West B.* Magical Thinking in Obsessive-Compulsive Disorder and Generalized Anxiety Disorder / B. West, P. Willner // Behavioural and Cognitive Psychotherapy. 2011. Vol. 39, № 4. P. 399–411. DOI: 10.1017/S1352465810000883
10. World Health Organization. Mental disorders. URL: <https://www.who.int/news-room/fact-sheets/detail/mental-disorders>

Взаимосвязь стратегий поведения в конфликте с самооотношением

Сагин Г.А., Чибисова М.Ю.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

sagin.georgy@yandex.ru, marina_jurievna@mail.ru

Самоотношение как предмет исследования в социальной психологии может рассматриваться как актуальный методологический подход к пониманию сложного феномена отношения человека к самому себе. Социально-психологический взгляд позволяет исследовать самооотношение в его связи с социальной средой, которая, вне зависимости от теоретической ориентации, авторами признается как источник формирования самооотношения (Baumeister, 1999; Strandell, 2016).

Самоотношение можно рассматривать как набор установок, направленных на себя (Rosenberg et al., 1965). Установка, по определению М. Хогга и Г. Возна, включает в себя верования, чувства и поведенческие тенденции (Hogg, Vaughan, 2018). Таким образом, самооотношение, с теоретической точки зрения, включает в себя поведенческий компонент и может быть рассмотрено одновременно и как источник поведения, и как результат восприятия поведения (Вет, 1972). Актуальность эмпирических исследований взаимосвязи самооотношения с различными формами социального поведения обосновывается уточнением теоретических разработок проблемы самооотношения в рамках отрасли социальной психологии и созданием эмпирического фундамента для повышения эффективности профессиональных действий психологов, направленных на самооотношение личности.

В соответствии с этим, нами была поставлена цель в виде изучения взаимосвязи между стратегиями поведения в конфликте и самооотношением. Исследовательская гипотеза заключается в предположении о наличии взаимосвязи между стратегиями поведения в конфликте и самооотношением.

Выборкой исследования выступил 131 представитель молодежи (114 женщин (87%) и 16 мужчин (13%)), в возрасте от 23 до 35 лет. Распространение исследования осуществлялось в Интернете с использованием сервиса для онлайн-тестирования «Яндекс.Формы».

Стратегии поведения в конфликте были исследованы нами при помощи опросника «Тест Томаса-Килманна» (авторы К. Томас, Р. Килманн) (Кардашина, Шаньгина, 2016). Среди стратегий поведения в конфликте авторами выделены: «Соперничество», «Сотрудничество», «Компромисс», «Избегание», «Приспособление».

Самоотношение было исследовано при помощи «Теста-опросника самоотношения» В.В. Столина, С.Р. Пантилеева (Бодалев, Столин, Аванесов, 2006). В теории самоотношения В.В. Столина и С.Р. Пантилеева выделены три иерархических уровня, раскрывающие разные аспекты самоотношения по степени абстрактности. Так, глобальное самоотношение отражено в шкале «Глобальное самоотношение». Качественная характеристика самоотношения отражена в шкалах «Самоуважение», «Аутосимпатия», «Ожидаемое отношение», «Самоинтерес». На уровне действий личности по отношению к себе выделены «Самоуверенность», «Отношение других», «Самопринятие», «Саморуководство», «Самообвинение», «Самоинтерес», «Самопонимание».

Как метод аналитической статистики нами был выбран r коэффициент корреляции Спирмена. В данном исследовании будут приведены только значимые на двустороннем уровне значимости корреляции.

В результате статистического анализа взаимосвязи стратегий поведения в конфликте с самоотношением, нами были выявлены следующие корреляции.

1. «Избегание» отрицательно взаимосвязано с «Глобальным самоотношением» ($r = -0,274$), «Самоуважением» ($r = -0,32$), «Самоинтересом» ($r = -0,24$).

2. «Приспособление» положительно взаимосвязано с «Самообвинением» ($r = 0,241$).

Таким образом, цель исследования достигнута. Можно констатировать также, что гипотеза подтвердилась, однако полученные результаты требуют дополнительной интерпретации и описания в связи со следующими обстоятельствами.

1. Было обнаружено небольшое количество взаимосвязей стратегий поведения в конфликте с самоотношением (только две стратегии оказались взаимосвязаны с отдельными характеристиками самоотношения).

2. «Избегание» оказалось взаимосвязано с отдельными характеристиками самоотношения на всех трех уровнях (на уровне глобального самоотношения, качественной характеристики самоотношения и на уровне конкретных действий по отношению к себе), тогда как некоторые другие стратегии поведения в конфликте оказались не взаимосвязаны с самоотношением вообще.

3. Все обнаруженные корреляции характеризуются слабой силой взаимосвязи.

В заключение можно отметить, что актуальное исследование раскрывает вероятную функциональную сложность и неоднородность взаимосвязи различных форм социального поведения с самоотношением. Социально-психологическое исследование самоотношения, таким образом, является перспективным способом уточнить понимание контекста отношения личности к самой себе через ее взаимодействие с другими социальными средовыми и внутренними психологическими факторами.

Литература

1. *Бодалев А.А., Столин В.В., Аванесов В.С.* Общая психодиагностика. СПб., 2006.
2. *Кардашина С.В., Шаньгина Н.В.* Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. Томаса-Р. Килманна («Thomas-Kilmann Conflict Mode Instrument-TKI-R») // Педагогическое образование в России. 2016. №. 11. С. 216-228.
3. *Baumeister R.F.* The self in social psychology. London, 1999.
4. *Bem D.J.* Self-perception theory // Advances in experimental social psychology. 1972. Т. 6. С. 1-62.
5. *Hogg M.A., Vaughan G.M.* Social psychology. New York, 2018.
6. *Rosenberg M. et al.* Society and the adolescent self-image. Princeton, 1965.
7. *Strandell J.* Culture, cognition and behavior in the pursuit of self-esteem // Poetics. 2016. Т. 54. С. 14-24.

Игровое выгорание: констатация феномена и перспективы исследования

Самородов Н.В., Бабанин П.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

nikolai.v.samorodov@gmail.com, babaninpa@mgppu.ru

Феномен выгорания, впервые описанный Г. Фрейденбергером в профессиональной сфере (Freudenberger, 1974), сегодня требует переосмысления в контексте цифровых реалий. Видеоигры, особенно онлайн-игры и киберспортивные дисциплины, демонстрируют схожие с трудовой деятельностью паттерны: длительные нагрузки, монотонные внутриигровые действия (т.н. «гринд») и социальные обязательства перед игровым сообществом (Yee, 2006). Традиционно исследования негативных последствий увлечения онлайн-играми фокусировались на проблеме игровой зависимости и агрессии, однако современные данные свидетельствуют о существовании другого, менее изученного феномена – выгорания игроков или игрового выгорания. При этом существующие и пока немногочисленные исследования концентрируются преимущественно на киберспортсменах (Poulus et al., 2024; Smerdov et al., 2021), оставляя без внимания непрофессиональных игроков. В отличие от зависимости, где ключевым является компульсивное влечение, выгорание характеризуется в первую очередь истощением.

Привлекательность игр многогранна: они удовлетворяют базовые психологические потребности в автономии, компетентности, и социальной связанности, а также задействуют внутреннюю и внешнюю формы мотивации по теории самодетерминации Э.Л. Деси и Р.М. Райана (Przybylski, Rigby, Ryan, 2010), предлагают возможности для самореализации и эскапизма. Однако именно эти характеристики могут превратить игру из источника удовольствия в фактор стресса, когда игровой процесс начинает требовать значительных психических и временных затрат.

Дуалистическая модель страсти Р.Дж. Валлерана позволяет дифференцировать два типа вовлеченности в игру (Przybylski et al., 2009). Гармоничная страсть, когда игра занимает важное, но не доминирующее место в жизни, связана с позитивными эффектами. В

противоположность этому, обсессивная страсть характеризуется навязчивым желанием играть, часто вопреки собственным интересам. Важно отметить, что переход от увлечения к проблемному геймингу часто обусловлен фрустрацией базовых потребностей (Allen, Anderson, 2018). Когда игра перестает приносить удовлетворение (например, из-за невозможности достичь желаемых результатов или конфликтов в игровом сообществе), но игрок продолжает играть как бы по инерции или из-за социальных обязательств, возникает риск развития выгорания.

Гринд – выполнение повторяющихся действий для достижения игровых целей – представляет особый интерес. С одной стороны, подобный геймплей способствует «работизации» (jobification) игры (Crawford, Brock, 2024), что может вызывать стресс, похожий на профессиональный. С другой – может являться не столько объективной игровой механикой, сколько субъективным переживанием (Perdomo, 2021), требующим психологического осмысления. Для одних игроков рутинные действия могут быть медитативными и расслабляющими, для других – источником стресса и разочарования. В случае онлайн-игр также вносят вклад в развитие выгорания социальные аспекты. Обязательства перед другими игроками, необходимость соответствовать их ожиданиям создают давление, аналогичное профессиональным обязанностям. Это особенно заметно в жанре MMORPG, где игроки часто воспринимают свою деятельность как вторую работу, о чем первым написал Н. Йи (Yee, 2006).

Текущие исследования игрового выгорания ограничены в первую очередь парадигмой профессионального стресса. Отсутствие диагностического инструментария, учитывающего специфику игровой деятельности, вынуждает сводить проблему к спортивному выгоранию (Poulus et al., 2024), либо концентрироваться на физиологических аспектах феномена (Smerdov et al., 2021). В то же время требуется четко дифференцировать игровое выгорание и другие негативные явления: в том числе игровую зависимость и депрессию. Таким образом, перспективы исследования заключаются в прежде всего разработке теории игрового выгорания и выведении конструкта данного феномена.

Литература

1. Allen J.J., Anderson C.A. Satisfaction and frustration of basic psychological needs in the real world and in video games predict internet gaming disorder scores and well-being // *Computers in Human Behavior*. 2018. Vol. 84. P. 220–229. DOI:10.1016/j.chb.2018.02.034
2. Crawford G., Brock T. Just Fun and Games? A Sociological Consideration of Fun in Video Games // *Games and Culture*. OnlineFirst. First publ. 2024. 22 May. P. 1–17. DOI:10.1177/155541202412548
3. Freudenberger H.J. Staff Burn-Out // *Journal of Social Issues*. 1974. Vol. 30. № 1. P. 159–165. DOI:10.1111/j.1540-4560.1974.tb00706.x
4. Perdomo P. Grinding from a Player's and Game Designer's Point of View [Электронный ресурс]: Bachelor's Thesis. Malmö, 2021. [26] p. URL: <https://urn.kb.se/resolve?urn=urn:nbn:se:mau:diva-43306> (дата обращения: 19.05.2024).
5. Poulus D.R., Sargeant J., Zarate D., Griffiths M.D., Stavropoulos V. Burnout, resilience, and coping among esports players: A network analysis approach // *Computers in Human Behavior*. 2024. Vol. 153. Article 108139. DOI:10.1016/j.chb.2024.108139
6. Przybylski A.K., Rigby C.S., Ryan R.M. A Motivational Model of Video Game Engagement // *Review of General Psychology*. 2010. Vol. 14. № 2. P. 154–166. DOI:10.1037/a0019440
7. Przybylski A.K., Weinstein N., Ryan R.M., Rigby C.S. Having to versus Wanting to Play: Background and Consequences of Harmonious versus Obsessive Engagement in Video Games // *CyberPsychology and Behavior*. 2009. Vol. 12. № 5. P. 485–492. DOI:10.1089/cpb.2009.0083
8. Smerdov A., Somov A., Burnaev E., Zhou B., Lukowicz P. Detecting Video Game Player Burnout with the Use of Sensor Data and Machine Learning // *IEEE Internet of Things Journal*. 2021. Vol. 8. № 22. P. 16680–16691. DOI:10.1109/JIOT.2021.3074740
9. Yee N. The Labor of Fun: How Video Games Blur the Boundaries of Work and Play // *Games and Culture*. 2006. Vol. 1. № 1. P. 68–71. DOI:10.1177/1555412005281819

Психологическая безопасность как предиктор снижения межэтнической напряженности среди молодежи

*Сахыбаева А.Т., Аймаганбетова О.Х.
КазНУ им. Аль-Фараби, Алматы, Казахстан
maierkew@mail.ru, alnara25@mail.ru*

Современное общество характеризуется многообразием этнических, культурных и религиозных групп, сосуществующих в условиях глобализации, миграционных процессов и трансформации социальных норм. Молодежь, являясь наиболее восприимчивой и одновременно уязвимой социальной группой, активно включается в межкультурные взаимодействия, что делает проблему межэтнической напряженности в этой среде особенно актуальной. Возрастание числа этнически окрашенных конфликтов, проявлений ксенофобии и дискриминации в молодежной среде свидетельствует о необходимости глубокого анализа факторов, способствующих снижению напряженности и формированию гармоничных межэтнических отношений.

Одним из таких факторов, получающих все большее внимание в научной и практической психологии, является психологическая безопасность личности. Психологическая безопасность представляет собой субъективное ощущение защищенности, стабильности и предсказуемости социальной среды, отсутствие страха быть отвергнутым, униженным или подвергнутым насилию на психологическом или физическом уровне.

Современные исследования указывают на то, что недостаток психологической безопасности может приводить к формированию устойчивых этнических стереотипов, предубеждений и, как следствие, агрессивного поведения по отношению к «другому». Напротив, высокий уровень психологической безопасности связан с большей толерантностью, социальной адаптацией и снижением конфликтности в межгрупповых контактах. В этом контексте психологическая безопасность выступает не просто как условие, но как активный предиктор – фактор, позволяющий прогнозировать и в определенной степени управлять уровнем межэтнической напряженности среди молодежи (Afolabi, Baloguna, 2017).

Особую значимость данная тема приобретает в образовательной и воспитательной среде – в школах, колледжах и университетах, где формируются базовые установки, ценности и поведенческие модели молодых людей. Среда, в которой подростки и студенты чувствуют себя в безопасности, способствует развитию доверительных отношений, искреннего общения и принятия многообразия. Это делает актуальной разработку программ психологического сопровождения и профилактики, направленных на формирование у молодежи навыков межкультурной компетентности и эмоциональной устойчивости.

Однако, несмотря на возрастающий интерес к изучению межэтнических отношений, в научной литературе все еще недостаточно внимания уделяется систематическому изучению взаимосвязи между уровнем психологической безопасности и интенсивностью межэтнической напряженности. В частности, остаются малоизученными механизмы, через которые психологическая безопасность влияет на динамику этнического восприятия, поведенческие реакции в ситуациях культурной неопределенности и уровень социальной агрессии в молодежной среде (Beck, 2011).

Как подчеркивают исследователи, «чувство безопасности у молодежи является важным условием формирования устойчивых нравственных ориентиров, способности к диалогу и принятию культурного и этнического иного» (Кондратов, 2023). Согласно его анализу, продолжительное воздействие негативных социальных факторов, включая дискриминацию, насилие, маргинализацию, приводит к деструкции личности, снижению адаптивных способностей, а также увеличивает склонность к конфликтному поведению и радикализации.

Исследования показывают, что именно психологическая небезопасность способствует формированию этнических предубеждений, «угрозы идентичности», а также усилению поляризации в молодежной среде. В рамках модели социального восприятия, когда личность воспринимает себя в окружении угроз, она склонна к упрощенному категоризирующему мышлению, что нередко проявляется в стереотипизации и ксенофобии (Tajfel, Turner, 1986).

Кроме того, в современных молодежных сообществах формируется так называемая «среда недоверия», где представители других этнических групп априори воспринимаются как потенциальная угроза.

Это явление особенно ярко выражено в условиях информационного давления и деструктивных цифровых дискурсов. Однако в среде, где формируется психологическая безопасность, снижается значимость этнической принадлежности как фактора угрозы, а на первый план выходят личностные качества, коммуникативные способности и общие ценности (Baumeister, Leary, 1995).

Таким образом, психологическая безопасность молодежи является не только важным элементом их общего психологического благополучия, но и активным предиктором снижения межэтнической напряженности. Она оказывает влияние на восприятие этнического и культурного иного, способствует развитию навыков диалога и толерантности, предотвращает формирование агрессивных и деструктивных моделей поведения. Исследование данной взаимосвязи открывает перспективы для формирования образовательных и социальных программ, направленных на профилактику конфликтов в молодежной среде и построение устойчивых межэтнических отношений.

Литература

1. *Кондратов О.А.* Обеспечение безопасности жизнедеятельности при чрезвычайных ситуациях социального характера / В кн: Безопасность жизнедеятельности / В.В. Грищенко, О.А. Кондратов, И.С. Москаленко, Л.Н. Тарабуев, О.В. Хомяков. Вологда, 2024. С. 4–15.
2. *Afolabi O.A., Baloguna A.G.* Impacts of Psychological Security, Emotional Intelligence and Self-Efficacy on Undergraduates' Life Satisfaction // *Psychological Thought*. 2017. Vol. 10. № 2. P. 247–261. DOI:10.5964/psyc.v10i2.226
3. *Beck U.* Living in and Coping with World Risk Society [Электронный ресурс] // *Coping with Global Environmental Change, Disasters and Security: Threats, Challenges, Vulnerabilities, and Risks* / Eds. H.G. Brauch [et al.]. New York: Springer, 2011. P. 11–17. URL: <https://books.google.ru/books?id=v-9h-mXLaWQC&lpg=PP1&hl=ru&pg=PP1#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 11.03.2021).

4. *Baumeister R.F., Leary M.R.* The need to belong: Desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological Bulletin*, 117(3), 1995. 497–529. <https://doi.org/10.1037/0033-2909.117.3.497>
5. *Tajfel H., Turner J.C.* The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel & W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson-Hall. 1986. Pp. 7–24.

Гендерные аспекты одиночества современной молодежи

Сачкова М.Е.

ФГБОУ ВО РАНХиГС, Москва, Россия

sachkova@list.ru

Семенова Л.Э.

ННГУ им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия

verunechka08@list.ru

В современном обществе многие люди сталкиваются как с объективным, так и с субъективным одиночеством. С каждым годом во всем мире и в России увеличивается число людей, ведущих одинокий образ жизни, то есть выбирающих «жизнь соло» (Прокофьева, 2023). Однако растет и число тех, кто, не ведя одинокий образ жизни, постоянно общаясь и будучи включенным в социальные сети, тем не менее чувствует себя одиноким.

Некоторые исследователи связывают стремительный рост субъективного одиночества с активным внедрением в жизнь современного человека цифровых технологий, которые все чаще заменяют живое общение на дистанционный и виртуальный формат (Войсунский, 2019). При этом отмечается так называемый цифровой парадокс, когда увеличение количества онлайн друзей сопровождается увеличением чувства одиночества (Соловьева, 2023).

Такого рода тенденция касается как лиц мужского, так и женского пола. Однако относительно гендерной специфики одиночества в современной психологии существуют противоречивые данные.

Так, согласно одним из них, в большей степени страдают от одиночества женщины (Кожоголова, 2010), тогда как по другим – лица

мужского пола (Тихонов, 2015), которые, к тому же, переживая одиночество, гораздо менее удовлетворены своей жизнью, чем женщины (Hill Roy L., 2023; Tessler, 2024).

Утверждается, что переживания одиночества у женщин, как правило, обусловлены отсутствием или разрывом близких диадических отношений (дружеских и особенно любовных), в то время как у мужчин – нарушением публичных социальных связей и отношений, снижением социального статуса и ощущением собственной никчемности (Stokes, 1986). Однако исследования последних лет констатируют несколько иные тенденции, а именно более высокую потребность в романтических отношениях у лиц мужского пола (Hill Roy, 2023; Tessler, 2024).

Наличие в психологии противоречивых данных побудило нас провести собственное исследование с целью выявления гендерных особенностей переживания разных видов одиночества применительно к юношескому возрасту.

Нами была сформулирована следующая гипотеза: субъективное одиночество будет более характерно для юношей, нежели для девушек.

Для сбора данных использовались опросник переживания одиночества Е.А. Манаковой и методика диагностики переживания одиночества Е.Е. Роговой.

В исследовании принимали участие студенты вузов Москвы и Нижнего Новгорода в количестве 170 человек (96 девушек и 74 юноши).

По результатам исследования установлено, что в целом современные юноши и девушки не сильно переживают по поводу своего одиночества. На среднем уровне находится только временное одиночество, которое воспринимается лишь как случайное, не влияющие серьезным образом на жизнь явление.

В то же время была обнаружена и некоторая гендерная специфика в переживании одиночества. Так, юноши больше девушек переживают духовное и когнитивное одиночество, испытывают страх ответственности и непривлекательности, а также воспринимают одиночество более негативно. У девушек же более выражен только показатель вынужденного одиночества.

После статистической проверки с помощью *U*-критерия Манна-Уитни было определено, что гипотеза о гендерной специфике разных

типов одиночества подтверждена частично. Было установлено, что юноши гораздо сильнее переживают духовное одиночество ($p < 0,001$) и когнитивное ($p < 0,01$). Кроме того, для них больше характерно одиночество из-за страха ответственности за других ($p < 0,001$) и по причине непривлекательности ($p < 0,001$), тогда как девушки в большей степени переживают временное одиночество ($p < 0,001$). По всем остальным типам одиночества гендерные различия не были обнаружены.

Для выявления гендерных особенностей переживания одиночества современной молодежью необходимо также выявить их психологические предикторы, которыми могут выступать, например, выраженность доверия к себе и уровень доверия к другим людям.

Литература

1. *Войсункский А.Е., Солдатова Г.У.* Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен // Консультативная психология и психотерапия. 2019. Том 27. №3. С. 22–43. DOI: 10.17759/cpr.2019270303
2. *Кожозулова Ж.Д., Давыдова Ю.А.* Гендерные особенности осознания, переживания и способов преодоления одиночества молодежью // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2010. Том 10. № 11. С. 21-25.
3. *Прокофьева Л.М., Корчагина И.И.* Демографическая структура семей и домохозяйств в России, её динамика по данным переписей населения // Демографическое обозрение. 2023. №10(2). С. 4-17. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i2.17763>
4. *Соловьева Л.Н.* Одиночество в «обществе всеобщей коммуникации»: парадокс цифровой современности // Общество: философия, история, культура. 2023. №7. С. 77-82. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.7.10>
5. *Тихонов Г.М.* Феномен одиночества: гендерный аспект // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2015. Вып. 1(21). С. 26-31.

6. *Hill Roy L., Park Y., MacDonald G.* Age moderates the link between relationship desire and life satisfaction among singles // *Personal Relationships*. 2023. Vol. 30(3). P. 893–912. <https://doi.org/10.1111/pere.12497>
7. *Hoan E., MacDonald G.* «Sisters Are Doin’ It for Themselves»: Gender Differences in Singles’ Well-Being // *Social Psychological and Personality Science*. 2024. 00(0). DOI: 10.1177/19485506241287960
8. *Stokes J.P., Levin I.* Gender differences in predicting loneliness from social network characteristics // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1986. № 51. P. 1069–1074.
9. *Tessler H., Choi M., Kao G.* Is everyone “looking for love?” Trends in romantic relationship interest among singles during COVID-19 // *Journal of Family Issues*. 2024. Advance online publication. <https://doi.org/10.1177/0192513X241257232>

К вопросу о сформированности ролевых ожиданий в профессиональной сфере у учеников психолого-педагогического класса

Светлова А.А.

*ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
svetlova@mgpu.ru*

Вместе с развитием информационных технологий и использованием современных технологических решений, межличностное взаимодействие как основа образовательного процесса продолжает оставаться одним из трендов современного образования, которому уделяется внимание в развитии образовательной среды. Отмечается, что большинство проблем, связанных с образовательным процессом, возникают вследствие несогласованности ожиданий и мнений школьников, педагогов и родителей обучающихся относительно образования ученика, а также из-за различий в образовательных подходах и используемых технологиях, которые нацелены как на индивидуализацию образовательного процесса, так и на учет потребностей всего класса. Именно поэтому «педагогика отношений»

выделяется в качестве одного из современных международных трендов развития образовательных систем (Kukulska-Hulme et al., 2024), который ориентирован на то, чтобы каждый участник образовательного процесса был нацелен на продуктивное и согласованное взаимодействие.

От современной школы общество ожидает не только обеспечения высоких образовательных результатов, но и создания благоприятной образовательной среды, поддержки психического здоровья школьников, помощи в адаптации к учебному процессу и развитие личностных качеств ученика. В решении данных задач ключевая роль отводится педагогу-психологу.

Нам представляется актуальным изучить ролевые ожидания в профессиональной сфере учеников 10-11 классов проекта «Психолого-педагогический класс в московской школе» от деятельности педагога-психолога и оценить реалистичность их представлений о профессии. Для изучения совокупности ожиданий школьников в отношении как своего собственного будущего профессионального поведения, так и поведения реального специалиста психолого-педагогической службы школы, в рамках «Педагогического диктанта» в марте-апреле 2025 года 147 учеников письменно ответили на открытые вопросы, в которых им необходимо было описать идеальную модель рабочего дня педагога-психолога, выделить задачи, которые педагог-психолог должен решать в первую очередь, предложить вопросы, в решение которых педагог-психолог также должен включиться, определить круг проблем, с которыми педагог-психолог работать не должен.

Оценивая готовность школьников предъявлять свои ожидания к профессиональной деятельности педагога-психолога, необходимо учитывать, что данная группа учеников в рамках обучения в классах проекта предпрофессионального образования «Психолого-педагогический класс в московской школе» изучает на углубленном уровне биологию, математику и/или обществознание, осваивает специальные учебные курсы «Социальная психология», «Общая физиология», «Основы современных нейронаук», в рамках внеурочной деятельности посещает предпрофессиональную практику, реализуемую на площадках Городского психолого-педагогического центра, Института психологии и комплексной реабилитации МГПУ, Центра современной методики дошкольного и начального общего

образования, а также ученики имеют возможность попробовать себя в роли помощника педагога-психолога на выездных образовательных сменах для школьников. Все перечисленные условия позволяют судить о наличии как представлений о будущей профессиональной деятельности, так и готовности высказывать собственную точку зрения (Приказ Департамента образования и науки..., 2024).

Материалом для исследования послужили развернутые ответы учеников 10-11 классов, форма и объем представленных текстов были определены заданием, которое получили школьники. В течение тридцати минут респонденты отвечали на две группы вопросов. Данные, полученные в ходе анкетирования, были разделены на несколько групп в соответствии с содержанием. Анализ полученных ответов позволил выделить общие смысловые единицы, отражающие ожидания учеников психолого-педагогических классов от профессиональной деятельности педагога-психолога. Стоит отдельно отметить, что между ответами учеников 10 и 11 классов нет существенных различий, школьники говорят об одних и тех же формах деятельности, однако ученики 11 классов используют более широкий словарный запас и корректно употребляют профессиональные термины.

В ответах 97% школьников присутствуют следующие формы деятельности.

- Индивидуальная и групповая работа с учащимися, направленная на поддержку в решении учебных и личных трудностей. Консультирование педагогов и родителей по вопросам обучения и воспитания детей.
- Профориентация и помощь в профессиональном самоопределении.
- Планирование рабочего дня и недели, ведение документации, анализ результатов деятельности.
- Профилактика конфликтов, буллинга и эмоционального выгорания.
- Поддержка и адаптация новых учеников, школьников при переходе на новую ступень обучения.

Среди учеников психолого-педагогических классов 68% школьников в своих ответах говорят об обязательном самообразовании

и повышении квалификации педагога-психолога и выделяют обучение, как отдельный вид деятельности в структуре рабочего дня.

43% учащихся считают, что одной из первоочередных задач психолога в школе является создание безопасной и поддерживающей образовательной среды, способствующей эмоциональному и социальному благополучию всех участников образовательных отношений.

Среди тех задач, которыми не должен заниматься педагог-психолог, ученики психолого-педагогических классов выделяют следующие:

- замещение учителей-предметников;
- решение профессиональных задач смежных специалистов психолого-педагогического сопровождения, например, социального педагога;
- работа с учащимися, имеющими психические расстройства.

Около 50% школьников считают, что педагог-психолог не должен помогать педагогам справиться с личными проблемами.

Соотнесение ответов обучающихся с описанием трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт деятельности педагога-психолога (психолога в сфере образования), утвержденного приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, позволяет сделать вывод о том, что ученики проекта предпрофессионального образования, с одной стороны, достаточно осведомлены о будущей профессиональной деятельности, а с другой, будучи старшеклассниками, предъявляют запрос на помощь педагога-психолога в организации безопасной образовательной среды и помощи в профориентации.

Литература

1. Приказ Департамента образования и науки города Москвы от 02.09.2024 № 01-12-873/24 «Об утверждении стандартов проектов предпрофессионального образования в государственных образовательных организациях, подведомственных Департаменту образования и науки города Москвы». URL: https://profil.mos.ru/images/GMC/Pedagogicheskij_klass/doc/Prikaz_standart_873_02_09_2024.pdf

2. Kukulska-Hulme A., Wise A.F., Coughlan T., Biswas G., Bossu C., Burriss S.K., Charitonos K., Crossley S.A., Enyedy N., Ferguson R., FitzGerald E., Gaved M., Herodotou C., Hundley M., McTamane C., Molvig O., Pendergrass E., Ramey L., Sargent J., Scanlon E., Smith B.E., Whitelock D. (2024). Innovating Pedagogy 2024: Open University Innovation Report 12. Milton Keynes: The Open University.

К вопросу об особенностях этнической идентичности татарской молодежи

Серажетдинова С.Д., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
samirabbys@gmail.com, shorohovava@mgppu.ru

Этническая идентичность молодежи представляет собой многосложный и многогранный процесс, формирование которого происходит под воздействием целого ряда факторов, среди которых можно выделить культурные традиции, язык, религиозные убеждения, историческое наследие, семейные ценности, образовательную среду, а также взаимодействие с представителями других этнических групп. Цель исследования: рассмотреть особенности этнической идентичности татарской молодежи.

Молодежь имеет подвижные возрастные границы, которые зависят от социально-экономических условий и культуры. Нижняя граница начинается, когда человек становится физически зрелым и может работать, а верхняя определяется достижением экономической самостоятельности, профессиональной стабильности и личной зрелости, например, созданием семьи и рождением детей. В России понятие молодежи распространяется на группу людей от 14 до 35 лет.

Этническая идентичность является частью социальной идентичности личности и представляет собой психологическое явление, связанное с осознанием своей принадлежности к определенной этнической группе (Стефаненко, 2003). В качестве компонентов этнической идентичности выделяют одежду, традиции,

язык, народное творчество, религиозные обряды и черты характера (Шарапов, 2016).

Татары являются одной из крупнейших этнических групп в России и имеют глубокие исторические корни. Этническая и религиозная идентичности у татар тесно переплетены. Ислам, являясь основным религиозным течением среди татар, играет важную роль в формировании их культурной и этнической идентичности. Религиозные обряды и традиции являются неотъемлемой частью татарской культуры и влияют на восприятие своей этнической принадлежности. В важные моменты жизни, такие как ритуалы жизненного цикла (рождение, похороны) или в сложных ситуациях (болезнь, утраты) возникает потребность обратиться к своей этнической принадлежности. Данная потребность редко проявляется у представителей молодежи, однако для старшего поколения данные ритуалы являются важным источником опоры и стабильности (Низамов, 2015).

Этническая идентичность татар играет важную роль в сохранении языка, культуры и традиций в условиях глобализации и урбанизации. Изменения в представлениях татар о себе связаны не только с формальными критериями идентификации, но и с реальным восприятием и использованием компонентов этнической идентичности в повседневной жизни. Татарский язык сегодня ограничен сферой семьи, национальной интеллигенции и татарской деревни, в связи с тем, что работа и городские пространства в основном ассоциируются с русским языком. Однако, несмотря на это, исследования показывают, что язык играет высокую значимость в этнической идентичности молодого поколения татар, для них он остается важным маркером принадлежности к татарскому народу, связующим звеном с историей, культурой и традициями. Этноориентированная татарская молодежь стремится создавать различные инициативы для изучения татарского языка среди сверстников, которые не владеют им (Мухаметзянова, 2016).

Для татарской молодежи семья является ведущей ценностью, которая оказывает влияние на другие аспекты их жизни. В отличие от русской молодежи, у которых семья также является ключевой ценностью, для татар характерна более тесная связь не только с

ближайшими родственниками, но и с дальними членами семьи (Габдрахманова, Макарова, 2019).

Таким образом, нам представляется значимым изучение этнической идентичности татарской молодежи, потому что в условиях глобализации и ускоряющихся процессов интеграции различные этнические и культурные группы сталкиваются с необходимостью адаптировать свои традиции и ценности, сохраняя при этом уникальность своей идентичности.

Мы планируем провести эмпирическое исследование, которое будет затрагивать татарскую молодежь в возрасте от 18 до 25 лет, проживающую в г. Москва. В качестве методик для проведения исследования будут использованы следующие инструменты.

1. «Методика диагностики типов этнической идентичности» (Г.У. Солдатова, С.В. Рыжова) – эта методика позволит нам выявить различные типы этнической идентичности среди татарской молодежи в Москве, а также понять, как они воспринимают свою этническую принадлежность и как эта идентичность влияет на их социальное поведение, отношения с окружающими и восприятие других этнических групп.

2. Методика «Компоненты религиозной идентичности» (Д. Ван Камп, в адаптации В.А. Шороховой) – данная методика поможет изучить, как религиозная принадлежность и идентичность татарской молодежи связаны с их этническим самоопределением.

Литература

1. *Шарапов В.В.* Национальное сознание и социально-психологические феномены этнического самосознания населения Среднего Поволжья: дис. ... д-ра психол. н. СПб.: СПбГУ, 2016. 587 с.
2. *Низамова Л.* Татары США в условиях американского мультикультура-лизма // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г. Габдрахманова, Г. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 207-238.

3. *Мухаметзянова А.Р.* Этнокультурные проекты современной татарской молодежи в контексте этнической идентичности // Историческая этнология. 2016. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnye-proekty-sovremennoy-tatarskoy-molodezhi-v-kontekste-etnicheskoy-identichnosti> (дата обращения: 30.03.2025).
4. *Габдрахманова Г.Ф., Макарова Г.И.* «Культура имеет значение?» семейные и трудовые ценности русских и татар Башкортостана // Гуманитарий Юга России. 2019. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kultura-imeet-znachenie-semeynye-i-trudovye-tsennosti-russkih-i-tatar-bashkortostana> (дата обращения: 30.03.2025).
5. *Пармеева В.И.* Культурно-этнические особенности переживаний татар в экстремальных ситуациях / В.И. Пармеева // Бюллетень науки и практики. 2020. Т. 6, № 7. С. 323-326.

Структура самооффективности педагога: кросс-культурная специфика

Серебрякова Ю.В.

ГАОУ ВО МГПУ, Москва, Россия
serebryakovauv@gmail.com

Чибисова М.Ю.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия
tu.chibisova@mpgu.su

В современном образовательном пространстве большое внимание уделяется вопросам личной и профессиональной эффективности педагогов. Эти параметры, с одной стороны, связаны с психологическим благополучием и профилактикой выгорания учителя, а с другой – влияют на образовательные результаты обучающихся, эффективность освоения ими материала, а также на создание безопасной и эффективной образовательной среды. Личная и профессиональная эффективность учителя предполагает не только профессиональные компетенции, но и определенные профессионально значимые качества (эмоциональный интеллект, стрессоустойчивость и

пр). Важное место среди этих качеств принадлежит профессиональной самоэффективности педагога, которая трактуется нами как частный случай общей самоэффективности. А. Бандура, обозначивший феномен самоэффективности в научной психологии, понимает под ней убеждения человека относительно своей способности эффективно действовать в той или иной ситуации в определенных условиях, (Бандура, 2000).

Как с исследовательской, так и с практической точки зрения особый интерес представляет структура самоэффективности учителя. Одной из наиболее распространенных моделей является факторная структура, выделенная L. Duffin, B. French, H. Patrick при факторизации исследовательской методики «Шкала самоэффективности учителя» (The Teachers' Sense of Efficacy Scale), (Duffin, French, Patrick, 2012). Согласно этой модели, структура самоэффективности педагога включает три компонента: эффективность вовлеченности обучающихся, эффективность стратегий обучения, эффективность управления классом (Efficacy in Student Engagement, Efficacy in Instructional Strategies, Efficacy in Classroom Management).

Для выявления структуры самоэффективности учителя мы осуществили процедуру адаптации данной методики для использования в российском образовательном пространстве. Был осуществлен перевод методики на русский язык с участием экспертов-филологов, проведен факторный анализ, позволяющий на выборке русскоязычных педагогов выделить факторную структуру и сопоставить получившийся набор пунктов шкал с исходным для последующего анализа. Факторный анализ осуществлялся по методу Варимакс.

Выборка состоит из 205 действующих учителей московских школ. Гендерный состав: 19,5% – мужчины, 80,5% – женщины, уровень образования: 4,4% имеют среднеспециальное образование, 91,7% – высшее, 2,4 % – оконченную аспирантуру и 1,5% – ученую степень, 31,7% респондентов являются учителями начальных классов, оставшиеся 69,3% преподают на уровне основного и среднего общего образования. Большинство респондентов, а именно, 77,1% имеют классное руководство в данный момент или были классными руководителями в течение последних трех лет. Средний возраст

опрошенных респондентов составляет 43 года, средний стаж педагогической деятельности – около 19 лет.

По результатам факторного анализа мы также выделили три компонента в структуре самоэффективности учителя, которые в соответствии со своим содержанием, получили следующие названия: «Учебные/предметные аспекты», «Индивидуальный и дифференцированный подход», «Организационные аспекты». Поскольку наши структурные компоненты только частично соответствовали оригинальной модели, мы приняли решение дать им другое название.

Нами было замечено, что распределение пунктов адаптированного опросника по шкалам частично совпадает с оригинальным вариантом методики, но также имеет различия в части пунктов. Так, например, в каждой шкале, полученной нами, присутствует не менее половины пунктов шкалы оригинальной методики, а шкала, названная нами «Организационные аспекты», в оригинале «Эффективность управления классом (Efficacy in Classroom Management)», совпадает по 6 из 8 пунктов. В частности, пункты: «Отвечать на «неудобные» вопросы учеников», «Формулировать интересные для обсуждения и/или проблематизирующие вопросы», «Привести другой пример/дать другое объяснение, если ученикам непонятен материал урока», «Спокойно реагировать на учеников, которые ведут себя вызывающе», в результате анализа были отнесены к шкале «Учебные/предметные аспекты», в то время как в оригинальном опроснике, эти пункты соответствуют шкале «Эффективность стратегий обучения» (Efficacy in Instructional Strategies). Пункты «Помогать учащимся увидеть ценность знаний», «Развивать креативность/творческие способности учеников», «Помогать разобраться в материале отстающему ученику» в оригинальной методике отнесены к шкале «эффективность вовлеченности обучающихся» (Efficacy in Student Engagement), в то время как в нашем случае они были отнесены к шкале «Индивидуальный и дифференцированный подход».

На основании анализа полученных результатов можно сделать вывод о том, что структура самоэффективности педагога представляет собой культурно-универсальный феномен, однако может демонстрировать культурно-специфические черты, связанные с тем,

что в различных социокультурных ситуациях от педагога ожидаются разные модели поведения и подходы к решению профессиональных задач.

Литература

1. Бандура А. Теория социального научения. — СПб. : Евразия, 2000. 320 с.
2. Duffin, L., French, B., & Patrick, H. (2012). The Teachers' Sense of Efficacy Scale: Confirming the factor structure with beginning pre-service teachers. *Teaching and Teacher Education*, 28(6), 827-834. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2012.03.004>

Проблема эмоционального выгорания у спортсменов

Сидячева Н.В., Иванова Г.А.

ФГБОУ ВО ГУП, Москва, Россия

sidna@bk.ru, moscowgaly@gmail.com

Проблема эмоционального выгорания заслуживает особого внимания, так как оно влечет за собой неудовлетворенные потребности, несбывшиеся ожидания, что является угрозой как для психофизического, так и для морально-волевого и эмоционального состояния человека, в том числе – для спортсмена.

Эмоциональное выгорание – это ответная реакция на длительные профессиональные стрессы межличностных коммуникаций, включающая три взаимосвязанных измерения: эмоциональное истощение, деперсонализацию и редукцию персональных достижений (Водопьянова, Старченкова, 2005). В спорте это может проявляться в апатии к тренировкам, снижении спортивных показателей, повышенной раздражительности, проблемах со сном и даже развитии депрессии.

История изучения эмоционального выгорания тесно связана с именем американского психиатра Х.Дж. Фрейденберга, который впервые описал это состояние в 1974 году (Ларина, 2018). Однако

актуальность эмоционального выгорания для мира спорта лишь в последние годы начала привлекать должное внимание исследователей.

Существуют разные подходы к определению данного феномена. Так, по мнению Р. Смита, эмоциональное выгорание – это реакция на хронический стресс, включающая физические, поведенческие и когнитивные компоненты. Наиболее яркой чертой психического выгорания является психологический, эмоциональный, а иногда и физический уход от активности, которая ранее служила источником удовольствия для спортсмена.

Р.С. Уэйнберг и Д. Гоулд выделили такие характеристики эмоционального выгорания, как физическое и психическое истощение в виде потери интереса к реализуемой деятельности, энергетических ресурсов и веры в себя.

Значительный вклад в изучение данной проблемы внесли В.В. Бойко, М.В. Борисова, В.А. Бодров, Н.Е. Водопьянова, В.Е. Орел, С. Сиднева, и др.

В.В. Бойко выделяет три фазы синдрома эмоционального выгорания: напряжение, резистенция, истощение. М.В. Борисова указывает на то, что на эмоциональном уровне синдром выгорания проявляется в депрессивных состояниях (пониженном эмоциональном тоне, чувстве подавленности), частом переживании негативных эмоций без видимых внешних причин (вины, обиды, страха, стыда, гнева), чувстве неполноценности, неосознанном беспокойстве и повышенной тревожности, раздражительности и частых нервных срывах. По мнению Н.Е. Водопьяновой, выгорание – это «ответ» на долговременные «стрессы межличностных коммуникаций» (Водопьянова, 2005). Оно включает комплекс отрицательных психологических переживаний, связанных с долгосрочными, эмоционально насыщенными и сложными межличностными взаимодействиями с другими людьми. В.Е. Орёл в своих исследованиях рассматривал психическое выгорание как дезадапционный профессиональный феномен. По мнению автора, это состояние включает в себя эмоциональное истощение, деперсонализацию и снижение профессиональных достижений. В последние годы все больше исследователей занимаются изучением личностных факторов профессионального выгорания (Крушельницкая и др., 2024).

В спортивной сфере эмоциональное выгорание рассматривается как трехмерный конструкт, включающий эмоциональное и физическое истощение, снижение ощущения личных достижений и нивелирование значимости спортивных успехов. Эта модель, предложенная спортивным психологом Т. Ридеком, базируется на концепции выгорания К. Маслач и С. Джексон, заменяя деперсонализацию (негативное отношение к объектам труда) компонентом обесценивания достижений в спорте (Ларина, 2018). Проявления эмоционального выгорания в спорте можно разделить на четыре категории:

1) физические: (нарушения сна, постоянные головные боли, проблемы с желудочно-кишечным трактом, упадок сил, частые болезни, низкая активность, усталость);

2) эмоциональные (депрессия, ощущение безысходности, злость, раздражительность, напряжение, подавленное настроение, тревожность);

3) поведенческие (нежелание соревноваться, употребление запрещенных веществ, потеря интереса к спорту, ухудшение результатов, избегание тренировок, проблемы в общении);

4) когнитивные (изменение ценностей, негативные убеждения, восприятие спорта как чрезмерно требовательного) (Cohn, 1990).

Исследования И.Л. Левиной и А.А. Артемьевой позволили выявить достаточно высокую распространенность проявлений эмоционального выгорания у спортсменов, где наиболее внушительными причинами являются частые и сильные переживания во время занятий спортом, эмоциональное опустошение к концу тренировочного или соревновательного дня, предельное нервное напряжение перед соревнованиями, трудности засыпания из-за переживаний, связанных с занятиями спортом (Левина, Артемьева, 2023).

Результаты исследования Е.И. Бериловой и А.С. Распоповой подчеркивают значимость личностных свойств как психологических ресурсов преодоления феномена выгорания у спортсменов (Берилова, Распопова, 2022).

Многими отечественными исследователями подтверждено, что ощущение удовлетворения от своей профессиональной деятельности у спортсменов постепенно снижается, что объясняется возрастанием критичности восприятия своих достижений и возможностей в условиях повышенной соревновательной нагрузки (Maslach, 1994). Также

отмечено существенное усиление выгорания в соревновательный период (Maslach, 1994). В течение спортивного сезона может усиливаться чувство обесценивания спорта (Raedeke, 1997). С течением времени спортсмены проявляют склонность к более негативной оценке своих спортивных возможностей, что приводит порой к желанию дистанцироваться от выбранного вида спорта (Maslach, 1994). Степень физического и эмоционального истощения изменяется менее значительно со временем и в меньшей степени зависит от сезона. Специалисты подчеркивают важность своевременного обнаружения даже малейших признаков выгорания, игнорирование которых может серьезно сказаться на дальнейших спортивных достижениях (Maslach, 1994; Raedeke, 1997).

Таким образом, анализ отечественных и зарубежных психологических подходов к изучению эмоционального выгорания у спортсменов показывает наличие разных исследовательских точек зрения, благодаря которым в последние годы научное понимание данного феномена углубляется и становится все более целостным. Однако имеющиеся результаты исследований все еще не позволяют ответить на многие важные вопросы, в том числе, касающиеся специфики эмоционального выгорания у спортсменов разного пола, определенных видов спорта или различной квалификации. Глубокое понимание факторов риска, симптомов и особенностей развития эмоционального выгорания у спортсменов могло бы стать благоприятной почвой для разработки методов его профилактики, что чрезвычайно важно для обеспечения психического здоровья спортсменов и достижения ими устойчивых высоких результатов.

Литература

1. *Берилова Е.И., Распопова А.С.* Психологические регуляторы выгорания у спортсменов разной квалификации // *Физическая культура, спорт – наука и практика.* 2022. №3. С. 78-83.
2. *Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С.* Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб.: Питер, 2005. 336 с.

3. *Иванова Г.А., Кульченкова Е.М., Сабина Н.А., Ракитина О.В.* Стрессоустойчивость как качество спортсмена // Сборник материалов II межрегиональной научно-практической конференции для школьников, студентов и работников образования. 7 апреля 2022 г. ФГБОУ ВО «ЯГПУ им. К.Д. Ушинского». Ярославль: Канцлер, 2022. С. 66-72.
4. *Крушельницкая О.Б., Кочетков Н.В., Маринова Т.Ю., Орлов В.А., Расходчикова М.Н., Хаймовская Н.А.* Личностные факторы профессионального выгорания у школьных учителей // Консультативная психология и психотерапия. 2024. Том 32. № 1. С. 139–157. DOI: 10.17759/cpp.2024320107.
5. *Ларина Ю.А.* Эмоциональное выгорание: историко-теоретический аспект // Вестник магистратуры. 2018. №12-4 (87). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalnoe-vygoranie-istoriko-teoreticheskiiy-aspekt>.
6. *Левина И.Л., Артемьева А.А.* Эмоциональное выгорание спортсменов // Теория и практика физической культуры. 2023. №3.
7. *Уэйнберг Р.С., Гоулд Д.* Основы психологии спорта и физической культуры. Киев: Олимпийская литература, 2001.
8. *Cohn P.J.* An exploratory study on sources of stress and athlete burnout in youth golf // Sport Psychologis. 1990. Vol. 4 (2).
9. *Cox T., Griffiths A.* (ed.) The Burnout Companion to Study and Practice. A Critical Analysis, L., 1998.
10. *Madigan D. J., Olsson L. F., Hill A. P., Curran T.* (2022). Athlete burnout symptoms are increasing: a cross-temporal meta-analysis of average levels from 1997 to 2019. J. Sport Exerc. Psychol. 44, 153–168. doi: 10.1123/jsep.2020-0291
11. *Maslach C. A.* Multidimensional Theory of Burnout // Theories of Organizational Stress, Oxford, 1994.
12. *Pires D.A., Ugrinowitsch H.* (2021). Burnout and coping perceptions of volleyball players throughout an annual sport season. J. Hum. Kinet. 79, 249–257. doi: 10.2478/hukin-2021-0078.
13. *Raedeke T.D.* Is athlete burnout more than just stress? A sport commitment perspective // Journal of Sport & Exercise Psychology. 1997. Vol. 1.

О профилактике школьного буллинга в подростковой среде

Сластина В.Б.

ФГБОУ ВО МГППУ, Тула, Россия

viktoria.slastina@mail.ru

Проблема школьного буллинга – одна из наиболее распространенных в образовательных организациях. Травля приводит не только к снижению мотивации учения и академической успеваемости детей, но и к существенным проблемам личностного развития и социализации школьников, таким, как рост невротизации и склонность к суицидальному поведению. По данным ООН, насилию, в том числе, в процессе буллинга, в образовательной организации подвергается не менее десяти процентов школьников в мире (Лафицкая, 2023; Smith, Slater, 2019; Yang, Chen, Chan, 2021).

Специалисты уделяют большое внимание исследованию и профилактике буллинга. Так, например, Ш. Морита предложил «теорию четырехслойной структуры групп буллинга». Согласно данной теории, буллинг – это не проблема между жертвами и обидчиками, а проблема групповой динамики, всей системы межличностных отношений в школьном классе. Данная теория получила широкое признание среди психологов-исследователей (Фазилова, 2024). В русле этой теории были проведены исследования, в которых изучалась связь между психологическими особенностями участников буллинг-структуры и самим феноменом буллинга, в том числе: системный подход к рассмотрению буллинга, его составляющих и причин возникновения (Д. Олвеус, Д. Роланд, А.А. Реан); индивидуально-личностный подход (Т.Г. Гришина, И.С. Кон, В.Р. Петросянц, Д.Н. Соловьёв); современные исследования о преимущественном влиянии факторов микро- и макросоциальной среды на подростковый буллинг и о психологических и социальных последствиях насилия для психического развития человека (Е.Н. Волкова, И.В. Волкова, Т.Г. Гришина, А.А. Реан); теория использования потенциала первичного коллектива в профилактике буллинга среди школьников подросткового возраста (Д.Н. Соловьёв) (Фазилова, 2024; Smith, Slater, 2019; Yang, Chen, Chan, 2021). Наиболее часто школьный буллинг встречается в группах учащихся-подростков.

В целях профилактики буллинга для учащихся 7 и 8 классов общеобразовательной школы нами была разработана учебная программа, занятия по которой проводились в течение учебного года. Экспериментальные группы составили ученики седьмого «Б» и восьмого «Б» классов (25 и 32 человек соответственно), контрольные – ученики седьмого «А» и восьмого «А» классов (25 и 33 человек).

Для оценки результативности программы использовались социометрия (Дж. Морено), «Опросник риска буллинга» (Бочавер и др., 2015), методика «Виды агрессивности» (Почебут, 2012), с помощью которых сравнивались данные учащихся до и после проведения цикла занятий.

В экспериментальной группе занятия (60-90 минут каждое) проводились с учащимися каждого класса в течение 4 недель с интенсивностью 1–2 раза в неделю. Общий объем программы 29 часов. Тренинговые упражнения были направлены на развитие у подростков просоциальных ценностей, ответственности за свои поступки, толерантности в межличностном и межгрупповом общении, эмпатии, самопринятия и уверенности в себе. На занятиях школьники учились конструктивно подходить к решению сложных, в том числе, конфликтных ситуаций взаимодействия, развивали навыки эмоциональной саморегуляции в процессе общения.

Формы проведения занятий: групповые беседы, тренинговые упражнения, мини-лекции, дискуссии, ролевые игры.

В контрольной группе занятия по программе не проводились.

Сравнение данных первичного и повторного обследования учащихся по вышеперечисленным методикам помощью Т-критерия Вилкоксона показало наличие в экспериментальных группах положительной динамики снижения уровня агрессивности поведения, а также повышения социометрического статуса в группе у подростков, которые ранее занимали самые низкие позиции в структуре внутригрупповых отношений ($p < 0,05$). Сравнительный анализ также подтвердил статистически значимое снижение показателей по шкале «Разобщенность» и повышение – по шкалам «Благополучие» и «Равноправие» «Опросника риска буллинга» ($p \leq 0,05$). В контрольных группах изменений выявлено не было.

На наш взгляд, полученные результаты подтверждают результативность профилактической программы для участвовавших в

ней подростков 7 и 8 классов. Полученные в нашем исследовании данные могут использоваться в работе школьных психологов и педагогов с целью повышения эффективности профилактики и преодоления буллинга.

Литература

1. Бочавер А.А., Кузнецова В.Б., Бианки Е.М., Дмитриевский П.В., Завалишина М.А., Капорская Н.А., Хломов К.Д. Опросник риска буллинга (ОРБ) // Вопросы психологии, 2015. №5.
2. Лафицкая Е.К. Обзор современных отечественных и зарубежных исследований буллинга в подростковой среде (за последние 10 лет) // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2023. №6. С. 278-288. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2023-6-36>
3. Почебут Л.Г. Кросс-культурная и этническая психология. СПб.: Питер, 2012.
4. Фазилова А.Э. Личностные установки, влияющие на ролевую позицию в буллинге // Мир науки. Педагогика и психология. 2024. Т. 12. №3.
5. Smith P. K. & Slater M. The effects of bullying on academic achievement and school absences: Findings from the School Health Promotion study/P.K.Smith, M.Slater//Journal of Educational Psychology. 2019. P. 1025–1034.
6. Yang C., Chen, C., Lin, X., Chan, M.-K. (2021). School-wide social emotional learning and cyber bullying victimization among middle and high school students: Moderating role of school climate. School Psychology, 36(2), 75–85. <https://doi.org/10.1037/spq0000423>

Факторы потребительского поведения старших подростков

Слюсаренко А.М.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
andresliusarenko@yandex.ru*

Сачкова М.Е.

*ФГБОУ ВО РАНХуГС, Москва, Россия
sachkova@list.ru*

Исследования, рассматривающие проблематику потребительского поведения, являются особенно перспективными и актуальными в настоящее время. При этом известно, что значимую часть потребителей во многих сферах товаров и услуг составляют подростки. По данным компании OpenBusiness, объем рынка товаров для детей и подростков в современной России в 2014 г. составил 507 миллиардов рублей (Аянян, 2015), в 2018 г. эта цифра достигла 780 миллиардов рублей.

Процесс принятия потребительского решения зачастую сильно отличается у разных типов потребителей. На данный процесс оказывает колоссальное влияние множество факторов, в том числе и тех, что являются предметом изучения социально-психологических наук. Ученые по всему миру сходятся в том, что уровень влияния медиаресурсов на формирование представлений подростков о собственном идеальном образе крайне высок. Зарубежные исследователи указывают на то, что посредством ежедневного воздействия на психику путем демонстрации примеров образцов, педалируемых посредством рекламы, продуктов культуры, в том числе кинокартин или сериалов, у подростков проявляется тенденция быть похожими на навязываемые идеалы внешности (Рамси, Харкорд, 2009).

В вопросе формирования и развития потребительского поведения не стоит недооценивать влияние окружения. Так, было установлено, что референтность группы, в состав которой входит подросток, во многом определяется степенью признания данного подростка в группе сверстников (Сачкова, 2011; Терехина, 2010). Из этого следует, что подросток стремится к идентификации со значимой для него группой, которая, при этом, сможет принять его, тем самым доказав его важность. Неоспоримой является роль межличностных отношений в процессе полноценной социализации и развития подростка, что,

несомненно, оказывает влияние на все сферы личности, в том числе и на специфику выбора модели потребительского поведения.

Помимо учета влияния внешних факторов необходимо рассматривать и внутренние факторы потребления – личностные особенности самого индивида. Отечественные исследователи отмечают, что особую роль играют, например, такие особенности индивида, как мотивационно-волевые характеристики личности (Дейнека, Бушуйкина, 1996). Наиболее примечательной, с точки зрения социальной психологии, является группа коммуникативных факторов личности, детерминирующих потребительское поведение. В исследованиях установлено, что люди, обладающие повышенной эмпатией, могут испытывать трудности при выборе товаров потребления, зачастую сравнивая их по критерию правильности (Посыпанова, 2013). Другие социально-психологические феномены потребительского поведения подростков пока, к сожалению, изучены недостаточно, более того, особый исследовательский интерес представляет то, насколько значимым оказывается влияние отношения подростка к самому себе.

Перспективы развития данного научного направления являются актуальными как из-за постоянно растущего спроса и потребительских способностей подростков, так и из-за колоссального влияния личностных и средовых факторов на принятие потребительского решения.

Литература

1. *Аянян А.Н.* Особенности потребительской социализации детей старшего дошкольного возраста (сравнительный анализ данных 2009 и 2014 гг.) // Мир психологии. 2015. № 1. С. 122–132.
2. *Дейнека О.С., Бушуйкина О.Ю.* Личностные корреляты характеристик выбора в экономическом и политическом поведении // Психология: итоги и перспективы / Под ред. А.А. Крылова. СПб.: Питер, 1996.
3. *Посыпанова О.С.* Особенности мотивации демонстративного потребления провинциальной молодежи // Социальная психология и общество. 2013. Том 4. № 3. С. 116–129.

4. *Рамси Н., Харкорт Д.* Психология внешности. СПб.: Питер, 2009.
5. *Сачкова М.Е.* Среднестатусный учащийся: онтогенетический аспект анализа. М.: Янус-К, 2011.
6. *Терехина Н.В.* Ведущая деятельность подросткового возраста с точки зрения основных задач развития // Психологическая наука и образование. 2010. Том 15. № 5. С. 43–51.

Особенности удовлетворенности браком у представителей разных социальных культур

*Смолянова Л.А., Хаймовская Н.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
smolianova2022@gmail.com*

В рамках работы изучен вопрос удовлетворенности браком и факторов, влияющих на степень удовлетворенности семейной жизнью. Выбранная тема исследования является актуальной в связи с тем, что 2024 г. был объявлен в России годом семьи для поддержания и сохранения традиционных семейных ценностей.

В рамках работы изучены труды российских и зарубежных специалистов, выявлен список наиболее значимых факторов. Наиболее полное определение термина дал С.И. Голод, считавший, что удовлетворенность браком – это «адекватное представление о семье, сложившееся у человека в результате различных воздействий, в том числе опыта в данной сфере» (Голод, 1984). Специалисты, в том числе, такие как Л.Л. Баландина (Баландина, 2014), В. Гавеля (Гавеля, 2022), С.М. Proulx, Н.М. Helms, С. Buehler (Proulx, Helms, Buehler, 2007), Н.В. Смирнова, считают, что удовлетворенность браком оказывает влияние на различные сферы жизни. Неудовлетворенность семейной жизнью может привести к негативным последствиям (Волкова, 2004).

При этом, несмотря на большое количество исследований, полный список факторов, влияющих на нее, окончательно не установлен. В связи с этим поставлена цель: определение взаимной связи социально-культурных особенностей супругов и уровня удовлетворенности браком, а также субъективного переживания чувства одиночества.

В рамках работы предполагается, что у представителей коллективистских культур уровень удовлетворенности браком выше, а чувство субъективного одиночества возникает реже. Это связано с особенностями общения с родственниками, традиционным представлением о семье, причинами свадьбы и другими социально-культурными особенностями.

Целью исследования выступало определение взаимосвязи социально-культурных особенностей супругов и уровня удовлетворенности браком, а также субъективного переживания чувства одиночества. Была сформулирована следующая гипотеза: предполагается, что удовлетворенность браком у представителей коллективистских культур выше, чем у представителей индивидуалистских культур, а чувство субъективного одиночества чаще переживают представители индивидуалистских культур. Это связано с тем, что наличие общины или удаленность от родственников, свадьба по «договоренности» или «по велению сердца» и другие характеристики социальной культуры оказывают непосредственное влияние на уровень удовлетворенности браком.

Для достижения цели проведено эмпирическое исследование с использованием 4 методик тестирования: опросник «Измерение установок в семейной паре»; шкала субъективного одиночества; измерение романтической привязанности MImara; шкала созависимости. В опросах приняло участие 60 человек с одинаковыми исходными характеристиками: срок брака, наличие детей, высшее образование, возраст. 30 человек – представители еврейской бухарской общины, проживающие в различных городах; 30 человек – москвичи. Выборка обоснована тем, что представители общины имеют традиционные взгляды, находятся в тесной взаимосвязи с общиной, а москвичи, наоборот, дистанцированы от родственников и относятся к представителям индивидуалистских культур.

Результаты исследования по методике измерения субъективного одиночества показали, что среди представителей еврейской бухарской общины нет людей, часто чувствующих себя одинокими, лишь в двух вопросах 4,3% выбрали ответ «часто». Тогда как 3,1% москвичей часто несчастливы, так как им приходится заниматься многими вещами в одиночку, 7,7% отмечают, что их никто не понимает, 16,9% считают, что их в действительности никто не знает.

Опросник измерения романтической привязанности показал, что представители еврейской общины намного реже считают себя ревнивыми. В данной группе ответы «согласен» и «совершенно согласен» отсутствуют, тогда как среди москвичей 30,6% считают себя ревнивыми. Среди москвичей встречаются случаи расставаний с партнерами, тогда как у евреев таких случаев не выявлено. Москвичи чаще отмечают отсутствие партнера рядом в момент необходимости: 36,7% против 12,5% у представителей общины.

По результатам опроса по шкале созависимости отмечено, что степень созависимых моделей у представителей еврейской общины чаще низкая или средняя, тогда как у москвичей встречается высокая и даже очень высокая степень. Так 20,4% москвичей отказываются от ответственности, тогда как у представителей еврейской общины такого желания не возникает.

Измерение установок в семейной паре показывает, что представители еврейской общины менее оптимистичны, чем москвичи и выше ценят роль детей в семье. Например, с тем, что семья без детей неполноценная, согласно 50% евреев и всего 14,3% москвичей. Представители еврейской общины более ориентированы на совместную деятельность во всех сферах жизни, среди москвичей с этим согласны только 38,1%.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование доказывает выдвинутую в работе гипотезу. По результатам анализа тестов видно, что уровень удовлетворенности браком у членов еврейской общины, являющихся представителями коллективистских культур выше, чем у москвичей. А чувство субъективного одиночества у жителей Москвы, являющихся представителями индивидуалистских культур, возникает чаще.

Литература

1. Баландина Л.Л. Удовлетворенность браком в системе родительно-детских и супружеских отношений // Вестник ПГТПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. №1. С. 125–136.

2. *Волкова А.Н.* Психология брака и семьи: учебно-методическое пособие к курсу «Психология семьи и семейная психотерапия. СПб. : ПМА, 2004. 88 с.
3. *Гавеля В.* Удовлетворенность браком // Государственная администрация г. Брендеры. 2022. URL: <https://bendery.gospmr.org/7447-udovletvorennost-brakom.html>
4. *Голод С.И.* Стабильность семьи. Социологический и демографический аспекты / С.И. Голод. Ленинград: Наука, 1984. 135 с.
5. *Proulx C.M., Helms H.M., Buehler C.* Marital quality and personal well-being: A meta-analysis // *Journal of Marriage and Family*, 2007. P. 576–593.

Отношение к киноискусству и выраженность эскапизма современной молодежи

Солнцев И.А., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

iasolntsev@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

В современном мире кинематограф стал неотъемлемой частью повседневной жизни и культуры. При этом можно говорить о том, что кино в качестве досуга выбирают очень большое количество людей, при этом их количество находится на постоянно высоком уровне или даже возрастает. Подобное сильное увлечение каким-либо делом может быть объяснено эскапизмом – уходом от реальности, которое может иметь негативные проявления (Шалагинова, Декина, Ключнева, 2024). Целью нашей работы было проследить то, как связаны между собой отношение к кинематографу и выраженность эскапизма.

Для достижения данной цели мы использовали методику диагностики эскапизма (Теславская, Савченко 2019), а также авторский опросник на определения отношения к киноискусству. Данный опросник опирается на теорию отношений В.Н. Мясищева и включает три шкалы: эмоциональную, когнитивную, поведенческую. Киноискусство было разбито нами на две составляющие (исходя из статистики просмотров) – полнометражное кино и сериалы.

Выборку нашего исследования составили 80 респондентов в возрасте от 16 до 24 лет, 50% представителей мужского пола и 50% – женского.

В результате проведенного эмпирического исследования оказалось, что существует прямая корреляционная связь ($r = 0,226$; $p = 0,02$) между эмоциональным компонентом отношения к киноискусству (и у фильмов, и у сериалов) и такой составляющей эскапизма, как «состояние потока». Эта связь ожидаема, так как состояние потока в первую очередь характеризуется уходом от реальности с целью получения положительных, приятных эмоций, что в свою очередь соответствует релаксационной функции эскапизма как самой безопасной (Белов, 2017).

Обнаружена обратная связь между поведенческим компонентом отношения к фильмам и сериалам и составляющей эскапизма «неудовлетворенность и избегание» ($r = -0,235$; $p = 0,036$). Высокие баллы по шкале «неудовлетворенность и избегание» означают наличие внутриличностного конфликта, глобальной неудовлетворенности жизнью и собой, общую пассивную жизненную позицию. Вопросы на поведенческий компонент отношений дают представление о том, насколько реально погружен человек в ту или иную деятельность, в нашем случае – в потребление киноконтента. Мы можем интерпретировать это следующим образом. В исследуемой нами возрастной группе основной психологической проблемой является поиск идентичности, собственного «Я» и своего места в жизни, молодым людям нужны моральные ориентиры и, что самое важное, пища для размышления, необходимая для внутреннего диалога и способствующая формированию собственного мнения. Важно отметить, что в процессе соприкосновения молодого человека с произведениями искусства его идентичность формирует не содержание и эстетические формы, а, с точки зрения В.Н. Мясищева, – система отношений к ним. Таким образом, можно говорить о том, что просмотр фильмов и сериалов может способствовать поиску молодым человеком своей идентичности и адаптации в жизни, что, в свою очередь, способствует уменьшению внутриличностных конфликтов, разочарования в жизни. Эти данные подтверждаются другими

исследованиями, подчеркивающими положительное терапевтическое воздействие кинематографа (Казаков 2012).

Кроме этого, были найдены гендерные различия в изучаемых взаимосвязях. Так, у представителей женского пола существует взаимосвязь между эмоциональным компонентом отношения к киноискусству и состоянием потока ($r = 0,411$; $p = 0,008$), тогда как у представителей мужского пола такой связи не наблюдается. Это можно объяснить большей эмоциональностью женщин, что отчасти подтверждается большей выраженностью у них эмоционального компонента отношения ($U = 338$; $p \leq 0,01$). Надо заметить, что уровень эскапизма также больше выражен именно у женщин ($U = 593$; $p \leq 0,05$), что противоречит полученным ранее данным (Теславская, Савченко 2019).

Интересным нам кажутся различия в отношении к киноискусству респондентов с разными критериями выбора картин для просмотра (рейтинг, жанровая принадлежность, рекомендации значимых людей или случайный выбор). Оказалось, что у респондентов, выбирающих фильмы случайно или делающих выбор на основе рейтинговой системы, показатель эмоционального компонента отношения к кинематографу статистически достоверно оказался на самом низком уровне. Те, кто выбирал фильм для просмотра, основываясь на жанровой принадлежности картины или по советам и рекомендациям, показали более высокий уровень эмоциональной включенности. В целом можно попытаться объяснить это тем, что люди, выбирающие фильм случайным образом, чаще всего смотрят его «фоном», что не предполагает сильной эмоциональной вовлеченности, равно, как и в случае с рациональным подходом, основывающимся на рейтинге. Выбор по рекомендации друзей или выбор фильма внутри конкретного жанра более субъективны и, следовательно, «эмоционально заряжены».

Литература

1. Белов В.И. Эскапизм: причины, функции и границы // Инновационная наука. 2017. № 03(1). С. 270–276.

2. Казаков К.А. Кинематограф как инструмент фасилитации субъектогенеза // Педагогика и психология образования. 2012. № 4. С. 95–104.
3. Теславская О.И., Савченко Т.Н. Субъективное качество жизни и психологическая адаптация у лиц с низким, средним и высоким уровнем эскапизма // Экспериментальная психология. 2019. Том 12. № 2. С. 162–176.
4. Шалагинова К.С., Декина Е.В., Клочнева Д.А. Профилактика видеоигровой зависимости у подростков со склонностью к эскапизму // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 10 (148). С. 1–4.

Агрессивное поведение подростков как социально-психологическая проблема

Степанова А.В., Литвинова А.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

lonelytruth@mail.ru, annaviktorovna@mail.ru

Существует множество теорий и подходов к объяснению возникновения агрессивного поведения. Так, например, представитель теории влечения и инстинкта З. Фрейд рассматривал агрессию как природное начало человека, а К. Лоренц считал агрессию врожденным инстинктом. Представители фрустрационной теории агрессии (Н. Доллард, Н. Миллер) полагали, что агрессия является ответом на фрустрацию, а автор теории социального научения А. Бандура говорил о том, что агрессивное поведение можно контролировать путем внешнего воздействия социальных факторов (Слугина, Попова, 2015).

Отечественные ученые также разделяли природу возникновения агрессивного поведения на биологическую и социальную. Представитель биологической теории М.В. Алфимова считала, что большую роль в формировании агрессивного поведения играют личностные характеристики человека, например, такие как неустойчивость нервной системы, слабая саморегуляция и волевой контроль, чрезмерная возбудимость и тревожность, а В.И. Секун связывал агрессивность с эмоциональной сферой человека. Сторонник

социальной теории Л.М. Семенюк писал о том, что агрессивное поведение является результатом воздействия на человека социальных факторов (низкий социальный статус семьи, агрессия со стороны родителей или близких, пропаганда жестокости, агрессивности в СМИ, отсутствие наказания или поощрение жестокого поведения в школе). Противоположной точки зрения придерживался Ю.М. Антонян, который утверждал, что не всякое агрессивное поведение можно понимать как разрушающее, но и как созидательное (Ениколопов, 2001). Однако большинство зарубежных и отечественных ученых понимали под агрессивным поведением разрушительное воздействие, влекущее за собой причинение физического и психического вреда другому организму или обществу в целом.

М.Ю. Кондратьев считал, что огромное влияние на поведение подростка, его отношение к окружающему миру и себе имеет группа, в которой он находится. В качестве такой группы может выступать как семья, так и группа сверстников. Если подросток воспитывается в семье с преобладанием агрессивной модели поведения, то и сам подросток, перенимая данную модель, будет вести себя агрессивно и враждебно по отношению к другим людям. Среди сверстников агрессивное поведение может закрепляться во время совместных игр, даже если агрессия выражается не только физически, но и вербально. Также М.Ю. Кондратьев отмечал, что тенденции к агрессивному поведению формируются в основном в условиях психотравмирующих ситуаций с высоким эмоциональным напряжением. Если ситуация будет носить благоприятный характер, то эти тенденции реализуются в социально желательную форму активности (Цыганова, 2011).

Подростковая агрессивность представляет собой проблему, которая требует комплексного подхода и эффективных форм коррекции и профилактики. Большинство трудов, посвященных подростковой агрессивности, направлены на изучение причин возникновения подростковой агрессивности, ее диагностики, коррекционной работы. Однако все еще существует дефицит исследовательских работ, посвященных профилактической работе с несовершеннолетними. Стоит отметить, что профилактическая работа только тогда будет иметь эффективное воздействие, когда в нее будут вовлечены не только подростки, но и родители и педагоги. Поэтому интерес к адекватно выстроенной, своевременной социально-психологической

профилактической работе по предупреждению подростковой агрессивности остается актуальным и обоснованным.

Профилактические мероприятия, направленные на предупреждение или нивелирование ранних признаков агрессивного поведения подростков, нужно начинать как можно раньше. Профилактические программы должны носить комплексный характер и быть направлены на всех участников образовательного процесса. В организацию мероприятий по реализации программы следует включать не только педагога-психолога, но и социального педагога, администрацию образовательного учреждения, классных руководителей, учителей-предметников, а также родителей. Программа должна быть адаптирована под возрастные особенности обучающихся как младшего, так и старшего подросткового возраста. Необходимо обучать подростков находить выход из трудных ситуаций, навыкам конструктивного разрешения конфликтов, развивать жизнестойкость, саморегуляцию, контроль над своими эмоциями. Педагогов и родителей необходимо учить распознавать первые признаки развития агрессивного поведения, техникам сглаживания конфликтных ситуаций и позитивного взаимодействия с подростками (Уруков, Московский, Шувалова, 2023).

Таким образом, на формирование и развитие агрессивного поведения подростков влияют как внешние, так и внутренние факторы. И поэтому для решения данной социально-психологической проблемы необходим комплексный подход, включающий в себя как работу с самими подростками, так и работу с родителями и педагогами, и обществом в целом. Работа должна носить не только диагностический и коррекционный, но и предупреждающий, профилактический характер. Однако важно отметить, что все же главным оплотом формирования гармоничной и психологически устойчивой личности является семья. Именно в ней закладывается отношение подростка к окружающему миру. Уважительное, доброе, терпеливое и бережное отношение друг к другу в семье, почитание норм и традиций общества, воспитание терпимости, благожелательности к другим людям, несомненно, будет способствовать развитию как высоконравственной личности подростка, так и общества в целом.

Литература

1. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. 2001. № 1.
2. Слугина Л.Б., Попова Р.Р. Концепт «агрессия» в биологических и социальных системах // Вестник ТГГПУ. 2015. №4 (42).
3. Уруков Ю.Н., Московский А.В., Шувалова Н.В. Характерные особенности проявления различных форм агрессивного поведения у подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79-4.
5. Цыганова Л.Н. Понятие «Агрессивность» в психолого-педагогической литературе. Особенности агрессивного поведения в подростковом возрасте // Вестник МГУ. 2011. №2.

Школьный буллинг как девиантное поведение учащихся

Суркова П.А., Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pollygagl@gmail.com

Буллинг в подростковой среде представляет собой устойчивую форму девиантного поведения, заключающуюся в систематическом физическом или психологическом насилии в отношении отдельного члена группы. В социальной психологии школьный буллинг рассматривается как результат нарушения межличностных взаимодействий в детско-подростковом коллективе, связанный с искаженными стратегиями социализации, групповым давлением и борьбой за статус. Особенно выражено это явление среди учащихся 7-х классов, поскольку подростки в возрасте 12–13 лет находятся в процессе формирования личностной и социальной идентичности. Они активно ищут свое место в системе школьных и внеклассных взаимоотношений, для них характерна повышенная чувствительность к оценкам со стороны сверстников, потребность в признании, принадлежности к группе и социальном одобрении. В этих условиях буллинг может рассматриваться как деструктивная форма социального

позиционирования – способ завоевания влияния в группе за счет унижения другого.

С точки зрения теории социальной идентичности Г. Тэджфела, подобное поведение может быть обусловлено стремлением к внутригрупповой сплоченности за счет отчуждения и агрессии по отношению к тем, кто не соответствует негласным нормам группы. В нестабильной образовательной среде, например, при расформировании классов, учащиеся теряют устойчивые социальные связи, что может усиливать чувство тревожности и одиночества, а также провоцировать поведенческие нарушения и склонность к агрессии. Можно выдвинуть гипотезу, что именно в данном промежуточном возрасте, во время активного освоения социальной среды, психика подростка наиболее подвержена травматическому опыту и негативным формам межличностного взаимодействия, в том числе школьному буллингу. В подобных условиях учащиеся, переживающие внутренние конфликты и не получающие социальной поддержки, могут как становиться жертвами агрессии, так и демонстрировать склонность к девиантному поведению.

На буллинг влияют объективные факторы, к которым относят, например, общий уровень насилия в образовательном учреждении, а также субъективные факторы (например, тип школы, структура класса, этнический состав учащихся и другие) (Белеева и др., 2020).

Некоторые исследователи считают, что буллинг обнаруживаются прежде всего в трех основных вариантах, которые представляют собой формы девиантного поведения: это агрессивное поведение, проявления конформизма и поведение жертвы (виктимность) (Ильминскова, 2015). В отличие от случайных, единичных выражений данных действий, буллинг подразумевает целенаправленность, регулярность и особую иерархическую структуру в классе, где школьники с самым низким статусом подвергаются систематическому психологическому (иногда и физическому) насилию.

Также исследования поведения разных участников процесса буллинга показывают, что именно для зачинщиков и помощников характерно проявление агрессии, они имеют высокий уровень конфликтности, импульсивны и бескомпромиссны (Тарасенко, Павлишак, 2022).

Для выявления психологических предикторов буллинга как формы девиантного поведения и адаптации подростков к образовательной среде планируется проведение эмпирического исследования с

556

применением следующих психодиагностических инструментов: тест на склонность к девиантному поведению (В.Н. Орел), методика оценки удовлетворенности жизнью и социальной адаптации (Н.В. Панина), методика смысловых ориентаций (Д.А. Леонтьев). Гипотеза исследования заключается в предположении, что подростки, склонные к девиантному поведению, демонстрируют более низкий уровень удовлетворенности жизнью и менее выраженные смысловые ориентации по сравнению с их сверстниками. Анализ полученных данных позволит выявить группы риска и разработать социально-психологические меры профилактики буллинга, ориентированные на укрепление внутренних ресурсов подростков, развитие эмоциональной устойчивости и повышение уровня социальной интеграции в классе.

Литература

1. *Андреанова Р.А.* Буллинг как феномен агрессивного преследования в образовательной среде // Подходы к профилактике агрессивного поведения детей и подростков в образовательной среде // Сб. науч. статей / Под ред. Вагнер И.В. М.: ФГБНУ «ИИДСВ РАО», 2020.
2. *Белеева И.Д., Заглодина Т.А., Панкратова Л.Э., Титова Н.Б.* Буллинг как социально-психологическое явление: анализ теоретических подходов и эмпирических исследований // Педагогическое образование в России. 2020. № 5. С. 131–136.
3. *Ильминскова В.В.* Буллинг как форма проявления девиантного поведения подростков // Психологическая культура и психологическое здоровье личности в современных социокультурных условиях: региональная научно-практическая конференция, Тольятти, 26 января 2015 года / Под ред: В.Е. Якунин, Е.А. Денисова, В.В. Пантелеева. Тольятти: Тольяттинский государственный университет, 2015. С. 118-121.
4. *Тарасенко М.Л., Павлишак А.И.* Исследование взаимосвязи буллинга и агрессивного поведения подростков в образовательной организации // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10 № 4 (Электронный ресурс). URL: <https://mir-nauki.com/PDF/51PSMN422.pdf>

Представления о связи профессиональной идентичности студентов колледжа и стиля педагогического общения

Суслина М.С., Орлов В.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Suslina.marija@mail.ru, Vladimirlov@bk.ru

Профессиональная идентичность как психологический феномен базируется на теории идентичности Э. Эриксона и статусах профессиональной идентичности, предложенных Дж. Марсиа. Э. Эриксон подчеркивал, что идентичность формируется через поиск себя и своего места в жизни, что включает в себя осознание уникальности, чувства тождественности и причастности к ценностям социальной группы (Erikson, 1968).

Самоопределение и формирование идентичности являются важнейшими аспектами психосоциального развития и ведут к самореализации личности в разнообразных видах деятельности, в частности, профессиональной.

Дж. Марсиа выделял четыре статуса профессиональной идентичности: диффузная, предрешенная, мораторий и достигнутая идентичность, которые отражают степень принятия обязательств и выбора в профессиональной среде (Marcia, 1993). А.А. Азбель подразумевает под профессиональной идентичностью, «отождествление себя с определенной профессиональной группой людей, принятие ее целей и ценностей, осознание себя членом этой группы. Для того, чтобы профессиональная идентичность сформировалась, необходимо ознакомиться с реальным содержанием профессии, условиями труда и т.д., а это недостижимо без минимальной включенности в профессиональную деятельность» (Азбель, 2004).

Студенческий возраст выступает как ключевой период формирования профессиональной идентичности. В этот период молодые люди активно осваивают профессиональные знания, навыки и компетенции, проходят практики и стажировки, что способствует осознанному выбору профессии.

Наиболее адекватными для студентов выступают статусы моратория и достигнутой идентичности, тогда как диффузная и

предрешенная профессиональная идентичность отражают отсутствие самостоятельного выбора или влияние внешних факторов на выбор профессии (Азбель, 2004, Холопова, 2022).

Формирование профессиональной идентичности тесно связано с образовательной средой колледжа, где качества обучения, поддержка со стороны преподавателей и стиль педагогического общения играют значительную роль. Как пишет Т.О. Бородовицына, «...педагог выражает свою индивидуальность через использование определенного стиля педагогического общения..., в свою очередь, отрицательное влияние деструктивного педагогического общения со студентами препятствует их успешной профессионализации и снижает уровень психологического благополучия» (Бородовицына, 2021, с. 105-106).

Стили педагогического общения, определенные К. Левиным (авторитарный, демократический, либеральный) влияют на мотивацию, вовлеченность и активность студентов, их отношение к будущей профессиональной деятельности. Так, демократический стиль, основанный на сотрудничестве и диалоге, способствует развитию инициативы, самостоятельности, что особенно важно для профессионального самоопределения и идентификации себя в профессии (Барышникова, 2021; Холопова, 2022). При авторитарной модели педагогического взаимодействия со студентами «воспитывается безынициативность обучаемых, теряется творческий характер обучения, искажается мотивационная сфера познавательной активности» (Ботвич, Ларюшкина, 2022, с. 14).

В процессе обучения в колледже студенты не только приобретают профессиональные знания и навыки, но и формируют представления о себе как о будущих специалистах. Поэтому важную роль в данном случае играет взаимодействие с преподавателями, которые могут выступать наставниками и фасилитаторами, помогая студентам осваивать профессиональные роли и ценности, глубже погружаться в будущую профессию, приобретать необходимые компетенции.

Таким образом, формирование профессиональной идентичности в студенческом возрасте выступает как сложный процесс, обусловленный сочетанием личностных, социальных и образовательных факторов. Стиль педагогического общения и качество образовательной среды колледжа играют ключевую роль в этом

процессе, способствуя осознанному выбору профессии и успешной адаптации к профессиональной деятельности.

Литература

1. *Азбель А.А.* Особенности формирования статусов профессиональной идентичности старшеклассников: автореф. дис. ... канд. психол. н.: 19.00.07 / Рос. гос. пед. ун-т им. А.И. Герцена. Санкт-Петербург, 2004. 18 с.
2. *Барышникова Е.Л.* Педагогические условия формирования профессиональной идентичности студентов колледжа // Педагогическое образование в России. 2021. № 6. С. 131-139.
3. *Бородовицына Т.О.* Коммуникативная компетентность как фактор психологического благополучия личности студента // Наукосфера. 2021. № 1–1. С. 101–108.
4. *Ботвич Т.А., Ларюшкина, А.В.* Глава I. Психологические основы направленности совместной продуктивной деятельности преподавателя и студента в высших учебных заведениях // Информационные системы и технологии: Монография / Научный редактор Л.Л. Буркова. Том Часть VI. М.: Издательство «Перо», 2022. С. 5-39.
5. *Холопова Е.С., Котова С.С.* Модель педагогического сопровождения формирования профессионально-педагогической идентичности студентов // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. № 4 (51). С. 162-168.
6. *Erlkson E.H.* (1968). Identity; Youth and crisis. New York: Norton Press.p 87.
7. *Marcia J.E.* (1993). The ego identity status an roach to ego identity. In J.E. Marcia, A.S.Waterman, D.R. Matteson, S.L. Archer, & J.L. Orlofsky (Eds.), Ego identity: A handbook for psychosocial research (C.. 1-21). New York: Springer-Verlag.

Совладающее поведение жертв навязчивого преследования (сталкинга)

Темирханова О.В.

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», Москва, Россия

Крюкова Т.Л.

*Костромской государственной университет, Кострома, Россия
5052065@gmail.com, tat.krukova44@gmail.com*

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 25-28-01462.

Несмотря на длительную историю навязчивого преследования (сталкинга), его общественная опасность признана лишь в конце XX века. Это явление выходит далеко за рамки частной проблемы, затрагивая не только жертв, но и их близких, а также специалистов, оказывающих помощь. Сталкинг включает как навязчивое поведение (звонки, сообщения, слежка), так и прямые угрозы жизни и здоровью. Цифровая среда упрощает возможности для преследования: по данным Лаборатории Касперского (2024), 15% из 1000 опрошенных россиян хотя бы однажды в своей жизни столкнулись с онлайн-преследованием в контексте новых романтических отношений.

Жертвы описывают свой опыт как «эмоциональное изнасилование» и «психологический терроризм» (Goldsworthy et al., 2014). Исследования фиксируют высокий уровень дистресса у пострадавших, связанный с тревогой, депрессией, суицидальными тенденциями, хроническими болями и посттравматическим стрессовым расстройством (Hauch, Elklit, 2023; Morris et al., 2019; Bailey, Morris, 2021.). Подчеркивается особая уязвимость людей, которых преследуют после разрыва супружеских и романтических отношений. Зарубежные исследования сосредотачиваются на способах преодоления последствий сталкинга жертвами, тогда как в отечественной науке эта проблема рассматривается преимущественно в правовом поле, не уделяя достаточного внимания психологическим аспектам. В связи с этим актуализируется вопрос о понимании особенностей совладающего поведения людей, переживших психотравмирующий опыт сталкинга в контексте российского общества.

В рамках данного исследования ставилась цель изучить уровень психологической травматизации и специфику копинг-стратегий взрослых, переживших stalking. Предполагалось, что совладание с опытом stalking, будет малопродуктивным, а выраженность симптомов посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) и комплексного ПТСР (КПТСР) будет значимо связана с используемыми копинг-стратегиями.

Выборка. Данные собирались посредством распространения Google-формы через социальные сети, форумы, группы поддержки и личные каналы. Выборку составили 102 человека (98 женщин и 4 мужчин) в возрасте от 18 до 63 лет ($M = 37,35$; $SD = 10,57$). Использовались: авторская анкета, опросник способов совладающего поведения (ОСС, WCQ, Lazarus, Folkman, 1988; адаптация Крюковой и др., 2004). Инструкция ОСС была модифицирована, фокусируя участников на конкретном негативном эпизоде stalking. Оценка выраженности симптомов ПТСР/КПТСР проводилась с помощью Международного опросника травмы, ITQ (Cloitre, 2018; адаптация Падун и др., 2022).

Результаты показали, что участники задействуют широкий спектр стратегий совладания, но ни одна из них не достигает высокого уровня напряженности. Наиболее часто использовались «самоконтроль» (61,11%), «поиск социальной поддержки» (59,31%), «бегство-избегание» (54,62%), «дистанцирование» (53,10%), «положительная переоценка» (51,40%), «конфронтативный копинг» (49,73%) и «принятие ответственности» (48,53%), однако степень их выраженности соответствуют среднему уровню. В то же время копинг «планирования решения проблемы» (49,95%) оказался выражен на низком уровне. С одной стороны, попытки пострадавших регулировать эмоции и искать внешнюю поддержку сами по себе являются достаточно адаптивными механизмами. С другой стороны, избегание проблемы и когнитивные усилия, направленные на снижение ее значимости, способны лишь временно уменьшать эмоциональное напряжение. Кроме того, пережившие stalking зачастую воспринимают происходящее как трудно прогнозируемую ситуацию, вследствие чего придание ей личностного смысла может становиться своего рода компенсацией, временно снижающей тревогу. Однако оно же способно нивелировать вероятность целенаправленного планирования действий в пользу тревожной антиципации негативного

562

развития ситуации. Сложившаяся картина отражает неоднозначность психологического состояния пострадавших и позволяет предположить, что адаптационный потенциал участников находится в пограничном состоянии и может быть недостаточным для эффективного преодоления долгосрочных психологических последствий stalking.

Оценка распространенности наиболее выраженных симптомов ПТСР/КПТСР показала следующее. Отмечены такие симптомы: ощущения текущей угрозы – у 61% респондентов, избегания – у 53%, повторного переживания – у 33% имеющих опыт stalking. Симптомы аффективной дисрегуляции были выявлены у 59% участников, негативная Я-концепция – у 38%, нарушения в межличностных отношениях – у 44%. Симптомы нарушения самоорганизации характерны для 33% опрошенных. В целом, признаки ПТСР присутствуют у трети респондентов, КПТСР – лишь у 15%.

Кроме того, обнаружены связи между выраженностью симптомов ПТСР и использованием определенных стратегий копинга у людей (женщин), переживших stalking. Так, при наличии симптомов ПТСР наиболее выраженная связь установлена со стратегией «бегство-избегание» ($r_s = 0,640$; $p \leq 0,001$); умеренная положительная корреляция симптоматики ПТСР с применением «конфронтативного копинга» ($r_s = 0,480$; $p \leq 0,001$). При наличии симптоматики КПТСР также подтверждена наиболее сильная связь с копинг-стратегией «бегство-избегание» ($r_s = 0,678$; $p \leq 0,001$). Умеренная по выраженности корреляция с «конфронтативным копингом» ($r_s = 0,466$; $p \leq 0,001$). Также выявлены значимые, но менее сильные корреляции симптоматики КПТСР с копинг-стратегиями «принятие ответственности» ($r_s = 0,383$; $p \leq 0,001$) и «дистанцирование» ($r_s = 0,342$; $p \leq 0,001$). Таким образом, результаты подтверждают, что у лиц, переживших stalking, выраженность симптомов ПТСР/КПТСР ассоциирована с преобладанием избегающе-конфронтационных стратегий совладания, что соответствует известным научным представлениям о непродуктивности данных копинг-стратегий в долгосрочной перспективе.

Таким образом, stalking как неконтролируемая угроза вынуждает его жертв использовать разнообразные стратегии совладания, не фокусируясь на какой-либо одной, что обусловлено необходимостью постоянной адаптации. В таких условиях первостепенное значение приобретает стремление восстановить субъективное ощущение

безопасности и контроля несмотря на то, что возможности объективного контроля происходящего существенно ограничены. Важно подчеркнуть, что постоянный поиск эффективных способов преодоления стресса требует значительных когнитивных и эмоциональных ресурсов личности, что в перспективе приводит к их истощению, снижению адаптационного потенциала и усилению чувства беспомощности. Кроме того, негативные социальные стереотипы и установки усугубляют последствия психологической травматизации, стигматизируя роль жертвы и обесценивая ее страдания, способствуют нормализации насилия. Для эффективного преодоления stalking необходимы адекватные меры психологической поддержки пострадавших, а также повышение осведомленности общества о серьезности данной проблемы.

Литература

1. Лаборатория Касперского [Электронный ресурс] URL:https://www.kaspersky.ru/about/press-releases/2024_15-rossiyan-stalkivalis-s-onlajn-slezhkoj-so-storony-novyh-romanticheskikh-partnyorov (дата обращения: 18.03.2025г.).
2. *Bailey B., Morris M.C.* Longitudinal Associations Among Negative Cognitions and Depressive and Posttraumatic Stress Symptoms in Women Recently Exposed to Stalking // *J Interpers Violence*. 2021. Vol. 36. P. 5775-5794. DOI:10.1177/0886260518807905
3. *Goldsworthy T., Matthew R.* STOPPING the STALKER: VICTIM RESPONSES to STALKING an Examination of Victim Responses to Determine Factors Affecting the Intensity and Duration of Stalking // *Griffith Journal of Law & Human Dignity*. 2014. Vol. 2. № 1. Pp. 172-198. DOI:10.69970/gjlhd.v2i1.575
4. *Hauch D., Elklit A.* The psychological consequences of stalking: cross-sectional findings in a sample of Danish help-seeking stalking victims // *European Journal of Psychotraumatology*. 2023. Vol.14. № 2. P. 1–16. DOI:10.1080/20008066.2023.2281749
5. *Morris M.C., Bailey B., & Ruiz E.* Pain in the Acute Aftermath of Stalking: Associations with Posttraumatic Stress Symptoms, Depressive Symptoms, and Posttraumatic Cognitions // *Violence against Women*. 2019. Vol. 26. №. 11. Pp.1343-1361. DOI:10.1177/1077801219857829.

Особенности ожиданий родителей первоклассников относительно профессиональной роли учителя

Терехова Е.С.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

esterekhova@ya.ru

Вопросы готовности к условиям образовательного процесса и социально-психологической адаптации первоклассников остаются ключевым направлением исследований в психолого-педагогической науке (Божович, 2008; Гуткина, 2018). Социально-психологическая адаптация младших школьников представляет собой сложный процесс интеграции ребенка в новую образовательную среду, включающий эмоциональное, когнитивное и поведенческое приспособление, а также в новую социальную роль (Божович, 2008; Дубровина, 2020). Успешная адаптация ребенка к школе во многом определяет его дальнейшую учебную мотивацию и психологическое благополучие (Выготский, 1984; Реан, 2016). Эффективность адаптации к школьному обучению зависит как от способностей самого ребенка, так и от готовности педагогов и родителей оказывать ему действенную поддержку, для чего взрослым необходимо уметь выстраивать гармоничные трудовые отношения в процессе взаимодействия с детьми и между собой (Венгер, 2019; Терехова, Орлов, 2023).

Цель нашего исследования – выявить особенности ожиданий родителей первоклассников относительно профессиональной роли учителя в процессе социально-психологической адаптации детей к школе.

Гипотезы исследования:

–существуют значимые различия в оценках показателей адаптации первоклассников у родителей и учителей, при этом оценки взрослых не совпадают с показателями, полученными с помощью объективных методов;

–успешность социально-психологической адаптации первоклассников к условиям образовательного процесса взаимосвязана с особенностями ожиданий родителей учеников относительно исполнения учителем его профессиональной роли;

–связь между ожиданиями родителей первоклассников относительно профессиональной роли учителя и показателями социально-психологической адаптации детей к условиям образовательного процесса опосредована стилем семейного воспитания.

Использовались следующие методические средства:

–проективная методика определения социально-психологической адаптации младших школьников «Домики» О.А. Ореховой;

–модифицированная схема экспертной оценки адаптации ребенка к школе О.Л. Соколова (для родительской оценки показателей социально-психологической адаптации детей);

–модифицированная схема наблюдения за адаптацией и эффективностью учебной деятельности обучающихся Э.М. Александровской (для оценки показателей адаптации учителем);

–авторская анкета для исследования ожиданий родителей относительно целей и задач профессиональной деятельности школьного учителя.

Выборку начального этапа исследования составили ученики первых классов общеобразовательных учреждений ($N = 53$), их родители ($N = 53$), а также учителя первых классов ($N = 3$).

Уровень социально-психологической адаптации первоклассников оценивался с помощью следующих критериев:

–эмоциональное благополучие;

–физическое благополучие;

–учебная мотивация;

–успешность социальных контактов.

Результаты нашего исследования показали, что родители (особенно предпочитающие гиперпротекцию в качестве стиля воспитания) склонны давать более высокие оценки уровню адаптации ребенка, по сравнению с результатами диагностической процедуры (T -критерий Вилкоксона, $p < 0,05$). У учителей оценки адаптированности детей оказались ближе к диагностическим результатам, чем у родителей учеников, однако восприятие педагогов зависит от поведенческих проявлений ребенка в классе.

Ожидания родителей относительно профессиональной роли учителя оказались различными в зависимости от уровня социально-психологической адаптации первоклассников.

Так, у родителей детей с низким уровнем социально-психологической адаптации ожидания оказались либо минимальными («учитель даст азы в учебе»), либо завышенными, не всегда выполнимыми («учитель должен найти подход к каждому ребенку»).

Родители детей с высоким уровнем социально-психологической адаптации выдвигают больше требований, касающихся профессиональных (умение объяснять, требовательность, грамотная речь) и личностных качеств учителя (умение владеть собой, организованность и т.д.).

Родители, склонные к гиперпротекции в воспитании детей, преимущественно ожидают от учителя доброты и эмпатии по отношению к ребенку – то есть, проявления качеств, схожих с родительскими, в ущерб дисциплине и выполнению школьных требований.

Расхождения в оценках адаптации могут быть объяснены разными позициями наблюдателей, а именно: родители ориентированы на эмоциональное благополучие ребенка, в то время как педагоги – на академическую успеваемость и поведение. Следовательно, для получения достоверных данных об оценке социально-психологической адаптации первоклассника важен комплексный подход с учетом мнений всех участников образовательного процесса.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о целесообразности использования выбранного методического инструментария для продолжения исследования. Его результаты могут использоваться в работе школьных психологических служб с целью оптимизации процесса социально-психологической адаптации первоклассников к обучению в школе и построения эффективного взаимодействия учителя с родителями учащихся.

Литература

1. *Божович Л.И.* Личность и ее формирование в детском возрасте. – СПб.: Питер, 2008.
2. *Венгер А. Л.* Психологическая готовность детей к школе. – М.: Владос, 2019.
3. *Выготский Л.С.* Психология развития ребенка. – М.: Смысл, 1984.

4. *Гуткина Н. И.* Психологическая готовность к школе. – СПб.: Питер, 2018.
5. *Дубровина И.В.* Психологическая служба в современном образовании. – М.: Юрайт, 2020.
6. *Реан А. А.* Психология адаптации личности. – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2016.
7. *Терехова Е.С., Орлов В.А.* Детско-родительские отношения как фактор адаптации первоклассников к школе / Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы VIII Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева «Социальная психология: вопросы теории и практики» (11–12 мая 2023 г.). – М.: ФГБОУ ВО МГППУ, 2023. С. 811–814.

**Возможности учета гендерного типа личности в создании
психологически комфортной образовательной среды**

Титова О.И.

*ФГКОУ ВО СибЮИ МВД России,
ФГБОУ ВО КГПУ им. В.П. Астафьева, Красноярск, Россия
944058@mail.ru*

В разное время роль пола в становлении личности в рамках образования отечественными учеными изучалась с точки зрения гендерной социализации и половозрастных конфликтов взросления ребенка (Хасан, Бреслав, 1996; Штылева, 2017), гендерного менталитета педагога (Чекалина, 2016) и обучающихся (Ключко, Штылева, 2019) и др. Это подтверждает значимость учета гендерных аспектов в обеспечении гармоничного развития личности, достижения психологического благополучия субъектов образовательного процесса и решении задач, связанных с созданием психологически комфортных и безопасных условий в современных образовательных учреждениях.

Опираясь на результаты нашего исследования роли гендерного типа личности в социальном взаимодействии, мы приложили данную социально-психологическую характеристику, присущую многим участникам образовательного процесса (педагогам, родителям,

старшеклассникам и др.), к решению задачи обеспечения психологически комфортной и безопасной образовательной среды.

Гендерный тип личности представляет собой интегративную характеристику, в основе которой лежат убеждения о сходстве или различиях между мужчинами и женщинами по их психологическим характеристикам и убеждения о нормативном статусе мужчин и женщин в их иерархическом взаимодействии в разных сферах жизни.

На основе авторской модели методом дискриминантного анализа нами верифицированы ($N = 456$ чел.) четыре гендерных типа личности (Титова, Позняков, 2023). Они получили наименования: *патриархально-поляризованный* (присущи убеждения о выраженных различиях психологических характеристик мужчин и женщин и о доминировании мужчин во взаимодействии с женщинами); *патриархально-симиларитивный* (присущи убеждения о сходстве психологических характеристик мужчин и женщин и о доминировании мужчин во взаимодействии с женщинами); *эгалитарно-поляризованный* (присущи убеждения о выраженных различиях психологических характеристик мужчин и женщин и о равенстве мужчин и женщин в социальном взаимодействии); *эгалитарно-симиларитивный* (присущи убеждения о сходстве психологических характеристик мужчин и женщин и о равенстве мужчин и женщин в социальном взаимодействии).

Убеждения субъектов образовательного процесса о сходстве или различиях психологических характеристик мужчин и женщин могут оказывать влияние на образование и формирование психологически комфортной и безопасной среды в учебных заведениях в нескольких аспектах. Во-первых, через склонность педагогов и родителей, да и самих учащихся тоже, следовать гендерным стереотипам, проявляющимся в ожиданиях по поводу разной успешности освоения мальчиками и девочками гуманитарных и точных наук, в разделении на их основе обучающихся по интересам, например, при распределении ролей в групповых проектах, с передачей лидерской роли мальчикам и ограничением возможности проявления в этом вопросе инициативы девочками.

Во-вторых, отражаться на комфорте и безопасности образовательной среды через большую терпимость к агрессивности мальчиков, воспринимаемой как соответствующей их природе,

создавая тем самым небезопасную среду для других учеников, или, наоборот, убеждения о большей эмоциональной восприимчивости девочек могут приводить к гиперопеке, ограничивая их самостоятельность и способность к риску и нестандартным решениям в процессе обучения. В-третьих, влиять на профессиональное самоопределение, мотивируя к выбору «более женских» или «более мужских профессий», тем самым снижая вовлеченность в изучение и успеваемость по «несоответствующим» предметам, значительно сужая спектр выбираемых профессий, что особенно негативно отражается на выборе STEM-профессий, требующих знания точных наук. Отчасти это подтверждается и дефицитом абитуриентов на инженерные специальности, наблюдающийся в вузах в условиях возросшей потребности общества в специалистах данного профиля.

Важно отметить, что убеждения педагогов и родителей по поводу сходства психологических характеристик мужчин и женщин также не являются оптимальными для образовательного процесса и становления личности, поскольку создают риски уравнивания и неучета индивидуальных характеристик детей, связанных с полом.

В заключение, отметим, что, на наш взгляд, гендерный тип личности может выступать одним из психологических параметров оценки образовательной среды конкретной школы, способствующим выявлению указанных выше рисков. В случае выявления значительного преобладания среди педагогов и других специалистов образовательного учреждения представителей «симиляритивных» гендерных типов, в основе которых лежат убеждения о сходстве или, наоборот, «поляризованных», с убеждениями о различиях психологических характеристик мужчин и женщин, могут быть реализованы мероприятия с целью более глубокого анализа ситуации и обеспечения в контексте обсуждаемых рисков более сбалансированного содержания образовательной среды.

Литература

1. Ключко О.И., Штылева Л.В. Гендерные трансформации в ментальности современных российских школьников // Перспективы науки и образования. 2019. № 2(38). С. 240–255.

2. *Титова О.И., Позняков В.П.* Эмпирическая разработка гендерного типа личности // Вопросы психологии. 2023. Том 69. №1. С.64–74.
3. *Хасан Б.И., Бреслав Г.М.* Пол и образование: анализ конфликтов половозрастной идентификации. Красноярск, 1996. 71 с.
4. *Чекалина А.А.* Ментальность учителя: на пересечении гендера и профессии // Историогенез и современное состояние российского менталитета / отв. ред.: А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова, Е.Н. Холондович. М.: ИП РАН, 2016. С. 440–453.
5. *Штылева Л.В.* Гендерная социализация школьников в российском образовании: теория, история и современная практика: монография. СПб.: НИЦ-АРТ, 2017. 524 с.

Тенденции развития современного образования

Титовец Т.Е.

*БГПУ им. М. Танка, Минск, Беларусь
t_titovets@mail.ru*

В эпоху глобализации, непрерывного усложнения и расширения техносферы и социальных трансформаций возрастает актуальность исследования процесса эволюции образования как системы, разработки механизмов прогнозирования инновационного развития образовательной практики с учетом ее внешних и внутренних закономерностей. Данное проблемное поле является объектом фундаментальных междисциплинарных исследований на стыке педагогической футурологии, философии, социологии и синергетики образования, педагогической антропологии, эдукологии и недавно появившихся новых отраслей педагогической науки (эргономика образования, когнитивный менеджмент, нейродидактика, дизайн образовательных систем и др.).

В попытке анализировать культурно-антропологическую, управленческо-технологическую и собственно педагогическую составляющую происходящих в образовательной сфере

трансформаций, предсказывать и научно обосновывать вероятные сценарии устойчивого развития образования в ближайшем и относительно отдаленном будущем, ученые разных стран мира по-разному расставляют акценты в интерпретации движущих сил эволюции образования как системы, что обуславливает различия в их прогностических моделях. Сторонники эдукологического подхода придают первостепенное значение парадигмальному фактору и полагают, что именно смена образовательной парадигмы и генезис педагогической науки диктуют новые концепты и идеи для инновационного развития образовательной практики. Приверженцы дигитального подхода считают, что прогнозирование дальнейшего развития образования становится возможным при детальном анализе тенденций цифровизации и информатизации общества, развития робототехники и искусственного интеллекта, которые предопределяют возможные модификации института образования. Наконец, представители экономико-центрированного подхода в качестве ключевого драйвера реорганизации системы образования видят трансформацию мировой и национальной экономической системы, находящую отражение в характере отношений между социальными группами, в динамике ценностей и потребностей общества и отдельной личности.

Несмотря на выявленные отличия в трактовке источников развития образования, в мировом академическом пространстве обнаруживается единство взглядов ученых на желаемый эталон образованности человека в ближайшем и отдаленном будущем: это высокодуховная, созидательная личность, способная жить в гармонии с другими людьми, обладающая готовностью к постоянному личностному росту, умеющая выполнять задачи, не поддающиеся автоматизации и программированию машинными средствами, то есть не решаемые с помощью искусственного интеллекта. Речь идет о необходимости формирования у человека группы компетенций, которые в современном педагогическом дискурсе получили название «универсальных» (Универсальные компетенции..., 2023). Универсальные компетенции связаны с общими знаниями, навыками, ценностно-смысловыми установками и личностными характеристиками, позволяющими человеку творчески самореализовываться, социально взаимодействовать и адаптироваться

к изменяющимся условиям, эффективно решать проблемы вне зависимости от сферы и специфики деятельности. Данная группа компетенций выступает вектором конструирования образования будущего, целевой точкой роста образования как системы (Атлас практических решений..., 2023; Методические рекомендации..., 2024).

Дальнейшие тенденции развития образования, связанные с императивом формирования универсальных компетенций личности, заключаются в следующем.

- На уровне содержания образования: внедрение адаптивных образовательных систем, генерирующих учебный контент; установление баланса между профилизацией и фундаментализацией посредством версатализации содержания образования; ценностный сдвиг от результатострантированности к гедонистической процессуальности, от приоритетности «конечного умения» к приоритетности «мотивации».
- На уровне организации образовательного процесса: переход от фиксированного к гибкому плану обучения – так называемой кумулятивной прогрессии, которая предполагает условность временных рамок периода обучения и возможность прохождения программы обучения в индивидуальном темпе; гибридизация моделей обучения (традиционной, виртуальной, иммерсивной и др.) с возможностью выбора индивидуального формата сочетания моделей; замена итогового аттестационного испытания на аутентичные формы текущего контроля.
- На уровне образовательной среды: погружение в микросоциум через конструирование образовательных экосистем; создание условий для поддержки и укрепления ментального здоровья обучающихся; ранняя экспозиция к миру профессий (Goyal, 2024; Katragadda, 2024).

Развитие образования в рамках вышеописанных тенденций становится возможным при условии необходимых обновлений в профессиональной подготовке педагога. Смещение в сторону фасилитационной функции педагогической деятельности вносит коррективы в квалификационный профиль учителя, преподавателя, воспитателя, предъявляя повышенные требования к его диагностической компетенции, способности персонализировать

образовательный процесс и формировать универсальные компетенции обучающихся, готовности управлять собственным профессионально-личностным развитием.

Литература

1. Атлас практических решений. Поддержка и развитие «мягких» навыков в школе / Н.А. Авдеенко, В.С. Браташ, Е.Г. Дирюгина и др. Под ред. М.С. Добряковой, Е.И. Казаковой. М.: Изд-во «МУЛЬТИВЕЙС БИЗНЕС ГРУПП», 2023.
2. Методические рекомендации по формированию универсальных компетенций и грамотности в рамках воспитательного процесса. Астана: Национальная академия образования им. И. Алтынсарина, 2024.
3. Универсальные компетенции в российских университетах / Под общ. ред. Т.В. Пащенко. М.: Электронное издательство «Эгитас», 2023.
4. Goyal D. The Future of Education: Trends and Innovations in Teaching and Learning // Global International Research Thoughts, 2024. N 12(1). Pp. 36-42.
5. Katragadda V. Leveraging Intent Detection and Generative AI for Enhanced Customer Support. Journal of Artificial Intelligence General Science (JAIGS). ISSN:3006-4023. 2024. N 5(1). Pp. 109–114.

О взаимосвязи эмоционального интеллекта и уровня тревожности у студентов

Ткаченко Н.В., Краснова С.Н.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tkachenkonv@mgppu.ru

В современном российском обществе проблема тревожности выходит на одно из ведущих мест по актуальности. Это связано с рядом факторов: экономические проблемы, СВО и иные военные конфликты, терроризм, пандемии и т.д. На это накладывается массовое

распространение электронных СМИ (интернет, социальные сети и др.) при низком контроле за качеством информации и широком тиражировании негативных эмоций, сцен жестокости и насилия, недостоверных фактов и т.д. Молодежь особенно подвержена такому негативному воздействию на психику в силу недостатка жизненного опыта и навыков критического отношения к получаемой информации. Рост тревожных состояний приводит, в свою очередь, к стрессам, эмоциональной нестабильности и иным негативным последствиям (Звенигородская, 2020).

Под тревожностью понимается склонность человека к возникновению состояния тревоги (Краткий психологический словарь, 2007). Собственно тревога, в свою очередь, является эмоцией. Таким образом, чтобы снизить уровень тревожности, субъекту необходимо научиться понимать свои эмоции и контролировать их. Совокупность навыков и способностей человека распознавать эмоции – как свои, так и чужие, – и управлять ими в настоящее время объединяется понятием «эмоциональный интеллект». Начиная с XX века эта тема в современной психологической науке является одним из динамично развивающихся направлений (Андреева, 2011; Социальный интеллект..., 2004).

Для научения пониманию эмоций лучше всего подходит творчество, прежде всего различные виды искусства. Одновременно с этим искусство является инструментом для выражения эмоциональных переживаний. Это отмечал Л.С. Выготский: «Искусство есть работа мысли, но совершенно особенного эмоционального мышления... Нужно не только выяснить совершенно точно, чем отличаются законы эмоционального мышления от прочих типов этого процесса, нужно еще дальше доказать, чем отличается психология искусства от других видов того же эмоционального мышления» (Выготский, 2025).

Нами была выдвинута гипотеза: уровень тревожности зависит от уровня развития эмоционального интеллекта и, соответственно, развитие эмоционального интеллекта (в том числе средствами творческой деятельности) способствует снижению тревожности. Для развития эмоционального интеллекта разработана авторская методика, включающая в себя элементы творческой деятельности: различные творческие задания, в том числе интерактивные, элементы

театрализации и т.д. Занятия по данной методике проводятся в формате тренингов с ведением участниками занятий рефлексивных дневников.

Был проведен эксперимент, в котором принимали участие 48 человек – студенты 1 курса МГППУ – экспериментальная и контрольная группы. Для определения уровня тревожности использовался тест «Шкала реактивной (ситуативной) и личностной тревожности Ч. Спилбергера» (адаптация и модификация Ю.Л. Ханина), уровень развития эмоционального интеллекта проверялся с использованием опросника «ЭмИн» Д.В. Люсина. После завершения входного тестирования были проведены занятия с участниками экспериментальной группы по развитию эмоционального интеллекта (8 занятий) с использованием авторской методики, после чего было выполнено выходное тестирование в обеих группах. Результаты входного и выходного тестирования обрабатывались в программе IBM SPSS Statistics с использованием t-критерия Стьюдента для зависимых и независимых выборок.

Анализ средних значений уровня развития эмоционального интеллекта показал, что у большинства респондентов в обеих группах он средний и выше среднего. Анализ средних значений уровня тревожности, в свою очередь, показал, что у большинства респондентов он ниже среднего в части реактивной (ситуативной) тревожности и выше среднего в части личностной тревожности. По результатам анализа с использованием непараметрического критерия для независимых выборок Крускала-Уоллеса и корреляционного анализа (парные корреляции, метод Спирмена) была установлена статистически значимая зависимость между уровнем развития эмоционального интеллекта и уровнем тревожности у студентов 1 курса МГППУ. При этом ведущую роль имеет уровень развития внутриличностного интеллекта и уровень развития управления эмоциями.

Анализ результатов тестирования после окончания эксперимента (далее в скобках указаны значения «было – стало») показал, что если в контрольной группе средний уровень реактивной (ситуационной) тревожности несколько увеличился (22,5 – 25,3), то в экспериментальной группе он заметно снизился (24,9 – 18,9). При этом средний уровень личностной тревожности в обеих группах изменился

незначительно. Общий уровень эмоционального интеллекта (средний по группе) в обеих группах также незначительно увеличился, однако, по сравнению с контрольной группой, в экспериментальной группе отмечен более значительный рост среднего уровня внутриличностного интеллекта (42,3 – 43,5 и 41,5 – 43,6 соответственно) и контроля экспрессии (10,9 – 10,6 и 10,9 – 11,5), а также среднего уровня управления эмоциями в целом (44,7 – 45,5 и 43,3 – 44,7) и собственными эмоциями (13,7 – 13,9 и 12,7 – 14,4). Также значительная часть респондентов экспериментальной группы отмечали в своих рефлексивных дневниках на момент окончания эксперимента факт лучшего понимания эмоциональных состояний и лучшего контроля за своими эмоциями.

Таким образом, результаты эксперимента по развитию эмоционального интеллекта на основе авторской методики (с использованием средств и элементов творческой деятельности) дают основания полагать, что применение данной методики – после ее доработки и развития по результатам проведенного эксперимента – может служить эффективным инструментом для снижения уровня тревожности. Для подтверждения этого тезиса считаем целесообразным провести расширенное экспериментальное исследование с привлечением большего числа участников. При этом возможна адаптация авторской методики для иных возрастных категорий при соответствующем подборе обучающего и иллюстрационного материала.

Литература

1. *Андреева И.Н.* Эмоциональный интеллект как феномен современной психологии / И.Н. Андреева. Новополюк: ПГУ, 2011. 388 с.
2. *Выготский Л.С.* Психология искусства / Л.С. Выготский. М.: Изд-во Юрайт, 2025. 414 с. (Антология мысли). Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/562393> (дата обращения: 21.03.2025).

3. *Звенигородская М.А.* Тревожность в современном обществе: определение, значение и влияние данного феномена на поведение людей [Электронный ресурс] / М.А. Звенигородская // Молодой ученый. 2020. № 4 (294). С. 256–258. URL: <https://moluch.ru/archive/294/66869/> (дата обращения 18.03.2025).
4. Краткий психологический словарь / под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М.: Академия, 2007. 432 с.
5. Социальный интеллект: Теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2004. 176 с.

Взаимосвязь статуса и сложности социальной идентичности в контексте социального благополучия

Ткаченко Н.В., Савенкова Ю.Ю.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tkachenkonv@mgppu.ru, yysav@yandex.ru*

В современном мире высока неопределенность и интенсивность событий, что через психологические механизмы осознания и рефлексии стимулирует актуализацию Я-концепции, как целостного представления личности о себе (Джеймс, 1980). Сложный психодинамический процесс переосмысления тождества самому себе, принадлежности к группе, соответствия этой группе и принятия ею формирует личную и социальную идентичность человека (Эриксон, 1996).

Социальная идентичность вырабатывается в процессе межгруппового взаимодействия, межгрупповой дифференциации и социальной категоризации, сопровождается феноменами внутригруппового фаворитизма и внешнегрупповой дискриминации (Turner, Tajfel, 1986; Стефаненко, 1999).

Статус социальной идентичности определяет зрелость личности: достигнутая – зрелая идентичность, преждевременная – идентичность не осознаётся, диффузная – кризиса не было или не пройден, мораторий – находится в состоянии кризиса, псевдоидентичность – нарушение

механизмов идентификации. Таким образом статус социальной идентичности показывает готовность к реализации себя в деятельностной среде с ориентацией на общественные нормы (Шнейдер, Хрусталева, 2014).

В поликультурной среде, где обеспечивается разнообразный социальный опыт, вероятно формирование сложной социальной идентичности – осознанной принадлежности личности к разным группам с пониманием их различий. Сложная идентичность требует больших ресурсов человека на осознание и интеграцию в свою жизнь (Кузнецов, 2023; Роккас, Брюер, 2002).

Социальное благополучие – объективный показатель приспособленности к среде или адаптированность по внешнему критерию, которая понимается как достижение эффективности в социуме по параметрам статуса и дохода, уровня жизни, условиям труда и семейной обустроенности (Мельникова, 2004).

В настоящей работе описываются результаты эмпирического исследования, которое проведено в поликультурной среде Чувашской республики в 2025 году для освещения проблемы статуса и сложности социальной идентичности в контексте социального благополучия. Проверяли гипотезу: социальное благополучие, как показатель приспособленности к внешней среде, положительно связано со статусом социальной идентичности.

Для проверки гипотез использовались следующие методики: Ассоциативный тест «Методика изучения социальной идентичности (МИСИ)» Л.Б. Шнейдер и В.В. Хрусталева; анкета «Социальное благополучие» Н.Н. Мельниковой; опросник «Перекрытие и сходство социального окружения» (Roccas, Brewer, 2002). В качестве респондентов представлены русские и чуваша ($N = 170$, $K = 121$, $M = 49$), средний возраст 40 лет.

Анализ результатов исследования показал, что между статусом социальной идентичности и общим уровнем социального благополучия установлена прямая связь средней силы, подтвержденная высоким уровнем значимости ($r = 0,246$; $p < 0,001$). Следовательно, повышение статуса социальной идентичности сопровождается ростом общего уровня социального благополучия. Кроме того между статусом социальной идентичности и уровнем социального благополучия по шкале «Статус, доход» ($r = 0,153$; $p < 0,05$) и Семейная обустроенность»

($r = 0,146$; $p < 0,05$) установлена прямая умеренная связь, подтвержденная высоким уровнем значимости. По шкалам «Уровень жизни» и «Условия труда» взаимосвязь не выявлена.

Общий индекс сложности идентичности по национальным, религиозным и языковым ингруппам ниже среднего 38%, при пересечении ингрупп 74% и сходстве 70% (индекс социального опыта 4,5 этнокультурных группы на 1 респондента).

Представлены выводы о взаимосвязи статуса и сложности социальной идентичности и социального благополучия по шкалам: «статус и доход», «уровень жизни», «условия труда» и «семейная обустроенность».

Литература

1. Кузнецов И.М. Особенности профиля российской идентичности: опыт многомерного подхода (на примере Республики Саха (Якутия)) // Вестник Института социологии. 2023. Том 14. No 3. С. 88–111.
2. Мельникова Н.Н. Диагностика социально-психологической адаптации личности: Учебное пособие. – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2004. – 57 с.
3. Стефаненко Т.Г. Социальная психология этнической идентичности // дис. ... докт. психол. н. 1999. 529 с.
4. Шнейдер Л.Б., Хрусталева В.В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник Российской международной академии туризма. 2014. № 3. С. 83–96.
5. Эриксон Э.Г. Идентичность: юность и кризис: пер. с англ./общ. ред. и предисл. А. В. Толстых. М.: Прогресс, 1996. 340 с.
6. Roccas S., Brewer M.B. Social Identity Complexity // Personality & Social Psychology Review. 2002. Vol. 6. No 2.
7. Turner J.C., Tajfel H. Chapter 1. The Social Identity Theory of Intergrout Behaviour. 1986. Pp. 7–24.

Прозэкологическое поведение в контексте традиционных верований у осетин Нижнего Унала: к постановке проблемы

Ткаченко Н.В., Тарулина Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

Можяева М.В.

эколог, независимый исследователь, Москва, Россия

tkachenkonv@mgppu.ru

Северная Осетия–Алания – регион, уникальный как сохранными традиционными верованиями, так и историей производств по добыче полезных ископаемых. Продукты производств перемещаются в специальные хвостохранилища (Каманина и др., 2018), а последние часто располагаются, в том числе, на территории жилых поселений. Так произошло и с селением Нижний Унал. Несмотря на то, что организация хвостохранилища происходила без нарушений, исследования выявили, что достаточно большое количество химических элементов, включая тяжелые металлы, попадают в мясо и молоко домашних животных через воду и траву. Несмотря на это, жители селения не только не меняют место жительства, но и продолжают активно рекультивировать почву, высаживать растения, строить новые дома и многое другое. Мы предположили, что такое поведение жителей селения может быть связано с их экологическими установками, с одной стороны, и с традиционными представлениями о своей жизни – с другой. Мы сформулировали исследовательский вопрос о том, каковы экологические установки и проэкологическое поведение жителей села Нижний Унал в контексте традиционных верований у осетин. Опираясь на метод полуструктурированного интервью (Квале, 2003), мы разработали гайд, с опорой на шкалу проэкологической мотивации (Иванова и др., 2023) и экологической обеспокоенности (Иванова и др., 2023а) и добавили тему и вопросы, посвященные традиционным представлениям осетин о жизни (Осетины, 2023). Анализ интервью проводился с опорой на обоснованный подход и включал в себя открытое и осевое кодирование, с целью выделения ключевых категорий и выдвижения теоретической гипотезы об их связи (Страусе, Корбин, 2001). Выборка исследования формировалась с опорой на восьмиугольную модель

выборочной совокупности (Штейнберг, 2011), респондентами выступили жители Нижнего Унала. Всего в исследовании приняли участие 30 жителей, свободно владеющих русским языком, средний возраст составил 43 года.

Основными результатами нашего исследования явились следующие: выделена ключевая категория, составляющая экологические установки осетин Нижнего Унала. Так, респонденты отмечают, что современный вид хвостохранилища позволяет говорить о его безопасности, по сравнению с тем, как было до 2018 года, когда тяжелые металлы и вредные химические элементы были залиты водой, в то время как сейчас хранилище представляет собой саркофаг (установка: «не вижу опасности равно опасности нет»). Выделена ключевая категория отношения к жизни в целом в контексте традиционных верований. Респонденты свидетельствуют о том, что переживание жизни у них связано с опасностью проживания в горах. Свою судьбу, жизнь осетиныверяют духам мест и Богу, которым постоянно возносят молитву. И как спасает их на опасных горных дорогах от ущелья к ущелью молитва, так и от экологических катастроф спасет молитва и ритуалы принесения жертвы духам и Богу (установка: «перекладывание ответственности за свою жизнь – высшим силам»).

Подводя итог, мы отмечаем, что в сознании осетин Нижнего Унала мы выделяем связь экологических установок и поведения в контексте их традиционных верований и представлений о жизни.

Настоящее исследование продолжается, специалисты продолжают изучение Алагирского ущелья и планируют расширить как выборку, так и количество поселений.

Литература

1. Иванова А.А., Агисова Ф., Шевель Т.М., Сауткина Е.В. Адаптация и валидизация шкалы проэкологической мотивации на Российской выборке // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023. Т. 20. № 4. С. 679-698.
2. Иванова А.А., Шевель Т.М., Агисова Ф., Патракова Н.А. Шкала экологической обеспокоенности У. Шульца: адаптация и валидизация // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2023а. Т. 20. № 4. С. 699-717.

3. Каманина И.З., Густова М.В., Фронтоасьева М.В., Каплина С.П., Пухаева Н.Е., Чигоева Д.Г. Редкие металлы в составе отходов уральского хвостохранилища // Вестник Владикавказского научного центра. Том 18, №4, 2018 г. С. 71-75.
4. Квале С. Исследовательское интервью. М: Смысл, 2003. 301 с.
5. Осетины. М.: Наука, 2023. 605 с. (Народы и культуры)
6. Страусе А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001. 256 с.
7. Штейнберг И.Е. Восьмиоконная модель выборки для исследовательского интервью // URL: <https://fieldsociology.blogspot.com/2011/12/blog-post.html>

Связь социального самоконтроля и самоуважения с удовлетворенностью образом собственного тела в подростковом и юношеском возрасте

Троицкая Е.А.
ФГБОУ ВО МГЛУ, Москва, Россия
ea.troitskaya@mail.ru

Актуальность исследования социального самоконтроля и его связи с другими психическими феноменами определяется тем, что в современном мире подростки и юноши всё чаще сравнивают себя не только с референтной группой из их непосредственного окружения, но и с образами популярных в интернете людей (блогеры, лидеры мнений в социальных сетях и т.п.). С другой стороны, в последние годы все большее распространение среди молодежи приобретают идеи бодипозитива, который подразумевает принятие своего тела таким, какое оно есть, а следовательно, снижается социальное давление на подростков из-за несоответствия их телосложения принятым стандартам красоты.

Социальный самоконтроль, по мысли М. Снайдера, означает, что индивид склонен отслеживать (наблюдать и контролировать)

самопрезентацию и свое экспрессивное поведение, заботясь о социальной приемлемости, и изменять свои слова и поведение так, чтобы они в большей степени соответствовали ожиданиям окружающих людей (Snyder, 1974). Согласно теории социального самоконтроля, люди существенно различаются по тому, в какой степени они могут осуществлять и осуществляют контроль за тем, как они выражают свои мысли и эмоции словами или действиями.

Удовлетворенность образом собственного тела в подростковом и юношеском возрасте может быть связана с социальным самоконтролем, поскольку поведение лиц с высоким уровнем самоконтроля меняется в силу их повышенной чувствительности к сигналам от окружающих людей и социума в целом о том, какое поведение в конкретной ситуации является наиболее приемлемым и одобряемым. Если в современном обществе активно транслируются определенные стандарты отношения к собственному телу, то у подростков и юношей с высоким уровнем социального самоконтроля это может приводить к изменению их отношения к собственному телу.

Гипотеза нашего исследования заключалась в том, что удовлетворенность образом собственного тела в подростковом и юношеском возрасте связана с социальным самоконтролем и самоуважением.

В качестве испытуемых в исследовании приняли участие 75 человек 14–21 года ($M = 16,71$; $SD = 1,46$), включая 55 девушек и 20 юношей. Сбор эмпирических данных был осуществлен под нашим руководством учащейся 10 класса Предуниверситария ФГБОУ ВО МГЛУ Коротковой Марией в рамках выполнения индивидуального проекта.

Для диагностики социального самоконтроля применялась методика «Шкала социального самоконтроля» М. Снайдера в адаптации Н.В. Амяга (Амяга, 1991). Исследование удовлетворенности образом собственного тела проводилось посредством опросника «Опросник образа собственного тела» (Скугаревский, Сивуха, 2006). Также испытуемые заполнили методику «Шкала самоуважения» М. Розенберга (Лубовский, 2006).

Статистический анализ данных проводился в программе IBM SPSS Statistics 23.0 с применением теста Шапиро-Уилка, критерия Манна-Уитни, коэффициента корреляции Спирмена.

Из-за большого разброса по возрасту, выборка была разделена на

две подвыборки для предварительного анализа влияния возраста испытуемых на измеренные показатели: 48 человек 14–16 лет и 27 человек 17–21 года. Однако статистически значимых различий ($p > 0,05$) по критерию Манна–Уитни обнаружено не было ни для одного из показателей: социальный самоконтроль, удовлетворенность собственным телом, самоуважение. Поскольку статистически значимые различия по возрасту выявлены не были, в дальнейшем вся выборка 75 человек анализировалась как целостная выборка.

По критерию Манна–Уитни были выявлены статистически значимые ($p = 0,038$) различия между девушками и юношами по показателю социального самоконтроля: у юношей социальный самоконтроль выше, чем у девушек (среднее значение у девушек равно 13,69, а у юношей – 15,25). Так как уровень социального самоконтроля различается у юношей и девушек, дальше эти выборки анализировались отдельно.

Для проверки основной гипотезы о связи социального самоконтроля, самоуважения и удовлетворенности образом собственного тела применялся коэффициент корреляции Спирмена. Были обнаружены статистически значимые корреляции как в выборке девушек, так и в выборке юношей. Чем выше социальный самоконтроль у девушек, тем выше у них неудовлетворенность собственным телом ($r = 0,198$; $p = 0,043$). Чем ниже самоуважение у девушек, тем выше у них неудовлетворенность собственным телом ($r = -0,55$; $p = 0,001$). Чем ниже самоуважение у юношей, тем выше у них неудовлетворенность собственным телом ($r_s = -0,79$; $p = 0,001$). Статистически значимых корреляций между социальным самоконтролем и самоуважением нет ни в выборке девушек, ни в выборке юношей ($p > 0,05$). Также в выборке юношей нет значимых корреляций между социальным самоконтролем и неудовлетворенностью собственным телом ($p > 0,05$). Социальный самоконтроль больше связан с удовлетворенностью собственным телом у девушек, чем у юношей. Анализ значений коэффициентов корреляции позволяет утверждать, что удовлетворенность собственным телом в большей степени связана с самоуважением, чем с социальным самоконтролем. Значимая связь самооценки собственного тела с самоуважением характерна для подросткового и раннего юношеского возраста (Троицкая, 2023).

Однако необходимо признать, что основным ограничением проведенного нами исследования является малочисленность выборки, которая не позволила использовать многомерные методы математической статистики. В дальнейшем планируется проведение исследования на выборке большего объема с применением регрессионного анализа.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод, что удовлетворенность образом собственного тела связана с социальным самоконтролем и самоуважением в подростковом и юношеском возрасте. Более высокая удовлетворенность образом собственного тела связана с более высоким самоуважением, с более низким социальным самоконтролем у девушек и с более высоким самоуважением у юношей.

Литература

1. *Амяга Н.В.* Самораскрытие и самопредъявление личности в общении / Личность. Общение. Групповые процессы: сборник обзоров. М.: АН СССР: ИНИОН, 1991.
2. *Лубовский Д.В.* Применение опросника самоуважения М. Розенберга для исследования отношения подростков к себе // Психологическая диагностика. 2006. № 1.
3. *Скугаревский О.А., Сивуха С.В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал. 2006. № 2(10).
4. *Троицкая Е.А.* Влияние аудиовизуального интернет-контента на оценку образа собственного тела девушками раннего юношеского возраста // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2023. № 4(849).
5. *Snyder M.* Self-monitoring of expressive behavior // Journal of Personality and Social Psychology. 1974. № 30(4).

Семейные ценности чеченцев, проживающих в Чеченской республике и в Москве

Трушкова С.В., Абаева Р.М.

НОУ ВО МСПИ, Москва, Россия

SvetVTr@mail.ru, Rooyancha@gmail.com

Передача семейных ценностей от поколения к поколению представляет собой важнейший механизм межпоколенческой передачи культурного семейного кода, закладывает основу взаимоотношений в семье, а также является базисом реализуемых семейных стратегий поколений будущего (Стародубровская, 2019). Именно поэтому так бережно и тщательно сохраняются семейные устои в традиционных культурах (Павлова, 2013; Molodikova, Watt, 2014). Вместе с тем, современные глобальные процессы – урбанизация, цифровизация интенсивность межкультурных контактов способствуют трансформации семейных ценностей (Митрикас, 2004). Для выявления особенностей динамики семейных ценностей чеченцев было проведено исследование, направленное на выявление факторов, оказывающих влияние на изменение и способствующих сохранению семейных ценностей. В исследовании приняли участие две группы чеченской молодежи, проживающие в разных социокультурных условиях. В первую группу были включены молодые люди чеченской идентичности, проживающие на территории Чечни, во вторую – также имеющие чеченскую идентичность и проживающие в инокультурной среде современного мегаполиса (в Москве).

Сбор диагностических данных осуществлялся с применением следующих методик.

1.Методика изучения ценностных ориентаций М. Рокича.

2.Диагностический опросник «Семейные ценности» М.В. Мартыновой, М.С. Константиновой.

3.Методика «Семейные ценности» В.С. Торохтия.

В исследовании приняли участие 60 человек, из них 29 – молодые чеченцы, проживающие в Москве, 31 – проживающие на территории Чечни. Возраст всех участников от 20 до 25, по условиям проживания в родительской семье московская выборка отличается преобладанием уменьшенного состава семьи – две трети респондентов (62 %) выросли

в семье с одним или двумя детьми. В выборке чеченцев, проживающих в Грозном, преобладают воспитанники многодетных семей (65%). В московской выборке 15 мужчин и 14 женщин, в чеченской – 15 мужчин и 16 женщин. По семейному положению испытуемые делятся на 3 группы: 12 человек (20%), состоят в браке, 45 человек (75%), не состоят в браке и 3 - разведены (5%). Причём двое из трех разведенных респондентов проживают в Москве, а один из разведенных проживает в Грозном. Четыре респондента в московской выборке имеют от одного до трех детей, в чеченской выборке шесть респондентов имеют от одного до четырех детей.

По методике «Семейные ценности» М.В. Мартыновой, М.С. Константиновой получены следующие результаты. В обеих группах в большей степени представлен высокий уровень сформированности семейных ценностей (51,7 % в московской и 67,7 % в чеченской выборке), у 48,3% московской и 32,3% чеченской выборки выявлен средний уровень формирования семейных ценностей. Полученные результаты сравнивались с помощью критерия Манна–Уитни, статистически значимых различий в формировании семейных ценностей в обеих группах не выявлено. Вместе с тем обращают на себя внимание отдельные тенденции по шкалам – в обеих выборках женщины более ориентированы на почитание родителей, чем мужчины. Кроме того, распределение полученных результатов по отдельным шкалам позволило выявить тенденцию, связанную более значимой ролью социального окружения в выборке, проживающей на исторической территории. С нашей точки зрения, полученный результат можно объяснить тем, что в Грозном чеченцы проживают в более сплоченном социуме, что способствует лучшему сохранению традиционных ценностей.

По методике ценностных ориентаций М. Рокича получены следующие результаты: в московской выборке чеченцев более значимыми оказались ценности «уверенность в себе», «счастье других», «свобода», «развлечения» и в менее значимыми – «общественное признание» и «наличие хороших и верных друзей». Объяснить полученные различия можно тем, что проживание чеченцев в другой культурной среде повлияло на формирование индивидуалистически окрашенных установок, отодвигая на второй

план ценности семьи. В чеченской выборке города Грозного ценность «Счастливая семейная жизнь» имеет большую значимость.

По методике «Семейные ценности» В.С. Торохтия, при помощи критерия Манна–Уитни выявлены статистически значимые различия по следующим семейным функциям. В воспитательной функции были найдены различия ($p \leq 0,05$), связанные с ценностью «сотрудничество» – наибольшую значимость она имеет для чеченцев из Москвы, в меньшей степени значима для чеченцев из Грозного. В функции интеллектуального общения выявлены различия, связанные с ценностью «стремление понять другого» ($p \leq 0,05$), данная ценность значима для чеченцев, проживающих в Москве, в меньшей степени значима для жителей Грозного. В сексуально-эротической функции (деторождение) были найдены статистически значимые различия ($p \leq 0,05$), связанные с ценностью «дети и любовь к ним» – максимальную значимость деторождению придают чеченцы, проживающие в Грозном.

Таким образом, полученные результаты позволяют сделать следующие выводы. Независимо от локализации проживания представители обеих групп демонстрируют высокий уровень сформированности семейных ценностей. Ценность счастливой семейной жизни более значима для представителей чеченской выборки, проживающей на исторической территории и менее значима для московской части выборки. Семейные ценности чеченцев, проживающих в Москве, характеризуются трансформацией в сторону индивидуалистических установок, выраженной тенденцией ослабления влияния традиционных коллективистских семейных ценностей.

Литература

1. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы изменений ценностного выбора в странах Европы // Социологические исследования. 2004. № 5. С. 65-73.
2. Павлова О.С. Чеченский этнос сегодня: черты социально-психологического портрета. М., 2013. 558 с.

3. *Стародубровская И.В.* Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17 № 1. С. 39-56.
4. *Molodikova I., Watt A.* Growing Up in the North Caucasus. Society, family, religion and education. – London: Routledge, 2014. 224 p.

Взаимосвязь академической прокрастинации и осмысленности жизни современных студентов

Уварова А.Д., Кочетков Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия

anastasiauvarova339@gmail.com, nkochetkov@mail.ru

В современном мире студенты сталкиваются с рядом сложностей, связанных с большим объемом поступающей информации и достаточно быстрым темпом жизни. Среди огромного количества задач и планов сложно понять, к чему приступить в первую очередь, а что оставить на потом. В таких обстоятельствах прокрастинация становится довольно частой проблемой среди обучающихся в колледжах или высших учебных заведениях (Головкин, 2020).

Прокрастинация – это осознанный процесс откладывания важных задач на неопределенное время, сопровождающийся чувством вины (Варваричева, 2010). Важно понимать, что во время учебы данный процесс может негативно влиять как на результаты учебной деятельности, так и на психологическое состояние студента. Обучающиеся с прокрастинацией сильно подвержены стрессу и самообвинениям несмотря на то, что данный феномен может рассматриваться и как форма реакции на стрессовые ситуации (Бельшева, 2023).

В студенческом возрасте обычно формируется отношение человека к своему будущему, выстраиваются планы и карьерные цели. Понимание смысла своей жизни играет здесь немалую роль. Личностный смысл – понятие, введенное А.Н. Леонтьевым, связывает сознание человека и его деятельность, включая в себя все внутренние

отношения и мотивы (Леонтьев, 1983). Поэтому стоит понимать, как осмысленность жизни связана с процессом прокрастинации.

Для исследования прокрастинации у студентов нами была использована методика «Шкала прокрастинации» П. Стила в адаптации Н.М. Клепиковой и И.Н. Кормачёвой (Клепикова, Кормачёва, 2019). Осмысленность жизни была изучена с помощью методики Д.А. Леонтьева «Тест смысловых ориентаций». В исследовании приняло участие 55 студентов вузов и колледжей в возрасте от 17 до 25 лет.

Проведенное исследование показало, что 22% студентов подвержены высокому уровню прокрастинации. При этом четкого планирования своей деятельности придерживается лишь 9% опрошенных. По признаку пола различий не было выявлено. Таким образом, довольно большое количество студентов склонно откладывать важные дела на постоянной основе.

Анализ результатов эмпирического исследования показал, что существует прямая взаимосвязь осмысленности жизни студентов и выраженности у них прокрастинации ($r = 0,32$; $p \leq 0,05$). Данный результат кажется контринтуитивным. Чтобы объяснить его, рассмотрим корреляции составляющих рассматриваемых нами феноменов.

Процесс жизни, эмоциональная насыщенность жизни, напрямую связаны с уровнем прокрастинации у студентов ($r = 0,281$; $p \leq 0,05$). Так как по этой шкале баллы, набранные респондентами, можно назвать низкими ($M = 19,55$), что говорит о неудовлетворенностью жизнью, то использование прокрастинации может исправить положение за счет возвращения в прошлое, в приятные воспоминания. Подобная схема может быть аналогична такому защитному механизму психики как регрессия.

Чем больше у студента выражены жизненные цели, чем больше он сконцентрирован на своем будущем, тем больше он подвержен прокрастинации ($r = 0,354$; $p \leq 0,01$). Более того, можно отметить наличие половых различий в изучаемых взаимосвязях. У девушек-студенток существует взаимосвязь между жизненными целями и прокрастинацией ($r = 0,446$; $p \leq 0,01$), тогда как у студентов мужского пола такой связи нет. Чтобы объяснить эту взаимосвязь, надо обратиться к показателям этой шкалы. И у женщин ($M = 20,03$), и у

мужчин ($M = 20,72$) их можно назвать низкими, что свидетельствует о том, что молодые люди вне зависимости от пола живут «одним днем» – возможно, настоящим, возможно – и будущим. Точно так же, как и в случае с процессом жизни, у представителей женского пола прокрастинация может выступать в качестве своеобразного защитного механизма, «раскрашивающего» ситуацию «здесь и сейчас». Вполне возможно, что у мужчин эти защитные механизмы имеют совсем другой характер, объяснение чего может лежать в логике эволюционной теории пола В.А. Геодакяна, которая используется не только в биологии, но и в построениях социальных психологов (Кочетова, 2010). Согласно данной концепции, женский пол является консервативным, функция которого в отборе и сохранении признаков, тогда как мужской – динамичным, необходимым для приобретения новых признаков. Исходя из данной теории можно сказать, что такая динамичность не всегда оставляет пространство для проявлений прокрастинации и выражается в какой-либо продуктивной деятельности.

Исходя из эмпирических данных можно говорить о наличии прямой связи между процессом жизни, целями в жизни и прокрастинацией.

Если следовать логике нашего исследования, рекомендации, необходимые для преодоления прокрастинации, должны лежать, в первую очередь, в области постановки жизненных целей, а также нахождением социально значимой деятельности, в которой человек мог бы реализоваться.

Литература

1. *Бельшева А.Н.* Прокрастинация подростков как форма реакции на стресс у подростков // Проблемы современного педагогического образования. 2023. №80-4. С. 284-287.
2. *Варваричева Я.И.* Феномен прокрастинации: проблемы и перспективы исследования // Вопросы психологии. 2010. № 3. С. 121-131.
3. *Головки А.А.* Связь прокрастинации с уровнем мотивации достижения и жизненными ценностями у студентов // Актуальные проблемы психологии личности в норме и патологии : Сборник материалов молодежной межвузовской

научно-практической конференции. Белгород: Белгородский государственный национальный исследовательский университет, 2020. С. 96-103.

4. *Клепикова Н.М., Кормачёва И.Н.* Адаптация шкалы прокрастинации и шкалы иррациональной прокрастинации в методике П. Стила // Системная психология и социология, 2019. №3 (31). С. 26-37.
5. *Кочетова Т.В.* Эволюционный подход в социально-психологических исследованиях: половые различия как ведущие детерминанты статусных предпочтений // Социальная психология и общество, 2010. № 1, с. 78-90.
6. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. М., 1983.

Связь способности к смакованию позитивных событий и ценностных ориентаций у молодежи

Узойкина А.И., Павлова О.С.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
pavlovaos@mgppu.ru, uzoikina.ai@gmail.com*

Современное общество, характеризующееся многообразием культур и этнических групп, ставит перед психологической наукой задачи изучения особенностей восприятия и переживания позитивных событий, в том числе в контексте культурных и ценностных ориентиров. Феномен способности к смакованию позитивных событий (сейворинг) характеризуется сознательным направлением внимания на позитивные эмоции, связанные с радостными событиями, тем самым усиливая и продлевая их (Bryant, 2003). Культурные условия формирования ценностных ориентаций делают актуальными изучение связи сейворинга и ценностей, характерных для представителей разных культур.

Сейворинг демонстрирует вторичный контроль субъективного отношения к позитивным событиям. Прибегая к данной стратегии, человек стремится сознательно усилить и продлить чувство удовольствия посредством контролирования собственных чувств и

переживаний по отношению к происходящим событиям. Ф. Брайант и Дж. Верофф определили сейворинг как «способность обращать внимание, ценить и усиливать положительный опыт в своей жизни» (Bryant, Veroff, 2007).

Ф. Брайант отметил хронологические аспекты сейворинга, выделив субшкалы предвосхищения еще не произошедших событий, наслаждения событиями в настоящем и уделения внимания положительным воспоминаниям (Bryant, 2003).

Ш. Шварц предложил круговую модель расположения базовых ценностей. В ней наглядно показаны совместимость комплементарных ценностей и конфликт ценностей, которые расположены напротив друг друга. Следование определенной ценности требует от человека ряда действий и соответствующего поведения. Этим и вызван конфликт ценностей, реализация которых требует противоположных действий. В модель вошли 10 базовых ценностей, некоторые из которых раскрываются в различных вариациях 19 ценностных ориентаций (Бутенко и др., 2012).

Объект исследования – способность к смакованию позитивных событий.

Предмет исследования – связь сейворинга с базовыми ценностями.

Цель работы – исследовать особенности связи сейворинга с ценностными ориентациями.

Пилотажное исследование проведено на выборке из 48 респондентов ($M = 22,5$; $\mu = 25$ лет). Были использованы опросник SBI-RU в адаптации В.А. Титовой Граншам, И.В. Шаповаленко и др. (2022) и методики диагностики ценностных ориентаций Ш. Шварца в адаптации Т.П. Бутенко и др. (2012).

Были обнаружены корреляционные связи способности к смакованию со следующими ценностями:

Ценность Гедонизма коррелирует с сейворингом ($k = 0,52$ при $p \leq 0,001$). Человек, который ценит опыт получения удовольствия, успешен и в получении и осознании этого опыта.

Ценностная ориентация на Достижение также связана с феноменом сейворинга ($k = 0,37$ при $p \leq 0,01$).

Способность к наслаждению воспоминаниями связан с Властью, реализуемой через ресурсы ($k = 0,40$ при $p \leq 0,01$).

Интересно отметить обратную связь с такой ценностной ориентацией, как Скромность ($k = -0,38$ при $p \leq 0,01$).

Сейворинг так же коррелирует и с личной Безопасностью ($k = 0,54$ при $p \leq 0,001$ для всех субшкал). Человек, ориентирующийся на Безопасность как на базовую ценность, будет отличаться более высоким уровнем способности к сознательной концентрации на своих положительных чувствах и переживаниях.

Ценностная ориентация на Репутацию коррелирует со смакованием ($k = 0,48$ при $p \leq 0,01$).

Обнаружены статистически значимые связи Универсализма со способностью к смакованию в будущем ($k = 0,32$ при $p \leq 0,05$) и в настоящем ($k = 0,47$ при $p \leq 0,001$). Люди с высокой значимостью ценности Универсализма склонны к эмпатии и осознанию взаимосвязи с миром.

Общая способность к наслаждению связана с метаценностью Самоутверждения, которая раскрывается через ценности Власти и Достижения ($k = 0,29$ при $p \leq 0,05$), корреляция наблюдается со смакованием позитивных воспоминаний ($k = 0,43$ при $p \leq 0,01$). Обнаружена статистически значимая связь ценности высшего порядка Сохранения с сейворингом прошлого ($k = 0,29$ при $p \leq 0,05$). Со способностью наслаждаться настоящим связана метаценность Самопреодоления, выражаемая в ценностях Гедонизма и Благожелательности. Со способностью предвосхищать позитивные события связей не обнаружено.

Проведенное исследование позволило выявить значимые статистические связи между индивидуальными ценностями и способностью к смакованию позитивных событий. Полученные результаты подтверждают, что индивидуальные ценностные ориентации играют важную роль в способности человека наслаждаться позитивными моментами жизни. Для дальнейших исследований целесообразно изучить влияние культурного контекста.

Литература

1. *Титова Граншам В.А., Сычев О.А., Гордеева Т.О., Шаповаленко И.В., Салий Е.В.* Русскоязычная версия опросника способности к смакованию позитивных событий // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2022. № 1. С. 298–322. DOI: 10.11621/vsp.2022.01.13.

2. Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 1. С. 43–70.
3. Bryant F.B. Savoring beliefs inventory (SBI): A scale for measuring beliefs about savouring // Journal of Mental Health. 2003. Vol. 12. P. 175–196.
4. Bryant F.B., Veroff J. Savoring: A new model of positive experience. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2007.

Doubt and stress as factors for improving learning

Фоке-Алехин Ф. (Fauquet-Alekhine Ph.)

*Лаборатория исследований в области энергетики, Франция
Лондонская школа экономики, Лондон, Великобритания
p.fauquet-alekhine@lse.ac.uk*

As part of the Emergency Response Group recruitment program (not named because confidential), SEBE-Lab has developed a stress-test. The objective of this stress-test is to measure intellectual performance under mental stress for recruitment candidates. The analysis of the results of the stress test questions the impact of doubt in education as a stress generator capable of influencing intellectual performance.

The stress-test was based on the use of a psychotechnical test, taken individually, consisting of 12 questions. The versions 1 and 2 used in the present study were adapted from the original test (version 0) used in a previous study (Fauquet-Alekhine, Geeraerts, Rouillac, 2012). In its original version 0, the psychotechnical test was used under two conditions: a low-stress condition in which the subject took the test without any particular constraint; a stressful condition in which the subject had to perform the test with three constraints (stress factors): time constraint, without assistance, disturbed by an auditory stimulus. For the present study, the stressful condition was used: version 1 of the test integrated three additional stressful stimuli (repetitive beeps, random flashes of light, message asking to go

faster); Version 2 added a doubt factor: for two of the twelve questions, the experimenter asked the subject «Are you sure about the answer given to this question?» regardless of the answer that the subject would provide.

For each subject, performance was measured by calculating the score on the test. Stress state was assessed from the subject's heart rate variability (HRV). This was calculated from the heart rate measured by an electrode affixed to the subject's chest. Between 2021 and 2024, 24 participants were subjected to the stress-test. The average age was 46.5 years old ($SD=8.6$), with 15% female.

The stress measures obtained for the version 1 and 2 tests were respectively $HRV(v1) = 4,12$ and $HVR(v2) = 5,95$ ($t = 2,79$; $p < 0,01$). This indicates that the stress level was significantly higher for subjects taking the test version 2. The performance scores were respectively $P(v1) = 4,44$ and $P(v2) = 6,07$ ($t = 1,81$; $p < 0,08$). This indicates that the performance level was higher for subjects taking the test version 2. The analysis of these results suggests that recruitment candidates, necessarily under stress given the context, had a stress level that was higher when the experimenter generated the doubt associated with the possibility of a wrong answer. However, it did not exceed the threshold beyond which stress has a negative effect on performance as shown by the performance scores and as demonstrated in the previous study (Fauquet-Alekhine, Geeraerts, Rouillac, 2012). This may be explained as follows: when the perception of a threat is associated with the uncertainty to avoid or mitigate it, this leads to a state of anxiety that may increase the level of stress (see for example (Grupe, Nitschke, 2013)). This increase in stress has a positive effect on performance as long as the level does not exceed that of the transient Human Functional State (HFS) (Fauquet-Alekhine, Geeraerts, Rouillac, 2014; Leonova, 2009) separating the positive stress HFS from the negative stress HFS.

It is proposed to reason by analogy with the context of teaching students. For example, during an exam, stress induced by doubt about the response produced by students has a high probability of increasing their stress. Could this contribute to increasing student performance as for the recruitment test presented in the present study? This would be the case, for example, with an oral exam during which the examiner questions the student about the confidence he or she has in the answer given. Another example is the case of a student answering an online multiple-choice questionnaire for which an

indicator warns him or her in the event of an incorrect answer. According to Grocheva (Грошева, Соколова, Губина, 2019), this type of increased stress is unlikely to increase the student's performance given the very high level of stress during exams. However, the results of this study can be applied profitably during teaching rather than exam periods. Thus, it would seem wise to use doubt when teaching students as a stress factor likely to contribute to the improvement of performance during the learning process.

References

1. *Грошева Е.С., Соколова Н.В., Губина О.И.* Изучение влияния экзаменационного стресса на показатели умственной работоспособности студентов вуза // Гигиена и санитария. 2019. 98(5). 527-533.
2. *Fauquet-Alekhine Ph., Geeraerts Th., Rouillac L.* Characterization of anesthetists' behavior during simulation training: performance versus stress achieving medical tasks with or without physical effort // *Psychology and Social Behavior Research*, 2014. 2(2). 20-28.
3. *Fauquet-Alekhine Ph., Geeraerts Th., Rouillac L.* Improving simulation training: anesthetists vs nuclear reactor pilots // *Socio-Organizational Factors for Safe Nuclear Operation*, Larsen Science Ed. 2012. 1. 32-44. <http://www.hayka-kultura.org/images/SOF-SNO%20vol%2001%20pp32-44%20PhFa%20Geeraerst%20Rouillac%20.pdf>
4. *Grupe D.W., Nitschke J.B.* Uncertainty and anticipation in anxiety: an integrated neurobiological and psychological perspective // *Nature Reviews Neuroscience*. 2013. 14(7). 488-501.
5. *Leonova A.B.* The concept of human functional state in Russian applied psychology // *Psychology in Russia: State of the Art*, 2009. 517-538.

Влияние тренинга межличностного общения и эффективности коммуникаций на самосознание подростка

Хаймовская Н.А., Юшина Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tatisheva@yandex.ru, nika3yna@gmail.com*

Одним из ключевых факторов формирования самосознания выступает межличностное общение, через которое подростки осознают себя, свои качества и социальную роль. Как отмечает Л.Ф. Обухова, коммуникация является неотъемлемой частью жизни подростков, оказывает влияние на их учебную деятельность, увлечения и взаимодействие с родителями. Формируемый в процессе общения социальный опыт способствует развитию и реализации приобретенных навыков и способностей (Обухова, 2023). Д.Б. Эльконин также подчеркивает, что ведущей деятельностью для подросткового возраста следует считать личное общение (Эльконин, 2011). Недостаток коммуникативных навыков может привести к трудностям в социальной адаптации, межличностных отношениях и формированию адекватной самооценки.

В связи с этим особую актуальность приобретает использование тренингов межличностного общения как метода развития самосознания подростков и их личностного и профессионального самоопределения. В психологической науке самосознание определяется как процесс рефлексивного осмысления и оценки индивидом собственной личности, включающий осознание себя в качестве субъекта различных видов деятельности, а также носителя уникальной системы ценностных ориентаций, мотивов, интересов и идеалов (Быкова, 2019). Тренинг позволяет целенаправленно формировать навыки самопрезентации, эмпатии, уверенного общения и конструктивного взаимодействия с окружающими. Несмотря на значительное внимание к проблеме самосознания подростков в психологической науке, недостаточно изучена эффективность тренинговых методик в данном контексте.

Исследование проводилось с октября 2024 года по март 2025 года. В исследовании приняли участие 40 школьников, среди которых 20 – учащиеся школы №1380 г. Москвы, 20 – участники подросткового

сообщества «Тинейджер на миллион», проходящие базовый 3-х месячный тренинг-курс.

Гипотезой исследования выступило предположение о том, что у подростков после тренинга межличностного общения и эффективности коммуникаций значительно улучшатся показатели компонентов самосознания, в отличие от подростков, не проходивших тренинг.

В работе использовались психодиагностические методики (тест-опросник самоотношения (В.В. Столин, С.Р. Пантеев; методика исследования волевой саморегуляции А.В. Зверькова и Е.В. Эйдмана; опросник уровня выраженности потребности в самопознании А.В. Калашник) и методы математической статистики (U -критерий Манна-Уитни и критерий Вилкоксона).

На первом этапе исследования в экспериментальной и контрольной группах был выявлен средний уровень общего интегрального самоотношения, средний уровень общей волевой саморегуляции, а также средний уровень потребности в самопознании. Анализ по U -критерию Манна-Уитни не выявил значимых различий между группами ($p > 0,05$) на данном этапе исследования.

На втором этапе в экспериментальной группе был проведен психологический тренинг. Программа тренинга рассчитана на три месяца (36 часов) и основана на трех ключевых компонентах самосознания: самопознании, самоотношении и самоконтроле. Каждый этап тренинга представлял собой последовательную работу с определенной сферой личностного развития. Первый этап под названием «Я-познание» был направлен на развитие самопознания посредством освоения методов управления эмоциями, формирования навыков целеполагания и овладения инструментами тайм-менеджмента, что способствовало осознанию подростками своих психологических особенностей и личностных ресурсов. Второй этап – «Я-общество» акцентировал внимание на развитии коммуникативных компетенций, включая навыки ведения переговоров, эффективного социального взаимодействия и работы в команде. Этот этап способствовал формированию положительного самоотношения, укреплению уверенности в себе и освоению стратегий конструктивного общения. Заключительный этап – «Точки роста» был ориентирован на личностное и профессиональное самоопределение подростков, включал работу с профориентацией, моделированием будущего

(форсайт-сессии) и развитие эффективных стратегий взаимодействия с родителями и значимыми взрослыми. В ходе тренинга применялись различные психолого-педагогические методики, включая ролевые и деловые игры, групповые дискуссии, практико-ориентированные задания и рефлексии, что способствовало не только усвоению новых знаний, но и их применению в реальной жизни. Таким образом, тренинг обеспечивал целостное развитие самосознания подростков, формируя предпосылки для их успешной социализации и осознанного выбора жизненного пути.

На заключительном этапе исследования была выполнена оценка эффективности проведенной тренинг-программы. После прохождения тренинга показатели общего интегрального самоотношения в экспериментальной группе увеличились (в начале тренинга $M = 13$ баллов (выраженность шкалы 55%), после прохождения тренинга $M = 16$ баллов (выраженность шкалы 74%), уровня волевой саморегуляции (в начале тренинга $M = 14$ баллов, после прохождения $M = 19$ баллов) и потребности в самопознании (в начале программы $M = 5$ баллов, после прохождения тренинга $M = 8$), что свидетельствует о положительной динамике. Повторная диагностика и анализ с использованием критериев Вилкоксона и Манна–Уитни показали, что в экспериментальной группе наблюдается статистически значимое улучшение отмеченных показателей. В контрольной группе значимых изменений не зафиксировано ($p > 0,05$).

Таким образом, различия между группами по результатам проверки с помощью U-критерия Манна-Уитни оказались статистически значимыми, что свидетельствует о достоверной эффективности тренинговой программы в отношении выделенных психологических феноменов, оцененных в рамках первичной диагностики. Следовательно, выдвинутая гипотеза подтвердилась: после тренинга межличностного общения и эффективности коммуникаций значимо улучшились показатели компонентов самосознания, в отличие от подростков, не проходивших тренинг.

Литература

1. *Быкова С.С.* Исследование состояния самоотношения у подростков / С.С. Быкова, В.М. Судницына // Общество. Наука. Инновации (НПК–2019). 2019. С. 123–127.

2. Обухова Л.Ф. Возрастная психология. М.: Юрайт, 2023. 460 с.
3. Эльконин Д.Б. Детская психология. М.: Академия, 2011. 383с.

Социальные представления о России у мигрантов

Цыплакова Е.А., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
elisatsy@mail.ru, shorohovava@mgppu.ru

Адаптация мигрантов из России является актуальной социальной проблемой на сегодняшний день. Социальные представления о России у мигрантов определяют не только их адаптацию, но и на восприятие России жителями принимающей страны. Позитивное отношение к родной стране способствует психологическому благополучию личности. Рассмотрение социальных представлений мигрантов о России и их стратегий аккультурации позволит лучше понять их восприятие страны рождения, а также выявить факторы, опосредующие их социокультурную адаптацию. Это важно, так как понимание этих аспектов поможет выявить, как мигранты социализируются и принимают новую культуру, как относятся к родной культуре.

Социальные представления – это процессы коллективного осмысления, приводящие к общему восприятию, которые создают социальные связи, объединяющие общества, организации и группы. Социальные представления фокусируют внимание на явлениях, которые становятся предметом дискуссий, сильных чувств, конфликтов и идеологической борьбы, а также изменяют коллективное мышление в обществе. Как теория коммуникации, теория социальных представлений связывает общество и индивида, средства массовой информации и общественность (Höijer, 2011). Миграция – это перемещение людей через границы тех или иных территорий с целью смены постоянного места жительства, вызванное различными социально-экономическими, политическими и личностными факторами (Virupaksha, Kumar, Nirmala, 2014). Мигрант проходит стадию подготовки, стадию переселения, стадию адаптации в процессе переезда в новую страну. Важнейшая роль в формировании социальных представлений о родной стране принадлежит социализации в стране

рождения. Одной из особенностей, которые определяют социальные представления мигрантов о Родине, является отстраненное отношение к тому, что происходит в стране. Также стоит отметить, что высокая мотивация к самореализации толкает мигрантов на переезд.

Цель нашего исследования – выявление социальных представлений о России у мигрантов.

Выборку проведенного нами исследования составили мигранты, которые родились в России, но сейчас проживают в других странах. Возраст респондентов варьировался от 18 до 60 лет. Общий объем выборки составил 159 человек, из них мужчин – 84 (52,8%), женщин – 75 (47,2%). Основные причины переезда – политические, учеба, получение новой профессии, устройство на работу, а также семейные причины.

При статистической обработке применялись критерии Манна–Уитни и Уилкоксона в составе статистического инструментария программы Jamovi. Нами был использован метод свободных ассоциаций к слову-стимулу «Россия» для выявления социальных представлений. Для выявления стратегий аккультураций использовалась методика на стратегии аккультурации Дж. Берри.

Исходя из проведенной нами статистической обработки, мы можем выявить несколько основных закономерностей. Во-первых, наиболее выраженной стратегией аккультурации мигрантов является стратегия интеграции. Социальные представления наших респондентов о России имеют свою специфику. Во-вторых, содержание социальных представлений о России у мигрантов отличается выраженной эмоциональной направленностью, а также включает представления о текущем государственном устройстве и политической ситуации в России. Ядром социальных представлений о России у мигрантов являются представления о России как о месте, вызывающем чувство близости и родства, а также представления о государственной символике России. Кроме того, в периферической системе также представлены как эмоционально окрашенные категории, такие как «гнев и ощущение безысходности», «печаль и сожаление», «ностальгия», так и категории, отражающие особенности политической обстановки в России: «политическая ситуация в стране», «политический режим». В периферической системе также выявлены категории, отражающие природные и климатические особенности и региональную специфику России. В-третьих, выбор стратегии

аккультурации, в частности, обусловлен гендерной принадлежностью, сроком пребывания и уровнем образования. Стратегия интеграции больше свойственна мигрантам, которые переехали в страну пребывания менее 3 лет назад (после начала СВО), а также женщинам-мигрантам. Мигрантам, которые переехали в страну пребывания более 3 лет назад (до начала СВО), больше свойственна стратегия ассимиляция, чем мигрантам, которые переехали после начала СВО. При этом мигрантам, которые имеют среднее образование, больше свойственна стратегия сепарации, чем мигрантам, у которых образование высшее.

Наше исследование может помочь в улучшении миграционной политики, в составлении программ для более эффективной поддержки и адаптации мигрантов на основе результатов исследования. Также наша работа содействует межкультурному взаимодействию и сохранению этнокультурных традиций. Таким образом, результаты этих исследований могут быть применены для улучшения социальной адаптации мигрантов, а также для поддержания культурного разнообразия в принимающих сообществах.

Литература

1. *Höijer B.* Social representations theory a new theory for media research // *Nordicom Review*. 2011. №32. С. 3–16.
2. *Virupaksha H.G., Kumar A., Nirmala B.P.* Migration and mental health: an interface // *J Nat Sci Biol Med*. 2014. №5(2). С. 233–239.

Эффективность копинг-стратегий у сотрудников различных организаций

Чайка Д.М., Бабанин П.А.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

sadpug@mail.ru, babaninpa@mgppu.ru

Проблема эффективности копинг-стратегий неоднократно рассматривалась в трудах отечественных и зарубежных исследователей (Д. Амирхан, Р. Лазарус, Э. Хайм, Е.В. Битюцкая, Т.Л. Крюкова, С.К. Нартова-Бочавер и др.). Копинг-стратегии – это сознательно

используемые способы совладания с различными ситуациями и психологическими стрессорами; совокупность динамичных поведенческих, аффективных и когнитивных стратегий (Нартова-Бочавер, 1997). Выделяют проблемно-ориентированные и эмоционально-ориентированные копинг-стратегии (Лазарус, 1970). На данный момент не существует однозначного мнения об эффективности и адаптивности одних стратегий совладания и дезадаптивности других, в том числе, в контексте профессиональной деятельности. Данная проблема является актуальной в современном обществе, так как сотрудники организаций сталкиваются с вызовами (социальными, профессиональными и пр.), провоцирующими стресс. В свою очередь, стресс может приводить к профессиональному выгоранию, и навык использования адаптивных копинг-стратегий может помочь сотрудникам избежать ухудшения психологического здоровья, а работодателям – сохранить кадровый состав (Абдакимова, 2024).

Для определения эффективности копинг-стратегий у сотрудников различных организаций было проведено эмпирическое исследование. Объектом нашего исследования выступили копинг-стратегии. Предмет исследования – эффективность копинг-стратегий у сотрудников различных организаций. Гипотеза исследования: существуют различия в адаптивности применяемых копинг-стратегий у сотрудников различных организаций. Выборку исследования составили 54 сотрудника различных организаций, среди них 45 женщин и 9 мужчин.

Исследование носило констатирующий характер и предполагало определение преобладающих копинг-стратегий у сотрудников организаций и выявление различий в адаптивности копинг-стратегий. Для диагностики была использована методика «Опросник совладания со стрессом» COPE (Coping Orientation to Problems Experienced Inventory) (адаптация Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.И. Рассказовой и др.), а также авторская анкета о профессиональной деятельности.

Исследование различий совладающего поведения у сотрудников коммерческих, некоммерческих и бюджетных организаций не показало статистически значимых результатов. Однако в ходе исследования было обнаружено, что адаптивность копинг-стратегий имеет статистически значимые различия у сотрудников с опытом работы от 2-х месяцев до 3-х лет и у сотрудников с опытом работы от 5 до 10 и более лет. Сотрудники с меньшим опытом работы чаще прибегают к

использованию неадаптивных стратегий совладания. Они чаще прибегают к стратегиям «Мысленный уход от проблемы» ($p < 0,05$), «Обращение к религии» ($p < 0,05$), «Концентрация на эмоциях и их активное выражение» ($p < 0,05$). На основе данных можно сделать предположение, что преобладание в поведении дезадаптивных стратегий совладания с профессиональными вызовами может привести к профессиональному выгоранию сотрудников (Леонова, 2019). В свою очередь сотрудники, имеющие опыт работы от 5 до 10 и более лет, чаще используют адаптивные стратегии: «Планирование» ($p < 0,05$) и «Использование инструментальной социальной поддержки» ($p < 0,05$).

Полученные результаты исследования могут быть связаны как с продуктивной адаптацией к стрессу в профессиональной деятельности у более опытных сотрудников, так и с социально-психологическими особенностями представителей поколения Z в возрасте от 18 до 30 лет, принимавших участие в исследовании.

Высокую эффективность в преодолении стрессовых ситуаций может обеспечивать гибкое и комплексное применение различных копинг-стратегий (Нартова-Бочавер, 1997). Такой подход предполагает осознанный выбор и адаптацию стратегий к конкретным условиям, что позволяет в полной мере учитывать индивидуальные особенности личности сотрудников и специфику стрессогенных факторов. Дальнейшее исследование адаптивности копинг-стратегий в связи с профессиональным выгоранием представляется актуальным в условиях нестабильности рынка труда в стремительно изменяющемся обществе.

Литература

1. Лазарус Р. Теория стресса и психофизиологические исследования // Эмоциональный стресс-физиологические и психологические реакции / Под ред. Леви Л.Л., Медицина. 1970.
2. Нартова-Бочавер С.К. «Coping Behavior» в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. Т. 18. 1997. № 5.
3. Леонова Е.Н. Совладание с трудными карьерными ситуациями / Е.Н. Леонова // Психология стресса и совладающего поведения: вызовы, ресурсы, благополучие : материалы V

Международной научной конференции: в 2-х томах, Кострома, 26–28 сентября 2019 года / Ответственные редакторы М.В. Сапоровская, Т.Л. Крюкова, С.А. Хазова. Том 2. Кострома: Костромской государственный университет. 2019.

4. *Абдакимова М.К.* Влияние профессионального и эмоционального выгорания на выбор копинг-стратегии в разрезе психологической подготовки социальных работников / М.К. Абдакимова, Н.С. Гроссул // Вестник Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилева. Серия Педагогика. Психология. Социология. 2024. № 2.

Особенности ценностно-смысловой сферы молодых супругов как фактор удовлетворенности брачными отношениями

Чеслин Я.Г., Орлов В.А.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sunnyworld2019@list.ru, vladimirorlov@bk.ru*

Тема семьи – одна из наиболее важных и актуальных в наше время. Особый интерес представляют молодые семьи, поскольку первые годы существования семьи позволяют определить ее дальнейшую перспективу – либо брак укрепится, либо распадется.

Одним из важных вопросов, которые решаются в первые годы существования семьи, является согласование ценностно-смысловой сферы супругов, поскольку у каждого из них есть свои взгляды и интересы. Конфликт из-за разногласий в данном вопросе может стать причиной распада брака.

Важным элементом, который имеет отношение к ценностям, являются полоролевые ожидания каждого из супругов. Они представляют собой совокупность определенных обязанностей, которые исполняет в семье каждый из супругов, и являются связывающим супругов звеном. В нем можно выделить следующие элементы: родственные и брачные взаимоотношения, взаимная моральная ответственность, общий быт и потребность общества в воспроизводстве населения (Харчев, 1997).

Говоря о семейных ценностях, следует отметить, что сегодня они начинают все сильнее отходить на второй план, уступая место индивидуальным потребностям и амбициям человека. Возможной причиной этого является общая нестабильность общества, которая ведет к большему господству целей индивида (Карцева, 2003).

В России все больше молодых людей смещают приоритеты в сторону вопросов, связанных с построением карьеры, хобби и самореализацией, что говорит о смещении приоритетов в сторону индивидуальных ценностей и приводит к развитию индивидуализма у современной молодежи, который мешает им отдавать себя общим ценностям и интересам. В том числе и вопросам, связанным с семейной жизнью (Кучмаева, Кучмаев, Петрякова, 2009).

Однако можно выделить и положительные моменты. Например, семьи, где господствуют традиционные ценности, оказываются более благополучными, также для этих семей свойственно происхождение обоих супругов из благополучных родительских семей. Это формирует у них благоприятный опыт семейной жизни, который они в дальнейшем переносят в созданные ими семьи (Исаева, Акимова, Морева, 2023).

Господство традиционных семейных ценностей обеспечивает семье благополучие и оба супруга испытывают удовлетворенность своими брачными отношениями, однако факт смещения приоритетов в сторону индивидуальных аспектов жизни все равно присутствует. На основании этого можно сделать вывод, что в современном обществе происходят серьезные преобразования, связанные с трансформацией института семьи и сменой ценностных ориентаций молодежи, что и привлекает внимание современных исследователей (Лупенко, Станоева, 2022).

Литература

1. *Исаева О.М., Акимова А.Ю., Морева А.Н.* Взаимосвязь семейных ценностей современной молодежи и уровня их психологического благополучия // Психологические исследования. 2023. Т. 16. № 88. URL: <https://psystudy.ru/index.php/num/article/view/1376>
2. *Кучмаева О.В., Кучмаев М.Г., Петрякова О.Л.* Трансформация института семьи и семейные ценности // Вестник славянских культур. 2009. №3.

3. *Карцева Л.В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества / Л.В. Карцева // Социологические исследования. 2003. № 7. С. 92–99.
4. *Лупенко Н.Н., Станоева Ю.П.* Ценностные ориентации и удовлетворенность браком у молодых семей // Проблемы современного педагогического образования. 2022. № 77-4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostnye-orientatsii-i-udovletvoryonnost-brakom-u-molodyh-semey>
5. *Харчев А.Г.* Брак и семья / А.Г. Харчев. М., 1997.

Проблемный комплекс цифровых зависимостей и психологическое неблагополучие

Шейнов В.П.

*Республиканский институт высшей школы,
Минск, Республика Беларусь
sheinov1@mail.ru*

В настоящее время школьники и студенты живут одновременно в реальном мире и в киберпространстве, причем при наличии цифровых зависимостей – от смартфона, от социальных сетей, от видеоигр – проводят больше времени в цифровом мире. Данные зависимости создают психологические и иные проблемы, что вызывает обоснованную тревогу родителей, педагогов и психологов.

В современном цифровом обществе к традиционной травле при непосредственном контакте добавился *кибербуллинг* – травля посредством смартфона и социальных сетей (Шейнов, 2021). Зависимость от смартфона способствует *неассертивности*, неумению отстаивать свои интересы (Шейнов, 2014а; Шейнов, 2014б), *незащищенности от манипулирования* (Шейнов, 2022), которая приводит к *виктимизации* его жертв (Sheinov, 2018). Зависимость от соцсетей напрямую связана с незащищенностью от кибербуллинга (Шейнов, 2022; Шейнов, 2021).

Нами проведены 4 эмпирических исследования русскоязычных испытуемых – белорусов и россиян, школьников, студентов, взрослых.

В первом исследовании участвовали 310 школьников 10–17 лет (средний возраст $M = 14,3$ года, $SD = 1,9$), в том числе 177 (57%) девочек ($M = 14,2$; $SD = 1,9$) и 133 мальчиков ($M = 14,3$ года, $SD = 1,9$).

Во втором исследовании – 846 студентов 18–21 лет (средний возраст $M = 19,2$ года, $SD = 0,97$), в том числе 470 (55 %) девушек ($M = 19,3$; $SD = 0,95$) и 376 юношей ($M = 19,1$ года, $SD = 1,0$).

В третьем исследовании – 279 взрослых респондентов старше 21 года (средний возраст $M = 31,5$ года, $SD = 9,5$), в том числе 141 женщина и 138 мужчин.

Основу четвертого исследования создали результаты изучения 694 испытуемых: 403 женщины (58% выборки, $M = 20,2$; $SD = 9,5$) и 291 мужчины ($M = 19,6$ года, $SD = 7,6$). Таким образом, в целом в 4 исследованиях были использованы ответы 2129 испытуемых, в их числе 55% женщин и 45% мужчин.

Методы. Все четыре исследования проведены по единой методике. Использованы опросники: зависимости от смартфона (автор В.П. Шейнов), зависимости от соцсетей (авторы В.П. Шейнов, А.С. Девицын), прокрастинации (авторы В.П. Шейнов, А.С. Девицын), зависимости от видеоигр (АПА), а также адаптированная М.А. Морозовой с соавторами «Госпитальная шкала тревоги и депрессии».

В исследованиях на выборках испытуемых разных возрастных диапазонов получены сходные результаты, а именно: зависимости от смартфона, от социальных сетей, от видеоигр, а также тревожность, депрессия, агрессивность, прокрастинация, проблемы со сном и продолжительность ежедневных видеоигр, – все положительно взаимосвязаны между собой.

С возрастом обнаруженные связи ослабевают, у студентов они ниже, чем у школьников, а у взрослых еще ниже, и комплекс из 9 свойств сокращается до 7 свойств (отпадают прокрастинация и агрессивность).

Четвертое исследование подтвердило результаты 3 предыдущих.

Полученные в этих исследованиях выводы имеют определенное *теоретическое значение*. Они свидетельствуют, что зависимость от смартфона, зависимость от социальных сетей и зависимость от видеоигр образуют комплекс из 9 переменных, который можно определить, как «*Проблемный комплекс цифровых зависимостей*», включающий в себя эти 3 зависимости и связанные с ними проблемные

свойства личности – тревожность, депрессия, агрессивность, прокрастинация, проблемы со сном, продолжительность ежедневных видеоигр. Причем все указанные свойства положительно связаны между собой.

То есть «Проблемный комплекс цифровых зависимостей» – это не механическое объединение зависимостей от смартфона, соцсетей и видеоигр, а принципиально новое образование с взаимосвязями между всеми 9 его компонентами.

Зарубежными исследователями установлены аналогичные связи между перечисленными свойствами личности, поэтому полученный на российских и белорусских выборках вывод о существовании «Проблемного комплекса цифровых зависимостей» имеет наднациональный характер и входит в число цифровых рисков как угроза психологическому благополучию у подростков, молодежи и взрослых, причем независимо от страны проживания.

У молодежи в Комплекс входит 9 свойств, взрослых – 7 свойств (отсутствуют агрессия и прокрастинация).

Опасность этого комплекса в том, что появление одной из названных цифровых зависимостей открывает дорогу формированию двух других с их положительными взаимосвязями с проблемными свойствами личности – тревожностью, депрессией, агрессивностью, прокрастинацией, проблемами со сном, продолжительностью ежедневных видеоигр.

Литература

1. Шейнов В.П., Девцын А.С. Личностные корреляты зависимости от смартфона женщин и мужчин // Психология человека в образовании. 2021. Т. 3. № 3. С. 313–328.
2. Шейнов В.П. Ассертивное поведение: оценки и свойства // Российский психологический журнал. 2014а. Т. 11. № 4. С. 55-67.
3. Шейнов В.П. Возрастные и гендерные факторы ассертивности // Системная психология и социология. 2014б. № 2 (10). С. 118–126.
4. Шейнов В.П. Короткая версия опросника «Незащищенность от манипуляций» // Системная психология и социология. 2022. № 1(41). С. 70 – 80. DOI: 10.25688/2223-6872.2022.41.1.6

5. *Шейнов В.П., Девцын А.С.* Взаимосвязь зависимости от социальных сетей и признаков психологического неблагополучия // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2022. Т. 7. № 2 (26). С. 83–106.
6. *Шейнов В.П., Девцын А.С.* Взаимосвязи зависимости от социальных сетей с психическими состояниями и свойствами ее жертв // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2021. № 4. С. 566–573.
7. *Sheinov V.P.* Developing the technique for assessing the degree of victimization in adults / V.P. Sheinov // Russian Psychological Journal. 2018. T. 15. № S2-1. Pp. 69–85. DOI: 10.21702/rpj.2018.2.1.5

Взаимосвязь между юмором и стратегиями аккультурации у русских эмигрантов в США

Шелонина Л.А., Шорохова В.А.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
sheloninala@mgppu.ru, shorohovava@mgppu.ru

Существует множество исследований, посвященных аккультурации и юмору, но недостаточно работ, освещающих их взаимосвязь.

Джон Берри создал популярную модель аккультурации личности, выделив четыре стратегии – ассимиляцию, сепарацию, интеграцию и маргинализацию (Берри, Сэм, 2006). По его мнению, «интеграция является наиболее предпочтительной установкой аккультурации: иммигранты, выбравшие эту установку, демонстрируют наиболее высокий уровень адаптации. Маргинализация же является наименее предпочтительной: респонденты, выбравшие данную установку, демонстрируют низкий уровень адаптации. Ассимиляция и сепарация традиционно занимают промежуточное положение и связаны со средним уровнем адаптации» (Берри, Сэм, 2006).

В рамках концепции культурного шока К. Оберга человек, входящий в культуру новой группы, проходит пять стадий, начиная от принятия нормы, затем эйфории, культурного шока (кризиса), частичной и полной адаптации. «Понять культуру – значит правильно интерпретировать ее нарративы. Когда человек интерпретирует иную

культуру, он часто делает ошибки, отсюда неадекватное поведение и шок от иной среды, о котором говорит К. Оберг» (Працкевич, 2019).

Юмор служит признаком положительной психоэмоциональной динамики при переходе новую культуру, по сути, третьей стадией адаптации в теории К. Оберга, о чем говорят исследователи адаптационных моделей аккультурации (Леденева, 2011). Известны результаты корреляции аффилиативного и самоподдерживающего юмора с высоким субъективным счастьем и самооценкой, низкой депрессией (Юэ, Люн, Хиранандани, 2016), а перечисленные качества – опора при адаптации мигранта в новой культуре.

У принимающего общества есть страх перед мигрантами – один из распространенных, а с ним возникает и неприятие чужого. Согласно идеям представителей эстетического подхода, юмор выступает орудием социального регулирования и порицания. Он помогает адаптироваться не только мигрантам, но и носителям культуры коренного населения, так как выполняет функцию преодоления страха (Попов, 2014).

Нас заинтересовал вопрос: способен ли индивидуальный стиль юмора помочь или помешать адаптации личности к новой культуре? Есть ли взаимосвязь между стратегиями аккультурации и стилем юмора у людей, переехавших в другую страну?

Наше эмпирическое исследование проводилось с помощью опросника «Стратегии аккультурации (Дж. Берри)», опросника «Трудности социокультурной адаптации (Дж. Берри)» и «Опросника стилей юмора» Р. Мартина. Учитывался также социальный статус респондентов.

Участниками исследования стали 60 человек (10 мужчин и 50 женщин в возрасте от 20 до 60 лет), эмигрировавших в США. Большинство респондентов (75% или 45 человек) относит себя к русским, 7 человек – к украинцам/белорусам, 8 – к представителям этнических меньшинств России. Половина опрошенных (30 человек) пребывают в США 1–2 года, 11,67% – 3–5 лет, 15% – более 5 лет, 23,33% – менее года.

Результаты, полученные с помощью коэффициента корреляции Спирмена, показали, что существует положительная связь между предпочтением самоуничижительного юмора и ассимиляцией ($r = 0,28$; $p < 0,05$), а также между агрессивным юмором и ассимиляцией ($r = 0,30$;

$p < 0,05$). Отрицательная связь выявлена между самоподдерживающим юмором и сепарацией – ($r = -0,28$; $p < 0,05$). Не выявлена взаимосвязь между стилем юмора и маргинализацией. Аффiliationный стиль юмора не показал взаимосвязи ни с одной из стратегий аккультурации.

Выявилась статистически значимая отрицательная корреляция между самоподдерживающим юмором и трудностями социокультурной адаптации, что идет вразрез с изложенными в литературе данными, но объяснимо культурно-специфическими особенностями юмора в США.

На наш взгляд, необычен факт отсутствия взаимосвязи между маргинализацией и индивидуальным стилем юмора. Стратегия маргинализации сопутствует отказу от изначальной идентичности и невозможности принятия новой. Возможно, так мигрант отказывается от своих индивидуально-личностных черт.

Одной из особенностей юмора в США является маскировка истинных положительных эмоций оскорбительными высказываниями (Род, 2009), а такое проявление свойственно людям с агрессивным стилем юмора. Выбирая стратегию ассимиляции, индивид отказывается от значимой части себя. Согласно полученным результатам, полный переход в новую культуру с отказом от прошлого может сопровождаться агрессивным стилем юмора, связанным с глубокой перестройкой личности, использованием агрессии для ослабления неприятных чувств.

Полученная взаимосвязь самоуничижительного юмора с ассимиляцией может стать маркером отношения индивида к себе при отказе от первоначальной идентичности – человек пытается «перекроить» себя под новое общество, стать удобным для окружающих.

Отрицательная взаимосвязь между самоподдерживающим юмором и сепарацией говорит о том, что люди с этим стилем, имеющим интровертивную природу, все же не склонны закрываться от нового опыта взаимодействия с представителями новой культуры. Отрицательная корреляция между использованием самоподдерживающего юмора и трудностями социокультурной адаптации противоречит исследованиям зарубежных коллег (Шмитц, 2022).

Вопрос взаимосвязи стилей юмора со стратегиями аккультурации – источник нового знания о психологии мигрантов, переживающих стрессовый период жизни. Чем лучше сможем изучить стили юмора и их взаимосвязь со стратегиями аккультурации, тем больше перспектив по сопровождению мигрантов в новом обществе получится открыть.

Литература

1. *Леденева Н.В.* Аккультурация как процесс межкультурного взаимодействия // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2011. № 1(3). С. 144-151.
2. *Попов Я.* Этнические стереотипы в национальном юморе как выражение социальных страхов // Вестник МИЛ. 2014. №2. С. 100-109.
3. *Працкевич Т.А.* Адаптационные модели аккультурации: от культурного шока к аккультурационному стрессу // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў. 2019. № 3 (33). С. 34-41.
4. *Род А.М.* Психология юмора. СПб : Питер, 2009. 480 с.
5. *Сэм Д., Берри Д.* Кембриджский справочник по психологии аккультурации, Кембридж. 2006. 551 с.
6. Шмитц П.Г. Корреляции стратегий аккультурации: личность, преодоление и результат // Журнал кросс-культурной психологии. 2022. Т. 53(7-8). С. 875-916. URL: <https://doi.org/10.1177/00220221221109939> (Дата обращения 19.02.2025).
7. Юэ Х.Д., Люн К.-Л., Хиранандани Н.А. Игривость взрослых, стили юмора и субъективное счастье // Психологические отчеты. 2016. Том 119(3). С. 630-640. URL: <https://doi.org/10.1177/0033294116662842> (Дата обращения 19.02.2025).

Мода в ценностно-нормативной регуляции группового консенсуса

Ширков Ю.Э.

*МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия
shirkov@mail.ru*

Понимание моды как механизма социальной регуляции прослеживается в социологической традиции объяснения социального устройства с начала XX века. Г. Зиммель отводил моде значимую роль в спонтанном процессе интеграции и дифференциации социальных групп. Фактически он выразил мысли, высказанные позже в социальной психологии, связав моду с внутренними потребностями человека в объединении с другими людьми посредством подражания, но одновременно с этим – в обособлении идентичности (Зиммель, 1996).

М. Вебер прямо утверждал, что мода устанавливает идеологические ориентиры и идеологический стандарт (Вебер, 2020). Сегодня ориентиры мы называем ценностями, а стандарты – нормами. В установлении и утверждении ценностей социология находит общественный смысл моды.

Современные термины – нормы и ценности – стали обозначать реальность, описанную классиками социологии, но уже с позиции постмодернизма (Барт, 2003). К концу века социология солидарно определилась с тем, что моду следует рассматривать как один из процессов социальной регуляции (Гофман, 2010). Участие социальной психологии в анализе моды выражается в наполнении психологическим содержанием понятий норм и ценностей. Так абстрактное социальное явление приобретает человеческое измерение.

Нормативная регуляция социального поведения личности проявляется в перестройке внутреннего мира человека под воздействием социальных норм. Эталоны, модели, стандарты должного, обязательного, приемлемого (или запрещаемого, неодобряемого) поведения входящих в группы индивидов представлены в общественном и индивидуальном сознании, но в конечном счете определяют принятие личного нормативного решения. Уровневая организация нормативной регуляции задает

взаимонаполнение социальных норм, норм малых групп, личностных норм (Бобнева, 1978).

Полноту влияния на социум нормы приобретают вместе с ценностями. В этой паре приходят к балансу находившиеся в противоречии в концепции Зиммеля стремления человека к общности и к особенности.

Общая философская идея ценностного релятивизма находит выражение в социально-психологическом принципе культурной специфичности базовых ценностных ориентаций. Эмпирически изученные подробности структурной организации системы индивидуальных ценностей позволяют прогнозировать индивидуальное поведение, складывающееся в общественные тренды (Шварц, 2008).

Суммируя сказанное, психологический взгляд на моду заставляет видеть в ней регулятор группового поведения через динамику ценностно-нормативного содержания социальных представлений.

Подтверждением универсальной социально-психологической природы моды может служить масштабирование ее заметных свойств в одной сфере на другую сферу, в которой эти свойства проявляются неочевидно.

Первой на ум приходит мода на одежду и ее расхождение на элитарную и массовую. Как проявляется подобная дифференциация в областях, в которых мода не подвергалась столь же внимательному рассмотрению?

В предпринятом нами поисковом исследовании ценностно-нормативных установок экспертного сообщества на массовую и элитарную моду были проведены глубинные интервью с экспертами, признанными по критериям опыта, достижений и признания в своей сфере. Опрошено по два эксперта в каждом из следующих четырех выделенных направлений.

- «То, что носят»: одежда-обувь-аксессуары-прическа-макияж-парфюм.
- Дизайн, архитектура. То, что строят, как украшают пространства, поверхности, графика, промышленный дизайн.
- Литература, кино, музыка. То, что читают, смотрят, слушают. Модные тенденции в областях культуры.

- Проведение свободного времени – мода на увлечения, развлечения в повседневной жизни, популярные сервисы досуга.

Эксперты из четырех разных сфер продемонстрировали сходство ценностно-нормативных установок на различия между массовой и элитарной модой. Правда, поляризация моды на элитарную и массовую оказалась неудобной. Более точные полюса этой шкалы – «массовое / нишевое», либо «элитарное / эгалитарное». Эгалитарная мода в равной степени доступна широким массам населения, доступность элитарной моды принципиально ограничена. Доступ бывал осложнен и законом, и информационным барьером, и порогом цены. Со временем мобильность между эгалитарной и элитарной модой стала возможной, но сущность деления продолжает играть свою роль. Многомерность культуры обеспечила множественность нишевых альтернатив массовой популярности.

Возможности норм и ценностей определять моду в этих изменениях неодинаковы. Нормативные установки отчетливо различают массовую и нишевую моду, но ценностные ориентации не имеют такой же различительной силы.

Нормы проявляются в должном и запретном, а ценности – в привлекательном и отталкивающем. В моде, разведенной по шкале массовости, это проявляется следующим образом.

- Должное, необходимое, обязательное является более заметным свойством массовой моды, которая стремится быть общей и повсеместной. В нишевой моде предписания к должному менее определены.
- Запрещенное, недопустимое, лишнее – скорее, черты нишевой моды, которые проявляются именно в контрасте с массовой и задают сущность нишевого самой дистанцией от массового.
- Привлекательное, прекрасное, манящее – положительные ценности задают нишевую моду в интересах ценностного оправдания обособленных правил узкой группы. В массовой моде привлекательное подчиняется должному и может ему противоречить – позитивные ценности второстепенны.
- Отталкивающее, безобразное, скучное – управляющая роль ценностей в негативной спецификации в большей степени применима к массовой моде. Нишевая мода сфокусирована на

положительном полюсе, а отрицательный полюс расфокусирован.

Поисковый характер позволил скорее поставить вопросы исследования данной темы, чем дать на них окончательные ответы. Ясность приобрела методологическая рамка социально-психологического взгляда на моду как универсальный механизм социальной жизни, действующий в различных сферах по общим закономерностям. Можно заключить, что мода не просто регулирует, а, по сути, и есть динамический аспект норм и ценностей группы.

Литература

1. *Барт Р.* Система Моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003.
2. *Бобнева М.И.* Социальные нормы и регуляция поведения. М., 1978.
3. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. М.: АСТ, 2020.
4. *Гофман А.Б.* Мода и люди. Новая теория моды и модного поведения. М.: КДУ, 2010.
5. *Зиммель Г.* Философия моды // Избранное. Том 1. Философия культуры. М.: Юрист, 1996.
6. *Шварц Ш.* Культурные ценностные ориентации: природа и следствия национальных различий // Психология. 2008. Том 5. № 2. С. 36–67.

Высшее образование: тандем преподавания и обучения

Шнейдер Л.Б.

ФГБОУ ВО МПГУ, Москва, Россия

lb.shnejder@mpgu.org

В сегодняшнем мире благополучие любой страны зависит от ее способности к быстрому развитию, что определяется качеством образования и результатами профессионализации молодого поколения. Уже не новость, что «искусственный интеллект, интернет вещей и

анализ больших данных являются ключевой частью пакета цифровых технологий, лежащих в основе «платформенной экономики» и сдвига границ отраслей» (Нестик, 2018, с. 23). В настоящее время выводы очевидны: плохое образование – слабосильное государство, качественное образование – мощный экономический рост. Но этого недостаточно, если сам обучающийся не определится, для чего – персонально ему – нужно это качественное образование (Социальная психология образования, 2015; Человек работающий..., 2018), а преподавательский корпус прояснит для себя традиционный, но немаловажный вопрос, связанный с содержанием образования: чему учить?..

Базовый принцип отбора содержания образования на любой его ступени и уровне – опора на социокультурный опыт человечества (Шнейдер, 2013). Педагог должен приоткрывать новые миры (начиная от мира высшей математики и кончая миром нравственного действия), помогать обучающимся войти в них (Шнейдер, Зыкова, 2016). В свою очередь они, осваивая основы мироздания, должны рассматривать образование как процесс, обращенный на самого себя, в котором человек не только «образуется», но и самоосуществляется (Социальная психология образования, 2015; Шнейдер, 2024). Подобный шаг знаменует смыкание обучения с самообразованием, и эта «стыковка» связана с иным типом целеполагания: образование подчиняется в этом случае целям самосовершенствования, становится моментом психической активности человека, формой его бытия. Оно приобретает статус личностного достояния. Если образование не имеет статуса достояния, активность обучающегося нивелируется, он должен ПОЛУЧАТЬ образование, то есть кто-то ему это самое образование должен давать, в конечном варианте – обязан выдать (вручить) ему диплом (Шнейдер, 2013). Сравним словоупотребление: «Получил диплом врача» и «Стал врачом».

Образование как достояние – не просто более узкое понятие, чем образование. Под ним подразумевается включение, вникновение обучающегося в профессию и преобразование себя в ее рамках. Соответственно ответственность в обучении резко персонифицируется. «Это очевидно, но редко реализуется на деле» (Шнейдер, 2013, с. 232), так как легко заметить, что, при наблюдаемой нынче цифровой «экспансии» в преподавании и обучении, недостает «экологии»

жизнетворчества. Одним из ключевых аспектов в этом процессе является склонность рассматривать образование только с точки зрения измеряемых показателей. Тем не менее у обучающегося в процессе обучения строится внутренний образ внешнего мира, «конструкция» которого определяется содержащейся в нем инвариантной и вариативной информацией. Самое главное в ней – наличие колоссальной степени обобщенности научного и социокультурного опыта, который и отображает бытие, и задает многообразие векторов его понимания (Шнейдер, Зыкова, 2016), что требует разных состояний психики и духа.

Все это очень важно, так как в современном мире на смену стихийному развитию цивилизации пришло осознанное – разумное или нет, другой вопрос, – ее конструирование. Без качественной подготовки профессиональных кадров высокой квалификации этот процесс будет малоэффективным. В связи с чем в условиях футуристической неопределенности преподавательский корпус вынужден настраиваться на создание адекватных завтрашнему дню программ и учебно-профессиональных курсов (Современная реальность..., 2019; Шнейдер, 2024). Вариативная/инновационная часть содержания обучения – веление времени, так как вопросы – чему учить и чему учиться – теряют четкие предметно-целевые ориентиры. С этой точки зрения преподавательская миссия сводится к включению в учебный процесс неординарных способов и видов деятельности (Шнейдер, 2024). Студентов надо обучать быстрому вхождению в «слепые» проблемные зоны, результативно, с опорой на цифровые ресурсы использовать научный и деловой профессорско-преподавательский потенциал. Сегодня этот тезис переосмыслен как требование учить обобщенным способам деятельности, активизировать тандем преподавания и обучения, развивать критическое мышление, совместную продуктивную творческую деятельность в исследовательских практиках и диалогах. Очевидно, что и квалификация преподавательского корпуса должна сверхбыстро обновляться.

Ученые мужи вводят обучающегося в профессию, влияют на его мировоззрение и отношение к делу, формируют нравственные ценности и профессиональный кругозор. Эти ментальные «закладки» в дальнейшем будут программировать профессиональное поведение

специалиста. Вот почему в учении необходимо принятие ответственности за получаемое образование как свое личное достояние, а в преподавании – разработки обновленных целевых ориентиров во избежание подготовки образованных, даже «оцифрованных» специалистов, но нравственно и граждански слабообразованных.

Таким образом, целесообразно особое внимание уделять идее «образование как достояние», способствуя укреплению творческого тандема «преподаватель – студент». Подобный подход подвигает молодого человека к обретению истинного профессионального мастерства, его переходу от стратегии созерцания к стратегии преобразования самого себя и перестройке структур своего опыта. Без этого возникает риск сведения образования к инструментально-исполнительской активности и в преподавании, и в обучении (Современная реальность..., 2019; Социальная психология образования, 2015; Человек работающий..., 2018; Шнейдер, 2024).

Литература

1. *Нестик Т.А.* Внедрение технологий искусственного интеллекта в повседневную жизнь: перспективы психологических исследований // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. М.: РГГУ, 2018. С. 24-30.
2. Современная реальность в социально-психологическом контексте – 2019: сборник научных трудов / под науч. ред. О.А. Белобрыкиной, М.И. Кошеновой. Новосибирск: НГПУ, 2019. 296 с.
3. Социальная психология образования / под ред. О.Б. Крушельницкой, М.Е. Сачковой, Л.Б. Шнейдер. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2015. 320 с.
4. Человек работающий. Междисциплинарный подход в психологии здоровья / Е.П. Белинская [и др.]. М.: Перо: ИММ-Пресс, 2018. 384 с.
5. *Шнейдер Л.Б.* Изменения в окружающем мире – трансформации в образовании // Социальная психология: вопросы теории и практики. Материалы IX Международной научно-практической конференции памяти М.Ю. Кондратьева (15–16 мая 2024 г.). М.: МГППУ, 2024. С. 718-722.

6. *Шнейдер Л.Б.* Ученичество, образование и образовательные услуги: соотношение понятий и проявлений // У истоков развития / ред. Л.Ф. Обухова, И.А. Котляр (Корепанова). М.: МГППУ, 2013. С. 227-237.
7. *Шнейдер Л.Б., Зыкова М.Н.* Философия учительства, или Некоторые размышления об аксиологических основаниях педагогической деятельности // Проблемы современного образования. 2016. № 4. С. 20-38.

Взаимосвязи компонентов в структуре профессиональной ментальности

Штрикова Д.Б.

*ФГБУ ВО СамГТУ, Самара, Россия
shtrikovadb@yandex.ru*

Структура профессиональной ментальности как системного объекта в статическом виде отражает сетевой характер взаимосвязанности компонентов, где каждый компонент взаимодействует со всеми остальными. Рассмотрим структурные взаимосвязи компонентов с помощью системно-категориальной методологии, разработанной В.И. Разумовым (Боуш, Разумов, 2020) и дополненной Г.Д. Боуш (Боуш, 2013). Данная методология успешно используется в экономике, но еще не нашла широкого применения в психологии.

Компонентами женской профессиональной ментальности в их эволюционной последовательности являются: 1) природный; 2) социально-культурный; 3) учебно-познавательный; 4) трудовой; 5) эвристический.

1. Природный компонент

Связь природного и социально-культурного компонента. К природным компонентам мы относим способности. В данном вопросе мы придерживаемся той позиции, что способности имеют природную (биологическую) основу, это свойства функциональных систем, реализующих отдельные познавательные и психомоторные функции (Рубинштейн, 2002; Шадриков, 1996). Природный компонент обеспечивает познание и усвоение аспектов социокультурной среды.

Связь природного и учебно-познавательного компонента. Под влиянием формальных и неформальных образовательных институтов, самообразования формируется комплекс компетенций – знаний, умений, навыков, развиваются природные, врожденные способности. Природный компонент влияет на скорость, глубину, устойчивость и успешность овладения компетенциями.

Связь природного и трудового компонента. Аналогично взаимодействию с учебно-познавательным компонентом, в отношениях с трудовым компонентом природный компонент влияет на скорость, глубину, устойчивость и успешность овладения приемами профессиональной деятельности.

Связь природного и эвристического компонента. Как уже было отмечено, способности влияют на скорость, глубину, степень усвоения и анализа информации, которая необходима для ее качественной проработки и последующего генерирования идей, принятия решений, разработки системных проектов.

2. Социально-культурный компонент

Связь социально-культурного и учебно-познавательного компонента. Социально-культурная среда определяет качественные характеристики учебно-познавательного компонента. Содержание качественных характеристик заложено в образовательных стандартах, в содержании дисциплин и формируемых компетенциях.

Связь социально-культурного и трудового компонента. Аналогично можно сказать и о трудовом компоненте: взаимосвязь прослеживается в нормативно-правовых документах, например, приказах Минтруда.

Связь социально-культурного и эвристического компонента проходит через сформированные социальные представления о приемлемости, адекватности, уместности и эффективности разработанных идей, реализуемых решений и разработанных систем с точки зрения социально-культурного контекста.

3. Учебно-познавательный компонент

Связь учебно-познавательного и трудового компонента. Для реализации в профессиональной деятельности необходимы знания, умения, навыки, требования к которым зависят от профессии и должности. Профессиональная деятельность диктует необходимость

развития компетенций посредством формального, неформального и информального образования.

Связь учебно-познавательного и эвристического компонента заключается в том, что комплекс компетенций позволяет осуществлять поиск и отбор необходимой информации в целях решения профессиональных задач на инновационном уровне.

4. Трудовой компонент

Связь трудового и эвристического компонента. Профессиональная деятельность бросает вызовы и требует новаторских решений возникающих задач. Задачи могут быть разного уровня сложности, но выход на качественно новый уровень в профессии возможен именно за счет разработки новых подходов к решению задач, влияющих на эффективность их выполнения, разработки новых проектов, позволяющих приобретать новые качественные характеристики не только объекту, но и субъекту профессиональной деятельности.

5. Эвристический компонент связан со всеми остальными компонентами, так как инновационные идеи, решения и системные проекты требуют задействования ресурсов все остальных компонентов.

Структура профессиональной ментальности обусловлена отношениями, которые возникают в рамках их взаимосвязей и взаимовлиянии. В ее организационной структуре иерархичность структуры носит специфический характер, который можно описать как сетевой с элементами иерархии. Так, природный и социально-культурный компонент будут всегда занимать в иерархии первую и вторую позиции соответственно, в то время как по отношению к трем остальным подобная строгость может не существовать. Основой иерархизации организационной структуры выступает различная роль компонентов в формировании профессиональной ментальности и влияния на ее эволюционирование.

Литература

1. Боуш Г.Д. Кластеры в экономике: научная теория, методология исследования, концепция управления: монография. Омск, 2013.
2. Боуш Г.Д., Разумов В.И. Методология научного исследования (в кандидатских и докторских диссертациях). Москва, 2020.

3. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. Санкт-Петербург, 2002.
4. *Шадриков В.Д.* Психология деятельности и способности человека. Москва, 1996.

Социально-психологические особенности поведения взрослых в ситуации киберагрессии

Шульга Т.И., Козлова А.Б.
ФГАОУ ВО «ГУП», ОАНО «МПСУ», Москва, Россия
shulgatiana@gmail.com

В исследованиях отечественных и зарубежных авторов существуют полярные мнения относительно последствий кибербуллинга и киберагрессии среди подростков и молодежи. Однако важно определить краткосрочные и долгосрочные последствия киберагрессивного воздействия на взрослых и характеристики взрослых, проявляющих киберагрессию в социальных сетях (Блинова, Гурина, 2023; Солдатова, Рассказова, Чигарькова, 2020; Солдатова, Шляпников, Журина, 2015).

Выявлено, что взрослые, активно участвующие в цифровых коммуникациях, оказываются в различных ролевых позициях, которые могут способствовать как эскалации конфликта, так и его разрешению. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных киберагрессии, социально-психологические аспекты ролевого поведения взрослых в этих ситуациях остаются недостаточно изученными (Шаров, 2019; Álvarez-García et al., 2016).

Исследование проводилось в ситуации киберагрессии взрослых при выборе стратегий ролевого поведения. С помощью авторских опросников Р.И. Зекерьева изучалось влияния установок на выбор ролевых позиций и стратегий поведения. С помощью опросника киберагрессии D. Álvarez-García (адаптация А.А. Шарова) (Álvarez-García et al., 2016) – данные о привычках в интернет-активности и опыте столкновения с агрессией в сети. Использовалась авторская анкета, исследование проводилось в гугл-форме, офлайн, приняли участие 91 женщина в возрасте от 21 до 48 лет. Выборка была разделена на две

возрастные группы. В первую группу вошли участницы в возрасте (21–30 лет, составляя 50,55% от всей выборки (45 человек). Во вторую группу вошли участницы в возрасте (31 год и старше, составляя 49,45% (46 человек).

Авторская анкета включала в себя вопросы о характеристиках, времени, цели и привычках использования интернета, опыта агрессивного взаимодействия в сети. Результаты позволили определить индивидуальные различия участников, их степень вовлеченности в ситуации киберагрессии.

Выявлено, что обе группы женщин подвергались агрессии или оскорблениям в сети Интернет воздействию киберагрессии. Женщины первой группы подвергались чаще киберагрессии, по сравнению со второй, при этом 97,7% женщин 1 группы и 93,48% 2 группы были свидетелями проявления агрессии в сети Интернет. Обе группы проводят более 5 часов в сети Интернет. Целью использования интернета для 1 группы является общение и развлечения, для 2 группы учеба, работа и поиск информации.

Изучение направленности поведения в интернет-пространстве, включая склонность к конструктивным стратегиям взаимодействия, а также девиантному и асоциальному поведению, позволило выявить склонности женщин двух групп к разным видам киберагрессии: к асоциальному поведению в интернет-пространстве, к кибербуллингу и спамерству.

Можно предположить, что высокая склонность первой группы к агрессивному поведению в цифровой среде связана с их эмоциональной импульсивностью и относительно низким уровнем социальной зрелости.

Показатели склонности к троллингу оказались выше среди участников первой группы, что может свидетельствовать о большей предрасположенности участников 1 группы к намеренному созданию провокационных ситуаций и конфликтов в интернете. Склонность к спамерству, включающая частое и нерелевантное распространение материалов, оказалась более выраженной у первой возрастной группы. Различия могут указывать на экспериментальную природу интернет-активности участников 1 группы и недостаточную осведомленность о потенциальных последствиях такого поведения.

Использование нелицензируемого контента, включая пиратские программы, фильмы и музыку, является еще одним аспектом, в котором первая группа демонстрирует более высокие показатели по сравнению со второй. Различия статистически значимы ($p = 0,006$), что может свидетельствовать о недостаточном внимании участников первой группы к правовым нормам и их склонности к рисковому действию в интернет-пространстве.

Показатели асоциального поведения в интернете оказались значительно выше у первой группы в сравнении со второй группой, значимые различия указывают на то, что участники первой группы чаще нарушают нормы общения, проявляют грубость и участвуют в конфликтных ситуациях в цифровой среде. Изучение особенностей киберагрессии в интернет-пространстве позволяет измерить уровни различных форм киберагрессивного поведения, включая имперсонацию, секстинг, вербально-визуальную агрессию и интегративный показатель киберагрессии. В первой группе отмечались более высокие показатели по всем показателям, что свидетельствует о предрасположенности к киберагрессивному поведению.

По шкале секстинга первая группа также продемонстрировала более высокие значения по сравнению со второй, что указывает на большую вовлеченность участников первой группы в рисковое поведение сексуального характера в интернете. Вербально-визуальная агрессия, как наиболее выраженная форма киберагрессии, выше в первой группе, различия значимы ($p < 0,001$). По интегративному показателю киберагрессии у первой группы значительно превышают показатели второй группы.

Полученные результаты подчеркивают возрастные различия в направленности поведения киберагрессии в интернет-пространстве. Первая группа демонстрирует большую склонность к девиантным и экспериментальным формам поведения, таким как кибербуллинг, троллинг и использование нелицензируемого контента. Вторая группа проявляет более зрелый и конструктивный подход, что связано с профессиональными и личными приоритетами, а также большей социальной ответственностью. Результаты позволили получить детализированное представление о различных формах киберагрессии, их выраженности и двух возрастных группах.

Литература

1. Блинова Д.Н., Гурина О.Д. Киберагрессия и кибербуллинг в судебно-экспертной практике [Электронный ресурс]. Психология и право. 2023. Том 13. № 3. С. 150–160. DOI:10.17759/psylaw.2023130311
2. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. / Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи. // Национальный психологический журнал. 2020. № 2(38). С. 3–20. DOI: 10.11621/nprj.2020.0201
3. Солдатова Г.У., Шляпников В.Н., Журина М.А. Эволюция онлайн-рисков: итоги пятилетней работы линии помощи «Дети онлайн» // Консультативная психология и психотерапия. 2015. Т. 23, № 3. С. 50–66. DOI: 10.17759/cpr.2015230304
4. Шаров А.А. Специфика девиантной активности молодежи в интернет-среде // Учен. записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 3 (51). С. 255–261 [Электронный ресурс]. URL: <http://scientifi-notes.ru/#new-number> (дата обращения: 25.01.2024).
5. Álvarez-García D., Barreiro-Collazo A., Núñez J.C., Dobarro A. Validity and reliability of the Cyber-aggression Questionnaire for Adolescents (CYBA) // The European Journal of Psychology Applied to Legal Context. 2016. Vol. 8, no. 2. P. 69–77. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.ejpal.2016.02.003>

К вопросу о персонализации животных

Шупак А., Кочетков Н.В.

*ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
tasia_marker@mail.ru, nkochetkov@mail.ru*

Концепция персонализации, разработанная А.В. и В.А. Петровскими, известна в психологии с 80-х годов XX века. Ее потенциал раскрывается в контексте межличностных отношений и играет свою роль при объяснении таких феноменов как, например, личность, любовь, понятия «значимого другого», принципа

«отраженной субъектности» и др. (Психология. Словарь, 1990). Но может ли данная концепция быть применимой к животным?

Чтоб ответить на этот вопрос, надо определить, может ли животное выступать в качестве субъекта и «значимого другого». Последовательный утвердительный ответ на оба вопроса приведет нас к тому, что животное может быть персонализированным в человеке. Может ли быть при этом обратная ситуация – персонализация человека в животном?

С точки зрения отечественной гуманитарной науки понятия субъекта, личности, социальности – применимы исключительно к человеку. Классическое определение субъекта говорит, что это источник активности, направленной на объект. Традиционно в связке «человек-животное» субъектом являлся человек, тогда как животное рассматривалось утилитарно – в основном как источник пищи или защита (жилища, скота, урожая). Позже животное перестало выполнять чисто биологические функции и начало рассматриваться в рекреационном, эстетическом ключе, однако все равно животное заводил человек, следовательно именно он оказывался в доминирующей, субъектной позиции. Однако мы можем найти исключения у традиционных народов, например, у народов Крайнего Севера. Жизнь человека там, по сути, подчинена жизни оленей, которые дают ему в крайне тяжелых условиях жизни пищу. В этом случае не человек пасет скот, а скот диктует человеку пути перемещения, места остановок. Климат Севера весьма суров – олень без человека выживет, а вот человек без оленя, в условиях такой природы, нет, поэтому для кочевых народов, живущих на Ямале, олень является основным источником существования, атрибутом жизни, символом благополучия, культурной ценностью, а также признаком, говорящим о статусе. Для ненцев олень означает «дающий жизнь». В этой культуре говорят о наличии души у животного, относят его к эстетическим ценностям (Кузьмина, 2020). Итак, в традиционных культурах животные могут в полной мере рассматриваться в качестве субъектов взаимодействия.

В некоторых случаях это взаимодействие может рассматриваться как полная аналогия совместной деятельности. Так, например, народ хадза в Африке обращается к диким птицам медоуказчикам за помощью в выявлении пчелиных ульев. Люди таким образом намного

быстрее находят необходимый для выживания мед, а птицы получают легкий доступ к ульям после работы человека. Или же можно вспомнить пример «симбиоза» людей и дельфинов в Бразилии – млекопитающие гонят рыбу к берегу на рыбаков с сетями, что увеличивает успешность улова как первых, так и вторых.

В современной культуре можно говорить о феномене антропоморфизма по отношению к животным – животные начинают наделяться человеческими качествами (когнитивными способностями, эмоциями). Отсюда произрастает субъектификация природных объектов, в итоге которой животное может рассматриваться в качестве «значимого другого» для человека (Дерябо, 1995). Такое отношение к животному может привести к тому, что оно может быть чуть ли не на правах члена семьи, то есть являться «полноценным» субъектом отношений. Примером такого отношения является не только существование целой отрасли ухода за питомцами (производства специального питания, ухода за внешним видом), но и организация свадебных ритуалов, похорон для животных. Следовательно, можно утверждать, что животные персонализируются в людях.

Кажется очевидным, что обратная персонализация – человека в животном – невозможна в силу различий в видовой принадлежности. Однако можно указать на другой механизм, реализующий потребность «быть личностью» по отношению к домашним питомцам. Этот механизм может дать человеку субъектность исходя из объектности Другого, в качестве которого может выступать человек (например, через насилие, то есть негативную персонализацию) или же животное. В случае с домашним животным его объектность может заключаться в том, что вся его жизнь заключена в руках хозяина. Особенно это касается выведенных редких новых пород собак и кошек, которые не могут жить в окружающей среде без человеческой помощи. Именно такая своеобразная власть над живым объектом дает индивиду субъектность. Надо оговориться, что вид питомца играет здесь определенную роль. Так, экзотические виды приводят к инобытию одного человека в других благодаря тому, что являются маркером демонстрации высокого статуса личности, ее оригинальности. Данное положение о персонализации человека в животном может быть косвенным образом доказано через факт любви к животным серийных убийц, тиранов, однако существуют и прямо противоположные данные.

Тем не менее, можно вспомнить привязанность к своим собакам А. Гитлера, Н. Чаушеску, историю Калигулы, сделавшего своего коня гражданином Рима, и т.п.

Подводя итог, можно сказать, что отношения между животным и человеком проявляются в различных формах деятельности и отличаются многогранностью, сложностью, уникальностью, неоднозначностью. При этом животные могут являться субъектом, «значимым другим» для человека и быть персонализированы в нем.

Литература

1. *Дерябо С.Д.* Природный объект как «значимый другой». Даугавпилс, 1995.
2. *Кузьмина Р.П.* Образные признаки концепта «олень» в языковой картине мира эвенов // Современные исследования социальных проблем. 2020. Том 12. №4. С. 128-137.
3. *Петровский А.В., Петровский В.А.* Индивид и его потребность быть личностью // Вопросы философии. № 3, 1982. С.44-53.
4. Психология. Словарь / Под ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. М., 1990.

Практика применения арт-терапевтических техник в социально-психологическом тренинге

Щедрина Т.В.

*МОИРО, Минск, Беларусь
tat39@tut.by*

В системе повышения квалификации воспитателей дошкольного образования при проектировании образовательного процесса особое внимание уделяется формированию коммуникативной компетентности как профессионально значимой характеристики современного педагога. Воспитатель дошкольного образования должен уметь выстраивать общение и взаимодействие со всеми участниками образовательного процесса (детьми, родителями, специалистами). В

практике нашей работы со специалистами дошкольного образования широкое распространение получают тренинги.

Повышению компетентности во взаимодействии и общении способствует применение на занятии, включающем элементы социально-психологического тренинга, арт-терапевтических техник и методик. По определению А.И. Копытина, арт-терапия представляет собой совокупность приемов психологического воздействия и исследования внутреннего мира личности посредством художественной экспрессии и различных форм творческой активности (Копытин, 2024, с. 3). Л.Д. Лебедева рассматривает понятие «терапия искусством» как объединение группы направлений, основанных на различных видах творческой деятельности участников (рисование, танец и др.) (Лебедева, 2003, с. 6). В арт-терапии участники оказываются вовлеченными на занятиях художественной деятельностью в творческий процесс, который способствует выражению чувств, внутренних переживаний, поиску и нахождению новых решений способов взаимодействия с окружающим миром, другими. Основной целью арт-терапии является гармонизация развития личности через развитие способности творческого самовыражения и самопознания.

Для решения задач по совершенствованию коммуникативных умений, овладению конструктивными способами взаимодействия и самопознанию нами используются рисуночные техники, сказка, коллаж и др. Особый интерес воспитатели проявляют к таким упражнениям, как «Рисование по кругу», «Картина из каракулей», «Образ сказочного героя», «Групповой портрет» и др. В качестве примера приведем арт-технику «Коллаж», направленную на развитие у слушателей компетентности в области общения и межличностного взаимодействия, включающую три этапа.

Применение техники требует подготовки изобразительных средств (карандаши, маркеры, листы цветной и белой бумаги, клей), журналов и газет для вырезания. Участникам предлагается на лист бумаги наклеить вырезки из журналов и газет, картинки, объединив их заданной темой. Творческая продукция дополняется рисунками и надписями. На первом этапе техника применяется с целью развития профессионального самосознания обучающихся. Каждому участнику

предлагается выбрать три картинки, которые отражают его отношение к профессиональной деятельности. По итогам индивидуальной работы каждый из участников представляет свой коллаж на тему «Моя профессия», раскрывая основную идею творческого продукта и значение отдельных его элементов. Например, в своих творческих работах воспитатели часто используют изображения детей («Любовь к детям», «Самоценность детства»), взрослых и детей («Развитие и воспитание», «Помощь», «Семья»), игровой среды («Играем и растем», «Что, зачем и почему?»). Реже участники выбирают изображения природных объектов и явлений, мегаполиса, арт-объектов, сказочных сюжетов и др.

На втором этапе работы в технике коллажирования воспитатели повышают свою компетентность в области стратегий взаимодействия с окружающими людьми, что является важным для реализации в профессии. На данном этапе организуется работа участников в малых группах. Созданные индивидуальные коллажи слушатели передают друг другу по кругу, дополняя деталями (картинки, надписи), поддерживающими, по их мнению, общую идею авторского продукта. Работа по дополнению другими участниками индивидуальных коллажей завершается после того, как творческая продукция окажется в руках автора. Совместное участие в художественной деятельности способствует созданию условий для группового обсуждения, возникновению доверительных отношений, взаимного принятия. Творческая деятельность помогает участникам отследить особенности коммуникации и взаимодействия в группе. Как показывает практика, в самом начале совместной работы некоторые слушатели демонстрируют незаинтересованность творческим процессом, низкую активность, осторожность в высказываниях и действиях. По завершении второго этапа техники у большинства участников повышается уровень доверия к окружающим: задают вопросы, обозначают свои приоритеты, открыто выражают поддержку и одобрение.

На третьем этапе осуществляется анализ творческой продукции, который предполагает рассмотрение особенностей расположения элементов на листе, их значение. В процессе обсуждения участники приходят к выводу о том, что техника позволяет выявить стратегии

социального взаимодействия каждого из присутствующих: сотрудничество – элементы размещаются близко друг к другу, дополняют общую идею коллажа (прослеживается общая сюжетная линия); противодействие – один элемент заклеивает другой, каждый из них подчеркивает свою идею (общей смысловой и композиционной линии не прослеживается); компромисс – заклеивание элементов (сохраняется общая идея); уступчивость – изначально выбираются маленькие по размеру картинки и размещаются по краям коллажа (инициатива по созданию сюжета передается другим); избегание – элементы наклеиваются в стороне от других (идея не поддерживается). Обсуждение творческих работ в группе позволяет каждому участнику обнаружить свои «сильные стороны» (уважение чужого мнения, доверие и позитивное отношение к себе и другим) и «слабые» (отсутствие интереса к взаимодействию, напряжение в процессе общения), проанализировать собственные модели поведения, а затем, внести изменения в коллаж (дополнить элементами). Творческий продукт побуждает участников тренинга к осмыслению полученного опыта взаимодействия и определению направлений в личностном и профессиональном развитии.

Применение арт-техник на учебных занятиях с элементами социально-психологического тренинга способствует развитию у воспитателей дошкольного образования компетентности в сфере общения и межличностного взаимодействия.

Литература

1. *Копытин А.И.* Арт-терапии: теория и практика. СПб.: Лань, 2024.
2. *Лебедева Л.Д.* Практика арт-терапии: подходы, диагностика, система занятий. СПб.: Речь, 2003.

Соотношение образа тела и пищевого поведения среди подростков

Эрикайкина Д.А., Кущазли М.И.

*РУДН им. П. Лумумбы, Москва, Россия
113222888@pfur.ru, kushchazli_mi@pfur.ru*

Неудовлетворенность подростка отношениями в родительской семье, когда он сталкивается с негативной критикой, отсутствием поддержки и поощрений, явными или скрытыми конфликтами в детско-родительских отношениях, проблемами с едой, или же находится под гиперопекой (Александрова, Мешкова, 2019, с. 29), может спровоцировать поиск одобрения и подтверждения значимости за пределами семьи. Все это также может повлиять на развитие одной из форм расстройства пищевого поведения.

В погоне за одобрением подростки могут испытывать неудовлетворенность собственным телом, поскольку в медиа-пространстве сталкиваются с определенными стандартами внешности, задающимися в группах. Обладатели конвенциональной красоты получают популярность и одобрение, что может закладывать подсознательную мысль среди подростков, что только за соответствие стандартам красоты возможно заслужить любовь, внимание и признание (Derenne, Beresin, 2006).

Уязвимость, неуверенность в себе и повышенная внушаемость, свойственные подростковому возрасту, делают их особенно восприимчивыми к влиянию онлайн-сообществ. В поисках советов по похудению или улучшению внешности подростки могут непреднамеренно или целенаправленно попадать в группы, пропагандирующие расстройства пищевого поведения (РПП), которые, к сожалению, могут выступать в роли «групп поддержки» для подростков с общими проблемами (Щурко, 2009). В таких группах они сталкиваются с детальными инструкциями, «мотивационными» постами и атмосферой соревнования. Посты в этих сообществах воспринимаются более лично (Цыганкова, Прончихина, 2019), вызывая более интенсивную эмоциональную реакцию и подталкивая к действиям, что может привести к развитию или усугублению расстройства пищевого поведения.

Для изучения соотношения образа тела и пищевого поведения среди подростков были опрошены 38 респондентов, состоящих в диет-сообществах (НХ) и 28 – не состоящих в сообществах (НЕ). Экстремальное диет-сообщество «I'm not hungry» характеризуется наличием способов для резкой потери веса, постами с отчетами по питанию участников, способами маскировки РПП от окружающих и восхвалением желаемых тел через видео- и фотоконтент. В число респондентов группы НЕ вошли подростки, не включенные в референтные группы. Общее количество респондентов составило 66 подростков, возрастной диапазон – от 12 до 17 лет. Использовался «Опросник пищевых предпочтений, EAT-26» (Скугаревский, 2007), который разработан для выявления степени выраженности проблем, присущим пациентам с нарушениями пищевого поведения. По Скугаревскому, средний балл здоровых респондентов составил $6,52 \pm 0,34$, а больных нервной анорексией и булимией $28,66 \pm 2,11$. Также был использован «Опросник образа собственного тела (ООСТ)» (Скугаревский, Сивуха, 2006), с помощью которого оценивается степень неудовлетворенности телом и внешностью. При переводе баллов стены с 7 по 9 оцениваются как высокий уровень неудовлетворенности телом.

При оценке различий анализа с использованием критерия Манна–Уитни была выявлена статистически значимая разница по шкале «Опросник пищевых предпочтений» ($U = 173$; $p < 0,001$). Это свидетельствует о том, что группы статистически значимо различаются по уровню выраженности проблем, связанных с нарушениями пищевого поведения. Таким образом, можно предположить, что подростки, состоящие в группах по экстремальному похудению, испытывают выраженные проблемы, напрямую связанные с приемами пищи, поведением, направленным на ограничение себя в еде, и негативными мыслями о собственном теле и весе.

При сравнении исследуемых групп респондентов НХ и НЕ по шкале «Удовлетворенность собственным телом» также было выявлено различие ($U = 192$; $p < 0,001$). Это говорит о том, что респонденты, состоящие в экстремальных диет-сообществах, могут иметь более выраженные негативные переживания и искаженное представление о своей внешности и теле.

У подростков НХ наблюдается высокая положительная корреляция по шкале «Опросник пищевых предпочтений» ($p < 0,001$) – по группе средний балл – 38,9, тогда как у респондентов НЕ – 16,7, что отклоняется от средних баллов Скугаревского на $10,21 \pm 2$. Полученные данные могут говорить о том, что проблемы с пищевым поведением носят более массовый характер среди нынешнего поколения подростков.

В то же время, средний балл в группе респондентов НХ по шкале «Удовлетворенность собственным телом» соответствует высокому уровню в 38 баллов (или 9 стенов). Это свидетельствует об экстремальной неудовлетворенности своим телом. У представителей выборки НЕ средний балл по группе – 20,75 (или 8 стенов), что также указывает на наличие высокой неудовлетворенности своим телом. Можно предположить, что подростки 12-17 лет также подвержены сильному влиянию социальных сетей и диет-культуре, доминирующих в наше время.

Полученные данные в ходе эмпирического исследования можно использовать для дальнейшего изучения вопросов механизма влияния диет-сообществ на подростковое восприятие, а также изучение диет-сообществ с экстремальным похудением в других культурах.

Так, для профилактики негативных мыслей об образе своего тела и коррекции нездоровых паттернов по отношению к еде, подросткам рекомендуется исследовать свои мысли о теле, применять технику «благодарности» телу, сместить фокус с внешних данных на функции тела, а также изучить влияние СМИ и социальных групп с экстремальным похудением на образ тела, отследить свои эмоциональные триггеры, приводящие к выбору стратегий поведения в отношении еды.

Литература

1. *Александрова Р.В., Мешкова Т.А.* Анализ факторов риска нарушений пищевого поведения у девочек-подростков с использованием теста ЕАТ-26 и авторского исследовательского опросника. // Сборник статей под общей редакцией кандидата медицинских наук М. А. Бибчук. М., 2019. С. 27–30.

2. *Скугаревский О.А.* Нарушения пищевого поведения. Минск: БГМУ, 2007.
3. *Скугаревский О.А., Сивуха С.В.* Образ собственного тела: разработка инструмента для оценки // Психологический журнал, 2006. № 2.
4. *Щурко Т.А.* Фокусируясь на женской телесности: медики, социологи и женские Интернет-сообщества о проблеме «нарушения пищевого поведения» // Журнал исследований социальной политики. 2009. № 7 (3). С. 381–404.
5. *Цыганкова П.В., Прончихина Е.Ю.* Особенности эмоционального реагирования на посты группы «Типичная анорексичка» социальной сети «ВКонтакте» у девушек с различными типами телесности // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2019. №2.
6. *Derenne J.L., Beresin E.V.* Body image, media, and eating disorders. Acad Psychiatry. 2006; 30(3):257-61. DOI: 10.1176/appi.ap.30.3.257.

Профилактика аутоагрессивного поведения учащихся подросткового возраста в учреждениях образования

Юденко В.А.

*УО «БГПУ им. М. Танка»
yudenkov2000@gmail.com*

В последнее время в учреждениях образования наблюдается рост самоповреждений среди подростков. Это явление связано с различными стрессовыми ситуациями, эмоциональной нестабильностью и трудностями в процессе самоидентификации.

Школы и другие учреждения играют важнейшую роль в выявлении и профилактике подобных проблем. Они создают безопасную атмосферу, способствующую сохранению психического здоровья и развитию навыков конструктивного решения трудностей. Комплексная профилактика является необходимым условием для гармоничного развития подростков и предотвращения аутоагрессивного поведения.

Под аутоагрессивным поведением, или самодеструкцией, понимают проявление физической или психологической агрессии, направленной на самого субъекта, который может совершать саморазрушительные действия как сознательно, так и неосознанно, под влиянием чрезмерного психоэмоционального напряжения, вызванного стрессом, психологической или физической травмой (Шаталина, 2020).

Государственное образовательное учреждение и его педагоги играют ключевую роль в предотвращении аутоагрессивного поведения среди подростков. Школа создает благоприятную среду, в которой учителя могут наблюдать за эмоциональным состоянием учеников и оказывать им необходимую поддержку. Однако из-за большого количества обучающихся педагоги-психологи и социальные педагоги не всегда могут отследить эмоциональное состояние каждого ребенка. Задача педагогов – вовремя выявлять кризисные ситуации и реагировать на них. Они должны уметь замечать изменения в поведении учащихся, такие как снижение успеваемости, ухудшение аппетита, уход в себя и другие признаки депрессии.

В учреждениях образования можно организовать работу по профилактике аутоагрессивных намерений учащихся по следующим направлениям.

Развитие положительного отношения к жизни.

- Это можно делать через различные учебные дисциплины, особенно на уроках, связанных с гуманитарными науками, подчеркивая значимость и уникальность жизни, а также способность человека преодолевать сложности. В качестве иллюстрации можно использовать истории известных личностей и персонажей литературы.

- Рекомендуются, чтобы классные руководители организовывали образовательные часы, включающие дебаты и обсуждения, направленные на укрепление жизнеутверждающих взглядов у учащихся. Это может включать просмотр и анализ фильмов, показывающих, как молодые люди преодолевают препятствия и достигают успеха, таких как фильмы «Октябрьское небо», «Желание жить».

- Школьная библиотека также предоставляет отличные возможности для поддержки процесса профилактики, например, через организацию тематических выставок, подбор литературы и проведение дискуссий о реальных героях нашего времени.

Классным руководителям и учителям следует принять меры для предотвращения эффекта эмоционального заражения:

1). Важно не допускать обсуждений случаев суицидов и аутоагрессии в средствах массовой информации. Необходимо активно контролировать обсуждение подобных трагических событий среди учащихся.

2). Следует ограничить доступ к журнальным статьям и газетам, содержащим информацию о самоубийствах известных людей, кумиров или сверстников. Это поможет снизить риск эмоционального заражения.

3). Если у подростков будут обнаружены подобные материалы, необходимо обсудить с ними эту проблему. Важно помочь им понять серьезность и негативные последствия таких действий.

В учебном заведении необходимо проводить семинары для учителей, посвященные повышению профессиональной компетентности в области профилактики суицидального поведения среди подростков. Прежде чем начать работу, следует оценить уровень превентивной грамотности педагогов, поскольку в этой сфере существует множество мифов и заблуждений. Это позволит учителям осознать свою ответственность и мотивацию для углубленного изучения специфики детского суицида.

Учителей нужно обучить следующим навыкам:

- определение ранних признаков возможного самоубийства у подростка;
- распознавание симптомов депрессии и нервного истощения у учащихся;
- применение методов визуальной и вербальной диагностики суицидальных намерений;
- использование доступных техник коррекционной работы (слушание, проговаривание, структурирование ситуации, снятие синдрома исключительности, обращение к прошлому опыту и другое);
- различение суицидального поведения детей и взрослых.

Организация пространства

- Администрация, социальный педагог, педагог-психолог и заместитель директора по воспитательной работе должны быть открыты для общения с учащимися.

– В учебном заведении необходимо установить «Почту доверия». В вестибюле следует разместить стенд с информацией о часах приема учащихся и их родителей по личным вопросам. Также рекомендуется повесить плакаты с указанием адресов и телефонов служб поддержки.

Индикаторы суицидального риска включают в себя:

1). Выражения желания покончить с собой или мысли о смерти, будь то прямые или косвенные, а также заявления о том, что жизнь не имеет смысла. Это способ ребенка дать понять о своих проблемах и стремлении быть услышанным.

2). Поведение, увеличивающее риск вреда для собственной жизни и здоровья. Значительные изменения в поведении: игнорирование личной гигиены, потеря интереса к привычным увлечениям, равнодушие, желание изолироваться, отстранение от друзей и семьи, раздача предметов, имеющих для ребенка особую ценность.

3). Проблемы со здоровьем: отсутствие аппетита или его чрезмерное увеличение, постоянное чувство усталости, нарушения сна, включая бессонницу или повышенную сонливость, кошмары.

4). Эмоциональные изменения: длительное подавленное состояние, раздражительность, неожиданные смены настроения, необъяснимые слезы.

5). Ухудшение успеваемости и концентрации внимания, непослушание в школе, пропуски занятий, нарушение дисциплины.

6). Влияние примеров аутоагрессии в окружении ребенка, среди важных для него взрослых или сверстников, а также идиолов.

Литература

1. *Шаталина М.А.* Психологические особенности подростков с выраженной склонностью к аутоагрессии. Самара, 2020.

Переживание субъективного благополучия, оценка самоэффективности и самоизменений личности в молодости

Ягубова А.А. Кожухарь Г.С.
ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
alena.verner@mail.ru

Молодость – это особый период в жизни человека, когда закладываются основы будущего благополучия и успешности. В это время происходят интенсивные личностные изменения, расширяются границы самосознания, формируются жизненные цели и ценности. От того, как молодой человек справляется с этими задачами, во многом зависит его дальнейшее развитие и самореализация. Особую роль в становлении личности в молодости играют такие психологические конструкты, как субъективное благополучие, самоэффективность и потенциал самоизменений.

Субъективное благополучие отражает общую оценку человеком своей жизни и преобладание позитивных эмоций (Diener, 1985). Самоэффективность представляет собой убежденность личности в своих способностях успешно справляться с различными жизненными задачами (Diener, 1977). Потенциал самоизменений характеризует готовность и способность человека к позитивным трансформациям (Манукян, Муртазина, Гришина, 2020).

Данные конструкты тесно взаимосвязаны между собой и играют ключевую роль в самореализации молодого человека. Высокая самоэффективность способствует переживанию субъективного благополучия и стимулирует личность к саморазвитию. В свою очередь, ощущение субъективного благополучия и позитивные самоизменения укрепляют веру человека в собственные возможности. Изучение данной взаимосвязи имеет важное теоретическое и практическое значение, так, результаты исследований могут быть использованы для разработки эффективных программ психологического сопровождения молодежи, направленных на повышение их субъективного благополучия, самоэффективности и потенциала самоизменений.

Целью нашего исследования являлось выявление особенностей взаимосвязи между субъективным благополучием,

самоэффективностью и возможностью самоизменений личности в молодости.

Опрос респондентов проводился в период с октября по январь 2024–2025 гг. В нем приняло участие 96 респондентов, из них 23 испытуемых мужского пола и 73 – женского пола. Средний возраст респондентов составил 26,8 лет. Опрос проводился онлайн на базе сервиса Гугл-формы.

Процедура исследования включала в себя изучение эмоционального компонента субъективного благополучия; оценку модели психологического благополучия личности: наличие позитивных или негативных эмоций, вовлеченности, взаимоотношений, смысла, достижений, счастья, здоровья, одиночества; оценку способности личности к самоизменениям; самоэффективность в предметной деятельности и межличностном общении, и степень удовлетворенности жизнью.

В результате предварительного анализа с помощью коэффициента корреляции Спирмена были выявлены множественные связи между показателями субъективного благополучия, компонентами удовлетворенности жизнью, благополучием личности, самоэффективностью и потенциалом самоизменений.

Представим наиболее яркие сильные связи. Так, чем более часто молодые люди переживают отрицательные эмоции, связанные с раздражительностью, подавленностью, то есть чувствуют себя субъективно не благополучными, тем менее они уверены в своих способностях к самоизменению ($r = -0,601$ при $p \leq 0,01$), менее способны поддерживать конструктивное общение с другими ($r = -0,726$ при $p \leq 0,01$) и не обладают должной уверенностью в своих силах.

В свою очередь, неудовлетворенность жизнью обратным образом связана с уверенностью молодежи в возможности справиться с разными задачами, которые ставит перед ними жизнь ($r = -0,582$ при $p \leq 0,01$). При этом, когда у респондентов повышается чувство удовлетворенности жизнью и ощущение ее полноты и насыщенности, тем более эффективными они считают себя в межличностном общении ($r = 0,678$ при $p \leq 0,01$).

Если же молодые люди понимают, что их усилия часто достигают намеченных целей, то у них возрастает вера в себя и возможность самоизменений

($r = 0,549$ при $p \leq 0,01$). Однако при повышении чувства усталости снижается и степень гибкости, необходимой для изменения себя ($r = -0,508$ при $p \leq 0,01$).

При возрастании переживания позитивных эмоций, смысловой насыщенности жизни возрастает как общая самооффективность ($r = 0,561$ при $p \leq 0,01$), так и коммуникативная самооффективность ($r = 0,649$ при $p \leq 0,01$), то есть наличие положительно окрашенных эмоций и жизненного смысла, способности выполнять поставленные задачи способствует готовности молодежи к изменениям и уверенности в себе.

Кроме того, чем в большей степени респонденты осознают осмысленность жизни, тем более активно они готовы реализовать свою способность к самоизменениям ($r = 0,644$ при $p \leq 0,01$), более высоко оценивают общую самооффективность ($r = 0,754$ при $p \leq 0,01$).

Также молодые люди при направленности на достижения осознают свою возможность самоизменений ($r = 0,594$ при $p \leq 0,01$), у них растет оценка предметной самооффективности ($r = 0,710$ при $p \leq 0,01$). В свою очередь, переживание одиночества снижается при повышении оценки молодежью своей общей самооффективности ($r = -0,479$ при $p \leq 0,01$).

Таким образом, мы можем сделать вывод о наличии, как уже отмечалось, сложных и многогранных взаимосвязей между субъективным благополучием, самооффективностью и потенциалом самоизменений в молодости. В перспективе дальнейшее изучение данной проблематики может быть связано с исследованием других факторов, способствующих повышению переживания субъективного благополучия, самооффективности и самоизменений личности в молодости.

Литература

1. Манукян В.Р., Муртазина И.Р., Гришина Н.В. Опросник для диагностики потенциала самоизменений личности // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28. № 4. С. 35-58.
2. Bandura A. Self-efficacy: toward a unifying theory of behavioral change // Psychological Review. 1977. Vol. 84. Pp. 191-215.

3. Diener E. Subjective Well-Being. Psychological Bulletin, 1985. Vol. 95. № 3. Pp. 542–575. URL: <https://ssrn.com/abstract=2162125> (дата обращения: 02.02.2025).

К вопросу об использовании опросника «Светлая триада» на выборке подростков

Яковлева Д.В., Мешкова Н.В.

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия
dasha.yak04@mail.ru; nmeshkova@yandex.ru

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00486, <https://rscf.ru/project/25-18-00486/>.

Старший школьный возраст – это критический этап в развитии личности, когда у подростков формируются ценности, убеждения и происходит самоидентификация. Исследование гуманистических черт личности в этот период поможет понять, какие качества способствуют успешной адаптации и личностному росту, и как они влияют на межличностное взаимодействие и поведение в отношении окружающих. Такими гуманистическими чертами являются компоненты, входящие в Светлую Триаду.

С. Кауфман с коллегами разработали опросник «Шкала Светлой Триады», состоящий из трех шкал: Вера в человечество, Гуманизм и Кантианство. Авторы опросника исходили из представления о том, что эти три черты не являются антиподом черт темной триады (макиавеллизма, психотизма и нарциссизма), а находятся в соотношении с ними: и те, и другие присутствуют у каждого человека (Kaufman et al., 2019). Адаптация опросника проводилась в разных странах и показала надежные результаты (Ильичев, Золотарева, 2023; Корниенко, Вязовкина, Неврюев, 2023; Маралов, 2024). Однако в России она носит не завершённый характер (Корниенко, Вязовкина, Неврюев, 2023). Недостатком является также и то, что адаптация проводилась на выборках преимущественно женского пола (Ильичев, Золотарева, 2023; Корниенко, Вязовкина, Неврюев, 2023; Маралов, 2024).

Цель нашего исследования состояла в адаптации опросника черт Светлой триады на российской выборке мужского пола, в частности на подростках. В исследовании приняли участие 118 школьников мужского пола в возрасте от 15 до 18 лет, учащиеся 10–11 классов общеобразовательных школ. Опросники заполнялись онлайн. Статистическая обработка проводилась в программе Jamovi 2.3.24.

Конфирматорный анализ показал хорошее соответствие трехфакторной модели оригинальной версии опросника: *хи-квадрат* (df) = 70,9 (51), $p = 0,03$; $RMSEA = 0,05$; $CFI = 0,922$; $SRMR = 0,06$. Надежность альфа Кронбаха всего опросника и каждой из шкал составила 0,779; 0,650; 0,650 и 0,633, соответственно; ω Макдональда составила 0,784; 0,666; 0,672 и 0,643, соответственно. Ретест, проведенный на выборке из 31 школьника, участвовавшего в основном исследовании, показал следующие корреляции переменных, входящих в опросник: Вера в человечество $\rho = 0,486$, $p < 0,1$; Гуманизм $\rho = 0,466$, $p < 0,1$; Кантианство $\rho = 0,355$, $p < 0,5$.

По итогам проведенной адаптации мы пришли к следующим выводам: конфирматорный анализ подтвердил трехфакторную модель оригинальной версии опросника; надежность опросника высокая; ретест удовлетворителен. По имеющимся результатам можно говорить о том, что опросник может быть использован в исследовательских целях на старших подростках мужского пола.

Литература

1. Ильичев Н.Р., Золотарева А.А. Пилотажная оценка и предварительные психометрические свойства русскоязычной версии шкалы Светлой триады // Национальный психологический журнал. 2023. № 2 (49). С. 3–13. <https://doi.org/10.11621/npj.2023.0201>
2. Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Неврюев А.Н. «Светлая триада»: адаптация и психометрические показатели // Психологический журнал. 2023. Т. 44 № 5 С.66-75. DOI: 10.31857/S020595920027725-3

3. *Маралов В.Г.* Светлая триада личности: обзор зарубежных исследований [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2024. Том 13. № 3. С. 18–30. DOI: 10.17759/jmfp.2024130302
4. *Kaufman et al.* The Light vs. Dark Triad of Personality: Contrasting Two Very Different Profiles of Human Nature / S.B. Kaufman, D.B. Yaden, E. Hyde, E. Tsukayama // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article ID 467. 26 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.00467

Развитие эмоционального равновесия: научный подход на стыке психологии и созерцательной практики

Ярмолюк Р.Р.

*ФГБОУ ВО ТюмГУ, Тюмень, Россия
rryarmolyuk@gmail.com*

В последние десятилетия наблюдается рост интереса к практикам, которым традиционно уделялось недостаточно внимания в доказательных терапевтических подходах – включая осознанность и медитацию.

Важную роль для выхода осознанности за пределы группы лиц, традиционно использующих медитацию (например, практикующих буддизм) и ее распространения в клинической сфере сыграла модель «Снижения стресса на основе осознанности» (Mindfulness-based stress reduction, MBSR) (Kabat-Zinn, 2011). Впоследствии ее 8-недельный формат лег в основу групповых программ, использующих созерцательные практики, включая «Развитие эмоционального равновесия» (Cultivating Emotional Balance, CEB) (Kemeny et al., 2012). Несмотря на распространенность светских программ, использующих осознанность и созерцательные практики, эффективность комплексных тренингов, таких как CEB, остается недостаточно изученной, особенно в русскоязычной среде.

Программа CEB разработана по инициативе Е.С. Далай-ламы XIV П. Экманом и А. Уоллесом при участии коллег–психологов и нейрочеловеков. Групповой протокол CEB объединяет аффективную

нейронауку, теорию эмоций и созерцательные практики в структурированный 42-х часовой тренинг (Kemeny et al., 2012).

Сегодня «Развитие эмоционального равновесия» – одна из наиболее комплексных программ в своей области. Ее отличительная черта – это широкий фокус: тогда как многие программы на основе осознанности имеют клиническую направленность, тренинг СЕВ разработан для людей без клинических диагнозов и направлен на развитие позитивных состояний и качеств, таких как осознанность и сострадание (Kemeny et al., 2012).

Широкий фокус СЕВ также касается применяемых методов: СЕВ включает спектр практик от визуализации и медитации на сострадании до упражнений по саморефлексии и когнитивных техник. Центральная тема – развитие способности к интроспекции, что помогает получить контроль над эмоциональными импульсами и реакциями в повседневной жизни (Milicevic, Milton (Ven. Thupten Lekshe), O’Loughlin, 2016).

Цель также ставится шире – не просто снижение симптомов, но эмоциональное равновесие, вплоть до эвдемонических (от лат. *eudaimonia* – связанных с процветанием, благополучием) состояний. Таким образом, долгосрочная цель тренинга – формирование устойчивого эмоционального благополучия (*well-being*) посредством развития саморегуляции с опорой на опыт созерцательной практики (Kemeny et al., 2012).

Четырехчастная модель эмоционального равновесия в основе СЕВ располагает методы медитации внутри программы согласно следующим четырем «доменам».

- Равновесие внимания подразумевает его стабилизацию и развитие метакогнитивной осознанности. Основная модальность созерцательной практики на данном этапе – так называемая «медитация покоя» («шаматха»), связанная с волевым контролем внимания, где в качестве опоры выступают ощущения, дыхание, мысли или умственные образы. Культивация осознанности и способности к интроспекции закладывает основу для практик в контексте последующих 3-х сфер – когнитивной, конативной и аффективной.
- Когнитивное равновесие включает традиционную медитацию «инсайта» («vipassана»), одна из целей которой – распознавание

собственных когнитивных искажений и схем. Практика включает в себе тщательное применение осознания к 4-м сферам – телу, ощущениям, уму и его процессам и явлениям.

- Конативное (от лат. *conatus* – связанное с процессом волеизъявления и намерения) или мотивационное равновесие подразумевает углубление осведомленности о собственной мотивации, желаниях и побуждениях. Работа с ценностями часто упускается в программах обучения осознанности. СЕВ устраняет данный недостаток за счет значительного фокуса на приведении в равновесие намерений и желаний с опорой на этику и ценности.
- Эмоциональное равновесие – это как отдельный «домен», так и «плод» 3-х предшествующих этапов. Практики данного уровня включают современные подходы к саморегуляции на основе понимания механизмов эмоциональных реакций и медитации, направленные на укрепление просоциальной мотивации (Kemeny et al., 2012).

Эффективность протокола изучалась в серии исследований. РКИ с участием школьных учителей ($n = 82$) показало, что СЕВ способствует снижению негативного аффекта, депрессии, тревоги и руминаций, улучшая показатели осознанности и позитивного аффекта. У участников также отмечалось снижение враждебности в отношениях, при том, что эффект сохранялся на протяжении пяти месяцев (Kemeny et al., 2012).

В исследовании 2016 г. ($n = 20$) тренинг показал улучшение осознанности и повышение эмоциональной осведомленности у участников. Изменения также сохранялись в течение 6-и месяцев (Milicevic, Milton (Ven. Thupten Lekshe), O'Loughlin, 2016).

В 2017 г. протокол применялся для группы лиц, осуществляющих уход за людьми с ограниченными возможностями ($n = 19$). Тренинг способствовал улучшению эмоциональной регуляции, осознанности и само-сострадания (Sansó, Galiana, Cebolla, 2017).

Программа «Развитие эмоционального равновесия» представляет собой перспективную модель для интеграции методов современной психологии и созерцательной практики. Авторы работ, посвященных изучению эффективности СЕВ, указывают на необходимость проведения дальнейших исследований протокола. Мы надеемся, что

данная публикация откроет путь для продвижения и апробации данного подхода на русскоязычной выборке.

Литература

1. *Kabat-Zinn J.* Some reflections on the origins of MBSR, skillful means, and the trouble with maps // *Contemp Buddhism*. 2011. Vol. 12. No. 1.
2. *Kemeny M.E., Foltz C., Cavanagh J.F., Cullen M., Giese-Davis J., Jennings P., Rosenberg E.L., Gillath O., Shaver P.R., Wallace B.A., Ekman P.* Contemplative/Emotion Training Reduces Negative Emotional Behavior and Promotes Prosocial Responses // *Emotion*. 2012. Vol. 12. No. 2.
3. *Milicevic A., Milton I. (Ven. Thupten Lekshe), O'Loughlin C.* Experiential reflective learning as a foundation for emotional resilience: An evaluation of contemplative emotional training in mental health workers // *Int. J. Educ. Res*. 2016. Vol. 80.
4. *Sansó N., Galiana L., Cebolla A.* Cultivating Emotional Balance in Professional Caregivers: a Pilot Intervention // *Mindfulness*. 2017. Vol. 8.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ¹

Абаева Раяна Муслимовна, выпускник факультета практической психологии НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Абалмасова Анастасия Дмитриевна, ассистент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Абдулина Юлия Александровна, аспирант ИП РАН. Москва, Россия.

Авидзба Наала Беслановна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Агам Амир Йозлиевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Адианова Олеся Алексеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна, профессор кафедры общей и прикладной психологии факультета философии и политологии Казахского национального университета им. аль-Фараби (НАО КазНУ им. аль-Фараби), доктор психологических наук. Алматы, Республика Казахстан.

Аксеновская Людмила Николаевна, заведующая кафедрой социальной психологии, декан факультета психологии Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор психологических наук, профессор. Саратов, Россия.

Алейникова Ксения Игоревна, студент «Высшей школы управления» ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет». Пятигорск, Россия.

¹ Сведения составлены на основании заявок, поданных на конференцию, и не являются исчерпывающими.

Александрова Елена Андреевна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат культурологии. Москва, Россия.

Алигаева Нигар Назимовна, преподаватель кафедры общей и социальной психологии ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского». Калуга, Россия.

Алоян Майрануш Константиновна, ассистент кафедры психологии развития Пермского государственного национального исследовательского университета. Пермь, Россия.

Андони Александра Ивановна, аспирант кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Андреевский Антон Сергеевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Андрос Алиса, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Таллин, Эстония.

Анисимова Екатерина Владимировна, заведующая сектором психологического сопровождения отдела по воспитательной и социальной работе ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ардинба Виктория Арзадиновна, преподаватель кафедры психологии Абхазского государственного университета. Сухум, Республика Абхазия.

Артеменко Олеся Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Арчакова Алина Евгеньевна, студент факультета клинической и специальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Бабанин Петр Алексеевич, доцент кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Бабаян Даниэль Тигранович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Балева Милена Валерьевна, доцент кафедры общей и клинической психологии Пермского государственного национального исследовательского университета, доктор психологических наук, доцент. Пермь, Россия.

Баранова Алла Саввична, доцент кафедры педагогики и психологии Минского государственного лингвистического университета, кандидат педагогических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Басанова Елена Евгеньевна, доцент кафедры общей и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет», кандидат психологических наук, доцент. Пятигорск, Россия.

Белых Елена Вячеславовна, студент факультета социальных наук ННГУ им. Лобачевского. Нижний Новгород, Россия.

Белякова Анастасия Игоревна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Берлянд Юлия Борисовна, педагог-исследователь, соискатель кафедры глобальной русистики, цифровой дидактики и этноориентированной педагогики ФГБОУ ВО РУДН. Москва, Россия.

Березина Ульяна Игоревна, студент факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа специалитета «Педагогика и психология девиантного поведения». Москва, Россия.

Берилова Елена Игоревна, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, кандидат психологических наук, доцент. Краснодар, Россия.

Бессонов Денис Олегович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Блинова Елена Евгеньевна, заведующая кафедрой прикладной психологии и развития личности Херсонского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор. Херсон, Россия.

Богатеева Любовь Игоревна, аспирант кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Мытищи, Россия.

Бойко Дарья Романовна, студент дефектологического факультета ФГБОУ ВО «Курский государственный университет». Курск, Россия.

Бондаренко Ирина Евгеньевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Бордунос Александра Константиновна, ассистент кафедры организационного поведения и управления персоналом. Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Борисов Никита Иванович, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Борозинец Даниил Владимирович, аспирант ГАОУ ВО МГПУ. Москва, Россия.

Босенко Юлия Михайловна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет физической культуры, спорта и туризма», кандидат психологических наук, доцент. Краснодар, Россия.

Булдакова Екатерина Владимировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Бурякова Дарья Николаевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Буш Евгения Алексеевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Варлахина Инна Юрьевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Васильева Инна Витальевна, заведующая кафедрой общей и социальной психологии ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»; профессор кафедры ФГКУ ДПО «Тюменский

институт повышения квалификации сотрудников МВД России», доктор психологических наук. Тюмень, Россия.

Васильева Ирина Евгеньевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Психология развития и возрастная психология». Москва, Россия.

Верещака Людмила Станиславовна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Верич Наталия Алексеевна, педагог дополнительного образования МБУДО г.о. Горловка «Дом детского творчества», студент биологического факультета ФГБОУ ВО «ДонГУ». Программа магистратуры «Психология в сфере образования». Горловка, Донецкая Народная Республика, Россия.

Витовская Дарья Ивановна, студент НИУ ВШЭ СПб. Магистерская программа «Современный социальный анализ». Санкт-Петербург, Россия.

Волик Анастасия Сергеевна, педагог-психолог Филиала ГБУ Запорожской области «Областной центр психолого-педагогической, медицинской и социальной помощи». Бердянск, Российская Федерация.

Волкова Дарья Сергеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Волкова Елена Николаевна, ведущий научный сотрудник ФГБНУ «Федеральный научный центр психологических и междисциплинарных исследований» Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Волкова Наталья Владимировна, доцент департамента менеджмента НИУ ВШЭ, кандидат психологических наук, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Воропаева Ксения Александровна, студент факультета психологии и педагогики Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Гомель, Республика Беларусь.

Вуколова Мария Романовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Гаврилова Алина Алексеевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Гильфантинова Динара Рифадовна, ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, председатель Ассоциации профессиональных психологов и психотерапевтов. Москва, Россия.

Горелова Дарья Васильевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Гороховская Анна Александровна, аспирант ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Гревцев Иван Артёмович, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Григорьева Светлана Игоревна, доцент ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Гринёва Татьяна Александровна, студент филологического факультета Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Москва, Россия.

Гриценко Валентина Васильевна, профессор кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Гулягина Ульяна Александровна, студент факультета психологии ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Гумницкая Анна Сергеевна, методист ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования». Челябинск, Россия.

Гущина Алина Олеговна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Даниленко Ольга Ивановна, профессор кафедры общей психологии ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», доктор культурологии, доцент. Санкт-Петербург, Россия.

Делибалт Варвара Васильевна, доцент кафедры юридической психологии и права ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Денисенкова Наталия Сергеевна, доцент кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Дергачёва Анастасия Валерьевна, студент ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет», программа магистратуры «Личностное и организационное консультирование». Тюмень, Россия.

Деринг Виктория Витальевна, студент факультета психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный педагогический университет». Программа бакалавриата «Консультативная психология». Новосибирск, Россия.

Дзядович Дарья Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Дмитриева Наталья Юрьевна, учащийся отделения переподготовки ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». Санкт-Петербург, Россия.

Доронина Наталья Николаевна, доцент кафедры возрастной и социальной психологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет», кандидат психологических наук, доцент. Белгород, Россия.

Дядькин Георгий Александрович, помощник проректора по воспитательной и социально-психологической работе, специалист по учебно-методической работе Центра «Студенческий центр Рублево» ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Егорова Александра Сергеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Елистратова Наталья Николаевна, научный сотрудник научно-исследовательской группы Рязанского филиала ФГКОУ ВО «Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя», кандидат педагогических наук, доцент. Рязань, Россия.

Ершова Анастасия Александровна, студент факультета клинической и специальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Ефанова Алёна Сергеевна, студент факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, программа бакалавриата «Психология». Санкт-Петербург, Россия.

Ефанова Ирина Васильевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Москва, Россия.

Женухина Анна Сергеевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Журавлева Кристина Станиславовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Забабурин Денис Романович, аспирант ФГБОУ ВО РАНХиГС. Москва, Россия.

Задорожный Фёдор Викторович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Заерко Мария Романовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Зверовская Яна Павловна, специалист по учебно-методической работе факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, выпускник программы магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Зверовской Павел, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Зиневич Алёна Валентиновна, студентка РУДН. Программа магистратуры «Психологическое консультирование». Москва, Россия.

Иванова Галина Александровна, студент факультета психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Иванченко Яна Ивановна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Ивочкина Анна Игоревна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Ильясова Марьяна Сурупаашаевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Илюшина Марина Ивановна, студент факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Культурно-историческая психология детства». Москва, Россия.

Казанцев Всеволод Александрович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Карасева Екатерина Сергеевна, студент ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Серпухов, Россия.

Кауненко Ирина Ивановна, доцент факультета социальных наук и образования Независимого Международного Университета Молдовы (ULIM), доктор психологии. Кишинёв, Республика Молдова.

Качевская Елена Николаевна, аспирант факультета педагогики, психологии, гостеприимства и спорта ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева». Астрахань, Россия.

Кияшук Тарас Васильевич, доцент кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Кобер Мария Александровна, студент факультета психологии Национального исследовательского Томского государственного университета. Томск, Россия.

Кожухарь Галина Сократовна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Козлова Алина Борисовна, аспирант ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Козлова Анна Эдуардовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Колокольников Вадим Николаевич, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Колтакова Анастасия Олеговна, студент факультета психологии ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет». Белгород, Россия.

Константинова Анастасия Константиновна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Конысбай Толкынай Ержанкызы, PhD докторант кафедры общей и прикладной психологии, факультет философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби (НАО КазНУ им. аль-Фараби), Алматы, Республика Казахстан.

Копытина Валерия Александровна, студент факультета психологии ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Корж Анастасия Игоревна, студент филологического факультета (кафедра психологии и педагогики) Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы. Москва, Россия.

Корнеева Елена Николаевна, доцент кафедры общей и социальной психологии ЯГПУ им. К.Д. Ушинского, кандидат психологических наук. Ярославль, Россия.

Коровайченко Андрей Алексеевич, студент факультета клинической и специальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Королев Максим Николаевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Косинова Дарья Ивановна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Косолапова Анастасия Владимировна, старший преподаватель

НИТУ МИСИС; аспирант ФГБОУ ВО ГУП. Москва, Россия.

Костючик Дарья Андреевна, студент магистратуры факультета психологии Херсонского государственного педагогического университета. Херсон, Россия.

Косыбаева Галия Айтбаевна, студент магистратуры кафедры общей и прикладной психологии факультета философии и политологии Казахского национального университета им. аль-Фараби. Алматы, Республика Казахстан.

Кочарян Кайля Вардгесовна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Кочетков Дмитрий Михайлович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Кочетков Никита Владимирович, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Красило Дарья Александровна, доцент кафедры «Возрастная психология имени профессора Л.Ф. Обуховой» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Краснова Светлана Николаевна, студент кафедры ЮНЕСКО «Культурно-историческая психология детства» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Культурно-историческая психология и деятельностный подход в образовании». Москва, Россия.

Крушельницкая Ольга Борисовна, заведующая кафедрой теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Крюкова Татьяна Леонидовна, профессор Костромского государственного университета, доктор психологических наук. Кострома, Россия.

Кудрявцева Екатерина Анатольевна, аспирант и ассистент кафедры общей и социальной психологии Костромского государственного университета. Кострома, Россия.

Кудряшов Дмитрий Павлович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Кузнецов Игорь Михайлович, ведущий научный сотрудник Института Социологии ФНИСЦ РАН, кандидат социологических наук. Москва, Россия.

Кузьмина Мария Александровна, студент Московского психолого-социального университета. Москва, Россия.

Кузьмичев Антон Валерьевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Кулакова Анна Борисовна, педагог-психолог СЗИ МГЮА, студент ЯГПУ им. К.Д. Ушинского. Программа магистратуры «Психологическое консультирование в кризисных ситуациях». Вологда, Россия.

Курбонова Алёна Денисовна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Куцазли Мария Ивановна, старший преподаватель кафедры психологии и педагогики филологического факультета, РУДН им. П. Лумумбы, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Латыпова Диана Наильевна, выпускник факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Психология развития и возрастная психология». Москва, Россия.

Левина Анастасия Витальевна, студент магистратуры Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Левина Анна Вадимовна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Линников Александр Алексеевич, студент факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология развития». Москва, Россия.

Литвинова Анна Викторовна, доцент кафедры научных основ экстремальной психологии факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Литвищенко Роберт Юрьевич, аспирант НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа». Москва, Россия.

Литвякова Наталья Николаевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Московская область, г. Раменское, Россия.

Лобанова Анна Вячеславовна, доцент кафедры «Педагогическая психология имени профессора В.А. Гуружапова» факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Логвинова Маргарита Игоревна, старший преподаватель кафедры психологии ФГБОУ ВО «Курский государственный университет», кандидат психологических наук, Курск, Россия.

Логинова Елена Михайловна, педагог-психолог МБОУ СОШ №71 г. Ижевска; студент магистратуры факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Ижевск, Россия.

Лыу Зыонг Дык Фук, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Куанг Нгай, Вьетнам.

Майсак Надежда Васильевна, доцент кафедры психологии ФГБОУ ВО «Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева», кандидат психологических наук, доцент. Астрахань, Россия.

Малахов Игорь Витальевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Малахова Алена Валерьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Малахова Екатерина Сергеевна, методист института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ), Москва, Россия.

Малицкая Виктория Евгеньевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Мамарасулова Кумушхон Улугбековна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Марарица Лариса Валерьевна, заведующая Лабораторией доказательной психологии здоровья и благополучия НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге, к.психол.н. Санкт-Петербург, Россия.

Маринова Татьяна Юрьевна, профессор кафедры теоретических основ социальной психологии, декан факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат биологических наук, доцент. Москва, Россия.

Маркелова Татьяна Владимировна, заведующая кафедрой возрастной и клинической психологии ННГУ им. Лобачевского, доктор психологических наук, профессор. Нижний Новгород, Россия.

Маркина Нина Витальевна, доцент кафедры управления, экономики и права ГБУ ДПО «Челябинский институт развития образования», кандидат психологических наук, доцент. Челябинск, Россия.

Мартынова Вера Михайловна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Марьин Константин Алексеевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Матвеева Светлана Владимировна, доцент кафедры педагогики и психологии ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал), кандидат психологических наук, доцент. Балашов, Россия.

Матюхина Елизавета Сергеевна, педагог-психолог ГБОУ «Школа №1797». Москва, Россия.

Маштакова Светлана Васильевна, студент факультета филологии и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи». Программа магистратуры «Практическая психология». Мариуполь, Россия.

Медникова Мария Владимировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Мельникова Ольга Николаевна, старший преподаватель кафедры психологии Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины. Гомель, Республика Беларусь.

Мешикова Наталья Владимировна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Минаева Дарья Валерьевна, выпускник магистратуры Института психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», магистр психологии. Москва, Россия.

Миронова Оксана Ивановна, профессор кафедры психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации; профессор департамента психологии НИУ «Высшая школа экономики», доктор психологических наук. Москва, Россия

Мирошниченко Екатерина Дмитриевна, студент НИУ ВШЭ СПб. Программа магистратуры «Современный социальный анализ». Санкт-Петербург, Россия.

Митрухина Светлана Владимировна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург, Россия.

Михайлов Адам Эдуардович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Михайлова Кристина Николаевна, выпускник факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Психология развития и возрастная психология». Москва, Россия.

Михайлова Ольга Борисовна, доцент кафедры психологии и педагогики Российского университета дружбы народов им. П. Лумумбы, кандидат педагогических наук, доцент. Москва, Россия.

Можсаева Мария Владимировна, эколог, независимый исследователь. Москва, Россия.

Морозов Александр Владимирович, профессор кафедры кадровой политики и психологии управления Академии управления при Президенте Республики Беларусь, доктор филологических наук, профессор. Минск. Республика Беларусь.

Мурзина Татьяна Витальевна, студент факультета «Психология образования» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры

«Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Мурзина Юлия Сергеевна, доцент кафедры общей и социальной психологии Тюменского государственного университета, кандидат психологических наук. Тюмень, Россия.

Муסיнова Сарвиноз Рустам кизи, студент ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы». Москва, Россия.

Мустафина Виолетта Саматовна, доцент кафедры социальной и педагогической психологии ФГБОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Найданова Александра Андреевна, студент факультета клинической и специальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Натурина Дарья Андреевна, студент факультета юридической психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Юридическая психология». Москва, Россия.

Нгуен Тхи Ань Дао, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Куанг Нгай, Вьетнам.

Нестерова Альбина Александровна, профессор кафедры социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Нечаева Ольга Алексеевна, доцент кафедры педагогики, заместитель директора института педагогики Калужского государственного университета им. К.Э. Циолковского, кандидат педагогических наук. Калуга, Россия.

Низовцова Анна Николаевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология Востока». Рабат, Королевство Марокко.

Никитская Мария Геннадьевна, преподаватель кафедры социальной психологии развития ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Николаева Наталия Олеговна, доцент кафедры дифференциальной психологии и психофизиологии факультета клинической и специальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия.

Новикова Ирина Александровна, доцент кафедры психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Орлов Владимир Алексеевич, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Охлопков Антон Евгеньевич, студент психолого-педагогического факультета ФГБОУ ВО СГУ имени Н.Г. Чернышевского, Балашовский институт (филиал). Балашов, Россия.

Павлова Ольга Сергеевна, заведующая кафедрой этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат педагогических наук, доцент. Москва, Россия.

Пак Ванесса Юрьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Паньков Глеб Михайлович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Петроченко Елена Владимировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Петрушихина Елена Борисовна, декан факультета психологии образования Института психологии им. Л.С. Выготского ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Пилишвили Татьяна Сергеевна, доцент кафедры педагогики и психологии РУДН, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Плотникова Ксения Валерьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Поздняков Ярослав Сергеевич, методист института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ), Москва, Россия.

Позняков Владимир Петрович, главный научный сотрудник ФГБУН Институт психологии РАН, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Покровская Екатерина Сергеевна, аспирант ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Помуран Наталья Николаевна, доцент кафедры иностранных языков Новосибирского ордена Жукова военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии, кандидат психологических наук, доцент. Новосибирск, Россия.

Попович Анастасия Анатольевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Пустовик Владимир Андреевич, аспирант департамента психологии НИУ ВШЭ. Москва, Россия.

Распопова Анна Сергеевна, доцент кафедры психологии Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма, кандидат психологических наук. Краснодар. Россия

Расходчикова Марина Николаевна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Ратов Тихон Юрьевич, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Рахманова Алина Юрьевна, студент ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». Москва, Россия.

Рашитова Луиза Камилевна, доцент ФГБОУ ВО НИУ «МЭИ», кандидат социологических наук. Москва, Россия.

Рода Екатерина Геннадьевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Розанов Илья Константинович, аспирант МГТУ-МАСИ. Москва, Россия.

Романов Максим Юрьевич, студент факультета «Психология образования ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Психология развития и возрастная психология». Москва, Россия.

Романовская Екатерина Андреевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Руденко Александр Олегович, студент направления психологии в МФ РГСУ (филиал РГСУ в г. Минске). Минск, Республика Беларусь.

Румянцев Евгений Александрович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Рушина Марина Александровна, доцент кафедры психологии и педагогики ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Рынгач Елена Владимировна, старший преподаватель, старший научный сотрудник ФГБОУ ВО «Мариупольский государственный университет имени А.И. Куинджи». Мариуполь, Россия.

Савенкова Юлия Юрьевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Савостьянов Иван Васильевич, студент ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы. Уфа, Россия.

Сагин Георгий Алексеевич, студент Института педагогики и психологии ФГБОУ ВО МПГУ. Программа магистратуры «Когнитивная психология в социальных практиках». Москва, Россия.

Самигуллин Ринат Рафилевич, старший преподаватель ФГБОУ ВО БГПУ им. М. Акмуллы. Уфа, Россия.

Самородов Николай Владимирович, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Психология интернета». Москва, Россия.

Сахыбаева Айгуль Темиргалиевна, PhD докторант кафедры общей и прикладной психологии факультета философии и политологии Казахского национального университета имени аль-Фараби (НАО КазНУ им. аль-Фараби). Алматы, Республика Казахстан.

Сачкова Марианна Евгеньевна, профессор кафедры общей психологии ИОН ФГБОУ ВО РАНХиГС, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Светлова Александрина Антоновна, старший методист института развития профильного обучения ГАОУ ВО МГПУ (ИРПО ГАОУ ВО МГПУ), кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Семенова Лидия Эдуардовна, профессор ННГУ им. Н.И. Лобачевского, доктор психологических наук. Нижний Новгород, Россия.

Серажетдинова Самира Дамировна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Серебрякова Юлия Владимировна, ведущий специалист ГАОУ ВО МГПУ. Москва, Россия.

Сидячева Наталья Владимировна, заведующая кафедрой социальной и педагогической психологии ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Сластина Виктория Байрамовна, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Тула, Россия.

Слюсаренко Андрей Максимович, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Смольянова Лариса Александровна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Солнцев Иван Андреевич, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Степанова Анастасия Вадимовна, студент факультета экстремальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Экстренная помощь детям и родителям в системе образования». Москва, Россия.

Суннатова Рано Иззатовна, профессор ГАОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Суркова Полина Александровна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Суслина Мария Сергеевна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Тарулина Наталья Владимировна, ведущий аналитик Федерального координационного ресурсного центра по психологической и социокультурной адаптации несовершеннолетних иностранных граждан ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Темирханова Ольга Викторовна, студент НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа». Программа магистратуры «Клинико-психологическое консультирование с основами психотерапии». Москва, Россия.

Терехова Елена Сергеевна, аспирант кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Титова Ольга Ивановна, доцент СибЮИ МВД России, КГПУ им. В.П. Астафьева, кандидат психологических наук, доцент. Красноярск, Россия.

Титовец Татьяна Евгеньевна, доцент кафедры общей и дошкольной педагогики Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, кандидат педагогических наук, доцент. Минск, Республика Беларусь.

Тихонова Софья Сергеевна, студент факультета клинической и специальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Москва, Россия.

Тишкова Альбина Сергеевна, доцент кафедры практической и специальной психологии ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный

педагогический университет», кандидат психологических наук, доцент. Новосибирск, Россия.

Ткаченко Наталья Владимировна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Толстых Наталия Николаевна, заведующая кафедрой «Социальная психология развития», главный редактор журнала «Социальная психология и общество» ФГБОУ ВО МГППУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Троицкая Елена Авенировна, доцент кафедры психологии и педагогической антропологии Института гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет», кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Трофимова Алена Геннадьевна, студент факультета психологии образования ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая психология в социальной сфере и образовании». Москва, Россия.

Трушкова Светлана Викторовна, профессор НОУ ВО «Московский социально-педагогический институт», кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Уварова Анастасия Дмитриевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Современная социальная психология». Москва, Россия.

Узойкина Алёна Ильинична, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Филенко Игорь Александрович, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат психологических наук. Томск, Россия.

Фищук Юлия Сергеевна, доцент кафедры психологии и конфликтологии в МФ РГСУ (филиал РГСУ в г. Минске), кандидат филологических наук. Республика Беларусь.

Фоке-Алехин Филипп (Fauquet-Alekhine Philippe), сотрудник Лаборатории субъективной доказательной этнографии психологических и поведенческих наук (SEBE-Lab), Лаборатории исследований в области энергетики (Франция), кафедры психологических и поведенческих наук Лондонской школы экономики. Лондон, Великобритания.

Хаймовская Наталия Ароновна, доцент кафедры теоретических основ социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук, доцент. Москва, Россия.

Харченко Максим Андреевич, заведующий кафедрой психологии управления факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат физико-математических наук, доцент. Москва, Россия.

Хорозова Лариса Фёдоровна, доцент Комратского государственного университета, доктор психологии. Комрат, Республика Молдова.

Храмцова Людмила Михайловна, аспирант, стажер-исследователь научно-учебной лаборатории когнитивных исследований НИУ ВШЭ. Москва, Россия.

Цигеман-Горенко Элина Сергеевна, младший научный сотрудник лаборатории социальной и когнитивной информатики НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. Санкт-Петербург, Россия.

Цыплакова Елизавета Александровна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Чайка Дарья Михайловна, студент факультета «Социальная психология» ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социально-психологическое консультирование». Москва, Россия.

Чеботарева Елизавета Николаевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Чеслин Ярослав Геннадьевич, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Чибисова Марина Юрьевна, доцент кафедры социальной педагогики и психологии, ФГБОУ ВО МПГУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Чикер Вера Александровна, доцент кафедры социальной психологии СПбГУ, кандидат психологических наук. Санкт-Петербург, Россия.

Чуланова Ангелина Вадимовна, ассистент кафедры логопедии, олигофренопедагогики и основ специального образования ФГБОУ ВО «Курский государственный университет». Курск, Россия.

Шейнов Виктор Павлович, профессор кафедры психологии Республиканского института высшей школы, доктор социологических наук. Минск, Республика Беларусь.

Шелонина Любовь Александровна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Практическая этнопсихология». Москва, Россия.

Ширков Юрий Эдуардович, старший научный сотрудник кафедры социальной психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук. Москва, Россия

Шнейдер Лидия Бернгардовна, профессор кафедры психологической антропологии Института детства ФГБОУ ВО МПГУ, доктор психологических наук, профессор. Москва, Россия.

Шорохова Валерия Альбертовна, доцент кафедры этнопсихологии и психологических проблем поликультурного образования ФГБОУ ВО МГППУ, кандидат психологических наук. Москва, Россия.

Штрикова Дарья Борисовна, доцент Самарского государственного технического университета, кандидат экономических наук, доцент. Самара, Россия.

Шульга Татьяна Ивановна, профессор ФГАОУ ВО «Государственный университет просвещения». и ОАНО ВО «МПСУ», доктор психологических наук. Москва, Россия.

Шупак Анастасия, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Социальная психология». Москва, Россия.

Щедрина Татьяна Васильевна, старший преподаватель ГОУ «Минский областной институт развития образования». Минск, Республика Беларусь.

Эрикайкина Диана Александровна, студент филологического факультета РУДН им. П. Лумумбы, направление «Психология». Москва, Россия.

Юденко Вероника Александровна, студент факультета социально-педагогических технологий УО «Белорусский государственный университет имени Максима Танка». Минск, Республика Беларусь.

Юшина Ника Вячеславовна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Язубова Алёна Алексеевна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа магистратуры «Современные технологии в психологической практике». Москва, Россия.

Яковлева Дарья Владимировна, студент факультета социальной психологии ФГБОУ ВО МГППУ. Программа бакалавриата «Психология и педагогика творчества». Москва, Россия.

Яновская Лариса Владимировна, доцент кафедры клинической психологии, ФГБОУ ВО «ДонГУ», кандидат психологических наук, доцент. Донецк, Донецкая Народная Республика, Россия.

Ярмолюк Роман Романович, аспирант кафедры общей и социальной психологии ФГАОУ ВО «Тюменский Государственный Университет», Тюмень, Россия.

Социальная психология: вопросы теории и практики.
Материалы X Международной научно-практической
конференции памяти М.Ю. Кондратьева
«Социальная психология: вопросы теории и практики»
(14–15 мая 2025 г.)

Электронное издание. Печать по необходимости

Московский государственный психолого-педагогический университет
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29; тел.: (495) 632-90-77; факс: (495) 632-92-52